

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Александръ

АѦОНСКІЙ ПАТЕРИКЪ

ИЛИ

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ СВЯТЫХЪ,
НА СВЯТОЙ АѦОНСКОЙ ГОРЪ ПРОСІЯВШИХЪ.

Гора Божія, гора тучная, гора усуренная, гора тучная.
Векую нещуете горы усуренныя? Гора, юже благоволи
Богъ жити въ ней, ибо Господь вселится до конца.

Псалъ 67, 16. 17.

Часть I-я.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ,

Изданіемъ Русскаго Пантелеимонова монастыря на АѦонѣ.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собствен. домъ.
1897.

КАТАЛОГЪ КНИГЪ,

изданныхъ Афонскимъ Русскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ.

Евангельская история о Богѣ Сынѣ, — воплотившемся нашего ради спасенія, въ послѣдовательномъ порядкѣ изложенная словами св. Евангелистовъ. Соч. *Епископа Теофана*. Москва. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 руб.

Связанія о земной жизни Пресвятой Богородицы, съ изложеніемъ ученія Церкви, прообразованной и пророчествъ, относящихся къ Ней, и чудесъ Ея, на основаніи Священнаго Писанія, свидѣтельствъ св. отцевъ и церковныхъ преданій. Съ 46 рисунками и 26 политипажамъ. *Изданіе шестое, исправленное и дополненное*. Въ ней, между прочимъ, въ первый разъ появляется „*Церковно-славянская и русская литература о Божіей Матери*“, или указаніе того, что писано о Ней на славянскомъ и русскомъ языкѣ. Въ книгѣ болѣе 350 страницъ большаго формата. Москва. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Избранныя слова св. отцевъ въ честь и славу Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ подобія чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Одигитри (Путеводительницы). Изданіе 4-е. Москва. 1896 г. Цѣна 50 к., съ пересылкой 70 коп.

Бесѣды и нравоученія во славу Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы. Заимствованы изъ книги „Руно орошенное“, составленной при св. Димитріемъ Ростовскимъ. Съ литограф. изображеніемъ сего святаго. Изданіе 2-е. Москва. 1884 г. Цѣна 50 к., съ пересылкой 70 к.

Слава Богоматери. I. Ученіе о благодатномъ совершенствѣ и добродѣтеляхъ Богоматери. II. О подражаніи добродѣтелямъ Богоматери, о благоговѣнномъ почитаніи и прославленіи Ея. По изъясненію Филарета митрополита Московскаго, въ проповѣдяхъ его. Собралъ Порфирій Кременецкій. Москва. 1838 г. Цѣна 40 коп., съ пересылкой 50 к. (Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ допущено къ употребленію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. См. Церковный Вѣстникъ. 1886 г. № 8-й).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Теофана. *Томъ первый* (600 стр.). Изданіе 3-е. Москва. 1895 года. Цѣна 3 руб. 20 коп., съ пересылкой 3 р. 70 к. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Антонія Великаго, Макарія Великаго, аввы Исаии отшельника, Марка подвижника и аввы Евагрія).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Теофана. *Томъ второй* (около 800 стр.). Изданіе 2-е. Москва. 1895 года. Цѣна 3 руб. 50 коп., съ пересылкой 4 р. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Иоанна Кассіана Римлянина, Исихія пресвитера Іерусалимскаго, Нилы Синайскаго, Ефрема Сиріаннина, Иоанна Лѣствичника, Варсануфія и Иоанна, аввы Дородея и Исаака Сиріаннина).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Теофана. *Томъ третий* (488 стр.). Изданіе 1-е. Москва. 1889 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Діодоха, Иоанна Карпаискаго, аввы Зосимы, Максима исповѣдника, Фалассія, Θεодора, Θεогноста, Филоея Синайскаго, Иліи пресвитера, сказаніе объ аввѣ Филимонѣ).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Теофана. *Томъ четвертый* (около 690 стран.). Изданіе 1-е. Москва. 1889 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р. (Томъ сей составляетъ извлеченія изъ всѣхъ извѣстныхъ теперь, и въ печати и въ рукописяхъ, поученій Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Θεодора Студита. Книга эта, по словамъ пресвященнаго переводчика, для монастырскихъ братій неоцѣненная, но и для мрянъ найдется въ ней не мало полезнаго. См. предисловіе къ сему тому).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Теофана. *Томъ пятый* (528 стр.). Изданіе 1-е. Москва. 1889 г. Цѣна 2 р. 75 к., съ пересылкой 3 р. 25 к. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: св. Симеона новаго Богослова, старца Симеона благоговѣйнаго, Никиты Стифата, Θεоплпта Митрополита Филадельфійскаго, Григорія Сиванта, Никифора уединенника, Григорія Паламы, Каллиста Патріарха и сподвижника его Игнатія Ксантопуловъ, Каллиста Тиликуды, Симеона Арх. Солунскаго и друг.).

Псалтырь, или Богомысленныя размышленія св. Ефрема Сиріаннина. Съ изображеніемъ его, въ 32 долю листа; изданіе 6-е. Москва. 1894 г. Цѣна 50 к., съ пересылкой 70 к.

Писанія св. Антонія Великаго. М. 1883 г.; цѣна 60 к., съ перес. 80 к.

Писанія преподобнаго аввы Исаи Отшельника. Переводъ съ греческаго. Москва. 1883 г.; цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

Писанія преподобнаго отца Иоанна Кассіана Римлянина. Переводъ съ латинскаго Епископа Петра. (Большой томъ, около 700 стран.). Изд. 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова. Переводъ Епископа Теофана съ ново-греческаго языка, выпускъ первый. М. 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Преподобнаго отца нашего Исихія, пресвитера Іерусалимскаго, поученіе душеполезное и спасительное о трезвеніи и молитвѣ, заключающее въ себѣ 202 главы. Изданіе 6-е. Москва. 1890 г. Цѣна 12 коп., съ пересылкой 16 коп.

Преподобный и Богоносный отецъ нашъ Нилъ, подвижникъ Сорскій, и уставъ

Афонъ, 1897

АФОНСКІЙ ПАТЕРИКЪ

ИЛИ

**ЖИЗНЕОПИСАНІЕ СВЯТЫХЪ,
НА СВЯТОЙ АФОНСКОЙ ГОРѢ ПРОСІЯВШИХЪ.**

Гора Божія, гора тучная, гора усуренная, гора тучная.
Всюю испущете горы усуренныя? Гора, юже благоволи Богъ
жити въ ней, ибо Господь вселится до конца.

Исаа. 67, 16. 17.

Часть I-я.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ,

Изданіемъ Русскаго Пантелеимонова монастыря на Афонѣ.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собств. домъ.

1897.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 16 сентября, 1896 года.

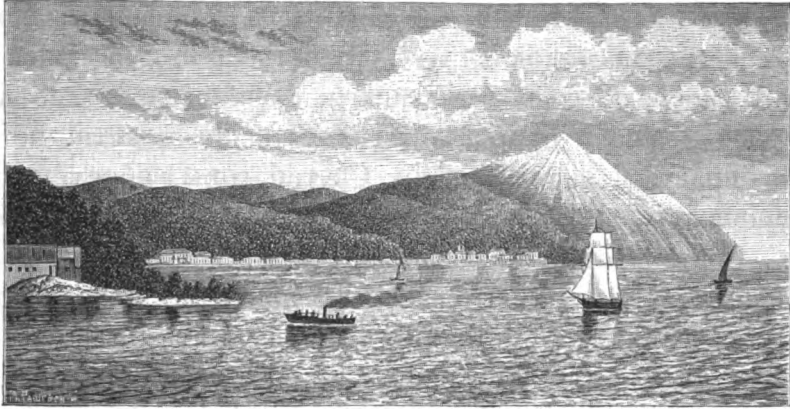
Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій.*

PX 375

A9

1.97

v. 1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всему христіанскому міру извѣстно, что святая Аѳонская гора находится подъ особеннымъ покровительствомъ Пресвятыя Госпожи Дѣвы Богородицы, и что сіе мѣсто наречено Ея жребіемъ, какъ жребій Евангельскаго Ея слова. Истину эту всегда признавали православные; но ее признають не только православные, но и иновѣрные и даже невѣрные. И безчисленные опыты доказывали и доказываютъ Богоматернюю любовь и вѣжнѣный промысль о посвятившихъ себя на Аѳонѣ трудамъ подвижнической жизни. Всѣ также знаютъ, что, по державной Ея волѣ, это мѣсто остается и останется, какъ говорятъ мѣстные преданія, до скончанія міра исключительнымъ жребіемъ мужескаго иночества. Съ давнихъ временъ Аѳонъ, и по законамъ царей земныхъ, державствовавшихъ въ православной Греціи до ея паденія, обреченъ исключительно пребыванію на немъ отшельниковъ *). Даже и послѣ разгрома Востока отъ нечестивыхъ сыновъ Агари, Святая гора грозными ихъ повелителями оставлена въ прежнихъ ея правахъ **). И съ тѣхъ поръ даже донинѣ, во всѣ дни пребыванія Востока подъ сокрушительнымъ игомъ магометанства, она остается собственностью иночества, и

*) Указат. яковъ св. горы Аѳонской, стат. 4, 1. 4.

***) Смотри «Письма Святогорца о святой Аѳонской горѣ, ч. 1, письмо 5, и «Очеркъ путешествія по европейской Турціи» Григоровича, стр. 92, Каз. 1848.

интересующихся исторіей Святой горы, далеко не были удовлетворены этимъ *окончаніемъ* *). Вѣроятно и годы и здоровье покойнаго трудолюбиваго автора, а можетъ быть даже и недостатокъ матеріаловъ, не позволили должнымъ образомъ разработать предположенную имъ себѣ и, надо сказать, благодарную тему. Такъ что и опять Аѳону приходится ждать еще своей исторіи. А напечатанная Еп. Порфириемъ, „аѳонская энциклопедія,“ — какъ называютъ нѣкоторые ученые сочиненія Еп. Порфирія объ Аѳонѣ,— будетъ служить подготовительной работой, сборникомъ матеріаловъ.

Не имѣя о себѣ вполне удовлетворительной исторіи, Аѳонъ не имѣетъ и собранія жизнеописаній, въ которыхъ изображалось бы житіе просіявшихъ въ немъ святыхъ отцевъ, по крайней мѣрѣ болѣе извѣстныхъ **); по сую пору никто еще не занялся этимъ дѣломъ и не потрудился составить патерикъ, подобный нашему печерскому. Изъ нашихъ соотечественниковъ брался-было за это дѣло покойный святогорецъ, но предпріятіе его сошло съ нимъ въ могилу. Впрочемъ, обѣщанія его относительно аѳонскаго патерика отчасти оправдались и самымъ дѣломъ: изъ представляемыхъ теперь нами читающей публикѣ житій, нѣкоторыя принадлежатъ дѣйствительно его перу. Хотя эти труды оставлены намъ безъ окончательной отдѣлки, однако мысль и начало всякаго дѣла цѣнится высоко. Мало того, что на Святой горѣ нѣтъ собранія этихъ сельныхъ кривовъ, въ разныя времена процвѣтавшихъ на пустынныхъ высотахъ заоблачнаго Аѳона, а теперь благоухающихъ въ обителяхъ Отца небеснаго, Святая гора скудна и историческими о нихъ записками. Даже и въ безцѣнныхъ для

*) См. обстоятельную рецензію на этотъ посмертный трудъ Еп. Порфирія, помещенную опытнымъ византинистомъ А. А. Дмитриевскимъ въ «Византійскомъ Временникѣ», т. I. 413—429. Спб. 1894 г.

**) Можемъ указать съ благодарностью на не давно изданныя по древнимъ рукописямъ московской синодальной библіотеки, въ подлинномъ изложеніи, профес. И. В. Помяловскимъ житія свв.—*Григорія Синаита*, Спб. 1894 г. и *Аѳанасія Аѳонскаго*, Спб. 1895 г.

Церкви mineяхъ святителя ростовскаго, святаго Димитрія, мы видимъ только трехъ насельниковъ Аѳона: св. Аѳанасія, Петра и столь славно и полезно потрудившагося для Церкви, знаменитаго Паламу. Поэтому много нужно было трудовъ, чтобы собрать и эти скудныя крохи изъ обильнаго святогорскаго аскетическаго вертограда. Гдѣ будемъ искать причины такого важнаго недостатка? Ее можно, кажется, полагать частію въ простотѣ первоначальныхъ насельниковъ-инокъ Святой горы, не обращающихъ вниманія на важность и цѣну памяти о своихъ отцахъ-подвижникахъ для послѣдующихъ родовъ, и потому сохранявшихъ оную болѣе въ устныхъ преданіяхъ, нежели въ запискахъ; частію — въ особенномъ смиреніи здѣшнихъ святыхъ подвижниковъ, которые, какъ и всѣ ставшіе на истинную стезю подвижничества, не желали и не желаютъ быть славимыми отъ людей (см. житіе Нила Муроточиваго); частію — въ неоднократномъ разореніи Святой горы набѣгами варваровъ и латиновъ, когда бібліотеки монастырей доходили до такой растраты, что рукописи и книги были разбираемы не томами, а выносились цѣлыми кипами *). Миръ и спокойствіе, или перевороты державъ много значатъ не только для политическаго значенія народовъ, но и для быта иноческаго; поэтому судьбы Аѳона всегда болѣе или менѣе соединены были съ судьбами Востока, и особенно Константинополя. Есть много и другихъ причинъ такого важнаго упущенія. Но намъ извѣстно, что Аѳонъ, съ его аскетами, всегда милъ и дорогъ всякому русскому сердцу. Поэтому, желая познакомить своихъ соотечественниковъ съ прославленными святою Церковію подвижниками Аѳона, мы рѣшились сообщить имъ нѣсколько сихъ криновъ изъ небеснаго сада, могущихъ благотворно облагодѣховать ихъ. Говоримъ: нѣсколько, — ибо всѣ ли жизнеописанія святыхъ

*) Смотри «Письма съ Востока въ 1849—50 годахъ», ч. 1, стр. 213. Утраты книгъ и рукописей отъ стороннихъ для Аѳона причинъ г. Григоровичъ не принимаетъ. См. его «Очеркъ путешествія по европейской Турціи», стр. 96; но на стр. 94—8 онъ говоритъ нѣсколько иначе.

подвижниковъ Аѳона помѣстили мы въ своемъ патерикѣ, за то хорошо не ручаемся. Патерикъ сей, въ первыхъ его изданіяхъ, мы излагали въ хронологическомъ порядкѣ, по вѣкамъ отъ Р. Х. И, такъ какъ печальная для Церкви эпоха взятія Константинополя агарянами сама собою раздѣляетъ весь соборъ описанныхъ нами святыхъ на два, рѣзко различающихся періода, (что можно сказать не только объ аѳонскихъ, но и о всѣхъ святыхъ Церкви восточной); изъ которыхъ первый періодъ можно и должно назвать преподобническимъ, а второй — мученическимъ, то это давало намъ поводъ раздѣлить свой патерикъ на двѣ части, сообразно съ указанными періодами. Теперь однако, желая дать книгу болѣе удобную для постояннаго чтенія, мы рѣшились распределить памяти святыхъ не по вѣкамъ, а по днямъ и мѣсяцамъ на цѣлый годъ. А въ концѣ книги, для любителей исторіи мы прилагаемъ „хронологическій указатель,“ и азбучный (алфавитный) списокъ именъ святыхъ нашего патерика. Касательно же памяти святыхъ, на Аѳонской горѣ просіявшихъ, надобно замѣтить, что, кромѣ дней, помѣчаемыхъ нами, или, что то же, празднуемыхъ всею православною Церковію, всѣ аѳонскіе преподобные прославляются Святою горою еще въ 1-ю недѣлю по недѣлѣ всѣхъ святыхъ; во 2-ю же по ней Аѳонская гора празднуетъ всѣмъ новымъ мученикамъ. Святыхъ, на Аѳонѣ просіявшихъ, есть у насъ отдѣльная служба, составленная блаженной памяти Никодимомъ и отпечатанная въ Ермополѣ (въ 1847 году, и потомъ въ Аѳинахъ, въ 1869 г.). Служба эта переведена и на славянскій языкъ и отпечатана въ Будинѣ (въ 1810 г., а потомъ въ Царь-градѣ, въ 1862 г.). Есть также отдѣльная служба и святымъ новомученикамъ. И эта служба составлена тѣмъ же Никодимомъ святогорцемъ и помѣщена въ изданой имъ книгѣ: „*Néon Martυρολόγιον*“, или „Новое собраніе повѣствованій о мученикахъ“ (издана въ Венеціи, въ 1799 г., потомъ въ Аѳинахъ, въ 1856 г., см. стр. 219 — 270).

Службы эти находятся на Востокѣ въ обще-церковномъ употребленіи, равно какъ и житія, помѣщенные въ нашемъ патерикѣ. Почти всѣ они официально одобрены Вселенскою Константинопольскою Церковью. Въ „Собраніе синаксарей,“ или краткихъ житій святыхъ (*Συναξαριστής. Βενετία. 1819 г.*), переведенное на новогреческій языкъ, исправленное и дополненное упомянутымъ уже нами святогорцемъ Никодимомъ, включены имена всѣхъ бывшихъ извѣстными ему новыхъ учениковъ. Въ минеяхъ греческихъ, изданныхъ въ 1842—43 гг. въ Константинополѣ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія особою Коммиссіею и по благословенію святѣйшаго патріарха Германа и его синода, также поставлены имена сихъ мучениковъ на ряду съ именами древнихъ подвижниковъ вѣры и благочестія *).

Нѣтъ сомнѣнія, что собранія эти не обнимаютъ сказанія о всѣхъ, запечатлѣвшихъ кровію истину своей вѣры въ сіи тяжкія для восточной Церкви времена ига агарянскаго, но и тѣхъ сказаній, какія сохранила благочестивая ревность боголюбивыхъ мужей, достаточно для того, чтобы свидѣтельствовать о крѣпости и силѣ благодатной жизни въ Церкви, столько вѣковъ томящейся подъ игомъ иновѣрнымъ и всегда представляющей новыхъ поборниковъ вѣры, готовыхъ стоять за нее до крове. Общеніе Церкви россійской съ Церквями Востока, составляющими вкупѣ съ нею единую, святую, соборную, Апостольскую Церковь дѣлаетъ и насъ причастниками славы мученичества, которою украшаются собратія наши на Востокѣ.

Святая Афонская гора, Русскій монастырь,
1896 года, іюля 5.

*) Въ честь всѣхъ преподобныхъ афонскихъ, въ русскомъ монастырѣ сооруженъ благогѣпный храмъ, при больничномъ корпусѣ.

Богъ прославляемъ въ советъ святыхъ (Псал. 88, 8).

Соберите Ему преподобныя Его (Псал. 49, 5).

Господи, аще не быхомъ святыхъ Твоя имѣли молитвенники, и благостыню Твою милующую насъ, како смѣли быхомъ, Спасе, пѣти Тя, Егже славословятъ непрестанно Ангели? Сердцевѣдче, пощади души наша (Октоихъ, гласъ 6, вторн. утра, на стиховнѣ стихиры, и Октоихъ гласъ 6, суббота утра, на хвалит. стихиры).

Восхвалимъ убо мужи славны, и отцы въ бытіи. Многу славу возда Господъ въ нихъ величіемъ Своимъ отъ вѣка. Господствующе въ царствіихъ своихъ, и мужи имениты силою, советующе разумомъ своимъ, пророчавшии во пророчествахъ; старѣйшины людей въ советахъ и въ разумъ писанія людей; премудрая словеса въ наказаніи ихъ, ищуще гласа мусикійска, и повѣдающе повѣсти въ писаніяхъ; премудрость ихъ повѣдѣтъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть Церковь (Премудр. Сирах. 44, 1—5. 14).

Я Н В А Р Я 4.

Житіе и страданіе святаго новаго преподобно-мученика

О Н У Ф Р І Я *).

Ѣто родины святаго новаго преподобномученика Онуфрія было селеніе Габрово, Терновской епархіи. Онъ происходилъ отъ богатыхъ христіанскихъ родителей болгаръ и во св. крещеніи названъ былъ Матѳеемъ. Когда Матѳей достигъ возраста способнаго разумѣть книжное ученіе, тогда родители отдали его въ училище, гдѣ онъ проходилъ ученіе съ большимъ успѣхомъ. Въ это время однажды онъ въ чемъ то провинился, за что и былъ наказанъ своими родителями, но однако это внушительное родительское наказаніе, породило въ его юномъ умѣ мысль о мести, которая по дѣйству вражескому, клонилась къ собственной его гибели. Питая гнѣвъ на своихъ родителей за наказаніе, онъ выразился предъ находившимися

*) Съ рукописи снята св. Предтечи.

тамъ турками, что желаетъ принять магометанскую вѣру. Это дѣтское намѣреніе легко могло бы осуществиться, если бы не успѣли родители исхитить его изъ рукъ служителей Магомета. Видно однако, что любовь Небеснаго Отца, за вѣру и благочестіе родителей, не оставила отрока, изъясвившаго по своему неразумію желаніе отречься отъ христіанскія вѣры. Ибо когда Матѳеѣй пришелъ въ совершенный возрастъ, и сталъ понимать предметы самостоятельно, то тогда же удалился на святую Аѳонскую гору и поступилъ въ братство Хиландарскаго монастыря. Здѣсь векорѣ онъ принялъ на себя иноческій образъ съ именемъ Манассіи и проходилъ духовные подвиги со вниманіемъ и ревностію. Спустя нѣсколько времени онъ, за свою добродѣтельную и подвижническую жизнь, рукоположенъ былъ во іеродіакона *). Въ семъ священномъ санѣ, Манассія прилагалъ труды къ трудамъ, ревнуя въ добродѣтеляхъ подвижникамъ Христовымъ, и такимъ образомъ приходилъ отъ силы въ силу. Но опытъ и писанія св. Отцевъ свидѣтельствуютъ, что на сколько чловѣкъ преуспѣваетъ въ добродѣтели, на столько же украшается смиреніемъ, такъ что тогда даже и малѣйшіе грѣхи кажутся ему великими, и онъ сердечно сокрушается о нихъ, принося покаяніе. Такъ точно и Манассія: преуспѣвая въ добродѣтели и разсматривая всю свою прошедшую жизнь, онъ съ ужасомъ увидѣлъ свое паденіе, т.-е. отреченіе отъ Христа, бывшее еще въ отрочествѣ, которое съ этого времени какъ бы нѣкимъ тайнымъ обличителемъ постоянно носилось въ его умѣ. Кромѣ того и

*) Можетъ быть онъ не исповѣдалъ духовнику о своемъ бывшемъ отреченіи отъ Христа, или духовникъ не счелъ оное препятствіемъ къ принятію діаконскаго сана. Но по 10-му правилу 1-го Вселенскаго собора не могутъ быть удостоиваемы священнослужительскаго сана отречшіеся христіанскія вѣры и приносяшіе жертву идоламъ. См. изъясненіе сего правила на 305 стр. Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія, архим. Іоанна. Т. 1. Спб. 1851 г.

сердце его не имѣло покоя вслѣдствіе вычитанныхъ имъ словъ, сказанныхъ Спасителемъ въ Божественномъ Евангеліи: „всякъ, иже исповѣсть Мя предъ человеки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ: а иже отвержется Мене предъ человеки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ“ (Мѡ. 10, 32—33). Имѣя въ умѣ постоянно сіи священныя слова, Манассія скорбѣлъ, вся душа его была объята страхомъ. А что, думалъ онъ, если я не принесу достойныхъ плодовъ покаянія за свое отреченіе, и въ день великаго суда Христосъ, Котораго я отвергся предъ людьми, отвержется меня предъ Отцемъ Небеснымъ? Сердце его не было покойно, въ немъ не царилъ тотъ радостный миръ, который въ подкрѣпленіе и утѣшеніе посылается подвижникамъ отъ всещедрого Бога, а потому совершаемые имъ подвиги казались ему весьма недостаточными для того, чтобы очистить себя отъ глубокаго, какъ ему казалось, паденія и умилоствитъ Бога; при этомъ въ умѣ его носилось, что примирить свое сердце съ небеснымъ Творцемъ возможно только чрезъ исповѣданіе Его предъ невѣрными. Поэтому онъ рѣшился, за свое отреченіе отъ Христа, исповѣдать Его предъ турками, проливши за Него кровь въ мученическихъ страданіяхъ, очистить свое паденіе, и этимъ путемъ примириться съ Богомъ. Это святое и притомъ трудное намѣреніе день и ночь не оставляло его; однако не довѣряя себѣ, онъ съ сердечною и смиренною молитвою просилъ Бога открыть ему, есть ли на то воля Его, угодная и совершенная, какъ о семъ говоритъ св. Апостоль Павелъ (Римл. 12, 2). И, если желаніе его угодно Ему, то тогда бы только утвердилъ его мысль непоколебимою, и укрѣпилъ бы его Своею благодатію мужественно исповѣдать христіанскую вѣру предъ врагами Христа, и принять мученическую кончину. Но такъ какъ, по словамъ Св. Писанія: „помышленія смерт-

ныхъ боязлива и погрѣшительна умышленія ихъ“ (Премуд. Солом. 9, 14), то и Манассія не рѣшился безъ совѣта съ опытными отцами вступить въ великій подвигъ мученичества, а потому съ смиреніемъ и кротостію онъ открылъ свое желаніе духовнымъ старцамъ и просилъ ихъ благоразумнаго совѣта. Но старцы посовѣтовали ему хорошенько обдумать свое намѣреніе и, не познавши своихъ силъ, не рѣшались на столь страшный подвигъ.

Совѣтъ опытныхъ мужей былъ принять Манассіей съ охотою, и онъ началъ еще болѣе подвизаться въ постѣ, бдѣніи, молитвѣ и трудахъ; при этомъ, желаніе пострадать за Христа не только не охлаждалось въ его сердцѣ, но еще болѣе воспламенялось, особенно когда онъ узналъ о недавнемъ страданіи новыхъ преподобномучениковъ Евѳимія, Игнатія и Акакія *).

Узнавъ, что сіи св. мученики, приготовляясь къ мученическому подвигу, пользовались совѣтами и руководствомъ духовника Никифора, онъ отправился въ Предтечевскій скитъ, гдѣ чистосердечно исповѣдалъ предъ опытнымъ духовникомъ Никифоромъ свое намѣреніе, просилъ его принять въ свою келлію и приготовить къ страдальческому подвигу, подобно Евѳимію съ Игнатіемъ и Акакіемъ.

— Согласенъ, чадо, принять тебя къ себѣ, сказалъ ему ласково духовникъ Никифоръ, но только съ тѣмъ, чтобы никто изъ постороннихъ не зналъ о твоёмъ намѣреніи пострадать за Христа, и чтобы все время приготовленія твоего къ мученичеству ты совершалъ такъ, какъ бы уже находился въ страданіяхъ за Христа, предъ жестокими мучителями. Соглашаешься ли ты на это?

— Согласенъ, святой отче, съ радостію отвѣчалъ блаженный. И такимъ образомъ, получивъ желаемое—быть

*) Пострадали въ 1816 году; память ихъ 1-го мая

ученикомъ опытнаго мужа, Манассія возвратился въ свой монастырь, распорядился своими вещами и деньгами, изъ коихъ одну часть роздалъ въ милостыню, а другую оставилъ въ пользу монастыря съ тѣмъ, чтобы оный доставлялъ пропитаніе его родному отцу, который въ то время жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Хиландарскомъ монастырѣ, въ полномъ монашескомъ постриженіи.

Послѣ этого, онъ подъ видомъ, какъ будто бы хочетъ идти въ Іерусалимъ, для поклоненія святымъ мѣстамъ, скрылся отъ всѣхъ, и пришелъ къ духовнику Никифору, который съ отеческою любовію принялъ блаженнаго и помѣстилъ его въ отдѣльной келліи, при этомъ заповѣдалъ ему, чтобы онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ никакого общенія, а одинъ наединѣ молился Богу.

Заклучившись въ тѣсной и темной келліи, Манассія началъ подвизаться въ продолжительномъ бдѣніи и молитвѣ; при этомъ смирялъ свое тѣло земными поклонами, которыхъ въ теченіе сутокъ полагалъ по 3,500, а поясныхъ безъ числа. Молитва со слезами какъ бы сроднилась съ нимъ, которую онъ имѣлъ постоянно въ устахъ и въ умѣ, и такимъ образомъ блаженный подвижникъ въ сей тѣсной келліи, подобно золоту, искушался въ терпѣніи и мужествѣ. Для подкрѣпленія же тѣлеснаго употреблялъ въ пищу хлѣбъ съ водою чрезъ два, а ипогда и чрезъ три дня; вареную же пищу во все время вкушалъ иногда только въ субботы и воскресные дни.

Спустя четыре мѣсяца, въ его душѣ, уже очищенной и горячей пламенною любовію къ сладчайшему Іисусу, явилась рѣшимость вступить въ давножеланный подвигъ пострадать за православную вѣру и принять мученическую кончину. Въ это время старецъ Никифоръ постригъ его въ великій ангельскій образъ съ именемъ Онуфрія, и рѣшено было духовникомъ съ другими старцами отправить его на

островъ Хіосъ, который блаженный Онуфрій долженъ избрать поприщемъ мученическихъ подвиговъ. И такимъ образомъ бывъ напутствованъ общими молитвами и благословеніями, мужественный воинъ Христовъ вмѣстѣ съ ипокомъ Григоріемъ, тѣмъ самымъ, который до этого сопутствовалъ тремъ мученикамъ Христовымъ: Евѣимію, Игнатію и Акакію, — съ этимъ то любвеобильнымъ Григоріемъ Онуфрій оставилъ св. Аѳонскую гору. Отправились въ путь и будучи управляемы Промысломъ Божиимъ, вскорѣ благополучно прибыли въ Хіосъ. Здѣсь они остановились въ домѣ у одного христіанина, гдѣ въ отдѣльной комнатѣ провели семь дней въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ, подкрѣпляя свою душу частымъ причащеніемъ Св. Христовыхъ Таинъ. И такимъ образомъ вооружившись во вся орудія духовныя, Онуфрій рѣшился въ грядущую пятницу, какъ день спасительныхъ страданій Господа нашего Іисуса Христа, выйти на брань противъ духа злобы и пролить свою кровь за Іисуса Христа. Какъ бы въ подкрѣпленіе и утѣшеніе блаженнаго Онуфрія въ одну изъ проведенныхъ въ молитвѣ ночей, онъ сѣлъ отдохнуть и будучи въ изнеможеніи, погрузился въ легкій и тонкій сонъ. Въ это время онъ видитъ ликъ стоящихъ предъ нимъ архіереевъ, священниковъ и воиновъ, которые сказали ему: „встань и иди къ Царю, который хочетъ видѣть тебя.“

— Для чего, отвѣчалъ имъ блаженный съ робостью, Царь желаетъ видѣть меня, и что я за человекъ, который понадобился ему? Умоляю васъ, оставьте меня.

— Невозможно, сказали ему небесные посѣтители, вставай и иди за нами. Въ сопутствіи сихъ свѣтоносныхъ мужей, Онуфрій всталъ и пошелъ за ними. Потомъ пришли они въ нѣкое открытое и обширное мѣсто, которое было все залито необыкновеннымъ свѣтомъ, гдѣ на прекрасномъ и сіяющемъ какъ бы отъ солнечныхъ лучей тронѣ, въ ве-

личіи возсѣдалъ Царь, къ которому блаженный подошелъ и поклонился до земли. Въ это время Царь обратился къ предстоящимъ и указывая рукою на одно свѣтлое мѣсто сказалъ: „вотъ для него готова уже обитель.“ При сихъ словахъ Онуфрія оставилъ тонкій сонъ, и онъ проснулся, чувствуя въ сердцѣ своемъ небесную радость. Прославивъ Бога, утѣшившаго его чуднымъ видѣніемъ, онъ усердно просилъ въ молитвѣ своей и святаго Василя Великаго, такъ какъ эта ночь была его памяти, чтобы и онъ похотайствовалъ за него у престола Божія своими благопріятными молитвами. Но каковая же печаль объяла его сердце, когда онъ въ слѣдующую ночь уже не ощущалъ той небесной радости, и вмѣсто оной наступилъ страхъ и трепеть, и онъ сталъ чего-то страшиться. Видя себя въ такомъ состояніи, онъ со слезами обратился къ старцу Григорію: Отче! Божественный огонь, который согрѣвалъ сердце мое, угасъ! За что я окаянный лишился этого утѣшенія?

— За гордость, отвѣчалъ ему Григорій, ты возмечталъ о себѣ нѣчто великое, и за это скрылась отъ тебя благодать Божія.

— Увы мнѣ окаянному! съ рыданіемъ и стономъ, сказалъ Онуфрій. Какого я лишился драгоценнаго дара! Что теперь скажутъ св. отцы и братія Аѳонскіе, вмѣсто того, чтобы услышать имъ о новомъ мученикѣ и порадоваться за мое спасеніе, услышать о вторичномъ моемъ отреченіи отъ Христа. Увы мнѣ грѣшному! Увы мнѣ несчастному!

Выплакавъ свое горе, онъ упалъ къ ногамъ Григорія и лежа у его ногъ, укорялъ себя за то, что не могъ сохранить Божественнаго утѣшенія. Потомъ сталъ на молитву и до тѣхъ поръ изливалъ оную предъ Сердцевѣдцемъ, пока опять не почувствовалъ въ сердцѣ своемъ той угасшей теплоты, которая было его оставила.

Чувствуя себя въ мирномъ устроеніи, онъ съ дѣтскою

простотою обратившись къ Григорію съ радостными на глазахъ слезами, сказалъ: „Отче! благословенъ Богъ, мнѣ теперь оная хорошо.“

На утро Григорій, взявъ предосторожность, дабы опять Онуфрій не впалъ въ духовную гордость, такъ какъ коварства злобнаго врага сильны, который рыкая, какъ левъ, ищетъ кого поглотити, и тѣмъ болѣе и сильнѣе вооружается на тѣхъ, которые мужественно отражаютъ все его нападенія. Древняя злоба не дремлетъ и готова воздвигнуть тучи своихъ коварствъ, лишь бы только найти въ подвижникахъ Христовыхъ хотя малѣйшую часть слабою. Поэтому опытный старецъ Григорій, дабы смирить все помыслы Онуфрія и чтобы онъ отнюдь не надѣялся на себя, повелѣлъ ему просить у всѣхъ, въ томъ домѣ находившихся, за себя молитвъ, припадая къ ихъ ногамъ и лобызая оныя. Послѣ этого въ тотъ же день блаженный Онуфрій заключился въ Церковь, гдѣ началъ молиться съ воплемъ, изливая предъ Сердцевѣдцемъ скорбь тоскующей своей души.

Григорій, слыша Онуфрія молящагося съ воплемъ, на сей разъ не препятствовалъ ему явно изливать свою печаль предъ Отцемъ небеснымъ, ибо видѣлъ, что его гласная молитва исходила изъ сердца согрѣтаго Божественною теплою; и чтобы не смутить молящагося, то уже послѣ, когда блаженный кончилъ свою молитву, Григорій для предосторожности замѣтилъ ему говоря:

— Развѣ ты не слышалъ, что сказалъ Господь въ Евангеліи: „да не увѣсть шуйца твоя, что творить десница твоя“ (Мѣ 6, 3). Для чего это ты тщеславишься и творишь твою молитву гласно? Конечно, для того, чтобы тебя все слышали и хвалили. Несчастный! опять ты впалъ въ гордость и погубилъ трудъ свой. Опять ослѣпила тебя духовная гордость!

Блаженный, слыша отъ старца Григорія сіи слова, съ

кротостію отвѣчалъ ему: „согрѣшилъ, Отче! прости меня и помолись за меня Богу, чтобы Онъ избавилъ меня отъ сѣтей дьявольскихъ. Но опытный Григорій, видя глубокое смиреніе Онуфрія, въ душѣ радовался за него, такъ какъ выговоръ сдѣланъ былъ ему собственно для того, чтобы вести блаженнаго къ подвигу мученическому путемъ смиренія и такимъ образомъ низложить всезлбнаго и гордаго дьявола. Цѣль его была достигнута, и теперь-то онъ началъ готовить его къ подъятію страданій за исповѣданіе имени Христова. Всю предшествующую ночь провели они вмѣстѣ на молитвѣ, потомъ пріобщившись св. Христовыхъ Таинъ, Григорій одѣлъ Онуфрія въ мірскія одежды (волосы на головѣ и бородѣ были обриты еще съ вечера), и какъ только забрезжало утро, отпустилъ его съ пожеланіемъ совершить благополучно мученическій подвигъ.

На дорогѣ онъ встрѣтился съ однимъ христіаниномъ, и при разговорѣ съ нимъ, видя его благонамѣреннымъ, открылъ ему свое желаніе пострадать за Христа. Добрый христіанинъ порадовался, и при этомъ замѣтилъ, что у него къ довершенію всей турецкой одежды недостаетъ красныхъ башмаковъ, которые въ этомъ случаѣ были необходимы, и купилъ ему оныя. Потомъ пошли они въ храмы Пресвятой Богородицы, именуемой Обрадованной, и св. Матроны Хіоградской, гдѣ отслужили молебень Царицѣ небесной, прося подкрѣпленія и помощи у Богоматери, и уже отсюда Онуфрій пошелъ въ Мехкемѣ (судилище).

Пришедши въ Мехкемѣ, онъ спросилъ у сторожа: можно мнѣ видѣть предсѣдателя?

— На что тебѣ онъ, отвѣчалъ сторожь.

— Имѣю къ нему заявить давѣ *).

*) Давѣ процессъ тяжущихся о чемъ либо лицъ, разсматриваемый низшимъ судебнымъ мѣстомъ; когда же одно изъ тяжущихся лицъ бываетъ недовольно рѣшеніемъ этого мѣста, а желаетъ

— А есть у тебя фетуфа?

— Нѣтъ, въ замѣшательствѣ отвѣчалъ Онуфрій.

— Въ такомъ случаѣ невозможно видѣть предсѣдателя, отвѣчалъ ему сурово сторожъ.

Не достигнувъ цѣли, Онуфрій со скорбію пришелъ обратно въ домъ къ тому доброму христіанину, который купилъ ему башмаки. Но сей благонамѣренный христіанинъ успокоилъ его и посовѣтовалъ идти опять въ Мехкемѣ, и тамъ никому не сказавшись, поднять занавѣсъ, отдѣляющій присутствующихъ отъ просителей, и такимъ образомъ можно проникнуть въ ихъ засѣданіе.

Выслушавъ совѣтъ, Онуфрій пошелъ въ Мехкемѣ, гдѣ безбоязненно поступилъ по совѣту добраго христіанина, и вошедши въ присутствіе, обратился къ судьямъ съ слѣдующими словами.

— Назадъ тому 15 лѣтъ, въ этомъ мѣстѣ я получилъ опасную рану, и съ того времени обошедши разные города и врачей, не получилъ исцѣленія, и всѣ, какъ бы согласившись между собою, сказали: что рану мою никто не можетъ залѣчить, какъ только одно лишь то мѣсто, гдѣ я оную получилъ, поэтому я опять пришелъ сюда, чтобы совершенно залѣчить ее.

— Какая же твоя рана, спросилъ его Кади (судья), и что именно ты хочешь отъ насъ получить?

— Рана моя, отвѣчалъ мученикъ, такого рода: будучи отрокомъ я, по своему неразумію, отрекся христіанскою вѣры предъ вашими мусульманами, впрочемъ никогда не послѣдовалъ ей, а всегда былъ истиннымъ христіаниномъ и исполнялъ всѣ христіанскіе обряды. Но когда я пришелъ въ совершенный возрастъ, тогда ясно, какъ день,

перенести свое дѣло въ какое нибудь высшее судилище, то, въ удостовѣреніе на это права, выдается ему изъ низшаго судилища фетуфа (свидѣтельство).

открылось предо мною мое паденіе, которое считалъ какъ бы глубоко нанесенную въ душу мою рану. Послѣ этого, я обошелъ многія святыя мѣста для уврачеванія себя покаянiемъ, но помыслы мои не успокоились, а сердце до сихъ поръ не находитъ покоя. Итакъ, проклиная вашу вѣру съ ложнымъ вашимъ пророкомъ Магометомъ, и дерзновенно исповѣдую себя предъ вами христіаниномъ. Говоря это, онъ бросилъ предъ ними головную зеленую повязку, которой одна часть попала въ лице Кади, а другая Муфти.

Судьи, видя такое дерзновеніе святаго, удивились, какъ это могъ рѣшиться на такую дерзость христіанинъ; одинъ же изъ нихъ съ гнѣвомъ началъ говорить святому: что ты несчастный дѣлаешь? подними и опять положи себѣ на голову эту святую вещь. Но мученикъ ослабившись началъ укорять всѣ ихъ вещи, которыя они называютъ святыми и самую ихъ вѣру со всѣми ея обрядами.

Слыша хулу на свою вѣру, судьи злобно закричали: смерть этому человѣку! и приказали ввергнуть его въ темницу, забивши ноги въ колоды. Когда святой мученикъ введенъ былъ въ мрачное заключеніе, то томившіеся тамъ въ узахъ, нѣкоторые изъ христіанъ съ участіемъ спрашивали о его имени и отечествѣ, но страдалецъ Христовъ, скрывая истину, чтобы не дать подозрѣнія, что онъ иннокъ, отвѣчалъ имъ, что онъ изъ Тернова, а имя ему Матѳей. Но однако святому долго не пришлось сидѣть въ темницѣ, ибо судьи въ этотъ же день осудили его на смерть.

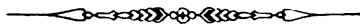
Когда вывели святаго узника изъ темницы, то судьи еще разъ спросили его, какъ онъ думаетъ о себѣ, и когда узнали, что мужественный страдалецъ непоколебимъ въ своемъ исповѣданіи, приказали ему отрубить голову, а тѣло съ одеждою бросить въ море.

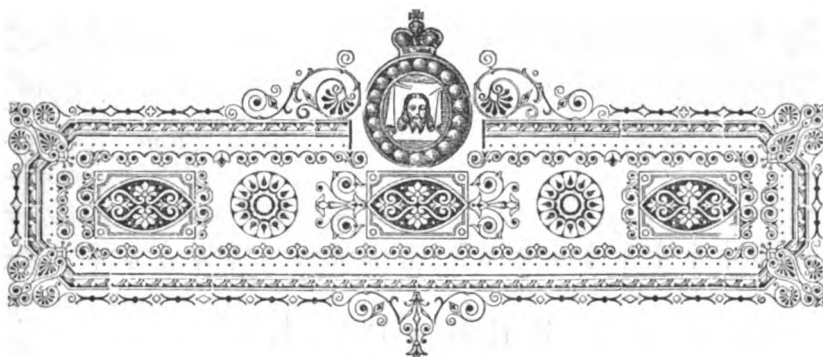
Послѣ этого повели св. Онуфрія на смертную казнь.

Пришедши на то самое мѣсто, гдѣ незадолго предъ этимъ былъ обезглавленъ новый преподобномученикъ Маркъ, Онуфрій преклонилъ колѣна и закланъ былъ ножемъ въ гортань подобно кроткому агнцу, чистая же и непорочная его душа отлетѣла въ небесныя обители 4-го января 1818 года, въ пятницу въ 9 часовъ дня, на 32 году отъ рожденія.

Такимъ образомъ совершился дивный подвигъ святаго страсотерпца Онуфрія, котораго онъ такъ долго ждалъ, для примиренія себя съ сладчайшимъ Иисусомъ, за Котораго излилъ свою кровь, омывъ себя отъ того пятна, которое нѣкогда тяготило его душу. Теперь только вполнѣ залѣчилась та смертельная рана, о которой преподобномученикъ говорилъ предъ турецкими судьями.

Послѣ казни, святыя мощи мученика были положены въ куль, а въ другой куль насыпали ту землю, на которой лежали мощи, дабы христіане не могли взять что либо для освященія, и такимъ образомъ положили въ лодку, отвезли въ открытое море и тамъ бросили въ морскую пучину. Что же сдѣлалось съ св. мощами по вверженіи ихъ въ море, для насъ осталось тайной. Знаемъ только, что Тотъ, за Котораго онъ пострадалъ, сохранилъ ихъ невредимыми и въ волнахъ морскихъ, ибо въ Св. Писаніи говорится: „хранить Господь вся кости ихъ, и ни едина отъ нихъ сокрушится“ (Пс. 33, 21), и что онъ сподобился получить отъ Христа Бога мученической вѣнецъ, за исповѣданіе Его предъ магометанами. Молитвами святаго преподобномученика Онуфрія, Христе Боже, сподоби и намъ получить христіанскую кончину и небесное царство, которое Ты уготовалъ своимъ послѣдователямъ отъ сложенія міра. Амнь.

Я Н В А Р Я 4.

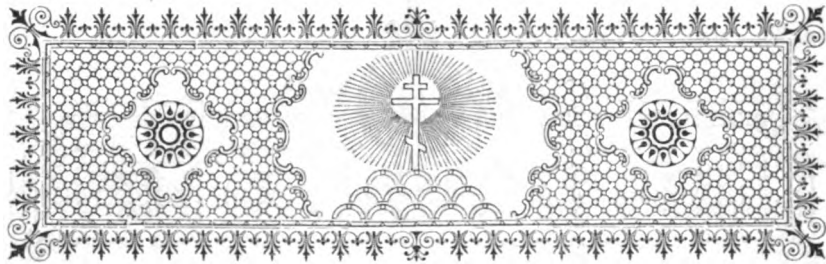
Память св. преподобномучениковъ Ватопедскихъ—игумена Евѳимія и двѣнадцати иноковъ.

Святые эти преподобномученики пострадали отъ папистовъ, разорвавшихъ святую Аѳонскую гору въ царствованіе Византійскаго императора Михаила Палеолога (1260—1281 г.). За дерзновенное обличеніе латиномудреныхъ въ ереси преподобный Евѳимій былъ утопленъ, а иноки повѣшены, и мученическою кончиною прославили вѣпчавшаго ихъ Господа.

Память ихъ совершается въ обители Ватопедской 4-го января. Общая же память всѣхъ свв. повомучениковъ празднуется на святой Аѳонской горѣ во 2-ю недѣлю по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ.

Подробное сказаніе о страданіи свв. преподобномучениковъ Ватопедскихъ смотри въ „Повѣсти о нашествіи папистовъ на Святую гору,“ помѣщенной нами подь 10-мъ октября, во 2-й части Аѳ. Патерика.

Я Н В А Р Я 4.

Жизнь святаго Евстаѳія, — архіепископа сербскаго *).

Слаженный Евстаѳій былъ родомъ изъ области Будимльскоѳ въ Сербіи, сынъ Богобоязненныхъ родителей. Съ юныхъ лѣтъ лучшимъ утѣшеніемъ для него было чтеніе Божественныхъ книгъ и посѣщеніе храмовъ Божіихъ. Еще будучи отрокомъ, прежде нежели отдали его въ наученіе книжное, онъ самъ пришелъ напомнить объ этомъ своему отцу, и въ скоромъ времени превзошелъ въ ученіи всѣхъ своихъ сверстниковъ. Едва вступивъ въ юношескій возрастъ, онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, чтобы сдѣлаться инокомъ, и водворился въ области Зетскоѳ, въ обители Архангела Михаила, гдѣ была епископская кафедра. Преосвященный Неофитъ самъ постригъ его, и тамъ началъ онъ проходить со всею строгостію жизнь подвижническую, день и ночь посвящая молитвѣ и не обращая своего лица къ оставленной имъ суетѣ міра. Пришло ему желаніе посѣтить святаыя мѣста Іерусалима и поклониться Гробу Господню. Никому не открывъ своего тайнаго помысла, онъ со слезами молилъ Господа исполнить пламенное его желаніе. Господь внялъ его молитвѣ: нашлись добрыя спутники—два инокъ посланные ему Самимъ Господомъ, кото-

*) Дапичичъ. Животи краљева и архіепископа ерскихъ. Загребъ. 1866.

рые пришли въ обитель Архистратига и объявили юному подвижнику желаніе свое идти въ Іерусалимъ. Съ ними пустился Евстаѣй въ дальній невѣдомый путь, возложивъ все упованіе свое на Бога, и благополучно достигъ Святаго града, гдѣ провелъ немало времени, обходя все покланяемыя мѣста страданій Господнихъ и окрестныя пустыни, наполненныя пустынниками. Совершивъ свое странствіе въ Палестинѣ, онъ отправился и на святую Аѳонскую гору, чтобы водвориться тамъ, для большаго подвига, посреди отцевъ. Онъ поселился на Святой горѣ, въ знаменитой лаврѣ Хиландарской, и тамъ хотѣлъ окончить дни свои въ безмолвіи, посвятивъ себя на служеніе Богу въ пустынѣ; но Господу благоугодно было поставить его на свѣщникѣ, чтобы онъ свѣтилъ родной землѣ съ кафедры святительской. Молва о немъ распространилась далеко и къ его духовной бесѣдѣ стали притекать не только изъ ближнихъ, но и изъ дальнихъ обителей. ибо высокимъ подвигомъ иноческой жизни онъ превзошелъ всю братію на Аѳонѣ. Общимъ соборомъ всехъ обителей Святой горы, онъ былъ поставленъ игуменомъ лавры Хиландарской, въ каковомъ званіи видимъ его съ 1263 г. *). Благочестивые крали сербскіе, услышавъ о высокой его добродѣтели, притекали къ нему за совѣтомъ и осыпали ввѣренную ему обитель обильными дарами. Блаженный Евстаѣй ревновалъ идти во всемъ по слѣдамъ великаго Саввы, основателя Хиландарской обители, и какъ подражалъ ему въ созиданіи оной, такъ и наслѣдовалъ его каѳедру. Но прежде ему суждено было наслѣдовать каѳедру области Зетской, въ той обители Архангела, гдѣ онъ принялъ ангельскій образъ: хотя и вопреки его желанію, онъ возведенъ былъ на степень святительскую. Послѣ кончины блаженнаго архіепископа Іоанникія, король сербскій Драгутинъ созвалъ

*) Калайдовича экзархъ, стр. 164.

всѣхъ епископовъ и игуменовъ земли своей для избранія достойнаго преемника усопшему архипастырю,—и выборъ ихъ палъ на смиреннаго епископа Евстаѳія. Смущенъ духомъ смиренный и долго умолялъ краля не возлагать на рамена его бремя не по силамъ: но не могъ воспротивиться общему голосу Церкви сербской и возведенъ былъ соборно на осиротѣвшую кафедру.

Высокія добродѣтели Евстаѳія доставили ему уваженіе и новаго короля Милютина. Въ званіи архіепископа всей Сербіи онъ съ 12-ю епископами присутствовалъ на соборѣ, на которомъ краль Милютинъ утвердилъ за Хиландарскимъ монастыремъ земли и угодья Сербской страны *). Послѣ семилѣтняго управленія Церковію, блаженнаго Евстаѳія постигла тяжкая болѣзнь, предвѣстница скорой кончины; но смерть представлялась ему сладостнымъ сномъ. Онъ находился тогда въ обители Жидча, основанной св. Саввою, куда и призвавъ ближнихъ епископовъ и игуменовъ, простился со всѣми, приобщился св. Таинъ и съ веселымъ лицомъ сказавъ: „въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой,“ мирно скончался въ 1279 г. **).

Весь освященный соборъ съ честью похоронилъ его въ мраморной ракъ, въ обители Спасовой на мѣстѣ, называемомъ Жидча; но Господь сохранилъ кости праведника и не далъ имъ видѣть истлѣнія. Начались дивныя знаменія при ракъ его и исцѣленія болящихъ. Краль Урошъ Милютинъ, послѣ совѣщанія съ преемникомъ Евстаѳія, архіепископомъ Іаковомъ, повелѣлъ открыть раку; живымъ а не усопшимъ предсталъ имъ Святитель въ мертвенномъ своемъ покоѣ. Нетлѣнное тѣло его съ великою честью поднято было изъ гробовой раки и поставлено въ ковчегъ внутри храма. День его преставленія положено было празд-

*) Григоровича путеш.

**) См. Свв. южныхъ славянъ. Филарета архіеп. чернигов. 1865. допол. стр. 250.

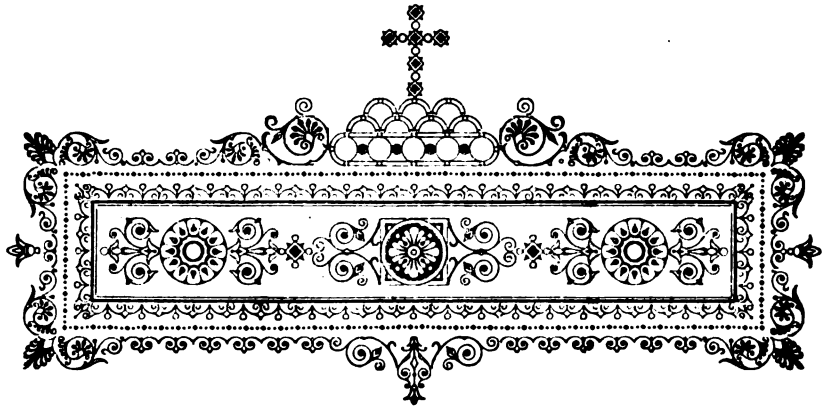
повать 4 яваря. Когда же, спустя нѣкоторое время, отъ смуть воинскихъ, волновавшихъ Сербію, обитель Жидча стала не безопасна, архіепископъ Іаковъ устроилъ торжественное перенесеніе тѣла блаженнаго своего предмѣстника въ болѣе огражденное мѣсто, въ обитель Патріархіи Печской, гдѣ и доселѣ почиваютъ мощи Евстафія, посреди славныхъ его предмѣстниковъ и преемниковъ, источая благодатныя исцѣленія.

Сербская церковь поетъ св. Евстафію: „на Него же уповаль еси, святителю, изъ млада возраста, радуяся же яко елень востскль еси на гору святую, земная вся оставилъ еси, прилѣпився закону Творца и Владыки исполненіемъ заповѣдей.“

„Очистивъ душу и тѣло отъ скверны, праведно—преподобна и незлобива учителя себе показалъ еси, отче блаженне: сирыхъ питатель, обидимыхъ помощникъ и страннопріимень былъ еси: тѣмже со дерзновеніемъ вопіеши: Тебе люблю Исусе Боже мой свѣта невечернаго и міромъ владычествующа“ *).

(Память Святителя совершается вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ—августа 30).

*) Серблякъ. Бѣградъ. 1861 г.

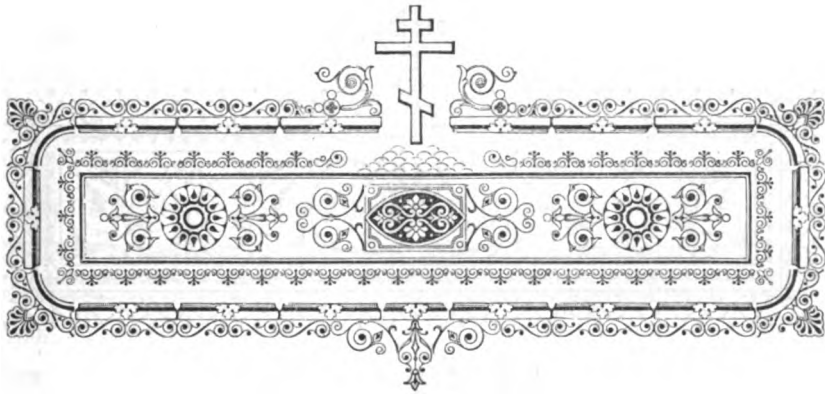

Я Н В А Р Я 5.

**Страданіе святаго преподобномученика
РОМАНА.**

Вмотри память о страданіи его февраля 16-го. Въ греческихъ минеяхъ, напечатанныхъ Великою Церковью въ Константинополѣ 1843 г., а также и въ Синаксаристѣ Никодима, память св. преподобномученика Романа указана дважды: января 5 и февраля 16.

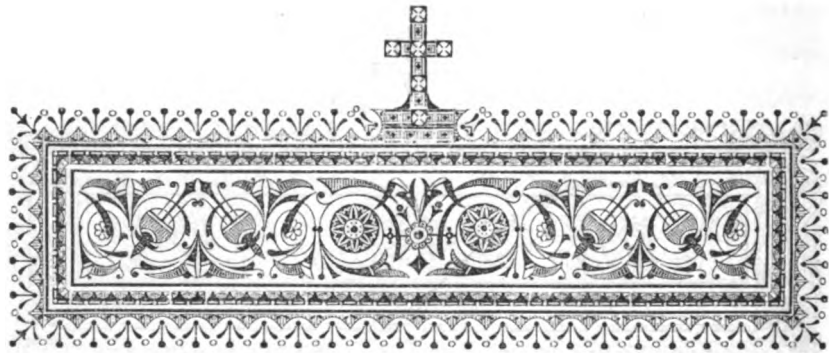
Я Н В А Р Я 11.

**Память преподобнаго и богоноснаго отца
нашего Θεодосія, митрополита трапезунт-
скаго.**

Преподобный Θεодосій былъ сначала игуменомъ обите-
ли Филофеевской, потомъ возведенъ на кафедру митро-
политскую въ Трапезунтъ.

(Смотри о немъ въ житіи святаго Діонисія, бывшаго его
брата по плоти, ктитора обители честнаго Предтечи, іюня 25).

Я Н В А Р Я 13.

**Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго и Богоноснаго
отца нашего**

МАКСИМА КАВСОКАЛИВИТА *)

Преподобный отецъ нашъ Максимъ родился въ Лампсакѣ, отъ родителей благородныхъ и благочестивыхъ. Будучи бездѣтны, они молились Богу со слезами о дарованіи имъ дитяти, и молитва ихъ была услышана: Богъ даровалъ имъ этого блаженнаго Максима, названнаго во святомъ крещеніи Мануиломъ. Итакъ, получивши его отъ Бога какъ даръ, они воспитывали его съ особенною заботливостью и, по наступленіи времени, начали учить его священнымъ книгамъ, а когда достигъ онъ отроческихъ лѣтъ, поселили его при храмѣ Пресвятыя Богородицы, и посвятили Богу. Такимъ образомъ, Мануиль, постоянно пребывая въ Богородичномъ храмѣ, славословилъ Бога и въ простотѣ непорочнаго сердца, ходатайствовалъ у Его Всепѣтой Матери о своемъ спасеніи. Какъ второй Самуиль, преуспѣвая въ возрастѣ и благодати, онъ былъ хвалимъ

*) Изъ Νέον Ἐκλόγιον.

и любимъ всѣми; потому что, при незрѣлости еще дѣтскаго возраста, выказывалъ уже старческій разумъ. Сему много содѣйствовало, съ одной стороны, и то, что часто ходилъ онъ къ нѣкоторымъ старцамъ, безмолвствовавшимъ вблизи того храма и, обращаясь съ ними, по возможности услуживая имъ, внималъ совѣтамъ ихъ, и такимъ образомъ, назидаясь и примѣромъ богоугодной ихъ жизни и наставленіями, пламенѣлъ божественнымъ желаніемъ оставить міръ, и, сдѣлавшись инокомъ, хранить строгое безмолвіе. При такихъ прекрасныхъ свойствахъ и желаніи непорочнаго сердца, онъ часто, видя нищихъ, пренебрегалъ холодъ и отдавалъ имъ собственныя одежды, чтобъ согрѣть ихъ; равнымъ образомъ, дѣлилъ съ ними и хлѣбъ. А чтобы начатковъ добродѣтельной своей жизни не погубить льстивою похвалою со стороны міра, онъ принялъ на себя видъ юродиваго, хотя это и не скрыло его отъ внимательности людей. Между тѣмъ родители, забывъ, что Мануиль посвященъ ими Богу, приготовлялись женить его, чтобъ, связавъ его узами брака, имѣть въ немъ утѣху собственной жизни.

Узнавъ объ этомъ, юный Мануиль, вкусившій уже сладость духовной жизни, на 17-мъ году возраста, оставивъ родителей, отечество и міръ, и тайно удалившись на гору Ганъ, принялъ на себя ангельскій образъ, съ именемъ Максима, и предался безусловной покорности и послушанію старца Марка, свидѣтельствованнаго въ опытахъ иноческой жизни и извѣстнаго по всей Македоніи. Подъ мудрымъ его водительствою, юный Максимъ быстро преуспѣвалъ во всѣхъ подвигахъ иноческой жизни и, восходя отъ силы въ силу, былъ любимъ жившими тамъ старцами, исключая только его наставника Марка. Маркъ, желая утвердить въ смиреніи скромнаго и дивнаго своего послушника, непрерывно уничижалъ и поносилъ его, не смотря на чрезвычайные и постоянные его труды. Впрочемъ, недолго Божествен-

ный Максимъ оставался при этомъ старцѣ: Богъ воззвалъ сего преподобнаго отъ жизни временной въ вѣчныя обители, вслѣдствіе чего Максимъ, оставивъ гору Ганъ, пустился странствовать по Македоніи, въ чаяніи найти другаго подобнаго первому, старца,—и Богъ исполнилъ его желаніе. На пустынныхъ горахъ Папикійскихъ, въ тамошнихъ пещерахъ, онъ нашелъ нѣсколько отшельниковъ чрезвычайно строгой жизни, отъ которыхъ и занялъ много полезныхъ совѣтовъ и опытовъ жизни совершенно ангельской. Оттуда отправился онъ въ Константинополь, гдѣ, восхищаясь великолѣпіемъ и божественною красотою храмовъ и поклоняясь святынямъ, хранящимся въ нихъ, онъ наконецъ пришелъ во влахернскій храмъ Пресвятыя Госпожи нашей Богородицы Одигитріи. Тамъ, созерцая дивныя чудеса, точившіяся отъ иконы Пресвятыя Одигитріи и поклоняясь Ей, размышлялъ, какую чрезвычайную славу имѣетъ Она въ небесахъ, и отъ сего и подобныхъ тому созерцаній восхищаясь духомъ и неизреченно радуясь сердцемъ, въ теченіе всей ночи пробылъ безъ сна, оставался безъ обуви на ногахъ, безъ покрова на головѣ, и имѣлъ на себѣ только ветхую власяную одежду. Въ такомъ видѣ казался онъ всѣмъ, какъ юродивый, да и самъ притворялся такимъ, подобно великому Андрею, Христа ради юродивому, и, какъ тотъ, дѣлалъ въ виду людей безчинства. При всемъ томъ, ему удивлялись всѣ и почитали его не дѣйствительно, а только Христа ради юродивымъ.

Узнавъ какъ-то о святомъ Максимѣ царь Андроникъ Палеологъ и пожелалъ его видѣть; для этого призвалъ его во дворецъ и вступилъ съ нимъ въ бесѣду, въ присутствіи вельможъ. Божественный Максимъ, по своему обыкновенію, отвѣчалъ царю либо словами Григорія Богослова, либо Божественнаго Писанія, такъ что самые риторы, находившіеся тутъ во дворцѣ, дивились, какъ хорошо знаетъ онъ

твореніе Богослова и Священное Писаніе. Но такъ какъ Максимъ, при обширныхъ своихъ свѣдѣніяхъ, не зналъ грамматики, а потому и говорилъ неправильно, то великій логоветъ Каниклій замѣтилъ: „гласъ,—гласъ Іаковль, руцѣ же,—руцѣ Исавовы.“ Выслушавъ это, преподобный тотчасъ удалился изъ дворца, осмѣялъ разумъ разумныхъ, и, называя ихъ безумными, впоследствии уже никогда не являлся къ нимъ. Между тѣмъ, онъ часто ходилъ къ тогдашнему патріарху святому Аѳанасію, и бесѣдовалъ съ нимъ,—радостно внималъ ему и отзывался о немъ всѣмъ, какъ о новомъ Златоустѣ: а патріархъ, узнавъ про жизнь святаго Максима, старался всячески склонить его къ вступленію въ одну изъ киновій, которыя онъ устроилъ въ Константинополь. Но преподобный ни за что не хотѣлъ оставить влахернскаго храма Богородицы, пребывая въ притворѣ его, въ алчбѣ и жадѣ, бдѣніи и молитвѣ и всегдашнихъ воздыханіяхъ и слезахъ, а по днямъ юродствовалъ въ виду народа, стараясь такимъ образомъ утаить свои подвиги, и избѣгалъ чрезъ то суетной похвалы.

Наконецъ, по довольномъ времени, святой Максимъ, для поклоненія великому Димитію муроточивому, отправился въ Фессалоники, а оттуда прибылъ на святую гору Аѳонскую. Тамъ, обошедши священныя обители, пришелъ онъ наконецъ и въ лавру святаго Аѳанасія. Жизнь и подвиги сего угодника, равно какъ и святаго Петра аѳонскаго, чрезвычайно удивляли его, такъ что онъ рѣшился, оставшись на Святой горѣ, подражать въ безмолвіи святому Петру, а въ общеніи съ братією и въ строгомъ храненіи заповѣдей Господнихъ—Аѳанасію. Впрочемъ, не довѣряя собственному выбору и влеченію своей мысли, прежде начатія иноческихъ подвиговъ на Святой горѣ, отнесся онъ къ тамошнимъ святымъ отцамъ, требуя ихъ совѣта: какимъ путемъ предпочтительно идти ему? Тѣ посовѣтовали ему

сначала подчинить себя старцу, съ безусловнымъ исполненіемъ не своей собственной, а его старческой воли, и чрезъ то самое, усвоивъ себѣ, при содѣйствіи благодати Христовой, божественное смиреніе, — какъ начало и корень всѣхъ добродѣтелей, — наконецъ удалиться въ пустыню, на безмолвіе.

Такъ и поступилъ преподобный. Оставшись въ лаврѣ святаго Аѳанасія, онъ покорилъ себя игумену и, наравнѣ съ прочими братіями, проходилъ сначала низшія послушанія; потомъ, имѣя хорошій голосъ и зная церковное пѣніе, опредѣленъ былъ на клиросъ. Такимъ образомъ, воспѣвая хвалы свои Господу, онъ возносился къ Нему сердцемъ и мыслию, и много плакалъ отъ умиленія, трогаясь, при чтеніи и пѣніи, безконечнымъ человѣколюбіемъ Бога, даровавшаго намъ благодать Духа Святаго къ достойному созерцанію Его, даже и тогда, когда мы живемъ еще въ тѣлѣ. Слѣдствіемъ сего было то, что, пламенѣя чувствомъ божественной любви, онъ, и среди множества братій постоянно былъ мыслию въ мирѣ и безмолвіи, и упражнялся умною молитвою, — т. е. безпрестаннымъ молитвеннымъ въ тайнѣ сердца взываніемъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“ — что, по чрезвычайной трудности и потребныхъ къ тому нерасхищенности ума и безмолвію сердца, рѣдко кому дается; а сей преподобный отъ юности получилъ такую благодать молитвы, ходатайствомъ Пресвятой Богородицы, за особенное благоговѣніе къ Ней и за свои подвиги. Итакъ, пребывая въ монастырѣ съ должнымъ повиновеніемъ и усердіемъ, онъ вель себя и здѣсь такъ же строго, какъ и при влахернскомъ храмѣ. Въ лаврѣ не имѣлъ онъ даже и келліи, и ничего другаго, что доставляло бы тѣлесное удовольствіе, а пользовался только пищею изъ трапезы, и то для того, чтобъ поддержать жизненные силы; вмѣсто же келліи, проводилъ ночи въ бдѣніи, въ притворѣ церковномъ, къ чему пріучилъ себя отъ юности.

Но какъ Моисея призвала Синайская гора, Илию—Кармилъ, а крестителя Иоанна—пустыня, такимъ точно образомъ и преподобнаго Максима призвалъ пустынный Аѳонъ,— красота и цвѣтъ горъ, — дабы и на немъ процвѣлъ праведный, яко кринъ, и иночествующей братіи, опытами и чрезвычайными подвигами духовной своей жизни, произвелъ желанные плоды Святаго Духа. Въ недѣлю святыхъ отецъ, бывающую послѣ Божественнаго Вознесенія, является ему Богоматерь, имѣя въ объятіяхъ младенствующаго Господа, и говоритъ: „слѣдуй за Мною, Мой избранный, на самую вершину Аѳона, чтобы тамъ, по желанію твоему, принять благодать Святаго Духа.“ Видя два и три раза это Божественное явленіе, онъ оставилъ великую лавру, и, по истеченіи недѣли, взошелъ на вершину горы, въ субботу Пятидесятницы, гдѣ и провелъ. въ обществѣ прочихъ братій, всю ночь безъ сна. Братія, по совершеніи тамъ Божественной литургіи, спустились съ горы, а божественный Максимъ оставшись на ней, провелъ въ молитвенномъ подвигѣ трое сутокъ. Богъ только вѣдаетъ, что вынесъ онъ, въ теченіе этого времени, отъ искушеній сатаны и враждебныхъ его полчищъ, силившихся прогнать оттуда святаго. Чтобы устрашить его, сатана производилъ во время ночи громы и молніи, такъ что, казалось, вся гора Аѳонъ приходила въ сотрясеніе; скалы трещали и распадались на части,—а днемъ слышались дикіе голоса, какъ будто отъ множества вооруженныхъ безобразныхъ людей, которые, производя возмущеніе, устремлялись со всѣхъ сторонъ на вершину горы, чтобъ ринуть оттуда преподобнаго. Но такъ какъ все это было мечтательнымъ явленіемъ демонскихъ козней, то, полный духа вѣры и благодати, святой Максимъ не обращалъ на то вниманія, а только постоянно возносился молитвеннымъ духомъ и мыслию къ Богу и Пречистой Его Матери, и просилъ Ихъ заступленія и по-

мощи. И онъ былъ услышанъ. Является ему, окруженная множествомъ небесныхъ силъ и осіяваемая небесною славою, Царица всея твари, держа на рукахъ Сына Своего, младенчествующаго Господа. Пораженный видѣніемъ Божественнаго свѣта и явленіемъ, Максимъ, однакожь, не вдругъ увлекся чувствомъ довѣрія, ибо зналъ, что и сатана принимаетъ на себя видъ Ангела свѣтла; но прежде обратился къ молитвѣ, и потомъ, увѣрившись, что то не былъ демонскій обманъ, а истинное явленіе Богоматери, въ неизреченной радости, поклонился Ей и Господу, и воскликнулъ: „радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!“ — и прочее тому подобное. Когда Господь благословилъ его, Всесвятая рекла: „прими, избранникъ Мой, власть на демоновъ, и поселись въ подгоріи, ибо на это есть воля Сына Моего, чтобъ ты, возвысившись въ подвигахъ, и для другихъ былъ путеводителемъ на пути спасенія ихъ.“ Послѣ сего, въ подкрѣпленіе ослабѣвшихъ его силъ, данъ былъ ему и хлѣбъ небесный. Между тѣмъ какъ онъ принялъ такимъ образомъ данную ему пищу, слышалось Ангельское пѣніе, окружилъ его Божественный свѣтъ, и Богоматерь, въ виду его, вознеслась на небеса. Видѣніе это, Божественный свѣтъ и благоуханіе, разлившееся надъ вершиною горы, такъ усладили и восхитили сердце преподобнаго, что онъ три дня и три ночи оставался еще тамъ, въ молитвенномъ подвигѣ и славословіи Бога; потомъ спустился съ вершины и, согласно волѣ Пресвятой Богородицы, пришелъ въ храмъ Ея, гдѣ пробывъ нѣсколько дней въ бдѣніи и молитвѣ, опять поднялся на верхъ горы и лобызалъ то мѣсто, на которомъ въ неизреченной славѣ явилась ему Богоматерь. Какъ тогда, такъ и впоследствии, при воспоминаніи сего видѣнія, онъ исполнялся чувствомъ невыразимой радости и веселія, и каждый разъ разливалось вокругъ него райское благоуханіе и Божественный свѣтъ.

Впрочемъ, не смотря на такія дивныя проявленія міра духовнаго, святой Максимъ, спустившись съ горы, удалился на Кармилъ, — такъ называемое мѣсто, гдѣ, при церкви святаго Пророка Іліи, уединенно спасался старецъ, — и открылъ ему о своихъ видѣніяхъ. Старецъ, сколько строгій въ подвижничествѣ, столько же и недоувѣрчивый къ опытамъ проявленія міра духовнаго, выслушавъ исповѣдь его, положительно замѣтилъ и передавалъ впослѣдствіи другимъ, что Максимъ обмануть мечтами демонскими, отчего и стали съ того времени называть его прельщеннымъ, боясь всякаго съ нимъ общенія и сношеній касательно ипоческой жизни. Въмѣсто того, чтобъ огорчиться такимъ пренебреженіемъ къ нему и недоувѣрчивостію, преподобный Максимъ радовался. и приписываемое ему заблужденіе обратилъ въ собственную пользу, — подъ видомъ прелести и гордости скрывалъ дивныя свои подвиги, всеобщимъ презрѣніемъ подавлялъ въ себѣ неприязненное чувство самолюбія и глубоко укоренялъ въ своей мысли и сердцѣ смиренномудріе, —этотъ Божественный даръ Святаго Духа, составляющій основу и красоту подвижничества. Чтобы лучше утвердить общую молву между святогорцами касательно своего юродства, онъ избралъ себѣ странный родъ жизни: не обиталъ на одномъ мѣстѣ, но, какъ юродивый или помѣшанный, переходилъ съ мѣста на мѣсто; гдѣ останавливался на нѣсколько времени, тамъ дѣлалъ изъ травы малую каливу, чтобы только помѣстить многопобѣдное тѣло его, потомъ, спустя немного, сожигалъ ее, и, уходя на иное мѣсто, дѣлалъ новую каливу. Отъ этого и называли его кавсокаливитомъ, т. е. сожигателемъ каливъ. Нестяжательности его можно дивиться, а не говорить о ней: у него не было даже необходимаго, — онъ жилъ какъ невещественный и безплотный, и всю свою жизнь провелъ въ мѣстахъ пустынныхъ и неприступныхъ. Между

тѣмъ, Божественной благодати, тайныхъ радостей сердца и надеждъ, какъ плодовъ всегдашней молитвы, сокровеннаго его поста, неподражаемыхъ для обыкновеннаго чловѣка подвиговъ и лишеній, странническаго терпѣнія зимою и лѣтомъ и постоянного одиночества никто не вѣдалъ и не зналъ. Рѣдко когда удовлетворяя существеннымъ требованіямъ природы, приходилъ онъ къ кому-либо изъ братій, вкушалъ предлагаемый ему хлѣбъ и небольшую чашу лознаго вина, какъ чашу любви и страннопріимства. По причинѣ такой его нестяжательности, одинъ изъ святогорцевъ справедливо отзывался о немъ Евангельскими словами: *воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ* (Матѳ. 6, 26). Такъ и Максимъ, какъ птичка, или, лучше сказать, какъ безплотный, носился по горнымъ скаламъ святогорскихъ пустынь и распиналъ, по Божественному Павлу, плоть свою со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24).

И при такомъ Ангельскомъ образѣ жизни, при такихъ поразительныхъ подвигахъ и трудахъ, святой Максимъ долго оставался у всѣхъ въ пренебреженіи, такъ что и тѣ, которые дивились его жизни, зная чрезвычайныя его лишенія и скорби, смотрѣли на него съ предубѣжденіемъ, тогда какъ онъ достигъ уже высоты и совершенства созерцательной жизни, подобно древнимъ великимъ отцамъ Антонію и Павлу египетскому, Петру и Аѳанасію аѳонскимъ, сіялъ благодатию Святаго Духа и удостоивался таинъ откровенія и видѣній Божественныхъ. Но не навсегда и онъ остался въ такомъ положеніи: мало-по-малу, входя въ бесѣды и общеніе съ великими старцами Святой горы, онъ былъ наконецъ совершенно понятъ ими, такъ что, вмѣсто прежняго предубѣжденія, они стали смотрѣть на него съ благоговѣніемъ, и, удивляясь благодати Божіей, дѣйствовавшей въ устахъ его, нарекли его свѣтиломъ своего времени.

Въ то время прибылъ на Святую гору преподобный Григорій синаить и, поселившись въ скитѣ Магулъ *), былъ для всѣхъ отцевъ горы весьма вождельненъ, особенно же для тѣхъ, которые жили въ безмолвіи; потому что, проведши всю жизнь въ безмолвіи и постоянно занимаясь умною молитвою, онъ зналъ очень хорошо сѣти и тайные прилоги демоновъ, что составляетъ особенное достоинство и безцѣнный даръ истинно подвижнической жизни. Посему безмолвники заимствовали у него таинства умной молитвы, изучая изъ его бесѣдъ и разсужденій признаки дѣйствій благодати и сокровенныхъ козней и тонкихъ сѣтей демонскаго обмана. Нѣкоторые изъ нихъ извѣстили его о преподобномъ Максимѣ, рассказывая о чрезвычайныхъ его подвигахъ и юродствѣ и признакахъ явнаго заблужденія. Все, что ни слышалъ божественный Григорій о святомъ Максимѣ, удивляло его: онъ непремѣнно желалъ видѣть этого подвижника и бесѣдовать съ нимъ, почему и послалъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ пригласить святаго Максима къ нему, для свиданія и бесѣды. Долго посланные не могли найти преподобнаго Максима, такъ какъ тогда было время зимнее, въ теченіе котораго преподобный то скрывался въ пещерахъ, то скитальчески проводилъ дни и ночи среди пустынныхъ лѣсовъ. Наконецъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней, утомленные трудными путями и зимними непогодами, пришли они въ келлію святаго Маманта, чтобы тамъ отдохнуть,—и вотъ туда же является божественный Максимъ, привѣтствуетъ cadaго порознь, и, между прочимъ, объясняетъ посланнымъ отъ преподобнаго Григорія, куда онъ хочетъ идти со Святой горы, съ какимъ намѣреніемъ и цѣлью. Но когда посланные сказали, что старецъ ихъ Григорій приглашаетъ его къ себѣ, для свиданія, онъ всталъ и, тогда же отправляясь съ ними,

*) Въ области монастыря Филовейскаго.

запѣлъ: *возведохъ очи мои въ горы, отнюду же придетъ помощь моя*, и проч. (Псал. 120). „Послушайте, братія,“ сказалъ преподобный Максимъ своимъ спутникамъ, когда приблизились они къ келліи Григорія: „старецъ теперь, послѣ молитвеннаго подвига и трудовъ, покоится, — успокоимся и мы,“ — и съ сими словами, оставивъ ихъ, погрузился въ пустынный лѣсъ, прослезился и запѣлъ: *исправи, Господи, стопы моя предъ Тобою, да не обладаетъ мною всякое беззаконіе* (Псал. 118, 133). Наконецъ, преподобный Григорій и божественный Максимъ увидѣлись. Чтобъ присутствие другихъ не могло нарушить покоя ихъ и искренности, Григорій приказалъ удалиться всѣмъ, и остался только съ преподобнымъ Максимомъ. Когда они остались наединѣ, божественный Григорій, между прочимъ, спросилъ святаго Максима, занимается ли онъ умною молитвою. „Прости меня,“ отвѣчалъ съ улыбкою тотъ: „я человекъ прельщенный.“ — „Оставь теперь это,“ возразилъ Григорій, „и ради Господа, ради моей собственной пользы, скажи мнѣ о дѣлахъ твоихъ: я ищю не празднословія, а славы Божіей.“ Тогда божественный Максимъ, убѣжденный именемъ Божиимъ, началъ рассказывать ему о своей жизни, о божественныхъ видѣніяхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ — о демонскихъ искушеніяхъ. „Я,“ говорилъ онъ, „имѣлъ великую вѣру къ Госпожѣ моей Богоматери, плакивалъ предъ Нею въ моихъ молитвахъ, испрашивая благодать умной молитвы, и разъ, вошедши, по обыкновенію, въ храмъ Ея, со слезами просилъ Ее объ этомъ. Приступивъ для сего къ Божественному лику, чтобъ облобызать его, я вдругъ ощутилъ теплоту, которая, согрѣвая сердце, приводила въ движеніе всѣ чувства и волновала ихъ сладостнымъ умиленіемъ. Съ тѣхъ поръ умъ и сердце мое постоянно заняты сладкою памятію моего Иисуса и Богоматери, и молитва сердечная остается постояннымъ моимъ занятіемъ. Но прости меня.“

— „Скажи мнѣ,“ продолжалъ божественный Григорій: „при постоянномъ дѣйстви молитвы Іисусовой въ сердцѣ твоёмъ, замѣчалъ ли ты въ себѣ какое-нибудь божественное измѣненіе, — или восторгъ, или какой-нибудь другой плодъ молитвы и благодати Святаго Духа?“

— „Чтобы духъ молитвы чувственнѣе и обильнѣе проявлялся во мнѣ,“ отвѣчалъ божественный Максимъ, „я погрузился въ пустыню, и постоянно искалъ безмолвія: тогда этотъ плодъ молитвы я дѣйствительно замѣчалъ въ божественномъ желаніи и восхищеніи ума ко Господу.“ „И это точно такъ,“ возразилъ Синаить. А божественный Максимъ, потупившись, улыбнулся и сказалъ: „дай мнѣ покушать и не любопытствуй о заблужденіи.“ „О, еслибы я дошелъ до такого заблужденія!“ воскликнулъ святой Григорій. „Но, умоляю тебя, скажи мнѣ откровенно: во время молитвы, когда мысль твоя возносится къ Богу, что созерцаетъ душа? Можетъ ли тогда дѣйствовать сердечная молитва?“ — „Никакъ,“ отвѣчалъ онъ: „когда благодать Святаго Духа, во время моей молитвы, овладѣетъ умомъ, тогда молитва не дѣйствуетъ; потому что, не имѣя своей собственной силы, умъ въ тѣ минуты остается подъ вліяніемъ Святаго Духа, и Духъ уже дѣйствуетъ, вводя и изводя его въ видѣнія Божественныя, осіявая его неизреченнымъ свѣтомъ и, по мѣрѣ достоинства человѣка, доставляя ему свое утѣшеніе. Въ такомъ положеніи бывали святыя Пророки и Апостолы, и восходили до такой степени въ созерцаніи откровеній, что для людей казались изступленными или какбы упившимися. Какъ святой Исаія удостоился видѣть Господа *на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*, окружаемаго Серафимами (6, 1), или какъ Стефанъ первомученикъ зрѣлъ *небеса отверста и Сына Человѣческаго одесную стояща Бога* (Дѣян. 7, 56), и проч.; точно такъ же и нынѣ рабы Христовы сподобляются различныхъ видѣній,

хотя нѣкоторые и не вѣрятъ сему, считая это невозможнымъ, а потому и думаютъ, что то заблужденіе, а не истина. И очень странно, что бѣдные люди не признаютъ благодати Святаго Духа, хотя она еще чрезъ Іоіля обѣщана Богомъ: *излію*, сказалъ чрезъ него Богъ, *отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ* (2, 28). Эту Божественную благодать и нынѣ даруетъ Христосъ всякому изъ вѣрующихъ, и, какъ обѣтовалъ Самъ, она не оскудѣетъ до скончанія вѣка. При дѣйстви сей благодати, душа становится выше всего чувственнаго, и погружается въ таинства созерцанія, такъ что о чемъ умъ дотолѣ и воображать не могъ, то, какъ говоритъ Божественный Павелъ, ясно открывается ему. Чтобы понять, какъ умъ созерцаетъ то, *еще око не видѣтъ*, и чего не могъ онъ постичь самъ собою, объяснимъ это такъ: воскъ, какъ ни растирай его руками, безъ содѣйствія огня, не сдѣлается текучимъ; а положи его въ огонь, онъ прежде всего растопляется, потомъ объемлется пламенемъ и, сливаясь съ нимъ, вспыхиваетъ, объемлется свѣтомъ и самъ превращается въ свѣтъ, — такъ что невозможно уже оставаться ему въ своемъ собственномъ видѣ, напротивъ, онъ разливается въ пламени, какъ вода. Такъ бываетъ и съ нашею душою: безъ содѣйствія благодати, она предоставляется силѣ собственнаго своего разсужденія; но когда Божественный огонь, или благодать Святаго Духа, объемлетъ ее, она остается уже подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ Его свѣта, дѣлается сама свѣтомъ, и такимъ образомъ, воспламенившись огнемъ Божественнымъ, не можетъ дѣйствовать собственными силами, — или думать и разсуждать по своему произволу, но дѣйствуетъ и разсуждаетъ въ силѣ и духѣ Божественной благодати.

— „Но это не суть ли только признаки заблужденія,“ возразилъ тогда святой Григорій, „отъ которыхъ должно отличать еще другіе?“ — „Признаки заблужденія,“ отвѣчалъ

на это великій Максимъ, „и признаки благодатныхъ дѣйствій — не одно и то же. Лукавый духъ заблужденія дѣйствуетъ не такъ: онъ производитъ въ душѣ движенія смѣшанныя, умъ становится мраченъ, сердце каменѣеть, — слѣдствіемъ чего и бываетъ боязнь и страхъ, высокое о себѣ мнѣніе, пренебреженіе къ другимъ, волненіе мысли непріязненными чувствами въ отношеніи ко всѣмъ, что и въ самыхъ бесѣдахъ человѣка обнаруживаетъ опасное положеніе мечтательнаго ума и враждебнаго сердца. Такой человѣкъ, самъ замѣчая въ себѣ дѣйствіе непріязни, смущается; въ немъ хотя и не можетъ быть истиннаго смиренія и молитвенной слезы, однакожъ, онъ, въ тщеславіи своемъ, хвалится собственными подвигами, такъ что наконецъ доходитъ до помѣшательства, и совершенно погибаетъ. Такого несчастія да избавитъ насъ Господь, твоими молитвами! Между тѣмъ, признаки благодати,“ — продолжалъ св. Максимъ, — „слѣдующіе: Духъ Святой, осѣняя умъ, совершенно хранитъ его и всѣ чувства отъ развлеченія и разсѣянности, и потомъ, приводя на память человѣку смертнѣйшую часть, грѣхи его и вѣчныя за нихъ наказанія, невольно погружаетъ его въ смиренное о себѣ мнѣніе, трогаетъ и доводитъ до слезъ и плача. И чѣмъ болѣе такимъ образомъ дѣйствуетъ на человѣка благодать, тѣмъ совершеннѣе смиряетъ его, и, въ этомъ смиреніи, утѣшаетъ его вмѣстѣ безмѣрнымъ челоуѣколюбіемъ Господа, Который пострадалъ за него. Вслѣдствіе же сего, умъ, погружаясь въ таинства созерцанія и Божественныхъ видѣній, относитъ все это не къ собственнымъ своимъ силамъ и подвигамъ, а къ всемогуществу и силѣ Бога, и сердце въ тишинѣ производитъ плоды Святаго Духа: радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе и — оплотъ всѣхъ сихъ плодовъ — божественное смиреніе. Отъ этого душа человѣка чувствуетъ неизреченное веселіе.“ Божественный синаить,

пораженный бесѣдою святаго Максима, съ тѣхъ поръ называлъ его не иначе, какъ земнымъ ангеломъ.

Послѣ сего онъ убѣдительно просилъ, чтобы преподобный Максимъ не сожигалъ уже каливъ своихъ. „Укрѣпись,“ говорилъ онъ, „на одномъ мѣстѣ и сиди, какъ говоритъ мудрый Исаакъ,—чтобы сколько, съ одной стороны, и себя утверждать въ опытахъ подвижничества, столько же, съ другой, и инымъ доставить пользу и назиданіе Ты уже состарѣлся,“—продолжалъ онъ,—„а смерть приходитъ часто преждевременно: поэтому не скрывай таланта: не для тебя собственно данъ онъ тебѣ Богомъ, но для того, чтобъ ты передалъ его и другимъ. Оставь юродство и пребывай на одномъ мѣстѣ; а то что за польза, если тобою будутъ только блазниться? Хорошо ли, если ты, вмѣсто того, чтобъ передать твои опыты въ строгомъ подвижничествѣ, и такимъ образомъ однихъ утвердить въ нихъ и болѣе возвысить, а въ менѣе сильныхъ возбудить святую ревность къ подражанію, заставишь и тѣхъ и другихъ имѣть о тебѣ зазрительное мнѣніе? Господь не для того даетъ благодать Святаго Духа, чтобы, подобно лѣнивому рабу, скрывали ее; мы, подражая Апостоламъ, должны быть свѣтомъ міру, и *свѣтъ* нашей жизни *да просвѣтитъя предъ чловѣки*, а не предъ пустынными скалами. Итакъ, да просіяетъ собственный твой свѣтъ предъ здѣшними отшельниками, да видятъ дѣла твоя и прославятъ Отца нашего, Иже на небесахъ. Послушайся меня и поступи такъ. Я совѣтую тебѣ, какъ искренній другъ и братъ: а знаешь, что *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ* (Притч. 18, 19), по выраженію Священнаго Писанія“. Когда и прочіе старцы узнали объ этихъ совѣтахъ Божественнаго Григорія, переданныхъ Максиму, у нихъ тоже родилось желаніе употребить всевозможныя убѣжденія къ тому, чтобъ онъ утвердился на одномъ мѣстѣ. Вслѣдствіе сего, божественный Максимъ, какъ истинно смиренный и послушный

волѣ старческой, избралъ себѣ постояннымъ жилищемъ пещеру, въ сосѣдствѣ знаменитаго старца Киръ Исаи, окружилъ ее легкою загородкою, на одну сажень въ ширину и на одну въ длину,—но не изъ камней или дерева, а изъ вѣтвей и травъ, по своему обыкновению: и съ той поры, дѣйствительно, провелъ тамъ остатокъ жизни своей, въ обычной своей нестяжательности, восходя отъ силы въ силу и день отъ дня преуспѣвая въ подвижничествѣ,—такъ что наконецъ достигъ высоты Ангельскаго безстрастія. При пещерѣ своей онъ выкопалъ себѣ могилу и, каждодневно удаляясь туда во время утрени, плакалъ надъ могилою и плачевнымъ старческимъ гласомъ пѣлъ надгробныя пѣсни, составленныя имъ самимъ. Такимъ образомъ тихо текла жизнь его. Демоны, конечно, не преставали тревожить его жестокими своими нападеніями, но, ставши выше всѣхъ ихъ козней, онъ низлагалъ ихъ; врачевалъ приходившихъ къ нему и источалъ всѣмъ и каждому струи вещественныхъ и духовныхъ цѣленій, убѣждая всѣхъ къ исправленію своей нравственности и къ строгому храненію церковныхъ законоположеній, и запечатлѣвая такія убѣжденія конечнымъ совѣтомъ, по очищеніи совѣсти, пріобщаться пречистыхъ Таинъ Христовыхъ, въ извѣстные праздники, во исцѣленіе души и тѣла. Изъ числа многихъ чудесъ преподобнаго Максима, представимъ слѣдующія,—чтобы показать, какую силу и власть пріялъ онъ отъ Господа надъ демонами, и какимъ даромъ предвѣдѣнія и прозорливости украсилъ его Господь. Замѣтимъ предварительно, что онъ получалъ иногда и хлѣбъ насущный отъ Бога чрезъ Ангела.

Однажды пришли къ преподобному нѣкоторые изъ лаврской братіи, для получения отъ него назиданія душевнаго. Пришелъ съ ними и мірянинъ. Преподобный, какъ только увидѣлъ послѣдняго, строго закричалъ на него и прогналъ его далеко, приговаривая: „это окаянный Акидинъ!“ Ме-

жду тѣмъ пришедшіе съ міряниномъ не знали, что онъ питалъ непріязненныя чувства и мысли въ своемъ сердцѣ, въ отношеніи къ пустынному подвижничеству. Когда мірянинъ, такимъ образомъ, былъ выгнанъ, преподобный началъ объяснять братіи заблужденія Акиндина, называя его еретикомъ, слугою антихриста и пріятелемъ демонскихъ сквернъ. Такъ преподобный Максимъ былъ строгъ въ отношеніи и къ другимъ еретикамъ и противникамъ восточнаго православія: онъ проклиналъ ихъ. Точно такимъ же образомъ, въ другой разъ, выгналъ онъ отъ себя и вольнодумца.

Аѳонскій инокъ хотѣлъ, по своей надобности, путешествовать въ Константинополь, и рѣшился было съѣсть на прибывшій къ Святой горѣ солунскій каикъ. Когда же прибылъ онъ къ преподобному Максиму, чтобы благословиться отъ него на такой дальній путь, этотъ не отпустилъ его, предсказывая гибель каика, — что и оправдалось: по истеченіи трехъ дней, во время сильной бури, каикъ залило волнами, и онъ, вмѣстѣ со всеми бывшими на немъ пассажирами, погрузился въ море.

Пришли къ преподобному нѣкоторые міряне, имѣя съ собою одержимаго демономъ несытости; — потому что больной ѣлъ за пятерыхъ, и при всемъ томъ не насыщался. Повергшись къ ногамъ преподобнаго, міряне умоляли исцѣлить больнаго. Тронутый просьбами ихъ, святой взялъ сухарь, и, давая страждущему, сказалъ: „во имя Господа нашего Іисуса Христа, вкушай не болѣе этого сухаря, будь сытъ и миренъ,“ — и съ той поры несчастный не только исцѣлился, питаясь такъ, какъ заповѣдалъ преподобный, но, пришедши въ сокрушеніе, отрекся міра сдѣлался инокомъ и, подъ руководствомъ своего врача, преподобнаго Максима, достигъ совершенства иноческой жизни.

Изъ многихъ случаевъ, доказывающихъ, въ какой степени преподобный имѣлъ даръ предвѣдѣнія и прозорливо-

сти, приведемъ слѣдующій. Въ одно время, онъ предсказывалъ приближеннымъ своимъ братіямъ, что къ нему придутъ греческіе цари, но не для душевнаго назиданія, а для того, чтобъ узнать судьбы будущаго. Такъ и случилось.

По прошествіи малаго времени, дѣйствительно, прибыли къ нему Іоаннъ Кантакузенъ и Іоаннъ Палеологъ, греческіе императоры. Преподобный много утѣшилъ ихъ старческими своими совѣтами, открылъ имъ тайныя судьбы грядущей ихъ жизни, убѣждая къ великодушію и терпѣнію всѣхъ превратностей; отпуская же ихъ отъ себя, обратился къ Кантакузену и сказалъ: „отецъ игумень!“ а Палеологу: „Держи, неупорядимый, и не обманись: царство твое будетъ продолжительно, но бѣдственно и смутно. Впрочемъ, идите съ миромъ!“ Вскорѣ послѣ сего онъ послалъ въ Константинополь Кантакузену сухарь, часть луку и чесноку, приказавши сказать: „ты будешь монахомъ, и вотъ твоя пища!“ Такъ и случилось. По возникшей неприязни и смутамъ, утѣсняемый Палеологомъ, Кантакузенъ уклонился отъ него, и наконецъ скончалъ дни свои въ иночествѣ, на Святой горѣ. Когда случилось ему впоследствии питаться сухарями и обычною иноческою пищею, онъ вспоминалъ пророчество святаго Максима и дивился его предвѣдѣнію. И Палеологъ, равнымъ образомъ, вспоминая слова преподобнаго, трогался сердечно дивною его прозорливостію.

Въ одно время, прибылъ на Святую гору изъ Константинополя ученый чиновникъ, или такъ называемый грамматикъ, и, желая видѣть преподобнаго, слава котораго разнесилась всюду, пришелъ къ нему. Но, прежде нежели могъ онъ выговорить что-нибудь, преподобный, провидя сердечныя его чувства и мысли, напалъ на него. „Видалъ ли ты,“ строго и гнѣвно спрашивалъ онъ грамматика. „подвиги и боренія святыхъ и благодать, которая даруется имъ за то отъ Бога? И ты смѣешь хулить ихъ, полагая, что святые

не такъ подвизались, какъ пишутъ о нихъ въ житіяхъ ихъ, что будто бы историки дѣлають имъ милость, прибавляя много небывалаго! И, въ разсужденіи чудесь, которыя они творили, ты смѣешь умствовать, что это вымысль, а не дѣйствительная правда! Отстань отъ такихъ сатанинскихъ помысловъ, — иначе ты раздражишь Бога, и молнія поразить тебя за твое заблужденіе и неправыя мысли. Напротивъ, знай, что изъ жизни святыхъ только часть передается описанію, потому что никто не въ силахъ подробно описать тайные ихъ подвиги, которые вѣдомы только единому Богу. Итакъ, если хочешь себѣ добра, смирись, оставь глупыя рѣчи эллинскихъ твоихъ мудрецовъ, и обратись къ Богу всею силою души: тогда не только не будешь отвергать дивныя подвиги святыхъ, но убѣдишься истинно, что какъ благодать Божія, дѣйствовавшая во всѣхъ ихъ мысляхъ, начинаніяхъ и подвигахъ, выше слова человѣческаго, такъ и самыя подвиги святыхъ выше описанія историческаго!“ Пораженный прозорливостію преподобнаго, грамматикъ затрепеталъ и не только исправился самъ, но, при помощи Божіей, дѣйствовалъ и на сердца другихъ вольнодумцевъ.

Пожелалъ видѣть преподобнаго Максима и бесѣдовать съ нимъ архіерей траянопольскій. Въ соупутствіи своего діакона, прибылъ онъ на Святую гору. Чтобъ увѣриться въ справедливости молвы о прозорливости преподобнаго Максима, архіерей сказался діаконъ, а своего діакона облекъ въ архіерейскія свои одежды. Когда, такимъ образомъ, предварительно явился къ нему архіерей, въ видѣ діакона, прося позволенія видѣться съ нимъ траянопольскому владыкѣ, преподобный отвѣчалъ: „Не искушай моеѣ худости, святой владыка, но благослови меня. Прости мнѣ,“ продолжалъ онъ: „я видѣлъ, какъ вы съ діаконъ перемѣнились одеждами.“ Архіерей просилъ прощенія у преподобнаго, и возвратился отъ него съ великою для души своей пользою.

Въ то время дѣла сербской Церкви находились въ такомъ положеніи, что потребовалось въ Сербіи присутствіе вселенскаго владыки: поэтому, по волѣ царя, тогдашній святой патріархъ Каллистъ и подвигся туда съ своимъ клиромъ. Отправляясь по назначенію, онъ посѣтилъ и святую Аѳонскую гору, какъ бывшій аѳонскій инокъ. Посѣщая здѣсь различныя святыя обители, онъ почелъ необходимымъ побывать и въ убогой каливѣ богатаго добродѣтелями и всѣмъ имъ извѣстнаго святаго Максима. Преподобный подобающимъ образомъ встрѣтилъ святаго владыку, и принялъ отъ него святительское благословеніе. Послѣ приличнаго своего привѣтствія владыкѣ, онъ сказалъ присутствующимъ слѣдующее шуточное изреченіе: „старецъ этотъ погубилъ свою старицу (т.-е. Константинополь);“ а провожая отъ себя святаго патріарха, запѣлъ, вслѣдъ за нимъ, слѣдующіе надгробные стихи: *блаженн непорочни, въ путь ходящии*—и сказалъ бывшимъ тутъ, что патріархъ не вернется на свою каѳедру, что смертныя его останки приметь въ свои нѣдра земля сербская. Такъ и случилось.

Разъ посѣтилъ святаго Максима смотритель лаврской больницы святаго Аѳанасія, именемъ Григорій, съ другимъ братомъ лавры. Это было зимою. Вошедши въ каливу преподобнаго, они видятъ теплый хлѣбъ, необыкновенной чистоты, и издающій столь чудное и обильное благоуханіе, что наполнилась имъ вся калива святаго. Между тѣмъ, не нашедши въ каливѣ даже и признаковъ того, чѣмъ зажигается огонь, и не видя никакого въ ней слѣда, —ибо тогда только что выпалъ свѣжій снѣгъ,—они дивились этому явленію и изумлялись. Ясно, такимъ образомъ, убѣдившись, что это былъ хлѣбъ неземной, они припали къ ногамъ преподобнаго и просили его сподобить и ихъ этой небесной пищи. Святой съ любовію удѣлилъ имъ половину небеснаго хлѣба, обязавъ ихъ, впрочемъ, никому не объявлять

объ этомъ, пока онъ находится въ сей скоропреходящей жизни. Сподобившіеся видѣть такое чудо, лаврскій больничный Григорій и другой братъ лавры, по преселеніи святаго въ жизнь не старѣющуюся, рассказывали о немъ, свидѣтельствуясь Богомъ, и присовокупляли еще, что онъ въ то же время далъ имъ и воды необыкновенно пріятной.

Многіе говорили также, что святой Максимъ неоднократно услаждалъ предъ ними морскую воду и дѣлалъ ее годною для питья.

Наконецъ, по истеченіи 14-ти лѣтъ безмолвной своей жизни въ глубокой пустынѣ, преподобный, на остатокъ дней своихъ, оставилъ строгое свое уединеніе и поселился близъ лавры преподобнаго Аѳанасія, гдѣ и окончилъ подвижническую свою жизнь, 3-го января, въ глубокой старости,—будучи 95-ти лѣтъ.

Какъ при своей жизни, такъ и по смерти, преподобный Максимъ много творилъ и творить чудесъ. Писатель его житія *), перечисляя и излагая ихъ, говоритъ: „призываю Бога во свидѣтели, что и самъ я былъ очевидцемъ нѣсколькихъ чудесъ его: разъ, напр., видѣлъ его перенесшимся по воздуху съ одного мѣста на другое: слышалъ, какъ преподобный пророчески предсказалъ мнѣ, что я буду прежде игуменомъ, а потомъ охридскимъ митрополитомъ, открылъ мнѣ даже и о страдальческихъ подвигахъ моихъ за Церковь,“—и все это, какъ замѣчаетъ біографъ, исполнилось. Мало того,—по смерти своей, преподобный Максимъ являлся ему, и исцѣлилъ его отъ смертной болѣзни. Молитвами сего преподобнаго, да удостоимся и мы получить отъ славаимаго въ Троицѣ Бога милость и спасеніе вѣчное. Аминь.

*) Проигумень Ватопедской обители Феофанъ.

Я Н В А Р Я 14.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего

САВВЫ I^{го}.

АРХІЕПИСКОПА СЕРБСКАГО *).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одержимый нищетою разума и не имѣя ничего въ домѣ ума своего, что могъ бы достойно предложить на трапезу, полную словесъ Евангельской пищи для прісныхъ рабовъ богатаго Владыки, я возбуждаю васъ самихъ, отцы мои, на молитву: да подастся мнѣ, отъ неоскудныхъ сокровищъ, ясность языка и слово, текущее разумомъ; наипаче же да озаритъ меня свѣтъ, могущій прояснить мракъ души моей и мысленныя очи, чтобы мнѣ предпринять сказаніе о житіи богоноснаго Саввы, просіявшаго добродѣтелию въ родѣ нашемъ. Не ищю похвалъ ему, ибо похвала преподобнымъ отъ Господа, но ищю пользы отъ него—и себѣ и другимъ. Если нужно было описывать житіе древнихъ великихъ мужей, ради проистекавшаго отсюда блага, то тѣмъ

*) По греческому синаксарю память св. Саввы только января 14-го; въ славянскихъ же минеяхъ память его празднуется 12 января и, вмѣстѣ съ отцемъ его преп. Симеономъ Муромчичемъ, 13 февраля. Въ славянскихъ рукописныхъ минеяхъ XIV вѣка (хранящихся въ бібліотекѣ нашей Обители), и писанныхъ несомнѣнно на Афонѣ, память св. Саввы положена 15-го января; вѣроятно вслѣдствіе того, что 14-го января, бываетъ отданіе праздника Богоявленія. Западная церковь также признаетъ Савву въ числѣ Святыхъ и празднуетъ память его 14 января.

нужнѣ, даже вождѣннѣ это нынѣ, въ послѣднемъ и лѣ-
нивомъ родѣ нашемъ, когда уже приближается кончина и
мало спасаемыхъ. Взирая на житія ихъ, какбы на высо-
кіе столпы, горѣ воздвигнутые и одушевленные, мы будемъ
невольнo обращать взоры и на самихъ себя, а самихъ се-
бя представлять на судъ собственной совѣсти, что, увлек-
шись суетною жизнію, такъ далеко отстали отъ нихъ.
Намъ нужно возбуждать себя отъ лѣности, какбы остриемъ
стали, чтобы подражать имъ. Сказаніе это, быть можетъ,
одушевить и наши сердца къ исправленію жизни, по столь
высокому образцу.

„Повинуясь повелѣнію отеческому, я предлагаю повѣсть
о житіи всеблаженнаго и всехвальнаго Саввы, который
постился прежде на святой горѣ Аѳонской, а потомъ былъ
первымъ архіепископомъ и учителемъ народа сербскаго.
Не по слуху только составлялъ я это житіе, но многое
принялъ изустно отъ честныхъ учениковъ блаженнаго, ко-
торые постились и странствовали вмѣстѣ съ нимъ, и по-
томъ жизнь его изложили на хартіи, для собраннаго по
немъ стада, чтобы доставить и другимъ общеніе съ бла-
женнымъ отцомъ ихъ. Не что-либо вымышленное предла-
гаю здѣсь для похвалы великаго Саввы, а сущую истину.
Мы боимся оскорбить истину ради похвалъ, и почтемъ
себя блаженными, если въ состояніи будемъ изложить и то
одно, что дѣйствительно было, а похвалы воздаются ему
на небесахъ—Ангельскія и Божественныя, и нечистый умъ
нашъ не въ силахъ изглаголатъ ихъ. Итакъ, призвавъ на
помощь Самого Господа и святыхъ Его молитвенниковъ,
я, по силѣ своей, начинаю повѣсть о великомъ Саввѣ, от-
куда слѣдуетъ:—прилично изводить отрасль отъ самага
корня; ибо не отъ тернія пріемлемъ благословенные грозды,
а отъ доброй лозы.“

Такъ смиренно пишетъ іеромонахъ Дометіанъ, ученикъ

св. Саввы, игумень Хиландарскій, въ придисловіи своемъ къ жизнеописанію своего учителя, составленному имъ въ 1264 году.

1. Первые годы святаго Саввы, до его постриженія.

Великій жупанъ, самодержецъ сербскій, Неманя Стефанъ владычествовалъ надъ всѣми землями сербовъ, Далматіею и Травуніею, Богеміею, Славоніею, Расіею и отчасти Иллиріею, которыя съ запада и съ востока граничили съ областями ветхаго и новаго Рима. Благочестивый, богобоязненный и нищелюбивый болѣе, нежели кто-либо, сіялъ онъ мужествомъ, какъ воевода силъ, богатѣлъ всѣми благами земными, наипаче же добрыми нравами, украсался правдою и милостію. Супруга его Анна, дочь греческаго императора Романа, ни въ чемъ не уступала добродѣтели своего мужа, и въ благословенномъ бракѣ прижили они многихъ сыновей и дочерей, наставленныхъ ими на тотъ же путь спасенія; но, спустя нѣскольکو лѣтъ, заключилась утроба Анны, какъ нѣкогда Ліи, супруги Іаковлевой, и перестала она рождать. Скорбѣли о томъ оба супруга: они желали имѣть еще одно благословенное чадо, и, въ ночной молитвѣ, со слезами воззвали ко Господу: „Владыко, Боже Вседержителю, послушавшій древле Авраама и Сарру и прочихъ праведниковъ, молившихся Тебѣ о чадахъ, услыши и насъ, грѣшныхъ рабовъ Твоихъ: даруй намъ, по Твоей благости, прижить еще чадо мужескаго пола, которое будетъ утѣшеніемъ нашимъ и жезломъ старости нашей; возложивъ на него руки, мы почіемъ въ мирѣ, и нынѣ даемъ Тебѣ обѣтъ: послѣ зачатія дѣтища сего отлучиться отъ общенія брачнаго, и до конца жизни сохраниться въ чистотѣ тѣлесной.“

Господь близокъ ко всѣмъ, призывающимъ имя Его: Онъ услышалъ молитву сихъ праведниковъ, и это было началомъ неизглаголаныхъ судебъ Божіихъ, столь свѣтло просіявшихъ въ житіи преподобнаго, чуднаго и въ самомъ рожденіи, ибо рожденіе его было произведеніемъ не одного лишь закона человѣческой природы, но и плодомъ молитвы. Дарованный отъ Бога, младенецъ и нарекъся Божимъ; утѣшенные родители прославили Господа и вторично породили свое чадо, водою и Духомъ, въ новую жизнь, давъ имя ему: Растко (Ростиславъ),—ради добраго его возраста *). Дитя возрастало о Господѣ, и когда достигло отроческихъ лѣтъ, отдано было въ наученіе Божественныхъ книгъ. Безмѣрна была любовь родителей къ этому дитяти,—они не могли отвлечь отъ него ненасытныхъ взоровъ: ибо красотою тѣлесною и душевною превосходило оно всѣхъ своихъ братьевъ, и въ дѣтствѣ еще изумляло каждаго разумомъ. На пятнадцатомъ году его возраста, Стефанъ отдѣлилъ ему особенную область въ своей державѣ, гдѣ бы юноша могъ потѣшаться, съ благородными сверстниками, охотою, ристаніемъ и другими, свойственными его лѣтамъ, забавами.

Но иное было направленіе ума благоговѣйнаго Растки: еще юный, взошелъ онъ уже въ разумъ священныхъ книгъ, которыя непрестанно читалъ, заимствуя изъ нихъ начало премудрости—страхъ Божій, и разгараясь день отъ дня Божественною любовію, какъ бы огонь прилагалъ къ огню. Ни во что вмѣнялъ онъ царство и богатство, славу и благоденствіе, и почиталъ, какъ тѣнь мимотекущую, всѣ временныя многоятежныя блага, и суетнымъ—все человѣческое на землѣ. Растко избралъ себѣ правый путь,—еди-

*) Св. Савва родился въ 1169 году (Славян. народн. Шафарикъ. 55). Въ этомъ же году поступилъ во владѣніе русскихъ обитель св. Пантелеимона, въ которой св. Савва принялъ иноческое постригеніе. Весьма знаменательное совпаденіе!..

ный непреклонный: нелѣпно стоялъ на службахъ церковныхъ, любилъ постъ, избѣгалъ празднословія и смѣха; нечистыхъ словъ и вредныхъ пѣсней, разжигающихъ юношеское желаніе ненавидѣла душа его; ко всѣмъ былъ привѣтливъ, нищелюбивъ и кротокъ,—особенно уважалъ санъ иноческій, такъ что и сами родители, взирая на высокую его добродѣтель, чувствовали себя пресыженными юношею, какъ будто онъ не отъ нихъ родился, а по-истинѣ дарованъ имъ отъ Бога.

На восемнадцатомъ году его жизни, отецъ и мать хотѣли сочетать его законнымъ бракомъ, но благодатный юноша избѣгалъ всякихъ узъ міра, чтобы упразднить себя для единого Бога. Слыхалъ онъ о святой горѣ Аѳонской и о прочихъ пустынныхъ мѣстахъ, ибо къ отцу его приходили отвсюду за милостынею, да и самъ онъ посылалъ отъ себя во святія мѣста—раздавать преподобнымъ милостыню. Господь не оставилъ безъ исполненія сердечнаго желанія юнаго Растки. Однажды, вмѣстѣ съ благородными сверстниками, посѣтилъ онъ родителей своихъ,—и обрадовались державные пришествію возлюбленнаго сына: пиршества, во изъявленіе общей радости, смѣнялись пиршествами. Случилось, Промысломъ Божиимъ, въ тѣ торжественные дни придти инокамъ со святой горы Аѳонской, за милостыней. Одинъ изъ нихъ былъ родомъ русскій: тайно пригласивъ его къ себѣ въ храмину, благодатный юноша расспрашивалъ его подробно о Святой горѣ, и взялъ съ него обѣщаніе—никому не открывать бесѣды ихъ. Инокъ русскій съ любовію рассказывалъ о пустынномъ жительствѣ и общежитильномъ уставѣ: какъ на Святой горѣ пребываютъ по двое и по трое въ келліяхъ, и какъ уединяются отшельники на безмолвіе во глубину пустыни, для поста и молитвы. Краснорѣчиво описалъ все это пришелецъ аѳонскій, ибо не простой былъ чернецъ, а искусный въ

словѣ, и посланъ отъ Бога; внимая ему, юноша проливалъ потоки слезъ, и сонъ бѣжалъ очей его. „Вижу, отче,“ сказалъ онъ старцу, „что всевидящій Богъ, Которому открыта болѣзнь моего сердца, послалъ твою святыню возбудить меня, грѣшнаго: нынѣ, въ самомъ дѣлѣ, утѣшилось мое сердце, и неизреченною радостію исполнилась душа моя; нынѣ я уразумѣлъ то, чего безъ сознанія желалъ постоянно. Блаженны сподобившіеся столь безмятежнаго житія! Что же мнѣ дѣлать, отче? какъ избѣжать многмятежнаго міра, для этой ангельской жизни? Если родители сочетаютъ меня бракомъ, любовь плотская удержитъ меня. Между тѣмъ, я не хотѣлъ бы оставаться здѣсь ни одного дня, чтобы не возобладала мною сладость житейская и не отвлекла души моей отъ любви Ангельской,—хотѣлъ бы бѣжать, но пути не знаю. Притомъ всюду стерегутъ меня: отецъ настигнетъ и возвратитъ; я только наведу на него скорбь, а на себя позоръ, и устраненъ буду отъ желаннаго подвига.“

— „Вождельна любовь родителей,“ отвѣчалъ старецъ, „и неразрѣшимъ союзъ естества: отрадно единство семейное,—но Владыка всяческихъ, ради Него, чтобы за Нимъ послѣдовать внушаетъ оставить и это, и даже, если случится, пострадать за Него, — а не тѣлеснаго искать покоя,—и прилежать бдѣнію и молитвѣ, въ алчбѣ и наготѣ, съ плачемъ и сокрушеніемъ сердца. Вотъ какой путь предлагается боголюбивымъ душамъ и вмѣняется имъ въ истинную славу.“ Какъ земля доброплодная пріемлетъ сѣмя, такъ принималъ юноша въ сердце свое словеса старческаго, и дивился старецъ теплою любви его къ Богу, пламенѣвшей въ душѣ его, исполненной цѣломудрія и умиленія. „Вижу, чадо,“ сказалъ онъ, „что во глубину души твоей проникла уже любовь Божія; но поспѣши совершить доброе свое желаніе, пока злой сѣятель не успѣлъ посеять плевелъ въ

сердцѣ твоємъ и заглушить добрую пшеницу, а иначе благая мысль твоя измѣнится въ любосластіе. Удержанный здѣсь, ты ничего не достигнешь, и подвергнешься укоризнѣ Евангельской, подобно тѣмъ, которые предпочли села и упряжь воловъ и новобрачную жену безсмертной вечери Господней, и явили себя недостойными призванія небеснаго Царя. Я самъ готовъ быть споспѣшникомъ благому дѣлу и проведу тебя до Святой горы, куда стремишься ты духомъ—лишь бы только мы имѣли коней, для избѣжанія погони.“ Юноша возблагодарилъ Бога, утвердившаго сердце его пришествіемъ странника, благодарилъ и самого, посланнаго къ нему отъ Бога, старца, который исполнилъ душу его радости.

Нимало не медля, вошелъ онъ къ родителямъ и просиль, по обычаю, благословенія въ путь. „Въ горахъ, недалеко отсюда,“ сказалъ онъ, „есть довольно добычи: благословите на ловлю и, если замедлю, не скорбите, потому что тамъ много оленей.“ Желая сдѣлать ему угодное, благословилъ его отецъ, благословила и мать, какъ обычно матерямъ, и заповѣдала скорѣе возвращаться: не угадали они, что не оленей хочеть ловить сынъ ихъ, а что онъ самъ, какъ олень, жаждеть источниковъ водныхъ, и ищетъ истиннаго источника—Христа. Для большаго успокоенія родителей, послалъ онъ въ горы ловцовъ, какъ бы для того, чтобы облавою согнать звѣрей къ одному мѣсту. Къ вечеру, Растко остался подъ горою съ своею дружиною, и, когда всѣ уснули, въ глубокую ночь, съ немногими изъ присныхъ своихъ, которымъ извѣстна была тайна, предводимый Богомъ и посланнымъ отъ Него инокомъ, пустился бѣжать. Насталъ день: благородные юноши искали своего господина, но нигдѣ не могли найти,—и говорили между собою; „не посмѣялся ли онъ надъ нами и не возвратился ли къ отцу?“ Не видя, однако, ни инока, бывшаго съ ними,

ни присныхъ служителей князя, они стали недоумѣвать и, оставивъ ловитву, возвратились къ державному, съ вѣстью объ утратѣ его сына.

Услышавъ печальную эту вѣсть, скорбные родители едва не лишились жизни,—и тутъ же уразумѣли, что увлекъ его никто иной, какъ русскій инокъ, и не въ иное мѣсто, какъ на Святую гору, куда издавна было его стремленіе. Собрались вельможи и народъ, и подняли громкій плачь о горькой утратѣ: родители оплакивали сына, братія—брата, рабы—владыку. Но вскорѣ державный отецъ ободрился духомъ, и велѣлъ утолить плачь: „не подвергнемся мы такой обидѣ отъ иноковъ,“ сказалъ онъ, „и не лишимся сына, котораго даровалъ намъ Господь свыше всякой надежды; мы еще увидимъ его и насытимся его любовію.“—Стефанъ призвалъ одного изъ своихъ воеводъ: „испыталъ ли ты,“ говоритъ онъ, „болѣзнь чадолюбія,—этотъ вѣчно горящій огонь, не знающій утоленія? Если мы когда-либо дѣлали тебѣ добро, то вотъ теперь случай тебѣ возблагодарить насъ. Ступай и возврати сына моего,—и тѣмъ утѣшишь сердце отца и освободишь отъ смерти мать: мы будемъ имѣть тебя вмѣсто друга и наградимъ многими, выше прежнихъ, благами.“ Скорбный отецъ призвалъ дружину благородныхъ юношей и, польстивъ ихъ надеждою наградъ, велѣлъ стремиться внутрь Святой горы; написалъ и посланіе къ греческому епарху города Солуни и умолялъ его силою извлечь сына изъ обителей аеопскихъ, съ угрозою достигнуть этого войною, если не исполнить просимаго добровольно.

Воевода и дружина гнали сильныхъ коней своихъ день и ночь, и достигли славнаго города Солуни, гдѣ вручили епарху письмо державнаго. Епархъ, очень любившій влестителя сербовъ, сильно огорчился и написалъ отъ себя къ Проту, или верховному игумену Святой горы, письмо,

въ которомъ умолялъ его не презирать требованій жупана Сербіи; ибо теперь надобно совершить не простое какое-либо дѣло, а немедленно возвратить сына державному отцу его, чтобы не нарушилъ онъ пріязни своей къ грекамъ и не нанесъ имъ многихъ скорбей. Епархъ съ воеводою сербскимъ отпустилъ и довѣреннаго своего человѣка. Вступивъ въ предѣлы Святой горы, они вездѣ дорогою спрашивали, не проходилъ ли искомый ими юноша,—и при этомъ описывали внѣшній образъ его и красоту. Наконецъ, услышали они, что, незадолго предъ ними, такой юноша прошелъ въ русскій монастырь: тогда, отложивъ путь свой къ Проту Аѳонской горы, посланные поспѣшили въ Русикъ *), чтобы взять юношу, пока онъ еще не постригся; и бѣглець, дѣйствительно, найденъ въ Русикѣ еще въ одеждѣ княжеской. Когда вошли они въ церковь святаго великомученика Пантелеимона и увидѣли своего князя, тогда забыли, отъ радости, трудный путь и со слезами пали къ ногамъ его: въ страхъ, какъ бы опять не лишиться его, хотѣли они возложить на него узы, но не дерзнули поднять руки на своего господина,—только поставили около него почетную стражу, чтобы, отдохнувъ нѣсколько, взять его съ собою.

Подивился юноша, что отецъ послалъ за нимъ такого именитаго воеводу, и какъ бы стыдился смотрѣть въ лицо этому мужу, поднявшему ради него столь тяжкій трудъ. Растко отвелъ его въ сторону и спрашивалъ: „какъ могъ онъ столь быстро совершить такой далекій путь?“ Воевода рассказалъ ему о горести родителя, о письмѣ его къ епарху и отъ епарха къ Проту, не скрывъ и твердаго намѣренія возвратить князя, волею или неволею, въ домъ отеческій. Уразумѣлъ юноша предстоящую опасность, но

*) О времени поселеніи русскихъ на Аѳонѣ см. книгу: «Русскій монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на св. горѣ Аѳонской» М. 1886 г.

еще надѣялся отклонить ее просительнымъ словомъ къ воеводѣ. „Если хочешь,“ говорилъ князь, „ты можешь оставить меня здѣсь, не опасаясь измѣны, и, какъ сильный человѣкъ, укротить моего отца, а самъ я напишу къ нему и умиротворю его сердце: только ты поступи съ братскою любовію,—не препятствуй мнѣ совершить то, для чего я пришелъ.“ Но воевода отвѣчалъ: „Нѣтъ, владыка мой, ты и не начинай такого моленія къ рабу твоему, такъ какъ исполнить его невозможно. Государь мой и твой отецъ возложилъ это дѣло на меня, какъ на человѣка вѣрнаго. Пусть бы еще мы обрѣли тебя въ иноческомъ образѣ,—тогда могли бы, пожалуй, имѣть хоть нѣкоторое извиненіе: но такъ какъ Господу угодно было, чтобъ ты удержалъ донынѣ тотъ самый видъ, въ какомъ желаютъ видѣть тебя отецъ твой, братья и вельможи, то кто я, чтобы могъ отважиться на такой помысль, и съ какими очами явлюсь предъ лицо отца твоего? Итакъ, отложи всякую мысль о сопротивленіи, и, хотя съ сердцемъ скорбнымъ, послѣдуй за нами; угаси пламень, возженный въ сердцѣ родительскомъ страннымъ твоимъ побѣгомъ, ибо знаешь самъ, что ты былъ единственною утѣхою твоего отца. Если же не захочетъ идти съ нами, то принудишь меня сдѣлать то, о чемъ не хотѣлось бы и говорить: принудишь наложить на тебя узы, ибо я боюсь твоего отца болѣе всего, и такое принялъ отъ него повелѣніе.“

Видя неумолимый нравъ воеводы, юноша принялъ на себя веселый видъ и сказалъ; „да будетъ воля Господня!“ Увѣряя, что пойдетъ съ ними, онъ тайными воздыханіями зывалъ къ Господу, чтобы Милосердый былъ его помощникомъ въ этой напасти, и позволилъ, благочестія ради, употребить хитрость,—ибо сердце его было исполнено мудрости. Князь просилъ игумена приготовить свѣтлую трапезу, для утѣшенія сербскихъ пришельцевъ, а между тѣмъ

съ вечера начать утреннюю службу, и открылъ ему тайную свою мысль. Игуменъ успѣшилъ исполнить желаніе его: устроилась обильная вечеря, и самъ настоятель служилъ при трапезѣ, которая продлилась далеко за полночь. Это было наканунѣ воскресенья. Игуменъ велѣлъ ударить въ било ко всенощному бдѣнію, а самъ, вмѣстѣ съ юношею, всталъ отъ вечери; возсталъ и воевода съ своею дружиною, чтобы присутствовать при службѣ церковной, ибо не дерзалъ спустить глазъ съ юнаго своего князя. Медленно шло пѣніе и чтеніе, по уставу святыхъ отцевъ; сторожившіе юношу, утомленные еще отъ дороги, и послѣ пиршества исполненные виномъ, забылись сномъ въ церковныхъ сѣдалищахъ. Ревностный Раство, едва только замѣтилъ это, тотчасъ всталъ изъ среды ихъ и, поклонившись предъ святымъ алтаремъ, произнесъ Господу обѣты иноческіе. Потомъ взялъ онъ съ собою одного старца инокъ, почтеннаго саномъ священства, и, вмѣстѣ съ нимъ, взошелъ на высокій монастырскій пиргъ, заключивъ за собою желѣзныя двери. Священноинокъ, сотворивъ молитву, отрѣзалъ волосы главы его и облекъ его въ ризы ангельскаго образа: Раство мірское имя свое измѣнилъ на имя Саввы, которымъ прославилась земля сербская. Простершись на землю, много пролилъ онъ слезъ и произнесъ благодарныя молитвы къ Господу, исполнившему пламенное желаніе его сердца. Старецъ инокъ пристыженъ былъ плачемъ юноши, который въ столь нѣжные годы показывалъ ужетакую высокую ревность по Богѣ.

Покамѣстъ совершалось это на высокомъ пиргѣ, внизу, въ храмѣ великомученика Пантелеимона, всенощное бдѣніе окончилось: очнулись стражи, проспавшіе своего князя, и ужаснулись, не видя его между собою; они стали искать его всюду, въ церкви и въ обители, и, не находя, начали досаждаютъ игумену и бить монаховъ. Воевода, утишивъ молву, говорилъ братіи: „Мы приняли отъ васъ, честные

отцы, неправду и безчестіе: но, стыдясь ангельскаго вашего образа, кротко и челоуѣколюбиво обходились съ вами. Не тотъ ли изъ васъ, что приходилъ просить дара у владыки нашего,—не онъ ли. льстецъ, достойный смерти, въ ничто вмѣнивъ этотъ даръ, бѣжалъ, и похитилъ сына у отца, родителей повергъ въ смертный плачь, а насъ— въ безвыходныя затрудненія? Теперь же вотъ опять укрыли вы отъ насъ господина нашего. Откуда такое своеволіе? какъ можете вы ругаться надъ нами? Головою своею дадите намъ отвѣтъ: откройте, гдѣ скрыли вы князя?“

Слыша на высокоомъ пиргѣ, что воевода готовъ уже свирѣпствовать и что нещадно бьютъ иноковъ, юноша убоялся суда Божія, еслибы злоба довершилась убійствомъ. Опъ приникъ съ вершины башни и, во мракѣ ночи, воззвалъ къ своимъ. Всѣ обрадовались, услышавъ голосъ его, и устремились къ пиргу, взирая на высоту и какъ бы желая проникнуть очами мглу ночную, чтобы утѣшиться его лицезрѣніемъ. Инокъ Савва, бывшій князь Растко, сказалъ воеводѣ: „ты ли въ сѣдой головѣ носишь умъ юноши и, имѣя съ собою, въ странѣ чужой, полкъ людей, высоко думаешь о себѣ?“ а благороднымъ юношамъ говорилъ: „Бога ли вы не боитесь, ни ангельскаго не стыдитесь образа? Годится ли вамъ вооружаться на иноковъ во святынѣ храма? Какое зло сдѣлали они вамъ? Если ищите меня, то вотъ я предъ вами; впрочемъ, нынѣ еще не свободенъ, а завтра увидите меня; оставьте же этихъ въ покоѣ.“ Объятые страхомъ и стыдомъ, благородные воины сербской дружины безмолвствовали и не знали, что отвѣчать своему князю, а только обступили пиргъ и стерегли его во всю ночь. На разсвѣтѣ же, князь—иннокъ опять приникъ съ высоты столпа, уже облеченный во все украшеніе ангельскаго образа, и возгласилъ къ своей дружинѣ. Узрѣвъ его въ такомъ видѣ, подняли они горькій плачь и со слезами пали

на землю. Инокъ же Савва, сострадая ихъ горю, утѣшалъ ихъ слѣдующими словами: „Сдѣлавшееся со мною угодно было Богу: Самъ Господь привелъ меня сюда, такъ что вы не настигли меня, и Онъ же теперь избавилъ меня отъ рукъ вашихъ. Вы хотѣли совратить меня съ добраго, желаннаго мною пути, и похвалиться предъ вашимъ владыкою: но Богъ мой, на Котораго уповая, вышелъ я изъ дома отеческаго, и здѣсь былъ мнѣ помощникомъ, какъ вы сами видите; Онъ и впредь направитъ жизнь мою по Своей волѣ. Прошу васъ не скорбѣть и не сокрушаться о мнѣ: напротивъ, восхвалите вмѣстѣ со мною Бога, удостоившаго меня этого спасительнаго и желаннаго мною образа. Возьмите съ собою, знакомую вамъ, княжескую мою одежду и волоса отъ моей головы, да и возвращайтесь съ миромъ во-свояси; отнесите эти залого родители и братіи моеи, чтобы они повѣрили вамъ, что вы нашли меня въ живыхъ, но, по благи Божіей, уже инокомъ: Савва — имя мое.“

Сказавъ это, новый иннокъ бросилъ съ вершины пирга свою одежду и юношескіе волосы, а съ ними вмѣстѣ и хартію, написанную его рукою въ утѣшеніе родителямъ, которыхъ онъ умолялъ — „не имѣть о немъ ни малѣйшей скорби и не плакать, какъ бы о погибшемъ, а скорѣе молить Господа, чтобы ихъ молитвами совершить ему доброе. Пусть и они, по мѣрѣ своихъ силъ, попекутся о душѣ своей, и пусть не чають его болѣе видѣть во временной жизни,—развѣ только Богъ позволить ему во Святой горѣ дождаться владыки отца своего, насладиться зрѣніемъ честныхъ сѣдинъ и насытиться изліяніями сладкой его любви!“ Много къ этому еще присовокупилъ Савва изъ словъ Евангельскихъ - о правдѣ, милости и судѣ, и о томъ, чтобы не дѣлать другимъ, чего себѣ не желаешь, и заключилъ слѣдующимъ обѣтованіемъ Господнимъ: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или ма-*

терь, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приметъ и животъ вѣчный насладитъ (Матѳ. 19, 29).

Поднявъ, брошенныя съ пирга, княжескую одежду, хартию и волосы, воевода и его дружина положили все это предъ собою и оплакивали живаго, какъ бы мертваго. „Что ты сдѣлалъ съ нами, князь!“ восклицали они: „намъ горче смотрѣть на тебя теперь, когда ты найденъ, чѣмъ тогда, когда бѣжалъ отъ насъ; такое обрѣтеніе печальнѣе самой утраты! Вотъ и княжеская одежда: но какъ мы отдадимъ ее родителямъ и братіи! Вотъ волосы съ любимой головы, которыми донинѣ утѣшались сердца и взоры ихъ: но теперь не покажутся ли они несчастнымъ какъ бы вервие удавленія! Все это исполнено не радости, а плача! Какое примемъ за тебя возмездіе? въ какую свѣтлую одежду облечуть насъ тѣ, которыхъ сами мы облечемъ въ одежду сѣтованія? Предложенный намъ, ночной пиръ исполненъ былъ прелести, — онъ уподоблялся той трапезѣ, которою обольстилъ Іаковъ отца своего, чтобы исторгнуть у него благословеніе! Подносимая тобою, чапа, князь, казалась полна меда любви, а между тѣмъ она растворена была горькою желчью! О ночь, въ которую мы заснули, будь ты темна, по слову Іова, и да не причтешься ты къ ночамъ луннымъ! Въ эту ночь мы, какъ безумные, достойные всякаго осмѣянія, въ одинъ часъ упустили изъ рукъ труды многихъ дней! Сонъ, по грѣхамъ нашимъ, одолѣлъ насъ; а если бы, какъ было намъ повелѣно, мы обложили бѣжавшаго узами, то были бы теперь свободны отъ скорби смертной. Какъ явимася владыкѣ нашему! Какой камень или какое желѣзо выдержитъ ту повѣсть, которую мы принесемъ твоимъ родителямъ и братіи!“

Такой плачь, такіе вопли слышны были и внизу — на землѣ, и въ верху — на пиргѣ, — ибо и Савва нисколько не меньше плакалъ тамъ, какъ и эти здѣсь. Да и какой без-

чувственный камень не умилился бы, внимая тому плачу!— Такъ прошелъ день. Къ вечеру рыданіе нѣсколько утихло: сербская дружина стала уже собираться въ путь и, возводя взоры на столпъ, къ своему князю, послала ему прощальное цѣлованіе и укоризны, со слезами любви: „Прощай владыко нашъ,—прощай и благоденствуй, насыщай безъ насъ каменную твою утробу! Приметъ ли Господь тебя, прельстившаго родителей? Достанетъ ли у тебя духа говорить, что боишься Бога, обманувши насъ?“ Взывая къ нему такимъ образомъ, въ сердечной горести, они, въ то же время, испрашивали у него молитвъ и благословенія, и, взявъ съ собою печальную его одежду, пошли въ обратный путь; но дорогою не разъ останавливались, обращаясь къ роковому пиргу съ полными слезъ глазами, пока можно было еще видѣть его издали *).

Послѣ того, инокъ Савва сошелъ со столпа, въ новомъ ангельскомъ своемъ образѣ, поклонился игумену и братіи, и отъ всѣхъ былъ привѣтствуемъ съ любовію. Тѣхъ изъ братій, которые приняли за него оскорбленія, онъ умолялъ простить своимъ досадителямъ, чтобы они съ миромъ возвратились во свояси: ибо эти досадители, только по ихъ молитвѣ, возвратились съ праздными руками. Внимая смиреннымъ его рѣчамъ, всѣ исполнились радости, а тѣ, которые приняли за него раны, утѣшались ими, какъ бы пріобрѣли какую корысть.

2. Иноческіе подвиги Саввы; постриженіе отца его.

Вскорѣ пронеслась молва по всей пустыни, въ общестіяхъ и по келліямъ отшельниковъ, что сынъ самодержца

*) Пиргъ или башня, съ которой св. Савва сбросилъ одежды, цѣла и доселѣ. Въ ней устроена (въ 1871 г.) церковь, посвященная его имени.

сербскаго, оставивъ царство и возлюбивъ безмолвіе болѣе міра, вселяется съ ними: поэтому всѣ желали видѣть его. Наступилъ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, — это былъ храмовой въ знаменитой обители аѳонской, Ватопедѣ: настоятель и братія пригласили честнаго инока Савву участвовать въ радости торжества и похвальныхъ пѣніяхъ Пречистой Дѣвы. Пришедшій на зовъ, принять былъ съ честію и любовію, и, насладившись праздникомъ, осмотрѣлъ благолѣпіе чудной обители Игуменъ и братія Ватопедскіе, съ согласія Прота всѣхъ обителей Святой горы, убѣдили преподобнаго поселиться вмѣстѣ съ ними; потомъ, спустя немного времени, испросилъ онъ благословеніе у игумена идти поклониться прочимъ обителямъ Святой горы, взойти на самую ея вершину и посѣтить всѣхъ разсѣянныхъ по пустыни отшельниковъ. Игуменъ согласился, и отпустилъ съ нимъ опытныхъ иноковъ, которые бы указали ему всѣ святыя мѣста: вездѣ принималъ онъ былъ съ особенною честію. Совершая трудные пути босыми ногами, путешественникъ пришелъ въ лавру святаго Аѳанасія, гдѣ едва только принялъ молитву и благословеніе и далъ себѣ малый покой, какъ устремился на вершину Аѳона, куда издавна влекло его желаніе сердца. Тамъ на колѣняхъ простоялъ онъ всю ночь на молитвѣ, одождивъ священную вершину теплыми слезами. Спустившись съ горы, посѣтилъ онъ множество постившихся въ вертепахъ, у ея подошвы, гдѣ проводили они самое строгое житіе, и радовался, что сподобился видѣть рабовъ Божіихъ, какихъ трудно встрѣтить на землѣ. Блаженные эти отцы, хотя еще и не могли называться Ангелами, ради плотской своей оболочки, однакожъ, по истинѣ были выше человѣковъ, такъ какъ упразднились отъ всего земнаго, не заботились ни о чемъ тѣлесномъ, не занимались ни куплями, ни земледѣліемъ или виноградниками:

молитвы и слезы были ежедневнымъ ихъ дѣланіемъ; умъ же ихъ всегда былъ устремленъ къ Богу; тѣсныя ихъ каливы поросли травою и оглашались только древеснымъ шумомъ и пѣніемъ птицъ, возбуждавшихъ къ прославленію Бога; а нѣкоторые отшельники гнѣздились въ каменныхъ ущеліяхъ, земныхъ пропастяхъ и на морскихъ утесахъ, подобно птицамъ, гдѣ были обуреваемы вѣтромъ и дождями, опалаемы солнцемъ, лишены всякой отрады, и гдѣ не грозила имъ опасность отъ хищниковъ, ибо у нихъ не было ничего, кромѣ рублищъ. Пища была по силѣ каждому: одни изрѣдка питались хлѣбомъ, другіе — древесными плодами или дикимъ быліемъ; питіемъ же служила имъ, текущая изъ камня, вода. Всѣ они, однажды отрекшись отъ всего мірскаго, уже совершенно забыли міръ, и мало чѣмъ не достигли естества Ангельскаго.

Блаженный Савва, написавъ на хартіи своего сердца такіе труды ихъ и такую преданность Богу, глубоко вздыхалъ и укорялъ себя за свое нерадѣніе: онъ со слезами припадалъ къ ногамъ преподобныхъ, прося ихъ молитвы и благословеція, и съ сердцемъ, какъ бы уязвленнымъ стрѣлою, возвратился въ свою обитель Ватопедъ, гдѣ былъ принять съ прежнею любовью. Братія разспрашивали его о странствованіяхъ по Святой горѣ и, видя, что онъ унылъ лицомъ и утратилъ цвѣтъ юности, приписывали это непривычному хожденію босыми ногами по камнямъ. Но они не вѣдали тайны души его, не знали, что желаніе пустынное снѣдало самую плоть его и не давало ему покоя. Онъ пришелъ къ игумену и исповѣдалъ ему болѣзнь сердечную, умоляя отпустить его на подвигъ пустынный: но игумень не далъ ему на это благословенія, пока не утвердится онъ на первой ступени общежитія, чрезъ послушаніе. „Все хорошо въ свое время,“ говорилъ опытный старецъ: „ни время, ни возрастъ не позволяютъ еще тебѣ искать столь труд-

наго подвига; къ тому же, знаютъ, чей ты сынъ, ибо приходъ твой не утаился и отъ державныхъ. Что же, если, по смутѣ человеческого врага, встрѣтитъ тебя въ пустынѣ мужъ крови, и мы всѣ за тебя примемъ поношеніе?“ Не безъ Промысла Божія послѣдовалъ этотъ отказъ, чтобы пустынное свѣтило не скрылось въ горахъ подъ спудомъ, и не лишились свѣта имѣвшіе просвѣтиться отъ него. Со смиреніемъ послушался аввы преподобный и началъ раздѣлять съ братією труды общежитія: работая для каждого, онъ приобрѣлъ общую любовь; днемъ занимался службою тѣлесною, а ночь проводилъ въ бдѣніи молитвенномъ, истомля тѣло поклонами, какъ будто душа его заключена была въ мѣдной плоти, или какбы плоть вовсе не принадлежала ему,—ибо не чувствовалъ онъ никакой усталости; едва позволялъ себѣ вкушать немного хлѣба и воды, а зной и холодъ были для него безразличны; зимою довольствовался онъ убогою власяницею, только для прикрытія наготы, и ходилъ всегда босыми ногами; огрубѣвшая кожа ступней его уже не боялась острія камней. Но, врагъ своего тѣла, онъ былъ обходителенъ и кротокъ со всѣми: въ обители дивились, какъ въ столь юномъ возрастѣ и въ столь короткое время, могъ онъ достигнуть такого совершенства духовнаго, какое недоступно и многолѣтнимъ подвижникамъ.

Между тѣмъ воевода и благородные юноши, возвратившись къ родителямъ блаженнаго Саввы, рассказали имъ все, что съ нимъ было; они принесли и красную одежду, и свѣтлорусые волосы юноши, и написанную его рукою, прощальную хартію. Оружіе прошло сердце родителей и братій, когда увидѣли они, что утрачена ихъ надежда: громкими воплями звали отсутствующаго; одежду и волосы его дѣлили между собою, какъ нѣкое сокровище, окропляя ихъ слезами, и прилагая къ очамъ своимъ, какбы врачей-

ство. Вмѣстѣ съ царственнымъ домомъ, плакали, будто объ усопшемъ, и всѣ подвластные и, ради сѣтованія, по обычаю мірскому, облеклись въ черныя одежды. Но мало-помалу сердца родителей умилились: страхъ Божій возвратился въ ихъ души, и они уразумѣли, какой благой примѣръ показалъ имъ юноша, предваряя ихъ на пути спасенія.

Державный Стефанъ послалъ отъ себя на Святую гору много золота, чтобы царственное его дѣтище ни въ чемъ не нуждалось и имѣло деньги для раздачи убогимъ; родитель не безъ страха написалъ ему посланіе и, стыдясь называть его сыномъ, скорѣе называлъ отцемъ и учителемъ, предстателемъ предъ Господомъ и молитвенникомъ о нихъ къ Богу. „Домъ нашъ въ рукахъ твоихъ,“ писалъ старецъ: „души наши и мы всѣ въ твоей волѣ, ибо ты удивилъ родившихъ тебя своею добродѣтелію; но отними отъ насъ скорбь тяжелой нашей болѣзни и утѣшь своимъ пришествіемъ; мы обѣщаемъ опять возвратить тебя въ пустыню.“ Получивъ отеческое писаніе, богомудрый Савва оросилъ его обильными слезами, помолился о родителяхъ и благодарилъ Бога. Принявъ отъ руки ихъ много золота, онъ отдѣлилъ только необходимое на хлѣбъ, а самъ, ходя босымъ по монастырямъ и пустынямъ, сѣялъ повсюду милостыню щедрою рукою, и тѣмъ созидалъ обитель отцу своему на небесахъ; потомъ опять возвращался въ монастырь свой Ватопедъ, на прежніе подвиги.

Однажды напекъ онъ свѣжихъ хлѣбовъ и, навьючивъ ими монастырскихъ лошаковъ, ночью поднялся въ путь, вмѣстѣ съ погонщиками, которымъ ввѣрены были мулы; босой, шелъ онъ впереди, и проникалъ онъ въ дальнѣйшія пустыни, чтобы угостить пустынниковъ, постившихся отъ трехъ до пяти дней и даже по недѣлѣ, судя по силѣ каждаго, ибо это было время великой четырехдесятницы. День тогда насталъ субботній, и Савва думалъ насытить пост-

никовъ теплыми хлѣбами, чтобы, въ замѣнъ, воспріять себѣ отъ нихъ теплыя молитвы. Когда достигъ онъ мѣста, называемаго Милопотамъ, напали на него разбойники и отняли все. Огорчился блаженный, — но не оттого, что впалъ въ руки разбойниковъ, а оттого, что этимъ замедлился путь его и не могъ онъ поспѣть вовремя къ трапезѣ отшельниковъ. Хищники спросили его: кто онъ, и изъ какой обители? Савва назвалъ себя ученикомъ отца Макарія, и сказалъ, что, ради монастырской нужды, былъ онъ посланъ въ сосѣдній Есфигмень, гдѣ задержала его братія, чтобы послать съ нимъ теплые хлѣбы въ пустыню, старцамъ, Христа ради постящимся, — ибо таковъ обычай отеческій. Говоря это, вознесъ онъ изъ глубины сердца теплую молитву, съ полною вѣрою ко святымъ мужамъ, которыхъ шелъ посѣтить, — и получилъ нечаянную свободу. Разбойники умилились, — ибо Господь коснулся сердца ихъ, и отпустили Савву со всеми его запасами: ревностный инокъ успѣлъ еще вовремя принести хлѣбы преподобнымъ и рассказалъ имъ, какъ, молитвами ихъ, сподобился избѣжать рукъ вражихъ.

Когда прошло первое изумленіе разбойниковъ, они начали говорить между собою: „что это было съ нами? не обаятель ли какой обаялъ насъ? или мы видѣли по-истинѣ челоуѣка Божія! Посмотримъ, дѣйствительно ли онъ — ученикъ преподобнаго Макарія? а преподобный Макарій по своей добродѣтели извѣстенъ былъ всемъ. Пришли они къ Макарію, какбы за благословеніемъ, и увидѣли при немъ блаженнаго юношу. Старецъ пригласилъ ихъ сѣсть, и предложилъ имъ все, что имѣлъ въ своей келліи, — пустынныхъ овощей и маслинъ; болѣе же всего насытилась душа ихъ доброю бесѣдою: имъ казалось, что небесный огонь опалить ихъ, или земля поглотитъ живыми, если они причинятъ ему какое-либо зло. Вопросъ ихъ былъ одинъ: въ

самомъ ли дѣлѣ юноша ученикъ его,—ибо славное видѣли о немъ знаменіе. Внимая имъ, старецъ прослезился, и сказалъ: „чада мои! юноша этотъ ученикъ Божій, по иночеству — одинъ изъ братій нашихъ, а по рожденію — сынъ благочестиваго царя сербскаго. Онъ оставилъ царство, презрѣлъ славу родителей и все приманки міра, возлюбилъ нищету и, какъ сами видите, вселился съ нами. Въ настоящее время Богъ посылаетъ его обходить пустыни и утѣшать страждущихъ въ горахъ и вертепахъ.“ Изумились хищники великому смиренію юноши, нисшедшаго съ такой высоты Бога ради, и не могли безъ слезъ смотрѣть на власяное рубище и босыя ноги Саввы, представляя прежнее его величіе: они пали къ ногамъ его и просили себѣ благословенія, — какъ отъ юноши, такъ и отъ старца, обѣщаясь болѣе не дѣлать разбоевъ. Старецъ и юноша тоже, съ своей стороны, поклонились имъ до земли и съ любовію обнимали ихъ, радуясь внезапному ихъ обращенію. Съ тѣхъ поръ блаженный уже безъ страха странствовалъ по пустынѣ.

Савва опять пожелалъ идти въ лавру святаго Аѳанасія, и, по обычаю,—пѣшкомъ, ибо до пришествія отца своего никогда не рѣшался сѣсть на коня. Игуменъ, милуя странника, и желая облегчить ему путь, отпустилъ его, съ нѣсколькими изъ братій, въ малой ладѣ. Они были уже недалеко отъ лавры,—какъ вдругъ, изъ-за утесовъ, выплыли на нихъ морскіе разбойники: одинъ изъ иноковъ успѣлъ бѣжать съ этою вѣстью въ лавру,—и исполнилось скорбію сердце игумена о блаженномъ юношѣ. Опасаясь, какъ бы злодѣи не узнали царскаго его рода, онъ послалъ своего старца на берегъ, чтобы умягчить суровость разбойниковъ и пригласить ихъ въ лавру, гдѣ обѣщалъ дать имъ все нужное. Что же?—ожесточенные дѣйствительно повинувались слову старческому. Плѣнники сказались лавріотами;

а Савва между тѣмъ возсылалъ теплыя молитвы къ Богу. Благоразумный старецъ, взглянувъ на юношу, какъ будто призналъ его, и съ великимъ гнѣвомъ воскликнулъ: „не туда-то ли послалъ тебя игумень,— а ты еще здѣсь? Развѣ такъ-то исполняютъ приказанія?“ И при этомъ словѣ устремился на него съ посохомъ, какъ бы хотѣлъ ударить его. Савва уразумѣлъ хитрость, и, будто испугавшись печальнаго гнѣва, соскочилъ съ ладьи и бросился бѣжать въ лавру, а разбойники, обезумѣвшіе въ эту минуту, и не подумали удержать его, и ни въ чемъ не прекословили старцу. Такимъ образомъ, князь Сербскій избѣжалъ опасности, и прославилъ Бога за свое спасеніе. Пришедши въ лавру, хищники даже и не спросили о бѣжавшемъ: игумень угостилъ ихъ, и отпустилъ съ миромъ. Когда же впослѣдствіи узнали они, кто былъ юноша, котораго они отпустили,— яростію исполнилось сердце ихъ, и они, гдѣ только могли, вездѣ наносили оскорбленія лавріотамъ. Савва, поклонившись гробу святаго Аѳанасія, благополучно возвратился съ спутниками своими въ Ватопедъ.

Нѣсколько времени спустя, родители опять писали блаженному Саввѣ, умоляя его придти къ нимъ, и послали ему золота больше прежняго, кромѣ особыхъ даровъ для обители Ватопедской,—золотыхъ сосудовъ, честныхъ иконъ и тканыхъ золотомъ завѣсъ, — такъ что Ватопеду всѣ завидовали, даже самый Проть. Блаженный привялъ писаніе родительское съ радостію, хотя и не безъ слезъ, и благодарилъ Бога за присланную ему милостыню: часть полученнаго даянія удѣлил онъ нищимъ, а все прочее употребилъ на сооруженіе трехъярусныхъ келлій въ Ватопедѣ, гдѣ братія умножалась. Тутъ же, на оградѣ, за великимъ соборомъ, началъ онъ строить одну церковь — во имя Рождества Богородицы, другую — во имя Златоуста, третью, на великомъ пиргѣ, -- во имя Преображенія; съ соборной

крыши велѣлъ онъ снять каменные плиты и покрылъ ее оловомъ, какъ видно это и донынѣ. Совершая такія постройки внутри Ватопеда, блаженный говорилъ: „если призрѣть на меня Господь и дастъ мнѣ видѣть здѣсь отца моего, то я поселю его въ своихъ келліяхъ.“ Много и другаго сдѣлалъ онъ для обители, — такъ что его называли вторымъ ктиторомъ Ватопеда.

Родителямъ и братіи преподобный написалъ отъ себя слово любви: „Вашею о мнѣ жалостью и благосклоннымъ писаніемъ, вы отнимаете у меня мою душу: болѣзную въ разлукѣ съ вами; но не должно любить кого-либо больше Бога, ибо сказано: *любяй отца или матеръ паче Мене, нѣсть Мене достоинъ*. Это самое препятствуетъ мнѣ идти къ вамъ; но я припадаю къ святому моему отцу и молитвенно взываю: въ земномъ твоёмъ царствѣ ты подвизался Апостольски и людей своихъ просвѣтилъ православіемъ: прогналъ ереси, опровергнулъ бѣсовскіе храмы, соорудилъ Церкви Божіи, и всѣмъ явилъ свое страннолюбіе и милосердіе; но еще остается тебѣ исполнить одно слово Евангельское: *кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Матѣ. 16, 24). Да будетъ пріятель тебѣ совѣтъ мой: презри земное богатство, какбы не сущее, и все красное міра, какъ суетное и маловременное, и послѣдуй мнѣ крестнымъ путемъ, который я приготовилъ тебѣ въ той же пустыни; вселись со мною и, упразднившись отъ всего мірскаго, приготовляй себя къ созерцанію Божію, молитвою и постомъ. Если ты сподобился благодати во дни земнаго царствія, то смиреніемъ иноческаго образа достигнешь вѣнца въ пустыни, а мою душу, любовію твоею и лицезрѣніемъ, избавишь отъ печали, ибо я опять буду съ тобою. Хорошая мать моя, въ своей области, да послѣдуетъ тому же примѣру. Молю васъ, славы ради царствія и многого ради богатства, не

оскорбитесь моими словами, какъ нѣкогда оскорбился Евангельскій юноша. Вѣру имѣй, отче, что, оставивъ земное царство, ты приобрѣтешь небесное: если же презришь слова мои, — не надѣйся увидѣть меня въ этой временной жизни. Миръ Божій и любовь святыхъ отецъ пустынныхъ и моя грѣшная молитва да будутъ съ тобою.*

Принявъ въ руки сыновнее писаніе, какбы нѣкую святыню, державный отецъ всталъ съ своего престола, поклонился и поцѣловалъ драгоценныя для него строки; но прочесть ихъ не могъ, ибо пламенные слезы отеческой любви затмѣвали его взоры. Наконецъ, успокоившись духомъ, онъ прочиталъ письмо, и подивился премудрости и силѣ изложеннаго въ немъ слова, ибо глубоко въ сердце его проникъ укоръ о Евангельскомъ юношѣ, который ради земнаго богатства оставилъ Христа, и державный ублажилъ своего сына, сдѣлавшагося ему учителемъ. Немедленно велѣлъ онъ со всей своей державы созвать епарховъ, воеводъ и благородныхъ мужей, малыхъ и великихъ, и назначилъ день великаго государственнаго совѣта: а между тѣмъ распредѣлил все свое богатство, назначивъ его, по частямъ, убогимъ, хромымъ, слѣпымъ, сирымъ и вдовицамъ. Когда всѣ собрались, такъ что царскія палаты едва могли вмѣстить благородный синклитъ, вышелъ въ средину этого сонма владыка и велѣлъ сперва прочесть во услышаніе всѣхъ сыновнее писаніе; потомъ сказалъ: „Други мои, братія и чада, внимлите моему слову: жизнь моя извѣстна вамъ съ самаго начала; каждаго изъ васъ вскормилъ я, какъ брата или друга, и вы всегда были послушны мнѣ. Вотъ, мы сохранили нашу землю не разоренною отъ враговъ, — однако, спасались, упоая не на лукъ нашъ: крѣпость наша состояла въ вѣрѣ во Отца и Сына и Святаго Духа, мы были сильны противъ враговъ крестомъ Христовымъ. Нынѣ заклинаю васъ соблюсти святую

вѣру въ единосущную Троицу чистою отъ всякой ереси, — такою чистою, какою мы приняли ее при святомъ крещеніи, — изгнавъ изъ среды себя всякую ересь. Умоляю васъ быть вѣрными, какбы мнѣ лично, тому, кого я поставлю вмѣсто себя владычествовать надъ вами. Божіимъ Церквамъ и ихъ служителямъ воздавайте должную почесть: вы видѣли, какъ самъ я всегда воздавалъ подобающее святынѣ.“

Внимая этой неожиданной рѣчи, вельможи недоумѣвали; а державный, между тѣмъ, заключилъ ее слѣдующими словами: „Возлюбленный и Богомъ дарованный мнѣ синклитъ! вы слышали, какъ отрицается отъ меня сынъ мой и не хочетъ болѣе видѣть меня въ этой жизни, если я не послѣдую ему. При вашемъ содѣйствіи, довольно было у меня радостей земнаго владычества, довольно воинскихъ дѣлъ и обильныхъ трапезъ, довольно пресыщенія удовольствіями міра; нынѣ отпустите меня съ любовію и крестомъ на раменахъ, да послѣдую сыну, да настигну его въ пустыни, гдѣ надѣюсь упраздниться отъ своихъ золь и попекусь о своемъ спасеніи.“ Едва только объявилъ онъ эту печальную вѣсть, какъ отовсюду поднялся громкій вопль и огласилъ весь дворецъ. Всѣ плакали, — благородные и неблагородные, чуждые и сродники по плоти, — сыны его и сыны сыновъ, — раздирая на себѣ княжескія одежды. Чего не дѣлали они, какихъ умиленныхъ словъ не говорили, чтобы какъ-нибудь удержать отца своего и владыку! — „Не оставляй насъ, отецъ нашъ и учитель, — иначе и мы пойдемъ съ тобою! Если хочешь воспріять крестъ Христовъ, заключись въ своемъ монастырѣ, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, могли утѣшаться твоимъ лицезрѣніемъ. Какая будетъ тебѣ похвала, если ты, какъ одинъ изъ странныхъ, да еще и на чужой сторонѣ, окончишь жизнь свою?“ Но державный отвѣчалъ: „Что плачете и расслабляете мою душу? Вы слышали, какъ отрекается меня сынъ мой, если не послѣ-

дую ему! Не хочу лишиться его.“ Тутъ призвалъ онъ старшаго своего сына Стефана, — богобоязненнаго, исполненнаго добродѣтели и мужества, и, вмѣстѣ съ епископомъ Каллинникомъ и со всѣми благородными, вошелъ въ Церковь святыхъ верховныхъ Апостолъ. По совершеніи Божественной службы, самодержецъ-отецъ и преосвященный епископъ молитвенно оѣнили избраннаго честнымъ крестомъ и возложили на главу его руки, благословляя Стефана быть великимъ жупаномъ, владыкою и самодержцемъ всей земли сербской; потомъ всѣ благородные вельможи поклонились ему и возгласили „многая лѣта.“

Въ царскихъ палатахъ приготовленъ былъ свѣтлый пиръ, Стефанъ приглашалъ всѣхъ, говоря: „приидите возлюбленные друзья, братія и чада, — раздѣлите со мною послѣднюю трапезу: уже никогда вмѣстѣ съ вами не вкушать мнѣ отъ этихъ яствъ; возвеселимся въ послѣдній разъ.“ Во время пира, принесены были свѣтлые дары, и державный надѣлилъ cadaго изъ своихъ присныхъ: оба Стефана, — отецъ и сопрестольникъ его, — щедро раздавали подарки, одинъ — по случаю оставленія, а другой по случаю принятія царства. На слѣдующее утро все измѣнилось: смиренный Стефанъ Неманя и супруга его Анна пошли въ храмъ Пресвятыя Богородицы, ими же самими созданный въ Студеницѣ, и тутъ поклонившись предъ царскими дверьми, произнесли Богу иноческіе обѣты. Тотъ же епископъ Каллинникъ обоихъ ихъ облекъ въ ангельскій образъ, и нарекъ бывшаго властителя Стефана инокомъ Симсономъ, а подругу его, благочестивую Анну, — инокинею Анастасію. Анастасія, собравши вокругъ себя ликъ черноризицъ, вмѣстѣ съ ними упражнялась въ пощеніи и молитвахъ; а Симеонъ вначалѣ подвизался съ иноками, бывшими въ Студеницѣ, потомъ же, собравши много золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, для раздачи аѳонскимъ обителямъ, пустился съ ними въ путь.

Сынъ его, самодержецъ Стефанъ, со все́мъ дворянствомъ сербской земли, провожалъ его до предѣловъ греческихъ, обливаясь горькими слезами, и тамъ разстался съ нимъ, а нѣкоторые изъ дворянъ послѣдовали за нимъ на Святую гору *).

Достигнувъ Ватопеда, державный инокъ былъ принять въ немъ съ честію. Игуменъ и братія, послѣ благодарной молитвы, привѣтствовали старца въ соборной Церкви, а потомъ въ отчія объятія призвали и сына. Какими словами описать радость давно желаннаго свиданія? Не было тутъ звуковъ рѣчи или словъ, были только слезы; и еслибы старца не поддерживали,—онъ упалъ бы на землю: слезы его лились на вождѣнную главу юнаго сына, склонившуюся къ его сердцу,—и какихъ благодареній ни возсылалъ къ Богу богобоязненный юноша, изъ глубины обрадованнаго сердца, видя, что отецъ его исполнилъ заповѣдь Божию! Оба они, Господа ради отчуждившись всего, сдѣлались на землѣ странниками. Отдохнувъ отъ пути, преподобный Симеонъ принесъ въ даръ обители драгоценные сосуды и завѣсы, привелъ избранныхъ коней и лошаковъ для работы, и надѣлилъ серебромъ всю братію, отъ перваго до послѣдняго, начиная съ игумена. Изъ дворянъ, провожавшихъ бывшаго своего владыку, иные остались съ нимъ въ обители, хотя и вопреки его желанію: „у тебя прославились мы въ земномъ воинствѣ,“ говорили они, „теперь съ тобою вмѣстѣ будемъ воинствовать Царю небесному, и ничто не разлучитъ насъ отъ любви твоей.“ Все они въ послѣдствіи, на удивленіе Святой горѣ, сдѣлались опытными иноками.

Скоро на горѣ Аѳонской пронеслась молва о прише-

*) Св. Симеонъ сложилъ съ себя достоинство великаго жупана Сербіи 1195 г. марта 25, а на Аѳонъ прибылъ въ 1197 г. ноября 2. (Слав. древи. Шафарикъ. ч. II, кн. 1, 118. Δωδεκάβιβλος Δοσθηέου патр. 'Ιεροσολόμ. кн. 2, 814.

ствіи сербскаго владыки. Всѣ удивлялись смиренію его и прославили Бога. Игумены, изъ своихъ обителей, и преподобные, изъ глубины пустынь, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Протомъ, памятуя благодѣянія его сына, пришли поклониться державному иноку: старецъ всѣхъ надѣлялъ нескудною милостынею и у всѣхъ просилъ себѣ молитвъ и благословенія, — такъ что, наконецъ, непрестанныя посѣщенія Ватопедской обители становились уже въ тягость. Князья-иноки сербскіе, чтобы устранить это неудобство, дали ей еще довольно золота и требовали, чтобы всѣмъ приходившимъ страннымъ всякій день была пища, хлѣбъ и вино. Потомъ пожелалъ и Симеонъ обойти Святую гору, чтобы поклониться всѣмъ ея обителямъ. Испросивъ благословеніе у игумена, онъ взялъ съ собою Савву, какъ жезлъ своей старости. Юноша, по обычаю, хотѣлъ идти съ нимъ босыми ногами, но нѣжный отецъ не могъ того вынести, хотя доблестный юноша со слезами просилъ его объ этомъ, какъ о милости, пока будетъ въ силахъ. „Помилуй, чадо мое,“ говорилъ ему отецъ: „приражающимися къ ногамъ твоимъ камнями ты будешь терзать мое сердце!“ Савва, не желая оскорблять родителя упорствомъ, впервые послѣ многихъ лѣтъ, обулся и сѣлъ на коня: такъ прибыли они сперва на Средину Святой горы *), гдѣ обиталъ Протъ, старѣйшій надъ всѣми монастырями, въ обитель Богоматери на Кареѣ. Бывшій владыка сербскій надѣлилъ Прота и всю братію великолѣпными дарами; имена его и сына вписаны, для поминовенія, между именами царскихъ ктиторовъ Святой горы. Изъ Кареи спустились они въ обитель Иверскую, а дорогою посѣтили и другіе монастыри, вездѣ записывая имена свои, — и такъ достигли святой лавры: но старецъ, ослабѣвшій ногами, не могъ взойти

*) Карея въ древности называлась и «Срединою» и «великою Срединою» (Μέση, μεγάλη Μέση).

на вершину Святой горы Аѳонской и только у подножія ея, издали, съ вѣрою поклонился ей. Въ Лаврѣ помолился онъ надъ гробомъ святаго Аѳанасія, основателя аѳонскаго общежитія, и щедрѣе, чѣмъ въ иныхъ монастыряхъ, одарилъ игумена и братію. Изъ сосѣднихъ и дальнихъ скитовъ стеклось много преподобныхъ пустынниковъ, для духовнаго собесѣдованія съ державными сербскими иноками. Наконецъ, возвратившись въ Ватопедъ, отецъ и сынъ поселились вмѣстѣ, въ устроенныхъ заблаговременно келліяхъ.

Единомысленные во всемъ, они раздѣлили между собою труды и молитвы: сынъ подвигамъ училъ отца, но старецъ, какъ старецъ, не могъ слѣдовать по стопамъ его, и потому юноша старческую немощъ восполнялъ избыткомъ своихъ силъ,—постился и трудился и за себя, и за отца. Чудень былъ этотъ старецъ: какъ нѣкогда, живя въ мірѣ, онъ безъ труда, хотя и безъ обиды, своими щедротами осыпалъ нищихъ, и тѣмъ какбы грабилъ свое царство, такъ и въ иноческихъ подвигахъ казался лихоимцемъ;—не имѣя силъ исполнить все самъ, онъ лежа собиралъ плоды сыновніе,—собиралъ съ сокрушеніемъ сердца и со смиреніемъ души, проливая отъ сердечнаго умиленія много слезъ. Юноша трудился, а старецъ соболѣзновалъ, мысленно творя столько же поклоновъ, сколько и тотъ, и состраждущею ему душею, при всенощномъ его распинаніи, какбы поддерживалъ простиравшіеся долу члены своего сына. Усугублялъ ли юноша постъ за себя и за старца,—усугублялъ и старецъ слезы и воздыханія за себя и за юношу, ибо плакалъ о юности сына, истомляемой подвигами, плакалъ и о своемъ ожесточеніи, и о своемъ безсиліи для подвиговъ, и о томъ, что не могъ страдать вмѣстѣ съ сыномъ. Унылый и дряхлый, съ трясущею отъ ветхости головою, онъ укорялъ себя и сидѣлъ, а юноша старчески

утѣшалъ отца: „не унывай, батюшка! мое стояніе, мой постъ и поклоны пусть будутъ и твоими; я приѣмлю твои труды на себя, ибо ты послушалъ меня, и отъ меня взыщетъ Господь душу твою.“

Внимая такимъ словамъ, дряхлый старецъ обливался потоками слезъ, изумлялся чрезвычайному смиренію и послушанію своего сына, и даже не смѣлъ называть его своимъ сыномъ, а только, наклонивъ къ себѣ и лобызая священную его главу, говорилъ: „Ей, господинъ мой! ей, утроба моя! воистину все оставилъ я и тебѣ единому прилѣпился! Что же воздамъ тебѣ, исторгшему меня изъ суетнаго міра и столько болящему о душѣ моей? — Благословенъ ты отъ Бога, благословенъ и день, въ который ты родился, — не мое чадо, а Божіе.“ Такъ утѣшался старецъ, видя въ сынѣ какбы нѣкоего борца или искуснаго воеводу, который подвизается за него, и, вмѣняя себѣ сыновніе подвиги, оставался благонадеженъ. Такимъ образомъ, труды доблестнаго сына и воздыханія отца его къ Богу, равно какъ сугубая молитва ихъ, сливались въ одно, — и оба они веселились о Господѣ, оба ограждали, какъ внутренно — свою душу, такъ и извнѣ — обитель Ватопедскую, возстановляя въ ней все разоренное.

3. Начало Хиландарской обители.

При входѣ во Святую гору, на мѣстѣ называемомъ Просфори, издавна былъ монастырь, съ церковію святаго Симеона Богопріимца; но эта Церковь, по разореніи монастыря корсарами, оставалась въ запустѣніи. Игумень и братія Ватопеда напомнили о ней преподобнымъ, и они на ея обновленіе великодушно дали много золота, которое обильно приносили имъ отъ самодержца Стефана. Вскорѣ Церковь соорудилась и благолѣпно украсилась; поднялись —

и высокій, стоящій до нынѣ пиргъ, и около него ограда съ палатами. Кромѣ того, державные иноки много сдѣлали и для обители Ватопедской: распространили и росписали ея трапезу, соорудили келліи, насадили виноградники и приписали къ ней метохи, или подворья, которыя испросили у державшаго тогда скипетръ греческій, императора Алексія Ангела, который исполнялъ всякое прошеніе преподобныхъ,—не оттого только, что находился въ родственныхъ съ ними связяхъ, но и потому, что дивился странническому ихъ подвигу.

Когда же, съ теченіемъ времени, различныя нужды побудили самого игумена идти въ Царьградъ, — ходатайствовать о дѣлахъ монастырскихъ, и онъ боялся, что не будетъ уважено его прошеніе,—братія внушили ему убѣдить блаженнаго Савву идти вмѣсто себя. Князь-инокъ сербскій принять былъ въ Царьградѣ сватомъ своимъ, императоромъ, съ великою честію; юный ликъ его предъ взоромъ всѣхъ представлялся ангельскимъ. Императоръ спрашивалъ его о здравіи и образѣ жизни отца его,—и Савва, рассказавъ все, что зналъ, возбудилъ при дворѣ общее всѣхъ изумленіе. Кесарь ублажилъ святаго старца, уклонившагося отъ многихъ попеченій и избравшаго себѣ благоую часть. Богомудрый, пользуясь царскою любовію, изложилъ, что было ему поручено отъ обители Ватопедской, и императоръ всѣ его прошенія исполнилъ, обѣщая даровать сверхъ того все, о чемъ еще сталъ бы онъ просить. Тогда Савва сказалъ кесарю: „есть на Святой горѣ запустѣвшій монастырь, называемый Хиландарь; если царство твое хочетъ сотворить добро мнѣ и отцу моему, то даруй намъ эту обитель: а мы, какбы отъ себя уже, передадимъ ее Ватопеду, и это наше даяніе прослыветъ милостію твоего царства.“

Юный инокъ просилъ съ боязнію, какбы сомнѣваясь

въ успѣхѣ; но кесарь, ободряя его, сказалъ: „я уже предварилъ тебя, что все, о чемъ ни попросишь, дамъ твоей святости.“ Итакъ, кесарь пожаловалъ имъ Хиландарь, со всѣмъ его населеніемъ, и утвердилъ даръ свой багряною подписью и хрисовуломъ; самого Савву, почтивъ многими дарами, отпустилъ съ любовію, а преподобному Симеону написалъ грамоту о взаимномъ утвержденіи мира между сербами и греками, и просилъ себѣ его молитвъ. Обрадовалась Ватопедская братія, что исполнены ея прошенія. Савва поспѣшилъ къ своему отцу; молча сидѣлъ старецъ, не выходявшій изъ своей келліи со дня отбытія сына. Но, съ возвращеніемъ его, какбы свѣтомъ зари просіяло его сердце, и проявилась душа его: онъ воздѣлъ преподобныя руки свои къ Богу и, благодаря Его, палъ со слезами въ сыновнія объятія. Савва возвѣстилъ ему о царскомъ привѣтствіи, вручилъ письмо, вмѣстѣ съ дарованнымъ золотомъ, и объявилъ, что Хиландарь пожалованъ имъ царскимъ хрисовуломъ: за все это старецъ воздалъ хвалу Богу. На другой день, преподобный Симеонъ призвалъ игумена и братію и, показавъ имъ хрисовулъ, приписалъ Хиландарь къ Ватопеду, и все присланное царемъ золото уступилъ на пользу обители: такую любовь питали они къ монастырю, въ которомъ полагали окончить дни свои!

Но Господь, древле распространившій въ Египтѣ пришельца Іакова, чрезъ прекраснаго сына его Іосифа, распространилъ теперь на Святой горѣ и новаго Израиля, посредствомъ благообразнаго подвижника Его Саввы, и землю вольнаго ихъ странствованія населилъ не плотскими, а духовными ихъ чадами. Нѣкто богобоязненный старецъ пришелъ къ блаженному Саввѣ и сказалъ: „Страннолюбіе ваше, питаніе нищихъ и любовь ко святымъ монастырямъ, а особенно къ Ватопеду, достойны хвалы и пріятны Богу: по благоразумно было бы вамъ подумать и

о самихъ себѣ во дни вашей жизни;—примите добрый мой совѣтъ, какъ совѣтъ челоуѣка, желающаго вамъ добра. Нынѣ все вамъ возможно о Господѣ: въ своей землѣ вы самодержцы и сродники по плоти царствующему кесарю, всякое ваше прошеніе исполнится. Итакъ, испросите себѣ запустѣвшій монастырь и, обновивъ его, утвердите за своимъ отечествомъ, и пусть называется онъ Сербскимъ; пусть и изъ среды вашего народа, любящіе Бога и убѣгающіе отъ суеты мірской, послѣ васъ обрѣтутъ тамъ пристанище спасенія, и сами вы, многихъ ради спасенныхъ, сподобитесь большихъ почестей отъ Бога.“

Блаженный Савва принялъ это внушеніе, какбы внушеніе Самого Господа, и, поблагодаривъ соплеменнаго ему старца, съ любовію и дарами отпустилъ его на родину. Потомъ вошелъ онъ въ келлію отца своего и сообщилъ ему данный совѣтъ: преподобный Симеонъ, одолеваемый старостию, какбы воспрянулъ отъ сна; ослабѣвшія колѣна его изнемогали отъ поста,—однакожь, поддерживаемый сыномъ, какбы посохомъ, онъ поднялся съ одра своего, и, ставъ на молитву, воздѣлъ горѣ руки, со слезами благодарилъ Бога за такой совѣтъ, и наконецъ вотъ что сказалъ любимому сыну: „Вѣруй мнѣ, Божіе чадо,—Богъ для нашего спасенія восхотѣлъ, чтобы мы сперва сами временно пожили подъ властію, пришельцами, руководствуясь не своею волею, и чрезъ то стяжали бы себѣ смиреніе; оттого донынѣ и скрывалъ Онъ отъ насъ этотъ совѣтъ. Теперь же послалъ Онъ къ намъ старца, или Ангела Своего, и мы должны неукоснительно послѣдовать этому, данному намъ Богомъ, совѣту.“

Тогда блаженный Савва, вмѣстѣ съ отцомъ, пошелъ къ игумену и открылъ ему свою мысль: но игумень, посовѣтовавшись съ братією, не одобрилъ такой мысли и не позволилъ осуществить ее дѣломъ; ибо ему хотѣлось удер-

жать у себя царственных иноковъ, отъ которыхъ текло много богатства въ монастырь. Послѣ сего, богомудрый Савва пошелъ въ Карею и свое намѣреніе изложилъ Проту. Протъ одобрилъ мысль его—обновить на Святой горѣ падшій монастырь и соорудить, въ пользу своего отечества, —Хиландарь ли, вначалѣ дарованный имъ царемъ, или иную обитель, гдѣ покажется. Съ такою утѣшительною вѣстію Савва возвратился къ отцу и объявилъ ему о сочувствіи Прота. Старецъ, движимый теплотою духа, хотѣлъ было немедленно идти осмотрѣть мѣсто для обители, но уже изнемогалъ отъ дряхлости и даже не въ силахъ былъ сидѣть на конѣ. Поэтому Савва между двухъ коней привязалъ носилки, на которыя, какбы на одрѣ, положилъ родителя и, странствуя съ нимъ такимъ образомъ, обошелъ многія мѣста; но ни одно изъ нихъ не понравилось имъ, кромѣ Хиландаря, и они возвратились въ Ватопедь. Между тѣмъ игумень опять совѣщался съ братією. „Въ теченіе многихъ лѣтъ,“ говорилъ онъ, „сколько пользовались мы отъ этихъ царственныхъ пришельцевъ, и донинѣ не они ли были кормителями нашего монастыря? Такъ худо будетъ, если они удалятся отъ насъ прогнѣванными: если хотимъ сохранить пріязнь ихъ, отдадимъ имъ Хиландарь, который они же испросили для насъ у царя.“ Итакъ, призвавъ къ себѣ святаго Савву, они даровали ему Хиландарь и положили между собою завѣтъ, чтобы Ватопедь и Хиландарь взаимною любовію составляли какбы одно*). Написали они и къ самодержцу Стефану, объявляя ему, что хотятъ устроить монастырь, въ которомъ имѣлъ бы участіе и онъ и, по немъ, сыны его и внуки.

*) Памятникъ сего завѣта существуетъ и донинѣ. Въ главный праздникъ Хиландаря, именно, въ день Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, призываютъ настоятеля Ватопедскаго и уступаютъ ему начальство и первенство; ту же честь дѣлаютъ монахи Ватопедскіе настоятелю Хиландарскому въ свой главный праздникъ—въ день Благовѣщенія Пресв. Богородицы. (См. объ этомъ въ письмахъ съ востока ч. I, 194).

Возрадовался христолюбивый самодержецъ и послалъ родителю и брату много золота, работниковъ и лошаковъ, предлагая и впредь присылать все, что имъ будетъ нужно, и благодаря за то, что пекутся о душѣ его; богоносные же иноки, Симеонъ и Савва, вознесли теплую молитву къ Творцу и къ Пресвятой Матери Божіей, призывая Ихъ на помощь предпринимаемому ими дѣлу. Принявъ благословеніе отъ игумена и отъ отца своего, Савва, со множествомъ работниковъ, пришелъ въ Хиландарь и въ короткое время совершилъ весьма многое. Въ Хиландарѣ нашель онъ все въ запустѣніи, кромѣ Церкви: надлежало укрѣпить ограду, соорудить обширную трапезу для братства и довольно келлій, обновить и Церковь, расписавъ по золоту ея стѣны, и украсить ее иконами, завѣсами и сосудами. Все это, съ помощію Божіею, совершалось спѣшно, ибо преподобный Симеонъ торопилъ сына, говоря: „еслибы сподобилъ меня Господь видѣть монастырь нашего имени, то благо было бы мнѣ.—тогда тамъ настигъ бы меня и конецъ жизни!“ Пламенное желаніе старца исполнилось: благодаря сыновнему усердію Саввы, онъ успѣлъ переселиться изъ Ватопеда въ свою обитель Хиландарь, которой соборная Церковь праздновала Введеніе во храмъ Божіей Матери. Братство сербское совокупилоо; учредилаь обычная служба, по уставу, взятому изъ Ватопеда, и былъ поставленъ игумень, для наблюденія за чиномъ церковнымъ.

Державные иноки испросили у Прота, который благоволилъ къ нимъ, запустѣвшіе масличныя сады и виноградники окрестъ Хиландаря, да около святаго Георгія и святаго Николая, что въ Малей; а у самого Прота купили они на Кареи обширное мѣсто, гдѣ соорудили двухъярусныя келліи, для успокоенія игумена и братіи, когда случится имъ приходиться изъ Хиландаря (это происходило око-

ло тысячи двухсотого года). Для большаго утверждѣнія и распространѣнія обители, преподобный Симеонъ вторично уже отправилъ сына въ Царьградъ, къ свату своему императору Алексію, съ просьбою, чтобы онъ даровалъ монастырю ихъ званіе царской ставропигіи, и чтобы Хиландарь не зависѣлъ даже отъ Прота всѣхъ Аѳонскихъ монастырей, а зависѣлъ только отъ одного кесаря. Преподобный опять съ великою любовію принять былъ въ Царьградѣ. „Живъ ли старецъ, отецъ твой?“ спросилъ императоръ, — и Савва отвѣчалъ: „старецъ, молитвенникъ царства твоего, еще живъ.“ Кесарь вздохнулъ и сказалъ: „благословенъ этотъ человекъ отъ Бога;—получивъ земное, онъ усердствуетъ достигнуть и небснаго.“

Блаженный Савва, въ царствующемъ градѣ, былъ отпущенъ на покой въ обитель Матери Божіей Эвергетиссы (Благодѣтельница), которой почитался онъ ктитормъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, потому что на ея сооруженіе пожертвовали они много золота. На другой день, посѣтивъ опять императора, Савва разсказалъ ему, какъ составили они новую обитель на Святой горѣ, и просилъ для ней царскаго утверждѣнія; вспомнилъ онъ и о другомъ запустѣвшемъ монастырѣ, именно о Зигѣ, и также испросилъ его себѣ, со всѣмъ первобытнымъ его достояніемъ. Монастырь этотъ былъ нѣкогда царскимъ, и такъ, чрезъ новое даяніе его, въ число ктиторовъ хиландарскихъ входилъ теперь самъ императоръ. Алексій радовался, что и онъ, вмѣстѣ съ ними, будетъ общникомъ въ молитвахъ на всѣхъ церковныхъ службахъ, и немедленно пожаловалъ Хиландарю просимую обитель, со всѣми ея метолами и садами, объявилъ самый Хиландарь царскимъ монастыремъ, и все это утвердилъ хрисовуломъ, съ золотою печатью и багряною подписью. Кромѣ того, кесарь далъ еще преподобному изъ своей руки жезлъ, и велѣлъ поставить его въ

Церкви, чтобы, при поставлении игумена, братія держала этотъ жезлъ посрединѣ, въ знаменіе того, что игуменьъ постановляется по волѣ царской и пріемлетъ власть какбы изъ рукъ самого царя *). Исполнивъ, такимъ образомъ, желаніе преподобнаго, императоръ, отпустилъ его къ отцу со многими дарами и, ради воспоминанія о взаимной любви, велѣлъ сказать ему: „все твое прошеніе исполнилъ я, отче святыи; — молю твое преподобіе, не забудь и насъ въ святыхъ твоихъ молитвахъ къ Богу.“

Возвратившись изъ дома кесарева въ обитель Матери Божіей Эвергетиссы, преподобный Савва золото, данное императоромъ для доставленія отцу, роздалъ нищимъ, ибо все отеческое почиталъ своимъ, равно какъ и отецъ все свое почиталъ сыновнимъ, кромѣ развѣ одной души, — да и ту, Бога ради, готовъ былъ отдать сыну: такова была любовь между отцемъ и богодарованнымъ ему сыномъ. Старець, почитая Савву не человѣкомъ, а какбы ангеломъ, совѣстился принимать отъ руки его какую-либо услугу. За то и сынъ, съ своей стороны, служилъ ему во всемъ какъ рабъ, и никому не уступалъ этой священной обязанности. Старець, съ полною утѣшенія душою, непрестанно молился о немъ, а Савва щитомъ его молитвы мужественно ограждался отъ искушеній бѣсовскихъ.

Когда въ обитель Эвергетиссы приходили нищіе за милостынею, пришла къ преподобному между прочими благообразная жена и сказала; „Угодникъ Божій! Господь и Пречистая Матерь Его повелѣли мнѣ объявить тебѣ, что на Святой горѣ, въ области твоего монастыря, въ двухъ мѣстахъ таятся сокровища, которыя ты найдешь, и тѣмъ довершишь устройство обители.“ Преподобный припялъ это слово съ вѣрою. Простившись съ иноками обители, Савва поклонился еще царю и патріарху, и пустился въ

*) Этотъ жезлъ существуетъ и теперь въ Хиландарѣ.

обратный путь—на Святую гору, спѣша утѣшить старца-родителя вѣстію о царскомъ благоволеніи и дарованныхъ имъ хрисовулахъ. Оба преподобные, съ общаго согласія, предали свой монастырь державной заботѣ сербскаго владыки Стефана,—чтобы онъ заботился о новой обители, какъ о своей присной: благочестивый Стефанъ съ радостію принялъ на себя такую заботу, и приписалъ къ Хиландарю много имѣнія, движимаго и недвижимаго, такъ что этотъ монастырь съ того времени сдѣлался обителью собственно сербскою.

4. Кончина и явленіе преподобнаго Симеона.

Преподобный Симеонъ немного времени пожилъ въ основанной имъ обители, и достигъ предѣла земнаго своего жительства. Призвавъ возлюбленнаго сына, онъ говорилъ ему: „чадо! приблизилось время моего отшествія; если и прежде заботился ты о благѣ души моеѣ, то теперь наступило время помочь ей еще болѣе, ибо я знаю, что все, чего попросишь ты отъ Бога, будетъ дано тебѣ.“ Припавши со слезами къ своему отцу, Савва общалъ за него молиться, и обратно—самъ просилъ молитвъ его, какъ и прежде, во дни земной жизни, ибо только его теплыми ко Христу молитвами избавлялся отъ всякаго зла, а въ часъ отхожденія старца къ Богу, вѣровалъ, что родительская молитва о всѣхъ чадахъ, плотскихъ и духовныхъ, о землѣ родной и о церкви, для которой столько трудился, будетъ еще дѣйственнѣе. Старецъ плакалъ и говорилъ: „если получу дерзновеніе у Бога, не оставлю васъ,“—и, возложивъ преподобныя руки на возлюбленнаго сына, благословилъ его, долго держалъ въ своихъ объятіяхъ и со слезами далъ ему послѣднее цѣлованіе; затѣмъ помолился о немъ,

вспомнилъ и о родныхъ сербскихъ церквахъ и заповѣдалъ довершить многое неоконченное; что же касается смертныхъ своихъ останковъ, то просилъ, чтобы въ благоприятное время, когда изволить Богъ, Савва перенесъ ихъ въ землю родную, въ созданный имъ монастырь Студеницы. Савва обѣщалъ исполнить все заповѣданное. Потомъ умирающій призвалъ къ себѣ всю иночествующую братію и, называя каждого по имени, благословлялъ, просилъ себѣ его молитвъ, и предавая всѣхъ ихъ Господу и Пречистой Его Матери, а съ Божіей помощію, и своему преподобному сыну, распустилъ братію по келліямъ.

Была уже ночь,—и вотъ, въ крайней дряхлости, внезапно встаетъ онъ съ одра своего юношески, и какбы ожидаетъ свѣтлыхъ гостей небснаго Царя: украсившись одеждою святаго ангельскаго образа, Симеонъ причастился принесенныхъ ему въ келлію страшныхъ и животворящихъ Таинъ, и за все благодарилъ Бога. Послѣ того, объяли его, какъ человѣка, предсмертныя страданія; во всю ту ночь любимый сынъ не отходилъ отъ отца, и, исправляя послѣднюю ему службу, прочиталъ у его одра весь Псалтирь. Они взаимно увѣщавали другъ друга не скорбѣть, и вмѣстѣ возсылали къ Богу благодарныя молитвы. Когда разсвѣло, Савва внесъ родителя своего въ церковный притворъ. Умилительно было зрѣлище крайняго смиренія: тотъ, кто нѣкогда, во дни своего величія, возлегалъ на златомъ и мягкомъ одрѣ, теперь лежалъ на рогожѣ при послѣднемъ издыханіи. Вокругъ его стояла братія и плакала, разставаясь съ отцомъ; преподобный едва могъ подать знакъ рукою, чтобы удержались отъ плача. Свѣтло было лицо его: казалось, будто, вмѣстѣ съ таинственными посѣтителями, поетъ онъ Псаломъ,—но никто не видѣлъ этихъ посѣтителей и не могъ слышать Псалма, кромѣ послѣднихъ словъ: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа*. Тогда толь-

ко уразумѣли, что отходившій воспѣвалъ пѣснь Ангельскую, вмѣстѣ съ Ангелами, и до конца жизни прославлялъ Бога. Послѣ сей пѣсни Симеонъ уже ничего болѣе не говорилъ, а только свѣтло взиралъ на образъ Христовъ, какбы вручая Ему свою душу. Благовоніемъ ѳиміама исполнилась вся храмина: такъ сладостно уснулъ святой старецъ!

Возлюбленный сынъ припалъ къ честному лицу его и, вмѣсто теплой воды, омывъ его горячими слезами, положилъ ему на перси знаменіе креста. Потомъ, въ сопровожденіи всей братіи, со свѣчами и кадилами, проводилъ тѣло усопшаго внутрь созданной имъ Церкви Богоматери, и положилъ его въ мраморномъ благолѣпномъ гробѣ. Осиротѣвшій въ одно и то же время чувствовалъ и печаль, и радость: печаль—о лишеніи добраго сподвижника и участника въ молитвахъ, а радость—о томъ, что сподобился видѣть его украшеннымъ всеми добродѣтелями, до конца совершившимъ свое теченіе и уже теплымъ предстателемъ, ходатайствующимъ о немъ у Христа. Дни поминаенія родительскаго Савва ознаменовалъ обильною милостынею нищимъ, — роздалъ проходящимъ все, сколько было у него золота, потому-что никому не хотѣлъ отказывать или что-нибудь оставить у себя. По оскудѣніи же нужнаго для монастырскихъ потребъ золота, вспомнилъ онъ слово благоговѣйной жены, сказанное ему въ Царьградѣ, — то-есть, слово о сокровищахъ, таящихся въ окрестностяхъ Хиландаря, но не безъ молитвы рѣшился онъ искать этихъ сокровищъ. Савва такъ молился Господу: „Слышалъ я Давида, глаголющаго: *богатство еще течетъ, не прилагайте сердца*; тѣмъ болѣе достоинъ укоризны человекъ, раскапывающій землю, для пріобрѣтенія сокровищъ, которыхъ самъ туда не клалъ. Итакъ, не дай, Господи, чтобы врагъ мой поругался надо мною, возбуждая во мнѣ желаніе ги-

бельныхъ и тлѣнныхъ богатствъ: но если это не искушеніе противника, если это сказано мнѣ было отъ Тебя, то пусть будетъ по волѣ Твоей, Господи, — пусть явится сокровенное, или же пусть скроется и отъ насъ, рабовъ Твоихъ, какъ прежде отъ другихъ.“

Савва, съ ученикомъ своимъ, пришелъ на указанное мѣсто, и едва только копнули они землю, тотчасъ обрѣли отверстіе пещеры: такъ что какъ будто сама земля отдавала имъ хранимое въ ней сокровище. Можно подумать, что Матерь Божія Благодѣтельница Сама являлась преподобному въ обители цареградской, и только ради смиренія не призналъ онъ Явившейся. Принесши въ монастырь найденное золото, Савва почиталъ его не своимъ, и не лихоимствовалъ, но одну часть послалъ въ Царьградъ, въ обитель Эвергетиссы, другую роздалъ по монастырямъ святогорскимъ, третью — по пустыннымъ келліямъ отшельниковъ, а четвертую внесъ въ Хиландарь и раздѣлил нищимъ, — ибо для того и являлась ему Благодѣтельница, чтобы онъ благодѣтельствовалъ.

И прежде говорили мы, какое сильное желаніе имѣлъ святыи Савва упраздниться отъ всего мірскаго и безмолвствовать въ уединеніи, но тогда онъ былъ удерживаемъ отъ этого сперва по уваженію къ его молодости, потомъ по случаю прибытія къ нему отца, затѣмъ по поводу двукратной его отлучки въ царствующій градъ, а наконецъ по надобности создать собственную обитель. Когда же все это, для спасенія братій, устроилось, — когда и игумень поставленъ былъ, и отецъ провожденъ до блаженнаго упокоенія, Савва могъ позаботиться и о самомъ себѣ. И вотъ удалился онъ въ Карею, гдѣ нашелъ прекрасное мѣсто, оживленное источникомъ воды и плодоносными деревьями. Купивъ это мѣсто у Прота, Савва построилъ себѣ тамъ молчальную келлію, съ малою Церковью, во имя Освященнаго Саввы

Иерусалимскаго. Отрекшись отъ многихъ сожителей, онъ удовольствовался лишь тремя, которые строго исполняли весь церковный уставъ *); а самъ, безмолвствуя въ келліи, упражнялся только въ молитвѣ, и больше прежняго возобновилъ юношескіе свои труды, состоявшіе въ постѣ и бдѣніи, въ колѣнопреклоненіяхъ и ночныхъ стояніяхъ. Онъ сталъ выше того, чѣмъ былъ нѣкогда, и, забывая заднее, по слову Апостольскому, простирался въ преднее (Филип. 3, 13): кто изочтетъ умиленные его слезы и тайныя воздыханія? Въ такомъ подвигѣ Савва пребывалъ, по смерти преподобнаго своего отца, всякій день, и всякій день какъ бы умиралъ памятію смертною. Отъ чрезвычайнаго пощенія страдала его печень и до такой степени стѣснилась его утроба, что, хотя бы и желалъ онъ въ послѣдствіи принимать пищу, внутренняя болѣзнь возбраняла ему это. Впрочемъ, и самую свою болѣзнь принималъ онъ съ любовью, какъ бы она послана была ему свыше, ибо смерть по Богѣ предпочиталъ онъ житію, преданному страстямъ, и помнилъ слово Апостольское, что когда истлѣваетъ внѣшній человѣкъ, тогда обновляется внутренній. Во время безмолвія въ Кареѣ Савва написалъ и жизнь своего отца, преподобнаго Симеона.

Одно было у него сердечное желаніе — сподобиться получить какое-нибудь извѣщеніе отъ усопшаго родителя, — и объ этомъ возсылалъ онъ пламенные молитвы къ Богу: и вотъ, однажды ночью, является ему преподобный Симеонъ, облеченный неизреченною славою, въ вѣнцѣ, сіявшемъ свѣтозарнѣе солнца, и въ сообществѣ ипыхъ свѣтлыхъ лицъ. Какъ бы удерживая своего сына отъ унынія, усопшій весело говоритъ ему: „Не унывай и не скорби о мнѣ, сынъ возлюбленный, а скорѣе радуйся; вотъ, по тво-

*) Объ уставѣ, данномъ св. Саввою этой келліи, см. въ концѣ сего житія.

ему прошенію, Богъ являетъ тебѣ твоего родителя, и ты видишь, какъ почтилъ Онъ меня славою, и какими, въ вѣчномъ царствѣ Христовомъ, обогатилъ меня благами. Воспріавъ нынѣ то, о чемъ ты говорилъ мнѣ при жизни только въ упованіи, я радуюсь и наслаждаюсь созерцаніемъ невообразимой для васъ красоты. Благословенъ отъ Бога ты, бывшій мнѣ вожатаемъ къ вѣчному блаженству и безконечной жизни, ибо твои за меня труды и подвиги, молитвы и милостыни, взопли на память Господу, и за нихъ ожидаетъ тебя великое воздаяніе. Но прежде ты самъ обогатишься отъ Бога благодатію и властію Апостольскою вязать и рѣшить,—прежде ты самъ, въ санѣ святительскомъ, просвѣтишь своихъ соотечественниковъ, научишь ихъ вѣрѣ и покаянію и приведешь ко Христу; поклонись ты и святымъ мѣстамъ, гдѣ плотію странствовалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и гдѣ совершились всѣ Его страданія за насъ: все это начертаешь ты на скрижаляхъ сердца твоего, для многихъ будешь образомъ добродѣтели, и всѣ заповѣди Христовы утвердишь на незыблемомъ основаніи въ своемъ отечествѣ. Послѣ этого придеши къ намъ и сподобишься еще большихъ даровъ,—какъ за меня, такъ и за многихъ,—и украсишься двойнымъ вѣнцомъ, сколько ради постничества твоего, столько же ради учительства, и, сподобившись безсмертнаго блаженства, будешь ликовать со всѣми святыми въ безконечные вѣки, насладишься не гадательно, а существенно—лицезрѣніемъ Пресвятыя Троицы.“

Пришедши въ себя послѣ таинственнаго видѣнія, преподобный Савва ощутилъ въ сердцѣ своемъ миръ и тихую радость: ему казалось, что его жительство уже не на землѣ, а на небесахъ. Всталъ онъ съ убогой своей рогожины, простеръ къ небу руки и, на колѣняхъ, орошалъ землю обильными потоками слезъ, прославляя Бога за нис-

посланное ему утѣшеніе. Молитвенно взывалъ онъ и къ отцу своему, видя его предъ глазами, какбы живаго, ублажая за неизмѣняюу любовь, которая не разлучала ихъ и по смерти, и утѣшая унылую душу свою видѣніемъ и ангельскими явленіями. Но и среди уединенной жизни, Савва продолжалъ быть утѣшеніемъ отшельниковъ въ ихъ пустынѣ и благотворителемъ нищихъ, прибѣгавшихъ къ нему изъ странъ дальнихъ и ближнихъ: разбился ли у кого корабль, или разрушился домъ, или тяготила кого иная какая крайность, — пристанищемъ всѣхъ обуреваемыхъ была его гостепріимная келлія. И сокровища у него никогда не оскудѣвали, — земля ли открывала ему богатство, или присылалъ его державный братъ, смотрѣвшій на него, какъ на ангела Божія.

Есть на Святой горѣ монастырь, по имени Каракалъ. Разъ ночью ограбили его морскіе разбойники, и на своихъ корабляхъ увезли не только монастырское достояніе, но и самого игумена съ братією. Хищники мучили своихъ узниковъ, ибо нечѣмъ было имъ откупиться. Несчастные привезены были въ великую лавру, и тамъ выставлены на продажу, какбы приговоренные къ смерти; но ихъ было много, и выкупить всѣхъ не имѣлось средствъ, потому что продавались они не иначе, какъ всѣ вмѣстѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, узники, посовѣтовавшись съ своимъ игуменомъ, рѣшились свой монастырь, со всѣмъ его достояніемъ, подчинить лаврѣ, чтобы только избавиться отъ смерти. Лавріоты, — сперва неумолимые, когда дѣло касалось челоуколюбія, — ради корысти рѣшились выкупить плѣнниковъ и, такимъ образомъ, овладѣвъ обителью и достояніемъ ея, изгнали игумена со всею братією. Изгнанные прибѣгли къ преподобному Саввѣ, какъ всегдашнему пристанищу обуреваемыхъ. Боголюбивое сердце его не стерпѣло такой несправды, и много пролилъ онъ слезъ, внимая плачевной ихъ повѣсти: но, не довольствуясь од-

ними слезами, Савва открылъ щедрую свою десницу и, заплативъ монастырскій долгъ, возвратилъ Каракалль преждему настоятелю и братіи, а все разоренное въ немъ обновилъ, да промыслилъ и о пропитаніи братства.

Отъ тѣхъ же разбойниковъ опустѣлъ на Святой горѣ и другой монастырь, во имя сорока мучениковъ, называемый Ксиропотамъ и близокъ былъ къ паденію. Игумень и братія, готовые уже, ради своего убожества, оставить обитель, пришли къ преподобному и стали просить его милости. Савва, богатѣвшій не въ себя, но въ Бога, милосердовалъ и о нихъ: онъ выкупилъ все, что было заложено монастыремъ, и возстановилъ разоренное, а соборную церковь всю росписалъ и благолѣпно украсилъ, и съ того времени послалъ имя ктитора ксиропотамскаго. И третій монастырь, называемый Филоеѣй, испыталъ также силу его щедротъ. Онъ начать былъ однимъ боголюбцемъ, который, однако, не могъ довершить его; строитель пришелъ къ Саввѣ и сталъ просить его участія, чтобы, вмѣстѣ съ нимъ, былъ ктиторомъ обители,—и преподобный, для довершенія начатаго, далъ ему довольно золота. Вообще, милостыня его была выше всякой жертвы, молитвы и пощенія.

Утѣшенный славою родителя, Савва усугубилъ постъ и молитву, и еще большее возымѣлъ дерзновеніе къ Богу;—и упованіе не измѣнило ему. Пламенная любовь его къ отцу и къ своему народу внушила ему желаніе, чтобы слава отчая, которою втайнѣ наслаждался онъ одинъ, слѣлалась достояніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ его; и онъ усердно помолился всемогущему Богу, чтобы Господь ниспослалъ Духа Своего Святаго, и прославилъ на землѣ подвизавшагося ради Него державнаго инока Симеона: пусть бы обновились кости его и помазались благовоннымъ муромъ, въ изъявленіе того духовнаго помазанія, которымъ была исполнена душа его; и пусть бы та благодать, ко-

торою наслаждается блаженный предъ лицомъ Ангеловъ Божіихъ, сдѣлалась явною и предъ челоуѣками; самъ же онъ, Савва, хотя и недостойный рабъ Господень, еще большее получилъ бы упованіе, видя, что Господь исполняетъ молитву его. Съ вѣрою молился Савва, и самъ вѣрилъ исполненію просимаго. Подобно тому, какъ сынъ, что-либо просящій у своего отца и несомнѣвающейся, что получить желаемое, заблаговременно призываетъ своихъ присныхъ и сосѣдей, чтобы они насладились ожидаемымъ даромъ,—такъ и Савва, какбы уже напередъ зная волю Господню, по чрезвычайной своей вѣрѣ, въ годовщину памяти блаженнаго отца своего, дерзновенно призвалъ въ Хиландарь Прота, съ прочими игуменами и старцами именитыхъ аеонскихъ обителей. Собралось множество гостей, званыхъ и не званыхъ,—такъ что въ обители стало тѣсно.

Благолѣпно украшены были и церковь и самый гробъ блаженнаго Симеона. По обычномъ чтеніи Псалтири, законенномъ по усопшимъ, когда, послѣ гостепріимной вечера, настало время успокоенія, преподобный Савва призвалъ въ церковь Прота и сказалъ ему: „отче святой, я, вмѣстѣ съ братією моею, взойду на пиргъ, чтобы тамъ совершить утреннее славословіе на языкѣ славянскомъ, а ты, со всѣми своими, здѣсь, въ великой церкви, поѣ утреннее пѣніе, ради памяти преподобнаго отца моего, и моли о его успокоеніи; буду молиться и я, и, если Богъ прославить раба Своего, вы призовете меня, и я приду къ вамъ.“ Затворивъ церковь, отдалъ онъ ключи Проту и, съ его благословенія, взошелъ на пиргъ. Недоумѣвалъ Протъ, о чемъ говорилъ ему преподобный, и вручивъ ключи служащему іерею, самъ пошелъ на покой, въ келлію, равно какъ и всѣ бывшіе съ нимъ; но богоносный Савва съ вечера началъ всенощное бдѣніе, и о чемъ прежде пламенно молился, о томъ же началъ взывать къ Гос-

поду Вседержителю и теперь, — чтобы Онъ изліялъ благодатную Свою росу на истаявшія, Бога ради, постомъ кости раба Божія отца его, и обновилъ ихъ благовоннымъ муромъ; пусть бы родитель его одинаково прославился — на землѣ и на небесахъ, а всѣ, видѣвшіе чудо, пусть бы прославили Господа и познали милость Божию къ вѣрнымъ рабамъ, оставившимъ, ради Него, всѣ удовольствія міра.

Настало время утренняго славословія. Протъ и бывшіе съ нимъ игумены совершали службу въ соборной церкви, и, поминая преставлягося, испрашивали ему упокоенія у Господа. Въ это время, вся церковь внезапно исполнилась запахомъ благовонной масти и благодать Божія излилась на сухія кости. Всѣ усладились сердцемъ и, въ неизреченной радости, спрашивали другъ друга: „откуда это? чувствуете ли, что какое-то ароматное благоуханіе вѣетъ отъ гроба?“ Близъ стоявшіе хотѣли видѣть, что внутри, — и увидѣли мраморный гробъ блаженнаго, наполненный благовоннымъ муромъ, которое текло изъ него ручьями и исполняло все благоуханіемъ. Всѣ объаты были ужасомъ. Протъ, съ бывшими при немъ, подошелъ къ гробу и увидѣлъ такое обиліе мұра, что оно какъ бы источникомъ текло по землѣ. Тутъ, оставивъ утреннее пѣніе, всѣ, со страхомъ и слезами, стали вопіять: „Господи помилуй!“ Вспомнилъ тогда Протъ, что сказалъ блаженный Савва: „если буду позванъ, приду и я,“ — и не медля велѣлъ позвать его. Преподобный съ радостію спустился съ пирга и увидѣвъ желанное чудо, прославилъ Бога, что Онъ удостоилъ отца его явиться муроточцемъ во гробъ, и теплыми слезами любви окропилъ гробъ отеческій *).

*) Гробъ этотъ существуетъ и донныѣ. Замѣчательнъ онъ тѣмъ, что изъ него какъ бы излѣтъ св. мощей выросла виноградная лоза въ видѣ древа, съ наружной стороны храма, цѣлебная по своимъ плодамъ. О всемъ этомъ подробно говорятъ: Авторъ писемъ съ Востока (ч. I, стр. 227) и Святогорецъ (см. его письма объ Афонской горѣ ч. II, письмо 13).

Прежде всѣхъ Проть благоуханнымъ муромъ крестообразно помазалъ себя и своихъ; потомъ помазывалась имъ и вся братія славянская, освящаемая какбы отъ руки самого владыки своего и отца. Въ то же время, чрезъ прикосновеніе къ гробу и чрезъ помазаніе святымъ муромъ, начали исцѣляться одержимые нечистыми духами и другими тяжкими болѣзнями, и всѣ ублажали угодника Божія. Муромъ истекало не только отъ костей блаженнаго Симеона, но и отъ сухаго камня и отъ его иконы, написанной на стѣнѣ надъ его гробомъ. „Господи помилуй!“ единогласно зывала вся церковь: „дивенъ Богъ во Святыхъ Своихъ и великъ въ дѣлахъ Своихъ! Довлѣетъ намъ, грѣшнымъ, извѣщеніе Твоей милости, и сколь велика любовь Твоя къ человѣкамъ, сохраняющимъ заповѣди Твои! Слава милосердію Твоему!“

По окончаніи утренняго славословія и по совершеніи Божественной литургіи, Проть, со всѣми игуменами, благословилъ преподобнаго Савву праздновать со святыми память святаго отца его и, чрезъ писаніе, сдѣлать незабвеннымъ житіе его. Утѣшенный сынъ, для пришедшихъ въ обитель, устроилъ свѣтлое торжество, осыпалъ щедротами своими всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго, и три дня удержалъ Прота съ игуменами, чувствуя ихъ братскою трапезою и богатыми дарами. Потомъ, когда всѣ разошлись по обителямъ, Савва, пользуясь тишиною, вошелъ въ церковь, гдѣ былъ гробъ отца его, и, затворившись въ ней, простерся на землю. Поражая себя въ перси, онъ, съ пламенными слезами, зывалъ къ Богу: „Кто я, Господи, и что есть домъ отца моего, что удивилъ Ты на насъ такую милость и не презрѣлъ моленія грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего! Что воздамъ Тебѣ за всѣ Твои блага! изнемогаетъ умъ мой, не могу достойно хвалить Тебя! Слава Тебѣ, послушающему молящихся Тебѣ съ вѣрою! Слава

Тебѣ, что предъ лицомъ всѣхъ людей прославилъ раба Твоего, отца моего, дабы и въ этихъ странахъ познали, что мы и все наше племя—истинные рабы Твои, вѣрно Тебѣ поклоняющіеся во Святой Троицѣ!“

Потомъ Савва припалъ на гробъ блаженнаго отца своего, обнималъ его и цѣловалъ: слезы его растворялись благовоннымъ мѹромъ, и онъ умачался имъ, освящая всѣ свои чувства, уста, очи и самое сердце; какбы во дни жизни, лицомъ къ лицу, бесѣдовалъ наединѣ съ родителемъ, называя его приснымъ своимъ молитвенникомъ и предстателемъ въ настоящемъ и будущемъ. „Скользко здѣшнее житіе,“ говорилъ онъ: „человѣчество склонно къ паденію, и никто не изыять отъ страстей и пороковъ!“—Потому особенно сынъ и просилъ помощи блаженнаго родителя. Онъ собралъ въ сткляницу многоцѣнное мѹро отъ честныхъ мощей, чтобы послать его въ благословеніе самодержцу Стефану и утѣшить братію свою участіемъ въ благодати отеческой; потомъ, поучивъ назидательнымъ словомъ братію Хиландарской обители, возвратился на свое безмолвіе, въ карейскую келлію.

5. Священство и странствованія преподобнаго Саввы.

Благочестивый Протъ Дометій, называвшійся Іерусалимитомъ, былъ исполненъ благодати Святаго Духа и благоговѣлъ къ преподобному Саввѣ, видя въ немъ много благодатныхъ даровъ. Находясь въ духѣ пророческомъ, этотъ старецъ предсказалъ ему также славу отца его, когда всѣ они приглашены были въ его обитель. Прозорливый провидѣлъ въ немъ добраго пастыря Христову стаду, на пажитяхъ благочестія, наставника заблудшимъ и утѣшеніе печальнымъ, ради чрезвычайной его простоты и смиренія,

и потому питалъ къ нему искреннюю любовь. На соборахъ святыхъ отцевъ въ Кареи, Протъ всегда отличалъ его предъ всѣми, сажалъ на почетное мѣсто и, желая получать отъ него благословеніе, убѣждалъ принять санъ священства, но Савва избѣгалъ славы человѣческой и отрекался по своему недостоинству; наконецъ, едва могъ онъ убѣдить смиреннаго инока, только съ помощію многихъ. „Да совершится воля Господня и твое повелѣніе, отче святой!“ сказалъ Савва, и пришелъ въ Хиландарскую обитель, куда призванъ былъ епископъ Николай, сосѣдняго города Ерисса, имѣвшій власть рукополагать на Святой горѣ. Епископъ посвятилъ его во діакона и пресвитера; новопосвященный предложилъ обильную трапезу всему духовному клиру и всей нищей братіи, и, благословивъ всѣхъ иноковъ хиландарскихъ, опять удалился на безмолвіе въ свою келлію на Кареѣ. Тамъ, пришедши къ Проту, чтобы извѣстить его объ исполненіи воли его, Савва хотѣлъ, по обычаю, принять отъ него благословеніе, но Протъ, съ любовью привѣтствуя преподобнаго, какъ сына, принялъ самъ отъ него благословеніе, какъ отъ отца, поцѣловалъ руку его, положивъ ее себѣ на главу, и, послѣ братской трапезы, отпустилъ его на постническіе подвиги.

Спустя нѣкоторое время, монастырскія нужды побудили преподобнаго идти въ Солуны: тамъ, поклонившись гробу великомученика Димитрія и помазавшись святымъ его муромъ, водворился онъ въ своей обители, называемой Филокалія, которой почитался ктиторомъ, такъ какъ для ея сооруженія пожертвовалъ много золота. Въ Солуни посѣтилъ онъ митрополита Константія, который много слышалъ о его добродѣтели и давно желалъ видѣть его. Въ то же время въ Солуни случился и епископъ Ерисса Николай: онъ рассказалъ владыкѣ бывшее знаменіе истекшаго мурѣ отъ гроба преподобнаго Симеона и о томъ, каковы были

подвиги самого Саввы; митрополитъ весьма утѣшался этимъ и, часто призывая его къ себѣ, наслаждался его бесѣдою. Однажды, въ день праздничный, митрополитъ хотѣлъ совершить литургію съ тремя епископами: Николаемъ ерисскимъ, Михаиломъ кассандрскимъ и Димитріемъ адрамитскимъ. Эти епископы пригласили служить вмѣстѣ съ собою и преподобнаго Савву, и соборно благословили его носить набедренникъ, давъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ санъ архимандрита. Блаженный Савва послалъ изъ Солуни муро, отъ гроба отца своего, къ державному брату, съ описаніемъ всѣхъ бывшихъ отъ него чудесъ, а самъ возвратился на Святую гору. Посланные принесли въ сербскую землю благословенный даръ сей, и утѣшился Стефанъ небесною славою своего родителя: съ благоговѣніемъ облобызалъ онъ честное муро отъ святыхъ его мощей, и призвавъ епископа своего и весь благородный сивклитъ, прочелъ во всеуслышаніе братнее письмо и повѣсть о чудесахъ при гробѣ родителя.

Хочу здѣсь сказать о враждѣ между братьями, да стыжусь,—говоритъ писатель житія. Впрочемъ, не братьевъ теперь осудимъ мы, а древняго виновника всякой ненависти, который, отъ гордости спадши съ небесъ, завистию подвиговъ перваго челоукоубійцу Каина на брата своего Авеля и Исава на Иакова. Онъ-то именно и нынѣ возбудилъ вражду великаго князя Вулка противъ его брата, самодержца Стефана, по поводу благословенія отчаго. Преподобный Симеонъ, отходя на Святую гору, вмѣсто себя самодержцемъ всей сербской земли поставилъ сына своего Стефана, и благословилъ его на свой престолъ. По удаленіи родителя, Вулкъ, движимый завистию, говорилъ самъ себѣ: „когда скончаются дни отца моего, отмщу за себя,“ и послѣ его преставленія, по совѣту нечестивыхъ, началъ всячески озлоблять державнаго брата, призывалъ

и венгровъ себѣ на помощь, чтобы низвергнуть его съ престола; но, хотя воздвигалъ онъ много браней, все онѣ сокрушались о благословеніе отчее, какъ о неоторимую стѣну. Вулкъ, съ позоромъ обращаеый въ бѣгство, вынужденъ былъ укрываться въ ущеліяхъ горы. Отъ междоусобія страдала сербская земля, поля ея оставались не воздѣланы, а отъ многократныхъ кровопролитій пустыли города и селенія. Тогда державный Стефанъ написалъ христороливному брату своему Саввѣ, умоляя его подвигнуться на общій гласъ воздыханія и привести съ собою въ землю сербскую мощи святаго отца ихъ, чтобы укротить междоусобіе и смирить иноплеменниковъ.

Услышавъ это, человекъ Божій возкорбѣлъ духомъ и, желая утѣшить печальную душу брата своего, подвигся упованіемъ, что если изліяніе мѣры во Святой горѣ ознаменовало святость преподобнаго отца его, то оно же въ сербской землѣ умиротворитъ и братнюю вражду. Итакъ, взявъ съ собою мощи родителя, онъ пошелъ съ ними въ сербскую землю, и заблаговременно возвѣстилъ о своемъ шествіи царствующему брату, чтобы этотъ успѣлъ, съ подобающею честію, встрѣтить святаго мощи. Утѣшился самодержецъ, что идетъ отецъ его отъ Святой горы умиротворитъ несогласіе семейное: онъ молитвенно возблагодарилъ Господа за такое милосердіе, и съ епископомъ, со всеми черноризцами и благороднымъ синклитомъ, пошелъ въ срѣтеніе отцу и брату. При пѣніи псалмовъ, съ кадильнымъ еиміамомъ и радостными слезами, поклонились они честнымъ мощамъ, прикасаясь къ нимъ очами и устами, чтобы освятиться благовоннымъ мѣромъ, и на своихъ рукахъ понесли священную раку. Братъ и все бывшіе съ нимъ со слезами обнимали богоноснаго Савву, прося святыхъ его молитвъ и благодаря за принесенное имъ сокровище. Изумлялись аѳонскіе иноки смиренію самодержца

Стефана, который преклонялъ предъ ними въ прахъ царственную главу и багряницу свою, припадая къ стопамъ убогихъ отшельниковъ.

Дивно по истинѣ было это зрѣлище не только для чело­вѣковъ, но и для Ангеловъ: теперь уже не кости древ­няго Израила переносимы были Юсифомъ, съ простыми погребателями изъ Египта — земли рабства: но сопрово­ждался отъ Святой горы сыномъ—Ангеломъ, и встрѣчаемъ былъ сыномъ-самодержцемъ державный нѣкогда и препо­добный Симеонъ муроточець, новый Израиль и патріархъ, восприемлемый сынами сыновъ своихъ, всѣмъ соборомъ и синклитомъ. Съ такою честію проводили его въ сооруже­нную имъ, во имя Богоматери, обитель Студеницы: поло­живъ тамъ честныя его мощи въ мраморномъ гробѣ и со­вершивъ Божественную службу, братья обильною трапезою насытили не только всѣхъ пришедшихъ, но и собравших­ся къ погребенію святаго Симеона нищихъ. Блаженный Савва, съ пришедшими съ нимъ аѳонскими иноками, остал­ся въ Студеницѣ до второй годовщины святой памяти блаженнаго его отца, чтобы потомъ опять возвратиться на Святую гору.

Наканунѣ того дня было совершено вечернее славосло­віе; но богоносный Савва не удалился на покой, подобно другимъ: напротивъ, какъ нѣкогда на святой Аѳонской горѣ, онъ во всю ночь не далъ дреманія очамъ своимъ, умоляя Господа, чтобы повторилось то же знаменіе мѹра предъ всѣмъ народомъ сербскимъ, какое было на Святой горѣ, дабы всѣ прославили Господа и Его угодника, и пришедшіе съ нимъ познали православіе угодившей Богу земли сербской. Преподобный сынъ молитвенно обратился затѣмъ и къ отцу своему и умильно говорилъ ему: „Всѣ мы здѣсь—люди твои и дѣти твои, которыхъ далъ тебѣ Богъ, всѣ мы здѣсь—чада твоей церкви, и ждемъ отече-

скихъ твоихъ щедротъ. Не скрывай для себя единого дарованную тебѣ отъ Бога благодать, но открой и предъ нами небесное твое богатство изліяніемъ мѹра, во увѣреніе твоихъ чадъ и людей твоихъ на землѣ, гдѣ нѣкогда ты царствовалъ, дабы всѣ твои возрадовались о тебѣ, и душа моя не омрачилась печалію.“

Потомъ Савва велѣлъ ударить въ било къ утрени и самъ, совершая Божественную службу во глубинѣ алтаря, проливалъ много слезъ и съ воплемъ крѣпкимъ взывалъ къ Богу, чтобы Господь услышалъ его молитвы и подалъ то, что будетъ на пользу просящимъ. Внялъ Господь гласу его смиренія: во время Божественной литургіи, внезапное ощутилось въ церкви благоуханіе, и опять, какъ было на Святой горѣ, повѣяло ароматами отъ гроба. Державный Стефанъ, предстоявшій гробу, хотѣлъ самъ видѣть, откуда такое вѣяніе: и внезапно увидѣлъ, что мраморный гробъ родителя, какбы водами многими, исполненъ былъ кипящимъ мѹромъ, которое отъ преизбытка изливалось повсюду. Тутъ въ ужасѣ воскликнулъ онъ: „Господи помилуй!“ и всѣ присные стеклись къ нему и, въ радостномъ изумленіи, взывали: „дивенъ еси, Господи, — слава Тебѣ!“ Между тѣмъ сдѣлалось въ храмѣ такое волненіе, что преподобному отъ шума и плача невозможно было совершать Божественную службу: онъ самъ, отъ слезъ и рыданій, не въ силахъ былъ говорить народу, и едва могъ наконецъ вымолвить самодержцу и всѣмъ плачущимъ, чтобы утихли. Мѹро текло не только отъ гроба, но и отъ лика преподобнаго въ трапезѣ церковной, и оно собираемо было въ драгоценные сосуды. По окончаніи службы, Савва, приступивъ ко гробу родителя, помазалъ мѹромъ державнаго брата своего, присныхъ, весь народъ и пришедшихъ съ нимъ отъ Святой горы: мѹро это всѣ брали себѣ въ дома на благословеніе.

Тогда блаженный сказалъ брату, синклиту и народу: „Видите, что открылось предъ вами; это было отъ Господа, дивно предъ очами вашими; возрадуемся же, по слову псаломному, въ сей день, который сотворилъ Господь (Псал. 117, 24). Вотъ, отецъ нашъ, недавно еще отшедшій ко Господу, опять духовно приходитъ къ намъ, и своею молитвою не отступаетъ отъ насъ: какъ прежде, во дни жизни, веселилъ онъ насъ въ дѣлахъ житейскихъ, такъ нынѣ, и еще несравненно болѣе, веселитъ въ духовныхъ. Прежде, подобно Аврааму, собиралъ отъ нищихъ и странныхъ и предлагалъ имъ гостепріимную трапезу: а теперь пріемлетъ ихъ въ лонѣ Авраама, которому подражалъ, и вмѣстѣ съ нимъ радуется. Вчера смиренно преклонялъ онъ предъ нами главу свою: а нынѣ мы сами преклоняемся и цѣлуемъ святой гробъ его. Вчера съ любовію черпалъ онъ для насъ чашу воды: а сегодня изъ той же чаши умащаетъ насъ муромъ святыхъ своихъ мощей и изумляетъ чудесами. Сколь благъ Богъ Израилевъ къ правымъ сердцемъ! Онъ возноситъ смиренныхъ на высоту и даетъ милость боящимся Его всегда, нынѣ и во вѣки! Не удивимся ли сему, не скажемъ ли съ Апостоломъ: не забываетъ Богъ о трудахъ и воздаяніи рабовъ Своихъ, послужившихъ во имя Его святымъ и нищимъ!—Вотъ и молитвы, и милостыни, и все доброе въ жизни отца нашего возшло нынѣ на память предъ Богомъ, и онъ по дѣламъ своимъ воспріялъ благое: вы сами видѣли прославленіе его предъ вами, ибо не только отъ святыхъ мощей своихъ источаетъ онъ муро, на исцѣленіе недужныхъ и отгнаніе нечистыхъ духовъ, но и писанный на стѣнѣ честный ликъ его увлажняется муромъ: это уже совершилось однажды въ странѣ чуждой, на Святой горѣ,—это же повторилось и нынѣ, посреди чадъ его, въ землѣ собственнаго его народа. Такъ восходитъ онъ отъ славы въ

славу, дабы мы, видя честь отца нашего, поревновали добрымъ дѣламъ его, какими угодилъ онъ Богу. Господь являетъ намъ любовь Свою, чудодѣйствуя для насъ Своими святыми, дабы мы уразумѣли, что Онъ вѣдаетъ любовь каждаго къ Нему; и кто ради Его творить какое-либо добро, тотъ никогда не укроется отъ всевидящаго ока Божія, ибо Господь есть Воздаятель благимъ. Святые, восшедшіе отъ земли на небо, не требуютъ себѣ земной славы, ни человѣческой почести, но наслаждаются такими благами, какихъ и око не видѣло и ухо не слышало, ибо наслаждаются любовію Воспріявшаго ихъ на небесахъ, и вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ, вопіють: *что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли?* (Псал. 72, 25). И все это дѣлается нашего ради спасенія, чтобы мы славили Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ и, ублажая достойно благоугодившихъ Ему на земли, поревновали дѣламъ ихъ.“

„Посему и я умиленно нынѣ прошу сродниковъ моихъ по плоти подражать дѣламъ отца нашего, истинной его вѣрѣ и правдѣ, смиренію и кротости, любви къ ближнимъ, щедротѣ къ нищимъ, милости къ подобострастнымъ намъ человѣкамъ, братіямъ вашимъ по святому крещенію, хотя и подѣ властію вашею находящимся, памятуя, что и у васъ есть Господь на небеси, и что у Бога нѣтъ лицепріятія. Предъ Нимъ стапетъ владыка съ рабомъ, царь съ воиномъ, отецъ съ сыномъ, когда престолы поставятся, и Богъ возсядетъ на судъ, и рѣка огненная потечетъ съ шумомъ, готовая воспріять грѣшныхъ, и книги нашихъ дѣяній отверзутся, гдѣ все написано перстомъ Божиимъ; тогда какъ горы надъ нами станутъ обличители грѣховъ нашихъ, ибо на страшномъ томъ преніи подвергнется испытанію каждый: нельзя тамъ будетъ прикрыть истину ложью,—каждый узритъ все свое и убоится, и не останется мѣста, куда можно бы бѣжать, ибо Самъ Господь будетъ судить

людей Своихъ: а страшно,—говорить Апостоль, впасть въ руки Бога живаго! сего ради и я внушаю вамъ отгребать-ся отъ всякаго зла и творить все, что предъ вашими очами творилъ отецъ нашъ, дабы и вы, избѣгши страшныхъ этихъ золь, наслѣдовали съ нимъ неизреченное благо въ безконечные вѣки. Богъ мира и любви, молитвами святаго отца нашего, со всеми нами и вами. Аминь.“

Внимая страшному сему оглашенію, самодержецъ и всѣ его вельможи со слезами преклонили свои выи, и отъ глубокаго умиленія забыли даже о хлѣбѣ, хотя день склонялся уже къ вечеру, и время трапезы давно миновало. Изумлялся старѣйшій державный братъ сладкой рѣчи, исходившей изъ устъ меньшаго, и всѣ, падши ницъ къ ногамъ его, просили, да исходатайствуетъ онъ имъ благодать—не только быть слышателями его словесъ, но и дѣлателями оныхъ. Когда церковный соборъ разошелся, всѣ сѣли за трапезу и послѣ духовной пищи наслаждались тѣлесно, не забывая при этомъ, ради памяти общаго отца ихъ Симеона, и о людяхъ убогихъ. Вскорѣ потомъ преподобный Савва началъ напоминать о своемъ отшествіи на Святую гору,—и это слово было острымъ копіемъ, пронзавшимъ сердце державнаго. „Не оставляй насъ, отче святой,“ говорилъ онъ брату, „чтобы не исторгнуть души моеѣ прежде времени. Приникни къ мольбамъ святаго отца нашего Симеона и останься въ созданной имъ обители Пресвятой Богородицы: начальствуй надъ братіей, не славы ради, а ради блага братій своихъ и всѣхъ людей отечества твоего,—ибо для того, думаю, и послалъ тебя Богъ, чтобы довершить неоконченное отцомъ нашимъ; я же—рабъ твой во всемъ, чего пожелаешь,—буду служить тебѣ, какъ господину моему. Но если, имѣя власть сдѣлать намъ много на пользу душевную, ты убѣжишь отъ насъ ради лѣности, то воздашь отвѣтъ Господу нашему.

Кроткая душа Саввы, не хотѣвшая оскорблять никого, видя усердную мольбу брата, вельможъ и всѣхъ пришедшихъ съ нимъ иноковъ, была и на этотъ разъ побѣждена своимъ благоутробіемъ: „воля Господня и твое желаніе да совершатся!“ сказалъ онъ брату. Возрадовался державный Стефанъ и всѣ его присные,—какъ бы пріобрѣли великое нѣкое сокровище. Савва водворился во святой лаврѣ—Студеницѣ, созданной его родителемъ, до удаленія его на Аѳонъ, и такъ какъ самъ поставленъ былъ въ Солуни архимандритомъ, то и этой обители доставилъ званіе архимандріи. Такимъ образомъ, не подъ снудомъ остался этотъ свѣтильникъ, но поставленъ на свѣщникъ въ своемъ отечествѣ, и тамъ продолжалъ подвиги аѳонскіе, умерщвляя плоть свою и проповѣдуя слово Божіе въ народъ, къ общему утѣшенію братіи. Сладостнѣ меда и сота были рѣчи его, а чудеса запечатлѣвали благодатную силу ихъ, ибо молитвою его исцѣлялись болящіе и изгонялись бѣсы: всѣ благоговѣли предъ нимъ, не какъ предъ человекомъ, а какъ предъ пророкомъ Божіимъ. Пришествіе Саввы было умиротворительно и для присныхъ, ибо самодержецъ Стефанъ снова сблизился съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Вулкомъ, на котораго подѣйствовало слово священноинюка: устыдился онъ и оставилъ коварные замыслы, въ которые былъ вовлеченъ дурнымъ совѣтомъ, и, при взаимной любви братской, усилилась къ нему любовь народа.

Молитвами святыхъ отецъ Симеона и Саввы, въ странѣ сербской стало распространяться и благочестіе. Въ это время начали строить великую церковь Вознесенія Господня, для каѳедры архіерейской. на мѣстѣ, называемомъ Житчи; преподобный архимандритъ создалъ много деревянныхъ и каменныхъ церквей и въ Студенцахъ. Однажды Савва, вмѣстѣ съ самодержцемъ, пришелъ посмотреть

зданіе архієпископіи, для котораго созваны были лучшіе каменщики и художники изъ земли греческой. Тутъ увидѣлъ онъ человѣка, который разслабленъ былъ всѣми членами и, прося на пути милостыни, въ такомъ безпомощномъ положеніи пѣлъ псалмы Давидовы. Прослезился Савва о немощи человѣческой и, по слову Христовой притчи о милосердомъ самарянинѣ, съ однимъ изъ учениковъ своихъ, положилъ на свою мантию разслабленнаго и внесъ его въ церковь предъ икону Спасову: здѣсь, оставшись съ нимъ наединѣ, онъ сперва исповѣдалъ грѣхи свои предъ Богомъ, а потомъ испросилъ милость Божію и болящему; здѣсь умастилъ онъ болѣзненные его члены отеческимъ муромъ, раствореннымъ его слезами и, воззвавъ молитвенно къ Господу, разрѣшилъ больнаго: разслабленный всталъ и началъ ходить. Скоро слухъ о чудномъ этомъ исцѣленіи распространился повсюду, и многіе начали приносить къ преподобному своихъ недужныхъ; преподобный исцѣлялъ ихъ молитвою и муропомазаніемъ. Слыша о совершающихся чудесахъ, жители окрестныхъ странъ исполнились благоговѣніемъ—не только къ преподобному Саввѣ, но и къ державному его брату, и просили его принять ихъ подъ крѣпкую свою руку.

Одинъ страшный случай еще болѣе ознаменовалъ чудодѣйственную силу Саввы, когда онъ долженъ былъ явиться защитникомъ невинныхъ и карателемъ преступныхъ, и щитомъ молитвы охранять страну свою отъ кровопролитія. Стефанъ призрѣлъ у себя въ Сербіи одного изъ родственниковъ бывшаго краля болгарскаго Калояна. Этотъ краль погибъ нечаянною смертію, когда, пользуясь завоеваніемъ Царьграда оружіемъ франковъ, хотѣлъ раззорить Солунь: была общая молва, что самъ великомученикъ Димитрій не допустилъ его до своего города. Имя князя болгарскаго, искавшаго себѣ защиты подъ сѣнію Стефана отъ гоненія

новаго краля Борилла, было Стреза. Бориллъ боялся воинскихъ доблестей Стефана и близкаго родства его съ умершимъ Калояномъ. Нѣсколько разъ обращался онъ къ властителю сербскому то съ предложеніемъ даровъ, то съ угрозами, чтобы выданъ былъ ему Стреза: однако благочестивый Стефанъ не только не соглашался на низкое дѣло, но еще честилъ покровительствуемаго имъ какъ сына, и даже назвалъ его крестовымъ своимъ братомъ, запечатлѣвъ духовный союзъ этотъ клятвою надъ Евангелиемъ, не смотря на то, что многіе изъ вельможъ предвѣряли Стефана о жестокомъ нравѣ и кровожадности этого болгарскаго выходца. Стефанъ пользовался его вліяніемъ и родственными связями, чтобы привлечь подъ свою державу нѣсколькихъ малыхъ болгарскихъ владѣльцевъ, княжившихъ въ окрестностяхъ Солуня и Охриды.

Наконецъ онъ далъ ему во владѣніе крѣпкій замокъ Просѣкъ, на неприступномъ утесѣ, надъ широкою рѣкою Вардаръ, и тутъ-то, вмѣстѣ съ крайнею свирѣпостію Стрезы, обнаружилась вся его неблагодарность. Любимою его потѣхою было — сидѣть на вершинѣ утеса и свергать съ высоты его въ рѣчную пучину людей, навлекшихъ на себя его негодованіе, хотя и по самой ничтожной винѣ. Не было никому свободнаго проѣзда мимо замка: каждому угрожала опасность отъ прихоти суроваго властелина. Окрестные жители не разъ обращались съ жалобою къ жупану сербскому, и неоднократно посылалъ отъ себя Стефанъ присныхъ къ извергу, чтобы смягчить его сердце. Стреза, на неприступномъ своемъ утесѣ, смѣялся надъ увѣщаніями Стефана, и наконецъ, собравъ около себя толпу подобныхъ себѣ злодѣевъ всякаго званія, дерзнулъ выступить противъ своего благодѣтеля. Тогда-то уже, но слишкомъ поздно, узналъ свою ошибку Стефанъ и вынужденъ былъ собрать сербскую дружину противъ закоснѣлаго злодѣя. Онъ воз-

ложилъ надежду свою на Господа, Заступника правыхъ, и самъ вышелъ въ поле наказать бывшаго своего друга, оказавшагося недругомъ.

Съ горестію услышалъ Савва о походѣ брата и о предстоящемъ кровопролитіи Исполненный духа любви Христовой, вызвался онъ идти самъ въ станъ непріятельскій, чтобы словомъ кротости умиротворить врага. Не безъ страха отпустили его присные; но Савва боялся единого Бога. Смѣло вступилъ онъ во враждебный станъ: Стреза, знавшій его при дворѣ братнемъ, встрѣтилъ съ честію и даже палъ къ ногамъ его, прося благословенія. Сладостною рѣчью началъ убѣждать преподобный ожесточеннаго, чтобы отсталъ отъ своихъ злодѣяній, напоминая ему прежнюю любовь и царственныя щедроты Стефана, — но не могъ тронуть каменнаго сердца ни ласкою, ни угрозами грядущаго на него гнѣва Божія, и наконецъ сказалъ: „Такъ какъ, уповая на свое оружіе, ты не приемишь благихъ совѣтовъ, то самъ себѣ готовишь гибель. На Господа возлагаемъ нашу надежду, и не страшимся твоихъ полчищъ: Господь разсудитъ между нами.“ Такъ разстались они, и Савва, возвратившись въ свой шатеръ, воззвалъ къ Богу отца своего Симеона, чтобы Онъ призрѣлъ на рабовъ Своихъ и смирилъ неправеднаго, обративъ на него собственное его оружіе. Не дождавшись разсвѣта во вражемъ станѣ, преподобный ночью пустился въ обратный путь, и въ ту же ночь страшный вопль и тяжкіе стоны понеслись изъ шатра болгарскаго властителя. Снѣжно собрались къ нему отроки и нашли его на одрѣ, пронзеннаго собственнымъ мечемъ. „Грозный юноша,“ сказалъ онъ, „назвавшій себя посланцемъ Саввы, напалъ на меня спящаго и, исхитивъ мечъ, пронзилъ мою внутренность.“ Онъ просилъ послать велѣдъ за преподобнымъ, чтобы умолилъ его объ исцѣленіи, но его уже не настигли, и такимъ образомъ,

оставшись безъ всякой помощи, неблагодарный Стреза испустилъ нечистую свою душу.“ Испуганная его дружина быстро разсѣялась, и Стефанъ избавился отъ напраснаго кровопролитія. Владыка сербскій и всѣ его присные прославили Господа за легко полученную ими побѣду, приписывая ее молитвамъ святаго Саввы.

Руками Саввы продолжались совершаться непрестанныя чудеса, возбуждая народную молву и общее къ нему благоговѣніе. Устрашился преподобный, какъ бы не утратить вѣчныхъ благъ ради временныхъ, и вспомнилъ о безмолвномъ своемъ жительствѣ на Святой горѣ и объ уединенной келліи на Кареѣ, свидѣтельница столькихъ подвиговъ пустынной жизни. Сколько ни старался убѣдить его державный братъ остаться въ Сербіи, Савва пребылъ неумолимъ и, поставивъ на свое мѣсто игумена въ лавру Студеицы, простился съ братомъ и всѣми присными. Горько было это разставанье, ибо какъ одна душа въ двухъ тѣлахъ, такъ единокровны были оба брата: удаленіе Саввы представлялось Стефану какъ бы удаленіемъ собственной его души изъ тѣла. Давъ ему много золота, державный проводилъ его до предѣловъ греческихъ и взялъ съ него обѣщаніе возвратиться. Но съ какою горестію провожали его здѣсь, съ такою же радостію встрѣчали на Святой горѣ—и настоятели и старцы всѣхъ обителей, а особенно братія роднаго Хиландаря. Теперь онъ снова водворился въ безмолвной келліи, которая и донинѣ слыветъ постницею Саввы на Святой горѣ, по чрезвычайнымъ подвигамъ поста его въ ней.

Вскорѣ, по таинственнымъ судьбамъ Божиимъ, престало истекать муро отъ гроба преподобнаго Симеона, и державный Стефанъ, принимая это за изъявленіе гнѣва Божія къ ихъ недостоинству, строго испытывалъ свою совѣсть, усугубилъ молитву и милостыню, и часто приходилъ пла-

кать на гробъ родительскій. Наконецъ рѣшился онъ писать къ брату на Святую гору, чтобы этотъ пришелъ утѣшить его своимъ лицезрѣніемъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ оставило насъ твое преподобіе, отвратился отъ насъ и святой отецъ нашъ Симеонъ, ибо изсякло утѣшавшее насъ святое муро, истекавшее отъ мощей его, и онъ, доннынѣ милосердовавшій о насъ отечески, теперь какъ бы ожесточился и болѣе не внемлетъ намъ, по грѣхамъ ли то нашимъ, или потому, что тебя нѣтъ съ нами! Итакъ, приди уврачевать нашу болѣзнь, не презри мольбы единоутробнаго твоего брата, хотя человѣка и грѣшнаго: быть можетъ, и отецъ нашъ, утѣшенный твоимъ пришествіемъ, возвратитъ намъ милость свою, и твоими молитвами потечетъ опять святое муро отъ мощей его.“

Но Савва не могъ отторгнуться отъ сладости безмолвнаго житія и не тронулся братнею мольбою: онъ только написалъ отъ себя посланіе къ отцу своему, какъ бы къ живому, — „чтобы онъ простилъ прегрѣшенія чадъ своихъ и раскрылъ опять заключенный въ немъ источникъ: какъ нѣкогда, находясь еще во плоти,“ писалъ Савва, „внималъ ты моленіямъ сыновнимъ и, отходя отъ сей жизни, обѣщался исполнять мольбы наши, такъ и нынѣ да явится отеческая твоя любовь, и не посрамитъ нашего упованія.“ Написалъ онъ утѣшительное письмо и къ брату, которое послалъ съ ученикомъ своимъ, честнымъ старцемъ Иларіемъ. Но, вручивъ ему то, которое было написано къ отцу, Савва не велѣлъ открывать его, доколѣ не будетъ оно прочтено, послѣ Божественной литургіи надъ самымъ гробомъ преподобнаго. Священноинокъ Иларій исполнилъ все въ точности, по велѣнію своего аввы. Державный братъ, хотя и дивился, что Савва не исполнилъ пламенной мольбы его, однако съ великою честію принялъ посланнаго. Вмѣстѣ съ Иларіемъ, пошелъ онъ въ Лавру Студеницы: во

время всеобщаго бдѣнія, аѳонскій пришелецъ изумлялся молитвенному стоянію и слезному умиленію державнаго, который превосходилъ подвигами, повидимому, и убогихъ аѳонскихъ иноковъ, ибо не таковъ былъ Стефанъ, каковы бываютъ иные мірскіе властители: мудрый въ совѣтѣ, доблестный въ воинствѣ и свѣтлый посреди вельможъ своихъ, на трапезѣ и во дворцѣ, онъ превосходилъ и самыхъ иноковъ на молитвѣ, омывалъ землю потоками слезъ, украшалъ достоинство вѣнца своего любовію къ нищимъ.

Послѣ Божественной литургіи, весь освященный соборъ, со свѣчами и кадилами, приступилъ ко гробу преподобнаго Симеона, близъ котораго стоялъ самодержецъ, обливая его слезами. Честный Иларій, державшій въ рукѣ посланіе, прочелъ его надъ гробомъ во услышаніе всѣхъ, и внезапно потокомъ воскипѣло изъ него благовонное муро, такъ что сосудами не успѣвали собирать его, и умастился имъ весь помостъ церковный. Утѣшенный Стефанъ, стоя при гробѣ, сказалъ умиленное слово братіи и народу, ублажалъ отца своего и брата и взаимную любовь ихъ, ознаменованную чудомъ,—ибо слыхано ли было когда, чтобы живой писалъ къ усопшему, и усопшій внималъ ему съ послушаніемъ, какъ живой! Съ великою честію отпустилъ Стефанъ инока Иларія на Святую гору, и далъ ему благодарное писаніе къ брату которому послалъ много даровъ и отеческое муро.

6. Святительство святаго Саввы.

Нѣкоторыя монастырскія нужды побудили преподобнаго опять идти къ царю и патріарху—ходатайствовать о Свѣтой горѣ и Хиландарской обители: но уже не въ Царьградъ, гдѣ тогда владычествовали франки, завоевавшіе въ 1204 году столицу имперіи, а въ древнюю Никею, просла-

вленную первымъ и седьмымъ вселенскими соборами: тамъ царствовалъ Феодоръ Ласкарисъ, родственникъ сербскихъ царей, — ибо дочь его была выдана за князя Радослава, племянника святаго Саввы и сына Стефанова. Императоръ принялъ его съ великою любовію, ибо, наслышавшись о его подвигахъ на Святой горѣ, давно уже желалъ видѣть его, и исполнилъ всѣ монастырскія его прошенія. Савва хотѣлъ уже оставить Никею, когда пришла ему отъ Господа благая мысль воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и порадѣть о землѣ сербской. „Приду ли когда-либо сюда еще въ моей жизни?“ подумалъ Савва и возложивъ упованіе на Бога, приступилъ къ царю. „Господь Богъ, хотящій всѣмъ спасенія,“ сказалъ онъ, „стараніемъ отца нашего и нашимъ, удалилъ отъ земли нашей ересь (вѣроятно латинскую, или богомиловъ, разсѣянныхъ въ то время въ Болгаріи): православіе въ Сербіи возрастаетъ и умножается. Но одинъ у насъ недостатокъ: мы не имѣемъ своего архіепископа, который посвящалъ бы для насъ іереевъ и училъ бы насъ заповѣдямъ Господнимъ (вѣроятно, въ то время святительствовали въ Сербіи греки). Поэтому особенно молимъ ваше благоутробіе: повели, царь, святому отцу, вселенскому патріарху, — единаго изъ пришедшихъ съ Афона братій моихъ посвятить архіепископомъ, въ утѣшеніе наше и въ похвалу благочестія вашего.“ Императоръ отвѣчалъ: „съ радостною душою исполню твое прошеніе, но хочу видѣть избраннаго тобою брата, — благоволишь ли къ нему душа моя; ибо великъ долженъ быть мужъ, на котораго падеть сей высокій жребій.“ — „Пусть всѣ пріидутъ предъ царскія твои очи,“ сказалъ ему Савва, — „и Ангелъ твой укажетъ тебѣ, къ кому Господь расположитъ твою душу.“ Когда собрана была вся пришедшая братія хиландарская, державный сказалъ: „всѣ братія твои честны и святы, но я не могу ни одного изъ нихъ воз-

весть на такую высоту сана и Апостольскаго сѣдалища: къ тебѣ самому благоволить о Богѣ душа моя, ибо житіе твое не скрылось отъ насъ съ первыхъ дней твоей юности.“

Смутился Савва, и отрекался отъ высокой степени, которой почиталъ себя недостойнымъ. Между тѣмъ императоръ объявилъ о прошеніи его патріарху, и сказалъ, что выборъ его не падеть ни на кого иного; патріархъ принялъ слово царское съ радостію, ибо тоже много любилъ преподобнаго. Кесарь, вмѣстѣ съ первосвятителемъ, снова приступилъ къ святому Саввѣ, и умолялъ его — „не чуждаться Апостольскаго званія, возвѣщаемаго Духомъ Святымъ въ сердцахъ ихъ, но Бога ради принять совѣтъ ихъ для пользы сербовъ, чтобы слово ученія его было въ народѣ со властію и чтобы онъ не себя единаго спасалъ пустыннымъ молчаніемъ, а многихъ въ мірѣ обратилъ бы отъ заблужденія, — что вмѣнится ему, въ большую любовь къ Богу.“ Но, одержимый любовію къ пустынной жизни, преподобный убѣгалъ высокихъ почестей, какъ птица — тенеть, предпочитая всему Ангельское житіе и подвигъ поста. Онъ продолжалъ упорствовать предъ царемъ и патріархомъ, и отрицался своимъ достоинствомъ, доколѣ наконецъ императоръ, огорчившись, сказалъ ему: „Гдѣ слыхано, чтобы неимущій отказывался отъ чего-либо съ такимъ любопреніемъ; — гораздо приличнѣе было бы тебѣ повиноваться богоугодному совѣту многихъ, чѣмъ не покоряться и противустоять. Такъ какъ ты хочешь утвердиться въ своей волѣ, то ищи себѣ посвящающихъ: мы на это несогласны.“ Сказавъ такъ, царь удалился въ свои покои.

Что же смиренномудренная и праведная эта душа, ненавидѣвшая почесть, какъ бы хулу и безчестіе? — на что рѣшилась она, видя огорченіе царя и понужденіе отъ патріарха и всѣхъ вельможъ? — Савва рѣшился покориться волѣ державной, и сказалъ: „изволеніе Божіе и святое

ваше повелѣніе да совершится надъ нами грѣшными.* Тогда императоръ велѣлъ отъ царской палаты приготовить всю нужную утварь для посвященія Архіерейскаго. Въ день Успенія Богоматери 1222 года вселенскій патріархъ Германъ *) рукоположилъ Савву архіепископомъ всей сербской земли; царь присутствовалъ при посвященіи со всѣми вельможами и возглашалъ: „аксіосъ,“—достоинъ, и достоинство его явлено было отъ Господа. Нѣкто, сподобившійся Божественнаго видѣнія, сказалъ впослѣдствіи патріарху, что, во время возложенія святительскихъ рукъ на главу поставляемаго, внезапно изліялся на него чудный свѣтъ, и весь онъ сіялъ предъ ними, какъ бы огненный. По окончаніи Божественной службы, императоръ и всѣ присные его приблизились къ новому святителю принять отъ руки его благословеніе. Кесарь пригласилъ къ себѣ на трапезу патріарха, со всѣми епископами, и патріархъ новаго архіепископа сербскаго посадилъ подлѣ себя, какъ сопредостольника. Всѣ пріяли щедрюю милостыню отъ руки царской, и въ радостный этотъ день не были забыты нишіе.

Вскорѣ потомъ святыи Савва началъ собираться въ родную землю, на указанный ему отъ Бога жребій; но ему опять пришло на мысль, для избѣжанія дальняго путешествія въ Никею и большой траты денегъ, испросить у державнаго первосвятителя право на посвященіе архіепископовъ сербскихъ въ собственной землѣ ихъ, ибо частыя войны между западными и восточными властителями могли иногда преграждать пути, либо даже нерасположеніе самихъ первосвятителей или кесарей могло каедрю сербскую повергать въ продолжительное вдовство. Разсудивъ все это въ сердцѣ, святитель Савва пожелалъ устроить Церковь свою свободною отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, самовластною и

*) Въ этомъ именно году патріархъ Германъ 2-й взошелъ на каедрю. Γεθεών. Πατριάρχ. Πύλαρις. 383—385.

ни въ чемъ не зависящею ни отъ Востока, ни отъ Запада. Призвавъ себѣ на помощь преподобнаго отца своего Симеона и съ полнымъ упованіемъ приступивъ къ императору, онъ говорилъ: „если, по внушенію Божію, благоизволятъ ты показать намъ совершенную любовь, то доверши оную повелѣніемъ твоей тихости, чтобы, благословеніемъ устнымъ и письменнымъ святаго отца нашего вселенскаго патріарха, даровано было право не приходитъ впредь архіепископамъ нашимъ для посвященія въ царствующій градъ, а рукополагаться соборомъ своихъ епископовъ.“

Измѣнилось лицо царя, когда услышалъ онъ столь нечаянное прошеніе: не понравилось оно ни патріарху, ни вельможамъ, ибо они хотѣли, чтобы Церковь сербская была подчинена вселенскому престолу, и прибѣгала къ нему со многими дарами. Но, съ другой стороны, императоръ, по чрезвычайной любви къ святому Саввѣ, стыдился отпустить его скорбнымъ, не исполнивъ прошенія, и потому, хотя съ трудомъ, однакожь утолилъ негодованіе патріаршее и снизшелъ къ желанію родственнаго ему святителя. По убѣжденію царскому, святѣйшій патріархъ написалъ отъ себя грамоту, чтобы, съ того времени, ищущему достоинства архіепископа сербскаго не приходитъ изъ сербской земли въ царствующій градъ, но быть посвящаемымъ у себя соборомъ святыхъ епископовъ: эта грамота была подписана соборомъ всѣхъ присутствовавшихъ въ Никеи митрополитовъ и епископовъ. Патріархъ, неоднократно приглашая къ себѣ новопоставленнаго архіепископа, научалъ его всѣмъ правиламъ церковнымъ и, надѣливъ утварью, вручилъ ему такую грамоту: „Германъ, Божіею милостію, архіепископъ Царьграда, новаго Рима, и вселенскій патріархъ, имени ради Господа нашего Иисуса Христа, посвятили Савву архіепископомъ всей земли сербской, и дали ему власть, по всей его области церковной, посвящать епископовъ,

іереевъ и діаконовъ, вязать и рѣшить вины человѣческихъ погрѣшеній, и всѣхъ учить и крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа: всѣ православные христіане да послушаютъ его, какъ меня самого.“

Щедро одаренный патріархомъ, Савва пришелъ проститься къ императору, который, съ любовію прося благословенія его, сказалъ ему: „всѣ твои прошенія исполнены, отче; молимъ твою святость, чтобы твоими молитвами быть намъ благопріятными Богу; сопровождаемый Ангеломъ Господнимъ, да приидешь ты благополучно къ своимъ и извѣстишь насъ о твоёмъ здравіи. Императоръ далъ ему все нужное въ путь, а когда онъ отрекался, со смиреніемъ говорилъ: „ему, какъ новопоставленному, необходимо будетъ дорогою подавать всѣмъ просящимъ у него, да молятся о немъ.“ Такой-то великій подвигъ совершилъ святыи Савва, въ краткое время, для всей своей сербской земли, удостоивъ ее не только архіепископскаго сана, но и независимаго святительскаго престола! Моремъ отплылъ онъ во святую Аеонскую гору: здѣсь пустынные отцы, услышавъ, что бывшій ихъ сожитель приходитъ къ нимъ, уже облеченный властію святительскою, всѣ устремились къ нему въ срѣтеніе изъ пустынныхъ горъ, изъ пещеръ и каменныхъ расщелинъ, съ радостію и вмѣстѣ съ печалію, ибо чувствовали, что блаженный долженъ оставить ихъ. Всѣ они спѣшили принять отъ него благословеніе и послѣднее цѣлованіе, и, восхваляя Бога, стекались въ Хиландарскую обитель, гдѣ святитель, на пути въ свою родину, водворился временно.

Грустно было думать имъ, что спостникъ ихъ и сподвижникъ съ дѣтскихъ лѣтъ, возросшій вмѣстѣ съ ними въ пустынь и осыпавшій ихъ своими благодѣяніями, навсегда оставитъ ихъ. Протъ и игумены старѣйшихъ и меньшихъ монастырей, узнавъ, что патріархъ далъ ему власть рукопо-

лагать въ своей церковной области, одинъ за другимъ призывали его въ свои обители служить съ ними Божественную литургію и посвящать у нихъ іереевъ и діаконовъ. Такъ обошелъ онъ въ послѣдній разъ всѣ монастыри, поклонился всѣмъ церквамъ и, простившись съ Протомъ и игуменами, возвратился въ Хиландаръ. Тамъ еще однажды поучилъ настоятеля и братію страху Божію и всякой добродѣтели и, преподавъ имъ во Христѣ цѣлованіе, вышелъ изъ обители съ нѣсколькими избранными иноками, которыхъ предполагалъ посвятить епископами въ Сербіи. Но, оставляя Святую гору, святитель неоднократно обращался взорами и мыслями къ краснымъ ея пустынямъ, и съ любовію взиравъ на острые каменные пути, по которымъ часто проходилъ босыми ногами, посѣщая святыхъ отшельниковъ, — воспоминалъ блаженное житіе этихъ пустынныхъ отцевъ, которыхъ умъ непрестанно возвышался къ Богу въ молитвахъ, и съ благодарностію приводилъ себѣ на память, что отъ ихъ созерцанія и самъ научился многому, въ первые годы пустынножительства.

Все это съ любовію воспоминалъ святой Савва, и когда помышлялъ, что ничего подобнаго не встрѣтитъ въ своей землѣ и что ему предстоитъ тамъ положить основаніе архіерейской кафедры, еще болѣе чувствовалъ всю тяжесть настоящей разлуки: исходя изъ Святой горы, какъ бы изъ нѣкоего Божественнаго рая, подобно древнему Адаму, онъ горько плакалъ и восклицалъ: „О, сколько благодатствъ лишился я, окаянный! Сколько было здѣсь богатства! Здѣсь могъ я, безъ всякой мірской печали, молиться въ тишинѣ Богу, — и все это измѣнилъ теперь на тщету человѣческой славы! Увы мнѣ! Кто не восплачетъ о моей участи! Съ какой высоты ниспалъ я, и что приобрѣлъ! Господи Боже мой, на Котораго уповаю, удаляюсь отъ сей святыни, ухажу отъ Святой горы! если есть о мнѣ воля Твоя благая, мо-

литвами Пречистой Твоей Матери и угодника Твоего Симеона, отца моего, не оставь меня въ такой скорби, утпающимъ въ уныніи!“ Такъ, шествуя весь день, дряхлый и унылый, съ трудомъ достигъ онъ до перваго ночлега, въ горы Святой, и тамъ сталъ опять воздыхать о лишеніи ея. Но, по слову псаломному, гора мысленная и святая, гора Божія, гора тучная, гора усыренная Духомъ, гора небеси подобная и превышая всѣхъ горъ и всѣхъ Ангельскихъ силъ, всечистая Дѣва и Матерь Божія, отъ коей, какъ отъ горы великой, возсіялъ Христосъ, въ сонномъ видѣніи воздвигла отъ уныніа душу его, говоря: „Имѣя Меня споручницею къ Царю всѣхъ, Сыну и Богу Моему, о сихъ ли еще скорбишь?—Возставъ, иди со тщаніемъ на дѣло, на которое избралъ тебя Господь, пи о чемъ болѣе не думая, ибо все о Господѣ будетъ споспѣшествовать тебѣ во благое.“

Воспрянувъ отъ видѣніа, святой Савва, почувствовалъ сладостное утѣшеніе въ своемъ сердцѣ и, обливаясь слезами, — уже не печали, а—радости, возблагодарилъ Бога за то упованіе, которое обновлено въ немъ словами Пречистой Божіей Матери, и весело продолжалъ путь свой. Пришедши въ великій городъ Солунь, онъ поклонился гробу святаго великомученика Димитрія и, посѣтивъ митрополита, водворился въ своей обители Филокаліи. Немедленно велѣлъ онъ написать двѣ мѣстныя большія иконы: Господа Вседержителя, и явившуюся ему гору Божію, всечестную Матерь Господа, и, благолѣпно украсивъ ихъ золотыми вѣнцами съ драгоценными каменьями, поставилъ въ церкви Филокаліи, на память бывшаго ему явленія. Въ Солуни приготовилъ онъ также и всю церковную утварь, необходимую для его архіепископіи, и, провожаемый митрополитомъ и епархомъ, направилъ путь въ родную землю.

Двойною радостію исполнился державный Стефанъ, когда

услышалъ, что возвращается братъ его блаженный Савва, и возвращается уже не просто архимандритомъ, а перво-святителемъ всей земли сербской. Будучи самъ одержимъ тяжкою болѣзнію, послалъ онъ къ нему, вмѣсто себя, дѣтей своихъ, до предѣловъ земли греческой. Когда же пришелъ Савва къ болѣзненному одру брата, онъ не могъ даже и подняться, чтобы обнять святителя, — такъ безнадежна была болѣзнь его! но здѣсь, съ пришествіемъ Своего угодника, Господь измѣнилъ всеобщую печаль на радость. Святой Савва животворящимъ крестомъ освятилъ воду, напоилъ и омылъ ею болящаго и, возложивъ руки на главу его, помолился о немъ съ теплыми слезами: болѣзнь внезапно исчезла, смертную блѣдность замѣнилъ румянецъ жизни; больной, не имѣвшій силъ приподняться, самъ всталъ съ одра, и даже могъ раздѣлить трапезу съ братомъ и вельможами, — да и не только онъ одинъ: исцѣлялись и всѣ тѣ, на которыхъ святитель возлагалъ свои руки.

Стефанъ совѣщался съ братомъ своимъ и вельможами, гдѣ бы устроить архіепископію и поставить епископовъ. — Всѣ направились въ святую лавру Студеницы: тамъ святой Савва обновилъ обычаи Святой горы, ввелъ порядокъ Божественной службы и всѣхъ поучалъ покаянію. Чудное было зрѣлище, и повторялось непрестанно: когда перво-святитель, во время литургіи и всенощной, приходилъ по-кадить гробъ отца своего, — преподобный Симеонъ, какъ бы воздавая сыну почестію за почеть, внезапно изліяніемъ мѹра исполнялъ церковь; усопшіи вѣяніемъ ароматовъ отвѣчалъ живому. Такими дивными знаменіями утверждались въ вѣрѣ всѣ православные. Изъ лавры пошелъ святой Савва на предназначенный ему престолъ архіепископіи, во вновь сооруженную великую церковь Вознесенія Господня на мѣстѣ, называемомъ Житчи. Она еще не была довершена, но святой украсилъ ее стѣннымъ писаніемъ, и

святую трапезу утвердилъ на мошахъ мученическихъ. Тамъ посвятилъ онъ двѣнадцать избранныхъ учениковъ своихъ во епископы Сербіи и, не смотря на всѣ эти святительскіе труды, днемъ и ночью не преставалъ поучать всѣхъ къ нему приходившихъ, а особенно новопоставленныхъ, чтобы во всемъ слѣдовали они ученію соборовъ и святыхъ отецъ, и потомъ каждаго отпускалъ во вѣренную ему область.

7. Царское вѣнчаніе Стефана.

Когда окончательно создана была въ Житчи великая церковь, для которой иконописцы и мраморъ выписываемы были изъ Царьграда, архіепископъ Савва велѣлъ брату своему созвать всѣхъ его правителей и вельможъ, а самъ съ своей стороны созвалъ епископовъ и игуменовъ и, посреди ихъ сонма, въ кафедральной церкви, возсѣвъ вмѣстѣ съ братомъ на престолѣ, сказалъ во услышаніе всѣхъ о причинѣ настоящаго необычайнаго собранія: „Всѣмъ вамъ извѣстно двукратное мое отъ васъ бѣгство, знаете вы и то, что ничего изъ прелестей міра не предпочелъ я любви Божіей; молитва къ Богу всегда была лучшимъ для меня на землѣ блаженствомъ. Васъ ради, моихъ соплеменниковъ, оставилъ я святую, сладкую мнѣ пустыню, и пришелъ сюда искать не чего-либо вашего, а васъ самихъ,—ради вашихъ душъ возненавидѣлъ свою, поминая древнихъ святыхъ, сердобольствовавшихъ о своемъ племени. *Аще спасая спасеши люди сія*, говорилъ Моисей Богу, *спаси: аще ли ни, то и мене испиши отъ книгъ, въ нихже вписалъ мя еси* (Исх. 32, 32); и Павелъ Апостоль желалъ самъ быть отлученъ отъ Христа, ради братій своихъ по плоти (Рим. 9, 3). Соревнуй имъ, и я болѣзную о васъ, и я, ради вашего спасенія, не забочусь о своемъ; но если, чрезъ послушаніе ваше, узаконится благое, то усвоеніемъ васъ Богу приобрѣту свое

спасеніе и я. Посему молю васъ, будьте послушны мнѣ во всемъ, что предложу вамъ о Господѣ. Господь Богъ вашъ, молитвами угодника Своего, святаго праведнаго отца нашего Симеона, утвердилъ васъ и распространилъ: много между вами начальниковъ и воеводъ, много жупановъ малыхъ и великихъ. Но властвующему у васъ не подобаетъ носить одинаковое съ прочими наименованіе своей власти: напротивъ, онъ, какъ и я, ради васъ облеченный властію священства и поставленный во главу Церкви, долженъ для вашей чести, славы и величія украситься вѣнцомъ царствія.“ Умилились всѣ, внимая слову, исполненному любви, и съ радостію покорились посланному къ нимъ отъ Бога, обѣщая во всемъ повиноваться ему.

Наступилъ свѣтлый праздникъ Господа и Спаса нашего, и, во время Божественной литургіи, въ урочное время предъ совершеніемъ даровъ, призвалъ Савва брата своего, великаго жупана, предъ святыи жертвенникъ, молитвенно облекъ его въ царскую багряницу, препоясалъ драгоцѣннымъ поясомъ, возложилъ на главу его вѣнецъ царствія и, помазавъ освященнымъ муромъ, провозгласилъ его, милостію Божіей, самодержавнымъ крадемъ сербскимъ. Вельможи и народъ—всѣ единодушно поклонились ему и взывали: „буди, буди.“ По окончаніи Божественной службы, для архіепископа и новаго краля приготовленъ былъ великій пиръ, на которомъ присутствовали всѣ благородные и епископы, причемъ не были забыты и убогіе. Не вѣнцу царскому радовался Стефанъ и не драгоцѣнной багряницѣ, почитая все это тлѣннымъ и скоропреходящимъ, а радовался болѣе великому собранію своего народа и благолѣпію храма, котораго былъ ктиторомъ,—ибо не щадилъ для него своихъ сокровищъ: церковь эта представлялась какъ бы земнымъ небомъ. На другой день, архіепископъ снова призвалъ державнаго брата, облеченнаго всѣми знаками царской

своей власти, и весь его синклить и, возсѣвъ посреди ихъ на престолѣ вмѣстѣ съ кралемъ, преподавалъ народу слово Божіе: онъ внушалъ всѣмъ быть твердыми въ вѣрѣ отеческой и чуждаться ересей, непрестанною молитвою отражать искушенія враговъ невидимыхъ,—и сознаваться въ своихъ заблужденіяхъ, когда кто одержимъ какою либо ересью, чтобы вѣрою и покаяніемъ обратиться къ православію, ибо страшно впасть въ руки Бога живаго.

Внимая сему оглашенію, всѣ засвидѣтельствовали предъ святителемъ, что они вѣрують такъ, какъ онъ повелѣваетъ имъ, и исповѣдуютъ такъ, какъ учитъ ихъ. Послѣ сего, святой Савва, со всѣми епископами, приступилъ къ совершенію Божественной литургіи. Когда вошли они въ алтарь и возсѣли на горнее мѣсто для слушанія Апостола — сопрестольникъ Апостольскій, послѣ словъ Евангельскихъ, съ высоты горняго мѣста, сперва самъ во услышаніе всѣхъ исповѣдалъ Символъ Вѣры, потомъ повелѣлъ произнести его самодержцу Стефану, первоначальному кралю, и всѣмъ его вельможамъ, а за ними и всему народу, который, по слову святителя, долженъ былъ повторить его; потомъ троекратно приказалъ всѣмъ громко произносить за собою: „Пріемлемъ всѣ соборы въ различныя времена и въ разныхъ мѣстахъ сошедшихся святыхъ отецъ для утвержденія православной вѣры; отъ кого они отрекались, и мы отрекаемся, — кого проклинали, и мы проклинаемъ. Покланяемся же и цѣлуемъ всечестный образъ человѣческаго насъ ради воплощенія Христа, Слова Божія и Отчаго; поклоняемся и цѣлуемъ образъ Пречистыя Его Матери, и Сію Приснодѣвою и сущію Богородицею исповѣдуемъ; поклоняемся святому древу честнаго Креста и цѣлуемъ его, ибо на немъ, Животъ всѣхъ, пригвоздился Христосъ; поклоняемся Божественнымъ Тайнамъ Христа Бога нашего и, съ вѣрою причащаясь имъ, пріемлемъ не

простой хлѣбъ и вино, а самую плоть Христа Бога нашего и самую святую и животворящую кровь Его, изліянную за животъ міра; покланяемся святымъ Божественнымъ церквамъ и святымъ мѣстамъ, почитаемъ и священные сосуды покланяемся и образамъ всѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, достойно чтимъ ихъ и цѣлуемъ, слѣдуя Апостольскимъ преданіямъ и правиламъ святыхъ отецъ: такъ вѣруемъ и такъ исповѣдуемъ; всѣхъ же еретиковъ и всю ересь ихъ злую проклинаемъ.“

Изъ этого исповѣданія и отреченій видно, противъ какой ереси они особенно были направлены: павликіяне или богомилы въ то время свирѣпствовали въ Болгаріи и, подвигаясь далѣе къ западу, полагали начало протестантству, отвергавшему священное преданіе Церкви. Умилительное было зрѣлище всенароднаго собранія въ храмѣ, гласно исповѣдующаго свою вѣру и обличающаго ересь. Такъ нѣкогда собирались всѣ на Іорданъ къ Іоанну Предтечѣ, когда очищеніе наше, Самъ Господь Іисусъ, крестился среди грѣшниковъ, чтобы очистить ихъ отъ грѣховъ. Савва, какъ бы другій Предтеча, стоялъ посреди народа и всѣмъ вопіялъ: „покайтесь!“ Стефанъ король, нравомъ вѣтерпѣливый, стоялъ здѣсь кротко, изумлялся неслыханному у нихъ дѣлу братнему и многими слезами покаенія обливалъ помость.

И на третій день Савва созывалъ въ архіепископію синклитъ и народъ, поучалъ всѣхъ правой вѣрѣ, безъ которой не пользуются благія дѣла, внушалъ болѣе всего соблюдать святыя догматы. Преподавъ всѣмъ миръ и благословеніе, онъ отпустилъ короля и благородныхъ его во своя-си, а исповѣдавшихъ ересь удержалъ при себѣ въ церкви, для болѣе тщательнаго испытанія: здѣсь не крещенныхъ, огласивъ по чину церковному, сподобилъ онъ святаго крещенія, а державшихъ латинскую ересь, по истинномъ испо-

вѣданіи, утвердилъ въ православіи святымъ мѣропомазаніемъ. Такъ научилъ онъ дѣйствовать и своихъ епископовъ, а многихъ благочинныхъ пресвитеровъ послалъ по церковной своей области—освятить таинствомъ брака тѣхъ, которые взяли за себя женъ безъ благословенія, хотя бы они были уже въ старости и имѣли дѣтей. Самъ же святой Савва, проходя всю свою землю, утверждалъ въ православіи народъ, очищалъ нравы, возбуждалъ къ покаянію, устанавливалъ церковныя службы и привлекалъ всѣхъ къ соборной Апостольской Церкви, обѣщая имъ милость брата своего краля и отлучая отъ Церкви закоснѣлыхъ еретиковъ.

Царское вѣнчаніе Стефана возбудило зависть въ краля угорскомъ, который не могъ радоваться величію Сербіи и объявилъ ей войну. Смутился Стефанъ, не приготовленный къ брани, и просилъ святаго брата своего идти умиротворить врага. Благодушествовалъ Савва, и, возложивъ упованіе на Бога, смѣло пошелъ въ Венгрію, гдѣ собралось уже много комановъ, чтобы идти на сербскую землю. Съ честію принять былъ Савва, какъ святитель и царскій братъ, но благое слово его сперва не подѣйствовало: какъ непреклонный кипарисъ, не внималъ ему краль; однако упованіе Саввы не ослабѣло. Знойный былъ день: посреди жаркой бесѣды святитель пожелалъ прохладить жажду свою холодною водою; посланъ былъ служитель принести немного льда, но въ великомъ смятеніи возвратился съ вѣстію, что отъ чрезвычайнаго жара ледъ весь растаялъ. Краль огорчился, а святой, поднявъ къ небу преподобныя руки, просилъ Господа, молитвами Богородицы и преподобнаго отца его Симеона, сотворить знаменіе, для обличенія людей ожесточенныхъ, и послать градъ съ небеси, чтобы прохладить народъ. Внезапно, по его молитвѣ, блеснула молнія, прокатился громъ и разсыпался градъ широ-

кою полосою на всю окрестность. Ужаснулся король съ бывшими съ нимъ, и отъ страха взывалъ: „Господи помилуй!“ Потомъ, по слову святителя, страшная буря опять стихла. Савва велѣлъ собрать полный сосудъ града, и сперва самъ вкусилъ отъ него, какъ бы отъ нѣкоего благословія, потомъ поднесъ королю и сказалъ: „такъ какъ у твоего королевства не было льда, то я испросилъ эту прохладу у Творца времени, и Господь, отъ Своихъ неоскудныхъ сокровищъ, даровалъ мнѣ ледъ, чтобы я могъ подать его и тебѣ въ благословіе.“

Съ благоговѣніемъ принялъ король подносимый ему даръ Божій и умилился въ своемъ сердцѣ,—и не только онъ, но и всѣ его вельможи съ любовію приходили поклониться святому, прося его быть у нихъ приснымъ гостемъ и простить все сказанное вопреки ему. Всѣ просили его благословія и цѣловали его власяницу, ибо видѣли въ немъ челоуѣка Божія: ради него измѣнили враги прежнюю вражду свою къ Сербіи на твердую любовь. Особенно любилъ святаго Савву король, уважая его, какъ отца своего и учителя, и пожелалъ исповѣдаться предъ нимъ всѣ грѣхи своей жизни и свою вѣру, чтобы убѣдиться, въ истинѣ ли онъ пребываетъ. Святитель съ любовію припалъ его покаяніе, и внушилъ ему отречься отъ ереси латинской, чтобы затѣмъ держаться уже православія. Послѣ троекратнаго отреченія отъ ереси и исповѣданія вѣры, архіепископъ приобщилъ его святыхъ Таинъ и наставилъ въ добромъ ученіи. Утѣшенный король съ миромъ и благословіемъ отпустилъ Савву къ брату его Стефану со многими дарами. О королѣ венгерскомъ говорятъ, что онъ до самаго конца своей жизни помнилъ поученіе святаго и сохранилъ православіе, отличаясь истиннымъ смиреніемъ и наипаче любовію къ нищимъ: когда же этотъ блаженный Владиславъ преставился къ Богу, Господь прославилъ его

чудесами. Венгры и донынѣ хвалятся, что имѣють у себя мощи святаго и чудодѣйственнаго краля.

Вскорѣ послѣ умиротворенія съ Владиславомъ, Стефанъ краля объять былъ тяжкою болѣзнію: призвавъ брата, онъ молилъ облечь его во святой ангельскій образъ, но блаженный Савва отрекался, говоря, что, когда придетъ время, онъ самъ напомнитъ о томъ: Стефанъ, между тѣмъ, на краткое время получилъ облегченіе. Но едва только архіепископъ возвратился на свою кафедру, какъ болѣзнь опять усилилась,—и тогда братъ снова написалъ ему плачевное посланіе, въ которомъ умолялъ поспѣшить приѣздомъ, если только хочетъ застать его въ живыхъ. Однако, какъ ни спѣшилъ блаженный Савва, братъ не дождался его, а безъ святаго никто не смѣлъ постричь его, и никому изъ сыновъ своихъ не могъ онъ завѣщать свое царство, говоря: „Не мое оно, а Божіе и потрудившагося о немъ владыки брата моего. Какъ мнѣ сперва дано было оно молитвою его и благословеніемъ, такъ и нынѣ пусть онъ же вручитъ его, кому Богъ наставитъ.“

Дѣти и всѣ вельможи плакали надъ нимъ и приготовлялись къ погребенію, а святаго Савву послали предварить, чтобы онъ не утруждалъ себя спѣшнымъ путемъ, потому что братъ его уже преставился, хотя и не въ иноческомъ образѣ. Оружіе прошло душу святителя, когда услышалъ онъ о кончинѣ братней; сошедши съ быстрого коня, онъ много плакалъ, — но не ропталъ, а взывалъ: „слава Господу о всемъ!“ Но еще болѣе, чѣмъ о кончинѣ, святой Савва скорбѣлъ о томъ, что державный не успѣлъ воспріять иноческаго образа, и жестоко укорялъ себя въ этомъ лишеніи: впрочемъ, не терялъ упованія, но воззвалъ къ Богу отца своего, Господу Иисусу, Который прослезился надъ умершимъ Лазаремъ, воскресилъ его четверодневнонаго, возвратилъ къ жизни сына вдовицы и дочь Іаира,

и молилъ Его съ твердою вѣрою, „чтобы Онъ удержалъ въ тѣлѣ душу раба Своего Стефана только до наступающей ночи, чтобы возможно было ему, по желанію, воспріять ангельскій образъ, утраченный ради его замедленія. Послѣ пламенной молитвы, онъ воскликнулъ: „на Тя, Господи, уповаю, да не постыдимся во вѣки!“—и, сѣвъ на коня, устремился въ путь еще быстрѣе.

Пришедши въ царскія палаты, онъ удалилъ всѣхъ плачущихъ и горькими слезами окропивъ лицо усопшаго, втайнѣ помолился тайновѣдцу Богу, положилъ руку свою на сердце брата и, во имя Святыя Троицы, осѣнилъ его знаменіемъ честнаго креста. Внезапно ощутилъ онъ, что сердце бьется подъ его рукою, и согрѣвается холодное тѣло брата. Возрадовался духомъ Савва, и сказалъ плачущимъ дѣтямъ и народу: „не плачьте и не дѣлайте молвы: не умеръ краль, а спитъ, и душа его въ немъ,“ и, какъ бы возбуждая его отъ сна, говорилъ: „встань, владыка мой, встань!“ Стефанъ открылъ очи свои, объятая смертнымъ сномъ, узналъ святаго, поцѣловалъ его руку и, поддерживаемый имъ, сѣлъ. Святитель немедленно облекъ его въ ангельскій образъ, измѣнивъ царское имя Стефана на иноческое Симеона; потомъ привелъ къ нему старшаго сына его Радослава, повелѣвая передать ему кралевство, и краль-инокъ сказалъ: „я вручаю ему царство властію скиптра, а ты — благословеніемъ молитвы.“ Симеонъ цѣловалъ иноческое свое одѣяніе съ любовію, радуясь власяницѣ своей больше, чѣмъ царской багряницѣ. Потомъ архіепископъ пріобщилъ его Божественныхъ Таинъ, возблагодарилъ Бога, что Онъ услышалъ молитвы его, говоря: „прими паки, Господи, пріими въ мирѣ душу его, чтобы, чрезъ воздвиженіе его, равно какъ и чрезъ преставленіе, одинаково прославилось святое имя Твое!“ Пока Савва молился, инокъ Симеонъ, въ его объятіяхъ,

предалъ Господу душу свою, въ радости сердечной, такъ что общая печаль превратилась въ радостное изумленіе. Савва, со всѣмъ священнымъ соборомъ и синклитомъ, проводили тѣло усоншаго до великой Студеницы, и тамъ положили его близъ гроба святаго родителя *).

8. Странствованія Саввы во святую землю.

Послѣ преставленія первовѣнчаннаго краля, святой архіепископъ вѣнчалъ на царство и старшаго сына его Радослава, въ кафедральной своей церкви Житчахъ, и, утвердивъ въ рукахъ его скипетръ сербской земли, самъ недолго остался съ нимъ. Давно уже было у него сердечное желаніе посѣтить святую землю и поклониться мѣстамъ, гдѣ совершились страданія Христовы. Напрасно удерживали его краля, епископы и вельможи: они принуждены были, наконецъ, отпустить его въ долгій путь, въ надеждѣ на его возвращеніе. Радославъ, готовый уступить ему и весь царскій свой домъ, далъ ему много золота. Сперва святи-тель направился въ Далматію, а оттуда моремъ, на своемъ кораблѣ, во святую землю; благополучно достигъ восточныхъ предѣловъ и, вошедши во святой градъ, со слезами облобызалъ святой гробъ Христовъ и страшную Голгоу. Въ Иерусалимѣ съ честью принялъ его патріархъ Аѳанасій и вмѣстѣ съ нимъ служилъ Божественную литургію въ великомъ храмѣ Воскресенія. Потомъ, съ патріархаго благословенія, странствовалъ онъ по всей его области, и вездѣ на святыхъ мѣстахъ совершалъ литургію: на Сіонѣ, въ Виелеемѣ, Геосиманіи, на Елеонѣ, въ Виѳаніи, въ великой пустынѣ Четырехдесятницы, и вездѣ раздавалъ обильную милостыню. Затѣмъ пошелъ онъ на Іорданъ, на мѣ-

*) 1224 г. сентября 24. см. «Святые южныхъ славянъ». Филарета архіеп. Черниг.

сто Богоявленія и, по ту сторону его, поклонился пещерной церкви святаго Крестителя, гдѣ былъ принять съ любовію отъ всей братіи, совершилъ Божественную службу, и далъ милостыню пустынникамъ. Они проводили его опять чрезъ Іорданъ въ обитель святаго Герасима, а оттуда въ великую лавру тезоименитаго ему Саввы, гдѣ нѣсколько отдохнул онъ отъ трудовъ своихъ. Въ лаврѣ братія вручила ему пастырскій жезлъ своего аввы, по древнему завѣщанію, переходившему у нихъ изъ рода въ родъ,— чтобы жезлъ сей отданъ былъ не кому иному, какъ святителю, носящему имя Саввы: посохъ этотъ до сихъ поръ хранится въ одной пустынной келліи Аѳона, называемой Патерица *).

Не уклонился онъ также и отъ посѣщенія пустыни и всѣхъ мѣстъ, ознаменованныхъ страдальческими подвигами освященнаго Саввы и всѣхъ преподобныхъ, постившихся около его лавры, и пустился по юдоли плачевной къ Мертвому морю, заходилъ въ пещерныя келліи молчальниковъ, жившихъ какъ бы уже внѣ плоти, умилялся ангельскому ихъ житію и наслаждался духовною бесѣдою: обогатив-

*) Такъ передаетъ объ этомъ жезлѣ и авторъ писемъ съ Востока: «я нашелъ въ малой церкви Преображенія, св. Саввою основанной при келліи (это другая его келлія на западѣ близъ Карен) патерицу его, которую заповѣдалъ всегда тамъ хранить, отъ чего и самая келлія прозвалась Патерицею. Умилительно преданіе объ этой патерицѣ. Св. Савва Освященный Палестинскій, употреблялъ ее вмѣсто пастырскаго жезла и умирая завѣщалъ ученикамъ отдать ее только сомненному ему пришельцу, который, по прошествіи многихъ лѣтъ, посѣтитъ плачевную юдоль. Прошло семь столѣтій, и не явился достойный понести посохъ Освященнаго; и вотъ однажды приходитъ въ лавру инокъ, убогій съ виду, хотя и царскаго рода, и къ его ногамъ сама собою падаетъ патерица. Изумленная братія спрашиваетъ о его имени и узнаетъ въ немъ того Савву, коему исполнъи предопредѣленъ былъ посохъ блаженнаго ихъ отца. Царевичъ Сербскій взялъ его съ собою на Аѳонъ и, отходя самъ на святительскую кафедру своей родины, хотѣлъ, чтобы пустынный посохъ всегда оставался въ его пустынной келліи. И что же?—не смотря на частыя запусьтнія горы Аѳонской, патерица сія доселѣ остается въ убогой церкви, гдѣ даже рѣдко бываетъ богослуженіе, потому что два старца Греческіе, нанимающіе себѣ келлію святаго Саввы для жительства, уже не въ силахъ совершать литургіи; а между тѣмъ основанная имъ лавра Хиландарская, не смѣетъ нарушить его заповѣди и взять посохъ» (Часть I. стр. 114).

шись же молитвами ихъ, возвратился онъ въ лавру, которую одарилъ больше всѣхъ монастырей. Святый Савва не миновалъ и пустынной лавры великаго Евѳимія и обители Θεодосія Киновіарха, и такимъ образомъ совершилъ весь пустынный обзоръ вокругъ Сіона. Изъ Іерусалима отправился онъ въ Назаретъ и на Өаворъ, потомъ опять возвратился въ святый градъ, гдѣ съ любовію былъ встрѣченъ патріархомъ: всѣ удивлялись постническимъ его трудамъ. Въ свободное время совѣщался онъ съ Аѳанасіемъ о правилахъ церковныхъ и, научая другихъ, учился самъ. Въ Іерусалимѣ и въ окрестныхъ обителяхъ, прибрѣлъ онъ много святыхъ мощей и священной утвари, на благословеніе своему отечеству, и опять совершивъ Божественную службу въ великой церкви, вмѣстѣ съ патріархомъ, пустился въ дальнѣйшій путь *).

Окормляемый Богомъ, святитель благополучно отплылъ изъ Акры и достигъ Никеи. Греческая держава тогда раздѣлилась на-двое: въ Солуни царствовалъ Θεодоръ Ангель, который впослѣдствіи взятъ былъ въ плѣнъ и ослѣпленъ болгарскимъ царемъ Асаномъ; а въ Никеи тридцать пять лѣтъ мощною рукою держалъ скипетръ Кало-Іоаннъ Ватацій, и это продолжалось почти до освобожденія Царьграда. Ватацій съ великою честію привялъ святаго Савву и многіе дни держалъ у себя чтимаго всѣми святителя. Императоръ благословилъ его честнымъ древомъ креста Господня, святыми мощами, драгоцѣнною утварью, и на вооруженныхъ судахъ со многими дарами отпустилъ на Святую гору. Царское и свое собственное золото блаженный Савва щедрою рукою расточалъ по обителямъ, гдѣ съ чрезвычайною любовію встрѣченъ былъ опять Протомъ, игуменами и всею братіею. Долгое время пробылъ онъ въ

*) Архимандритъ Леонидъ относитъ первое путешествіе св. Саввы въ Палестину къ 1225—1230 гг. См. Правосл. Палестинскій сборникъ, вып. 5. Спб. 1884.

Хиландарѣ, поклонился упраздненному гробу отца своего и направился въ Солунь: тамъ съ равною почестію принятъ былъ другимъ императоромъ — Θεодоромъ, который желалъ соблюсти миръ съ сербскою землею. Когда достигла вѣсть къ сербскому кралою Радославу, о возвращеніи дяди его, — самъ онъ со всѣми присными выѣхалъ къ нему далеко навстрѣчу, и оба возрадовались вождѣнному свиданію.

Тотчасъ по пріѣздѣ, святой Савва поспѣшилъ въ лавру Студеницы — поклониться гробу отца своего, облагодѣхаться муромъ его и умаститъ имъ труженическіе свои члены. Отдохнувъ отъ дальняго пути, призвалъ онъ епископовъ и игуменовъ, въ день памяти первовѣнчаннаго крала, чтобы совершить божественную службу, и, открывъ гробъ, обрѣлъ мощи его нетлѣнными, причемъ церковь исполнилась благоуханія. Тогда поднялъ прославленное тѣло почившаго и изъ лавры перенесъ его въ великую соборную церковь, созданную имъ въ Житчахъ: тамъ опять совершилъ божественную службу и, устроивъ трапезу на поминовеніе души его, щедро угостилъ нищихъ. Потомъ обошелъ онъ всю сербскую землю, всѣхъ утверждалъ въ вѣрѣ, а въ обителяхъ исправилъ иноческіе уставы, по образцу аѳонскихъ и палестинскихъ. Богатымъ міра сего апостольски внушалъ не высокоумдрствовать и, болѣе нежели на свои богатства, уповать на благія дѣла, не забывая, что и они изъ той же персти, какъ и убогіе; воинъ, по слову Крестителя, убѣждалъ удерживаться отъ обидъ и неправеднаго хищенія; всѣхъ возбуждалъ къ любви христіанской и призрѣнію нищихъ, всѣхъ призывалъ къ покаянію, къ милованію сиротъ и вдовицъ, къ искупленію плѣнныхъ, къ уваженію духовныхъ лицъ и святыни, — и такую проповѣдію просвѣщалась вся земля сербская.

Между тѣмъ, лестію діавольскою, снова возникли между-

усобія единокровныхъ: меньшій братъ Владиславъ возсталъ на старшаго, ибо краль Радославъ, вначалѣ всѣми хвалимый, впослѣдствіи предался женской любви и началъ дѣйствовать безразсудно: вельможи его, избѣгая гоненій, передавались меньшему брату,—и святыи Савва, сколько ни старался умиротворить братьевъ, не могъ достигнуть этой благой цѣли. Радославъ былъ изгнанъ, и бѣжалъ въ городъ Драчи (Диррахіумъ), гдѣ вскорѣ лишился обольстившей его жены, которую, ради ея красоты, отнялъ у него одинъ сильный франкскій властитель того города. Самъ Радославъ едва спасся отъ смерти бѣгствомъ и укрылся подъ сѣнь святаго дяди, который убѣдилъ его принять ангельскій образъ. Послѣ краткаго подвига въ иночествѣ, инокъ Іоаннь, бывшій краль Радославъ, мирно преставился ко Господу. Тогда святитель благословилъ и вѣнчалъ на царство меньшаго племянника Владислава, который хотя и незаконно принялъ въ началѣ власть, но оправданъ былъ потомъ судьбами Божиими. Это было въ 1230 году. Савва обручилъ его съ дочерью краля болгарскаго Асана, чтобы этимъ брачнымъ союзомъ еще болѣе утвердить престолъ сербскій.

Однимъ изъ первыхъ дѣяній Владислава было созданіе новой обители, называемой Милешево, во имя Возпесенія Господня, ибо онъ былъ во всемъ послушенъ святителю и припималъ съ любовію каждое его слово, какъ бы посланное ему свыше отъ Бога. Радовался святыи Савва духовному процвѣтанію земли сербской, украшавшейся благочестіемъ и храмами Божиими, — радовался, что не тщетны были труды его. Между тѣмъ видя, что уже совершилъ свой подвигъ, пожелалъ онъ исполнить давнее желаніе своего сердца окопчить дни свои странникомъ въ землѣ чужой. Эту тайную свою мысль Савва открылъ Владиславу, и, хотя краль и присные его не хотѣли и слы-

шать о такой разлукѣ, однако не могли побѣдить твердо его намѣренія. Савва объявилъ имъ, что хочетъ идти на гору Синайскую и потомъ, возвратившись къ нимъ, пребывать въ безмолвіи. Созвавши всѣхъ епископовъ, онъ еще однажды училъ ихъ твердо держаться преданій Апостольскихъ, предъ всѣми свидѣтельствовать истину и внимать стаду, которое предалъ имъ Господь. Въ каедральной своей церкви, предъ всѣмъ соборомъ и синклитомъ, избралъ онъ на свое мѣсто одного изъ учениковъ своихъ, іеромонаха Арсенія, котораго испыталъ какъ мужа преодобнаго и богобоязненнаго, рукоположилъ его во епископа и, поставивъ на архіерейской своей каедрѣ, поручилъ его любви самодержца; потомъ преподавалъ всѣмъ прощальное благословеніе и послѣднее о Христѣ цѣлованіе, и снова взялъ страннической свой посохъ, чтобы идти въ дальній и невозвратный путь.

Святитель опять отплылъ Адриатическимъ моремъ въ Палестину *), а между тѣмъ разнеслась молва, будто онъ везетъ съ собою много сокровищъ, и, скрывавшіеся въ заливахъ, морскіе разбойники хотѣли было схватить его; но Господь покрылъ мглою корабль угодника Своего и такимъ образомъ спасъ его отъ хищниковъ, которые увидѣли его уже въ безопасной пристани бриндской **). Тогда, принявъ на себя личину раскаянія, они вышли на берегъ къ святому, исповѣдывали предъ нимъ злое свое намѣреніе и просили молитвы его. Незлобивый Савва принялъ ихъ великодушно, какъ бы сострадавая напрасному труду ихъ, и, надѣливъ ихъ дарами, безбоязненно пустился опять въ морское плаваніе. Послѣ нѣсколькихъ дней, поднялась страшная буря, вѣтры бушевали, волны вливались въ ко-

*) Второе путешествіе св. Саввы архимандритъ Леонидъ относитъ въ 1233—1237 гг. см. Правосл. Палестинск. Сборникъ, вып. 5. Спб. 1884.

**) Нынѣ Бриндизи.

рабль, и на море палъ сумракъ ночной: руки корабельщиковъ опустились, и самъ кормчій отчаялся въ спасеніи; такую тяжкую скорбь навелъ Господь на Своего избранника, испытывая его любовь и вѣру. Тогда всѣ бывшіе на кораблѣ приступили къ святому и говорили: „погибаемъ, отче, и надѣмся спастись только твоими молитвами!“ Но святой отвѣчалъ имъ: „чада моя, молитесь вмѣстѣ со мною Тому, Чье мы созданіе, ибо я человѣкъ грѣшный, и эта пагуба постигла васъ ради меня.“ Однако они еще сильнѣе зывали: „помилуй насъ, отче, мы приходимъ въ отчаяніе,“— и, припадая къ ногамъ его, умоляли испросить имъ милосердіе у Господа. Тогда святитель Божій повелѣлъ имъ прекратить плачь и втайнѣ, безмолвною молитвою, молиться о себѣ и о бывшихъ съ ними на кораблѣ. Потомъ приказалъ онъ своимъ ученикамъ поднять себя и держать, ибо стоять отъ морскаго волненія было невозможно, а людямъ на кораблѣ зывать: „Господи помилуй!“—и началъ пламенно молиться Тому, Кто, нѣкогда возбужденный среди бури Своими учениками, запретилъ морю и вѣтрамъ. Вслѣдъ затѣмъ, съ великимъ дерзновеніемъ къ Богу, простеръ онъ руки противъ вѣтра и высоко воздымавшихся волнъ, и, осѣнивъ ихъ знаменіемъ креста, запретилъ имъ именемъ Творца стихій: тогда, при имени Господа Іисуса, вѣтры и море внезапно унялись, волны въ немъ сокрушились, и снова просіяло солнце. Послѣ сего, бывшіе на кораблѣ въ ужасѣ прославили Бога и Его угодника, а святой смиренно относилъ это чудо къ ихъ молитвамъ, и внушалъ имъ исправить свою жизнь.

Достигнувъ акреской пристани, святитель водворился на покой близъ церкви святаго Георгія, на подворьѣ лавры святаго Саввы Освященнаго, которое, во время перваго своего путешествія, выкупилъ изъ рукъ франковъ и возвратилъ лаврѣ. Жители города, услышавъ отъ корабель-

щиковъ о совершенномъ чудѣ, приходили посмотрѣть на человека Божія и принять его благословеніе. Изъ Акры, чрезъ Кесарію и Яффу, достигъ онъ опять святаго града, и тамъ остановился въ своей обители, въ домѣ Іоанна Богослова, который выкупилъ также изъ рукъ сарацинскихъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ и лаврскою братіею святаго Саввы, вошелъ онъ въ свѣтлый храмъ Воскресенія и поклонился святой Голгоѣ и всѣмъ мѣстамъ страданія Господня, проливая радостныя слезы. Патріархъ іерусалимскій Аѳанасій, услышавъ о вторичномъ пришествіи знакомаго ему святителя, поспѣшилъ въ храмъ, привѣтствовалъ его и пригласилъ къ себѣ на трапезу. Приходу его обрадовались всѣ нищіе святаго града и всѣ устремились къ нему, какъ бы къ отцу своему: тутъ опять обильно потекла его милостыня во всѣ обители.

Принявъ благословеніе отъ патріарха, направился онъ въ Александрію, гдѣ съ усердіемъ поклонился храму Евангелиста Марка, и съ честью принять былъ патріархомъ, который давно ожидалъ его. Въ дружеской съ нимъ бесѣдѣ, узнавъ: какого отца онъ сынъ, какъ оставилъ свой престоль и отплылъ путникомъ ко святымъ мѣстамъ, ради любви Христовой, патріархъ дивился подвигу его и сблизился съ нимъ въ чувствѣ святой любви. Оба святителя много бесѣдовали другъ съ другомъ о дѣлахъ духовныхъ и разстались со взаимными дарами. Святой Савва пожелалъ видѣть отшельниковъ пустыни египетской, надѣясь встрѣтить въ ней такихъ же подвижниковъ, какіе бывали тамъ искони, и патріархъ отпустилъ съ нимъ опытныхъ мужей, чтобы удовлетворить благочестивой жадѣ его. Помолившись въ великомъ городѣ Александріи, въ церкви безсребренныхъ Кира и Іоанна и мученика Мипы, Савва пошелъ въ пустынный путь свой, на край Ливіи и въ Мареоту, — подивиться ангельскому жительству молчальниковъ

и обогатиться духовною ихъ бесѣдою: прошелъ онъ всю пыстыню скитскую и проникъ во глубину Ѡиваиды, гдѣ, какъ солнечные лучи, просіявалъ священный сонмъ ихъ; всѣ пустынники сдѣлались участниками щедрой его милостыни.

Послѣ сего Савва возвратился въ Іерусалимъ и предпринялъ новое странствованіе въ Вавилонъ, чтобы оттуда пройти на Синайскую гору. Миновавъ пустыню іорданскую, успокоился онъ въ обители Богоматери Каламони, гдѣ Сама Пречистая Дѣва, съ предвѣчнымъ Своимъ Младенцемъ и обрученникомъ Іосифомъ, отдыхала во время бѣгства въ Египетъ. Оттуда отправился онъ въ замокъ Каракъ, или аравійскую Петру, на южной оконечности Мертваго моря и, по трудномъ шествіи чрезъ пустыню, достигъ наконецъ Вавилона (египетскаго). Онъ послалъ учениковъ своихъ къ владѣвшему тѣмъ краемъ султану—просить себѣ дома для жилища и, хотя этотъ сарацинскій властитель враждебенъ былъ христіанамъ, однако смирился предъ нимъ, какъ бы объятый невольнымъ страхомъ, и велѣлъ приготовить ему приличное жилище. Въ церкви трехъ вавилонскихъ отроковъ, съ любовію принятыи христіанскимъ митрополитомъ, святой Савва вмѣстѣ съ нимъ представлялся султану, который встрѣтилъ его съ особенною честью, велѣлъ удовлетворить всѣмъ его нуждамъ и проводить со всею безопасностію къ египетскому султану, въ Каиръ. И этотъ властитель принялъ его также благосклонно, назначивъ ему для пребыванія древнюю митрополию, гдѣ Матерь Божія три года пребывала съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ Египтѣ.

Утѣшенный пришествіемъ святаго Саввы, дивился митрополитъ Каира, какими почестями осыпалъ его султанъ, еще никому изъ христіанъ до того времени такъ не благопріятствовавшій. Испросивъ себѣ благословеніе у митро-

полита старца-инока, Савва углубился опять въ пустыню, посѣтилъ обители великихъ подвижниковъ Антонія и Арсенія, и со слезами любви привѣтствовалъ вольныхъ страдальцевъ, спасавшихся тамъ по слѣдамъ святыхъ отцевъ. Египетскій султанъ, узнавъ, что святитель хочетъ посѣтить Синайскую гору, ради царскаго его рода, послалъ къ нему своихъ вельможъ, съ богатыми дарами индійскихъ ароматовъ и финиковъ, коней для пути и охранную стражу. Вельможи сарацинскіе съ благоговѣніемъ прикасались къ его одеждѣ и говорили, что еще никто подобный ему не приходилъ къ нимъ изъ христіанъ, и что во истину это—человѣкъ Божій. Благополучно достигнувъ Синая, онъ поклонился мѣсту Неопалимой Купины. Епископъ синайскій, заступавшій мѣсто игумена, любезно принялъ его и повелъ на вершину горы, гдѣ бесѣдовалъ Господь съ Моисеемъ. Въ обители пустынной святой Савва провелъ всю четырехдесятницу, въ строгомъ подвигѣ, и всякую субботу восходилъ на вершину священной горы, совершая тамъ всенощное бдѣніе, къ утру же возвращался въ обитель Преображенія, къ Божественной службѣ.

Въ эту великую лавру пожертвовалъ онъ много золота, записавъ въ синодикъ ея имена своихъ присныхъ, родителей и братій, и благополучно возвратился оттуда въ Іерусалимъ. Тамъ, въ послѣдній разъ, отслужилъ Божественную литургію, въ храмѣ Воскресенія, усердно помолился о царяхъ христіанскихъ и о Церкви Господа надъ его гробомъ, и, съ обильными слезами облобызавъ святой гробъ и Голгоѳу, простился съ патриархомъ Аѳанасіемъ. Изъ Іерусалима святой Савва направился въ великую Аптіохію, гдѣ также встрѣченъ былъ съ любовію патриархомъ, и много бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ церковныхъ. Съ людьми патриаршими посѣтилъ онъ обитель святаго Симеона Дивногорца, и поклонился его гробу. Много

даровъ оставилъ святой Савва въ Антиохіи, а патриархъ, съ своей стороны, одарилъ его мощами святыхъ. Потомъ прошелъ онъ всю Арменію и, чрезъ предѣлы турецкіе, опять достигъ берега морскаго, чтобы плыть въ Царьградъ.

9. Преставленіе святаго Саввы.

Это было послѣднее странствованіе святаго Саввы. Отъ многихъ трудовъ и морскаго плаванія болѣзнь одолѣла его, и негдѣ было ему выдти на берегъ, чтобы получить хоть какую-нибудь ослабу; душа его была близъ смерти, и ученики недоумѣвали, что имъ дѣлать. Со слезами приступили они къ болящему и говорили: „теперь, какъ и всегда, Богъ послушаетъ тебя; такъ помолись Ему, по крайней мѣрѣ ради насъ, о спасеніи твоей жизни, пока мы не достигнемъ какой-либо знакомой земли, и ты не изведешь насъ, отче, изъ этой пучины къ вѣрнымъ людямъ: вѣдь если не будетъ тебя съ нами, насъ продадутъ въ рабство иноплеменнымъ, или, ради несомаго нами богатства, бросятъ въ пучину!“ — „Не скорбите, чада, и не унывайте,“ сказалъ имъ святой: „уповаю на Бога, что ни одна изъ представляемыхъ вами бѣдъ не коснется насъ.“ При этомъ ученики умоляли его обрадовать души ихъ и вкушеніемъ пищи, чтобы не умереть ему отъ многодневнаго голода. Но все, что ни подносили они болящему, не было ему по вкусу; одно только, казалось, могло бы быть ему полезно, — пища свѣжая: однако, когда ученики начали просить о томъ начальника корабля, онъ грубо укорилъ ихъ за безразсудное прошеніе, ибо корабль быстро несся по волнамъ и ни откуда не было видно берега.

Этотъ суровый отвѣтъ корабельщика передали они Саввѣ, и онъ отвѣчалъ: „воля Господня да будетъ о мнѣ!“

Въ эту минуту, подыавшаяся волна выплеснула на корабль, къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ труженикъ, большую рыбу, нисколько не обрызгавъ его плескомъ. Онъ съ умиленіемъ принялъ даръ, посланный ему отъ Бога, и велѣлъ приготовить свѣжую пищу, не только для себя, но и для всѣхъ бывшихъ на кораблѣ. Изумился начальникъ судна и, припавши къ ногамъ святаго, просилъ прощенія за суровое слово, чтобы благополучно довершить плаваніе. Вкушеніе свѣжей пищи внезапно укрѣпило силы болящаго, такъ что уже незамѣтно было въ немъ никакого расслабленія; окрыляемый Богомъ, переплылъ онъ великую пучину и достигъ царствующаго града. Тамъ, поклонившись святымъ церквамъ, отдохнулъ въ обители Эвергетиссы, собирая для своей земли святаыя мощи и церковныя сосуды. Такъ окончилъ Савва свое странствованіе, обтекши какъ бы на крыліяхъ всю Палестину, Сирию и Персію, Вавилонъ, Египеть и Анатолю, повсюду посѣщая святаыя мѣста, вездѣ отыскивая великихъ старцевъ, съ которыми могъ бы духовно побесѣдовать, и собирая священныя останки святаыхъ.

Изъ Царьграда отплылъ онъ опять на кораблѣ въ загорскую землю, потому что хотѣлъ видѣть свата своего Асана, краля болгарскаго, котораго дочь была за племянникомъ его Владиславомъ. Изъ приморскаго города Мемемврии подалъ онъ вѣсть о себѣ Асану, и краль немедленно прислалъ дружину свою, слугъ и коней, чтобы безопасно довести святителя до столичнаго города Тырнова. Въ Тырновѣ державный съ любовію встрѣтилъ его и, ради тогдашней стужи, помѣстилъ въ теплыхъ своихъ палатахъ. Насталъ свѣтлый праздникъ Богоявленія: краль и блаженный патріархъ болгарскій Іоакимъ пригласили его освятить воду въ навечеріи, а патріархъ долженъ былъ совершить это освященіе на утро. Святой Савва охотно согласился на это, и когда прочиталъ надъ крещальницею мо-

литвы освященія, да крестообразно благословилъ воду, она трижды разступалась въ купели подъ его рукою, и опять трижды чуднымъ образомъ соединялась подъ нею. Окропивъ краля и всѣ его палаты въ самый день Богоявленія, святитель сербскій, вмѣстѣ съ патриархомъ, участвовалъ въ царской трапезѣ.

Вскорѣ послѣ сего Асанъ собрался на охоту въ нижніе предѣлы Болгаріи, и просилъ святаго пробить у него до свѣтлаго праздника, ради зимней стужи, причемъ заповѣдалъ своимъ, чтобы въ царскихъ палатахъ все было къ его услугамъ. По отшествіи краля, святителя постигла болѣзнь: онъ почувствовалъ, что это уже Божіе призваніе, и поручилъ своимъ ученикамъ, изъ всей принесенной имъ съ Востока святыни и драгоценной утвари, одну часть отнести въ его архіепископію, а другую въ лавру Студеницы. Съ ними же Савва послалъ миръ и благословеніе кралю Владиславу, намѣстнику своего престола — архіепископу Арсенію, и всему народу земли своей, при грамотахъ, а самъ остался только съ немногими избранными. И въ патриархію болгарскую далъ онъ священныя одежды и книги, окованные золотомъ, богато украшенныя свѣщники и сосуды церковныя, которые долго сохранялись тамъ на память святителя; ущедрилъ онъ и нищихъ, не оставляя ничего у себя, чтобы облегчиться въ дальній путь, и благодарилъ Бога, что Онъ исполняетъ желаніе его предать душу въ странѣ чужой.

Въ эти дни приходитъ къ нему патріахъ Іоакимъ и, видя его уже при послѣднемъ издыханіи, предлагаетъ ему послать вѣсть къ кралю; но святой не хотѣлъ утрудять державнаго, который и безъ того довольно уже благодѣтельствовалъ ему своею милостію, даже просилъ и самого патриарха оставить его наединѣ, чтобы могъ онъ въ тишинѣ предать душу свою Господу; послѣ сего они дали другъ другу взаимное во Христѣ цѣлованіе, и па-

тріархъ удался. Въ полночь на воскресенье причастившись Божественныхъ Таинъ, Савва произнесъ то же самое, что любилъ повторять всегда: „Слава Богу о всемъ!“ и возвеселился духомъ, какъ будто пришелъ къ нему кто-либо изъ присныхъ его; духовная эта радость была свидѣтельствомъ приближенія къ нему Ангеловъ Божіихъ, ибо лицо его сіяло несказаннымъ свѣтомъ, выражая душевную чистоту. Такъ до конца благодаря Господа, Савва предалъ въ руки Его святую свою душу; это было двѣнадцатаго января 1237 года *). Блаженный Іоакимъ патріархъ, съ епископами своими, игуменами и начальниками города, недоумѣвали, гдѣ погребсти его, ибо святитель не оставилъ объ этомъ никакого завѣщанія. Необходимо было послать спросить Асана, и онъ сильно огорчился на патріарха, что не извѣстили его о болѣзни святаго мужа. Краль велѣлъ положить его въ великой церкви Сорока Мучениковъ, которую самъ соорудилъ въ своей столицѣ, и, по любви къ усопшему, роздалъ много милостыни нищимъ; потомъ, возвратившись съ охоты, Асанъ, прежде чѣмъ вступилъ въ царскій свой домъ, пришелъ поклониться гробу святаго, благодаря Господа, что Онъ сподобилъ обитель его столь великаго сокровища. Немедленно велѣлъ онъ украсить мраморомъ гробницу святителя, покрыть ее багряницею и поставить сверху драгоцѣнный свѣщникъ, являя ему по смерти ту же любовь, какую питалъ къ нему во время жизни его.

По прошествіи года, преемникъ святительскаго престола, архіепископъ Арсеній, поболѣлъ за святаго отца своего и учителя предъ благочестивымъ крадемъ Владиславомъ и сказалъ ему: „Странно и неприлично, предъ Богомъ и людьми, оставлять намъ святаго отца нашего, равноапостольнаго, отъ Христа дарованнаго намъ учителя,

*) Въ «Лѣтописи» архим. Арсенія годъ кончины св. Саввы указанъ 1235 (изд. 2. Слб. 1880, 467).

который подъялъ столь великіе подвиги и труды о землѣ сербской и украсилъ ее церквами, кралевствомъ, престоломъ архіепископскимъ и всѣми законами православія, и допустить, чтобы святыя мощи его пребывали внѣ своего отечества и престола. На тебѣ лежитъ забота—всѣми силами стараться перенести ихъ изъ чужой земли въ свою.“ Возрадовался краль предложенію святителя и послалъ почетнѣйшаго изъ своихъ вельможъ къ тестю своему кралю Асану, съ прошеніемъ возвратить ему тѣло святаго Саввы. Асанъ огорчился и отвѣчалъ: „если бы святое тѣло его лежало у насъ безчестно и небрежно, праведно было бы просить его, для подобающей ему почести; но такъ какъ усопшему въ Бозѣ воздается у насъ такая же почеть, какая была бы и у васъ, что видите вы сами, и покоится онъ въ храмѣ Божіемъ, то для чего утруждаете насъ и святаго напрасною просьбою?“ Съ такимъ словомъ отпустилъ онъ посланныхъ.

Потомъ Владиславъ прислалъ къ тестю своему еще большее число благородныхъ мужей и умолялъ его: „если я обрѣлъ предъ тобою благодать, не затвори предо мною отеческой утробы и не оставь меня погруженнымъ въ глубокую скорбь,—даруй мнѣ святыя мощи отца моего и учителя, для возвращенія ихъ въ родную землю!“—Недоумѣвалъ краль болгарскій, что ему дѣлать; ибо не хотѣлъ лишить царства своего столь великой святыни, тѣмъ болѣе, что положилъ ее въ царской своей обители; призвалъ онъ на совѣщаніе патріарха и вельможъ, но всѣ они единогласно воспротивились прошенію сербскому, и говорили, что весь городъ Тырновъ вознегодуетъ, если ты удовлетворишь оному. Тогда краль Асанъ написалъ слѣдующее утѣшительное письмо къ зятю своему Владиславу: „Если Господу угодно было, чтобы святитель упокоился въ нашихъ предѣлахъ, столь же вѣрныхъ Христу, то кто же я, чтобы воспротивиться волѣ Божіей? и какъ дерзну потревожить

гробъ и святыя мощи, когда святойъ ничего не заповѣдалъ предъ смертію о своемъ перенесеніи?—Все, что изволишь просить у меня, сынъ мой, исполню съ радостію, но перестань понуждать меня къ тому, что исполнить невозможно, ибо патріархъ, вельможи и весь городъ воспрещаетъ это.“

Владиславъ видя, что тестъ его неумолимъ, а между тѣмъ опасаясь укоризны отъ своихъ людей и гнѣва Божія, за отчужденіе приснаго святителя, рѣшилъ самъ идти къ тестю, съ своими епископами и благородными мужами, а напередъ послалъ вѣстниковъ, которымъ ввѣрилъ много золота, для патріарха и царскихъ совѣтниковъ, чтобы они расположили краля внять его просьбѣ. Далекъ вышелъ на встрѣчу зятю своему Асанъ и принялъ его съ великою честію; но Владиславъ, прежде чѣмъ войти въ палаты царскія, просилъ позволенія, со всѣми своими, поклониться гробу сербскаго святителя въ обители Тырновской. Проліявъ горячія слезы и ударяя челомъ о землю, онъ молилъ святаго простить ему согрѣшенія, если чѣмъ оскорбилъ его. „Знаю отче,“ взывалъ онъ, „знаю, что мое согрѣшеніе было первою виною твоего бѣгства и возбранило тебѣ преставиться въ своемъ отечествѣ, а, быть можетъ, оно же ожесточаетъ теперь и краля, чтобы не возвратитъ намъ своего сокровища: но умилосердись нынѣ, презри грѣхи мои и, хотя я недостойнъ нарещисъ сыномъ твоимъ, не отринь однако дитяти брата твоего и прими покаяніе исповѣдующаго грѣхи свои предъ тобою; призри на мою скорбь и трудъ тебя ради, вонми вѣрѣ моей и не оставь своего отечества, для котораго ты столько подвизался и подъялъ безчисленныя болѣзни,—не облеки меня стыдомъ, оставаясь въ чужой сторонѣ. Твоими молитвами къ Богу наставь державнаго исполнить мое прошеніе о тебѣ, чтобы не возвратился я безъ всякой надежды, какъ бы прогнанный, не имѣя тебя съ собою.“

Такъ молился Владиславъ надъ гробомъ, и глаза его опухли отъ слезъ, когда былъ онъ позванъ къ кралю на торжественную трапезу. Въ наступившую затѣмъ ночь, въ сонномъ видѣніи, предсталъ кралю Асану, въ образѣ святаго Саввы, Ангелъ Божій и повелѣлъ ему отпустить мощи его въ землю людей своихъ. Краль ужаснулся и, призвавъ патріарха и вельможъ, рассказалъ имъ свое видѣніе: тогда уразумѣли они посѣщеніе Божіе и совѣтовали кралю, во избѣжаніе бѣдъ, отпустить тѣло святаго. Послѣ сего краль призвалъ зятя своего, со всѣми его епископами и вельможами, и хотя опечаленъ былъ усердною ихъ просьбою о возвращеніи святыхъ мощей, но, утрашенный бывшимъ явленіемъ, отпустилъ мощи святаго Саввы въ Сербію, какъ нѣкое благодатное сокровище, говоря: „хотѣлъ я удержать у себя въ обители дарованнаго Богомъ мнѣ святаго мужа, и украсилъ честный гробъ его, надѣясь, что мощи его никогда не будутъ изнесены отсюда; но такъ какъ ты самъ, съ высоты твоего престола, пришелъ ко мнѣ, отцу твоему, ходатайствовать о святыхъ мощахъ, то не хочу сына моего отпустить скорбнымъ; возьми же отца своего и владыку и отнеси въ землю свою, какъ самъ знаешь.“

Владиславъ, не ожидавшій столь скорого разрѣшенія отъ своего тестя, въ радостномъ изумленіи, палъ предъ нимъ на землю, ибо въ самомъ дѣлѣ глубоко чувствовалъ, что умилосердившійся краль этимъ благодатнымъ даромъ обогатилъ его свыше всѣхъ царскихъ сокровищъ: радостна была для него свѣтлая трапеза въ палатахъ тырновскихъ. Приготовивъ все нужное для подъятія святыхъ мощей изъ нѣдръ земныхъ, Владиславъ пригласилъ епископовъ своихъ совершить надъ ними поминовеніе въ храмѣ, гдѣ они долго почивали, и, когда открыли гробъ, нашли святителя въ совершенномъ нетлѣніи, какъ бы спящаго: благоуханіе ароматнаго мұра разлилось по всему храму, а еще болѣе мұра

потекли исцѣленія — не только отъ святыхъ мошей, но и отъ самага мѣста, гдѣ онѣ лежали. Граждане тырновскіе толпами устремились къ святому — получать врачеваніе своихъ недуговъ, ибо великая сила исходила отъ него: духи нечистые бѣжали, разслабленные укрѣплялись, хромы ходили, глухіе слышали. Тѣ, которые отъ безчисленнаго стеченія народа, не могли приблизиться къ самымъ мощамъ, во освященіе домовъ своихъ, съ вѣрою брали персть отъ его могилы, и роптали на своего краля, зачѣмъ уступаетъ онъ такое сокровище. Смутился Владиславъ, опасаясь, какъ бы опять не ожесточилось сердце тестя его; и велѣлъ послѣшить въ обратный путь. На прощальной трапезѣ, Асанъ съ любовію укорялъ своего зятя, называя себя плѣнникомъ его: ибо, пришедши къ нему, Владиславъ взялъ въ плѣнъ лучшее его сокровище; потомъ усердно помолился святому, чтобы этотъ угодникъ Божій, за искреннюю любовь, которую краля питалъ къ нему при жизни и по смерти, испросилъ и ему милость отъ Бога. Въ заключеніе же всего, оба краля почтили другъ друга взаимными дарами; долго граждане тырновскіе приносили дары свои ко гробу святаго, ибо и послѣ перенесенія мощей, продолжали получать исцѣленія отъ благовонной персти гроба его: благочестивому Асану казалось, что человекъ Божій еще пребываетъ въ его обители; а потому велѣлъ онъ собрать остатки древа отъ его гроба, съ благовонною перстію, и по прежнему соорудилъ гробницу, и украсилъ ее багрянымъ покровомъ, съ златокованнымъ подсвѣчникомъ, въ честь святаго.

Былъ въ той обители инокъ, по имени Неофитъ, много лѣтъ уже разслабленный, ползавшій по землѣ на колѣняхъ и на рукахъ. Онъ въ царской обители питался милостынею и еще при жизни святаго Саввы довольно получалъ ее. Послѣ перенесенія мощей, пришедшіе богомольцы одна-

жды угостили убогаго обильною трапезою и напоили виномъ, такъ что не могъ онъ доползти до своей рогозины и остался въ церковномъ притворѣ. Не помня самъ себя, легъ онъ на гробовой камень святаго и заснулъ; но въ полночь какой-то свѣтлый мужъ разбудилъ его, и онъ, внезапно воспрянувъ съ камня, сталъ на своихъ ногахъ и не понималъ самъ, что съ нимъ было,— тотъ ли это Неофитъ, который дотолъ ползалъ по землѣ. Обрадованный припалъ ко гробу святаго, и съ благодарными слезами восхвалялъ Господа, Который, вмѣсто должнаго наказанія за его дерзость, разрѣшилъ его узы. Въ такомъ положеніи исцѣленнаго засталъ пономарь, пришедшій зажигать кандила для утрени, и сперва принялъ его за почнаго татя, хотѣвшаго ограбить церковь. Неофитъ разсказалъ о явленіи свѣтлаго мужа, который, прикоснувшись къ нему жезломъ, велѣлъ ему сойти съ своего гроба; при этомъ онъ показалъ даже свои костыли и ремни, которыми были обвязаны его колѣна. Тогда пономарь увѣрился и поспѣшилъ возвѣстить о томъ архимандриту обители, а настоятель возвѣстилъ кралою и патриарху, и всѣ прославили Бога.

Стеченіе народа ко гробу святаго, ради исцѣленій, наконецъ стало докучать монастырской братіи; однако все-таки не смѣли они, изъ опасенія гнѣва благочестиваго крала, возбранять приходящимъ: когда же Асанъ въ скоромъ времени преставился, иноки старались не допускать народъ до гроба. Около того времени скончался въ Тырновѣ одинъ изъ болгарскихъ митрополитовъ, и присные его испросили цѣною золота дозволеніе положить тѣло ихъ родственника въ упраздненномъ гробѣ св. Саввы. Иноки согласились на это съ радостію, чтобы чрезъ то уменьшилось народное стеченіе къ священному мѣсту, но и этимъ не могли они удержатъ изліянiе чудесъ на притекавшихъ къ святому съ вѣрою.

Между тѣмъ краль Владиславъ переносилъ мощи святителя въ свою землю и, съ радостію предшествуя имъ, какъ нѣкогда Давидъ святому ковчегу, въ свѣтлой одеждѣ воспѣвалъ предъ ними псалмы Царя Пророка. Въ срѣтеніе ему вышли блаженный архіепископъ Арсеній, со всѣми епископами, игуменами и множествомъ народа, поклониться мощамъ угодника Божія, отъ которыхъ истекало столько исцѣленій. Дошедши до монастыря Вознесенія, несше съ торжествомъ положили великаго святителя на мѣстѣ, называемомъ Милешево, которое сооружено было Владиславомъ, и послѣ того именитый соборъ земли сербской разошелся. Спустя немного времени, одному богобоязненному старцу, жившему въ обители, явился въ сонномъ видѣніи святитель и сказалъ: „не подъ землю, а въ храмъ подобаетъ лежать мощамъ моимъ.“ По этому внушенію, святые мощи немедленно были вынуты изъ-подъ земли и положены внутри церкви, которая отъ нихъ облагодухалась. „Отъ этихъ святыхъ мощей,“ говоритъ писатель житія Саввы, „приходящіе съ вѣрою и до нынѣ получаютъ исцѣленіе, и донинѣ ограждается ими отечество. Оба сіи святые,—и преподобный Симеонъ и Освященный Савва, охраняютъ землю сербскую отъ нашествія сопротивныхъ и передаютъ преемственно отъ отца къ сыну сербское королевство: это Ангелы Божіи, на помощь намъ посылаемые, иногда являются даже предъ сербскими полками въ своемъ собственномъ образѣ. Многіе изъ воиновъ свидѣтельствовали, что сами видѣли святыхъ Симеона и Савву предъ своею дружиною; одного въ смиренной одеждѣ иноческой, а другаго въ свѣтломъ облаченіи святительскомъ, и съ благоговѣніемъ чудились, какъ поражали они супостатовъ, возстававшихъ на землю сербскую.*

(Изъ рукописи 16-го вѣка, принадлежащей Троицкой лаврѣ, называемой Серблякъъ, или житія святыхъ сербскихъ № 9).

10. Уставы святаго Саввы, для обители Хиландарской и келліи «Типикарницы» на Кареѣ.

Св. Савва по кончинѣ преподобнаго Симеона, какъ самъ онъ говоритъ въ своемъ уставѣ, съ великою скорбію и боязнію принялъ на себя Хиландарь, оставленный на его попеченіе завѣтомъ отца; потому что братіи было очень мало, даже игумень Меѳодій съ девятью братьями оставилъ монастырь. Но попеченіемъ Саввы монастырь вкорѣ сравнялся числомъ иноковъ съ первыми монастырями Аѳона, Савва перестроилъ Хиландарь до основанія, снабдилъ книгами, сосудами, иконами, ризами и прочею утварію церковною; обезпечилъ внѣшнее содержаніе братіи вкладами, и далъ свой уставъ монастырю.

Уставъ этотъ, или типикъ, составленный св. Саввою, сохраняется въ Хиландарѣ доселѣ; онъ надписывается такъ: „Указаніе житія въ монастырѣ Пресвятыя Богородицы, здѣ написанное и преданное вамъ, братіе и чада моя возлюбленная, мною грѣшнымъ и смиреннымъ монахомъ Саввою“ *). Въ уставѣ этомъ св. Савва высказалъ и свою

*) Уставъ св. Саввы по сербскому подлиннику XIII в. былъ напечатанъ архимандритомъ Леонидомъ въ Гласникѣ (XXIV) 1868 г. съ фотографическими снимками и объяснительнымъ предисловіемъ. А немного раньше, въ томъ же Гласникѣ (XX) былъ помѣщенъ Шафариковъ этотъ уставъ «типикъ светог Саве» — въ церковно-славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ, по изслѣдованію архимандр. Леонида приснопамятнымъ Старцемъ Пасіемъ Величковскимъ въ 1788 г. Были напечатаны и отдѣльные оттиски, въ Бѣградѣ, 1868 г. Въ недавно изданной А. А. Дмитриевскимъ книгѣ: „Описаніе литургическихъ рукописей, находящихся въ восточныхъ книгохранилищахъ (т 1, ч 1, Кіевъ. 1895 г.) устанавливается фактъ, что св. Савва главнѣйшую основу своего устава для Хиландаря заимствовалъ изъ типика монастыря Пресвятыя Богородицы Еввергетиссы въ Константинополѣ (см. Предисловіе, стр. XLIV—Г) Монастырь этотъ, неоднократно упоминаемый въ предлагаемомъ житіи, находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ преподобнымъ Саввѣ и Симеону,

горячую любовь къ Господу и свой взглядъ на иноческую жизнь. „Преподобные и Богоносные отцы наши, свѣтила всего міра, пишетъ св. Савва въ началѣ своего устава, оставили міръ, послѣдуя словамъ Господа, глаголющаго въ Евангеліи: *иже хошетъ идти по Мнѣ, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и въ слѣдъ Мене да грядетъ. Иже любитъ отца и мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ,*— поучающаго презирать плоть, прилежати же о души вещи безсмертнѣй, и призывающаго къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ, и обѣщающаго имъ упокоеніе, нищимъ духомъ— царство небесное и плачущимъ— утѣшеніе безконечное. Слыша такіе слова, они оставили міръ и все, что въ немъ, пошли въ слѣдъ Господа и воспріяли въ свои души начало премудрости—страхъ Господень, и подвизаясь въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, плакали день и ночь о душахъ своихъ, съ радостію претерпѣвали всякое злостраданіе и муки ради любви къ Нему, распинали и умерщвляли себя ежедневно послушаніемъ и отсѣченіемъ своей воли и разсужденія. Очистивши всѣмъ этимъ свой умъ, душу и сердце, просвѣтились внутренно благодатію паче солнца и вселили Христа въ свои прекрасныя души, попрали всѣ козни діавола, и, какъ быстроскрылые орлы, возлетѣли на небо. оставши намъ образъ своей добродѣтельной жизни, дабы всѣ, хотящіе иночествовать по Богѣ, послѣдовали стопамъ ихъ. И я грѣшный, и лѣнивый, и послѣдній изъ всѣхъ, монахъ Савва, молю васъ, возлюбленные о Христѣ и духовные братіе мои и отцы, уподобимся тѣмъ мудрымъ купцамъ, которые временное промѣняли на вѣчное, отдали все свое имѣніе, вмѣстѣ съ тѣлами и души свои, и за это стяжали безцѣнный бисеръ—Христа. Поревнуйте мудрымъ дѣвамъ, ко-

такъ какъ они считались вѣнчаницами его. Въ той же книгѣ упоминается и о другомъ подобномъ уставѣ св. Саввы: «Тяликъ. св. Саве за монастырь Студеницу» (изд. І. Иречекъ. Гласникъ, кн. XL, 1874 г., стр. 132—181).

торыя наполнили елеемъ свѣтильники свои и готовыя вошли съ Женихомъ своимъ въ чертогъ и радость вѣчную. Боюсь и трепещу, возлюбленные, чтобы кто изъ васъ не остался за дверьми, какъ пять другихъ дѣвъ, и не услышалъ онаго и грознаго опредѣленія: отъидите отъ Мене, не вѣмъ васъ. Страшась сего опредѣленія и желая услышать вождѣльный гласъ: приидите благословенніи Отца Моего; видите въ радость Господа своего,—смиримъ себя здѣсь, братіе, да вознесемъ тамъ; восплачемъ здѣсь, да утѣшимся тамъ; будемъ алкать и жаждать здѣсь, да насытимся тамъ; помилуемъ здѣсь, да обрѣтемъ милостивымъ Бога тамъ“. Словами Писанія показавъ необходимость терпѣнія (Іак. 1, 2—4. 12), добрыхъ дѣлъ (2, 19—24) и любви къ ближнимъ (1 Іоан. 1, 4—7; 4, 16. 21; 5, 1—3), Савва продолжаетъ: „Сія есть побѣда, побѣждающая міръ — вѣра, надежда, кротость, терпѣніе, горячая молитва со слезами, а паче украшеніе Ангельское, т.-е. чистота и цѣломудріе, послушаніе съ самоукореніемъ и любовь, по которой сошелъ къ намъ Сынъ Божій. Къ этому приложите незлобіе, не дѣти бывая умомъ, но злобою младенчествуя, и, вѣрую въ Сына Божія, вы обрящете милость и животъ вѣчный, и здѣсь — неоскудѣваемую пищу. Если же кто изъ васъ, братіе, лѣнивъ, какъ я окаянный, лѣнивый, сонливый, немощный; воспряни, возлюбленный, и покайся, и помысли о благахъ, которыя обѣщаль Господь. Вы знаете, возлюбленные, что претерпѣвшимъ злостраданіе уготована отъ Господа слава и честь, а лѣнивымъ, нерадивымъ и любящимъ покой тѣлесный—вѣчная мука. Но какъ слава міра сего ничто предъ славою будущаго вѣка, такъ и мука міра сего ничто предъ вѣчными муками, которыхъ трепещетъ самъ сатана. Помысливъ о семъ и укрѣпившись о Господѣ, станьте крѣпко противъ лѣности и, отвергну всякую гордость, съ кротостію пріимите сіе истинное слово,

могущее спасти души ваши; будьте творцы слова, а не слышатели только. Я написалъ вамъ, какъ должно поступать. Положите это писаніе, какъ вѣкое мѣрило, не только для васъ, но и для тѣхъ, которые будутъ послѣ васъ въ обители; здѣсь показано нужное для души и для тѣла, дабы, взирая сюда и исполняя, вы могли проводить непорочное житіе ваше, имѣя помощникомъ Бога и Его Пречистую Матерь, нашу Владычицу и Благодѣтельница, ходатайствующую о душахъ нашихъ къ Сыну Своему. Стремитесь всегда къ лучшему, не уклоняйтесь ни на десно, ни на шуе, но, по силѣ, какъ кто можетъ, теките царскимъ путемъ. Блаженъ ты и добро тебѣ будетъ, тщащемуся пройти сквозь тѣсныя врата и прискорбнымъ путемъ, вводящимъ въ животъ вѣчный. Другъ друга любите, другъ другу покоряйтесь, другъ друга тяготы носите, всѣ единомысленно повинуйтесь вашему предстоителю игумену. Вспоминайте въ молитвахъ вашихъ въ Бозѣ почившаго отца нашего и наставника Симеона, не забывайте и мое недостойнство. Поступая такъ, истинно говорю вамъ, свидѣтельствуясь Христомъ, что не постыдными обратитесь на страшномъ судѣ и получите вѣчныя блага. Благодать и миръ Господа нашего І. Христа и любви Бога и Отца и причастіе Св. Духа буди всегда со всѣми вами во вѣки“.

Уставъ, данный св. Саввою, обнималъ и порядокъ Богослуженія и порядокъ жизни и управленія монастырскаго. Хиландарь долженъ быть общежительнымъ. Монахамъ не позволялось имѣть собственности даже и одной мѣдницы; пищею должны были довольствоваться общею, по келліямъ не дозволялось ни готовить, ни держать ничего съѣстнаго. Первая одежда поступающему въ обитель выдавалась монастырская, а потомъ даваемы были деньги каждому на одежду. Св. Савва признавалъ лучшимъ, если по два брата будутъ жить вмѣстѣ, но прислугу имѣть запрещалъ, только

къ больнымъ, для которыхъ назначалась особая келлія, приставляемъ былъ братъ или два для служенія. Ежедневно братія должны исповѣдывать свои грѣхи игумену, если онъ есть и духовникъ, по установленію св. Саввы. Игумень долженъ всѣхъ обще и каждаго отдѣльно научать и наставлять на путь спасенія. Если же онъ самъ не принимаетъ на исповѣдь, то выбрать другаго брата изъ своей обители, или ближайшей, который бы могъ быть отцемъ духовнымъ для всѣхъ. Исповѣдь должна быть приносима въ одно время, когда начнется утреннее славословіе; не бывшіе въ это время въ монастырѣ, по какому либо послушанію, должны исповѣдываться послѣ повечерія. Тѣ помыслы, которые и днемъ и ночью беспокоятъ инока, приражаются и опять отражаются, можно прощать и простому священнику, назначенному игуменомъ для сего. Но если помыслы остаются долго, причиняютъ брань и крѣпко смущаютъ, то о такихъ помыслахъ должно открывать игумену и онъ подастъ приличное врачевство. Исповѣдающійся не долженъ скрывать и малаго, но откровенно все объявлять. Впадши въ согрѣшеніе, не должно обвинять другъ друга, или ссылаться на какой либо случай, — это не покаяніе; нужно откровенно сознавать свою вину, и очищаться покаяніемъ. Отрекающіеся отъ исповѣди не только не должны быть допускаемы до причащенія, но ихъ должно изгонять изъ монастыря, какъ отсѣкаютъ членъ согнившій. Для такого монаха пребываніе въ монастырѣ послужитъ ко вреду, а не къ пользѣ. Какъ больной, не показывающій своей раны врачу, не можетъ получить исцѣленія ея, такъ и не исповѣдующійся не получить исцѣленія своей души. Напротивъ душа, помышляющая о исповѣди, ею, какъ уздою, удерживается отъ грѣховъ.

Тѣ, которые чувствуютъ себя очистившимися отъ скверныхъ помысловъ и отъ гнѣва, роптанія, печали и обиды,

лжи и смѣха, памятозлбїя, ярости, сквернословїя и симъ подобнаго, по установленію св. Саввы, могутъ приобщаться св. Таинъ три раза въ недѣлю. Если же кто впадаетъ въ сіи грѣховныя страсти и движенїя, и скоро очищается исповѣдію и покаяніемъ: тотъ пусть причащается однажды, или дважды въ седмицу. Впрочемъ все болѣе зависитъ отъ воли игумена или отца духовнаго, который долженъ быть одинъ для всей братїи. Игумень, эконокъ, экклизїархъ избираются согласїемъ десяти или двадцати старѣйшихъ братїи безъ всякаго участїя начальства прочихъ монастырей аѳонскихъ. Еслибъ кто пришелъ въ монастырь изъ лицъ извѣстныхъ, прося постриженїя, то дозволялось таковаго вскорѣ постригать; а лице неизвѣстное, не прежде шести мѣсяцевъ, послѣ того, какъ его способность къ иноческой жизни будетъ извѣдана. Празднословїе запрещалось; сидитъ ли въ келліи братъ или трудится въ общей работѣ, онъ долженъ имѣть въ устахъ молитву и церковныя пѣсни. Покорность игумену, взаимная любовь и согласїе, усердное исполненїе возложеннаго на каждого дѣла должны быть непремѣнною обязанностію каждаго инока.

Подлѣ монастыря Савва устроилъ гостинницу для прїятїя странныхъ, нищихъ и немощныхъ, которыхъ повелѣвалъ игумену снабжать одеждою и обувью, хлѣбомъ, виномъ и сочивомъ отъ трапезы братской, а умершихъ погребать по христїански.

Дабы типикъ сей не былъ забываемъ братїею, св. Савва завѣщалъ читать его по субботамъ за трапезою, а на память ктитора весь прочитывать въ церкви. Все, пишетъ св. Савва въ концѣ типика, что не служитъ ко спасенїю, да будетъ изгнано отъ васъ! Не предпочтите, о чада и братїе, временнаго вѣчному, страсти—добродѣтели! Изъ преданнаго вамъ ничто не превышаетъ силъ вашихъ.

Только хотя немного употребимъ усилія—и помощь Божія близка. Мы оставили міръ и пришли сюда не для покоя, но для подвига и труда по силамъ нашимъ, имѣя въ виду обѣтованныя блага. Ибо царствіе Божіе нудится: преданный лѣности и сну не побѣдитъ врага; въ царствіе Божіе войдетъ только тотъ, кто трезвится, бдитъ, терпитъ скорби и болѣзни подвиговъ съ благодарностію. Посему молю васъ всѣхъ,—живите достойно званія вашего. Представьте тѣла ваши чистыми отъ всякой страсти плотской, а душу—отъ всѣхъ скверныхъ помышленій и воспоминаній, и злыхъ намѣреній. Помышляйте и творите то, что угодно Богу. Сохраните неизмѣнно все, что слышали и чему научились отъ меня, въ пользу вамъ и спасеніе душевное, въ утвержденіе, и, да скажу, всѣмъ въ успокоеніе и въ похвалу, и украшеніе отцу моему предъ лицемъ Господнимъ. Въ семь типикѣ я показалъ и вину всѣхъ соблазновъ, изложилъ ясно наставленія, дабы, по отшествіи моемъ, не нашель въ васъ мѣста врагъ душъ нашихъ и не сокрушилъ того, что со многимъ цотомъ и трудомъ во спасеніе душъ вашихъ, съ помощію Божіею, добрѣ вознаграждено и украшено. Знаю, что у начальника злобы никогда не оскудѣютъ поводы влгаты въ васъ развращенные и злые помыслы. Но вы всѣ, будучи просвѣщены Божіею благодатію и наставленіемъ Божеств. Писанія, знаете его козни и научились, какъ имъ противиться и ихъ отгонять; станьте твердо противъ его злобы; игумень да поучаетъ васъ братски; и вы вразумляйте другъ друга. „Неразумный да вразумляется отъ хорошо знающаго; ненаученный и невѣжда да научается отъ разумѣвающаго, и такимъ образомъ, о Св. Духѣ, сочетавааясь другъ съ другомъ любовію, и одинъ отъ другаго утверждаясь на ополченіе духовное и спасительное, соблюдетесь всегда невредимыми; врагъ посрамится и обличится; вы же спасайтесь

и смиряйтесь, и пребывайте въ чистотѣ всѣ дни живота вашего.“

Написавъ уставъ для Хиландаря по началамъ общежитія, св. Савва написалъ и для своей келліи уставъ по началамъ отшельнической жизни. Келлія св. Саввы въ Кареѣ, хотя причислялась къ монастырю, но по управленію должна быть независима отъ игумена. Братъ, поселенный въ сей келліи, по общему избранію иноковъ, долженъ уже оставаться въ ней до кончины своей. Сверхъ обычнаго богослуженія, каждый день долженъ быть прочитываемъ весь псалтирь и совершаемы особыя поклоны при концѣ каждой службы. Въ субботы и недѣли должна быть совершаема литургія и на утрени положено прочитать Евангелиста. Въ пять дней недѣли положено по одному разу въ день вкушать пищу, и притомъ въ понедѣльникъ, среду и пятокъ безъ масла и вина. Собственность келліи должна оставаться неприкосновенною.

Въ Кареѣ донинѣ цѣла и келлія св. Саввы и собственноручный уставъ его на пергаменѣ, 1199 г. съ собственноручною подписью святителя и привѣшенною на пинурахъ мастичною печатію его. Этотъ уставъ слово въ слово (кромѣ подписи св. Саввы) вырѣзанъ на мраморной доскѣ большими буквами и помѣщенъ надъ входными дверями внутри церкви келліи Типикарницы *). Обитель Хиландарская со временъ основателя келліи всегда содержитъ въ ней двухъ старцевъ, строго исполняющихъ тамъ типикъ св. Саввы; оттого и самая келлія прозвалась Типикарницей **).

*) Онъ изданъ дословно архимандритомъ Дучичемъ въ его книгѣ: Старине Хиландарске у Београду. 1884. А въ исправленномъ церковно-славянскомъ чтеніи помѣщенъ архимандр. Леонидомъ въ изд. И. Обществомъ любителей древней письменности монографіи: «Аѳонская гора и Соловецкій монастырь». Сиб. 1883 г., въ приложеніи.

**) См. Письма съ Востока, ч. 1, стр. 115. Святогорецъ съ достаточною полностію передаетъ уставъ св. Саввы для его келліи. См. Письма объ Аѳонской горѣ, ч. II письмо II.

11. Заключение.

До 1595 года мощи св. Саввы лежали въ монастырѣ Милешевѣ *). Область, гдѣ лежали онѣ, называлась воеводствомъ св. Саввы, и начальники сей области называли себя стражами гроба св. Саввы.

Въ 1595 г. Синанъ, Верховный Визирь оттоманской имперіи, взявши сей монастырь, велѣлъ принести мощи св. Саввы въ Бѣлградъ и тамъ предалъ огню. Пишутъ, что, какъ скоро пламя коснулось св. тѣла, отъ самаго костра даже до неба простерся столпъ, подобно радугѣ сіяющей разными цвѣтами. Казнь Божія не замедлила постигнуть поругателя святыни. Побѣдоносный доселѣ, вождь турецкій малымъ числомъ Болгаровъ и Сербовъ былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. И когда онъ вздумалъ испытать свое воинское счастье въ войнѣ съ Сигизмундомъ Трансильванскимъ, то, вторично разбитый, постыдно кончилъ свою жизнь **). Жители Бѣлграда изъ благоговѣнія къ св. Саввѣ оградилъ то мѣсто, на которомъ были сожжены мощи его; но въ 1716 году ограда была сломана и мѣсто истоптано войсками турецкими и нѣмецкими ***).

Заклучимъ обзоръ жизни перваго архіепископа Церкви сербской древними пѣснопѣніями, отъ нея посвященными святому архипастырю:

„Пути, вводящаго въ жизнь, наставникъ, и первопрестольникъ и учитель бысть. Первѣе бо пришедъ, святителю Савво, отечество си просвѣти, породивъ Духомъ

*) Act. Sanct. Bolland. T. III. p. 992, in vita Sabbac.

**) Нѣкогда знаменитый, а нынѣ разрушенный монастырь Милешева въ Герцеговинѣ близъ Припозе и рѣки Лима основанъ Владиславомъ, около 1234 г., Шафарикъ о Кирил. Типогр. Чт. Моск. Общ. Ист. 1846 г.

***) Раяч. Истор. Слав. Народ. Ч. II, стр. 349.

Святымъ, яко древа маслична, всеосвященная ти чада. Тъмъ, яко и Апостоломъ и Святителемъ сопредостольна чтуще тя, молимъ, даровати намъ велию милость“ (Тропарь).

„Избраннаго отъ пеленъ Христовою благодатию и возлюбленнаго отъ юности Божиимъ Духомъ дѣвственное процвѣтеніе Саввы блаженнаго, похвальныя вѣрныя вѣрныя пынь исплетше и божественную главу ими вѣнчавше зовемъ: радуйся, отче, Божіе обиталище“ (Кондакъ *).

(Память святителя совершается вторично въ общей службѣ святителямъ и учителямъ сербскимъ—августа 30).

*) Изъ Слѣдовъ Псалтири письма митроп. Кипріана Рук. М. Д. Авд. № 142.

Я Н В А Р Я 16.

**Память Преподобнаго · Ромила, ученика святаго
ГРИГОРІЯ СИНАИТА *).**

Нѣстомъ родины преподобнаго Ромила **) былъ Бдинъ (Виддинъ); мать его была болгарка. Достаточное состояніе родителей доставило ему способы получить хорошее образованіе. Въ Терновскомъ монастырѣ Устьѣ, расположенномъ за городомъ на Святой горѣ, полагалъ онъ начало монашеской жизни, тутъ было тогда много иноковъ; тутъ произнесены имъ обѣты иноческіе. Когда въ Скрытной (парорійской) пустынѣ сталъ жить преподобный Григорій Синаитъ, Ромиль поступилъ подъ его руководство. Но нападенія разбойниковъ вынудили его удалиться опять въ Загорье и онъ жилъ съ другомъ своимъ Иларіономъ въ уединенномъ мѣстѣ, называемомъ Мокрое, въ разстояніи отъ Тернова на день пути. Когда же царь болгарскій Александръ усмирить разбойниковъ, и въ Скрытномъ стало

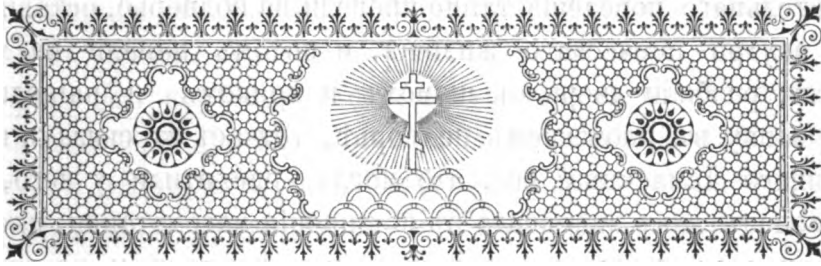
*) Изъ книги: Святые южныхъ славянъ, Архіеписк. Филарета черниговск 1865 г.

**) Въ рукописи Бѣлградской библіотеки два житія пр. Ромила, одно краткое, другое—пространное; послѣднее, писанное Григоріемъ Цамблакомъ, находится и въ синаксарѣ Гельфердинга. Изд. авад. VIII, 399.

покойно, Ромиль опять жилъ въ Скрытной пустынѣ. — Сюда пришелъ къ нему изъ Константинополя Григорій Цамблакъ *), описатель житія его. Спустя нѣкоторое время, Скопельскій начальникъ извѣстилъ, что магометане хотятъ напасть на ихъ мѣста, потому пусть удалятся въ другое мѣсто. Ромиль удалился въ прежнюю келью свою, что была въ Мокромъ; а отселѣ перешелъ на Аѳонъ, въ лавру св. Аѳанасія и жилъ уединенно въ скиту Мѣлана. И Григорій Цамблакъ жилъ съ нимъ въ этомъ же уединеніи. Когда убитъ былъ на войнѣ деспотъ романскій Угльшь въ 1370 г., „тогда на Аѳонѣ все иноки наполнились смятеніемъ и ужасомъ и многіе убѣжали съ Аѳона. Такъ и Ромиль удалился въ другое мѣсто, называемое Авлонъ, (это вблизи Драча), а отсюда перешелъ съ своими учениками въ Сербскую землю, въ мѣсто называемое Раваница, гдѣ обитель Вознесенія Господа нашего Иисуса Христа. Здѣсь проживъ немногое время, переселился съ земли на небо.“ Такъ говоритъ Цамблакъ. — Краткое житіе замѣчаетъ о послѣднемъ времени особенности. „Вышедъ съ Святой горы, говорится здѣсь, и достигнувъ Иллирика, нашелъ онъ тутъ раздоры страстей и жалкія раздѣленія, но въ короткое время успѣлъ своими наставленіями ввести согласіе. Отсюда перешелъ въ далматское мѣсто Раваницу.“ Въ какомъ году почилъ преподобный Ромиль, не показано ни въ краткомъ, ни въ пространномъ сказаніи о немъ. Но по всему, что извѣстно, можно полагать, что почилъ онъ не ранѣе 1375 г. Св. мощи его почиваютъ въ Раваницкой обители, гдѣ подають зрѣніе слѣпымъ, хожденіе хромымъ и исцѣляютъ всякіе недуги **).

*) Впослѣдствіи Митрополитъ Кіевскій, † 1419 г.

**) Краткое житіе въ Гласникѣ IX, 252. Служба преподобному поставлена подъ 16 января. Гласникъ XI, 37.

Я Н В А Р Я 16.

**Страдание святаго священномученика
ДАМАСКИНА *).**

Святой священномученикъ Дамаскинъ родился въ селеніи Габрово, Терновской епархіи, въ Болгаріи. Удалившись изъ своего отечества, прибылъ онъ на Святую гору и, принявъ иночество въ монастырѣ Хиландарѣ, былъ въ послѣдствіи рукоположенъ въ діакона, потомъ въ іеромонаха, а наконецъ возведенъ на степень игумена той же обители. По нѣкоторымъ нуждамъ монастыря, долженъ былъ онъ отправиться въ Болгарію, въ селеніе Систово, откуда, по исполненіи порученій и нуждъ обители, намѣревался возвратиться на Святую гору, и собирался уже въ путь. Но какъ нѣкоторые изъ турокъ оставались должны ему, то онъ потребовалъ съ нихъ долгъ. Турки не только не хотѣли отдать по обязанности, но посовѣтовавшись между собою, отняли у него и то, что онъ имѣлъ собственнаго на подворьѣ. Мало было оскорбить такимъ образомъ смиреннаго инока, — турки одну изъ турчанокъ подо-

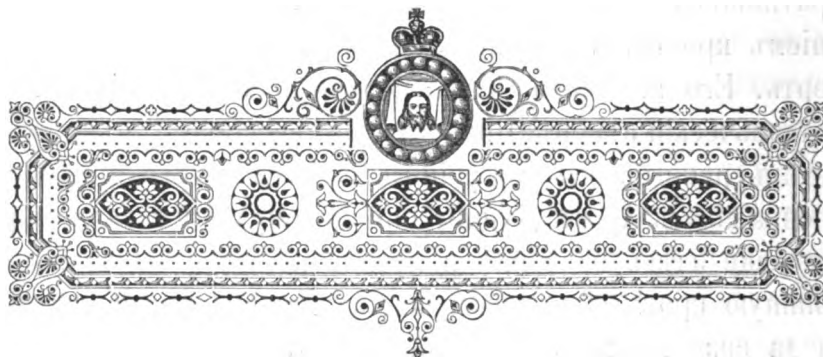
*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

зрительнаго поведенія тайно провели на подворье, оставили ее внутри иноческаго жилища, и потомъ напали на мѣтохъ, разбили дверь съ шумомъ и крикомъ, и нашедши турчанку въ иноческомъ подворьѣ, тотчасъ же связали невиннаго Дамаскина; все, что могли, расхитили у него, и наконецъ, какъ виновнаго въ похищеніи магометанки, представили въ турецкое судилище, неистовствуя и клевета на преподобнаго старца, что онъ осквернилъ законъ ихъ. Правитель мѣстечка ясно видѣлъ и понималъ, что это клевета, а потому всячески старался оправдать невиннаго; но вопль разъяренной толпы турокъ превозмогъ, такъ что, вопреки суду и законамъ, не внимая ни угрозамъ, ни требованію главнаго старшины, они схватили божественнаго Дамаскина, и повели на висѣлицу. Одно средство—избавиться незаслуженной смерти оставалось въ отреченіи отъ Христа и въ признаніи Магомета пророкомъ; но страдалецъ, не смотря на ласки и обѣщанія турокъ, тоекратно предлагавшихъ ему всевозможныя блага и наслажденія жизни, если только отречется отъ своей вѣры, и приметъ законъ ихъ; не взирая и на самую смерть, спокойно отвѣчалъ: „я христіаниномъ родился, христіаниномъ и умру. Отречься отъ Христа — тоже, что отказаться отъ вѣчной жизни: безъ Него нѣтъ спасенія грѣшникамъ, каковы всѣ мы, я и вы. Онъ примиритель правды Божіей съ грѣшнымъ человѣчествомъ; Онъ — податель благодати Божіей, необходимой для выполненія воли Божіей. Жалѣю о васъ, если вы не понимаете того. Но было бы безуміемъ, если бы я согласился купить за временную жизнь погибель вѣчную. Ведите меня, куда хотите.“ Тогда привели его на мѣсто казни, съ связанными назадъ руками. Между тѣмъ какъ турки готовились повѣсить святаго Дамаскина, онъ попросилъ у нихъ позволенія помолиться Господу. Турки не отказали ему въ этомъ, — и святой мученикъ,

обратившись на Востокъ, помолился, оградилъ себя знаменіемъ креста, и сказалъ убійцамъ, что онъ готовъ на смерть. Его повѣсили. Такъ получилъ святой Дамаскинъ страдальческій вѣнецъ. Впрочемъ Божественный гнѣвъ скоро постигъ неистовыхъ его убійць. Вслѣдъ за его кончиною, переправляясь чрезъ Дунай, они потонули и такимъ образомъ еще здѣсь на землѣ получили должное наказаніе за невинную кровь священномученика Дамаскина. Молитвами его да спасетъ насъ Господь. Аминь.

Св. священномученикъ Дамаскинъ пострадалъ въ 1771 году, января 16 числа.

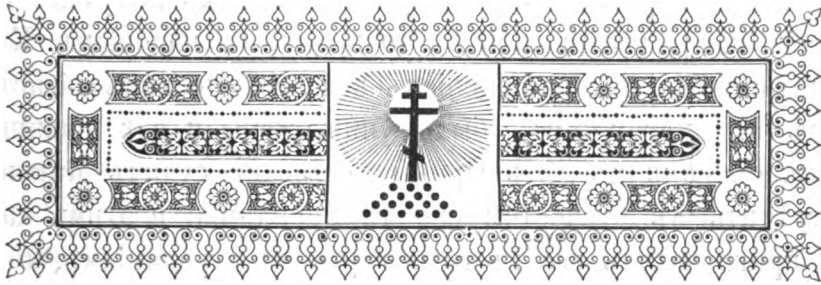
Я Н В А Р Я 21.

Память преподобнаго
НЕОФИТА

Просмонарія Ватопедскаго *).

Преподобный отецъ нашъ Неофитъ просіялъ въ обители Ватопедской. Нѣкогда будучи на одномъ метохѣ по дѣламъ монастырскимъ, онъ тяжело заболѣлъ и близокъ уже былъ къ смерти: тогда съ теплою молитвою обратился къ Богородицѣ, чтобы Она даровала ему здравіе, и, — о чудо! — вдругъ слышитъ онъ отъ иконы Богородицы гласъ, что ему дается еще годъ, чтобы въ продолженіе сего времени надлежащимъ образомъ приготовиться къ исходу изъ настоящей жизни. Получивъ такимъ образомъ здравіе, онъ возвратился въ монастырь. По окончаніи года, въ одинъ недѣльный день, приготовляясь къ приобщенію святыхъ Христовыхъ Таинъ, онъ снова услышалъ отъ иконы Богородицы гласъ, что приспѣло уже время исхода его изъ этой жизни. Что и исполнилось; ибо за приобщеніемъ Христовыхъ Таинъ послѣдовалъ мирный исходъ его ко Господу.

*) Изъ Νεος Παράδεισος.

Я Н В А Р Я 21.

Житіе преподобнаго отца нашего МАКСИМА ГРЕКА *).

Ревнитель истины и благочестія преподобный Максимъ **), инокъ аѳонскаго Ватопедскаго монастыря, былъ родомъ грекъ, но по своимъ великимъ подвигамъ, вполнѣ принадлежитъ св. Русской Церкви, — для которой онъ былъ свѣтильникомъ при жизни и остался свѣтильникомъ по смерти въ своихъ сочиненіяхъ.

Отечество преподобнаго Максима былъ городъ Арто въ Албаніи, близъ Эпира. Онъ родился около 1480 года отъ благочестивыхъ и богатыхъ родителей Мануила и Ирины, греческаго происхожденія, почему и самъ вездѣ значится Грекъ.

Отецъ его былъ важнымъ сановникомъ и отличался чистотою православной вѣры, а потому и Максима воспиталъ въ глубокомъ благочестіи и наученіи страху Божію. Перво-

*) Изъ кн.: «Житіе преп. отца нашего Максима—Грека, трудившагося въ переводѣ богослужебныхъ книгъ съ древне-греческаго на славянскій языкъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ первой половинѣ XVI в., при велик. князѣ Василіѣ Иоанновичѣ, а потомъ двадцать пять лѣтъ томившагося въ заточеніи за правду. Сост. іеромонахъ св. Троицы Сергіевой Лавры Харалампій». СПБ. 1886.

**), Память его января 21-го почитается въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, гдѣ почиваютъ и мощи его подъ спудомъ.

начальное образованіе въ наукахъ Максимъ получилъ отъ своего же родителя, ибо въ то время, съ паденіемъ Константинополя и порабощеніемъ всѣхъ греческихъ областей подъ иго магометанъ, были уничтожены и всѣ училища. Такъ съ раннихъ лѣтъ Промыслъ Божій судилъ Максиму встрѣтить въ отечествѣ своемъ испытанія, и этимъ какъ бы готовялъ его къ тѣмъ горькимъ страданіямъ, которыми онъ долженъ былъ подвергнуться въ позднѣйшіе годы своей жизни.

Въ горестное то время, невозможно было любознательному уму получить въ поработанной Греціи высшее научное образованіе, почему многіе юноши изъ греческихъ областей отправлялись въ европейскія государства для образованія себя въ наукахъ. При этомъ и ученые греки разсѣялись по всѣмъ западнымъ государствамъ, которыя съ любовію ихъ принимали и покровительствовали наукамъ. Для нихъ открыты были дворы государей, кафедры университетовъ и дружба богатыхъ и знатныхъ. Италія преимущественно отличалась тогда особеннымъ покровительствомъ науки, повсюду въ знатнѣйшихъ ея городахъ учреждались бібліотеки. Папы, государи и богатые граждане спѣшили спасти греческія рукописи отъ истребленія невѣжественными завоевателями.

Естественно было и юному Максиму, по любви къ наукѣ, искать образованія внѣ отечественной страны. Поэтому, онъ отправился въ Галлію, гдѣ слушалъ уроки знаменитаго соотечественника своего Іоанна Ласкариса, бывшаго профессоромъ въ парижскомъ университетѣ.

Окончивъ образованіе у Ласкариса, Максимъ, желая короче ознакомиться съ древними языками, отправился въ Венецію *), и сблизился тамъ съ знаменитымъ типографомъ

*) Вѣроятно Максимъ путешествовалъ съ Ласкарисомъ, который въ то время былъ посланъ въ Венецію по дѣламъ государственнымъ изъ Франціи.

издателемъ Альдомъ Мануччи, который обладалъ глубокимъ познаніемъ древнихъ языковъ; при немъ всегда было общество ученыхъ, помогавшихъ ему при печатаніи книгъ съ древнихъ рукописей. При помощи такихъ руководителей, Максимъ ознакомился съ словесными произведеніями древней Эллады, такъ что и самъ, впоследствии, нерѣдко приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ древнихъ поэтовъ.

Изъ Венеціи Максимъ отправился во Флоренцію, гдѣ долгое время прожилъ, тоже среди ученыхъ, но къ несчастію, зараженныхъ языческими убѣжденіями; но онъ, какъ мудрая пчела, извлекалъ изъ проповѣдуемой философіи только то, что не чуждо было христіанской религіи. Въ то время, Италія жестоко страдала недугомъ невѣрія, и, какъ обыкновенно бываетъ по закону правосудія Божія, за отверженіе чистой вѣры предана была жалкому суевѣрію. О чемъ современникъ Максима, итальянецъ Доминикъ Бенивени говоритъ такъ: „грѣхи и злодѣянія въ Италіи умножались потому, что эта страна потеряла вѣру во Христа.“ Тогда вѣрили, что все въ мірѣ, и въ особенности судьба человѣческая, есть только дѣло случая. Нѣкоторые думали, что все управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ, отвергали будущую жизнь и смѣялись надъ религіею. Философы находили ее слишкомъ простою, годною только развѣ для старыхъ женщинъ и невѣждъ. Нѣкоторые видѣли въ ней обманъ и выдумку человѣческую.—Такъ было во всей Италіи, и въ особенности во Флоренціи. Въ самыхъ даже предстоятеляхъ западной церкви потрясена была вѣра.

Общее зараженіе безвѣріемъ частію колебало и Максима, который, въ юношескомъ своемъ возрастѣ вращаясь среди заразы, не всегда могъ правильно понимать отношеніе философіи къ Евангельской истинѣ, „и еслибы, какъ пишетъ объ этомъ Максимъ, *Господь, пекущійся о*

спасеніи всѣхъ, не помиловалъ меня и не посылалъ вскорѣ Своею благодатию, и не озарилъ святомъ Своимъ мысль мою, то давно бы и я погибъ съ находящимися тамъ проповѣдниками нечестія.“

И дѣйствительно, при повсемѣстномъ зараженіи безвѣріемъ, безъ особой помощи Божіей, невозможно было устоять юношѣ, видя наставниковъ своихъ послѣдующихъ туда, куда влекла волна языческихъ нравовъ. Поэтому, Максимъ даже удивлялся, какъ только онъ могъ избѣгнуть отъ поглощающей волны, остаться невредимымъ отъ увлеченія среди безбожниковъ и сохранить чистую вѣру въ Бога!

Такимъ образомъ Максимъ окончилъ на Западѣ свое образованіе, тамъ почерпнулъ онъ глубокія свѣдѣнія въ богословіи и философіи, въ исторіи и словесности, и основательно изучилъ древне-греческій, латинскій, французскій и италіянскій языки. Но не парижскій университетъ довершилъ образованіе Максима, а гора Аѳонская. Въ Италіи, въ Галліи онъ могъ получить образованіе свѣтское: но просвѣщеніе богословское, утвержденіе въ догматахъ вѣры православной онъ могъ почерпнуть только на Востокѣ. Благодать Божія расположила Максима посвятить себя иноческой жизни. По своему образованію, онъ могъ бы занять видное положеніе въ обществѣ, но юнаго ученаго занимали не почести и слава, не чины и богатство, а мирная жизнь вдали отъ шума городского, въ тихой обители, среди людей посвятившихъ себя на служеніе Богу. Тѣмъ болѣе Максимъ могъ рѣшиться на уединеніе монастырское, что здѣсь по преимуществу онъ могъ съ полною свободою предаться занятіямъ столь любимую имъ наукою.

И вотъ Максимъ, по возвращеніи изъ путешествія, снова оставляетъ свой родной очагъ и отправляется на Аѳонъ, и тогда, какъ и нынѣ, служившій пріютомъ для душъ всецѣло пре-

данныхъ Богу, гдѣ притомъ можно было найти всѣ удобства не для однихъ подвиговъ иноческихъ, но и для умственнаго усовершенствованія и богословскаго образованія. Максимъ неоднократно слышалъ отъ своего наставника Іоанна Ласкари-са *), о тѣхъ драгоценныхъ сокровищахъ, какія хранились въ бібліотекахъ аеонскихъ монастырей, а также и о великихъ старцахъ—философахъ жившихъ въ то время на Аеонской горѣ, которые были зеркаломъ духовной учености въ высшемъ смыслѣ любомудрія духовнаго, основанномъ не на одномъ только созерцаніи, но и на дѣяніи подвижнической жизни. Въ то время на Аеонѣ въ его обителяхъ сосредоточились всѣ богатѣйшія греческія книгохранилища, а особенно въ Ватопедской, которая владѣла рѣдкими сокровищами церковной науки, оставшимися послѣ смерти двухъ иночествовавшихъ въ ней императоровъ: Андроника Палеолога и Кантакузена.

Около 1507 года, Максимъ прибылъ на Аеонъ и поступилъ въ братство Благовѣщенской Ватопедской обители, гдѣ принялъ и постриженіе въ монашество. И здѣсь-то, въ уединеніи и вдали отъ шума житейскихъ волнъ, разныхъ превратностей и разномыслій, Максимъ, въ кругу опытныхъ, великихъ и единоправныхъ старцевъ, началъ, какъ трудолюбивая пчела, собирать медъ со всѣхъ благовонныхъ цвѣтовъ аеонскихъ, и проводить жить въ обученіи иноческимъ подвигамъ.

Такъ прошло около десяти лѣтъ. Притомъ неоднократно, въ видѣ послушанія, возлагалось на него порученіе отъ обители отпрапляться для сбора милостыни, такъ какъ въ то время Ватопедская обитель не могла болѣе содержаться собственными средствами. Хотя и прискорбно было юному иноку Максиму разлучиться съ обителію, но какъ истин-

*) По порученію Лаврентія Медичи, Ласкарисъ изъ Флоренціи отправился на Аеонъ за рукописями и вывезъ оттуда до 200 древнихъ книгъ.

ный послушникъ, для блага и пользы ближнихъ, онъ отправлялся въ странствованія и, проходя изъ города въ городъ, собиралъ отъ добрыхъ жертвователей изобильную милостыню, а самъ, какъ бы въ замѣнъ оной, проповѣдывалъ имъ изъ неоскуднаго источника своего любомудрiя слово назиданiя и чистоту православной вѣры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти порученiя показываютъ, что Максима уже успѣли понять и оцѣнить, какъ опытнаго инока, который съ честiю могъ выполнить не легкую обязанность просителя. Здѣсь то, въ обители Ватопедской, думалъ Максимъ мирно окончить дни свои въ безвѣстной тишинѣ, въ подвигахъ иноческаго послушанiя; но Господь судилъ иначе: иной предлежалъ ему ученый и вмѣстѣ страдальческiй подвигъ въ землѣ ему чуждой, гдѣ долженъ былъ положить свои кости, послѣ многихъ невинныхъ страданiй, за любовь не только къ наукѣ, но и къ истинѣ, въ исправленiи церковныхъ книгъ, за что сподобился, если не вѣнца мученическаго, то, по крайней мѣрѣ, славы исповѣдника, долготерпѣнiемъ въ многолѣтнихъ скорбяхъ, въ узахъ и темницѣ, и даже въ несправедномъ отлученiи отъ Церкви, которой онъ былъ преданъ со всею ревностiю православнаго сына и защитника догматовъ.

Великiй князь московскiй Василiй Ioанновичъ, пользуясь миромъ своей державы, обратилъ вниманiе на хранившееся въ палатахъ его драгоцѣнное сокровище, которое, однакожь, не было доступно рѣшительно никому изъ русскихъ. Это сокровище состояло въ рѣдкомъ и громадномъ собранiи древнихъ греческихъ рукописей, переходившихъ изъ Византiи съ самыхъ первыхъ временъ просвѣщенiя Руси Христовою вѣрою и особенно умножившихся при отцѣ Василя Ioанновича (великомъ собирателѣ земли Русской, Ioаннѣ III), за которымъ была въ замужествѣ послѣдняя отрасль константинопольскихъ

Палеологовъ—Софія. Желая узнать содержаніе этихъ рукописей и въ то же время не находя въ Россіи человѣка, который бы могъ удовлетворить этому желанію, Василій Іоанновичъ, по совѣту и съ благословенія духовнаго отца своего митрополита Варлаама, рѣшился обратиться на Аѳонъ съ просьбою прислать въ Москву умнаго мужа *), который бы въ состояніи былъ пересмотрѣть греческія книги, находившіяся въ княжеской бібліотекѣ, и, если нужно будетъ, перевести ихъ; великій князь писалъ объ этомъ патриарху константинопольскому Θεоплисту и Проту Святой горы Симеону, прося прислать въ Москву ватопедскаго старца Савву, котораго, какъ видно, указалъ ватопедскій іеромонахъ Неофитъ, бывший въ Москвѣ по сбору и теперь возвращавшійся изъ Россіи. Съ этою просьбою и богатою милостынею, въ мартъ мѣсяцъ 1515 года посланы были на Аѳонъ отъ великаго князя торговые люди Василій Копыль и Иванъ Варавинъ.

Посланные, по прибытіи на Святую гору, предложили старцу Саввѣ приглашеніе великаго князя московскаго, но Савва, ссылаясь на старость и болѣзненное состояніе ногъ, отказался. Послѣ этого, Протъ Святой горы Симеонъ, по совѣту ватопедской братіи, рѣшился замѣнить престарѣлаго Савву инокомъ Максимомъ; но Максимъ, какъ бы предвидя, что въ Россіи ожидаютъ его многолѣтнія страданія, отказывался отъ этого тяжкаго порученія и удаленія изъ любимой имъ Святой горы. Игуменъ ватопедскій, видя непреклонность его, сказалъ, что доставить духовную пищу алчущимъ есть святое дѣло величайшей любви; убѣжденія эти смягчили Максима, и онъ, предавши себя въ волю Божію, рѣшился ѣхать въ Россію.

*) Письмо великаго князя на Аѳонъ и отвѣтъ Аѳонцевъ напечатаны въ 5 кн. Врем. Общ. Ист. М. 1850.

При отправленіи Максима въ Москву, ватопедскій игуменъ Анеимъ писалъ митрополиту Варлааму, что избрали и посылають инока Максима „яко свѣдуща въ Божественномъ Писаніи и способнаго къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ, и церковныхъ, и глаголемыхъ еллинескихъ. Правда—писалъ онъ,—Максимъ не знаетъ русскаго языка, а только греческій и латинскій, но мы надѣемся, что онъ скоро научится и русскому языку.“ И такимъ образомъ, съ молитвою и напутственнымъ благословеніемъ, инокъ Максимъ отправился съ послами въ Россію, взявши съ собою и вышепомянутаго іеромонаха Неофита и инока Лаврентія, для подготовленія себя къ изученію русскаго языка, такъ какъ они были нѣсколько ознакомлены съ онымъ.

Путешествіе ихъ продолжалось два года, ибо посланные великаго князя нѣсколько времени должны были провести въ Константинополѣ и потомъ въ Крыму. Максимъ же въ это время занимался изученіемъ русскаго языка, и въ началѣ 1518 года прибылъ въ Москву.

По прибытіи Максима въ Москву, великій князь принялъ его съ радушіемъ и, обласкавши своимъ вниманіемъ и покровительствомъ, назначилъ ему пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ, а содержаніе получать отъ его великокняжескаго двора. Кромѣ великаго князя, Максиму оказалъ особое вниманіе и первосвятитель московскій Варлаамъ, мужъ святой жизни, который радъ былъ пріѣзду ученаго мужа и впоследствии охотно послѣдовалъ его мудрымъ совѣтамъ къ улучшенію состоянія церковнаго.

Осмотръ великокняжескаго книгохранилища привелъ въ восторгъ любознательнаго Максима, которому такого множества рѣдкихъ книгъ не приходилось видѣть и на Востока. Осмотрѣвши всю библіотеку, Максимъ представилъ великому князю списокъ не переведенныхъ книгъ. Великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ и боярами,

просилъ Максима заняться переводомъ толковой Псалтири, такъ какъ эта книга наиболѣе другихъ обращалась въ рукахъ: съ нея начинали знакомиться съ грамотою; къ ней всего чаще обращались въ церковномъ богослуженіи; она служила и для домашняго благочестиваго упражненія,— какъ уединенному подвижнику, такъ равно и простому мірянину. А такъ какъ Максимъ еще не былъ силенъ въ славянско-церковномъ языкѣ, и не ознакомленъ съ его особенностями, то въ помощь дали ему двухъ переводчиковъ: Димитрія Герасимова и Власія, владѣющихъ латинскимъ языкомъ, которые должны были передавать съ латинскаго на церковно-славянскій языкъ то, что будетъ переводить имъ Максимъ съ греческаго на латинскій. Въ пособіе же переводчикамъ назначены были два писца: Михайло Медоварцевъ и инокъ Троицкаго Сергіева монастыря Силуанъ.

Годъ и пять мѣсяцевъ трудился Максимъ надъ переводомъ Псалтири, который и былъ наконецъ представленъ великому князю. Василій Іоанновичъ передалъ книгу митрополиту Варлааму. Святитель съ восторгомъ одобрилъ на соборѣ первый трудъ Максима. Князь въ награду осыпалъ инока новыми милостями. Все это однакожь не обольщало Максима, какъ бы предчувствовавшаго предстоящее ему бѣдствіе. Онъ предвидѣлъ, что труды его могутъ быть не поняты, или худо истолкованы людьми, не отличавшимися образованіемъ и особенно не знавшими греческаго языка. Поэтому въ письмѣ къ великому князю труженикъ, не считая свой трудъ совершенствомъ, изъ скромности и по глубокому смиренію, писалъ: „надлежало бы книгѣ, исполненной такихъ достоинствъ, имѣть и переводчика болѣе опытнаго въ словесномъ искусствѣ, который бы могъ не только глубокомысленныя реченія богомудрыхъ мужей достойно передать, но и временемъ похищенное вознаградить, и не-

вѣжествомъ переписчиковъ поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами греки, *и учились у знаменитыхъ учителей*; но еще стоимъ нѣгдѣ долу, при подошвѣ горы Фаворской, съ девятью учениками, какъ еще неспособные, по грубости разума, быть участниками боголѣпныхъ видѣній Просвѣтителя Иисуса, которыхъ удостоиваются только просіявшіе высокими добродѣтелями. Говорю это потому, что греческій языкъ, по изобилію въ значеніи словъ и въ разныхъ способахъ выраженія, придуманныхъ древними риторамъ, довольно представляетъ трудностей въ переводахъ, для побѣжденія которыхъ нужно бы намъ было еще много времени и усилій. Однако же, сколько Богъ намъ свѣше даровалъ и сколько мы сами могли уразумѣть, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно; а поврежденное писцемъ или отъ долговременности, гдѣ возможно было при пособіи книгъ, или по собственной догадкѣ, старались вознаградить, или исправить; гдѣ же не могли мы ничего сдѣлать, оставили такъ, какъ было.“ Притомъ, Максимъ не отрицалъ, что могутъ найтись въ его переводѣ и ошибки, произшедшія отъ недосмотра и недоразумѣнія, — и просилъ, по возможности, исправлять ихъ, но съ тѣмъ, чтобы исправитель самъ былъ силенъ въ знаніи греческаго языка, хорошо былъ знакомъ съ грамматикою, риторикою и съ значеніемъ греческихъ словъ.

Указавъ затѣмъ на труды помощниковъ своихъ, и испросивъ имъ у государя достойнаго награжденія, Максимъ себѣ, какъ единственной милости, просилъ позволенія возвратиться въ Святую гору вмѣстѣ съ возвращающимися спутниками своими Неофитомъ и Лаврентіемъ. Избавъ насъ, писалъ онъ государю, отъ печали долгой разлуки, возврати безбѣдно честному монастырю Ватопедскому, давно уже насъ ждущему. Дай намъ совершить обѣты иноческіе тамъ,

гдѣ мы ихъ произнесли, предъ Христомъ и страшными Его Ангелами, въ день постриженія. Отпусти насъ скорѣе въ мирѣ, чтобы намъ возвѣстить и тамъ находящимся православнымъ о твоихъ царскихъ добродѣтеляхъ, да вѣдаютъ бѣдствующіе христіане тѣхъ странъ, что есть еще на свѣтѣ царь, не только владѣющій многими народами, но и цвѣтущій правдою и православіемъ, подобно Константину и Θεодосію Великимъ. Да даруетъ намъ Господь еще нѣкогда царствовать, освобожденнымъ тобою отъ рабства нечестивымъ“ *).

Усиленные просьбы Максима о возвращеніи на Аѳонъ уже показываютъ, что онъ имѣлъ причины опасаться несогласія на то правительства, — съ другой стороны даютъ разумѣть, что не такъ онъ былъ очарованъ благопріятностію обстоятельствъ въ Россіи, чтобы забыть свой убогій Аѳонъ. Но не суждено было Максиму когда либо возвратиться на родину, сперва по той необходимости, которую почувствовали въ ученыхъ трудахъ его, а потомъ по тяжкимъ гоненіямъ.

Великій князь, видя по первому опыту перевода Псалтири даровитость глубокаго познанія ученаго грека, никимъ образомъ не соглашался отпустить его на Святую гору, и упросилъ Максима остаться еще на нѣсколько времени въ Москвѣ. И когда Максимъ, переводя другія книги (толкованіе древнихъ Отцевъ на Дѣянія Апостольскія и толкованіе Іоанна Златоуста на Евангелія Матѳея и Іоанна), довольно изучилъ русскій языкъ, Василій Іоанновичъ, по совѣту съ митрополитомъ, поручилъ ему заняться пересмотромъ и исправленіемъ тогдашнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Трудъ не легкій и крайне щекотливый; тѣмъ не менѣе Максимъ не могъ отказаться отъ

*) Карамз. т. VII, пр. 340.

него. Немало времени провел Максимъ въ трудахъ книжнаго исправленія и во все время онъ пользовался милостями князя. „Жегомыйъ Божественною ревностью, очищаль плевелы обѣими руками,“ какъ объ этомъ самъ онъ выражался; и дерзая о Господѣ, преподобный иногда высказывалъ рѣзкіе отзывы о томъ, что видѣлъ. Но то, что видѣлъ онъ, видѣли немногіе. Поэтому слѣпая страсть къ старинѣ все тѣ отзывы Максима считала за оскорбленіе святыни. Начался втайнѣ ропотъ на „пришельца греческаго,“—такъ выражались о Максимѣ ропотники; стали говорить въ тихомолку, что Максимъ не исправляетъ, а портитъ церковныя книги! Максимъ еретикъ! Однако, явно никто не дерзаль возводить клеветы на честнаго и безкорыстнаго труженика, боясь великаго князя, который, кромѣ оказываемой ему любви и уваженія, часто приглашалъ къ себѣ и пользовался его совѣтами въ дѣлахъ церковныхъ и государственныхъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ мудраго мужа и ревностнаго поборника за православную вѣру. Между тѣмъ и Максимъ, видя расположеніе къ себѣ государя, не скрывалъ для одного себя эту царскую милость: онъ чрезъ это вниманіе приносилъ пользу и ближнимъ, часто ходатайствуя предъ великимъ княземъ за бояръ, подпавшихъ его гнѣву. Ревнуя о чистотѣ православной вѣры, преподобный и собору духовному подавалъ совѣтъ ревностно дѣйствовать противъ упорныхъ пререкателей вѣры, наипаче же противъ ереси Жидовской, возмущавшей Церковь, и предлагалъ митрополиту Варлааму перевести собраніе правилъ церковныхъ, но въ исправленіи богослужебныхъ книгъ дѣйствовалъ осторожно, представляя свои недоумѣнія на разрѣшеніе святителя, если находилъ что излишнимъ противъ греческихъ книгъ. Хотя дѣло и производилось келейно, однако возбудилъ онъ неудовольствіе духовенства: все заговорили, будто Максимъ отвергаетъ русскія церковныя

книги и утверждаетъ, что на Руси нѣтъ ни Евангелія, ни Апостола, ни псалтири, ни устава. Клеветы сіи не могли бы имѣть никакихъ послѣдствій для ученаго пришельца греческаго, если бы на кафедрѣ московской оставался благоразумный пастырь, ему покровительствовавшій; но въ 1521 году вынужденъ былъ Варлаамъ оставить свою кафедру, по недовольствію съ великимъ княземъ: и на его мѣсто поступилъ Даниилъ изъ иноковъ Волоколамскаго монастыря, тяжкій для Максима; и отселѣ начались всѣ его бѣдствія.

Преподобный Максимъ и прежде замѣчалъ, что несправедливо включено въ присягу архіерейскую обязательство никого не принимать отъ константинопольскаго патріарха. Оно могло быть нужнымъ тогда, какъ дѣла православія, въ послѣдніе годы греческой имперіи, въ Константинополѣ колебались; но впослѣдствіи, когда патріархъ строго держался православія, оно было оскорбительно для престола патріаршаго, ибо порабощеніе имперіи не могло имѣть никакого вліянія на дѣла вѣры.—Максимъ не оставилъ этого безъ замѣчанія и написалъ объ этомъ слово. Переимѣна митрополита подала поводъ и къ другому вопросу: почему новый митрополитъ поставленъ безъ сношенія съ греческимъ патріархомъ? Любопытствующему иноку отвѣчали, что есть въ Москвѣ благословенная грамота отъ патріарха константинопольскаго, которою дозволяется русскимъ митрополитамъ ставиться своими епископами. Но сколько ни доискивался Максимъ, не могъ онъ видѣть этой грамоты.—Такіе вопросы и сомнѣнія, конечно, не были пріятны Даниилу.

Новымъ митрополитомъ не были довольны, потому что находили его слишкомъ угодливымъ предъ свѣтскою властію: у Максима были знакомые между этими недовольными,—которые приходили къ нему за совѣтами.—Въ одно время Даниилъ просилъ ученаго инока заняться переводомъ

Церковной Исторіи блаженнаго Феодорита, — неизвѣстно для какой цѣли. — Преподобный Максимъ отказался отъ сего порученія, потому что въ этой книгѣ много помѣщено актовъ еретическихъ, которые могли быть соблазнительны для простаго народа. Это очень огорчило митрополита.

Неудовольствія на преподобнаго Максима возрастали и съ другихъ сторонъ. Въ разныхъ писаніяхъ своихъ онъ обличалъ притязательность иноковъ, заботившихся только о приумноженіи своихъ имѣній, напоминалъ объ обѣтахъ, данныхъ каждымъ при постриженіи, восхвалялъ, видѣнные имъ на Западѣ, монастыри братьевъ нищенствующихъ. Враги Максима все́мъ этимъ пользовались и разсѣвали противъ него клеветы, будто онъ порицаетъ св. иноковъ русскихъ, которые не отказывались отъ богатыхъ приношеній, дѣлаемыхъ ихъ монастырямъ, принимали и приобрѣтали села и деревни. Кромѣ того, общественные пороки, насилія слабымъ отъ сильныхъ, бѣднымъ отъ богатыхъ, — все вызывало его обличенія. Его положеніе было довольно особенное. Какъ безпристрастнаго инока, какъ ученаго мужа, много видѣвшаго на свѣтѣ, его спрашивали о многомъ, что дѣлалось высшею властію, и потомъ передавали его рѣчи съ своими толкованіями.

Но Максимъ, какъ адамантъ, твердо ратовалъ по благочестію, онъ не падалъ духомъ, и на все́ распрострапяемыя на него клеветы смотрѣлъ безбоязненно, ибо чистая его душа только одного и желала: неутомимо и ревностно дѣйствовать о истинѣ Христовой, для пользы ближнихъ.

Въ то время Римская Церковь, обезсиливаемая на Западѣ Лютеромъ, много заботилась, чтобы распространить свою власть на Россію и склонить русскихъ къ соединенію съ нею. Для этой цѣли со стороны папы посланъ былъ легатъ Николай Шонбергъ, который, по прибытіи

своемъ въ Москву, началъ распространять между народомъ „слово о соединеніи Руссовъ и Латинянъ.“ Онъ успѣлъ оболъстить боярина Ѳеодора Карпова, колебалъ и другихъ; особенно мысли его о фортунѣ производили волненіе въ суевѣрномъ народѣ.

Преподобный Максимъ зорко слѣдитъ за ходомъ дѣла и, вооружившись оружіемъ правды, возсталъ противъ лукавства римскаго, разбилъ и опровергъ всѣ доводы и козни Шонберга, написавъ по этому поводу до 15-ти сочиненій, преслѣдуя на каждомъ шагу вѣроломства папистовъ; въ то же время его мудрыя писанія были направлены противъ іудеевъ, язычниковъ и магометанъ. Труды сіи на время оберегали Максима отъ злобы распространившагося невѣжества, ибо не были противны духу времени.

Не страшился Максимъ страстей человѣческихъ, ибо еще не испыталъ всей ихъ силы.—„Заповѣдь Божія повелѣваетъ намъ, говорилъ онъ, проповѣдывать всѣмъ, вопрошающимъ насъ о Евангельской истинѣ, не смотря на злобу невѣжества,“ и онъ не щадилъ самолюбія, обличая пороки духовенства и вельможъ. Столь яркій свѣтъ его ученія былъ слишкомъ тяжелъ для больныхъ очей; ожидали только случая, чтобы раздраженное самолюбіе могло пасть на ревнителя истины и благочестія, и этотъ случай представился въ 1524 году. Великій князь Василій Іоанновичъ, скучая 20-ти лѣтнимъ неплодствомъ супруги своей, добродѣтельной Соломоніи, задумалъ расторгнуть бракъ съ нею и вступить въ новый съ Еленою Глинскою, чтобы имѣть наслѣдника престола. Такъ какъ законъ Евангельскій и правила церковныя не дозволяли расторженія брака по такой причинѣ, то окружающіе государя нашли полезнымъ, для достиженія своей цѣли, устранить людей, которые могли противодѣйствовать сему намѣрсію. Митро-

полить Даниилъ былъ на сторонѣ великаго князя; старецъ Максимъ, какъ надлежало ожидать, на сторонѣ правильныхъ церковныхъ, и съ нимъ вмѣстѣ прямодушный другъ его, старецъ Вассіанъ, потомокъ князей литовскихъ, котораго до того времени много уважалъ великій князь. Движимый ревностію, преподобный написалъ наставленія великому князю, въ которомъ убѣждалъ его не покоряться плотскимъ страстямъ. „Того почитай истиннымъ самодержцемъ, о благовѣрнѣйшій царь! писалъ онъ, который правдою и благозаконіемъ ищетъ устроить житіе своихъ подручниковъ и старается всегда преодолѣть похоти и безсловесныя страсти своей души, ибо тотъ, кто ими одолѣваемъ бываетъ, не есть одушевленный образъ небеснаго Владыки, но только челоуѣкообразное подобіе безсловеснаго естества.“ Тогда предсталъ недоброжелателямъ давно желанный случай отмстить иноземцу, который осмѣливался осуждать русское. Донесли великому князю, что Вассіанъ и Максимъ, съ друзьями своими, творятъ укоризну царству Русскому и, по своему произволенію, искажаютъ словеса церковныхъ книгъ, обвинили и въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ двумя опальными боярами, Берсенемъ и Жаренымъ, и даже въ мнимыхъ сношеніяхъ съ посломъ турецкимъ Искондеромъ, бывшимъ въ Москвѣ, чрезъ котораго будто бы Максимъ писалъ Султану, чтобы шелъ войною на Россію, и невыгодно отзывался о военныхъ силахъ великаго князя и его жестокостяхъ. Послѣ девятилѣтнихъ постоянныхъ почестей, внезапно схватили Максима въ февралѣ 1524 года и безъ всякаго распроса бросили въ кандалахъ въ темницу Симонова монастыря, гдѣ онъ томился нѣсколько дней. Затѣмъ Максима потребовали къ суду и допрашивали, какія имѣлъ онъ сношенія съ опальными боярами, но добродѣтельному старцу нечего было таить что либо изъ своихъ бесѣдъ, потому что

многіе приходили къ нему за душеполезными совѣтами. Онъ разсказалъ, что говорили ему умные, хотя и не пріучившіеся къ терпѣнію, бояре, открылъ и то, что самъ говорилъ имъ, когда жаловались, что недолго стоитъ земля, которая перемѣняетъ свои обычаи: „нѣтъ, бояре, обычаи царскіе и земскіе Государи перемѣняютъ, какъ лучше государству, но та земля, которая преступаетъ заповѣди Божіи, та должна ожидать казни отъ Бога.“ Искренній во всѣхъ дѣлахъ своихъ, не скрылъ даже тайныхъ мыслей души и о великомъ князѣ, о задушевной жалобѣ своей на невниманіе державнаго къ слезамъ вдовицъ, что могло быть отнесено и къ великой княгинѣ Соломоніи: ибо это было главнымъ источникомъ неудовольствія. Но не подѣйствовали обличенія Максимовы: въ февралѣ былъ онъ посаженъ въ темницу, въ ноябрѣ уже пострижена Соломонія, а въ январѣ вступилъ великій князь въ бракъ съ Еленою Глинскою: все сіе совершилось въ теченіи одного года.

Вынуждены были однако отпустить на свободу преподобнаго, такъ какъ нельзя было обличить его ни въ какихъ винахъ государственныхъ; но враги не оставались въ покоѣ; они обратились къ такому предмету, по которому легче было обвинить его: къ дѣлу о исправленіи церковныхъ книгъ. По волѣ митрополита Даніила, созванъ былъ Соборъ въ палатахъ великокняжескихъ и явились обвинители на пришельца греческаго, будто бы онъ искажалъ смыслъ Священнаго Писанія и давалъ значеніе минувшаго времени дѣйствию непреходящему, какъ, напри- мѣръ, въ выраженіи о Сынѣ Божіемъ: „сѣде одесную Бога“ замѣнилъ прошедшимъ временемъ того же глагола „сѣдѣль еси.“ и что воскресшую плоть Христову наименовалъ опи- суемою. Максимъ въ оправданіе себѣ указывалъ на грамматическое значеніе приводимыхъ словъ, которыя выра-

жали время прошедшее, но и это обратили ему въ обвиненіе, какъ будто признаетъ сѣдѣніе Сына одесную Отца уже окончившимся, и приводили противъ него, какъ бы на еретика, свидѣтельства святыхъ отцевъ. Тогда Максимъ смиренно призналъ первую свою поправку за погрѣшность, говоря, что онъ не зналъ тогда довольно русскаго языка и различія сихъ изреченій, ибо передавалъ мысль свою на латинскомъ языкѣ толмачамъ русскимъ, которыхъ спрашивалъ по совѣсти, приличны ли такія выраженія? Касательно же слово описуемаго, старался защитить оное выводами Святаго Писанія, но никто не хотѣлъ его слушать.

Три раза повергался онъ на землю предъ Соборомъ, умоляя о помилованіи, ради милости Божіей къ немощамъ человѣческимъ, и со слезами просилъ простить ему погрѣшности, если какія допущены были имъ въ книгахъ; все было напрасно: его осудили, какъ еретика, испортившаго Писаніе Божіе, схватили опять и вывезли изъ города такъ тайно, что въ Москвѣ не знали даже: живъ ли онъ и гдѣ заключенъ? Но страдалецъ томился въ душной темницѣ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, гдѣ отлученъ былъ, какъ нераскаянный грѣшникъ, отъ приобщенія св. Таинъ, подъ строгимъ присмотромъ духовныхъ старцевъ; не только запрещено было ему видѣться съ кѣмъ либо изъ постороннихъ, но даже ходить въ церковь: такова была горькая участь пришельца греческаго, вызваннаго съ такою честію со Святой горы. Отъ дыма и смрада, отъ узъ и побоевъ впадалъ онъ по временамъ какъ бы въ омертвѣніе; но здѣсь же явившійся ему Ангелъ сказалъ: „терпи, старецъ, сими муками избавишься вѣчныхъ мукъ;“ и здѣсь, на стѣнахъ своей волоколамской темницы, написалъ онъ углемъ канонъ Утѣшителю Духу Святому, который и нынѣ воспѣвается въ церкви.

„Иже манною преспитавый Израиля въ пустыни древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни всесвятаго; яко да о немъ богоугодно служу Ти выну.“

„Всегда бурями губительныхъ страстей и духовъ возмущаемъ душею, Тебѣ всеблаженному Параклиту, яже о моемъ спасеніи, яко Богу, возлагаю.“

Игуменомъ Волоколамскаго монастыря былъ тогда суровый Нифонтъ изъ учениковъ Данила и, по свидѣтельству князя Курбскаго, много потерпѣлъ преподобный отъ глаголемыхъ Іосифлянъ, ибо до четырехъ лѣтъ продлилось тяжкое его заключеніе въ ихъ обители. Ученики и друзья Максима раздѣлили его участь: Силуанъ отвезенъ въ Соловецкій монастырь и тамъ уморенъ въ дыму; Михаилъ Медоварцевъ сосланъ въ Коломну; а Савва святогорецъ архимандритъ спасскій заточенъ въ Возмицкій монастырь города Волоколамска; немного позже Максима, сосланъ въ тотъ же Іосифовъ монастырь и другъ его, Вассіанъ, не смотря на княжескій родъ свой, а между тѣмъ враги Максима, искажая его оправданія, доносили на него въ Москву, что Максимъ не кается и только повторяетъ одно и то же: „чистъ есмь отъ чрева матере моя и донинѣ отъ всякаго грѣха.“

Но тѣмъ не кончились страданія преподобнаго; черезъ пять лѣтъ снова потребовали къ суду Максима въ престольный городъ; это было уже въ 1531 году. Архіепископъ новгородскій Макарій, собиравшій свои Четивъ-Миней, обратилъ вниманіе Митрополита на переводъ житія Пресвятой Богородицы, сдѣланный Максимомъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Въ спискахъ сего перевода найдено было много погрѣшностей. Митрополитъ открылъ новый Соборъ и припомнилъ прежнія обвиненія страдальца. Съ ужасомъ отвергнулъ Максимъ хульные изреченія, внесенныя въ его переводъ!—„Я такъ не переводилъ, воскли-

цалъ онъ, такъ не писалъ и не велѣлъ писать, это ложь на меня, я такъ не мудрствую; если же кто произносить такія хулы, тотъ пусть будетъ проклятъ;“ но его отрицанія не приняли и повѣрили двумъ лжесвидѣтелямъ, которые утверждали, будто слышали неоднократно отъ самого Максима, когда изъясляли сомнѣнїе противъ его перевода: „такъ это надобно.“ Спрашивали еще Максима, почему исключилъ изъ службы Троицкой вѣчерни великій отпустъ и изъ осьмага члена Символа Вѣры слово „истиннаго?“ Преподобный Максимъ защищался сколько могъ, отвѣчая, что ничего не приказывалъ исключать. Касательно же исключенія въ Символѣ, ссылаясь на древнїя рукописи греческія, гдѣ вмѣсто „истиннаго“ стояло другое слово „Господа животворящаго.“

Не смотря на то, не освободили узника и даже не разрѣшили ему прїобщенія св. Таинъ; измѣнили только мѣсто заключенія, назначивъ ему пребываніемъ тверской Отрочъ монастырь, подъ строгимъ надзоромъ тверскаго епископа Акакія. Это заключеніе было легче; епископъ, не стѣснясь опредѣленіемъ соборнымъ, часто приглашалъ невиннаго узника за свою трапезу; большимъ утѣшеніемъ для него служило то, что могъ читать книги, и онъ написалъ себѣ въ утѣшеніе словеса инока, затвореннаго въ темницѣ и скорбящаго, которыми утверждалъ себя въ терпѣнїи: „Не тужи, не скорби, ниже тоскуй, любезная душа, о томъ, что страждешь безъ правды, отъ руки тѣхъ, отъ коихъ подобало бы тебѣ прїять все благое, ибо ты пользовала ихъ духовно, предложивъ имъ трапезу, исполненную Святаго Духа, т. е. сказанія Боговдохновенныхъ пѣснопѣнїй Давидовыхъ, которыя перевелъ я отъ бесѣды эллинской на бесѣду шумящаго вѣщанія русскаго; но паче благодарствуй твоему Владыкѣ и прославляй Его, что сподобилъ тебя въ нынѣшнемъ житїи, привременными скорбями, за-

платить съ лихвою весь долгъ многихъ талантовъ, коими былъ одержимъ. Внимай себѣ, да не помыслишь, что время сіе есть время сѣтованія, но паче Божественной радости, да не постраждешь, окаянная, сугубою нищетою, мучимая за свою неблагодарность въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ; если такъ вооружаешь себя всегда, радуйся и веселися, какъ повелѣваетъ тебѣ Господь, ибо мзда твоя многая на небесахъ!“

Въ 1534 году скончался великій князь и преподобный Максимъ думалъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ, чтобы оправдать себя письменно въ возведенныхъ на него клеветахъ. — Въ письменномъ исповѣданіи онъ предложилъ свое вѣрованіе, вполнѣ православное, и свидѣтельствовалъ, что еретическими словами наполнены не тѣ книги, которыя имъ исправлены, но тѣ, которыя противники его считали за святыню.

„Поелику нѣкоторые, не знаю почему, не страшатся называть еретикомъ меня, невиннаго человѣка, врагомъ и измѣнникомъ Богохранимой Россійской державы, то праведнымъ и необходимымъ нахожу отвѣчать моимъ клеветникамъ. Благодатію истиннаго Бога нашего Иисуса Христа, я по всему правовѣрный христіанинъ и прилѣжный богомолецъ Русской державы, если же и не великъ въ разумѣ и познаніи Божественныхъ Писаній, однако посланъ сюда отъ всея Святыя горы, по прошенію и грамотѣ благовѣрнаго великаго князя, отъ котораго, въ теченіе девяти лѣтъ, преизобильныя получалъ почести.— Повинуясь его повелѣнію, не только перевелъ я толкованіе Псалтири съ греческаго, но и иныя боговдохновенныя книги, различно испорченныя отъ переписчиковъ, хорошо я исправилъ благодатію Христовою и содѣйствіемъ Утѣшителя Духа, какъ всѣмъ извѣстно. Не знаю, что случилось съ нѣкоторыми, враждебно ко мнѣ расположенными, которые утверждаютъ: будто я не исправляю, а только

порчу боговдохновенныя книги; воздадутъ они слово Господу за то, что не только препятствуютъ богоугодному дѣлу, но и на меня бѣднаго и невиннаго клеветуютъ и ненавидятъ, какъ еретика; я же не порчу священныя книги, но прилѣжно и со всякимъ вниманіемъ, со страхомъ Божиимъ и правымъ разумомъ, исправляю въ нихъ то, что испорчено или переписчиками ненаученными и неопытными, или даже въ началѣ, при ихъ переводѣ, мужами приснопамятными, но не довольно разумѣвшими силу эллинскихъ рѣчей. — Исправляю не Святыя Писанія, но то, что въ нихъ вкралось отъ непохвальныхъ описей, отъ недоумѣнія или забвенія древнихъ переводчиковъ, или отъ многого невѣжества и небреженія новыхъ переписчиковъ. Но, быть можетъ, нѣкоторые противники скажутъ: великое ты наносишь тѣмъ оскорбленіе возсіявшимъ въ землѣ нашей чудотворцамъ. Съ сими священными книгами благоугодили они Богу въ жизни и по преставленіи прославлены отъ Него силою чудодѣйственною. Не я буду отвѣчать имъ, но самъ блаженный Апостолъ Павелъ, да научить ихъ Духомъ Святымъ, глаголя: „одному дается Духомъ слово премудрости, другому слово разума тѣмъ же Духомъ, иному же дарованіе исцѣленій въ томъ же Духѣ, другому же дѣйствія силъ; иному пророчества, иному различіе духовъ, иному же разные языки, а иному истолкованіе языковъ: все же сіе дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя властію каждому, какъ Ему угодно“ (1 Кор. 12, 7—11). Ясно изъ сего, что не всякому даются вмѣстѣ всѣ дарованія духовныя. Исповѣдую и я, что святыя русскія чудотворцы, по дарованію, имъ данному свыше, возсіяли въ землѣ Русской, и поклавяюся имъ, какъ вѣрнымъ Божиимъ угодникамъ, но ни различныя языки, ни толкованіе оныхъ не приняли они свыше. Посему не должно удивляться, если отъ столь святыхъ мужей утаилось исправленіе мно-

гихъ исправленныхъ мною описей: имъ, ради Апостольскаго ихъ смиренномудрія, кротости и святаго житія, дано было дарованіе исцѣленій и чудесъ предивныхъ; другому же, хотя и грѣшенъ онъ паче всѣхъ земнородныхъ, дарованы разумѣніе и толкованіе языковъ и не должно тому дивиться.“

„Будь мнѣ свидѣтелемъ Господь Иисусъ Христосъ, истинный Богъ нашъ, что кромѣ множества моихъ согрѣшеній ничего хульнаго въ себѣ не вѣдаю о святой христіанской нашей вѣрѣ; называвшимъ же меня врагомъ Русской державы да не вмѣнитъ Господь Богъ такое ихъ согрѣшеніе.“ — Въ заключеніи умолялъ отпустить его на святую гору Аѳонскую, представляя и то, что судъ о немъ принадлежитъ не русскимъ епископамъ, а вселенскому патріарху. Но участь страдальца Максима не измѣнилась; крамольные бояре, управлявшіе государствомъ во дни малолѣтства Іоанна, заняты были только своими кознями и губили одинъ другаго. Не долго пользовался преподобный и снисхожденіемъ епископа Тверскаго Акакія. Пожаръ, истребившій въ 1555 году великолѣпный храмъ, созданный въ Твери Акакіемъ, подалъ поводъ Максиму высказать, по обыкновенію своему, правду о жителяхъ Твери и ихъ пастырѣ, и это возбудило сильное негодованіе Акакія, который даже огласилъ такое обличеніе неправославнымъ.

Между тѣмъ умерла правительница Елена. и самъ митрополитъ Даніилъ, послѣ десятилѣтняго управленія Церковію, сосланъ былъ въ заточеніе въ Іосифовъ монастырь. Страдалецъ Максимъ почелъ долгомъ примирить съ собою совѣсть изгнаннаго святителя. Узнавъ чрезъ близкаго къ себѣ человѣка, что Даніилъ продолжаетъ питать къ нему прежнее нерасположеніе, заклиналъ его, именемъ Отца небеснаго, оставить вражду, съ глубокимъ смиреніемъ гово-

рилъ о своей невинности и въ заключеніе сказалъ, что обвиненіе въ ереси, которое не престають противъ него повторять, есть только дѣйствіе оскорбленнаго самолюбія, всегда жестокосердаго къ другимъ. Преподобный рѣшился написать еще о своей вѣрѣ отчетъ новому митрополиту Іоасафу и на имя бояръ слово отвѣщательное на исправленіе книгъ русскихъ, съ тою же свободою духа свидѣтельствуя предъ ними, что не по лицемѣрію пишетъ къ нимъ, и не съ ласкательствомъ, чтобы получить временную славу и нѣкую отраду въ своихъ бѣдахъ.

Новый митрополитъ старался утѣшить страдальца милостивымъ словомъ, но, будучи самъ обуреваемъ крамольными боярами, не могъ облегчить участи невиннаго узника: „Щѣлуемъ узы твои, какъ единаго отъ святыхъ, писалъ онъ преподобному, но ничего не можемъ болѣе сдѣлать въ твою пользу.“ Онъ желалъ допустить осужденнаго до приобщенія св. Тайнъ; но противники соглашались не иначе, какъ подъ предлогомъ смертной болѣзни. Гнушаясь примѣсю обмана къ святому дѣлу, Максимъ не согласился на такое условіе, и наконецъ, къ своему утѣшенію, послѣ тринадцати-лѣтняго несправедливаго запрещенія, получилъ разрѣшеніе приступать къ святымъ Тайнамъ, когда пожелаетъ. Новый опытъ крамолы боярской, низверженіе святителя Іоасафа, возбудилъ въ преподобномъ ревность; презрѣвъ собственную опасность, онъ изобразилъ опытною рукою бѣдственное состояніе Русскаго царства, подъ образомъ жены, окруженной лютыми звѣрями, одѣтой въ рубищѣ и сидящей на распутіи, ибо бѣдствія его отечества поражали глубоко душу Максима, такъ какъ и радости его были радостями для его сердца.

Въ 1545 году, по предстательству Небесной Владычицы, спасена была Москва отъ несмѣтныхъ полчищъ Крымскаго хана, нечаяннымъ ихъ бѣгствомъ, и Максимъ воспѣлъ бла-

годарственную пѣснь Господу Иисусу за спасеніе Россіи; а между тѣмъ, въ уединеніи своемъ, изливаль скорбь объ участи грѣшной души за предѣлами гроба, переводя слово св. Кирилла о исходѣ души.

Святители восточные не оставались равнодушными къ участи долго томившагося на Руси страдальца, и патріархъ вселенскій Діонисій и столѣтній старецъ Іоакимъ, патріархъ александрійскій, писали въ 1545 году къ юному царю Іоанну объ освобожденіи страдальца Максима. Особенно умилительно было посланіе послѣдняго. „Имѣемъ слово и малое прошеніе изглаголатъ царствію твоему и молимъ, да услышишь внятно: тутъ въ землѣ царства твоего обрѣтается нѣкій человѣкъ, инокъ отъ святой горы Аѳонской, учитель православной вѣры, имя ему Максимъ; на него, по дѣйству діавольскому и кознямъ злыхъ людей, крѣпко разгнѣвалось величайшее твое царствіе и ввергло его въ темницы и узы нерѣшимыя, и не можетъ ни туда ни сюда ходить и учить слову Божію, какъ дароваль ему Богъ. Мы слышали о немъ и получили писаніе отъ многихъ великихъ людей, тамъ сущихъ, и отъ св. горы Аѳонской, что тотъ Максимъ, связанный, несправедно связанъ и пойманъ отъ царства и власти твоей. Не творятъ такъ православные христіане надъ нищимъ, паче же надъ инокомъ, и наипаче цари, удостоенные великаго смысла и учиненные отъ Бога праведными судіями, чтобы имѣть дверь свою отверзтою ко всѣмъ приходящимъ. Праведно заключать въ узы небоящихся тебя, озлобляющихъ, и вязать хотящихъ вамъ зла; но убогихъ, наипаче же учителя, каковъ тотъ убогій Максимъ, который наставлялъ, поучалъ и пользовалъ многихъ христіанъ въ царствіи твоемъ и индѣ, не подобаетъ несправедно держать и силою оскорблять, ибо воздыханія убогихъ не погибнуть до конца, а наипаче иноковъ; неприлично царствію твоему давать вѣру

всякому слову и всякому писанію, къ тебѣ приходящему, безъ разсмотрѣнія и испытанія; сего ради молимъ, когда увидишь посланіе наше, да освободишь вышеписаннаго инока Максима святогорца и дашь ему всякую свободу идти, куда пожелаетъ, наипаче же на свое постриженіе. Помози и поспѣши ему, сколько Богъ положить на сердцѣ твоемъ, по обычаю похвальнаго твоего царствія и не хоти посрамить насъ въ этомъ. Если послушаешь словесъ моихъ, будешь имѣть похвалу отъ Бога, а отъ насъ молитву и благословеніе. Никогда я не писалъ къ тебѣ доселѣ, ни просилъ какого либо утѣшенія отъ тебя, не оскорби же меня и въ этомъ и не заставь написать иное посланіе къ царствію твоему, вторичное моленіе, ибо не престану отъ такихъ прошеній, доколѣ не услышитъ меня великое твое царствіе и не даруешь мнѣ сего человѣка.“

Но и это прошеніе осталось безуспѣшнымъ; преподобный съ своей стороны, посылая царю кроткое увѣщаніе жить по христіански, просилъ преклониться къ умиленнымъ его моленіямъ и исполнить праведное прошеніе о немъ святителей; но подозрительный духъ того времени не позволилъ исполнить подобное прошеніе: слишкомъ много видѣлъ на Руси преподобный, чтобъ быть ему отпущеннымъ изъ Россіи; наконецъ только въ 1551 году, послѣ 20-ти лѣтняго заключенія въ Твери, троицкій игумень Артемій, другъ Максима, съ нѣкоторыми добродѣтельными боярами, упросилъ державнаго освободить невиннаго пришельца, и старецъ, мирно принятый въ Москвѣ, съ честію вступилъ въ лавру Преподобнаго Сергія; но уже онъ былъ изможденъ тяжестію оковъ и темницы, внутренними скорбями и внѣшними страданіями, и былъ слабъ не только ногами, но и всѣмъ тѣломъ; однако духъ его еще былъ бодръ и способенъ къ высокимъ созерцаніямъ.

По просьбѣ ученика своего Нила, изъ рода князей

Курлятевыхъ, преподобный Максимъ, послѣ столькихъ бурь, занялся въ уединеніи лавры Сергіевой переводомъ Псалтири съ греческаго на русскій языкъ, не смотря на свои преклонные годы, ибо ему было уже около 70 лѣтъ. Черезъ два года послѣ водворенія его подъ сѣнію преподобнаго Сергія, царь Іоаннъ Васильевичъ посѣтилъ святаго старца въ его мирной келліи, и открылъ ему свое намѣреніе совершить богомолье въ обитель Кириллову, по данному обѣту за свое исцѣленіе. Опытный старецъ сказалъ государю искреннее слово, которое всегда привыкъ говорить державнымъ: „Обѣтъ царствія твоего не согласуетъ времени ради того, что вдовы, сироты и матери избѣнныхъ подъ Казанью, еще проливаютъ слезы, ожидая скорой твоей помощи: собери ихъ подъ царственный кровъ твой, и тогда всѣ Святые Божіи возрадуются о тебѣ и вознесутъ теплое моленіе о твоей державѣ, понеже Богъ и Святые Его не по мѣсту внемлютъ молитвамъ нашимъ, но по доброму произволенію нашего сердца.“ Смирненно выслушалъ царь искреннее слово многострадальнаго Максима, но не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія, почитая оное благочестивымъ; тогда святой старецъ сказалъ князю Курбскому, одному изъ четырехъ бояръ, сопутствовавшихъ царю, слово пророческое, которое просилъ передать державному: „если не послушаешь меня, совѣтующаго тебѣ по Богѣ и презришь крови избѣнныхъ отъ поганныхъ, вѣдай, что умретъ сынъ твой новорожденный Димитрій!“—Но Іоаннъ упорствовалъ, и сбылось пророчество святаго.

Это еще болѣе исполнило уваженіемъ къ нему грознаго царя, не только какъ къ исповѣднику истины, но и какъ къ пророку. На слѣдующій годъ пригласилъ онъ преподобнаго на Соборъ въ Москву, для обличенія новой возникшей тамъ ереси Матвѣя Башкина, которая имѣла сход-

ство съ Кальвинскою, ибо Башкинъ заразился симъ новымъ ученіемъ Запада; когда же Максимъ, по дряхлости, уклонился отъ присутствованія на Соборѣ, царь написалъ ему посланіе, которымъ просилъ преподобнаго, чтобы прислалъ къ нему свой отзывъ о странномъ ученіи. „Да будетъ тебѣ вѣдомо, ради какой вины поднялись мы писать къ тебѣ сіе посланіе, ибо дошло до нашего слуха, что нѣкоторые еретики не исповѣдуютъ Сына Божія, равнаго Отцу, и Святое тѣло Господа нашего Иисуса Христа и честную кровь Его ни во что вмѣняютъ, но какъ простой хлѣбъ и вино приѣмлютъ, и Церковь отрицаютъ и называютъ идолами изображенія Господа, Пречистой Его Матери и всѣхъ Святыхъ, и не приѣмлютъ покаянія, ни отеческихъ преданій, возлагая гордость свою на семь вселенскихъ соборовъ, и иныхъ поучаютъ сему злочестію: сего ради содрогнулся я душею и воздохнулъ изъ глубины сердца, и не мало о томъ поболѣзновалъ, что такое злочестіе вошло въ землю нашу, въ нынѣшнѣе слабое время въ послѣдніе роды, и помыслилъ возложить печаль свою на Господа, да соберутся всѣ обрѣтающіеся подъ областію моею епископы, игумены и черпорицы, да исторгнутъ терніе изъ чистой пшеницы и будутъ сносѣшники святымъ семи вселенскимъ соборамъ. Изволилось мнѣ и по тебя послать, да будешь и ты поборникомъ православія, какъ первые богоносные отцы, да примутъ и тебя небесныя обители, какъ и прежде подвизавшихся ревнителей благочестія, имена коихъ тебѣ извѣстны. Итакъ, явись имъ спосѣшникомъ и данный тебѣ отъ Бога талантъ умножь и ко мнѣ пришли отповѣдь на нынѣшнее злодѣйство; слышали мы, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы для того за тобою послали, что счисляемъ тебя съ Матвѣемъ. Но не буди того, чтобы вѣрнаго вчинять съ невѣрными; ты же отложи всякое сомнѣніе и, по

данному тебѣ таланту, насъ писаніемъ не оставь въ отвѣтъ на сіе посланіе; прочее же миръ тебѣ о Христѣ. Аминь.“

Итакъ, на самомъ закатѣ дней, отдана была, наконецъ, полная справедливость исповѣднику истины, и это было послѣднимъ церковнымъ дѣяніемъ великаго страдальца. Черезъ годъ онъ скончался, въ 1556 году, послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ и страданій, въ старости глубокой, испытанной всѣми бѣдствіями жизни. Древній сказатель о пришествіи Максима въ престольный градъ свидѣтельствуеть, что, по смерти преподобнаго, пробудилось къ нему общее уваженіе и многіе стремились въ Лавру къ его священнымъ останкамъ, какъ къ мощамъ, называя его то пророкомъ, то великимъ учителемъ. Дѣйствительно, незабвененъ долженъ быть для русскаго народа невинный страдалецъ, Преподобный Максимъ Грекъ, ярче другихъ освѣтившій мракъ тогдашняго состоянія, съ болѣзненнымъ воплемъ своими словами вызывалъ изъ онаго несчастныхъ на путь спасенія. Хотя онъ и дорого поплатился за свою пламенную любовь къ истинѣ и за ревность къ славѣ Божіей, но, не смотря на все это, посѣянное имъ сѣмя въ послѣдствіи принесло изобильные плоды отъ трудовъ праведнаго мужа.

Спустя три года (1559), послѣ кончины Преподобнаго Максима, во время пребыванія въ Москвѣ константинопольскаго патріарха Іереміи, который пріѣхалъ для посвященія перваго всероссійскаго патріарха Іова, архимандритъ Сергіевской обители и многіе благочестивые люди за долгъ совѣсти сочли просить его, чтобы торжественно произнесено было разрѣшеніе почившему труженику. Патріархъ похвалилъ благое желаніе почитателей страдальца, съ любовію далъ отъ себя разрѣшительную грамоту сему исповѣднику.

Къ числу почитателей Преподобнаго Максима принадлежалъ князь Курбскій, ревностный защитникъ православія и знавшій жизнь его. Онъ съ уваженіемъ относился къ нему и не иначе называлъ его, какъ святымъ и пре-

подобнымъ, а также и преподобный Діонисій архимандритъ Сергіевой обители, который питая особую любовь къ святому, много заботился, чтобы труды ученаго и праведнаго мужа были извѣстны Церкви. Всѣ сочиненія преподобнаго Максима, которыя онъ написалъ на разные предметы, изданы въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ (1859, 60, 61 и 62 гг.) и заключаютъ въ себѣ поученія: нравственныя, обличительныя и историческія. Митрополитъ же московскій Платонъ устроилъ надъ незабвеннымъ прахомъ преподобнаго Максима раку и палатку. А въ 1840 году усердный почитатель великихъ людей, намѣстникъ Свято-Троицкія Сергіевы лавры, архимандритъ Антоній, по своей пламенной любви ко всему историческому, съ благословенія святителя московскаго Филарета устроилъ надъ его могилою часовню, гдѣ во всякое время, по усердію желающихъ служатся панихиды по преподобномъ Максимѣ.

Послѣ себя препод. Максимъ оставилъ много ревностныхъ и умныхъ учениковъ. Таковыя были, кромѣ вышепомянутыхъ страдальцевъ Силуана, Саввы архимандрита новоспасскаго и Михаила Медоварцева, инокъ Ниль Курлятевъ, Димитрій Толмачъ, Зиновій, инокъ отенскій—мужъ съ просвѣщеніемъ, далеко превосходившимъ понятія его времени, святой Германъ, архіепископъ казанскій, князь Андрей Курбскій, который устныя наставленія многострадальнаго Максима употреблялъ въ защиту противъ проповѣдниковъ лютеранства.

Сказавъ о жизни преподобнаго Максима, не умолчимъ и о чудесахъ, бывшихъ надъ его гробомъ, которыя записаны въ преданіяхъ Сергіевой лавры. Такъ, въ 1651 году во дни всероссійскаго патріарха Никона, пришелъ нѣкій челоуѣкъ изъ Москвы, слободы Кошельной, по обѣщанію въ обитель преподобнаго Сергія и послѣ Литургіи, отслушавъ молебенъ, сѣлъ близъ храма Сошествія Св. Духа,

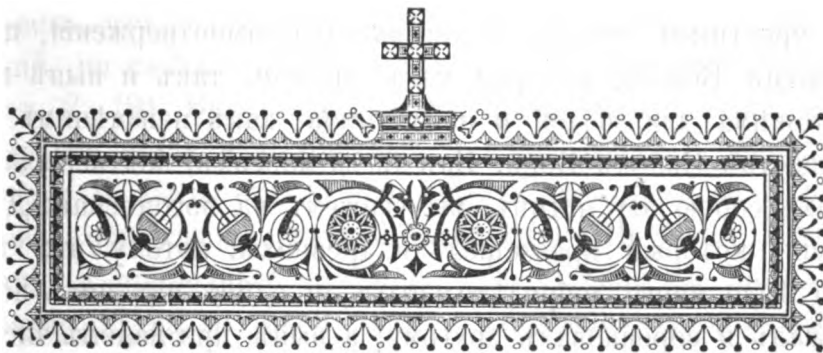
на гробовой доскѣ; но вдругъ силою Божіею сбросило его съ гробницы, и несчастный вслѣдствіе паденія разбился и долго не могъ встать; но когда, собравшись съ силами, онъ приползъ къ могилѣ и сталъ спрашивать стоявшихъ тутъ людей, кто подъ доскою сею почиваетъ? Они отвѣчали: „Монахъ Максимъ грекъ;“ тогда разслабленный воскликнулъ: „отче Максиме, прости меня!“ Когда, по просьбѣ его, была отслужена по препод. Максимѣ панихида, то вслѣдъ за тѣмъ оный разслабленный получилъ совершенное исцѣленіе. Въ то время случился тутъ келейникъ соборнаго старца Вассіана, Іоаннъ, который будучи одержимъ гордостью, не повѣрилъ чуду и, по самонадѣянности, сѣлъ на гробницу препод. Максима, думая про себя: тогда я повѣрю бывшему чуду, когда и со мною тоже самое случится; но несчастнаго постигъ гнѣвъ Божій и онъ былъ три раза сбрасываемъ съ гробницы, такъ что лицо его разбилось до крови и раздробились зубы съ поврежденіемъ языка. Когда онъ всталъ и вспомнилъ свое невѣріе, горько раскаиваясь въ своей дерзости и склонивши колѣна предъ иконою Господа нашего Іисуса Христа, сталъ просить прощенія. Въ это время впалъ онъ въ глубокій сонъ и увидѣлъ предъ образомъ Всемилостиваго Спаса молящагося инока, котораго Іоаннъ спросилъ: кто ты? Когда же молящійся инокъ отвѣчалъ, что онъ „Максимъ Грекъ,“ Іоаннъ сталъ просить у него прощенія, но преподобный съ гнѣвомъ сказалъ ему: „за что безчестишь меня? Ты слышалъ, что въ сей день былъ сброшенъ человекъ, сидѣвшій на моей могилѣ? А потому за твое невѣріе ты получилъ должное;“ прощенія же искалѣченному Іоанну не подалъ явившійся старецъ и скрылся отъ него. Такъ рассказывалъ самъ Іоаннъ о бывшемъ ему явленіи. А въ 1851 году, по сказанію „Монастырскихъ писемъ,“ самъ преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ засвидѣтельствовалъ своимъ явленіемъ одному московскому

купцу о святости препод. Максима. Чудо это произошло слѣдующимъ образомъ: Нѣкто московскій купецъ З. былъ боленъ и во время молитвы, у себя въ домѣ, призывалъ въ помощь препод. Сергія. За тѣмъ въ слѣдующую ночь видитъ онъ во снѣ препод. Сергія, какъ бы вставшаго изъ гробницы.—Больной подошелъ къ нему и, упавши къ ногамъ, сталъ просить его святыхъ молитвъ и ходатайства предъ Богомъ, но препод. Сергій говоритъ ему: „Грѣхи твои оскорбляютъ Господа, а потому постарайся исправиться и принести покаяніе.“ Но больной, не теряя надежды на его помощь, снова сталъ умолять его. Тогда преподобный Сергій обѣщаль принести о немъ молитву и помочь въ болѣзни. Видя милостивое обѣщаніе преподобнаго, больной въ восторгѣ говоритъ ему: „Преподобне отче Сергіе, чѣмъ же я могу достойно принести тебѣ мою благодарность?!“ „Ничего мнѣ не надобно, отвѣчалъ ему преподобный, а принеси что можешь преподобному Максиму Греку.“ Послѣ этого больной получилъ облегченіе въ болѣзни и, по наказу преподобнаго Сергія, 4 декабря 1851 года, привезъ отъ своего усердія два покровя: одинъ покровъ на гробницу преподобнаго Сергія, а другой — на гробницу преподобнаго Максима Грека *).

Надъ гробницею преподобнаго Максима на мѣдной доскѣ вырѣзаны стихи:

Блаженный здѣсь Максимъ тѣломъ почиваетъ,
 Но съ Богомъ въ небеси душою пребываетъ.
 И что божественно онъ въ книгахъ написалъ,
 То жизнію своею и дѣломъ показалъ.
 Оставилъ образъ намъ и святости примѣры,
 Смиренія, любви, терпѣнія и вѣры!

*) Монастыр. письма. Москва. 1863 г.

Я Н В А Р Я 24.

Житіе преподобнаго ДІОНИСІЯ,

подвизавшагося долгое время на святой горѣ Аеонской и скончавшагося на Олимпѣ *).

Благословенъ Богъ, укрѣпляющій и нынѣ рабовъ Своихъ, мужественно ратующихъ на невидимыхъ супостатовъ-демоновъ: эти избранные, при содѣйствіи благодати Божіей, низлагая полчища сатаны, вѣнчаются и прославляются Богомъ, въ обличеніе маловѣрныхъ, которые, уклоняясь на пути разврата и суеты, оправдываютъ собственную свою погибель и дѣйствіе своихъ страстей тѣмъ, что будто нынѣ не тѣ времена, чтобъ угождать Богу такъ, какъ люди угождали Ему прежде. Очевидная ложь: появленіе и въ наши времена мучениковъ и преподобныхъ, по всему подобныхъ древнимъ святымъ, доказываетъ, что время не можетъ имѣть никакого вліянія на спасеніе истинно желающихъ спасенія, и что оно зависитъ отъ нашего собственнаго изволенія и рѣшимости неуклонно шествовать

*) Изъ Νέος Παράδεισος.

по крестнымъ стезямъ Евангельскаго самоотверженія, при помощи Божіей, которая какъ прежде, такъ и нынѣ неистощима для людей и неизмѣнима, какъ неизмѣнимъ въ существѣ Своемъ Богъ. Изъ числа многихъ, подтверждающихъ собою эту истину, мы укажемъ на богоноснаго Діонисія, который превзошелъ и древнихъ: потому что тогда было много добродѣтельныхъ, и одинъ изъ нихъ подражалъ и соревновалъ другому; а нынѣ, при маломъ числѣ опытныхъ, не удивно, если нѣкоторые, не имѣя въ виду образцовъ подражанія, ослабѣваютъ въ строгихъ подвигахъ христіанскаго благочестія. Цѣль, съ которою я предлагаю повѣствованіе о богоугодной жизни преподобнаго Діонисія, есть та, чтобы сколько съ одной стороны пресѣчь ложныя мнѣнія людей нынѣшняго свѣта о невозможности въ наше время угождать Богу, столько съ другой—доставить спасающимся утѣшеніе и примѣръ къ поддержанію силъ подвижническаго ихъ духа. А что буду я говорить совершенную правду, и не напишу отъ себя ничего, кромѣ того, что рассказали мнѣ богоносные и достовѣрные отцы, въ томъ свидѣтель Богъ. Я твердо помню, что долгъ и справедливость требуютъ не скрывать душеполезныхъ повѣстей, но передавать ихъ всемъ и каждому съ тѣмъ, чтобы, зная ихъ, всякій подражалъ дѣяніямъ и подвигамъ святыхъ. Итакъ, остановите вниманіе на этомъ моемъ повѣствованіи.

Въ фанарійской епархіи есть селеніе, называемое Платиною: въ немъ родился преподобный Діонисій. Родители его были люди бѣдные, но благочестивые — Николай и Θεодора, которые, съ трудомъ доставляя себѣ пропитаніе, воспитывали своего младенца съ особенною попечительностію. По ночамъ, когда лежалъ онъ въ колыбели, видѣли они чудное явленіе: надъ нимъ, какъ солнце, сіялъ крестъ, проявлявшій, какъ думали они, будущее его назначеніе,

то-есть, что онъ отречется міра и всѣхъ плотскихъ мудрованій, по словамъ святаго Апостола, *и распнется Христу* (Гал. 2, 19). Видя такое чудное дитя, родители его прославляли Бога и радовались о немъ. Когда исполнилось отроку 6 лѣтъ, отдали его учиться начаткамъ какъ внѣшняго образованія, такъ и Священному Писанію. Прилежаніе и природныя дарованія, существенно же благодать Святаго Духа до такой степени открылись въ юномъ Діонисіи, что онъ въ короткое время, изучивъ все необходимое для ума, образовалъ и свое сердце въ строгихъ правилахъ христіанской нравственности, такъ что былъ дивомъ для многихъ, видѣвшихъ, какъ онъ хранилъ себя отъ дурнаго сотоварищества и свойственныхъ юному возрасту игръ, какъ постоянно упражнялся въ чтеніи Божественныхъ книгъ, и во всеобщихъ молитвахъ, и какъ наконецъ подавлялъ въ себѣ всякое непріязное чувство плотскаго мудрованія, и томилъ свое тѣло, возвышаясь такимъ образомъ надъ всѣмъ чувственнымъ и окрилаясь Божественнымъ желаніемъ духа молитвеннаго. Въ то время родители его померли. Вслѣдствіе сего, по своей нестяжательности и по бѣдности родителей, не имѣя даже необходимаго, юноша бралъ дѣтей и обучалъ ихъ грамотѣ и чистописанію, и это было источникомъ жизненнаго его продовольствія. Между тѣмъ видя, какъ все временное суетно, какъ все въ мірѣ отвлекаетъ человѣка отъ существенныхъ его занятій своимъ спасеніемъ, юный Діонисій рѣшился оставить все и посвятить себя иноческой жизни. Тогда, какъ занимала его эта спасительная мысль и не давала ему покоя, прибылъ въ селеніе то, гдѣ пребывалъ Діонисій, одинъ священноиннокъ изъ Метеорскихъ монастырей, именемъ Аноимъ. Діонисій познакомился съ нимъ, подробно вывѣдалъ отъ него о правилахъ подвижнической ихъ жизни, и наконецъ рѣшился отправиться съ нимъ, не

взявъ изъ родительскаго стяжанія ничего, кромѣ одного серебрянаго стакана, который подарилъ сему самому Анeimy. По прибытіи въ Метеоры, онъ подчинилъ себя извѣстному тогда по добродѣтельной жизни старцу, именемъ Саввъ, и повиновался ему съ великимъ смиреніемъ, видя въ немъ для себя образецъ подражанія въ исполненіи иноческихъ обязанностей. Впрочемъ, не долго пребылъ тамъ Діонисій. Зная по слухамъ о чрезвычайныхъ удобствахъ святой Аѳонской горы для безмолвія и пустыннаго подвижничества, онъ просилъ позволенія у старца удалиться на Аѳонъ. Искренно любившій скромнаго и смиреннаго своего послушника, старецъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на то, тѣмъ болѣе, что въ Діонисіи видѣлъ онъ и сподвижника въ духовной жизни, и опору старческихъ своихъ дней. Боясь же, чтобы онъ не убѣждалъ тайно, старецъ заперъ ворота обители и спряталъ лѣстницы. Но напрасно. Юноша зналъ, что побужденія его къ странствованію на Святую гору чисты и пріятны Господу, а потому, не давши еще въ Метеорахъ обѣтовъ иноческихъ, рѣшился тайно скрыться оттуда безъ соизволенія и вѣдома старческаго. Итакъ, въ одну ночь, возлагая твердое упованіе на Владыку Христа, онъ спустился съ монастырской ограды и, при помощи Божіей, не потерпѣвъ ничего, несмотря на высоту стѣнъ, потекъ на Аѳонъ, какъ лань на источники водные. По прибытіи туда, онъ прежде всего распросилъ: гдѣ бы ему найти старца, чтобы подъ его руководствомъ могъ онъ положить начало подвижнической жизни, — и ему указали на чуднаго Серафима. Діонисій явился къ старцу и принять былъ имъ съ радостію, сначала какъ странникъ, а потомъ мудрый Серафимъ сталъ понимать его, какъ ученика, и изложивъ ему правила совершенной отшельнической жизни, оставилъ его у себя. Подъ строгимъ водительствомъ его, юный Діонисій день ото дня такъ преуспѣ-

валь въ подвижничествѣ, что чрезъ нѣсколько времени былъ удостоенъ ангельскаго образа, и потомъ рукоположенъ въ діакона. Чрезвычайное благоговѣніе въ священнослуженіи, трогательное смиреніе Діонисія и преуспѣяніе его въ опытахъ подвижнической жизни восхищали, удивляли и радовали старца. Такъ, на примѣръ, однажды въ Вербное Воскресенье, отслуживши литургію, преподобный удался изъ кельи въ пустынный лѣсъ и пробылъ тамъ до Великой Субботы. Впослѣдствіи, на вопросъ старца: чѣмъ онъ питался въ теченіе столькихъ дней и гдѣ находился? преподобный отвѣчалъ ему, что былъ въ скиту Каракаллѣ, питался каштанами и укропомъ. Старецъ удивился.

Между тѣмъ, дивный Серафимъ былъ избранъ Протомъ горы, а вслѣдствіе сего, по правиламъ тогдашняго времени, послали его въ Валахію въ соупутствіи игуменовъ. Чтобъ и Діонисій имѣлъ своего рода послушаніе, общимъ совѣтомъ старческимъ положено рукоположить его въ пресвитера для служенія въ протатскомъ соборѣ, вмѣсто отправлявшагося Серафима. По возвращеніи же послѣдняго, оставаясь по прежнему съ нимъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, преподобный сталъ наконецъ проситься на безмолвіе для болѣе возвышенныхъ подвиговъ и постоянного молитвословія, что было съ давняго времени предметомъ пламеннаго его желанія. Серафимъ хотя и весьма желалъ удержать его при себѣ, для успокоенія своей старости, однакожъ не хотѣлъ стѣснять свободу его и подавлять въ немъ стремленіе къ безмолвію, и потому предоставилъ ему на волю идти, куда хочетъ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы онъ по временамъ приходилъ къ нему для взаимныхъ бесѣдъ о пользахъ души и о случающихся демонскихъ искушеніяхъ, особенно ратующихъ на мысль и сердце. Такимъ образомъ, получивъ старческое благословеніе на

подвиги пустынной жизни, онъ началъ искать мѣста, которое бы имѣло все условія для безмолвія. И Богъ указалъ ему желаемое мѣсто. Близъ скита Каракаллы нашелъ онъ глубокую и неудобопроходимую пустыню. Погрузившись въ нее, онъ устроилъ себѣ тамъ тѣсную каливу, или шалашъ, и какъ труженически жилъ, одинъ только Богъ видѣлъ и вѣдалъ. Пищу его составляли каштаны, которыми Святая гора изобилуетъ, и рѣдко когда вкушалъ обыкновенный хлѣбъ, въ сосѣдственныхъ кельяхъ, куда былъ иногда приглашаемъ для священнодѣйствія. Нестязательность его была такова, что куда бы ни отправлялся онъ изъ своей пустыни, всегда оставлялъ дверь келліи незатворенною, потому что въ ней не было ничего, на что бы могла покуситься непріязненная рука татя. Впослѣдствіи устроилъ онъ при своей каливѣ небольшой храмъ въ честь Пресвятыя Троицы, при которомъ и оставался три года, ангельски славословя Бога день и ночь, и проходя безстрастно жизненный свой путь, вслѣдствіе чего и удостоивался Божественныхъ откровеній. Наконецъ, пожелалъ онъ видѣть и святыя мѣста, гдѣ Спаситель нашъ былъ распятъ, чтобъ тамъ созерцать событія жизни Христовой, и усладить свое сердце видѣніемъ самыхъ мѣстъ, гдѣ они совершились во спасеніе Адама, всеродно падшаго. Такое желаніе конечно свойственно всемъ, кто пламенѣетъ серафимскою любовію ко Христу, — свойственно такъ же, какъ взаимно любящіе, за отсутствіемъ любимаго лица, желаютъ, по крайней мѣрѣ, имѣть предъ очами или одежду любимаго, или то, что входитъ въ составъ принадлежащихъ ему вещей. Итакъ, преподобный, оставивъ Святую гору, отправился въ Іерусалимъ, гдѣ и поклонился всемъ святымъ мѣстамъ съ невыразимою радостію и веселіемъ духа. Іерусалимскій патріархъ тогдашняго времени, зная жизнь и чистоту преподобнаго, усиливался оставить его при себѣ,

съ цѣлію избрать его преемникомъ своей кафедры, какъ достойнаго принять жезлъ іерархическаго служенія: но преподобный ни подъ какимъ видомъ не согласился на такое предложеніе, извиняясь своими немощами, и смиренно отклонивъ отъ себя честь, которой удостоивалъ его святѣйшій, опять удалился на Святую гору для обычныхъ подвиговъ въ невозмутимой тишинѣ пустыннаго своего безмолвія. Здѣсь Господь за великіе подвиги уже осязаемо явилъ ему особенное Свое о немъ промышленіе и отеческую попечительность, что ясно замѣтилъ преподобный при обновленіи и распространеніи своего храма. Въ то самое время, какъ онъ занимался перестройкою его, одинъ изъ знакомыхъ ему братій посѣтилъ его и видитъ, что два незнакомца содѣйствуютъ ему во всѣхъ его занятіяхъ. На вопросъ—кто они? преподобный отвѣчалъ посѣтителю что онъ не видѣлъ и не видитъ при своихъ работахъ никого сторонняго. Между тѣмъ, какъ такимъ образомъ они разговаривали,—незнакомцы стали невидимы. Изъ этого преподобный заключилъ, что Богу пріятенъ трудъ его. Подобнымъ образомъ въ субботу сырной недѣли Богъ чудесно послалъ ему и брашна въ подкрѣпленіе тѣлесныхъ силъ для достойнаго совершенія четырехдесятидневнаго поста.

Не менѣе трогательно попеченіе Промысла и о сохраненіи жизни преподобнаго отъ разбойническаго на нее посягательства. Когда преподобный безмолвствовалъ въ пустыни, многіе изъ иноковъ Святой горы обращались къ нему для совѣтовъ и назиданія, что видя, одинъ разбойникъ, въ той мысли, что приходящіе къ святому даютъ ему деньги, вознамѣрился убить его и похитить имущество. Однажды онъ тайно подкрался къ кельи преподобнаго и скрылся въ сосѣдственпомъ потокѣ съ цѣлію, когда будетъ можно, исполнить гибельное свое намѣреніе: однакоже, прождавъ весь день, не видѣлъ онъ Діописія, тогда какъ

навѣрное зналъ, что его не было дома, и что, возвращаясь онъ непременно долженъ былъ проходить мимо его потокомъ. Чтобъ убѣдиться, точно ли преподобный возвратился, разбойникъ приходитъ къ кельи и видитъ тамъ преподобнаго. Это удивило его. На вопросъ: какъ, когда и какимъ путемъ возвращался онъ въ свою келью? преподобный отвѣчалъ, что возвратился онъ обыкновеннымъ путемъ чрезъ потокъ. Пораженный страхомъ, разбойникъ палъ къ ногамъ святаго и, чистосердечно исповѣдавъ грѣхъ свой и посягательство на жизнь его, просилъ у него прощенія и ходатайства предъ Богомъ. Незлобивый старецъ простилъ разбойника, много говорилъ ему о покаяннѣ и, при содѣйствіи благодати Божіей, довелъ его до того, что онъ тогда же далъ слово исправиться и, удалившись въ одинъ изъ монастырей, при Божіей помощи, сдѣлался добрымъ и искуснымъ монахомъ. А преподобный между тѣмъ, тронутый особеннымъ о немъ Промысломъ Божиимъ, въ теченіе семи лѣтъ неослабно подвизался въ своемъ безмолвіи, такъ что, наконецъ, слава добродѣтельной его жизни, по волѣ Божіей, вызвала его изъ пустыни; ибо братія Филоѳеевской обители, лишившись игумена, убѣдительно просили преподобнаго заступить его мѣсто, и быть для нихъ отцемъ и настоятелемъ. Смиранный Діонисій сначала отказывался отъ предлагаемаго достоинства, признавая себя слабымъ понести столь тяжкое бремя правленія, но впослѣдствіи, узнавъ, что на то есть воля Господня, оставилъ свое безмолвіе ради спасенія братій, и вступилъ въ должность настоятеля Филоѳеевской обители, которая тогда стояла въ вѣдѣннѣ Болгарь. По принятіи правленія обителью, онъ прежде всего озаботился приведѣніемъ ея въ порядокъ. А чтобы поддержать источникъ продовольствія, самъ лично отправился въ Константинополь для испрошенія милостыни, въ чемъ и помогъ ему Господь въ весьма

удовлетворительной степени. Но такъ какъ среди пшеницы всегда бываютъ плевелы, то и въ числѣ братства Филовеевской обители нашлись иноки, которые, теряя изъ виду собственное благо и пренебрегая обѣтами ангельскаго образа, начали роптать и жаловаться на преподобнаго Діонисія, поставляя ему въ вину измѣненіе нѣкоторыхъ обычаевъ прежней ихъ жизни и строгость правилъ въ отношеніи къ церковной службѣ. Видя, что ропотъ этотъ не перестаетъ, — преподобный, свыкшійся съ безмолвіемъ и тишиною, а не съ смутами жизни, сложилъ съ себя званіе игумена и, въ соупутствіи нѣсколькихъ искренно преданныхъ ему братій, удалился въ Веррію, гдѣ и поселился въ скитѣ преподобнаго Антонія, состоявшаго въ то время только изъ 20 иноковъ. Здѣсь, по прежнему, проводилъ опъ жизнь въ неусыпныхъ трудахъ братскаго послушанія и подавалъ собою примѣръ подвижническаго безстрастія и ангельской чистоты. Тамъ обновилъ онъ храмъ Предтечи, и для иноческаго своего общества составилъ правила, самъ исполняя въ виду всѣхъ то, чему училъ другихъ. Вслѣдствіе сего многіе изъ Верріи притекали къ нему и, внимая сладкимъ его бесѣдамъ, оставляли міръ и вручали себя мудрому его водительству на крестныхъ стезяхъ иноческаго труда.

Тогда какъ преподобный заботился не только о пользахъ собственнаго своего скита, но и о спасеніи мірянъ, нарочно для сего посѣщая селенія ихъ, и увѣщевая христіанъ къ добродѣтельной жизни, — епископъ Верріи отшелъ къ Господу. Сиротствующая паства, желая имѣть у себя пастыремъ преподобнаго, обратилась къ нему съ убѣдительною и настоятельною просьбою принять жезлъ іерархическаго правленія. Смиранный Діонисій сколько съ своей стороны ни отказывался отъ этого высокаго званія, считая себя недостойнымъ, — но просьбы не умолкали. Чтобъ из-

бавиться отъ докучливости людей, опъ просилъ ихъ дать ему время на размышленіе и на узнаніе воли Божіей. Народъ успокоился; а между тѣмъ, при наступленіи ночи, преподобный скрылся. Такимъ образомъ каведру Веррійской церкви завялъ нѣкто аѳинянинъ, именемъ Неофитъ, котораго впрочемъ черезъ годъ лишили оной, какъ не оправдавшаго высокое свое достоинство жизнию. Чтобы снова не палъ жребій святительства на преподобнаго, и чтобъ избавиться молвы народнои, преподобный удалился на Олимпійскую гору. Тамъ въ мѣстечкѣ, лежащемъ при подошвѣ горы, развѣдалъ онъ черезъ одного изъ поселянъ о положеніи Олимпа и, узнавъ, что на Олимпѣ есть мѣста, чрезвычайно удобныя для иноческаго безмолвія, при его водительство и указаніи, достигъ горняго мѣста, гдѣ понынѣ существуетъ монастырь Святой Троицы, и видя живописное положеніе и красоты тамошней пустынной природы, исполнился радости и веселія, и сказалъ: остаюсь жить здѣсь на горѣ, потому что она имѣетъ всѣ удобства для уединенной жизни! Такимъ образомъ: питаясь подаяніемъ означеннаго селянина, преподобный погрузился въ пустыню и провелъ въ ней довольное время. Между тѣмъ молва скоро разнеслась по окрестностямъ Олимпійскихъ горъ о сокровенномъ подвижникѣ. Вслѣдствіе сего одинъ изъ иночествующихъ явился къ преподобному и просилъ позволенія остаться при немъ: а потомъ нашлись и другіе подражатели ихъ жизни, и такимъ образомъ общество избранныхъ умножилось до того, что преподобный поставленъ былъ въ необходимость выстроить кельи и церковь. Но тамъ не дремалъ и врагъ, гдѣ возникалъ иноческій ликъ для славословія Божія: нашлись люди, которые дали знать владѣтелю того мѣста, гдѣ поселился преподобный, по имени Сакку — агарянину, что въ предѣлахъ его владѣнія какой-то инокъ строить монастырь. Агарянинъ взбѣсился.

Онъ тотчасъ явился въ Лариссу къ турецкому агѣ, въ вѣдѣніи коего состоялъ Олимпъ съ его окрестностями, и жалуюсь на своеволие иноковъ, требовалъ, чтобъ ихъ предали суду, а между тѣмъ возникающій монастырь, какъ начатый безъ его позволенія, уничтожили. Горько было преподобному, когда одинъ изъ преданныхъ ему, священникъ литохорійской деревни, извѣстилъ его о начавшихся противъ него козняхъ. Чтобы дать мѣсто гнѣву, онъ, со слезами, удалился оттуда въ мѣсто, такъ называемое Загора, почти сосѣдственное Олимпу. Хотя и здѣсь нашель онъ не менѣе удобствъ для безмолвной жизни, какъ и на Олимпѣ; хотя и въ этомъ мѣстѣ слава подвижнической жизни окружила его множествомъ собравшихся иноковъ: но Богъ призывалъ его на первое мѣсто къ Олимпу и Своими судьбами устроилъ славное и торжественное туда возвращеніе слѣдующимъ образомъ.—Съ того самого времени, какъ удалился преподобный съ Олимпа, вслѣдствіе непріязненныхъ противъ него дѣйствій агарянина, въ окрестностяхъ той горы сдѣлалась чрезвычайная засуха и бездождіе, такъ что жителямъ грозили голодъ и пагуба. Къ большей печали ихъ, нанеслась необычайная гроза, и градомъ выбило фруктовые деревья, виноградники и нивы, и даже повредило самыя жилища. Громы разражались съ необыкновенною силою; молніи сверкали ослѣпительно, поражая всѣхъ страхомъ и ужасомъ. Напрасно совершали молебствія и плакали: гнѣвъ Божій не утихалъ. Тогда всѣ поняли причину своихъ бѣдствій. Самъ агарянинъ, виновникъ изгнанія преподобнаго Діонисія и братства его, ужаснулся и затрепеталъ, когда объяснили ему христіане, что Богъ караетъ ихъ за святаго отшельника. Наконецъ, онъ рѣшился послать отъ себя нарочныхъ, въ сопутствіи нѣсколькихъ христіанъ, съ просьбою къ преподобному, чтобы, не помня обидъ съ его стороны, онъ возвратился на Олимпъ и продолжалъ тамъ уеди-

ненную свою жизнь. Незлобивый старецъ былъ тронуть смиреніемъ своего врага, и снова погрузился въ невозмутимую тишину олимпійскихъ своихъ пустынь. Съ того времени подвижническая жизнь преподобнаго Діонисія текла спокойно. Чтобъ чаще имѣть въ своей памяти святыя Іерулимскія мѣста, онъ и на Олимпѣ одинъ изъ возвышенныхъ холмовъ назваль Елеонскою горою; одно мѣсто — Голгоѳою, а другое—Виѳанією, куда и удалялся для совершеннаго безмолвія и тайныхъ молитвъ. Между тѣмъ преподобный положилъ себѣ за правило подниматься на вершину Олимпа два раза въ годъ для совершенія литургіи, а именно 20-го іюля и 6-го августа, когда мы празднуемъ преображеніе Христа Спасителя. Тамъ построилъ онъ и храмъ во имя пророка Іліи, куда монахи ежегодно въ день его памяти, т.-е. 20-го іюля, ходять и до нынѣ. За такимъ образомъ ангелоподобной его жизни, слава слѣдовала, какъ тѣнь за тѣломъ; а потому братство его до того умножилось, что онъ долженъ былъ устроить для него обитель, что и исполнилъ, самъ трудясь наравнѣ съ рабочими и питаясь только овощами.—Теперь время сказать и о нѣкоторыхъ изъ чудесъ его.

По удаленіи Діонисія изъ обители, принадлежащее ей мѣсто, весьма полезное и въ томъ отношеніи, что тамъ находилась пещера, съ живительнымъ источникомъ воды, занялъ пастухъ, устроилъ свой шалашъ и скотный дворъ. Ученики преподобнаго напрасно просили его удалиться: пастухъ и слышать не хотѣлъ. Наконецъ преподобный возвратился и, узнавъ объ этомъ насиліи, кротко убѣждалъ пастуха оставить обитель въ покоѣ и не отнимать достоинства иноческаго: но тотъ, вмѣсто повиновенія, досаждалъ старцу и знать его не хотѣлъ. Тогда преподобный присо-вокупилъ: если есть воля Божія жить здѣсь инокамъ, то ты увидишь это.. И несчастный пастухъ увидѣлъ слѣд-

ствія своего безразсудства. Въ тотъ же день, когда стада его разсыпались на пустынныхъ пажитяхъ вокругъ монастыря, отъ скалы отторгся огромный камень, и передавиль значительную часть овецъ. Мало того: въ стадахъ пастуха день отъ дня умножался падежъ, такъ что въ короткое время онъ лишился всѣхъ стадъ, и самъ впалъ въ тяжкій недугъ, отъ котораго никакія обыкновенныя средства не могли возставить его. Когда о его несчастіи узнали сосѣди, и вывѣдали о причинахъ недуга, — посовѣтовали ему обратиться къ преподобному, и просить у него прощенія и исцѣленія. Больной такъ и сдѣлалъ. Преподобный, тронутый страдальческимъ его положеніемъ, благословилъ его и, въ теченіе седмицы питая братскою трапезою, совершенно возвратилъ ему здравіе.

Въ другой разъ преподобному случилось быть въ мѣстечкѣ, называемомъ Турія, для исповѣди тамошнихъ христіанъ, такъ какъ они питали чувство особеннаго благоговѣнія и преданности къ нему. Въ числѣ ихъ былъ одинъ отъявленный и давній врагъ сего божественнаго таинства, не только не исполнявшій никогда этого христіанскаго долга, но и насмѣхавшійся надъ всѣми, кто исполненіе его считалъ необходимымъ условіемъ къ очищенію себя отъ сквернъ грѣховныхъ. Узнавъ объ этомъ несчастномъ, преподобный просилъ, чтобъ убѣдили его придти къ нему для бесѣды. Несчастный послушался. Но вмѣсто того, чтобъ принять съ убѣжденіемъ наставленіе святаго старца въ разсужденіи таинства исповѣди, онъ началъ отвергать предъ нимъ силу исповѣди; такъ что преподобный, сильно огорченный демонскимъ его вольномысліемъ, строго изрекъ слова святаго Апостола Павла: такъ какъ ты развращаешь правые пути Господни и издѣваешься надъ словами моими, и надъ заповѣдями Христовыми, несчастный, — то вотъ рука Господня на тебѣ и гнѣвъ безъ милости на домъ тво-

емъ. Пусть чрезъ тебя уцѣлomodрятся и другіе! Съ этими словами преподобный оставилъ несчастнаго и удалился въ свою пустыню. Судъ Божій не замедлилъ. Едва только удалился преподобный, беззаконникъ впалъ со всеѣмъ домомъ своимъ въ недугъ, отъ котораго умерло его семейство, а самъ онъ остался въ жалкомъ : страдальческомъ положеніи. Тогда нѣкоторые изъ сродниковъ его возвѣстили о немъ святому, и убѣдительно просили его придти и оказать помощь несчастному. Сострадательный старецъ не отрекся: онъ отправился въ селеніе, но прежде нежели прибылъ къ больному, — этотъ несчастный испустилъ духъ безъ христіанскаго напутствія. Преподобный горько жалѣлъ о такомъ событіи. Подобное сему случилось и въ селеніи святой Екатерины. Входя однажды туда, преподобный видитъ безчинныя игры и хороводы дѣвицъ съ юношами. Сильно огорченный столь явными соблазнами и сатанинскимъ торжествомъ разврата, блаженный приближается къ толпѣ дѣвицъ и кротко говоритъ имъ: для чего вы, будучи дѣвицами, такъ безстыдно играете съ юношами, поете соблазнительныя пѣсни, возбуждающія сладострастіе и въ васъ, и въ нихъ, и забываете, что смерть и судъ Божій близокъ къ вамъ? Дѣвицы смутились и молчали, кромѣ одной, которая, отличаясь отъ другихъ особеннымъ безстыдствомъ, отвѣчала насмѣшливо: „Ахъ, вы, лжемонахи! что тебѣ за нужда до насъ? знай себя. Самито живете вы дурно, а другихъ учите цѣломудрію.“ — Благословенъ Богъ, устрояющій все на пользу! строго произнесъ тогда старецъ. Чтобъ и другіе научились скромности, — ты будешь примѣромъ того, какъ грозно караетъ Господь дѣвическое безстыдство. Сказавъ это, онъ удалился. Вслѣдъ за этимъ, на несчастную дѣвицу, прежде чѣмъ дошла она до дома отца своего, вдругъ напалъ бѣсъ: испуская пѣну, она билась о землю и была въ самомъ

жалкомъ положеніи. Пораженные такою нечаянностію родители ея не знали, что съ нею происходитъ. Тогда одна изъ подругъ несчастной, бывшая свидѣтельницею ея безстыдства предъ святымъ старцемъ, рассказала имъ о случившемся. Вслѣдствіе сего они отыскали преподобнаго и, припадая къ стопамъ его, смиренно просили за свою несчастную дочь. Незлобивый старецъ былъ тронутъ слезами ихъ и помолившись исцѣлилъ бѣсновавшуюся; а она, въ благодарность Господу Богу за такое милосердіе, посвятила Ему свое дѣвство и кончила жизнь въ покаяніи.

Монахъ въ Верріи, знавшій нѣсколько грамоту, случайно увидѣлъ гадательную книгу, и съ любопытствомъ разбирая тайны сатанинскаго гаданія, невольно увлекся вѣрою къ нимъ. Это не прошло ему даромъ: въ слѣдующую почъ онъ увидѣлъ предъ собою эііопа исполинскаго роста, который говорилъ: „ты меня призывалъ, и вотъ я. Что тебѣ угодно — все исполню, только поклонись мнѣ.“ Господу Богу моему поклоняюсь и Тому единому служу, отвѣчалъ инокъ, угадывая, кто такой эііопъ. — „Такъ ты не кланяешься мнѣ? для чего же и призывалъ меня, позволяя себѣ чтеніе гадательныхъ моихъ тайнъ?“ Съ этимъ словомъ сатана далъ сильную пощечину иноку и исчезъ. Чувство боли и страха пробудило инока: щека его распухла и почернѣла такъ, что страшно было посмотреть на нее. Съ каждымъ днемъ боль усиливалась и безобразила инока; — отъ опухоли наконецъ не видно было и глазъ. Освѣдомившись о причинѣ столь странной болѣзни, знакомые инока дали знать объ этомъ преподобному Діонісію, который тотчасъ явился и, по совершеніи молитвы къ Богу и Божіей Матери, помазалъ елеемъ больное мѣсто. Инокъ тотчасъ исцѣлѣлъ и прославилъ Бога.

Одна старушка — вдова впала въ болѣзнь, и изъявила преподобному желаніе облечься предъ смертію, которой

чаяла, въ ангельскій образъ: не бойся, отарица, отвѣчалъ ей божественный Діонисій, — по принятіи образа иноческаго, ты будешь жить еще 12 лѣтъ. Такъ и было, какъ предсказалъ боговдохновенный старецъ. Другая женщина имѣла у себя единственнаго сына, который, по чувству особеннаго сердечнаго влеченія, удалился на Олимпъ и тамъ отъ преподобнаго принялъ постриженіе, а потомъ, желая видѣть свою мать, съ благословенія старческаго, явился къ ней. Образъ иноческій, который принялъ юноша отъ руки преподобнаго, сильно смутилъ несчастную. Въ порывѣ сердечнаго негодованія на поступокъ сына, она схватила съ него камилавку и, попирая ее ногами, требовала, чтобъ сынъ ея, по прежнему, одѣлся въ мірскія одежды. Бѣдный сынъ повиновался. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего пришелъ въ то селеніе святой: въ числѣ прочихъ подошла къ нему и та жена, приблизилась поцѣловать руку его. — Не приближайся ко мнѣ, несчастная, дерзновенно поправшая ангельскій образъ: надѣясь имѣть сына помощникомъ въ старости своей, строго сказалъ ей старецъ, ты увидишь, что завтра умретъ онъ злою смертію; наслаждайся же слѣдствіями твоего безразсудства и дерзости! И дѣйствительно, на другой день сынъ ея оборвался съ высокаго дерева и, по предсказанію преподобнаго, испустилъ духъ. Другая старица, изъ деревни Платарійской, по имени Егина, увидѣвши святаго, сказала ему: не могу болѣе работать по старости моей и пропитывать себя; попроси Господа, чтобы Онъ упокоилъ меня. — Не скорби, отвѣчалъ преподобный: ты сегодня умрешь. Вотъ тебѣ три сребреника на погребеніе. Такъ и случилось. Старица внезапно занемогла и, передавши слова преподобнаго собравшимся къ ней сосѣдямъ, мирно вздохнула въ послѣдній разъ.

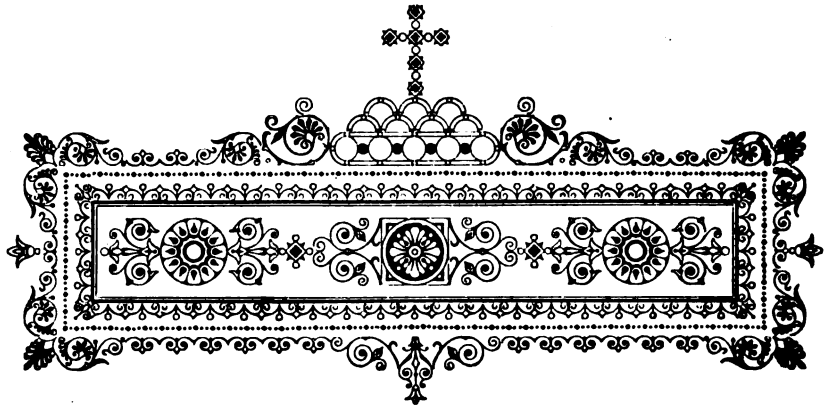
Но наконецъ, такъ много чудодѣйствовайшій и имѣвшій

даръ предвѣдѣнія, много пострадавшій отъ злыхъ людей, особенно отъ агарянъ, божественный Діонисій и самъ приблизился къ исходу своему отъ времени въ вѣчность, отъ земли—въ обители Отца небеснаго. Находясь въ монастырѣ Димитріадскомъ когда братія читали полунощницу, преподобный, совершенно уже изнемогшій въ силахъ, присѣлъ немного отдохнуть (Это было въ январѣ). По окончаніи полунощницы, служащій іеромонахъ подошелъ къ преподобному и, полагая, что онъ погрузился въ сонъ, тихонько тронулъ его. Болѣзненный старецъ не далъ отвѣта; а тотъ снова прикоснулся къ нему и почувствовалъ, что тѣло его безжизненно, и только слабое дыханіе проявляло еще не отлетѣвшую душу его. Пока окружавшіе заботились о предсмертномъ положеніи старца, онъ вдругъ произнесъ: слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ! Благодарю Тебя, Владычица, за Твою милость. На вопросъ братіи: какъ онъ чувствуетъ себя? святой Діонисій слабымъ голосомъ сказалъ, что душа его была уже внѣ тѣла, и онъ готовъ былъ явиться къ Богу; но, чувствуя еще необходимость въ покаяніи, просилъ Владычицу—дать мнѣ на то время, и—вотъ молитва моя услышана. Ведите же меня на Олимпъ, потому что тамъ долженъ я умереть. Желаніе его было исполнено. Впрочемъ, онъ не хотѣлъ окончить послѣдніе дни свои въ устроенной имъ киновіи, а просилъ проводить его на Голгоѣскую скалу, устроенную имъ въ память палестинской Голгоѣы, и тамъ собравшимся братіямъ объявилъ, что время его отшествія къ Богу уже наступило. Плачъ и слезы иноковъ о разлукѣ съ нимъ сильно потрясли старческое сердце. Передавъ имъ въ прощальной своей бесѣдѣ необходимыя условія къ достиженію царствія Божія, святой Діонисій распустилъ братію и оставилъ при себѣ только двухъ учениковъ. Черезъ три дня послѣ сего онъ удалился въ свой олимпійскій Елеонъ, чрезвычайно безмолвный и

пустынный; но скончался въ низменной своей пещерѣ, близъ киновіи, гдѣ первоначально жилъ по прибытіи на Олимпъ. Чрезвычайно трогателенъ послѣдній предсмертный завѣтъ преподобнаго къ братіи.— Живите по уставу Святой горы, говорилъ умирающій старецъ, и подвизайтесь по возможности и силамъ, и Господь не оставитъ васъ. Питайте другъ къ другу любовь, лобызайте странническую жизнь, смиреніе, молчаніе, молитву;— посты, преданные намъ святыми отцами, храните строго; всего же болѣе берегитесь демонскаго самочинія и непокорности: самочиніе горше всего! Кто въ киновіи будетъ имѣть какую-нибудь собственность — деньги или одежды, такового изгоняйте, какъ нечистую овцу, могущую заразить и прочихъ. Какъ можно чаще исповѣдуйте свои помыслы, зная, что, кто скрываетъ ихъ отъ духовника, тотъ позволяетъ гнѣздиться въ душѣ своей демонамъ. Если случится между кѣмъ неприязнь, — примиряйтесь прежде захожденія солнца, какъ повелѣваетъ Господь. Берегитесь праздности. Кто можетъ и не работаетъ, того по заповѣди Апостола (2 Сол. 3, 10), *не слѣдуетъ допускать къ трапезѣ*, а кто имѣетъ надобность идти изъ монастыря, тотъ пусть сказываетъ о томъ игумену. Если позволить онъ, хорошо; а кто уйдетъ тайно, на его душѣ грѣхъ, и онъ самъ виновенъ въ своей гибели. Изнемогающаго терпите и исправляйте, какъ свой собственный членъ; сходокъ по кельямъ— да избавитъ Богъ, а особенно да не входитъ никто въ связь съ молодыми. Вѣнецъ же всего — любовь къ Богу. Если исполните завѣтъ мой, — милостивъ Богъ: наградою за то будетъ царствіе Его. Если удостоюсь дерзновенія предъ Богомъ, и я съ своей стороны не оставлю васъ. А это узнаете изъ того, если многими трудами и потомъ устроенные мною монастыри придутъ въ совершенство. Видя сіе, знайте, что я получилъ дерзновеніе предъ Богомъ ходатайствовать о васъ.

Въ заключеніе онъ помолился о своихъ духовныхъ чадахъ, благословилъ ихъ и вслѣдъ затѣмъ чрезъ нѣсколько дней, а именно 24 января, мирно отшелъ ко Господу. Святое тѣло его было погребено въ церковномъ притворѣ, устроенномъ собственными его руками: а впоследствии, чрезъ нѣсколько лѣтъ, оно было открыто. Неизъяснимое благоуханіе понынѣ остается явнымъ свидѣтельствомъ благодатнаго проявленія славы, вѣнецъ которой въ свѣтлости святыхъ преподобный Діонисій прилъ отъ десницы Бога, прославляющаго славящихъ Его. Аминь.

Я Н В А Р Я 30.

**Страданіе святаго мученика
ΘΕΟΔΟΡΑ *).**

Слаженный Θεодоръ былъ родомъ изъ Митилина, имѣлъ жену и дѣтей. Однажды чѣмъ-то разгнѣванный, отрекся онъ Христа и принялъ магометанство; но потомъ, когда разсѣялось омраченіе и онъ пришелъ въ себя, раскаялся въ своемъ безумномъ дѣлѣ и, оставивъ свою родину, прибылъ на Святую гору. Здѣсь исповѣдалъ онъ одному духовнику свой грѣхъ и исполнилъ назначенную ему епитимію; затѣмъ былъ помазанъ священнымъ мвромъ, и такимъ образомъ причислившись къ словесному стаду Христову, сталъ подвизаться въ духовныхъ подвигахъ, и подвизался уже довольно времени. Но душа его, не имѣя полного покоя, не была довольна этими подвигами: она всегда стремилась къ другому, высшему подвигу, какъ бы требуя, чтобы омыто было кровію преступное отреченіе

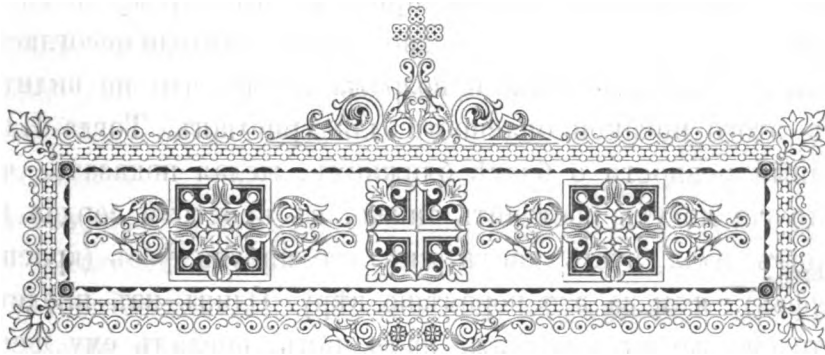
*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

его отъ Христа. Итакъ, блаженный, бывъ укрѣпленъ молитвою духовнаго своего отца, возвратился въ свое отечество, предсталъ предъ судьейю того мѣста и спросилъ его, кто обиженъ или осмѣянъ, тотъ можетъ ли имѣть право искать удовлетворенія? Разумѣется, можетъ, отвѣчалъ судья. Мученикъ сказалъ: я имѣлъ вѣру христіанскую, но, бывъ омраченъ діаволомъ, оставилъ ее и принялъ вашу. Теперь я пришелъ въ себя и вижу, что моя вѣра есть неподдѣльное и доброе золото, а ваша — ничтожный металлъ, и съ этимъ словомъ, снявъ тотчасъ съ головы своей повязку, бросаетъ ее предъ судьейю, а самъ надѣваетъ черную скуфью, которую имѣлъ за пазухой. — Что ты дѣлаешь, глупый? ты съума сошелъ? гнѣвно вскричалъ нечестивый судья. Нѣтъ, отвѣчалъ мученикъ, я нахожусь въ сознаніи и полномъ разумѣ. Судья еще нѣсколько разъ повторилъ ему тоже; но мученикъ опять отвѣчалъ, что онъ сознаетъ себя и весьма хорошо понимаетъ дѣло. Тогда судья велѣлъ заключить его въ темницу. Изъ темницы мученикъ двукратно выводимъ былъ на испытаніе, но тщетно. Такимъ образомъ, видя страстотерпца твердымъ и непоколебимымъ въ исповѣданіи Христовой вѣры, судья приговорилъ его къ смерти, а для исполненія надъ нимъ своего приговора, отослалъ его къ назіру Омеръ Агѣ, который, съ своей стороны, тоже употребилъ всѣ средства, чтобы привлечь святаго къ своему нечестію, но все было напрасно; почему блаженный преданъ былъ палачамъ для совершенія надъ нимъ смертной казни. Эти лютые звѣри, безъ всякой милости, били страстотерпца, нанесли ножемъ рану въ бокъ, сбросили съ крыльца и, наконецъ, повели его на мѣсто казни. Впереди всѣхъ шель глашатай и вопилъ, что всякій, отвергающійся правой вѣры, пострадаетъ такимъ же образомъ. Достигши мѣста казни, мученикъ сотворилъ молитву и, испросивъ прощенія у всѣхъ тамъ случившихся

христіанъ, самъ взошелъ на высокій камень, съ любовію облобызалъ веревку, которою имѣлъ быть удушенъ, и чрезъ нѣсколько минутъ блаженная душа его предстала престолу Вѣчной Правды. Честныя мученическія мощи были брошены въ море, но чрезъ нѣсколько дней море выбросило ихъ на берегъ; почему христіане, взявши у судіи позволеніе, честно погребли ихъ при храмѣ святаго Іоанна Предтечи. Потомъ, однакожь, не оказалось ихъ на своемъ мѣстѣ: искали ихъ, по напрасно, не найдены они и донынѣ, и никто не знаетъ, что съ ними сдѣлалось. Дивному же во святыхъ Своихъ Богу слава и держава во вѣки. Аминь.

Св. мученикъ Теодоръ пострадалъ въ 1784 году.

Я Н В А Р Я 31.

**Страданіе святаго преподобномученика
ИЛІИ АРДУНИСА *).**

Отечествомъ святаго преподобномученика Иліи было лежащее въ Морѣ селеніе Каламата. По занятію онъ былъ цырульникъ, но такъ какъ отъ природы обладалъ благоразуміемъ, былъ искусенъ въ обхожденіи съ людьми и опытенъ въ дѣлахъ житейскихъ: то всѣ представители того селенія имѣли къ нему уваженіе, всегда дружески обращались съ нимъ и нерѣдко пользовались его совѣтами. Однажды между представителями народа былъ разговоръ о различныхъ и весьма тяжкихъ повинностяхъ и безчисленныхъ притѣпеніяхъ, какія испытывали тогда покоренные Турками Морейскіе христіане. Сострадательный Илія, скорбя сердцемъ объ участи этихъ бѣдныхъ своихъ сожителей, пламенно желалъ убѣдить представителей народа въ томъ, что нужно всячески позаботиться объ облегченіи христіанъ отъ тяжкихъ податей, ибо можно опасаться, что многіе

*) Изъ Νέων Μαρτυρολόγιον.

изъ бѣдныхъ, во избѣжаніе притѣсненій, отрекутся своей вѣры и примутъ магометанство. Представители несогласны были съ мнѣніемъ Іліи и возражали ему, что не видится изъ этого никакой опасности для христіанъ. Тогда Ілія, полный ревности о благѣ ближнихъ, желая показать, что и другіе могутъ поступить также, въ простотѣ сердца говорить имъ: пусть дасть мнѣ кто нибудь фѣсь (красная скуфья), я и за это перемѣню вѣру. Одинъ изъ представителей, желая пошутить надъ нимъ, послалъ ему фѣсь; и Ілія, забывъ о ловительствѣ діавола и безсознательно поддавшись его коварной прелести, тотчасъ пошелъ къ мѣстному судѣ и отрекся христіанской вѣры. Такой неожиданный поступокъ Іліи причинилъ великую скорбь и печаль всѣмъ тамошнимъ христіанамъ. Спустя впрочемъ немного времени, онъ пришелъ въ самого себя, горько плакалъ и весьма сокрушался о своемъ безуміи, и желая загладить свое преступленіе и принести плоды достойныя покаянія, удалился отсюда на святую Аѳонскую гору—какъ спасительное пристанище всѣхъ обуреваемыхъ волнами житейскихъ напастей: съ великимъ сердечнымъ сокрушеніемъ исповѣдалъ онъ здѣсь нѣкому духовнику грѣхъ свой и съ любовію и усердіемъ исполнилъ назначенную ему епитимію, по исполненіи которой былъ помазанъ священнымъ муромъ, и такимъ образомъ сопричисленъ къ словесному стаду Христову. Сдѣлавшись снова овцою стада Христова, онъ уже не хотѣлъ отдавать жизни своей суетному міру, но рѣшился посвятить ее исключительно Богу, и потому принялъ на себя иноческій образъ. По принятіи ангельскаго образа, восемь лѣтъ провелъ онъ въ дивныхъ аскетическихъ подвигахъ, но помня слова Господа и Спасителя нашего: *иже отвержется Мене предъ людьми, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесахъ* (Мат. 10, 33), никогда не имѣлъ полного мира въ душѣ и покоя въ совѣсти, почему

открылъ духовнику своему, что онъ имѣеть намѣреніе и желаніе смыть свое преступленіе не слезами только, но и кровію своею. Духовникъ, похваливъ его намѣреніе, совѣтоваль ему отправиться въ Каламату и съ дерзновеніемъ исповѣдать Христа тамъ, гдѣ Его отвергся. Итакъ, взявъ благословеніе отъ духовнаго отца своего и напутствуемый его молитвами, онъ оставилъ Святую гору и скоро прибылъ въ Каламату. Прибывъ сюда, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи мѣстнымъ духовникамъ: но они, боясь за него, останавливали его отъ такого предпріятія. Не смотря на то, Иліа, твердо уже рѣшившійся на мученической подвигъ, презрѣлъ всякій страхъ, началъ ходить по улицамъ и базарной площади съ намѣреніемъ, чтобы тамъ замѣтили его турки. Сначала они не узнали его; когда же онъ прошелъ по улицѣ дважды и трижды, признали въ немъ прежняго своего собрата и стали кричать вслѣдъ ему: не ты ли это Мустафа Ардунисъ?—Да, говоритъ имъ тогда святой съ дерзновеніемъ, это я, но только не Мустафа, а Иліа и христіанинъ православный,—и безъ всякой боязни началъ поносить ихъ вѣру и проповѣдывать Христа Богомъ истиннымъ. Услышавъ это, нечестивцы схватили его и послѣ довольныхъ побоевъ, представили судѣ, свидѣтельствуя, что этотъ человѣкъ самъ добровольно принялъ нашу вѣру, даже просилъ насъ о ней, а теперь безчестить ее. Такъ какъ мученикъ и на вопросъ судьи о его вѣрѣ отвѣчалъ ему тоже, что и представившимъ его, то, по повелѣнію судьи, ввергнуть былъ въ темницу и узы, чтобы тамъ могъ лучше размыслить о себѣ. Когда въ тяжкомъ томъ заключеніи провелъ онъ нѣсколько дней, его опять представили предъ судью для вторичнаго испытанія. Но видя бесплодность всѣхъ усиленныхъ стараній, нечестивый судья рѣшилъ мученика сжечь; почему палачи тотчасъ же схватили его и повели на мѣсто казни, гдѣ все было уже го-

тово. Исполнители казни бросили его въ пламя, но, о чудо! огонь не коснулся ни рясы страстотерпца, ни даже волосъ его: дрова и все прочее сгораемое вещество испепелилось, а мученическое тѣло осталось цѣло и безъ всякаго поврежденія; душа же Иліи между тѣмъ ликовала уже въ горнихъ селеніяхъ, предстоя престолу Всевышняго. Такимъ образомъ ратоборець Христовъ, Илія, припалъ отъ Него вѣнецъ мученичества. Вечеромъ стрегущіе мученическое тѣло ясно видѣли снишедшій съ небеси и окружившій его свѣтъ. Видя это, агаряне говорили: такъ какъ огонь нашъ не сжегъ его, то вотъ Самъ Богъ послалъ огонь съ неба для сожженія. Христіане выкупили у мучителей святія мощи, издававшія изъ себя неизреченное благоуханіе и погребли ихъ честно и благоговѣнно въ церкви, а святую главу отдѣливъ отъ нихъ, съ благоговѣніемъ положили въ одномъ монастырѣ того мѣста, называемомъ Вурканонъ, гдѣ отъ нея и до нынѣ совершаются дивныя и преславныя чудеса. Тогда же благочестивый дидаскаль каламатскій Діонисій получилъ себѣ въ освященіе отъ мученическаго тѣла ребро, отъ коего тоже совершилось много чудесъ, во славу святаго мученика и Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

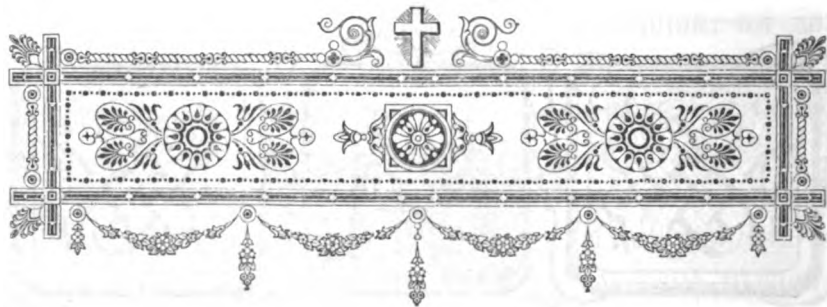
Святый преподобномученикъ Илія пострадалъ въ 1686 г.

Ф Е В Р А Л Я 1.

**Память преподобнаго отца нашего Василия,
архієпископа солунскаго.**

Святый Василій, ученикъ и постриженецъ преподобнаго Евѣимія Θεссалоникскаго, былъ родомъ изъ Аѳинъ, подвизался на святой Аѳонской горѣ и въ другихъ мѣстахъ съ преподобнымъ Евѣиміемъ, который на третій день по постриженіи, по особенному откровенію, предсказалъ ему, что онъ будетъ епископомъ; скончался мирно въ IX вѣкѣ. Въ греческомъ синаксарѣ онъ называется исповѣдникомъ. (Смотри подробно въ житіи препод. Евѣимія октября 14).

Ф Е В Р А Л Я 8.

Память преподобнаго отца нашего Саввы II-го, архіепископа сербскаго *).

Преемникъ св. Арсенія, архіепископа сербскаго, Савва II былъ младшій сынъ первовѣнчаннаго краля сербскаго Стефана и племянникъ великаго Саввы, перваго архіепископа сербскаго.

Предславъ, такъ назывался онъ въ міру у Сербовъ, возревноваль идти по слѣдамъ святаго дяди своего и еще въ молодости принялъ иночество. Онъ ходилъ въ Іерусалимъ и тамъ прожилъ не малое время, потомъ подвизался на Аѳонѣ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ преподобнымъ Іоанникіемъ, который наслѣдовалъ по немъ и архіепископскій престоль его **). На святой Аѳонской горѣ имъ пришлось много потерпѣть бѣдъ и претѣсеній отъ разорявшихъ тогда оную латиняпъ, изгнанныхъ изъ Царьграда греками и поселившихся въ Македоніи въ предѣлахъ Святой горы ***). По возвращеніи его въ отчизну, блаженный Арсеній, чувствуя

*) Святыя южныхъ славянъ, Филарета архіеписк. черниг. Животи кральева и архіепископа сербскихъ. Даничичъ. Загребъ 1866.

***) Память его мая 28.

***) Сравни. повѣсть о нашествіи на Святую гору папистовъ — октября 10.

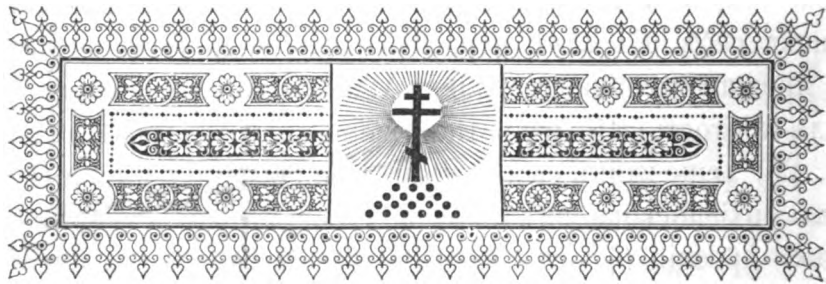
свою старость и тяжкую болѣзнь, посвятилъ его въ преемника себѣ. Въ санѣ первосвятителя подражалъ онъ жизни предшественниковъ своихъ. Любимою добродѣтелию его была кротость. По извѣстію о первосвятителяхъ (Гласникъ VI, 28) „еще живъ сый святой сей (Арсеній) постави Серблемъ архіепископа вмѣсто себе Савву втораго.“ Такъ какъ блаж. Арсеній († окт. 28, 1266 г.) 3 года предъ смертію былъ боленъ: то конечно не позже 1263 г. Савва посвященъ былъ въ архіепископа Арсеніемъ. Блаж. Савва почилъ въ началѣ 1267 года *). Св. Савва покоится въ Цекской обители, вблизи св. Арсенія. Сербская церковь поетъ ему: „Изъ корене благаго благая отрасль прозяблѣ еси, Божія разума водами напаяемъ, тѣмъ и плодъ благоуханенъ явился еси житіемъ отъ юности, веселя сердца и души поющія тя **).

(Память святителя совершается вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ августа 30).

*) Въ „Лѣтописи“ архим. Арсенія (Сиб. 1880) время кончины св. Саввы показано 12 февраля, 1267 г (479).

**) Служба св. Саввѣ въ Серблягѣ. 1861 г.

Ф Е В Р А Л Я 13.

**Память преподобнаго
СИМЕОНА МУРОТОЧИВАГО,
ктитора хиландаря.**

Преподобный отецъ нашъ Симеонъ былъ царемъ Сербіи; но, презрѣвъ всю суетную славу міра сего, удалился во святую Аѳонскую гору, гдѣ сначала вступилъ въ братство обители Ватопедской; а потомъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, преподобнымъ Саввою, они устроили для своего рода славную обитель Хиландарскую. Смотри о немъ въ житіи святаго Саввы, архіепископа Сербскаго, января 14.

Прилагаемъ здѣсь и слово св. Саввы о жизни Преподобнаго Симеона отца его *), сказанное братіи Студеницкаго монастыря, ктитормъ котораго былъ преп. Симеонъ.

**Слово св. Саввы Сербскаго Архіепископа
о наслѣдованіи сего святаго монастыря
Студеницы преподобнымъ нашимъ отцемъ
и ктитормъ господаремъ Симеономъ и
о его жизни.**

Да будетъ вамъ извѣстно, братіе, что на пустынномъ мѣстѣ, гдѣ находится этотъ нашъ монастырь, прежде про-

*) Изъ книги Шафарика: Drevního písemnictví jihoslovansk. U Praze. 1873.

изводилась охота за звѣрями. Когда однажды припелъ сюда на охоту нашъ господинъ Стефанъ Неманя, самодержецъ, владѣтель всей Сербской земли, заблагоразсудилось ему въ этомъ пустынномъ мѣстѣ создать этотъ монастырь для успокоенія и умноженія иноковъ. Сего треблаженнаго поистинѣ нашего господина и отца Стефана Неманю, да будетъ извѣстно всѣмъ намъ и другимъ, Самъ Богъ, творящій все къ добру для людей, не хотя погибели человеческой, поставилъ владѣтелемъ всей Сербской земли. Онъ возобновилъ прародительское наслѣдiе и его еще болѣе утвердилъ, благодаря Божiей помощи и своей, данной ему отъ Бога, мудрости; онъ возстановилъ падшую свою дѣдину и занялъ отъ Поморской земли область Зету съ городами, — отъ Рабна—обѣ половины мѣстности Пилота и отъ Греческой земли — Патьково, все Хвостенское поле, мѣстности по рѣкѣ Дриму, Кострець, Держковину, Ситницу, Лабъ, Липланъ, Глубочицу, Рѣкѣ, Ушну, мѣстности по рѣкѣ Моравѣ, Загрелату, Лѣвче, Вѣлицу. Всѣ эти мѣстности—часть его дѣдины, утерянной въ старину вслѣдствiе насилiй, онъ своею мудростию и своими трудами приобрѣлъ и сдѣлалъ достоянiемъ Сербской земли. Когда, во время его владычества, Божiимъ поспѣшенiемъ, повсюду царили миръ и тишина, онъ, поистинѣ дивный, былъ грозою для всѣхъ живущихъ вокругъ его: его обладанiе Сербскою землею, продолжавшееся 37 лѣтъ, было безопасно и никѣмъ невреденно.

Какъ мы назовемъ его? Властителемъ ли, или лучше наставникомъ? Ибо онъ утвердилъ и вразумилъ сердца всѣхъ и научилъ, какъ подобаетъ православнымъ христiанамъ содержать правую вѣру въ Бога; онъ прежде всего собою представлялъ примѣръ благочестiя, а потомъ и другихъ наставлялъ; онъ освятилъ церкви, построилъ монастыри,—съ наслажденiемъ слушалъ епископовъ, почиталъ

священниковъ и къ монахамъ имѣлъ великое почтеніе и любовь; онъ былъ надеждою для безнадежныхъ, заступникомъ бѣдныхъ, кормителемъ нищихъ; онъ одѣвалъ нагихъ и вводилъ въ свой домъ, воспитывалъ сиротъ, защищалъ вдовицъ, былъ поистинѣ матерью для слѣпыхъ, хромыхъ, немощныхъ, глухихъ и нѣмыхъ—просто сказать: онъ роздалъ все свое имѣніе; это былъ второй Авраамъ страннопріимецъ, земной ангелъ, небесный человѣкъ. Потому-то и Богъ возвеличилъ его и даровалъ ему имя паче всякаго имени: ему всѣ народы поклонились. Мало того, онъ самъ построилъ монастыри: 1) св. Николая въ мѣстности Теплицъ; 2) Пресвятой Богородицы тамъ же; потомъ 3) св. Георгія въ мѣстности Расѣ; во всѣхъ этихъ монастыряхъ онъ устроилъ подобающій порядокъ. Наконецъ, онъ же построилъ и сей нашъ святой монастырь въ честь Пресвятой Владычицы нашей Блудѣтельницы Богородицы со всѣми малыми и великими принадлежностями: далъ ему села со всѣми правами надъ ними, съ иконами, дорогими сосудами, книгами, ризами, занавѣсями, что все записано въ его грамотѣ съ золотою печатью и на стѣнѣ въ церкви. При этомъ онъ клятвою запретилъ, чтобы никто не нарушилъ его завѣщанія, какъ услышите впереди.

2) Съ Божіей помощью и своими трудами пріобрѣтши все это, пользуясь, по Божіему поспѣшенію, отовсюду миромъ и тишиною, св. Симеонъ (въ мѣрѣ Стефанъ) пожелалъ породниться съ великимъ греческимъ царемъ Алексѣемъ Комниномъ и взялъ его дочь въ жену для своего благороднаго возлюбленнаго сына Стефана, котораго призналъ своимъ преемникомъ. Сей благовѣрный и христілюбивый пречестный старецъ (Симеонъ) подвизался, чтобы въ день страшнаго суда быть причислену къ числу угодившихъ Богу и получить райское оное и неизреченное жилище. При такомъ настроеніи, онъ въ особенности желалъ при-

нять Ангельскій и Апостольскій образъ и ревностно старался послѣдовать Господнимъ словамъ: „*возьмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обратите покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть*“ (Матѣ. 11, 29—30). Въ писаніи же говорится: любви Божія связана съ вѣрою вѣрныхъ; вѣрѣ блаженнаго сего старца особенно соотвѣтствовало изреченіе: „любяй отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже не приметъ креста своего и по Мнѣ грядеть, нѣсть Мене достоинъ: всякъ бо, иже оставитъ домъ, или села, или имѣніе, или жену, или дѣтей, или братьевъ, или отца, или мать имени Моего ради, сторицею приметъ и животъ вѣчный наслѣдить.“ Это желая воспріять, боголюбивый отецъ нашъ и ктиторъ постоянно молился Премилостивому Владыкѣ не лишитъ его желаемаго.

Въ теченіе своего тридцати-семи-лѣтняго владычества, онъ непобѣдимо и невредимо сохранилъ свою державу и свое могущество; своихъ благородныхъ дѣтей воспиталъ въ благовѣрїи и чистотѣ. Но мы не описали по порядку всего, что видѣли и слышали, избѣгая многословія; впрочемъ, одинъ Богъ знаетъ, да и отъ людей не скрыто, сколь великъ былъ трудъ сего блаженнаго мужа ради насъ и людскаго невѣжества: этотъ нашъ учитель имѣлъ мудрость Соломона, кротость Давида и цѣломудріе Іосифово; онъ былъ дивенъ и страшенъ, владыка владѣющихъ и господинъ господствующихъ — просто сказать: подобнаго ему нѣтъ.—Итакъ изложу о семъ вкратцѣ, чтобы слово не вышло пространнымъ.

3) Когда исполнился 37-й годъ его управленія государствомъ, премилостивый Владыка не презрѣлъ его искренняго моленія, но какъ щедрый, милостивый и мздовоздаятель хотеть, чтобы всѣ спаслись. Когда наступилъ этотъ

годъ, прозорливый сей мужъ (Симеонъ) счелъ за ничто всю славу и почести сего міра и вся красота сей временной жизни показалась ему дымомъ; любовь же его ко Христу возрастала и его сердце воспламенялось, что уже уготовано ему жилище и пречистое вмѣстилище святой его души; Христосъ внушилъ ему это и наставилъ. И вотъ созываетъ онъ къ себѣ своихъ благородныхъ дѣтей и всѣхъ избранныхъ бояръ малыхъ и великихъ; когда они собрались, онъ сталъ говорить слѣдующее наставленіе: „возлюбленные мои дѣти, мною воспитанныя! Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ Богъ, по Своему Промыслу, поставилъ меня властвовать надъ вами; извѣстно и то, каковою униженною нашелъ я вначалѣ землю нашу, но помощію Бога и Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, я сколько могъ трудился и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не привелъ все въ порядокъ; и при Божіемъ содѣйствіи, я увеличилъ вашу землю въ длину и ширину, что всѣмъ извѣстно. До сего времени я всѣхъ, какъ и своихъ дѣтей, воспиталъ и научилъ, какъ надлежитъ содержать православную вѣру; многіе иноплеменники возставали на меня и обступали меня, какъ пчелы сотъ, но именемъ Господнимъ я оказывалъ имъ сопротивленіе и одолѣвалъ ихъ. Посему и вы, мои возлюбленные дѣти, не забывайте ученія и правовѣрнаго закона, мною установленнаго: ибо, сохраняя сіе, вы будете имѣть себѣ помощникомъ Бога и Пресвятую Госпожу Богородицу, а я буду возносить Имъ свою грѣшную молитву о васъ; теперь же меня — своего владыку вы отпустите съ миромъ, да узрятъ очи мои спасеніе Господне, которое Онъ уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ людей, свѣтъ въ откровеніе народамъ—и въ славу вамъ—моей паствѣ: ибо я вижу, какъ все человѣческое суетно и по смерти не остается; не вѣчны ни богатство, ни слава, — приходитъ смерть и все уничтожаетъ. Итакъ, всеу хлопочемъ. Путь,

по которому идемъ, кратокъ; жизнь наша—дымъ и парь, земля и прахъ: только что явится и сейчасъ исчезаетъ. Посему, все, поистинѣ, суета. Жизнь сія тѣнь и сонъ, и человѣкъ хлопочетъ изъ за пустяковъ, какъ сказано въ писаніи: „егда и весь міръ пріобрящемъ, во гробъ вселимся, идѣже купно паріе и убози.“ Итакъ, дѣти мои возлюбленныя, скоро отпустите меня пойти увидѣть утѣшеніе Израилево.“ Такъ увѣщавалъ ихъ добрый господинъ и благий пастырь, а тѣ всѣ навзрыдъ рыдали и говорили: „не оставляй насъ сиротами, господине! мы тобою были просвѣщены, тобою научены; ты просвѣтилъ насъ, пастырь добрый, полагавшій свою душу за овцы: ибо никогда не была похищена волкомъ овца изъ предавнаго тебѣ Богомъ стада паствы твоей; въ теченіе твоего тридцати семи-лѣтняго владычества, мы были тобою соблюдены и воспитаны; другаго господина и отца, кромѣ тебя, нашъ владыка, мы не знаемъ“.

4) Блаженный же сей старецъ увѣщавалъ ихъ своими мудрыми рѣчами, какъ отецъ, чтобы они перестали плакать и проливать слезы. По Божию изволенію, онъ избралъ благороднаго своего и любезнаго сына Стефана Неманю, Богомъ вѣнчаннаго зятя греческаго царя Алексѣя, своимъ преемникомъ и сего имъ далъ, говоря: „имѣйте его вмѣсто меня; это добрая отрасль, происшедшая отъ меня; его я и возвожу на престолъ данной мнѣ Христомъ области.“ Онъ самъ вѣнчалъ своего преемника и, благословивъ его, подобно тому, какъ Исаакъ благословилъ своего сына Іакова всякимъ благословеніемъ, онъ началъ наставлять его, чтобы онъ содѣйствовалъ всему доброму въ своемъ государствѣ, чтобы былъ благосердымъ къ народу христіанскому — этой, Богомъ упасенной, его паствѣ, которую онъ ему вручилъ съ слѣдующими словами: „чадо мое любезное! паси сего моего Израиля: прилежно заботься

о немъ и руководи его, какъ Іосифъ овча.“ Заповѣдалъ онъ ему заботиться о церквахъ и о служащихъ въ нихъ, съ наслажденіемъ внимать слову святителей и священнослужителей Церкви, почитать іереевъ и благодѣтельствовать инокамъ, чтобы они молились за него. „Да не будетъ тебѣ упрека ни въ чемъ ни предъ Богомъ, ни предъ людьми.“

Точно также и другаго своего благороднаго и любезнаго сына, князя Волкана онъ благословилъ и поставилъ его великимъ княземъ, давъ ему въ управленіе достаточную область; онъ преподалъ ему наставленіе, и затѣмъ, поставивъ обоихъ сыновъ предъ собою, добрый отецъ говорилъ имъ: „сыновья мои! не забывайте моихъ законовъ, но да сохраняетъ ваше сердце мои слова, и приложатся вамъ мирная лѣта живота: не оставляйте дѣлъ милости и благочестія: привяжите это къ вашей выѣ и напишите на скрижаляхъ вашихъ сердець и обрящете благодать; думайте о добрѣ предъ Богомъ и людьми; уповайте всѣмъ сердцемъ на Бога, а своею мудростію не возносите; смотрите, чтобы всѣ ваши пути, по которымъ вы ходите, были правы, и ноги ваши не будутъ претыкаться; не будьте высокаго мнѣнія о себѣ, но бойтесь Господа и уклоняйтесь отъ всякаго зла: тогда будетъ исцѣленіе вашего тѣла; чтите Господа своими праведными трудами и давайте Ему начатки своихъ праведныхъ плодовъ, и обильно наполнятся ваши житницы пшеницею и ваши точила будутъ источать вино. Сыновья мои! не изнемогайте, будучи наказуемы Господомъ и не ослабѣвайте, будучи Имъ обличаемы: „егоже бо любитъ Господь, наказуетъ и бьетъ всякаго сына, сгоже приѣмлетъ;“ блаженъ человекъ, который найдетъ премудрость, и смертный, который увидѣлъ разумъ: ибо лучше пріобрѣтать первую, нежели сокровища золота и серебра; она драгоцѣннѣе многоцѣннаго камня; ей ничто лукавое не противустоитъ; она сладка для

всѣхъ, приближающихся къ ней; все же дорогое ничего не стоитъ, потому что долготѣ жизни и лѣта живота въ ея десницѣ, а богатство и слава въ шуйцѣ ея; изъ ея устъ исходитъ правда, несущая въ народѣ законъ и милость; ея пути добры и всѣ стези ея безопасны. Это дерево жизни для всѣхъ, держащихся ея, опирающихся на нее, какъ на нерушимую стѣну — Господа. Даю же вамъ сию заповѣдь: любите брать брата и не имѣйте между собою никакой злобы. Ты (Волканъ) повинуйся и будь послушенъ сему твоему брату, мною и Богомъ поставленному на мой престоль. А ты (Стефанъ), властвуя не уничижай своего брата, но относись къ нему съ почетомъ; кто не любитъ своего брата, не любитъ Бога; Богъ любви есть: посему любящій Бога и брата своего любить; въ этомъ весь законъ; онъ преподавъ Апостолами; ради него были вѣнчаны Мученики, въ немъ и Пророки вѣсятъ. Итакъ, если хотите и послушаете меня, блага земли получите; если же не захотите и не послушаете меня, оружiе истребитъ васъ. Да будетъ же вамъ, мои любезные сыновья, миръ отъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Духъ Божій да почитъ на васъ, укрѣпляя и защищая васъ отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и наставляя на путь мира. — И вамъ, начальники и бояре мои, миръ да будетъ. — И вамъ молодымъ, которыхъ я воспиталъ со дня вашего рожденія, да будетъ миръ. Миръ да будетъ всѣмъ вамъ — словесное стадо Христово, которое было предано мнѣ Богомъ; я упасъ васъ, сохранилъ невредимыми, какъ пастырь добрый, полагающій свою душу за васъ. Итакъ, умоляю васъ, мои любезныя дѣти — богатые и бѣдные, старые и молодые, храните наставленіе мое — вашего отца: Бога бойтесь, Царя чтите, церкви украшайте, чтобы и онѣ васъ украсили, епископовъ слушайте, іереевъ уважайте и къ монашескому чину имѣйте почтеніе, чтобы они молились

за васъ. Пребывая въ правдѣ и любви между собою, не забывайте о милостынѣ. Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любви Бога и Отца и причастіе Св. Духа буди со всѣми вами. Аминь.“

5) Послѣ этого, онъ, какъ мы уже выше сказали, передалъ имъ своего любезнаго сына Стефана Неманю, чтобы онъ управлялъ ими, и самъ сталъ удаляться отъ народа; народъ плакалъ и рыдалъ, видя удаленіе такого владыки и пастыря, плакалъ и рыдалъ такъ, словно „гласъ въ Рамѣ былъ слышанъ, Рахиль плачущися о чадѣхъ своихъ и немогущи утѣшиться.“ Поистинѣ, я недоумѣваю, какъ назвать его: добрымъ ли господиномъ, учителемъ ли правовѣрія, добрымъ ли отцемъ, или пастыремъ, который упасъ вѣрою преданное ему стадо, просвѣтителемъ ли церковей и учителемъ благонравія, постоянно пребывающимъ въ молитвѣ, нищелюбцемъ ли и ихъ преизобильнымъ служителемъ, наставникомъ ли правовѣрія, учителемъ благовѣрія и свѣтиломъ чистоты вселенной? исполненнымъ ли вѣры и образцомъ кротости и наставникомъ поста? наставникомъ ли премудрости, подателемъ разума и карателемъ безумныхъ? соблювшимъ ли свое стадо, или премудрымъ отвѣтчикомъ для всѣхъ, кругомъ его живущихъ? Воистину, все это было въ немъ: онъ былъ исполненъ премудрости и разума, и Божія благодать почивала на немъ.

Послѣ всего этого, да будетъ всѣмъ вѣдомо дѣло сего премудраго и дивнаго мужа.

Благословивъ свой народъ, онъ оставилъ данное ему Богомъ владычество и все многое другое прекрасное, такъ какъ было угодно Христу Богу и Пресвятой Владычицѣ и Господжѣ Богородицѣ удовлетворить неисповѣдимое его святое желаніе. Раздавъ все свое имѣніе нищимъ, онъ оставилъ свое владычество, своихъ дѣтей и свою супругу первобрачную (во второй бракъ онъ не вступалъ) и приобщился

къ неизреченному честному Ангельскому и Апостольскому образу — монашескому малому и великому; имя ему было дано Симеонъ. Это было 25 марта въ праздникъ Благовѣщенія въ 6703 г. (т. е. 1195 году). Въ тотъ же самый день и жена его Анна, владѣтельница всей Сербской земли, приняла святой монашескій образъ, и дано было ей имя Анастасія. Когда все это было совершено, отецъ нашъ (Симеонъ) пришелъ въ нашъ монастырь Пресв. Богородицы, который имъ и построенъ, а госпожа Анастасія отправилась въ монастырь Пресв. Богородицы въ мѣстности Расѣ. Предивный и блаженный отецъ нашъ и ктиторъ, Симеонъ пребывалъ у насъ во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ, преуспѣвая и уча всѣхъ бывшихъ около него духовнымъ подвигамъ такими словами: „возмите иго Мое на себе, и научитесь отъ Мене, я кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ. — Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть“ (Матѣ. 11, 29 — 30). Поистинѣ, отецъ нашъ Симеонъ исполнилъ написанное въ Евангелїи: продалъ все, что имѣлъ и купилъ одинъ бисеръ — безцѣннаго Христа, ради Котораго все это совершивъ, тѣмъ самымъ уподобился тому юношѣ, которому Спасъ Христосъ далъ сію заповѣдь: „аще хоцещи спасенъ быти, иди раздай все имѣніе свое нищимъ, возми крестъ свой и по Мнѣ гряди.“

Все это исполнивъ, блаженный старецъ, въ теченіе своего двухлѣтняго пребыванія въ семъ нашемъ монастырѣ, умножилъ стадо Христова иноческаго чина и возжелалъ взойти на высшую духовную степень, такъ какъ въ Писанїи сказано: удалитесь изъ мѣстъ своей родины, потому что никакой Пророкъ не бываетъ принятъ въ своемъ отечествѣ. Поэтому-то боголюбивый Симеонъ пожелалъ выйти отсюда и отправиться въ странствованіе, чтобы выполнить собою все сказанное въ Писанїи: надѣющіеся на

Господа уподобились святой горѣ, которая не подвергается вражескимъ нападеніямъ. Собственно ради сей причины, онъ пожелалъ выйти. Сообщу вкратцѣ и о другомъ.

б) Сей блаженный господинъ нашъ Симеонъ имѣлъ три сына; самый меньшей (не могу назвать себя сыномъ, но рабомъ), котораго онъ всего больше любилъ, былъ неотступно при немъ и ему работалъ. Будучи самымъ меньшимъ и, просто сказать, видя немощь своего естества и умноженіе грѣховъ, я, подобно блудному сыну, оставилъ добраго отца и добрую мать и благородныхъ своихъ братьевъ и господъ и какъ безумный, ушелъ далеко въ чужую сторону; питаюсь вмѣстѣ съ свиньями и не насыщаюсь ихъ пищею, я былъ мертвъ и не оживалъ, былъ погибшимъ и не обрѣтался. Поэтому блаженный отецъ Симеонъ, яко добрый пастырь, пожелалъ отправиться въ Святую гору, чтобы поискать заблудшую овцу и взявши ее на рамена, принести къ своему хотѣнію, и затѣмъ принять награду отъ Бога за удаленіе отъ родныхъ, и тѣмъ удовлетворить желаніе своего сердца. Возгорѣвъ духомъ, онъ такъ молился Богу: Царю славы, Единый, безсмертный Отецъ неба и крѣпости, хотящій, по промыслу Своей благости, чтобы ни одинъ человѣкъ не погибъ, но чтобы всѣ спаслись, не допусти погибнуть мнѣ; вѣмъ бо, яко милость Твоя велика есть на мнѣ. И нынѣ молю Тебя, Владыко, дай мнѣ сіе теченіе жизни окончить.“ И сказавъ это, онъ послалъ за Богомъ данными ему двумя сыновьями. Когда они вмѣстѣ съ властями и боярами собрались, онъ (Симеонъ) далъ имъ второе благословеніе, и отправился оттуда на Святую гору въ мѣсяцѣ октябрѣ, въ 8-й день, въ 6706 (т.-е. 1197) году; а оставшемуся въ Богомъ данной ему державѣ своему сыну и господарю повелѣлъ, кромѣ другихъ заповѣдей, заботиться о семъ нашемъ монастырѣ и приняться за его пристройку. Уходя, блаженный нашъ отецъ и ктиторъ

Симеонъ поставилъ игуменомъ сего святаго мѣста преподобнаго мужа іеромонаха Діонисія и заповѣдалъ ему заботиться о нуждахъ Христова стада, что въ семь святомъ мѣстѣ.

7) Блаженный Симеонъ 2 числа мѣсяца ноября прибылъ въ св. гору. Богоносные и преподобные отцы, живущіе въ Святой горѣ, приняли его съ радостію и великими почестями. Прежде всего онъ поселился въ монастырѣ Ватопедѣ, гдѣ и нашель желаемое—свою заблудшую овцу *); облобызавъ его, взялъ его на свое рамо, какъ подобало, и взялъ на службу себѣ. Пробылъ здѣсь блаженный не долго и пожелалъ найти мѣсто спасенія всѣмъ приходящимъ отовсюду, подобно тому, какъ здѣсь оправдалъ свое царство (земное), выпросилъ у греческаго царя Алексѣя, своего свата, пустынное мѣсто въ Святой горѣ на устройство монастыря. И взялъ онъ меня грѣшнаго изъ монастыря Ватопеда въ то мѣсто, гдѣ мы оба и поселились. Пробылъ со мною преподобный отецъ нашъ въ Святой горѣ одинъ годъ и пять мѣсяцевъ. Кто можетъ исповѣдать подвиги и труды сего блаженнаго? Дѣйствительно, всѣ живущіе въ окрестныхъ мѣстностяхъ удивлялись ему, видя на немъ неизреченное Божіе снисхожденіе, и приходили къ нему за благословеніемъ; священныя, богобоязненныя и христіюбивыя монахи Святой горы и весь освященный церковный причтъ неразлучно при немъ были, дивясь великому смиренію и образу кротости, наставнику поста и послѣдователю слова святаго Евангельскаго ученія: „хотяй болій быти, да будетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга; аще не будете, яко дѣти незлобивы, не внидете въ царствіе небесное,“ и опять: „блаженны нищіе духомъ, ибо тѣхъ есть царствіе небесное; блаженны плачущіе здѣсь, ибо тамъ наследуютъ царство небесное; блженны алчущіе и жажду-

*) Т.-е. св. Савву.

щіе здѣсь, ибо тамъ насытятся; блаженны милостивые здѣсь, ибо тамъ помилованы будутъ; блаженны чистые сердцемъ, ибо всегда Бога узрять“ и проч. Все это исполнилъ блаженный отецъ нашъ и ктиторъ Симеонъ и ни въ какомъ отношеніи не былъ зазоренъ, но получилъ спасеніе съ живущими Христа ради. Прибывъ къ чуднымъ деревьямъ нивы спокойствія, онъ тамъ нашелъ плоды, и птицы сладко пѣли тамъ; здѣсь онъ провелъ мирную безмятежную и богоугодную жизнь. Святая гора — доброе пристанище укоренилась въ правовѣрїи и свѣтло сіяла, какъ чудное дерево, и среди себя приняла, какъ сладкопѣсненную птицу и любящихъ пустыню горлицъ, нѣкоего желаннаго монаха, милое утѣшеніе христороливному старцу, имъ воспитанную овцу, вѣтвь отъ его плода и цвѣтокъ отъ его корня; здѣсь и благовоніе; онъ пожелалъ и воистину почилъ на чудной пажити, на которой птица пѣла разными головами, гдѣ насыщался пятью чувствами мудрецовъ: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Пришелъ онъ въ ту святую пажить (Святую гору) изъ своего отечества и нашелъ нѣкогда бывшій монастырь, по имени „Милея“ во имя Введенія во храмъ Пресвятой и Преславной Владычицы Богородицы, совершенно разоренный безбожными воинами, и потому принялъ на себя новый лучший подвигъ, потрудилъ свою старость и меня недостойнаго, котораго имѣлъ своимъ работникомъ: и какъ здѣсь (Студеницу) возобновилъ и устроилъ все, такъ и то святое мѣсто (Хиландарь) воздвигъ, чтобы и тамъ въ будущей жизни Богъ не лишилъ обновленія, памяти и прибѣжища; собравъ достаточное число монаховъ, поставилъ начальникомъ надъ ними нѣкоего преподобнаго мужа монаха Меодія; онъ все здѣсь привелъ въ порядокъ, что необходимо для монастыря и живущихъ въ немъ; пробылъ тамъ восемь мѣсяцевъ, совершая подвиги и неизглаголан-

ныя духовныя усовершенствованія, которыхъ умъ человѣческій не можетъ высказать. И не только тому монастырю, но и всей Святой горѣ и всѣмъ ея монастырямъ онъ далъ преизобильную милостыню на поминованіе себя и всѣхъ его потомковъ.

8) Седьмаго числа мѣсяца февраля его честная старость стала нѣсколько ослабѣвать. И вотъ тотчасъ блаженный старецъ Симеонъ тихо подозвалъ меня недостойнаго и униженнаго и началъ говорить мнѣ святыя, честныя и сладкія слова: „чадо мое, сладкое утѣшеніе моей старости! тщательно внимай моимъ словамъ и не оскудѣютъ источники твоей жизни; сохрани ихъ въ своемъ сердцѣ, потому что они суть жизнь для всѣхъ, ихъ обрѣтающихъ; особенно храни свое сердце, ибо здѣсь источники жизни; да не будутъ твои уста строптивы и готовы на обиду; глаза твои пусть прямо смотрятъ и вѣжди твои да поднимаются праведно; ходи право своими ногами, исправляй свои пути, не уклоняйся ни на право, ни на лѣво: правые пути знаетъ Богъ, а пути неправыя развращенны; право дѣлай свое ученіе и твое хожденіе да будетъ въ мирѣ. Сынъ! внимай моей мудрости, услышь мои слова и сохрани мою добрую мысль; я говорю тебѣ, что чувствую: храни, сынъ мой, законъ твоего отца, не оставь наставленія твоей матери; послушай теперь меня, сынъ мой, и будешь счастливымъ: ибо блаженъ мужъ, который послушаетъ меня и счастливъ человѣкъ, который сохранитъ мои пути; не присоединяйся къ безумнымъ, а поищи премудрость и проживешь; разумно исправь свѣдѣнія, ибо укоряющій злыхъ себѣ самому досаждаеть и обличающій нечестиваго себя самого унижаетъ; не обличай злыхъ, чтобы они не возненавидѣли тебя, но обличай разумнаго и онъ полюбитъ тебя; укажи умному вину и онъ станетъ болѣе разумнымъ—это слово къ праведному, которое онъ усердно пріиметь; начало премудро-

сти страхъ Господень и совѣтъ святыхъ разумень; а разумѣніе закона благое помышленіе. Такимъ образомъ долго проживешь и приложатся тебѣ лѣта живота.“ И поднявъ свои руки блаженный (Симеонъ) положилъ ихъ на моей грѣшной выи, жалобно началъ плакать и сладко лобызать меня; потомъ сталъ говорить: „чадо мое возлюбленное, свѣтъ моихъ очей, утѣшеніе и хранитель моей старости! вотъ уже приспѣло время нашего разлученія; вотъ уже Владыко отпускаетъ меня съ миромъ, по глаголу Его, да сбудется реченное: „земля еси и въ землю отъидеши,“ но ты, чадо, не скорби, видя мое разлученіе: это чаша общая для всѣхъ; здѣсь мы разлучаемся, тамъ соединимся, гдѣ уже нѣтъ разлученія.“ Поднявъ свои пречестныя руки, блаженный отецъ положилъ ихъ на моей головѣ и сказалъ: „благословляю тебя; Господь Богъ благословенъ, да поспѣшитъ на спасеніе твое и да подастъ тебѣ вмѣсто земныхъ благъ благодать, милость и царствіе небесное, да исправитъ путь твоего теченія, по которому ты изначала пошелъ отъ меня, имѣя съ собою здѣсь и тамъ мою неразлучную хотя и грѣшную молитву.“ Я же, падши ницъ къ ногамъ его, со слезами говорилъ: я насладился многими и великими дарами твоими, о блаженный мой господинъ, отче Симеоне, но не памятуя всего, я оказался окаяннѣвшимъ и неблагодарнымъ: я присталъ къ бессмысленнымъ скотамъ и имъ уподобился; будучи нищимъ добрыми дѣлами и богатымъ страстьми, будучи исполненъ срама и лишень дерзновенія къ Богу, осужденъ Богомъ и оплаканъ Ангелами, будучи посмѣшищемъ для бѣсовъ, укоряемъ своею совѣстію и пристыженъ моими злыми дѣлами, я прежде смерти мертвецъ и прежде суда самъ себя осуждаю, прежде безконечнаго мученія я самъ мучусь, вслѣдствіе безнадежности. Поэтому, припадаю къ твоимъ пречестнымъ ногамъ съ поклономъ, дабы получилъ я, неисправленный, ради твоихъ

пречестныхъ молитвъ нѣкую малую отраду въ страшное оное пришествіе Господа нашего Иисуса Христа.“ Когда наступило восьмое число того мѣсяца, блаженный отецъ сказалъ мнѣ: „чадо мое! пошли за духовникомъ и за честными старцами Святой горы; пусть придуть ко мнѣ, такъ какъ день моей кончины приближается.“ Я исполнилъ его повелѣніе, и пришло множество монаховъ, подобно благовоннымъ цвѣткамъ, цвѣтушимъ въ той святой пустынѣ. По приходѣ къ нему, они другъ отъ друга приняли миръ и благословеніе, и блаженный не далъ имъ отойти отъ него, говоря имъ: останьтесь при мнѣ, пока вы, послѣ отпѣванія моего тѣла вашими святыми и честными пѣснями, погребете меня.“ Блаженный старецъ, начиная съ седьмого числа и до своей смерти не принялъ ни хлѣба, ни воды, а только ежедневно причащался святыхъ и пречистыхъ Таинъ Тѣла и Крови Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

9) 12-го числа того-же мѣсяца я замѣтилъ, что блаженный старецъ близокъ къ смерти и сказалъ ему: о блаженный отче Симеоне! вотъ уже близокъ твой благой переходъ въ вѣчный покой, хотя я уже слышалъ твое благословеніе твоему наслѣдію, но теперь дай имъ свое послѣднее благословеніе. Блаженный, поднявъ руки, со слезами началъ говорить: „Троице святая, Боже нашъ! славлю Тебя и благословляю Тебя; молю Тебя и представляю себя Тебѣ. Даю моему наслѣдію третіе благословеніе. Господи Вседержителю, Боже отецъ нашихъ: Авраама, Исаака, Иакова и праведнаго сѣмени! сохрани и укрѣпи державу бывшаго моего владычества; на помощь имъ отнынѣ и до вѣка да будетъ Пресвятая Богородица и моя хотя и грѣшная молитва. Даю же имъ прежнюю заповѣдь: „да будетъ между вами любовь; кто ее нарушитъ, да уничтожитъ его и сѣмя его Божій гнѣвъ.“ Я же на это сказалъ „аминь.“—

Послѣ этого, блаженный старецъ сказалъ: „чадо мое! принеси мнѣ образъ Пресвятой Богородицы, ибо я далъ обѣтъ предъ нимъ испустить свой духъ.“ Я исполнилъ его повелѣніе. Былъ вечеръ. Блаженный старецъ сказалъ: „чадо мое! будь добръ, возложи на меня погребальную рясу и наряди меня точно тѣмъ святымъ образомъ, какъ мнѣ лежать во гробѣ; распростири на землѣ рогожу и положи меня на ней; подъ мою голову положи камень, пусть я здѣсь лежу до тѣхъ поръ, пока Господь посѣтитъ взять меня отсюда.“ Я исполнилъ все имъ заповѣданное.

Всѣ мы смотрѣли и горько плакали, видя такое неизреченное Божіе смотрѣніе на семъ блаженномъ старцѣ: ибо какъ и здѣсь онъ просилъ у Бога и Богъ далъ ему въ державѣ, такъ и до сей минуты не лишилъ его ни единой духовной вещи, но все ему исполнилъ. Поистинѣ, возлюбленные мои братія и отцы, чудно было видѣть того, коего боялись и трепетали всѣ страны, подобнымъ одному изъ странныхъ, нищимъ, обвитымъ мантией, лежащимъ на рогожѣ на землѣ, съ камнемъ подъ головою; ему всѣ кланялись, а онъ умиленно у всѣхъ просилъ прощенія и благословенія. Была ночь, когда всѣ, простившись и благословивши другъ друга, разошлись по келліямъ читать правило и за тѣмъ нѣсколько отдохнуть. Я же съ однимъ іереемъ, мною оставленнымъ, всю эту ночь остались при блаженномъ старцѣ. Въ полночь умолкъ блаженный старецъ и больше не говорилъ ко мнѣ. Когда настало время утрени и началось пѣніе въ церкви, опять просвѣтилось лице блаженнаго старца и, обратившись къ небу, онъ сказалъ: „хвалите Бога во святыхъ Его, хвалите Его во утверженіи силы Его.“ Я же сказалъ ему: отче! кого ты видишь и кому говоришь? Онъ же, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: „хвалите Его на силахъ Его, хвалите Его по множеству величествія Его.“ И сказавъ эти слова, онъ

тотчасъ испустилъ свой пребожественный духъ и умеръ о Господѣ. Я же припалъ къ его лицу и долгое время горько плакалъ; поднявшись же, я благодарилъ Бога, что Онъ сподобилъ меня видѣть такую кончину сего преподобнаго мужа *).

10) Когда вся братія узнала объ его смерти, стали навѣщать его, дивились свѣтлости его лица и говорили: „о блаженный Симеоне, удостоившійся при кончинѣ видѣть такое видѣніе, что Владыка Господь благоизволилъ воздать тебѣ за подвиги твоихъ трудовъ, и потому при исходѣ своей души, ты съ веселостію произнесъ сладостныя слова: хвалите Бога во святыхъ Его, хвалите Его во утверженіи силы Его; хвалите Его по множеству величествія Его. Блаженъ ты будешь вездѣ, и потому произнесъ ты сей блаженный гласъ.“ Послѣ этого, взявъ съ честію его преподобное тѣло, мы, по обычаю, поставили его на срединѣ церкви. По окончаніи утрени, при безчисленномъ собраніи монаховъ, начали пѣть обычныя пѣсни надъ тѣломъ преподобнаго и тѣмъ исполнили сказанное: „боящіися Господа славятъ.“ Точно также тогда монахи другихъ народностей пришли поклониться ему и отпѣть съ великою честію панихиду: прежде всего пѣли Греки, затѣмъ Иверы, Рускіе и Болгаре, и потомъ опять мы (т.-е. Сербы), — его собранное стадо. По окончаніи литургіи и всей обычной службы, все цѣловали преподобное тѣло, и я грѣшный, во исполненіе его завѣщанія, обвинилъ его и положилъ его въ новомъ гробѣ. Собравшееся множество монаховъ я не отпустилъ до девятаго дня, но всякій день творили о немъ святую службу.

11) Сей блаженный нашъ отецъ своимъ завѣщаніемъ поручилъ, по преставленіи въ вѣчный покой, монастырь

*) Преподобный Симеонъ почилъ на 87 году жизни 13-го февраля 1200 г. См. «Святые Юж. слав.» Филарета архіеп. Черниг. I. 19.

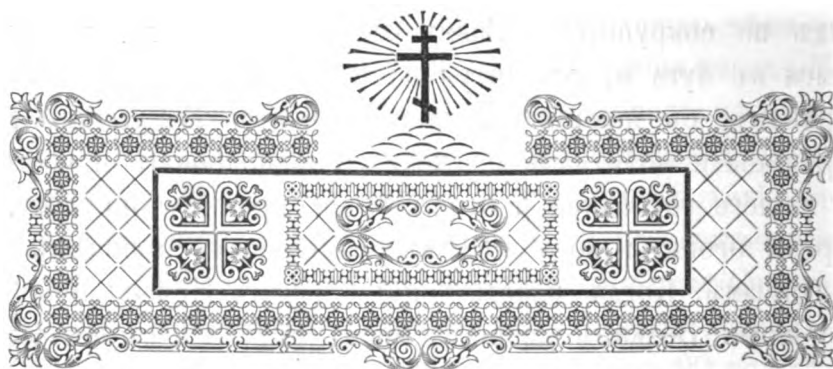
(Хиландарь) мнѣ грѣшному; не задолго передъ тѣмъ, по какому-то случаю, преподобный мужъ по имени монахъ Меодій съ пятнадцатью другими иноками ушелъ изъ монастыря; я же сильно беспокоился и боялся съ одной стороны вслѣдствіе пустынности мѣста, а съ другой вслѣдствіе страха отъ безбожныхъ разбойниковъ *); но, святыми молитвами Богоматери и нашей Наставницы и отца Симеона, храмъ изъ невзрачнаго и маленькаго сдѣлался великолѣпнымъ; послѣ нѣкотораго времени, я собралъ 90 человекъ братіи и устроилъ все необходимое для монастыря. Послѣ восьмилѣтняго моего пребыванія тамъ, поднялись въ той странѣ смуты: пришли латины, взяли Царьградъ, всю греческую землю до нашей границы и ворвались и въ то святое мѣсто; было великое замѣшательство. По прекращеніи этой суматохи, я получилъ посланіе отъ христоробиваго, благочестиваго и Богомъ изволеннаго и благословеннаго блаженнымъ отцемъ Симеономъ, управляющаго владѣніемъ сего Стефана Немани и брата его великаго князя Волкана съ слѣдующею просьбою: „Вотъ въ странѣ той возмутились народы, а блаженный нашъ отецъ Симеонъ, нашъ владыка и учитель покоится тамъ; поэтому молимъ твое преподобіе, ради Господа, не презри насъ, возьми честныя мощи нашего господина Симеона и принеси ихъ намъ сюда, чтобы его полное благословеніе явилось на насъ.“ Видя, что искреннее прошеніе подобаешь исполнить, я немощный принялся за его исполненіе. Улучивъ удобную минуту, я пришелъ, открылъ гробъ блаженнаго старца и нашелъ его честное тѣло цѣлымъ и невредимымъ, хотя оно въ гробѣ пролежало восемь лѣтъ: ибо такъ подобаешь угодившимъ Богу, что, и по ихъ смерти, Онъ услышитъ ихъ, сохранить все ихъ кости и ни одна изъ

*) Съ 1204 г. Константинополь, Мореею и Аттикою владѣли уже латины престоносцы; овладѣвъ Солунемъ, они разоряли и монастыри Святой горы.

нихъ не сокрушится. Взявъ честныя мощи его, я отправился въ путь и, не смотря на страшный мятежъ въ тѣхъ странахъ, съ помощію Бога и Пресвятой Владычицы Богородицы и молитвами блаженнаго преподобнаго и честнаго нашего господина и отца Симеона прошелъ, по глаголу, черезъ огонь и воду цѣлымъ, сохраннымъ и ничѣмъ невредимымъ. Когда властвующій Стефанъ Неманя и братъ его князь Волканъ узнали о моемъ прибытіи съ честными мощами въ мѣстность Хвостно *), собрали епископовъ, іереевъ, игуменовъ со множествомъ монаховъ, со всѣми боярами, съ великою радостію и веселіемъ пришли и съ великою честію взяли мощи господаря Симеона, возсылая Богу благодарственныя духовныя пѣсни; ибо какъ прекрасный Іосифъ, взявъ тѣло своего отца Іакова изъ Египта, принесъ въ землю обѣтованную, такъ и эти боголюбивые и благообразные сыновья его со всею державою, принявъ съ великою радостію и веселіемъ пречистое тѣло своего отца, сами несли его и положили съ великою почестію въ святой сей церкви, въ обѣтованномъ ему гробѣ, который сначала былъ устроенъ самимъ блаженнымъ для себя. Это было 19-го числа мѣсяца февраля.

Мы же, возлюбленные мои братія, взирая на подвиги и жизнь сего преблаженнаго отца нашего, въ которыхъ есть радость и веселіе, находясь въ этой жизни какъ бы внѣ міра и живя какъ бы уже на небесахъ, озаботимся послѣдовать ему въ дѣланіи всего угоднаго Богу, дабы быть въ надеждѣ на полученіе будущихъ вѣчныхъ благъ о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, ходатайствомъ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Благодѣтельницы и молитвами преподобнаго и блаженнаго отца нашего Симеона. Аминь.

*) Въ 1381 году князь Стефанъ Лазарь приложилъ Русику церковь Спасову „у Хвосту.“ „Акты.“ Кіевъ. 1873. 378—380.

Ф Е В Р А Л Я 16.

**Страданіе святаго преподобномученика
РОМАНА *).**

Святыи преподобномученикъ Романъ былъ родомъ изъ Карпениси: онъ происходилъ отъ родителей простыхъ и безграмотныхъ, но благочестивыхъ. По причинѣ ихъ безграмотности и Романъ оставался безграмотнымъ, и потому мало имѣлъ понятія о догматахъ вѣры. Однажды услышавъ разсказъ нѣкоторыхъ о св. гробѣ Господа нашего Иисуса Христа, онъ возымѣлъ ревность самъ посѣтить св. градъ Іерусалимъ, куда немедленно и отправился. Съ благоговѣніемъ поклонившись живоносному Гробу Господню и всѣмъ тамъ св. мѣстамъ, онъ пришелъ въ лавру святаго Саввы Освященнаго. Слыша тамъ чтенія о мученіяхъ, какимъ подвергались святыя мученики за имя Христово для полученія будущихъ вѣчныхъ благъ, онъ спрашивалъ: что такое будущія блага? Получивъ же о нихъ понятіе, возжелалъ самъ достигнуть сихъ благъ подвигомъ мученичества. Возвратившись изъ лавры въ Іерусалимъ,

*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

онъ объявилъ о такомъ своемъ намѣреніи тогдашнему патриарху, но святитель Божій остановилъ его отъ страдальчества, какъ по причинѣ неизвѣстности конца сего великаго и страшнаго дѣла, такъ и по тому, чтобы не навлечь чрезъ то гоненіе отъ турокъ на братство св. гроба и прочихъ христіанъ. Романъ, однакожь, непремѣнно желалъ мученичества и не могъ болѣе подавлять въ себѣ это желаніе, или, такъ сказать, не могъ утушить пламени, возгорѣвшагося въ сердцѣ его: почему, удалившись оттуда, явился въ Солунь, и здѣсь представъ предъ судьей, дерзновенно исповѣдалъ предъ нимъ Христа Богомъ истиннымъ, Творцемъ всего видимаго и невидимаго и Спасителемъ человѣковъ, пророка же агарянскаго назвалъ баснословомъ, обманщикомъ и врагомъ всякаго добра и счастія человѣческаго, а вѣру ихъ признавалъ обманомъ и прелестію, какъ исполненную басней и достойную смѣха. Не терпя такого дерзновенія, судья велѣлъ бить его безъ пощады: варвары, принуждая его отречься отъ Христа, изъ спины его вынули нѣсколько ремней и изрѣзали ему щеки. Кромѣ сего вынесъ тогда мученикъ за имя Христова и другія разныя мученія. Но такъ какъ онъ оставался твердъ въ своемъ исповѣданіи, то судья приговорилъ его на посѣченіе.

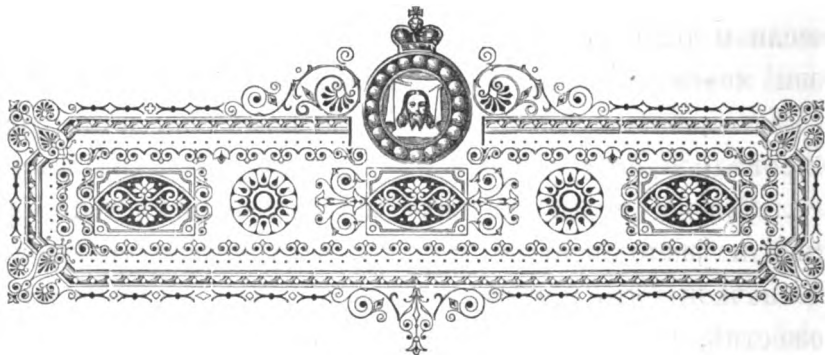
Случилось тогда быть тамъ капитану солунскихъ галеръ, который сталъ просить себѣ у судьи мученика для корабельной службы, говоря, что это наказаніе для него будетъ жесточе вечнаго посѣченія: на галерѣ будетъ онъ мучиться во всю свою жизнь.—Это разсужденіе капитана понравилось всѣмъ нечестивцамъ, и они съ удовольствіемъ подарили ему мученика. Итакъ, капитанъ, взявши его, обрилъ ему бороду и волосы, приковалъ на галерѣ и заставилъ грести весломъ. Спустя немного времени, нѣкоторые изъ христіанъ, друзья капитана, давъ ему выкупъ, освободили страдальца отъ тяжелой работы и препроводили его на святую Аѳон-

скую гору. Явившись туда, онъ избралъ себѣ въ наставники въ духовной жизни дивнаго въ то время подвижника, преподобнаго Акакія, безмолвствовавшаго въ скитѣ Кавсокаливскомъ, и сталъ ангельски подвизаться подъ его руководствомъ. Впрочемъ душа Романа не была спокойна: онъ былъ какъ бы чуждъ всего земнаго, не заботился ни о пищѣ, ни о питіи, ибо мысль его постоянно была устремлена къ желанному для него подвигу мученичества. Для лучшаго рѣшенія этого вопроса, съ общаго согласія, оба—старецъ и ученикъ наложили на себя на нѣсколько дней постъ и предались теплой и усердной молитвѣ къ Господу Богу, чтобы Онъ открылъ имъ о томъ волю Свою; скоро преподобный Акакій получилъ откровеніе, что есть на то воля Божія, и что Романъ славно совершить за Христа мученической свой подвигъ. Итакъ, Романъ, въ день Пятидесятницы, облекшись въ ангельскій образъ и утвердившись молитвами старца своего и тамошнихъ отцевъ, отправился въ Константинополь. Прибывъ сюда, святой употребилъ слѣдующее средство, чтобы заявить себя агарянамъ: поймавъ одну изъ бѣгавшихъ тамъ собакъ, привязалъ къ себѣ за поясъ и сталъ таскать ее посреди базара. Турки, видя такое нечестивое, по ихъ понятію, дѣйствіе, спросили его: зачѣмъ таскаетъ онъ собаку; мученикъ отвѣчалъ имъ: чтобы кормить ее, какъ христіане кормятъ васъ агарянь. Разгнѣванные такимъ его отвѣтомъ, мусульмане устремились на него, какъ неукротимые звѣри, и начали бить его безъ милости, а потомъ представили его къ самому визирю, который, слыша отъ устъ мученика тѣ же слова, предалъ его нечестивцамъ на мученіе до тѣхъ поръ, пока не отречется своей вѣры. Нечестивые слуги взяли его, бросили въ сухой колодезь, куда обыкновенно бросаютъ убійць, и продержали его тамъ 40 дней, не давая ему ни пищи, ни питія, потомъ, вынувъ, опять безжалостно

мучили его, но не могли склонить къ своему нечестію, донесли о томъ визирю, который и повелѣлъ лишить его жизни мечемъ. Тотчасъ же палачи взяли его, и привели на мѣсто казни, чрезъ отнятіе тамъ честной главы его, препроводили святую душу его къ праведному Судіи всѣхъ Богу. Святая мощи мученика, по отсѣченіи главы, обратились и упали сами на востокъ; чему позавидовавъ, агаряне начали бить и гнать оттуда христіанъ, стекшихся во множествѣ. Святость стратотерпческихъ этихъ мощей Божественная благодать благоволила явить людямъ осіяніемъ ихъ небеснымъ свѣтомъ, который освѣщаль ихъ цѣлыхъ три noci, пока нечестивцы стерегли ихъ: свѣтъ сей видѣли всѣ и дивились. Христіане, славя Бога, радовались этому; агаряне же посрамлялись. Тогда случился тамъ англійскій корабль: онъ купилъ святая мощи и увезъ ихъ въ Англию. Но одному изъ христіанъ удалось омочить въ крови святаго мученика платъ, который и находится на Аѳонѣ въ Дохіарскомъ монастырѣ, гдѣ христіанинъ тотъ кончилъ жизнь свою инокомъ съ именемъ Агапія. Такъ блаженный Романъ получилъ вѣнецъ мученичества во славу Христа Бога нашего. Аминь.

Св. Преподобномученикъ Романъ пострадалъ въ 1694 г.

Ф Е В Р А Л Я 23.

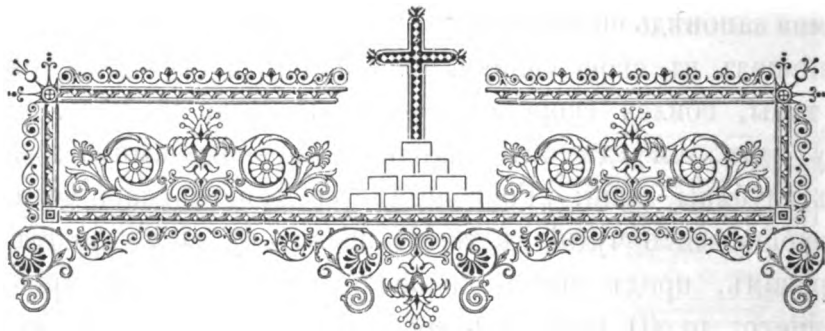
**Память преподобнаго Даміана
ЕСФИГМЕНСКАГО *).**

Преподобный отецъ нашъ Даміанъ безмолвствовалъ близъ монастыря Есфигменскаго, на горѣ, называемой Самарія, и пользовался особенно дружбою св. Космы Зографскаго, какъ видно изъ житія его. Блаженный Даміанъ былъ истиннымъ послушникомъ и твердымъ хранителемъ отеческихъ повелѣній: это видно особенно изъ слѣдующаго. Онъ имѣлъ отъ старца своего заповѣдь—никогда не спать внѣ своей каливы. Однажды пошелъ онъ къ одному духовнику, жившему близъ обители Хиландарской, но, не заставши его дома, ожидалъ до тѣхъ поръ, пока день не склонился уже къ вечеру. Исполнивъ свое порученіе, святой пошелъ въ свою каливу. А такъ какъ былъ уже вечеръ, и время случилось туманное и дождливое, то братія той келліи просили его переночевать у нихъ: но Даміанъ,

*) Изъ 'Ακολούθια τῶν ἁγιωτάτων πατέρων.

помня заповѣдь своего старца, не согласился на ихъ просьбу, и пошелъ въ свою каливу, по причинѣ же великаго дождя и тьмы, сбился скоро съ дороги. Не зная ни того, куда ему идти, ни гдѣ онъ находится, преподобный воззвалъ изъ глубины души: „Господи Іисусе Христе, спаси меня, — погибаю!“ и о чудо! въ то же время очутился, какимъ-то образомъ, предъ своею каливою. По успеніи же треблаженнаго, до 40 дней, изъ гроба его исходило неизреченное и столь великое благоуханіе, что даже внизу, въ монастырѣ Есфигменскомъ, на разстояніи получаса почти ходу, отцы чувствовали оное. Такъ Богъ прославилъ Своего угодника, за богоугодную чистоту и истинную высоту его жизни! Молитвами его, да сподобимся и мы наследовать вѣчную славу. Аминь.

ФЕВРАЛЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

Страданіе святаго преподобномученика

ДАМІАНА *).

Подвижникъ Христовъ Даміанъ имѣлъ своимъ отечествомъ селеніе Рихово, въ епархіи Аграфской. Родившись отъ родителей благочестивыхъ, онъ отъ юности возжелалъ иноческой жизни; поэтому, оставивъ міръ и яже въ міръ, удалился на святую Аѳонскую гору, и здѣсь, въ священной обители Филоея, принявъ на себя ангельскій образъ, сталъ подвизаться достойно своего званія. Но желая еще большихъ подвиговъ, онъ чрезъ нѣсколько времени оставилъ монастырь и удалился на безмолвіе къ одному знаменитому того времени безмолвному подвижнику, владѣвшему даже даромъ чудесъ, именемъ Дометію. Водительствомъ и душеполезными наставленіями безмолвника сего онъ пользовался три года, восходя отъ силы въ силу и преуспѣвая во всѣхъ добродѣтеляхъ, такъ что за неослабную ревность и усердіе, тщательность и точность въ исполненіи всѣхъ заповѣдей Божіихъ, сподобился слышать Божественный гласъ, призывающій его къ служенію ближ-

*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

нимъ: „Даміанъ, — таково было Божественное ему вѣщаніе, — не своей только пользы должно тебѣ искать, но и пользы другихъ.“ Посему, онъ тотчасъ же оставилъ Святую гору, удалился въ предѣлы Олимпійскіе, и сталъ тамъ вездѣ съ дерзновеніемъ и велегласно проповѣдывать слово Божіе, возбуждая христіанъ къ покаянію и удаленію отъ неправды и пороковъ, и призывая всѣхъ къ храненію заповѣдей Божіихъ и творенію добрыхъ и богоугодныхъ дѣлъ. Разсѣдался отъ злобы доброненавистникъ діаволь, смотря на братолюбивые его труды и, не терпя ихъ, возбудилъ противъ него многихъ лжеименныхъ христіанъ, которые начали навѣтовать на жизнь его и, называя его прельщеннымъ и обманщикомъ, стали жестоко преслѣдовать. Подражая подвигоположнику Христу, святой далъ мѣсто гнѣву и удалился оттуда въ предѣлы Киссовскіе и Ларисскіе, гдѣ также проповѣдь слова Божія составляла существенный предметъ его занятій. Подвергнувшись и тамъ нареканіямъ, зависти и преслѣдованіямъ злобы, онъ удалился въ верхніе предѣлы Аграфской епархіи, и всюду наставлялъ христіанъ пребывать твердыми въ вѣрѣ и хранить заповѣди Господни. Но діаволь не дремалъ: онъ и тамъ воздвигъ противъ святаго нѣкоторыхъ, не боящихся Бога и забывшихъ свои обязанности, христіанъ и они, движимые челоуѣконенавистникомъ, преслѣдовали его, называя его прельщеннымъ и лжемонахомъ; почему святой оставилъ и эти предѣлы, и возвратился въ Киссово. Возжелавъ безмятежія, онъ построилъ тамъ монастырь *) и, собравъ братію, сталъ вмѣстѣ съ нею деннонощно возсылать молитвы и благодареніе Господу Богу: впрочемъ многіе и туда приходили къ нему для душевной пользы; ибо, будучи облеченъ силою свыше, онъ творилъ великія знаменія и чудеса, а изъ устъ его текли рѣки душеполезныхъ ученій.

*) Въ честь усѣкновенія чести. главы св. Предтечи, — малый монастырь близъ села Σαλήτσιανη.

Однажды, по нѣкоторымъ монастырскимъ нуждамъ, а болѣе для пользы христіанъ, шелъ онъ въ селеніе Вулгарипи. На пути сюда, схваченный агарянами, былъ онъ представленъ властителю ларисскому, съ безстыдными клеветами, будто онъ возмущаетъ христіанъ. Поэтому властитель велѣлъ сначала бить святаго жестоко, потомъ, наложивъ на шею и ноги его тяжелыя цѣпи, ввергнуть его въ темницу; затѣмъ варваръ нечестивецъ непрерывно 15 дней продолжалъ истязать его, то нанося ему жестокия раны, то устрашая, то лаская его и обольщая всевозможными способами, въ намѣреніи заставить мужественнаго воина Христова отречься отъ Христа. Но мучитель не въ состояніи былъ склонить къ этому мученика, и притомъ видѣлъ, что онъ, не смотря на всѣ его муки, съ мужествомъ обличаетъ вѣру ихъ въ лжепророка, со многими дерзновеніемъ проповѣдуетъ Христа Богомъ истиннымъ, и готовъ, ради любви Его, претерпѣть безчисленныя мученія; поэтому, весь исполнившись гнѣва, повелѣлъ мучитель тотчасъ же умертвить мученика и сожечь трупъ его. Палачи немедленно взяли его и повѣсили, но въ минуту вздергиванія его кверху, одинъ изъ нихъ ударилъ его по головѣ желѣзомъ; въ ту же минуту случилось, что веревка оборвалась, и мученикъ упалъ съ высоты на землю полумертвымъ. Тогда эти окаянные еще живаго его бросили въ огонь и сожгли, а пепель высыпали въ рѣку Пиніонъ. Такъ блаженный преподобномученикъ Даміанъ принялъ мученическій вѣнецъ! Молитвами его да избавимся всѣ мы сѣтей вражескихъ, и да сподобимся царствія небеснаго. Аминь.

Св. преподобномученикъ Даміанъ пострадалъ въ 1568 году, февраля 23 дня *).

*) Отдѣльная служба св. преподобномученику Даміану напечатана въ Венеціи, въ 1805 году.

М А Р Т А 1.

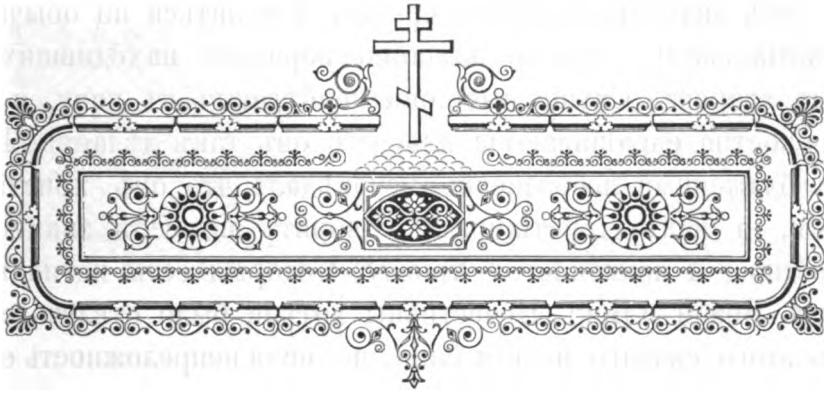
Память преподобнаго отца нашего

А Г А П І Я *).

Преподобный Агапій былъ послушникомъ одного добродѣтельнаго старца, безмолвствовавшаго въ келліи Св. Троицы въ мѣстности, называемой Колицу, въ предѣлахъ Ватопедскаго монастыря. Въ одно время вышелъ онъ на море помыть свои одежды, а тамъ случились агаряне: они тотчасъ взяли его и, увезши съ собою, продали въ Магнисіи одному тоже агарянину, у котораго святой находился 12 лѣтъ въ оковахъ и ежедневно работалъ съ усердіемъ. Съ полною вѣрою и горячими слезами день и ночь молился Агапій Господѣ Богородицѣ, скорой всемъ, съ вѣрою прибѣгающимъ къ Ней, помощницѣ, дабы Она, какъ Сама знаетъ, освободила его отъ горькаго этого плѣна и тяжелой работы. Вняла наконецъ Всемиловитая моленіямъ раба Своего. Въ одну ночь, явившись ему во снѣ, Она велитъ ему идти безъ всякаго страха къ своему старцу. О чудо!—пробудившись, Агапій видитъ, что цѣпи съ него

*) Изъ Νεος Παραδεισος.

спали, и двери были отверзты. Тогда святой понялъ, что это сдѣлано чудодѣйствіемъ Богородицы, и потому тотчасъ же безъ всякаго препятствія, вышедши изъ дома агарянина, прибылъ на Святую гору къ своему старцу. Но старецъ этотъ, увидѣвъ его, опечалился, ибо думалъ, что онъ тайно убѣжалъ отъ своего господина, и сказалъ ему: Чадо! агарянина ты обманулъ, но Бога никто и никогда не обманетъ; въ часъ всеобщаго суда ты долженъ будешь отдать отвѣтъ за тѣ сребреники, которые истратилъ твой господинъ на покупку тебя, чтобы имѣть тебя помощникомъ въ своихъ нуждахъ: поэтому, если ты истинно желаешь себѣ спасенія, иди назадъ къ своему господину и служи ему. Поступивъ такъ, ты будешь истиннымъ рабомъ Божиимъ и вѣрнымъ Его служителемъ; когда же Богъ просвѣтитъ господина твоего, онъ самъ дастъ тебѣ отпускъ. Любящій Бога и Богомъ возлюбленный Агапій, принявъ эти слова старца своего, какъ отъ Бога, возвратился къ купившему его. Агарянинъ, неожиданно увидѣвъ его, удивился. Какъ онъ ушелъ отъ него и почему возвратился? спрашивалъ его варваръ. Тогда святой подробно объяснилъ ему все дѣло. Удивился и даже изумился варваръ добродѣтели Агапіева старца и высотъ святой христіанской вѣры, а съ тѣмъ вмѣстѣ смягчилась отъ умиленія и зачерствѣлая душа его. Скоро, взявъ съ собою Агапія и двухъ сыновей своихъ, пришелъ онъ на Святую гору къ старцу Агапіеву, и требовалъ отъ него себѣ и дѣтямъ своимъ крещенія. Бывъ надлежащимъ образомъ утверждены въ вѣрѣ Христовой, варвары эти были крещены, а послѣ того приняли на себя и ангельскій образъ, и богоугодно поживъ въ добродѣтельномъ подчиненіи сначала старцу Агапіеву, а по смерти его Агапію, отошли въ царствіе небесное радоваться съ прочими преподобными отцами во Христѣ Иисусѣ, Которому подобаешь честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

МАРТА 5.

**Страданіе святаго мученика
ІОАННА БОЛГАРИНА *).**

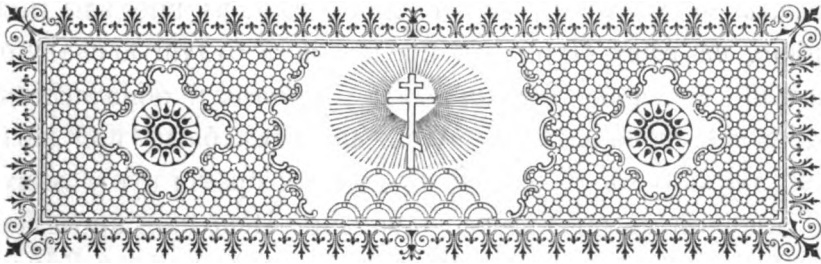
Слаженный Іоаннъ былъ родомъ изъ Болгаріи. По нѣ-
коему случаю, забывши предосторожность противъ коз-
ней діавола, онъ отрекся Христа; но чрезъ нѣсколько вре-
мени, пришедши въ чувство, раскаялся въ своемъ пре-
ступленіи. Въ чувствѣ раскаянія, оставивъ свое отечество,
прибылъ онъ на Святую гору, и избралъ себѣ жилищемъ
лавру святаго Аѳанасія: здѣсь находился три года въ услу-
женіи у одного духовнаго старца; но такъ какъ совѣсть
никогда не давала ему покоя, то онъ былъ унылъ, печаленъ
и молчаливъ; самый этотъ наружный видъ его показывалъ
всѣмъ, что онъ потерпѣлъ какое-нибудь величайшее зло. Не
могши болѣе сносить угрызеній совѣсти, онъ оставилъ
Святую гору, прибылъ въ Константинополь, одѣлся тамъ въ
турецкія одежды, и въ такомъ видѣ вошелъ въ мечеть
святыя Софіи. Явившись здѣсь, онъ сталъ творить

*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον.

на себѣ знаменіе честнаго креста, и молиться по обычаю христіанскому, что чрезвычайно поразило находившихся тамъ агарянь. Смущенные, они подбѣгаютъ къ нему, и съ суровостію спрашиваютъ: для чего онъ такъ дѣлаетъ. Тогда блаженный небоязненно исповѣдалъ что онъ христіанинъ, и какъ христіанинъ — творить на себѣ знаменіе крестное, и поклоняется Христу, Который есть истинный Сынъ Божій и Богъ. Нечестивцы хотѣли было отвлечь его отъ этого святаго исповѣданія, но, видя непреложность его мысли, тотчасъ же обезглавили его внѣ двора святой Софїи. Такимъ образомъ блаженный Іоаннъ пріялъ свѣтлый вѣнецъ мученическій отъ Христа Бога нашего, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

Святой Іоаннъ пострадалъ на 19-мъ году своего возраста въ 1784 году.

М А Р Т А 19.

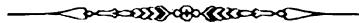
Память преподобнаго Иннокентія Вологодскаго.

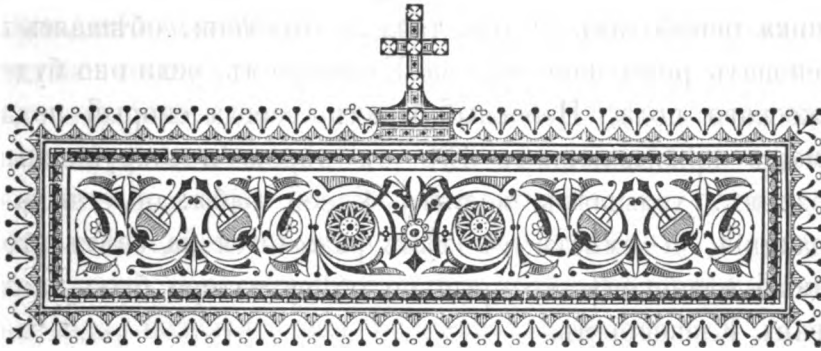
Преподобный Иннокентій, сынъ боярина Охлѣбнина, принялъ иночество въ обители преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго; потомъ вмѣстѣ съ другомъ и наставникомъ своимъ преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ *) долго странствовалъ на Востокъ и жилъ на св. Аѳонской горѣ. Возвратясь съ Востока въ Бѣлозерскій монастырь, онъ недолго пробылъ тамъ и послѣдовалъ за преподобнымъ Ниломъ въ пустыню.

Скитъ преподобнаго Нила, гдѣ какъ и на св. горѣ Аѳонской подвизался съ нимъ Иннокентій, находился за пятнадцать верстъ отъ большаго монастыря Кириллова на берегу безвѣстной рѣчки Сорки. Тамъ поставилъ Ниль убогую свою хижину и недалеко отъ него, такъ чтобы можно было подавать другъ другу голосъ, по обычаю палестинскому, поставилъ себѣ другую келлію собеедникъ его Иннокентій, и другіе отшельники мало-по-малу начали къ нему собираться; такимъ образомъ составился первый русскій скитъ, котораго образцы видимъ мы на святой горѣ Аѳонской. Не задолго до блаженной своей кончины преподобный Ниль, предчувствуя свое отшествіе къ Богу,

*) См. житіе его мая 7-го.

послалъ собесѣдника своего Иннокентія, въ предѣлы Вологодскіе, на рѣку Нурму, и предсказалъ будущую славу его обители, которая должна была процвѣсти общежитіемъ. „Здѣсь же, говорилъ преподобный, какъ было при жизни моей, такъ пусть будетъ и по смерти: братія пусть живутъ по одиночкѣ каждый въ своей келлі.“ Исполняя предсмертное завѣщаніе учителя, погрузился онъ во глубину Комельскаго дремучаго лѣса, съ южной стороны котораго, еще въ началѣ XV вѣка, поселились преподобные Сергій Нуромскій и Павелъ Обнорскій. Съ 1491 года преподобный Иннокентій подвизался наединѣ, но мало-по-малу собралось вокругъ него пустынное стадо, которое подчинилъ онъ строгому уставу преподобнаго Нила; тогда соорудилъ для братіи церковь, во имя Ангела пустыни Предтечи Господня и процвѣтала его обитель. Иннокентій преставился въ 1521 году 19-го марта, а въ послѣднихъ годахъ XV столѣтія, со всѣхъ сторонъ начали уже проникать иноки въ глубину недоступной дотолѣ дебри Комельской. Это были духовные дѣти Кирилла Бѣлозерскаго и Діонисія Глушицкаго, которые оживили иноческими подвигами мертвую пустыню. Мечъ Татарскій опустошилъ въ 1536 году обитель преподобнаго Иннокентія. Въ послѣдствіи была поставлена каменная церковь, во имя Благовѣщенія, надъ его гробницею; она пережила вновь собранную и опять упраздненную въ 1764 году обитель (Житія святыхъ Россійской Церкви, мартъ).

М А Р Т А 22.

Житіе и страданіе святаго новаго преподобномученика ЕВѢИМІЯ *).

Пречество этого новаго подвижника Христова, св. преподобномученика Евѣимія, было селеніе Димитцани въ Пелопонесѣ. Онъ происходилъ отъ благочестивыхъ родителей Панагіота и Маріи. Кромѣ Евѣимія у Панагіота было еще три сына: Георгій, Христь и Іоаннъ, и одна дочь Екатерина; изъ нихъ Евѣимій былъ младшій и во св. крещеніи названъ былъ Елѣвееріемъ по слѣдующему замѣчательному случаю: когда настало время матери его разрѣшиться имъ отъ бремени, тогда она терпѣла невыносимыя боли, такъ что младенецъ не только не подавалъ никакой надежды на явленіе свое въ міръ, но, какъ другой Веніаминъ (Быт. 35, 18), подвергалъ опасности жизнь и самой своей матери. Страдавшая такимъ образомъ мать его, потерявши надежду на помощь и искусство человѣческое, со слезами и съ теплою сердечною молитвою обратилась къ небесному Врачу, и Его угоднику св. мученику Елѣвеерію, прося, дабы Творецъ небесный чрезъ ходатайство св. му-

*) Съ рукописи свята св. Предтечи.

ченика освободилъ ее отъ тяжкаго бремени, обѣщаясь наименовать рожденное отроча Елевееріемъ, если оно будетъ мужескаго пола. Небесный Врачъ, всегда скорый подать помощь призывающимъ Его съ вѣрою и сокрушеннымъ сердцемъ, услышалъ молитву Своей рабы: облегчилъ ея страданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ раждается на свѣтъ этотъ чудный младенецъ, который по обѣту матери былъ наименованъ Елевееріемъ.

Когда Елевеерій достигъ возраста способнаго понимать книжную грамоту, тогда родители отдали его учиться въ начальное сельское училище. Обладая отъ природы прекрасными дарованіями и при неослабномъ прилежаніи, онъ въ короткое время выучился начальной грамотѣ, потомъ отсюда перешелъ въ высшее эллинское училище, гдѣ уже учился вмѣстѣ съ роднымъ своимъ братомъ Іоанномъ грамматикѣ и другимъ преподаваемымъ здѣсь предметамъ. Пробывъ въ этомъ учебномъ заведеніи опредѣленное время, они оба перешли въ Константинополь, въ училище Куручешмѣ *). Окончивши курсъ въ этомъ училищѣ, они оставили Константинополь и отправились въ Яссы къ своему отцу, находившемуся тамъ съ старшими двумя ихъ братьями по торговымъ дѣламъ.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Яссахъ, въ душѣ Елевеерія родилась благая мысль — отправиться на св. Аѳонскую гору и сдѣлаться монахомъ; вслѣдствіе этого, скрывшись отъ отца и братьевъ, онъ, какъ птица, быстро полетѣлъ изъ суетнаго міра въ тихое пристанище подвижниковъ Христовыхъ, пребывающихъ на Святой горѣ. Но прежде чѣмъ онъ достигъ желанной цѣли, Богу угодно было испытать его терпѣніе большими затрудненіями.

Такъ, желая пройти на Святую гору чрезъ Константи-

*) Куручешмѣ — предмѣстіе Константинополя на Босфорѣ. Тамъ существовало прежде училище «Народное» — тоѿ γένος — находящееся теперь въ Фанарѣ близъ Патриархата.

нополь, онъ встрѣтилъ на этомъ пути непредвидѣнные препятствія, по случаю войны между Россіей и Турціей, а потому отправился въ Одессу въ надеждѣ пробраться оттуда какъ нибудь на Аѳонъ. Но и тутъ онъ встрѣтилъ препятствіе, и со скорбію возвратился обратно въ Бухарестъ. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстнымъ французскому консулу и нѣкому русскому чиновнику, при которыхъ оставался полтора года, пользуясь ихъ покровительствомъ.

Въ это время ненавистникъ добра и спасенія человѣческаго, діаволь, началъ обольщать его мірскими прелестями и разжигать его юное сердце сладострастіемъ, въ чемъ и успѣлъ. Елевѣерій увлеченъ былъ въ бездну порока и, погасивъ въ себѣ святую искру благочестія, предался всякаго рода грѣховнымъ удовольствіямъ, со всѣмъ пыломъ юношеской страсти.

Но такъ какъ для провозженія грѣховной жизни, нужны были и денежныя средства, то онъ часто входилъ въ большіе долги.

Порочная жизнь однако не ограничилась однимъ только угожденіемъ плоти, но потребовала отъ него большей жертвы. Это было такъ:

Были въ то время въ Бухарестѣ со стороны Турціи посланники, для переговоровъ о мирѣ съ Россіей; явившись къ нимъ, Елевѣерій присталъ къ одному изъ этихъ турокъ. Это сдѣлалъ онъ отчасти потому, что подъ покровительствомъ ихъ могъ безнаказаннѣе пользоваться всякаго рода удовольствіями, а отчасти потому, что надѣялся съ туркомъ достигнуть Константинополя, такъ какъ, пресытившись грѣховною жизнію, онъ уже сталъ скучать *), что всегда бываетъ съ душою грѣшника, какъ утверждаетъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ.

*) Объ этой скукѣ впоследствии рассказывалъ самъ преподобномученикъ.

Спустя немного времени, посланники Порты отправились въ Шумлу; здѣсь они замедлили по разнымъ обстоятельствамъ. Пребываніе Елеверія въ Шумлѣ было для него роковымъ обстоятельствомъ въ его беспорядочной жизни. Тяготясь медленностію путешествія, а такъ же грубымъ обращеніемъ своего господина, — онъ приходилъ въ отчаяніе, изъ котораго представлялся ему одинъ исходъ: — принять магометанскую вѣру. Скоро для осуществленія этого намѣренія представился и случай. Одинъ изъ спутниковъ Елеверія, адрианополецъ Константинъ, бывшій христіанинъ, но не задолго предъ тѣмъ сдѣлавшійся магометаниномъ, началъ подговаривать Елеверія принять магометанство, и склонилъ его идти вмѣстѣ съ нимъ къ находившемуся тамъ рейсъ — эффенди *) Галина, и предъ нимъ отречься Христа; несчастный Елеверій послѣдовалъ пагубному совѣту товарища, и промѣнялъ вѣру въ сладчайшаго Іисуса на вѣру лжепророка Магомета, а чрезъ три дня принялъ и обрѣзаніе. Но благодать Всесвятаго Духа, какъ видно, не совсѣмъ оставила его: страдая отъ несносной болѣзни обрѣзанія, онъ вспомнилъ отеческое благочестіе, чистоту христіанской вѣры и, окаывая себя, съ трепетомъ началъ призывать имя сладчайшаго Іисуса. Вспомнилъ онъ и милосердіе Отца небеснаго, готоваго опять принять обращающагося распутнаго сына, и всѣми силами души своей желалъ призвать Божественную Его помощь. Но представляя себѣ всю глубину своего богоотступничества, онъ не въ состояніи былъ ни рукъ своихъ воздѣть къ Богу, ни ума направить ко свѣту безначальнаго Его Божества; поэтому онъ прибѣгъ къ единственному средству — слезамъ, и, какъ второй Петръ, горько плакалъ о своемъ паденіи. Милосердый Господь нашъ Іисусъ Христосъ, видя истинныя слезы раскаянія, милостиво призрѣлъ на кающагося, какъ

*) Министръ иностр. дѣлъ въ Турціи.

нѣкогда призрѣлъ Онъ и на первоверховнаго изъ Апостоловъ.

Сокрушаясь объ своемъ отреченіи и чувствуя въ сердцѣ своемъ всю тяжесть своего паденія, онъ казался въ кругу товарищей совѣмъ уже не тѣмъ, какимъ прилично было ему казаться. Посему люди рейсь — эффенди, подозрѣвая его въ намѣреніи бѣжать, тщательно стерегли его, не позволяя ему отлучаться изъ дому; притомъ прилежно наблюдали за всѣми его словами и движеніями.

Въ одинъ день товарищи Елевеерія увидѣли на немъ небольшой крестъ *), и съ бранью тотчасъ сняли съ него и показали рейсь-эффенди, обвиняя Елевеерія, что онъ и по принятіи магометанскаго закона не оставляетъ носить на себѣ крестъ—символь христіанства. Рейсь-эффенди, выслушавъ ихъ обвиненіе, сказалъ: Решидъ (мусульманское имя Елевеерія) вовсе не заслуживаетъ осужденія за то, что носить на себѣ крестъ, такъ какъ онъ въ продолженіе этихъ немногихъ дней не могъ познать всей сладости нашей вѣры. Оставьте его, онъ самъ современемъ прійдетъ къ богопознанію.

Слыша такія успокоительныя слова господина, слуги на время замолчали. Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Шумлѣ, эффенди со всею своею свитою отправился въ Адрианополь, куда послѣдовалъ за нимъ и Елевеерій, къ которому въ это время многіе изъ людей рейсь-эффенди уже относились враждебно, такъ какъ имъ не правилось ласковое обращеніе эффенди съ Елевееріемъ, вслѣдствіе этого онъ боялся, какъ бы они по злобѣ своей не умертвили его на пути, и тогда онъ умеръ бы въ мусульманской вѣрѣ. Посему, какъ только прибыли они въ Адрианополь, Елевеерій тотчасъ отъ нихъ скрылся и бѣжалъ въ митро-

*) Надобно замѣтить, что Елевеерій и по отреченіи своемъ отъ Христа носилъ на себѣ обыкновенный крестъ, который оставался на немъ, какъ знакъ прежняго благочестія.

полю, и узнавъ, что митрополитъ Кириллъ *) въ церкви совершаетъ вечернее богослуженіе, такъ какъ день былъ субботній, пошелъ туда. Глубоко потрясенъ былъ несчастный, когда увидѣлъ здѣсь діакона кадяшаго народъ внѣ храма; отступникъ вполне сознавалъ, что только онъ одинъ лишается благодати священнаго оиміама. Онъ готовъ былъ рыдать о своемъ окаянствѣ, но дабы не выдать себя, предъ предстоящими христіанами, онъ удержался отъ слезъ и объяснилъ, что пришелъ изъ Константинополя къ митрополиту съ нужными письмами, которыя поручено ему лично передать владыкѣ. Митрополитъ, узнавъ объ этомъ отъ діакона, и не желая оставлять вечерняго богослуженія, послалъ епитропа церкви узнать о письмоноскѣ, о его желаніи видѣть владыку, и взять отъ него письма. Елѳеерій, видя такой оборотъ дѣла, сказалъ самъ себѣ: несчастная надежда обманула меня, и отведя въ сторону епитропа, рассказалъ ему о своемъ отреченіи, и просилъ его дать ему греческое одѣяніе. Слыша о предметахъ такой важности и при томъ въ то время, когда въ Адрианополь входили турецкія войска, епитропъ отъ страха ли, чтобы не потерпѣть тамошнимъ христіанамъ какой нибудь непріятности, или по немилосердію, отклонилъ его просьбу и прогналъ несчастнаго отверженника. Однако такая неудача не ослабила въ немъ любви и ревности къ христіанской вѣрѣ, и онъ не терялъ надежды на свое спасеніе. Разъ, онъ встрѣтился съ однимъ благонамѣреннымъ христіаниномъ, рассказалъ ему кратко свое безвыходное положеніе и убѣдительно просилъ принести ему греческія одежды въ опредѣленное мѣсто и время.

Добрый христіанинъ исполнилъ желаніе Елѳеерія; но дѣйствиємъ лукаваго и сія мысль его осталась безъ исполненія, такъ какъ онъ не могъ укрыться отъ слугъ рейсь-

*) Этотъ Кириллъ впоследствии былъ Константинопольскимъ патриархомъ.

эффенди, почему и казался мрачнымъ и печальнымъ, а нерѣдко и проливалъ слезы: ибо сердцу веселящуся, говорить Мудрый, лице цвѣтеть; въ печалехъ же сушу, сѣтуетъ (Притч. 15, 13). Смотря на него, одни изъ слугъ насмѣхались надъ нимъ, другіе же старались всячески ободрить его; особенно господинъ, видя своего новообращеннаго въ такомъ состояніи, ласкалъ его, чтобъ только утѣшить; даже объявилъ его своимъ сыномъ, но эти душепагубныя утѣшенія далеки были отъ души Елевѣерія, тоскующей по небесномъ отечествѣ. Несчастнѣйшій отступникъ, слушая суетныя обѣщанія эффенди, сказалъ ему, что онъ такъ печалится о своей матери, а между тѣмъ мысленно вопіялъ словами Пророка: „разжеся сердце мое, и утроба моя измѣнишася отъ окаяннаго моего отреченія отъ Тебя, Христе!“

Пробывши въ Адрианополѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, турки возвратились наконецъ въ Константинополь. Но и здѣсь несчастнѣйшій Елевѣерій не имѣлъ позволенія свободно выходить изъ дома, и здѣсь усиленъ былъ надъ нимъ надзоръ, какъ и въ Шумлѣ. Потерявши всю надежду на человѣческія средства къ своему освобожденію, онъ прибѣгъ съ теплыми мольбами и горькими слезами къ готовой Заступницѣ кающихся грѣшниковъ — Пресвятой Богородицѣ, и отъ всей души просилъ Ее извести его изъ этой глубины погибельной, и быть ему, какъ другой Маріи Египетской, ходатайницею и споручницею къ Сыну Ея и Богу, Котораго онъ безумно отрекся. Моленія кающагося отступника не остались тщетными, всемилосердая Владычица не презрѣла горькихъ его слезъ и тяжкихъ воздыханій, такъ какъ вскорѣ при небесной помощи и Божественномъ покровѣ, ему представился случай бѣжать изъ этого дома. Но, какъ видно, врагъ человѣческаго спасенія не желалъ выпустить жертвы изъ своихъ когтей, а потому ухищрялся ослабить и перемѣнить святую рѣшимость и благочестивое настроеніе души

Елевѳерія: поставилъ ему новую сѣть на пути его обращенія къ истинной вѣрѣ. Вдругъ ему приносятъ въ даръ драгоценнѣйшія одежды отъ женъ рейсъ-эффенди, съ общаніемъ еще большихъ благъ. Мужественный Елевѳерій, видя явное коварство діавола, въ душѣ посмѣялся его кознямъ; впрочемъ съ притворною радостію и удовольствіемъ принялъ онъ все посланное и чрезъ принесшаго раба изъявилъ пославшимъ великую свою благодарность. Всю ночь послѣ этого обольстительнаго поступка раскаявающійся Елевѳерій провелъ въ теплыхъ моленіяхъ и слезахъ, прося Царицу небесную указать ему способъ и удобство скрыться отъ рейсъ-эффенди. Поутру, лишь только солнце начало разливать живительные лучи и золотить ими верхи горъ, Елевѳерій, возведши очи и умъ свой къ мысленному солнцу правды Христу, молилъ Его быть ему свѣтомъ и путеводителемъ, враговъ же его поразить тьмою, дабы они не воспрепятствовали ему бѣжать изъ ненавистнаго ему дома, для взысканія небснаго Жениха, какъ невѣста, изображенная въ книгѣ Пѣснь Пѣсней (Пѣсн. Пѣсн. 3, 1), и съ этою молитвою, покрываемый Богомъ, вышелъ оттуда никѣмъ незамѣченный.

Освободившись изъ погибельнаго общества, онъ почти съ быстротою птицы прибѣжалъ прямо въ патріаршіи домъ, отыскалъ тамъ одного знакомаго ему духовника, родомъ изъ Целопонеса, исповѣдалъ ему о себѣ все подробно, и послѣ этого сталъ просить у него христіанской одежды. Духовникъ, быть можетъ, по невозможности скоро найти эти одежды, или же страха ради, не исполнилъ просьбы Елевѳерія, и сказавъ ему лишь нѣсколько душеполезныхъ словъ, отпустилъ его отъ себя съ миромъ.

Оставивъ духовника, Елевѳерій поспѣшилъ въ домъ Россійскаго посольства, и здѣсь только онъ могъ вздохнуть свободно и изъ глубины наболѣвшаго сердца громко возо-

пиль: слава Тебѣ, изведшему меня изъ ада и тьмы смертна, Христе Боже!

Всѣ бывшіе въ посольствѣ изумились, видя Елевеерія въ турецкихъ одеждахъ, тогда какъ прежде знали его христіаниномъ *). Узнавши отъ него все лучившееся, русскіе поболѣли душою, сняли турецкую одежду, одѣли въ христіанскую, и прославили Бога за освобожденіе раба Своего изъ устъ пагубнаго змія. Черезъ четыре дня нашлось судно, плывшее въ Стримонскій заливъ, но имѣвшее необходимость быть и на Святой горѣ, на которомъ Елевеерій и отправился. Спутникомъ его былъ одинъ боголюбивый христіанинъ изъ Пелопонеса, именемъ Іоаннъ. Христолюбивый этотъ Іоаннъ собрался было уже отправляться на другомъ суднѣ въ Россію, но узнавши отъ Елевеерія всѣ бывшія съ нимъ приключенія, рѣшился сопутствовать ему на св. Аѳонскую гору. Достигши Святой горы, они пристали къ лаврѣ св. Аѳанасія. Здѣсь встрѣтили они святѣйшаго патріарха прежде бывшаго Константинопольскаго Григорія, пребывавшаго тамъ на покоѣ. Съ глубокою скорбію Елевеерій рассказалъ сему святителю всѣ подробности своей жизни. Соболезновала и сострадала и великая душа патріарха по Божѣ отступнику. Слупая его рассказъ, патріархъ высылалъ благодареніе Богу, не хотящему смерти грѣшника, за преславное освобожденіе Елевеерія изъ сѣтей дьявольскихъ; боголюбиваго же спутника Елевееріева благословилъ, и обѣщая ему великія награды отъ Христа Бога за любовь его къ брату, отпустилъ съ миромъ, заповѣдая никому другому не рассказывать о семъ дѣдѣ. А Елевеерія удержалъ при себѣ, и повелѣлъ ему ходить каждый день къ благоговѣйному и добродѣтельному лаврскому ду-

*) Еще въ то время, когда онъ жилъ въ Константинополѣ, нередко бывалъ въ домѣ Россійскаго посольства, а потому всѣмъ тамъ живущимъ и былъ извѣстенъ, какъ христіанинъ.

ховнику Мелетію, родомъ изъ Крита, для слушанія умиловительныхъ молитвъ по установленію Церкви.

Черезъ 40 дней Елевѣерій былъ помазанъ св. муромъ, и такимъ образомъ избавившись отъ плѣна всегубителя, воспріялъ опять наименованіе христіанина и, снова вписанный въ книгу жизни, сдѣлался рабомъ Христовымъ. Получивъ печать Св. Духа, онъ опять сдѣлался согражданиномъ Ангеловъ, чадомъ Божіимъ и сонаслѣдникомъ Христовымъ.

Укрѣпившись духовно, и исполнившись безмѣрной святой радости, Елевѣерій, оставивъ Лавру, приходитъ въ скитъ св. Анны, является къ священному и великому мужу іерею Василию, который уже нѣсколькихъ отступниковъ отъ православныя вѣры представилъ Христу мучениками, бывъ для нихъ руководителемъ и спутникомъ на страдальческіе подвиги, иногда даже съ опасностію своей жизни, и съ большими расходами изъ своихъ собственныхъ скудныхъ средствъ. Предъ симъ духовнымъ мужемъ, Елевѣерій съ сокрушеннымъ сердцемъ и смиреннымъ духомъ исповѣдалъ всю прошедшую свою жизнь.

Сострадая и милосердуя о Елевѣеріи, блаженная та душа удержала его при себѣ, много утѣшала и успокоивала духовно и тѣлесно. Пробывъ тамъ дней двадцать, подвизаясь по силѣ своей въ трудахъ отшельническихъ, Елевѣерій сталъ просить своего наставника, чтобъ онъ благословилъ его отправиться въ Константинополь и тамъ предать себя на мученія. Долго духовникъ не соглашался на это, но впослѣдствіи, хотя и противъ своей воли, изъявилъ согласіе на его желаніе, и далъ ему такую заповѣдь: если онъ узнанъ будетъ самими турками, тогда пусть вступаетъ въ подвигъ мученичества; въ противномъ же случаѣ да не дерзаетъ подвергать себя опасности. Тронутый милосердіемъ къ себѣ Божіимъ, Елевѣерій съ радостію при-

нялъ эту старческую заповѣдь и, взявши благословеніе и напутственную молитву отъ благочестиваго старца, отправился въ Константинополь. Здѣсь онъ въ продолженіе 8 дней неоднократно видѣлся съ знакомыми ему шестью рабами рейсъ-эффенди, но по судьбамъ, вѣдомымъ одному Богу, не былъ узнавъ ни ими, ни другимъ кѣмъ либо изъ мусульманъ. Отъ этой неудачи онъ сдѣлался печальнымъ, и съ скорбію сердечною отправился къ преждесказанному духовнику патриаршаго дома, рассказалъ ему о себѣ, а также объявилъ и заповѣдь своего старца, которую рѣшился нарушить и отдать себя произвольно въ руки мусульманъ, такъ какъ долѣе не можетъ переносить внутри палящаго его пламени любви Христовой. Но духовникъ не совѣтовалъ ему преступать заповѣдь старца и всячески старался убѣдить его престать отъ своего намѣренія, но послѣ долгаго сопротивленія со стороны Елевверія, желавшаго пролить свою кровь за Христа, благословилъ его, и пожелалъ благополучнаго совершенія высокаго и священнаго подвига. Итакъ, въ слѣдующій день—это было Преображеніе Господа нашего Иисуса Христа—Елевверій, приобщившись св. Христовыхъ Таинъ и вооружившись симъ страшнымъ для демоновъ оружіемъ, пошелъ съ дерзновеніемъ выдать себя въ руки турокъ, но по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Вожія, устроющаго все на нашу пользу, онъ на пути встрѣтился съ святогорскимъ лаврскимъ монахомъ Панкратіемъ, родомъ изъ Пелопонеса. На вопросъ его, Елевверій чистосердечно рассказалъ ему, какъ своему знакомому, о своемъ намѣреніи, но благоразумный Панкратій посовѣтовалъ ему лучше возвратиться на Святую гору, посвящать себя аскетическимъ подвигамъ, испытать себя точнѣе и совершеннѣе, и такимъ образомъ болѣе укрѣпившись душою и тѣломъ, и сдѣлавшись болѣе твердымъ въ своемъ намѣреніи и желаніи, потомъ уже вступитъ на высокій и страшный под-

вигъ мученичества. Панкратій ослабилъ рвеніе Елѣверія, который рѣшилъ отложить до времени исполненіе своего намѣренія, и по здравому совѣту своего доброжелателя рѣшилъ возвратиться на Святую гору. Но ненавистникъ добра, исконный врагъ рода человѣческаго, діаволь, зная, что Елѣверій по своей ревности и притомъ живя въ кругу добродѣтельныхъ старцевъ на Аѳонѣ, можетъ и самъ взойти на высоту добродѣтелей, началъ смущать его различными помыслами, и убѣждать сперва отправиться въ Іерусалимъ, на Синай, а послѣ еще въ какую нибудь страну. Познавъ въ этомъ внушеніи хитрость діавола, желающаго отклонить его отъ настоящаго пути, блаженный, при Божественной помощи, не соизволилъ лукавымъ внушеніямъ и отплылъ на Святую гору съ проигуменомъ Дохіарской обители Евгениемъ Митиленцемъ. Прибывъ на Святую гору, Елѣверій пробылъ у этого проигумена два мѣсяца, а потомъ отъ него перешелъ въ обитель Есфигменскую. Отсюда, спустя немного времени. онъ возвратился опять въ Дохіаръ. Здѣсь узналъ онъ отъ одного іеромонаха, именемъ Досіея, что въ Иверской обители находится двоюродный братъ его Онуфрій, и отъ радости заплакалъ, полагая, что при его воздѣйствіи приведетъ въ исполненіе свое намѣреніе. Но, съ другой стороны стыдясь своего отреченія, не пошелъ онъ тогда къ Онуфрію, хотя и былъ къ тому побуждаемъ Досіеемъ, а напротивъ чрезъ нѣсколько времени удалился въ пиргъ, принадлежащій Ставреникитской обители, къ духовнику Кириллу Митиленцу. Этотъ, принявъ отъ него исповѣдь, послалъ его въ священный скитъ честнаго и славнаго Пророка и Предтечи Господня Іоанна, къ духовнику Харлампію.

На пути въ этотъ скитъ, Елѣверій зашелъ въ обитель Иверскую, чтобы видѣться тамъ съ братомъ своимъ Онуфріемъ. Глубоко-трогательна была встрѣча ихъ. Онуфрій, по-

трясенный до глубины души, неутѣшно рыдалъ о великомъ несчастіи Елевѣерія: какихъ горькихъ словъ не произнесъ онъ тогда! Звѣрь лютъ, говорилъ онъ, какъ другой Іаковъ. пожралъ тебя (Быт. 37, 33), брате; кровопійца лютый разтерзалъ тебя, Елевѣеріе, и многое тому подобное высказалъ онъ брату своему. И Елевѣерій пролилъ токи слезъ изъ очей своихъ; и такимъ образомъ получивъ отъ брата своего великую пользу, онъ удалился къ упомянутому духовнику Харлампію. Спустя 29 дней, по усиленной просьбѣ Онуфріевой, принялъ къ себѣ Елевѣерія находящійся въ томъ же скиту Предтечи славившійся духовнымъ разсужденіемъ духовникъ іеромонахъ Никифоръ. Искренно исповѣдавшись новому духовнику своему, Елевѣерій съ радостию исполнилъ назначенную ему епитимію. Первою побѣдою его надъ діаволомъ, подъ новымъ симъ руководствомъ, была побѣда надъ страстію чревонеистовства. Однажды, томясь отъ долгаго поста и воздержанія, онъ увидѣлъ нѣсколько луковицъ: тотчасъ пришелъ ему помысль тайно съѣсть одну изъ нихъ (а между тѣмъ ему не велѣно было ѣсть ничего другаго, кромѣ сухаго хлѣба и воды). Когда въ 9 часу поданъ былъ ему хлѣбъ и вода и принесшій оныя удалился, тогда Елевѣерій взялъ луковицу, чтобы съѣсть ее, но вспомнивъ о грѣхѣ преслушанія и тайнояденія, блаженный пришелъ въ ужасъ, ибо въ ту минуту налегли на него непомѣрною тяжестію различные противурѣчущіе одинъ другому помыслы, съ которыми боролся онъ цѣлыхъ три часа, пока наконецъ съ гнѣвомъ бросилъ луковицу на землю, растопталъ ее и вкусилъ только хлѣба съ водою *).

Но кто же можетъ достойно разсказать о его подвигахъ, безмѣрномъ постѣ, бдѣніи, слезахъ, сердечномъ сокрушеніи, кротости, постоянномъ вниманіи къ себѣ, ласко-

*) Подобное сему видимъ и въ житіи св. Саввы Освященнаго, — разумѣемъ постоупокъ его съ яблокомъ.

вості ко всѣмъ, безмолвіи, молчаніи и состраданіи къ ближнимъ? Такимъ образомъ, Елєвєерій въ короткое время достигъ совершенства добродѣтелей и покорилъ плоть духу; душа его, объята Божественнымъ раченіемъ, уже не прилѣплялась ни къ чему временному и тлѣнному. Между тѣмъ въ душѣ его все болѣе и болѣе возжигалось пламенное желаніе мученичества, такъ что наконецъ онъ объявилъ духовному своему отцу о непремѣнномъ своемъ намѣреніи вступить въ подвигъ мученическій, и просилъ у него на то согласія. Но опытный старецъ не соизволилъ пока на его желаніе, а повелѣлъ ему увеличить подвиги и усерднѣе просить у Бога милости. Блаженный послушался и, принявши старческое повелѣніе, умножилъ свои посты, бдѣнія, молитвы и слезы; и что было особенно достойно удивленія, — находясь въ такомъ злостраданіи, онъ всегда былъ свѣтелъ лицомъ и постоянно веселъ. Кромѣ чрезвычайныхъ своихъ подвиговъ, подвижникъ Христовъ занимался чтеніемъ Божественнаго Евангелія и другихъ душеполезныхъ книгъ. Читая въ новомъ мартирологѣ о подвижникахъ и побѣдахъ св. новомучениковъ, онъ болѣе и болѣе расплялся сердечнымъ желаніемъ мученичества; когда же ему выставляли на видъ трудность этого подвига, нестерпимость мукъ, лютость мучителей и проч., тогда онъ всегда давалъ на это одинъ отвѣтъ: я никогда не размышляю о таковыхъ бѣдахъ и трудностяхъ и не измѣряю ихъ, но чувствую только великую печаль и неизреченную болѣзнь въ сердцѣ моемъ, что не имѣю тысячи тѣлъ, чтобы предать всѣ ихъ на мученическія страданія, и тысячи головъ для закланія за любовь Христову.

Нѣкогда Елєвєерій просилъ имѣвшаго о немъ попеченіе старца Акакія, (ученика Никифорова), да сотворить молитву къ Богу и узнаеть достовѣрно, есть ли воля Божія принять ему мученіе, и какъ предстать предъ мучителей,

самому ли собою, или ждать, пока они узнаютъ и возьмутъ его. Акакій, такое дѣло считая выше своего достоинства, отказался исполнить его просьбу, но Елевѣерій не переставалъ усиленно просить и умолять его о томъ. Чадо! скажаль ему однажды Акакій, хотя я и не достоинъ, но по любви христіанской и заповѣди Господней сотворилъ о тебѣ молитву къ Богу и получилъ извѣщеніе, что есть воля Творца небснаго вступить тебѣ на подвигъ мученія, притомъ ты долженъ идти для исповѣданія имени Христова предъ мучителей самъ собою, какъ самъ собою отрекся отъ Господа: противное обыкновенно врачуется противнымъ. Услышавъ это, блаженный исполнился радости и духовнаго веселія, и съ того времени еще болѣе увеличилъ свои подвиги, прося у Бога ускоренія времени къ совершенію мученичества.

Въ ту пору такое умиленіе и плачь дарованы ему были отъ Бога, что никто не видалъ его безъ слезъ и воздыханій; безъ нихъ онъ не вкушалъ даже пици. Помня о своемъ паденіи, онъ подобно пророку Давиду говорилъ: забыхъ снѣсти хлѣбъ мой отъ гласа воздыханія моего (Пс. 101, 5. 6).

Идя неуклонно путемъ подвижничества и всегда думая только о мученичествѣ, Елевѣерій въ одну ночь видитъ во снѣ, будто онъ, находясь внѣ своей каливы, весь былъ залитъ свѣтомъ, исходящимъ отъ креста, который состоялъ изъ свѣтлыхъ звѣздъ и видимъ былъ на восточной сторонѣ неба. Изумленіе и удивленіе овладѣли Елевѣеріемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ сердцѣ его ощущалась неизреченная радость. Близъ креста сего замѣтилъ онъ прекраснаго юношу, который сказаль ему: Елевѣерій! вотъ орудіе, силою котораго первый царь христіанскій, великій Константинъ, побѣдилъ враговъ своихъ: возьми оно, тецы и ты въ путь свой. Проснувшись послѣ сего видѣнія, онъ палъ на землю

и съ обильными слезами славилъ и благодарилъ Бога. Знаменіе это служило ему увѣреніемъ въ волю Вожеіи и сильнѣйшимъ побужденіемъ къ подвигу мученичества. Это видѣніе, онъ, по своему смиренномудрію сохранилъ какъ тайну до самаго часа отправления своего на мученичество.

Отправляясь на страданія, онъ рассказалъ еще и о другомъ утѣшительномъ видѣніи. Въ одно время, говорилъ онъ, видѣлъ я высокій и прекрасный тронъ, на немъ съ великою славою и благолѣпіемъ сидѣла Пресвятая Богородица; вокругъ трона стояло безчисленное множество воиновъ и слугъ, изъ которыхъ каждый дѣлалъ Богоматери поклоненіе, и потомъ удалялся. Тогда, подобно другимъ и я съ великимъ страхомъ и признаніемъ своего недостойнства, приблизился къ Ней и поклонился. Богородица положила мнѣ на голову Свою руку, и нѣсколько минутъ держала ее; въ это время я проснулся и почувствовалъ въ сердцѣ своемъ неизъяснимую радость, а вскорѣ затѣмъ изъ очей моихъ неволью потекли слезы обильною струею и особенно усладили мою душу. Не явныя ли это доказательства великаго попеченія Богоматери объ Елѣвоеріи?! Послѣ сего еще болѣе усилился пламень въ душѣ его, и онъ снова просилъ благословенія и молитвы на отправленіе въ избранный имъ путь, но видя всѣхъ не соизволяющими его намѣренію, сталъ скорбѣть и печалиться, пока наконецъ сталъ настойчиво требовать согласія, — которое, хотя и съ неохотою, но вынуждены были дать ему благочестивые старцы. А такъ какъ Елѣвоерій приготовлялся къ закланію за Христа, то, чтобы всецѣло посвятить себя Христу, онъ принялъ постриженіе въ ангельскій образъ съ именемъ Евоимія.

Въ одинъ день старецъ его Акакій, рассказывая ему о славѣ мучениковъ на небесахъ и о ихъ дерзновеніи предъ престоломъ Божиимъ въ ходатайствѣ за всѣхъ просящихъ

ихъ помощи, просилъ его, чтобы онъ, въ часъ мученической своей кончины, умолилъ Всевышняго о скорѣйшемъ его разрѣшеніи отъ тѣла, и о сожительствѣ на небесахъ вмѣстѣ съ нимъ. Евѣимій, по своему смиренномудрію, сначала отрицался отъ этого, называя себя чуждымъ такого дерзновенія, но когда Акакій еще настоятельнѣе сталъ убѣждать его къ тому, сказалъ: нѣтъ еще воли Божіей, отче, отыти тебѣ изъ сей жизни: послѣ меня придетъ къ вамъ другой братъ, котораго прошу полюбить и позаботиться о немъ какъ обо мнѣ,—онъ имѣетъ шествовать въ горняя тоже путемъ мученичества. Предсказаніе блаженнаго вполне оправдалось, такъ какъ вскорѣ послѣ святой его кончины, на его мѣсто пришелъ св. Игнатій *).

Однажды Акакій въ келліи Евѣимія нашель записку, въ которой были написаны числа: пять тысячъ, двѣ тысячи, три тысячи и т. д. Что это? спросилъ старецъ. Отче! такъ какъ мы намѣреваемся отправиться въ путь, а на морѣ я не могу исполнить положеннаго мнѣ правила, то удвою его теперь, да не осужденъ буду, какъ лѣнивый рабъ. Акакій одобрилъ такую его точность относительно монашескаго правила, похвалилъ внимательность его къ своей обязанности, и такое приготовленіе къ закланію за любовь Христову.

Между тѣмъ не дремалъ и врагъ всякаго добра — дьяволъ: дабы отклонить Евѣимія отъ мученичества, онъ старался всѣять въ его душу робость. Такъ въ одну ночь видитъ онъ во снѣ, будто собралось къ нему множество безобразныхъ еѳіоповъ, которые сначала произвели страшный шумъ, потомъ развели большой огонь и, обратившись къ Евѣимію сказали: вотъ человекъ идетъ на мученія, а не разсуждаетъ о томъ, что мы побѣдимъ его. Бросимъ-ка его въ этотъ огонь, и посмотримъ, можетъ ли онъ пере-

*) См. его житіе октября 20.

нести мученичество;—и тотчасъ какъ будто бы на самомъ дѣлѣ схватили его и намѣревались бросить въ средину огня. Пробудившись, Евѳимій призвалъ Божественную помощь и такимъ образомъ избавился отъ дѣвольскаго наважденія.

Наконецъ, настало давно желанное время отшествія Евѳимія въ святой и богопріятный путь. По пути онъ зашелъ въ Иверскую обитель проститься съ Онуфріемъ. Умилительно было ихъ прощаніе, послѣ котораго Онуфрій ввелъ Евѳимія въ храмъ Богородицы Портаитиссы и, приблизивъ его къ чудотворному Ея образу, сказалъ со слезами: въ руки Твои предаю, Госпоже, сего вольнаго мученика; будь ему, всенепорочная, дверью въ царство небесное, укрѣпи его на брань противу видимыхъ и невидимыхъ враговъ, и представь его Сыну Твоему и Богу жертвою совершенною и благоугодною.

Итакъ, 21-го февраля, провождаемый многими отцами, Евѳимій удалился со Святой горы, въ сопровожденіи одного изъ послушниковъ духовнаго отца его Григорія, который посланъ съ нимъ по просьбѣ Онуфрія. Послѣ великихъ бурь и бѣдъ, претерпѣнныхъ ими по дѣйству діавола на морѣ, 2-го марта прибыли они въ Каллиполь. Евѳимій, узнавши, что здѣсь живутъ три паши со множествомъ турецкихъ войскъ, и что тамъ же есть и нѣкоторые изъ людей рейсъ-эффенди, отъ великаго усердія къ мученичеству, говорилъ Григорію: отче! вотъ и здѣсь есть турки, что препятствуетъ мнѣ свидѣтельствовать предъ ними правую мою вѣру? совершу подвигъ мой и тутъ. О мысль боголюбивая! О любовь ко Христу огненная! Вотъ турки, говоритъ блаженный, что препятствуетъ мнѣ принять желаемую смерть? Этими восторженными словами онъ уподобляется евнуху Кандакіи, который въ порывѣ сердечной ревности, говоритъ Апостолу Филиппу: се вода, что возбраняетъ мнѣ креститься (Дѣян. 8, 36)? Какое имѣлъ тотъ усердіе кре-

ститься въ водѣ; такое же имѣлъ и Евѣимій креститься своею кровію — крещеніемъ изъ всѣхъ крещеній труднѣйшимъ. Однако на это пламенное его желаніе Григорій не соизволилъ, а только здѣсь совершенно было надъ нимъ св. елеосвященіе; потомъ они оба приобщились св. Христовыхъ Таинъ, и 9-го числа того же мѣсяца, отправились отсюда и прибыли въ Артаки. Здѣсь выслушали они акаѣистную пѣснь Богоматери, и снова приобщились св. Таинъ. Изъ Артаки 19-го марта, въ четвертокъ 6-й недѣли Великаго поста, прибыли въ Галату Константинопольскую, и остановились у одного благочестиваго христіанина Григорія, который принялъ ихъ, какъ людей Вожихъ, и оказывалъ имъ большое вниманіе.

Наканунѣ Цвѣтоносной недѣли надъ Евѣиміемъ снова совершенно было св. елеосвященіе, и опять оба они приобщились Пречистыхъ Таинъ. Въ недѣлю же Ваій въ храмѣ св. Предтечи за Божественной литургіей еще сподобились пренебеснаго сего дара, и послѣ литургіи отправились прямо на одинъ кефалонійскій корабль, капитанъ котораго принялъ ихъ съ радостію и любовію. Здѣсь Евѣимій снялъ съ себя монашеское одѣяніе и одѣлся въ заранѣе приготовленныя турецкія одежды. Тогда, поклонившись спутнику своему Григорію, Евѣимій сказалъ: благослови, отче, твоего слугу и брата! Богъ заплатитъ вамъ за всѣ благодѣянія, какія оказали вы мнѣ недостойному, и наградитъ тебя небесными дарами за труды твои. Сокрушился сердцемъ Григорій, и началъ проливать слезы о разлукѣ съ Евѣиміемъ. Не возбуждай, отче, своими слезами скорби въ моемъ сердцѣ, а лучше проси Бога, чтобъ Онъ помогъ мнѣ побѣдить врага—дѣвола, и мужественно окончить великій подвигъ. Потомъ, давъ послѣднее о Христѣ цѣлованіе Григорію и всѣмъ находившимся тамъ христіанамъ, стоявшимъ съ непокровенными главами и удивляющимся его му-

жеству, приснопамятнѣй взялъ въ руки свои крестъ и ваѣа, взятыя имъ въ церкви св. Предтечи, и вооружившись сими оружіями, переходитъ съ корабля на сушу, и мужественно идетъ, какъ пѣсенная невѣста, обрѣсти сладкаго и таинственнаго Жениха. Казалось, сего сладчайшаго Обручника, Пастыря и Посѣтителя душъ нашихъ, нигдѣ нельзя было обрѣсти ему такъ скоро, какъ во дворцѣ тирановъ и игемоновъ; посему имѣя намѣреніе проникнуть къ нимъ, онъ на пути зывалъ къ Нему: Владыко Іисусе Христе! Ты, пребывая святою Своею плотію на грѣшной нашей землѣ, не отвергъ того мвра, которое кающаяся грѣшница изліяла на Пречистую главу Твою: не возгнущайся же и мною грѣшнымъ, пріими и отъ меня не мвро, а самую мою кровь, которую спѣшу излить ради Твоей любви; и какъ той грѣшницѣ не возбранилъ входа въ домъ Симона прокаженнаго, такъ Владыко, сотвори и для меня свободнымъ входъ въ дворцы безбожныхъ мучителей, да проповѣдую тамъ имя Твое святое, и постыжу прельстившаго меня діавола, и посрамлю ихъ мусульманскую вѣру. Такъ молился онъ со многими слезами и болѣзнію сердца, и о томъ же умолялъ Пресвятую Богородицу, какъ споручницу и непостыдную нашу помощницу. Послѣ этой молитвы, произвольнѣй страдалецъ, сотворивъ на себѣ крестное знаменіе, вошелъ въ высокую Порту, и будучи никѣмъ не остановленнѣй, предсталъ предъ самого турецкаго визиря Рушуть-пашу, и безъ всякаго смущенія и страха сказалъ ему: „господинъ! я христіанинъ еще отъ предковъ: отецъ мой называется Панагіотомъ, а мать Марією; кромѣ того имѣю и другихъ трехъ братьевъ и одну сестру, и всѣ мы христіане. А эти одежды, которыя на мнѣ, я получилъ отъ тебя, и чтобы удостовѣриться тебѣ, что я христіанинъ, вотъ крестъ, который неложная наша христіанская вѣра дала намъ, какъ оружіе противу всѣхъ враговъ; а вотъ и

ваіа, которыя тоже знаменіе христіанское, но чтобы ты еще болѣе увѣрился въ сказанномъ мною, вотъ я предъ тобою попираю знаменіе лживой вашей вѣры!“ Говоря это, онъ снялъ съ головы своей зеленую повязку, бросилъ ее на землю и началъ попирать и проклинать обманщика Магомета. Визирь изумился, видя двадцатилѣтняго юношу, представшаго предъ нимъ съ такимъ дерзновеніемъ и мужествомъ, и называвшаго вѣру ихъ лживою, а пророка обманщикомъ. Какъ будто не обращая вниманія на Евѣиміа, визирь съ негодованіемъ обратился къ предстоящимъ слугамъ и гнѣвно сказалъ имъ: зачѣмъ допустили ко мнѣ такого человѣка? Потомъ приказалъ особому своему чиновнику испытать, не пьянъ ли этотъ дерзкій, или не безумный ли онъ?—Нѣтъ, отвѣчалъ Евѣимій, умъ мой здоровъ, потому-то и исповѣдую Иисуса Христа Богомъ истиннымъ и Творцемъ неба и земли, а себя христіаниномъ и желаю умереть по любви ко Христу моему.

— Такъ, значитъ, ты пьянъ, сказалъ визирь.

— И не пьянъ, отвѣчалъ мученикъ: вотъ уже три дня, какъ я ничего не ѣлъ.

Тогда визирь приказалъ своимъ слугамъ свергнуть его въ темницу, что тотчасъ же усердными служителями было исполнено. Въ смрадной тюрьмѣ забили ноги его въ колоды и заковали въ тяжелыя цѣпи. Черезъ часъ Евѣимій представленъ былъ предъ визиря для вторичнаго допроса.

— Пришелъ ли ты въ себя, или остаешься еще въ прежней твоей прелести? спросилъ его нечестивый судья.

— Я сказалъ тебѣ, отвѣчалъ мученикъ, что я христіанинъ, и сынъ христіанскихъ родителей, и что я отъ всей души вѣрую во Иисуса Христа Бога истиннаго, Который содѣлался человѣкомъ ради спасенія насъ человѣковъ, и Который опять прійдетъ и будетъ судить людей, дабы воздать каждому по дѣламъ его (Римл. 2, 6).

— Оставь это бесполезное суесловіе, обратись въ нашу вѣру, въ которой ты уже былъ, и получишь отъ меня великія почести и богатства.

— Напрасно прельщаешь меня, господинъ, и напрасно предлагаешь отречься истиннаго Бога, сладчайшаго моего Иисуса, и принять вашу вѣру, которая исполнена только басней и разврата. Вѣдь и жизнь самого вашего учителя была до крайности гнусная, и притомъ онъ имѣлъ въ себѣ бѣса, и этотъ бѣсуемый вашъ наставникъ и васъ научилъ творить всякаго вида нечистоту, а вы вѣруете въ него, какъ въ пророка. Не срамъ ли это человѣку, существу, одаренному отъ Бога разумомъ?

— Если ты не отречься своего Христа и не примешь нашу вѣру, я предамъ тебя жестокимъ мукамъ.

— О, Христе Царю! велегласно воскликнулъ мученикъ, не попусти, чтобы я отрекся Тебя создателя моего, ни словомъ, ни дѣломъ, хотя бы изрѣзали это снѣдное для червей тѣло мое на куски.

Послѣ сего визирь повелѣлъ наложить на голову мученика зеленую повязку, которую Евѡимій снялъ, разорвалъ на двое и бросилъ въ визиря, говоря: возьми себѣ свое, а мнѣ оставь мое.

Разгнѣвавшись, визирь приказалъ тотчасъ же снова бросить его въ темницу и бить презестоко. Слуги его, какъ разъяренные звѣри схватили страдальца и безжалостно избивъ его, ввергли въ темницу. Тамъ собравшись, какъ вороны на трупъ, безчеловѣчные мучители то устрашали страстотерпца, то обольщали обѣщаніемъ всѣхъ благъ міра сего; мужественный же Христовъ подвижникъ каждому изъ нихъ давалъ приличные отвѣты, во всемъ осмѣивалъ ихъ и уничижалъ преступную вѣру ихъ. Черезъ три часа отъ начала истязаній, мученикъ, по опредѣленію визиря, представленъ былъ на третье испытаніе.

— Пришелъ ли ты въ раскаяніе, или еще остаешься въ своемъ упорствѣ? спросилъ визирь мученика.

— Одна есть истинная вѣра христіанская, судья, отвѣчалъ мученикъ, и одинъ Богъ тріипостасный, тварію славимый, Отецъ, Сынъ и Святыи Духъ,—едино нераздѣльное естество Божества. Въ сіе имя я и крестился, и содѣлался сыномъ Божіимъ по благодати; какъ же мнѣ послѣ сего увѣровать въ обманщика лжепророка вашего Магомета? Бывъ здѣсь на землѣ жилищемъ сатаны, онъ и теперь находится въ объятіяхъ отца своего діавола, и васъ ослѣпленныхъ, которые увѣровали въ него, какъ въ пророка, ожидаетъ одинаковая съ нимъ мука. Знайте, что никто столько не прогнѣвалъ Бога, какъ вашъ лжепророкъ, который столько душъ увлекъ съ собою въ погибель, куда и вы жалкіе самопроизвольно стремитесь. Истинно говорю вамъ: если не оставите вѣру въ прельстившаго васъ лжепророка и не сдѣлаетесь христіанами, то на вѣки погибнете и преданы будете горькимъ вѣчнымъ адскимъ мукамъ.

Хвала свободѣ устъ твоихъ, мужественный подвижникъ Господень! Слава великодушію твоему, небесныхъ похвалъ достойному!

Когда визирь услышалъ эти дерзновенныя и обличительныя рѣчи, то весь измѣнился отъ гнѣва, и не въ состояніи былъ уже переносить дерзновеніе мученика, и отчаявшись поколебать рѣшимость и твердость мыслей его, осудилъ его на вечное усѣченіе. Тогда палачъ взялъ Евѣиміа и хотѣлъ было связать ему назадъ руки, но мученикъ не допустилъ и сказалъ ему: для чего тебѣ вязать меня, когда я пришелъ сюда незваннымъ? вѣдь ты не привелъ меня, какъ преступника?—Послѣ нѣкотораго раздумья, палачъ оставилъ его.

Итакъ, славный подвижникъ Христовъ вышелъ изъ незаконнаго того судилища съ лицомъ веселымъ и радост-

нымъ, не какъ на смерть, а какъ бы на брачный пирь, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой ваіа, чему удивлялись не только христіане, но даже и самые враги св. нашей вѣры.

Достигши опредѣленнаго мѣста, палачи остановились. Въ это время мученикъ, ставши лицомъ на востокъ и простерши руки къ небу, произнесъ о себѣ и о всемъ мірѣ пламенную ко Господу Богу молитву. По окончаніи молитвы, онъ сотворилъ на себѣ крестное знаменіе, облобызалъ честный крестъ, который держалъ въ рукахъ, и весь полный радости и благодати Божіей, преклонилъ колѣна и главу свою со словами: Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой. Тогда палачъ ударилъ мечемъ его во главу, но не отсѣкъ ее за одинъ разъ: — сѣки вѣрнѣе, сказалъ палачу мученикъ при этой неудачѣ. — О чуднаго мужества свѣтлѣйшій подвижникъ! — Потомъ палачъ ударилъ во второй разъ, но опять неудача, — онъ отсѣкъ у страдальца только одинъ кусокъ тѣла. Послѣ сего онъ заклалъ уже мученика, какъ овцу, въ гортань, и такимъ образомъ исполнилось пророчество мученика, который еще прежде говорилъ, что заколютъ его какъ овцу.

Итакъ, мужественный, непобѣдимый и преславный Евѳимій получилъ, наконецъ, столь пламенно желаемую имъ блаженную кончину 1814 года въ 22 день мѣсяца марта, въ Вербное воскресеніе, въ 6 часу дня. Къ изумленію всѣхъ зрителей, страдальческое тѣло его и по закланіи оставалось стоящимъ на колѣняхъ, но чтобъ не посрамиться болѣе, нечестивцы намѣренно толкнули его и оно упало.

Надобно сказать, что разставшись съ мученикомъ, спутникъ св. Евѳимія Григорій отправился туда, гдѣ они остановились, потому что мученикъ заповѣдалъ ему, возвратившись въ свое мѣсто, молиться о немъ Богу цѣлыхъ три часа, и потомъ освѣдомиться о немъ. Григорій такъ и по-

ступилъ. Черезъ три часа, когда мученикъ послѣ истязаній ведень былъ уже на смертную казнь, онъ послалъ упомянутаго христіанина узнать о страсготерпцѣ. Христолюбецъ этотъ, сподобившись видѣть кончину мученика, извѣстилъ о ней Григорія, который и поспѣшилъ увидѣть подвижника Христова, такъ славно восторжествовавшаго надъ діаволомъ.

А потомъ палачи подняли страдальческое тѣло, и, по желанію Григорія, отнесли оное на островъ Проти; такое доставленіе съ великимъ трудомъ и за большія деньги Григорій купилъ у палачей. При перенесеніи св. мощей мученика, не смотря на то, что они три дня оставались на открытомъ воздухѣ, текла еще теплая кровь, но славноѣ всего было то, что когда Григорій взялъ честную главу св. мученика и, лобызая ее со слезами, бесѣдовалъ съ мученикомъ какъ бы съ живымъ, тогда священная сія глава открыла очи, и какъ бы живая, веселымъ и пріятнымъ взоромъ смотрѣла на Григорія и на всѣхъ предстоящихъ, и это чудо совершилось дважды въ присутствіи многихъ.

Послѣ этого, Григорій, одѣвъ тѣло мученика въ иноческую одежду, положилъ его внутри храма Преображенія Господня.

Между тѣмъ Григорію желательно было перенести св. мощи мученика на Аѳонъ, но онъ недоумѣвалъ, какими путями достигнуть этой цѣли, почему и оставался пока въ Константинополѣ. Но преподобномученикъ Евѣимій однажды является ему во снѣ, успокаиваетъ его и обѣщаетъ, что онъ самъ въ свое время возьметъ свои мощи и перенесетъ на Святую гору *).

Еще другое чудо совершено было новомученикомъ, еще во время пребыванія Григорія въ Константинополѣ. У одного христіанина, имѣвшаго жительство въ Галатѣ, Еммануила Маргаритова, сынъ, именемъ Янкъ, шести лѣтъ, болѣлъ

*) См. жизнеописаніе св. преподобномуч. Игнатія, октября 20.

горячкою: четыре уже дня лежалъ онъ безъ чувствъ, и на выздоровленіе его потеряли надежду не только родные, но и врачи. Позванъ былъ въ домъ Эммануила съ мученическими одеждами Григорій. Лишь только больнаго обложили окровавленными одеждами мученика и напоили водою отъ орошенія ихъ, тотчасъ больной открылъ глаза, потомъ попросилъ еще той воды, съ благоговѣніемъ облобызаль мученическія одежды, и съ той минуты сталъ здоровъ.

Наконецъ, Григорій, обрѣтши полутный корабль, прибылъ на немъ на Святую гору, какъ Ангелъ — вѣстникъ исповѣданія и страдальческой кончины новаго преподобномученика Евѳимія. Привезъ онъ туда власы отъ честныя его главы и окровавленныя одежды, отъ которыхъ исходило благоуханіе.

Ради славы Божіей, не умолчимъ и о томъ чудѣ, которое совершилъ мученикъ во время пути Григорія на Святую гору. 21 числа апрѣля прибыли мы изъ Константинополя въ Дарданеллы, такъ рассказываетъ о себѣ одинъ христіанинъ изъ Месимврїи, именемъ Христодуль, сподобившійся исцѣлеть на себѣ чудо, совершенное св. мученикомъ. Тамъ я тяжело заболѣлъ сильнымъ ознобомъ и головою болью, и полагалъ, что уже стою близъ смерти, но лишь только напоили меня водою съ окровавленной одежды и волосъ новомученика Евѳимія, — великъ Ты, Христе Царю, тотчасъ я сдѣлался здоровъ, прибылъ со старцемъ Григоріемъ на Святую гору и поклонился тамъ священнымъ обителямъ въ вождѣльномъ здоровѣ.

Одинъ житель кидонискій, именемъ Антоній, заболѣлъ горячкою. Пришли друзья посѣтить его, между ними былъ нѣкто, по имени Кириакъ. Онъ сталъ рассказывать о совершившемся недавно мученичествѣ святаго; больной со вниманіемъ, благоговѣніемъ и вѣрою слушалъ рассказъ, и вдругъ началъ чувствовать облегченіе отъ болѣзни, а когда

окончился рассказъ о мученикѣ, тогда и болѣзнь совершенно прекратилась. Чувствуя себя здоровымъ, онъ всталъ съ постели и благодарилъ святаго, къ изумленію всѣхъ присутствующихъ, съ которыми тотчасъ же пошелъ на прогулку. Да у самаго Кириака получилъ исцѣленіе отъ одежды святаго его больной сынъ, за что въ благодарность послалъ святому прекрасную лампаду. Корабль, везшій сію лампаду, подвергся великой морской бурѣ, но какъ только повѣсили на паруса находившіяся на немъ одежды святаго,—море укротилось.

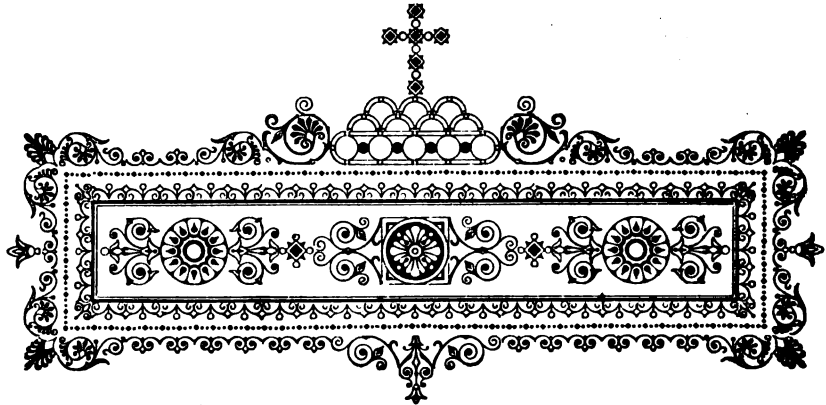
Надобно замѣтить, что Григорій, пребывая въ Константинополь, роздалъ многимъ христіанамъ части отъ одеждъ мученика, и отъ нихъ многіе исцѣлились отъ различныхъ болѣзней. Такъ, у одного врача, именемъ Марина, девятилѣтняя дочь исцѣлилась отъ бѣльма на глазу. Одинъ житель острова Проти избавился отъ блудныхъ помысловъ, которые часто беспокоили его, призываніемъ у гроба имени преподобномученика Евѣимія.

Молитвами святаго повопреподобномученика Евѣимія, да избавить и насъ Богъ отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и сподобимся получить царство небесное отъ Господа нашего Иисуса Христа. Ему же слава и держава въ нескончаемые вѣки вѣковъ. Аминь.

Честная глава св. преподобномученика Евѣимія находится нынѣ въ Русской на Аѳонѣ обители св. великомученика Пантелеимона.

(Память его совершается и 1-го мая вмѣстѣ съ свв. преподобномучениками Игнатіемъ и Авакіемъ).

М А Р Т А 23.

**Страданіе святаго преподобномученика
ЛУКИ *).**

Святыи преподобномученикъ Лука былъ родомъ изъ Адрианополя. Родители его были христіане — отецъ Аванасій, а мать Домница. Оставшии послѣ смерти отца сиротою 6-ти лѣтъ, Лука воспитывался въ крайней бѣдности со всеми лишеніями. Тѣснимая со всехъ сторонъ бѣдностію, мать отдала его одному Загорійскому купцу въ мальчики по торговой части. Благонамѣренный купецъ, взявши отрока къ себѣ въ домъ, обходился съ нимъ не какъ съ подчиненнымъ, но какъ съ роднымъ сыномъ, замѣнивъ ему въ этомъ отношеніи отца.

Однажды хозяинъ Луки отправился въ Россію по коммерческимъ дѣламъ, куда взялъ съ собою и Луку, которому въ это время было 13 лѣтъ; возвращаясь оттуда, онъ остановился въ Константинополь, не подозрѣвая, что здѣсь ожидается несчастнаго сироту глубокая скорбь. Такъ, въ

*) Изъ Νέον Λετρονάριον.

одинъ день онъ вышелъ изъ дому, въ которомъ они оставились, и поссорившись съ однимъ турченкомъ началъ бить его; увидя это, тутъ же находившіеся турки бросились на Луку, какъ разъяренные звѣри и, схвативъ его, хотѣли убить. Лука, чрезвычайно испугавшись ихъ свирѣпости и не находя никакого исхода избѣгнуть изъ рукъ жесточенныхъ защитниковъ турченка, закричалъ: „пустите меня, я потурчусь.“ Слово „потурчусь“ моментально перемѣнило свирѣпость турокъ, а одинъ изъ нихъ, Ага, сейчасъ же взялъ его и, приведши въ свой домъ, заставилъ Луку отречься отъ Христа и принять магометанскую вѣру. Несчастный отрокъ, будучи застрашенъ свирѣпостью и боясь, дабы его не стали бить и мучить, по своему дѣтскому легкомыслію отрекся отъ Христа—источника жизни, Творца неба и земли, не думая о послѣдствіяхъ отреченія. Но когда Лука успокоился и пришелъ въ себя, тогда увидѣлъ, въ какую онъ винулъ себя пропасть, промѣнявъ свѣтъ на тьму; при этомъ душа его страдала, а сердце обливалось горькими слезами; вмѣсто обычной радости и веселости, настали скука и тоска, и онъ горько раскаявался въ своемъ поступкѣ.

Ага, видя Луку печальнымъ, началъ утѣшать его, ласкать и обѣщалъ доставить ему всевозможныя блага. Но Лука, не смотря на свою юность, въ этомъ случаѣ показалъ себя совершеннымъ мужемъ, и на всѣ обѣщанія и ласки служителя Магомета смотрѣлъ съ презрѣніемъ, гнушаясь даже и слышать объ нихъ. Къ довершенію скорби, и свобода несчастнаго отрока была стѣснена, такъ что ему не позволяли выходить изъ дому, боясь, чтобы Лука не вырвался изъ ихъ когтей. Но однако Промыслъ Божій видя, что отрокъ, по дѣтскому своему неразумѣнію и страха ради, хотя и отрекся отъ христіанской вѣры, но горько въ этомъ раскаявается, далъ ему способъ уйти изъ дома, который

сталъ для него ненавистнымъ и мерзкимъ. Улучивъ удобное время, онъ извѣстилъ своего хозяина — купца и просилъ, чтобы онъ освободилъ его изъ той неволи, которой самъ былъ виновникомъ, притомъ какъ можно скорѣе, пока надъ нимъ не совершилось гнусное обрѣзаніе.

Получивъ эту нерадостную вѣсть, купецъ тотчасъ же пошелъ къ русскому посланнику, которому объяснилъ все подробно, прося его защиты и покровительства, и чтобы скорѣе избавить отъ гибели бѣдствующаго отрока. Посланникъ, выслушавъ заявленіе, немедленно послалъ къ Агѣ, требуя отдать Луку его хозяину. Но Ага чрезъ посланнаго отвѣчалъ: такъ какъ Луку никто насильно не принуждалъ отречься отъ христіанской вѣры и принять мусульманскую, а онъ самъ добровольно пришелъ въ его домъ безъ всякаго насилія, то поэтому никто не имѣетъ права требовать его обратно.

Когда посланный ушелъ, Ага изъ опасенія, чтобы вторично не стали требовать Луку, связалъ ему руки и насильственнымъ образомъ совершилъ надъ нимъ обрѣзаніе. Узнавъ объ этомъ гнусномъ обрядѣ, совершившемся надъ несчастнымъ отрокомъ, посланникъ, видя, что уже все дѣло потеряно, и что требованія будутъ бесполезны, посоветовалъ купцу извѣстить Луку, чтобы онъ, избравъ удобное время, бѣжалъ отъ Аги и приходилъ бы прямо въ русское посольство.

Въ тотъ же день купецъ извѣстилъ Луку, чтобы онъ бѣжалъ изъ того дому, что чрезъ нѣсколько дней отрокъ и сдѣлалъ: оставилъ навсегда злополучный тотъ домъ, въ которомъ произнесли его дѣтскія уста страшныя слова отреченія отъ Жизнодавца Христа, и прибѣжавши въ Галату, явился къ русскому посланнику, который приказалъ снять съ него турецкую одежду, и одѣтъ въ христіанскую; и въ тотъ же день отправилъ его въ Смирну, а изъ Смирны въ

Тирь. Здѣсь онъ заболѣлъ; болѣзнь день ото дня становилась опасною и близила его къ смерти. Въ это время, онъ горько раскаявался, боясь, какъ бы грозная смерть не похитила его безъ покаянія, а потому попросилъ призвать къ себѣ духовника, которому на исповѣди рассказалъ все, съ нимъ случившееся. Духовникъ, утѣшивши его, совѣтовалъ не предаваться отчаянію, а возложить всю надежду на промыслителя Бога, пекущагося о нашемъ спасеніи, Который устроитъ и его спасеніе, имиже вѣсть Самъ судьбами; при томъ ради осторожности того положенія, въ какомъ онъ находится, страшась, чтобы турки какими либо путями не узнали скрываемой имъ тайны, посоветовалъ ему удалиться на святую Аѳонскую гору, и тамъ въ тихомъ и безмятежномъ пристанищѣ, среди опытныхъ и процвѣтшихъ въ добродѣтеляхъ мужей, устроить и свое спасеніе.

Добрый совѣтъ духовника Лука принялъ съ радостію, и, какъ только болѣзнь облегчилась и онъ почувствовалъ въ себѣ настолько силъ, что возможно было предпринять путешествіе, отправился на Аѳонъ.

По прибытіи на Святую гору, Лука поступилъ въ лавру преподобнаго Аѳанасія. Поживши здѣсь нѣсколько времени, онъ перешелъ въ Иверскій монастырь, здѣсь онъ заявилъ иверскимъ старцамъ, что по неразумію и страха ради отречения Христа, и что насильственнымъ образомъ сдѣлано надъ нимъ обрѣзаніе. Старцы, выслушавъ Луку, послали его въ Предтеченскій скитъ къ духовнику, который, прочитавши надъ нимъ огласительныя молитвы, помазалъ его святымъ мѣромъ, и Лука, получивши печать Святаго Духа, опять возвращенъ былъ въ лоно Православной церкви.

Въ Иверскомъ монастырѣ Лука немного прожилъ, и вскорѣ отсюда перемѣстился въ Ставроникитскую обитель, и облеченъ былъ въ иноческое одѣяніе. Но однако и здѣсь

онъ не могъ ужиться и вскорѣ перешелъ въ Зографскій монастырь. Врагъ рода человѣческаго не давалъ ему покоя, наносилъ разныя искушенія, смущалъ его душу и не допускалъ долго уживаться на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, по попущенію Божію, искушеніе его дошло до того, что, не терпя вражескихъ нападеній, онъ оставилъ святую Аѳонскую гору и возвратился опять въ міръ. Приѣхавъ въ Кидонію, онъ началъ искать себѣ при тамошнихъ церквахъ мѣста пономаря, но здѣсь такового не оказалось. Отсюда поѣхалъ онъ въ Мосхонисію, а потомъ въ Митилинъ и въ Смирну, но нигдѣ не получилъ мѣста.

Такимъ образомъ, встрѣчая вездѣ неудачу и при томъ боясь свирѣпствовавшей тогда въ Смирнѣ чумы, возвратился опять на Святую гору и поступилъ въ Кеиропотамскій монастырь. Здѣсь онъ пробылъ не долго и изъ онаго перешелъ въ обитель Котлomuшъ, а отсюда, спустя нѣсколько времени, перемѣстился въ Предтеченскій скитъ, гдѣ на исповѣди разсказалъ духовнику о своихъ искушеніяхъ. Духовникъ, выслушавъ Луку, посоветовалъ ему поступить въ какой либо скитъ, и обѣщался оказать ему свое содѣйствіе, но такъ какъ Лука былъ молодъ, и еще не имѣлъ бороды, то, по тамошнимъ скитскимъ порядкамъ, нигдѣ его не принимали. Наконецъ по ходатайству духовника, онъ былъ принятъ въ Григоріатскій монастырь, но и отсюда по кознямъ всезлобнаго врага, не дававшего ему покоя, его прогнали. Всѣ эти искушенія были ему нанесены чрезъ попущеніе Божіе, для его душевной пользы. Это видно изъ слѣдующаго:

Будучи изгнанъ изъ Григоріатской обители, Лука началъ смущаться; что бы это значило, думалъ онъ, что меня вездѣ гонятъ, и перебирая въ умѣ всю свою жизнь, остановился на томъ: святая Аѳонская гора есть необуреваемое пристанище всѣхъ ищущихъ своего спасенія, здѣсь прово-

дять безмолвную и добродѣтельную жизнь множество иноковъ и всѣ они наслаждаются мирною спокойною жизнью; почему же я не могу ужиться ни въ одномъ мѣстѣ, и, переходя изъ обители въ обитель, нигдѣ не нахожу себѣ покоя? Разумѣется, что ко всему этому нѣтъ другой причины, кромѣ той, что я ношу на себѣ положенную на меня насильственнымъ образомъ, скверную печать діавола—обрѣзание? А потому для умиротворенія себя, необходимо исповѣдать Христа предъ Его врагами, пострадать за Него отъ тѣхъ, предъ которыми я несчастный страха ради отвергся Его, и проливши за искупителя моего Иисуса кровь, примириться съ Нимъ.

Послѣ этого Лука пошелъ къ своему старцу и объявилъ ему свое намѣреніе пострадать за Христа. Но старецъ отклонялъ его отъ намѣренія страдать за Христа, такъ какъ видѣлъ его еще настолько юнымъ, чтобы не дозволить ему идти на великій подвигъ мученія; при всемъ этомъ страшилъ его и неизвѣстный конецъ. А потому сказалъ ему: если никто не хочетъ тебя держать въ своемъ монастырѣ, то я соглашаюсь удалиться съ тобою куда нибудь и мы будемъ неразлучны во всю жизнь. Но однако ничто не могло отклонить Луку отъ мысли пострадать за Христа. Поэтому онъ оставилъ Григоріатскую обитель и пришелъ въ скитъ святыя Анны къ знакомому ему іеромонаху Виссаріону, который принялъ его съ отеческою любовію, и видя его печальнымъ, желалъ узнать причину его скорби. Лука, ничего не скрывая, открылъ ему о себѣ все подробно, а также и намѣреніе пострадать за Христа. Виссаріонъ, выслушавъ его, сказалъ: намѣреніе твое пострадать за имя Иисуса Христа прекрасное, но ты посмотри на себя: вѣдь ты еще такъ юнъ и неопытенъ, что я страшусь за тебя при одной лишь мысли попасть въ руки враговъ Господа нашего Иисуса Христа, турокъ, которые столь немилосердно

будутъ тебя мучить и терзать, поэтому я опасаюсь, чтобы вмѣсто подъятія мукъ за Христа не случилось бы тебѣ изъ боязни опять отречься отъ Него. А мой совѣтъ тебѣ такой: оставайся здѣсь въ нашемъ скиту и безмолвствуй, и Господь, видя твое покаяніе, проститъ и безъ мученія твое отреченіе отъ Него, которое оказано было по дѣтскому неразумію. Но Лука оставался твердымъ въ своемъ намѣреніи пострадать за Христа, и нисколько не склонялся на совѣтъ Виссаріона. Видя непреклонную мысль Луки, Виссаріонъ послалъ его для большаго вразумленія къ духовнику Ананіи. Но и Ананія, при объясненіи Лукѣ всѣхъ ужасовъ и мукъ, не могъ разубѣдить его не вдавать себя въ такой великій подвигъ, а потому совѣтовалъ ему испытать себя и, какъ слѣдуетъ, приготовиться къ мученическому подвигу, на что Лука согласился съ охотою.

Принявши отъ духовника келейное правило, Лука началъ подвизаться въ постѣ, бдѣніи, молитвѣ и колѣнопреклоненіи, имѣя постоянно въ своемъ умѣ крестную смерть Господа нашего Іисуса Христа. Но коварный діаволь, ненавидящій подвижниковъ Христовыхъ, и теперь не оставилъ его въ покоѣ. Такъ, онъ вооружилъ противъ него учениковъ Виссаріона, которые стали просить своего старца, чтобы Лука удалился отъ нихъ.

Въ это время, по Божію смотрѣнію, пристала къ берегамъ Аѳона лодка, идущая чрезъ Митилинъ въ Смирну, а потому Виссаріонъ съ духовникомъ рѣшили отправить Луку въ этой лодкѣ въ Митилинъ, на что согласился и блаженный, желавшій въ этомъ городѣ совершить свой мученическій подвигъ. Послѣ этого Лука сталъ убѣдительно просить Виссаріона постричь его въ великій ангельскій образъ и сопутствовать ему на мученіе. Виссаріонъ склонился на просьбу Луки, постригъ его въ монашество и, изготавивши все нужное для путешествія, 10-го марта они оста-

види Святую гору, а 13-го приплыли въ Тенедось. Здѣсь блаженный Лука, увидя турокъ, сказалъ Виссаріону: Отче! вотъ и здѣсь есть турки, не выдать ли себя имъ и пострадать за Христа, и совершить въ этомъ мѣстѣ мой подвигъ? О благочестивая ревность и любовь ко Христу! Божественная любовь, согрѣвша юное сердце, заставляетъ забыть все и самую жизнь. Она желаетъ лишь только одного: какъ можно скорѣй разрѣшиться отъ тѣла и вѣчно жить съ сладчайшимъ Іисусомъ. Но Виссаріонъ, не желая поступить вопреки благословенія старцевъ скита, возбранилъ ему вдать себя въ этомъ мѣстѣ на мученіе, а потому они отправились далѣе, и вскорѣ благополучно прибыли въ Митилинъ и, высадившись на берегъ, остановились въ домѣ священника Паренія. Въ это время дѣволъ, желая отклонить блаженнаго Луку отъ мученическаго за Христа страданія, началъ всѣвать въ его сердце хульные помыслы, притомъ съ такою адскою силою вооружился на Луку, что Виссаріонъ вынужденъ былъ читать надъ нимъ заклинательныя молитвы. Какъ только Лука умиротворился и сердце его стало покойно, тотчасъ пошли они въ церковь святыхъ великомученицы Варвары, гдѣ, для укрѣпленія себя, приобщились святыхъ Христовыхъ Таинъ. Пришедши изъ церкви, Лука одѣлся въ турецкую одежду и получилъ благословеніе отъ старца Виссаріона и священника и, давши имъ о Христѣ цѣлованіе, отправился къ дому, гдѣ было низшее судебное мѣсто. Но здѣсь почему-то не допустили его къ судѣ.

Не достигнувъ цѣли, Лука пошелъ въ Мехкеме, гдѣ, безъ затрудненія вошедши въ присутствіе, дерзновенно предсталъ предъ кади и спросилъ его:

— Скажи мнѣ судья, допускаетъ ли законъ оскорблять и смѣяться надъ отрокомъ, хоть положимъ надо мною?

— Кто же это смѣялъ тебя? спросилъ его кади.

— Осмѣялъ и смертельно оскорбилъ меня одинъ мусульманинъ, давши мнѣ ложную печать, дерзновенно отвѣчалъ святой мученикъ.

— Судья, не понимая объ какой печати идетъ рѣчь, приказалъ Лукѣ показать ему оную. Тогда мученикъ, вмѣняя стыдъ за Христа Бога въ славу, а безчестіе въ честь, началъ поднимать нижнюю часть своей одежды. Судьи, появивши въ чемъ дѣло, закричали: остановись, и не смѣй обнажать тѣла! Тогда мученикъ обратился къ нимъ и сказалъ:

— Бывши еще 13-ти лѣтнимъ отрокомъ я изъ страха лишиться жизни, принялъ вашу вѣру, не понимая несчастный того, что мѣняю истину на ложь, а свѣтъ на тьму, — все это я сдѣлалъ, говорю вамъ, страха ради, такъ какъ въ то время жизнь моя находилась въ опасности. Но когда я пришелъ въ совершенный возрастъ, то узналъ, что вѣра ваша ложная и Богопротивная, и тотъ, кого вы называете пророкомъ, не пророкъ, а обманщикъ. Итакъ теперь предъ вами безбоязненно отрекаюсь отъ вашей вѣры, а исповѣдую прежнюю мою христіанскую, которая есть свѣтъ, путь истинный и жизнь вѣчная. А также вѣрую и поклоняюсь, какъ истинному Богу, Господу нашему Иисусу Христу, въ Котораго если и вы не увѣруете, какъ я, то погибнете для жизни вѣчной и будете мучиться въ пламени вѣчномъ, вмѣстѣ съ вашимъ Магометомъ.

— Откуда ты? спросилъ его судья.

— Здѣшній, отвѣчалъ святой мученикъ.

— Гдѣ же пребывалъ до сихъ поръ?

— Въ Россіи.

— Отчего же ты не остался тамъ, а пришелъ сюда оскорблять судей и говорить разныя дерзости?

— Оттого, благодушно отвѣчалъ Христовъ мученикъ, что наши святыя книги повелѣваютъ намъ, что, гдѣ отрекся своей вѣры, тамъ долженъ и исповѣдывать ее.

— Какимъ же ты путемъ прибылъ сюда?

— На русскомъ кораблѣ.

— Гдѣ же ты остановился?

— Нигдѣ, а прямо пришелъ сюда.

Судья, подозрѣвая мученика не въ своемъ умѣ, обратившись къ другимъ тутъ бывшимъ чиновникамъ, сказалъ: этотъ юноша помѣшанный, испытайте его, узнаеть ли онъ свои башмаки или нѣтъ?

Слыша сіи слова, святой мученикъ тотчасъ вышелъ и, взявши свои башмаки, принесъ къ судѣ и сказалъ:

— Напрасно ты думаешь, что я сумасшедшій, смотри башмаки мои, а купилъ я ихъ здѣсь, въ этомъ городѣ.

— Жаль мнѣ тебя, дитя мое! сказалъ судья, какъ бы съ сожалѣніемъ. Послушай меня и оставь глупыя твои слова, иначе я вынужденъ предать тебя такимъ мукамъ, о которыхъ ты пикогда и не слыхалъ; подумай объ этомъ хорошенько и размысли: на что рѣшился ты?

— Я уже давно размыслилъ о всѣхъ этихъ мукахъ, спокойнымъ духомъ отвѣчалъ святой мученикъ, за этимъ то собственно я и пришелъ сюда; дѣлайте со мною, что хотите, но я ни за что въ мірѣ не отрекусь чистой и непорочной моей вѣры, и поклоняюсь Господу моему Иисусу Христу, Котораго я здѣсь же отрекся по невѣдѣнію моему.

Мусульмане, видя твердость святаго мученика, и чтобы отворотить его отъ Христа, употребили въ дѣло разныя обѣщанія и ласки, а потомъ и угрозы, но мученикъ, какъ твердый адамантъ, остался непреодолимымъ соблазномъ.

Судья, видя непреклонность мученика, приказалъ отвести его въ низшій судъ и отдать подъ надзоръ Назиру. Здѣсь святой мученикъ подвергнутъ былъ страшнымъ побоямъ отъ немилосердыхъ слугъ Назира за то, что попросилъ благословенія и молитвъ у митрополита Митилинскаго, пришедшаго къ Назиру по своему дѣлу. Митрополитъ,

узнавъ о добровольномъ мученикѣ, тотчасъ разослалъ по церквамъ граматы, приглашая всѣхъ христіанъ молиться за страдальца Христу Богу. Между тѣмъ Назиръ, то разными обѣщаніями, то ласками, наконецъ даже изъявивъ желаніе усыновить его, старался отклонить Луку отъ христіанской вѣры, но все было напрасно: воинъ Христовъ крѣпко стоялъ противъ соблазна. Въ это время Назира отозвали въ мечеть для прочтенія какого-то царскаго указа, куда повлекли и мученика. Въ мечети было многолюдное собраніе мусульманъ, которые, послѣ прочтенія указа, приступили къ мученику, начали его ласкать и обѣщать разныя почести съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ мусульманской вѣрѣ, но святой страдалецъ Христовъ твердо и мужественно отражалъ хитрость діавола, покушавшагося совратить его съ пути, который уже былъ близокъ къ концу. Въ этомъ случаѣ злобный врагъ сталъ употреблять всѣ усилія, дабы не допустить Луку до конца совершить подвигъ. Но сила молитвы, приносимой въ церквахъ по всему острову, за святаго мученика, привлекла на него благодать Божію, которая укрѣпила его противъ соблазна и умудрила его уста отражать всѣ нападенія служителей Магомета, обличая ихъ заблужденіе, такъ что сами враги удивлялись мудрости и мужеству слабаго отрока. Въ этомъ случаѣ въ полномъ смыслѣ исполнились на немъ слова, сказанныя въ Евангеліи Іисусомъ Христомъ: „*Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать; ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ* (Мѣ. 10, 19. 20). *Ибо Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противорѣчить, ни противустоять всѣмъ противящіяся вамъ* (Лук. 21, 15). Магометане, отъ стыла и злобы скрежетали зубами, досадуя, что не могли побѣдить юношу, такъ дерзновенно обличавшаго ихъ заблужденіе.

И только сказали ему: даемъ тебѣ три дня сроку, размысли о себѣ хорошенько, исповѣданіе нашей вѣры будетъ для тебя виною радостей и всякаго благополучія, а упорство твое навлечетъ горькія муки и безчестную смерть; потомъ приказали забить ноги мученика въ колоды и бросить въ тюрьму.

Во все это время шла по церквамъ усердная о мученикѣ молитва, а когда узнали, что его заключили въ тюрьму на три дня, то митрополитъ и Виссаріонъ, старецъ блаженнаго Луки, начали изыскивать средства, какимъ бы образомъ подать страдальцу Христову утѣшеніе, въ приобщеніи его святыми Тайнами. Для исполненія этого святаго дѣла нашелся одинъ благочестивый христіанинъ, добровольно вдавшивъ себя заключить въ тюрьму, какъ будто бы за неплатежъ подати, котораго и посадили вмѣстѣ со святымъ мученикомъ. Отъ этого благочестиваго христіанина блаженный Лука сподобился принять пречистыя Тайны Господа нашего Іисуса Христа и причаститься ими.

Черезъ три дня Назиръ, призвавши къ себѣ мученика, объявилъ ему, что если онъ не отречется отъ Христа, то будетъ повѣшенъ. Но святой отвѣчалъ, что остается непоколебимъ въ своемъ вѣрованіи. И такимъ образомъ Назиръ, потерявши всякую надежду на обольщеніе блаженнаго Луки, приказалъ вести его повѣсить. Когда привели святаго мученика на мѣсто казни и надѣта была на шею петля, тогда палачъ смѣясь сказалъ страдальцу: исповѣдуй Магомета, великаго нашего пророка, и мы отпустимъ тебя. Но святой мученикъ отвѣчалъ: вѣрую въ Господа моего Іисуса Христа и Тому Единому поклоняюсь. Тогда другой служитель съ насмѣшкою сказалъ: такъ пусть же придетъ твой Христосъ и освободитъ тебя изъ нашихъ рукъ; говоря это, варваръ вздернулъ кверху веревку и святой страстотерпецъ Христовъ, вися на воздухѣ, предалъ свою.

чистую душу въ руки Бога, 1802 года, марта 23-го дня, въ воскресенье, во второмъ часу утра по восточному счету времени (по русски въ 8 часовъ утра). Святое тѣло преподобномученика Луки оставалось висящимъ на мѣстѣ казни три дня и три ночи. Будучи хранимо Всевышнимъ Творцомъ, оно нисколько не пострадало отъ воздушныхъ перемѣнъ, а напротивъ было бѣло, глаза и уста закрыты покойно, такъ что мученикъ казался спящимъ самымъ мирнымъ и спокойнымъ сномъ; при этомъ изъ страдальческаго тѣла исходило необыкновенное благоуханіе на далекое пространство, что видя, христіане прославляли Бога, укрѣпившаго молодого юношу (16 лѣтъ) мужественно подвизаться и получить мученическій вѣнецъ.

Послѣ трехъ дней тѣло Святаго сняли съ висѣлицы, привязали на шею большой камень, и потомъ, положивши въ лодку, вывезли на средину моря и бросили въ пучину. Но вмѣсто того, чтобы святое тѣло утонуло въ волнахъ морскихъ, оно вмѣстѣ съ камнемъ осталось на поверхности моря, а на мѣстѣ, гдѣ была лодка, поднялась страшная буря, готовая поглотить ее вмѣстѣ съ палачами. Видя неминуемую себѣ гибель, палачи со страхомъ возвратились на берегъ. Съ наступленіемъ ночи, мощи святаго мученика были обрѣтены христіанами на берегу моря, бывъ, какъ видно, изнесены изъ онаго невидимою силою Божіею, и съ подобающею честью преданы землѣ. Оставшіяся же послѣ преподобномученика одежды приняли цѣлебную силу, такъ что отъ прикосновенія къ нимъ получили исцѣленія нѣсколько больныхъ. Молитвами святаго славнаго преподобномученика Луки, Спасителю міра, удостой и насъ поправить помощію Твоею всѣ козни, наносимыя намъ ненавистникомъ добра діаволомъ, и сподоби въ день страшнаго суда стать одесною со всеми угодившими Тебѣ. Аминь.

А П Р Ъ Л Я 4.

Страданіе святого священномученика НИКИТЫ.

Отечество святого священномученика Никиты было Албанія. Исторія не оставила намъ никакихъ фактовъ о его происхожденіи и родителяхъ, и чѣмъ занимался въ міру сей блаженный отецъ. Извѣстно только то, что онъ подвизался на святой Аѳонской горѣ сначала въ русскомъ монастырѣ св. великомученика Пантелеимона, проходя тамъ чередное священнослуженіе, а спустя нѣсколько времени удалился на безмолвіе въ скитъ святыя Анны. Здѣсь, проводя безмолвную и постническую жизнь, онъ усовершенствовалъ себя на столько, что сердце его переполнено было любовію къ Искупителю нашему Иисусу Христу, и что онъ по любви къ Нему и за ту драгоцѣнную кровь, которую Онъ излилъ на крестѣ за грѣхи рода человѣческаго, и самъ желалъ излить свою кровь, принявъ мученическую кончину.

Запавшая и издавна тлѣвшая въ его сердцѣ, искра, наконецъ, разгорѣлась въ пламень такъ, что онъ уже не въ состояніи долѣе переносить Божественнаго огня пылающаго

въ его сердцѣ, оставилъ Святую гору и, пришедши въ городъ Серры (Сересь), остановился въ Серронскомъ монастырѣ, гдѣ нѣсколько времени приготавливалъ себя къ мученическому подвигу, потомъ отсюда пошелъ къ правителю города, мужественно исповѣдалъ предъ нимъ Христа истиннымъ Богомъ, а Магомета, какъ прелестника и обманщика, обличилъ и проклялъ, за что воспріялъ мученическую кончину.

Настоятель этой обители іеромопахъ Константіи счелъ долгомъ записать день кончины святаго мученика и извѣстить о ней Русикъ, какъ первоначальное мѣсто его ипостасическихъ подвиговъ. Приводимъ здѣсь въ дословномъ переводѣ съ греческаго письмо достопочтеннаго настоятеля, въ которомъ онъ подробно изложилъ какъ обстоятельства предшествовавшія, такъ и самую доблестную кончину священномученика.

Письмо проигумена Константія изъ г. Сереса (въ Румиліи) въ Русскій на Аѳонѣ монастырь св. Пантелеимона о мученической кончинѣ преп. Никиты, іеромонаха сей обители *).

„Священно-инокъ Никита, по прибытіи въ Сересь, въ Великій понедѣльникъ, марта 30 (1808 г.), въ часъ ночи (т. е. отъ заката солнца) пришелъ на тамошнее подворье нашего монастыря Иліокалеосъ, и сталъ на пацрти церковной. Встрѣтившись тамъ съ іеродіакономъ, онъ спросилъ его: гдѣ настоятель подворья? тотъ отвѣчалъ: въ кельѣ своей.

*) И Русикъ, гдѣ священнодѣйствовалъ священномуч. Никита, и скитъ св. Анны, гдѣ онъ безмолвствовалъ, празднуютъ память его 4-го апрѣля (день мученической его кончины) по особо-со-ставленной службѣ.

— Имѣешь дѣло до него? спросилъ іеродіаконъ.

— Имѣю нужду нѣчто сказать ему, отвѣчалъ Никита.

Іеродіаконъ далъ знать проигумену, который, при входѣ въ церковь, взялъ за руку новопривышаго и указалъ ему мѣсто возлѣ себя. Тогда же начали и утреню, начинаемую у насъ съ вечера ради стеченія народа.

Во время чтенія каѳизмъ, настоятель подворья ввелъ приснопамятнаго въ алтарь и спросилъ: откуда онъ?

— Странникъ изъ Албаніи.

— Ради чего пришелъ сюда?

— Выслушать священную службу.

— Іерей ты или іеромонахъ?

— Іеромонахъ, отче; имя мое Никита, отвѣчалъ онъ смиренно.

Затѣмъ слушали службу до конца, а по окончаніи ея настоятель велѣлъ служащимъ дать пришедшему келью для отдыха и предложить трапезу, если не кушалъ; по отказѣ блаженнаго отъ ужина, отправились все на отдыхъ.

Въ полунощное время проигумень обходилъ, по обычаю своему, метохъ, и увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ на паперти стоящаго человѣка; подумавъ, не чужой ли? подошелъ къ нему и увидѣлъ священно-инока Никиту молящагося. Удивляясь этому, онъ сказалъ ему: заклинаю тебя, братъ, именемъ великаго Бога, скажи мнѣ откровенно, что за человекъ ты?

— Имѣю твердую рѣшимость, отвѣчалъ преподобный, пролить кровь мою по любви къ сладчайшему Іисусу Христу, затѣмъ и прибылъ въ этотъ городъ вашъ.

— Откуда ты прибылъ?

— Со святой горы Аѳонской, былъ его отвѣтъ.

Когда оба присѣли, Никита исповѣдалъ проигумену помыслы свои и открылъ сокровенное. По окончаніи исповѣди, обходившій возвратился въ свою келью, оставивъ

блаженнаго на папорти. Утромъ, на часахъ предъ литургіей преждеосвященныхъ Даровъ, впреподобный попросилъ служащаго дозволить ему впередъ приобщиться Преч. Таинъ, объясняя, что нужно ему поспѣшить. Настоятель далъ дозволеніе. Послѣ причастія онъ просилъ отслужить о немъ молебень и хотѣлъ дать денегъ, но проигумень, отказываясь отъ вознагражденія, сказалъ: долгъ нашъ—сотворить прилежное моленіе о спасеніи твоёмъ, и затѣмъ, простившись, Никита вышелъ изъ подворья. Настоятель послалъ челоуѣка наблюдать издали, куда пойдетъ преподобный, и тотъ видѣлъ его, что онъ сначала близъ платана не мало времени размышлялъ о чемъ-то, потомъ пошелъ къ церкви св. Георгія, и съ такимъ извѣстіемъ наблюдавшій возвратился.

Послѣ этого Никита, какъ всѣмъ почти сдѣлалось извѣстнымъ, пришелъ къ мечети, находящейся внѣ города, которая называется по гречески „св. Софія,“ а по-турецки мечеть Ахмать паши; при ней живетъ духовный магометанскій учитель, имѣющій при себѣ учениковъ. Къ одному изъ нихъ хрому подошелъ преподобный и, сдѣлавъ обычное привѣтствіе, сѣлъ возлѣ него и спросилъ: отъ чего онъ хромаетъ и почему не старается быть уврачеваннымъ?

— Невозможно уврачевать меня, отвѣчалъ тотъ, ибо такимъ родился я.

Преподобный говоритъ: очень удобное исцѣленіе твое, если только захочешь послушаться меня.

Тотъ, съ удивленіемъ смотря на страннаго, спросилъ: въ чемъ тебя послушаться?

— Вѣруй въ Иисуса Христа—единаго истиннаго Бога, и тотчасъ, какъ крещень будешь въ вѣру христіанскую, общаю тебѣ со всею вѣрностію, что получишь во всемъ здоровье, и хромоты твоей слѣда не останется.

Когда выслушалъ это хромоу, ничего не отвѣчая, по-

спѣшно удалился къ учителю своему съ извѣщеніемъ, что пришелъ какой-то монахъ и сказалъ ему то и то. Господи́нь позвалъ его къ себѣ и спрашивалъ, откуда онъ и зачѣмъ говорилъ такъ ученику его? Блаженный объяснилъ, что онъ изъ Албаніи, и ходитъ для проповѣданія вѣры христіанской, которая одна есть истинная, и кто приметъ ее, тотъ не только спасется и пойдетъ по смерти въ царство небесное, но и здѣсь получить всякую благодать отъ Христа, единого истинного Бога. „Поэтому-то я, видя ученика твоего въ такомъ жалкомъ положеніи, посоветовалъ ему вѣровать во Христа для полученія и тѣлеснаго здоровья и по смерти царства небеснаго.“ Послѣ такого объясненія господи́нь немедленно послалъ за человѣкомъ отъ начальника города и, передавая преподобнаго въ руки его, сообщилъ, что онъ говорилъ противъ вѣры ихъ, и велѣлъ доставить его господи́ну своему. Градоначальникъ спросилъ: зачѣмъ онъ такъ открыто осуждаетъ исповѣданіе ихъ и учитъ магометанъ вѣровать во Христа. Священно-инокъ Никита такъ же увѣренно отвѣчалъ, какъ и учителю. Тотъ дивился дерзновенному отвѣту его; не въ силахъ же будучи возражать ему, велѣлъ тотчасъ отвезти на конакъ княжескій съ извѣщеніемъ Исухъ-бея, сына Измаиль бея, господина мѣста, который и присудилъ приведеннаго заключить въ темницу. На другой день позвалъ его къ себѣ и допрашивалъ подобно учителю и правителю города; послѣ такового же отвѣта, какой данъ былъ двумъ первымъ, его снова отвели въ темницу, а Исухъ-бей пригласилъ перваго законоучителя магометанъ, къ которому питали великое уваженіе не только простые турки въ городѣ, но и начальники, и сообщилъ ему, чему учить Никита.

Законоучитель, выслушавъ Исухъ-бея, на слѣдующій день, 2-го апрѣля (въ Вел. четвертокъ) пригласилъ всѣхъ знатныхъ и образованныхъ ревнителей вѣры своей; по

приведеніи исповѣдника Христова, велѣли ему садиться; подали, по восточному обычаю, кофе. Потомъ судья сказалъ: калогерь (монахъ)! Зачѣмъ ты ходишь и учишь магометанъ оставлять вѣру ихъ и вѣровать во Христа? При такомъ поведеніи ты кажешься вышедшимъ изъ ума.

— Нѣтъ, отвѣчалъ блаженный, благодатию Христовою я не выходилъ изъ ума, но ревность по истинной вѣрѣ, которую я исповѣдую, побудила меня выйти на проповѣданіе ея и вамъ, чтобъ вы оставили прелесть свою и увѣровали во Христа, Иже единъ есть истинный Богъ, Создатель неба и земли и всего, что на нихъ, Который сошелъ съ небесъ на землю и сдѣлался человѣкомъ, родившись отъ Приснодѣвы Маріи для спасенія нашего, и научилъ насъ чрезъ священное Евангеліе всѣмъ истиннымъ догматамъ о Богѣ, какъ вѣровать въ Него. Онъ даровалъ людямъ откровеніе о Божественныхъ Его дѣйствіяхъ и свойствахъ, и какую славу мы будемъ имѣть въ будущей жизни и блаженство; потомъ Онъ пострадалъ, былъ распятъ и умеръ за насъ, чтобъ освободить отъ прелести и власти дьявольской, которой мы подлежали чрезъ грѣхъ праотца Адама; и въ третій день воскресъ и собралъ снова Божественныхъ Своихъ учениковъ и Апостоловъ, разсѣявшихся во время страданія Его, утѣшалъ ихъ и, увѣривъ въ Божественномъ воскресеніи Своемъ, повелѣлъ имъ идти во весь міръ проповѣдать Бога истиннаго, говоря, что кто повѣруетъ ученію ихъ и крестится, спасенъ будетъ, а кто не повѣруетъ, осужденъ будетъ на вѣчное мученіе по смерти за свое невѣрствіе. Когда прошло сорокъ дней отъ воскресенія Его, Онъ вознесся опять на небеса въ виду всѣхъ учениковъ и Апостоловъ; и на десятый день по вознесеніи Своемъ послалъ Пресвятаго Духа на Апостоловъ и просвѣтилъ ихъ такъ, что они узнали всѣ языки человѣческіе, почему вышли и проповѣдали во всемъ мірѣ. Итакъ, истину эту и я при-

шель проповѣдать вамъ, чтобы вы увѣровали и не мучились вѣчно по смерти.

Судья спросилъ: эта вѣра ваша какъ проповѣдана и утверждена?

Исповѣдникъ отвѣчалъ: Проповѣдана однимъ изложеніемъ правыхъ догматовъ двѣнадцатью безоружныхъ бѣдныхъ людей, какими были Апостолы Христовы, и утверждена чудесами. И не смотря на то, что гонима была столькими мучителями, которые старались уничтожить ее въ мірѣ. Она побѣдила, наконецъ, всѣхъ силою Христовою, всѣхъ противившихся ей, распространилась во всемъ мірѣ, сохранилась непобѣдимую и нецотребимую до нынѣ и будетъ храниться до конца міра, по опредѣленію Христа, Который основалъ и утвердилъ ее.

Судья: Но ты, который вышелъ на проповѣдь о Христѣ, имѣешь богатство и силу приневоливать и побуждать людей къ увѣрованію въ Него?

Испов.: Вѣра христіанская не нуждается въ богатствѣ и насиліи, но болѣе въ бѣдности и безоружіи, какъ я уже сказалъ; какъ она была проповѣдана, такъ и теперь проповѣдуется.

Судья: Можешь и ты сотворить чудо, какъ Христосъ и Апостолы.

Испов.: Нѣтъ, я грѣшенъ и недостойнъ.

— Какъ же ты вышелъ проповѣдывать о Христѣ, когда нѣтъ у тебя силы, и чудесъ не можешь творить?

— Вѣра наша теперь утверждена во всемъ мірѣ, и чудеса и истина догматовъ ея сіяютъ явно для всѣхъ, кто не закрываетъ самовольно глазъ своихъ для познанія оной.

Тогда нѣкоторые изъ находившихся тамъ турокъ сказали исповѣднику: можетъ быть, тебя, калогерь, заставили говорить то, что говоришь, кто нибудь изъ здѣшнихъ горожанъ заставилъ — или епископъ, или монахи, священники или купцы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ имъ священно-инокъ Никита, я никого не видалъ изъ нихъ и вовсе незнакомъ съ ними; отъ себя я подвинулся на это, какъ сказалъ прежде, для проповѣдыванія вамъ вѣры Христовой.

Судья: Такъ какъ ты признаешь правую вѣру свою и исповѣдуешь Иисуса Богомъ, то о нашемъ пророкѣ какъ думаешь?

— Мы — христіане не почитаемъ его за пророка; знаемъ только, что онъ былъ въ началѣ купецъ, богатый человѣкъ, а потомъ провозгласилъ себя пророкомъ предъ своими, и когда повѣрили нѣкоторые, открылъ войну вмѣстѣ съ послѣдователями своими, и этимъ способомъ принудилъ и прочихъ принять его за пророка и вѣровать ученію его, и такимъ образомъ мало по-малу утвердилъ вѣру свою насиліемъ, войной.

Судья: Итакъ, поелику ты не принимаешь его за пророка, то иначе какъ мыслишь о немъ?

— Чистосердечно говорю вамъ: я считаю его за обманщика и чувственнаго діавола.

Судья: Калогеръ! видится, что ты невѣжа. Я стараюсь освободить тебя, а ты своими жестокими словами навлекаешь на себя смерть.

— Я желаю этого и на это самовольно пришелъ, чтобы принести себя въ жертву за любовь Владыки и Бога моего Иисуса Христа; только жалѣю о васъ, что находитесь въ невѣріи, и особенно тебя, господинъ, будучи столь старъ и опытенъ, такъ что всѣ почитаютъ тебя за разсудительнаго, умнаго человѣка, — не позналъ столько времени истины, но находишься въ прелести самъ, и другимъ общаешь оное прелестное ученіе вѣрованія вашего.

Когда высказалъ это преподобный, всѣ постыдились и полные гнѣва и мщенія, удалились молча. Судья сообщилъ обо всемъ Исухъ-бею, который тогда же приказалъ поса-

дить блаженнаго въ темницу; тамъ онъ оставался до Великой субботы: въ этотъ день около полудня просилъ мученикъ быть представленнымъ предъ Исухъ-бей на нѣсколько словъ; тотъ согласился. Явившись къ нему, Никита сказалъ: „что держишь меня все въ темницѣ и теряешь время? Ты понялъ меня, поэтому дѣлай одно изъ двухъ: или умертви меня, или освободи, чтобъ я пошелъ и отпраздновалъ завтра съ прочими братьями моими христіанами великій праздникъ Воскресенія Господа нашего Иисуса Христа.“ Исухъ-бей, выслушавъ это, приказалъ возвратить его въ темницу. Когда мученикъ вступалъ въ дверь, ведшіи толкнулъ его такъ сильно, что преподобный уцалъ колѣнопреклонно внутрь, причемъ тотъ всячески ругалъ его по своему варварскому обычаю. Такимъ образомъ священно-инокъ Никита пробылъ въ темницѣ до ночи Великой субботы.

Отъ начала и до конца заключенія онъ вытерпѣлъ жестокаго мученія; въ одинъ вечеръ темничный стражъ принесъ зажженную сальную свѣчу и долго держалъ у ноздрей Никиты; знаки опаленія видны были и по кончинѣ его на носу. Еще вѣрно узнали мы отъ знатнаго христіанина, имѣющаго свободный входъ къ князю *), а тотъ христіанинъ узналъ отъ искренняго своего друга изъ албанцевъ, что тиранили мученика слѣдующими пытками: на голову надѣвали желѣзный вѣнецъ **), вонзали иглы въ ногти пальцевъ, вѣшали за ноги внизъ головой, опаляли тѣло; все это великодушно претерпѣлъ мученикъ.

Въ вечеръ Великой субботы, около двухъ часовъ отъ заката солнца, Исухъ-бей приговорилъ страдальца къ смерти

*) Отъ этого христіанина, безъ сомнѣнія, узналъ проигумень сущность исповѣданія преподобнымъ Никитой вѣры христіанской и обличеніе имя магометанскаго заблужденія; по свободному доступу къ князю, именитый христіанинъ могъ самъ видѣть у него, слышать дерзновеннаго исповѣдника имени Христова. *Церев.*

**) *Въ церк. службѣ:* расваленный—*κορακτομένω στέρετ στερόμενος.*

чрезъ повѣшеніе. Итакъ, вывели его изъ темницы, и съ біеніемъ и заушеніями привели въ часть города, называемую Черяхъ-базаръ, и тамъ надѣли ему петлю на шею; между исполнителями казни былъ цыганъ, которому велѣли нагнуться, чтобы ступилъ мученикъ на плеча для поднятія, но онъ счелъ себя недостойнымъ ступать на челоуѣка, почему поставили на стремя, затянули петлю и подняли просящаго у всѣхъ прощенія и прощающаго всѣхъ. Такова была мученическая кончина священно-ипока Никиты!

Близъ мѣста казни находится церковь Архангела Михаила; іеродіаконъ ея, вышедъ изъ кельи своей, увидѣлъ большой свѣтъ, который освѣщаль всю окрестность; также одна знатная старушка видѣла въ ту ночь весь городъ освѣщеннымъ. Тѣло священномученика оставалось на висѣлицѣ три дня до вторника Св. Пасхи, безъ измѣненія лица его и другихъ членовъ; по кончинѣ тѣло было желтое, такимъ было и въ слѣдующіе дни, и обращено было лицомъ къ востоку. Вѣшавшіе взяли всю его одежду, оставивъ его совсѣмъ нагимъ, но на другой день прикрыли рогожей, быть можетъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ христіанъ.— На третій день Пасхи утромъ, изъ язвы на большомъ пальцѣ правой ноги начала течь кровь и текла весь день, занявъ не малое пространство земли; многіе изъ христіанъ, по благоговѣнію, собирали мученическую кровь съ землей. Въ тотъ же день къ вечеру дано позволеніе отъ Исухъ-бея—снять христіанамъ Никиту и погребсти, что и едѣлапо ими; погребли страдальца позади церкви св. Николая, возлѣ городского страннопріимнаго дома, на особомъ мѣстѣ. Скончался священномученикъ 4-го апрѣля 1808 г.

Еще узнали мы о святомъ слѣдующее, что, думаемъ, было въ показаніе пріятаго Богомъ страдальческаго его подвига.

Купецъ родомъ изъ Сереса, живущій въ Солунѣ, зять

тамошняго именитаго архонта, прибывъ на свою родину во время заключенія св. Никиты въ темницѣ и услышавъ о дерзновеніи его и страданіи, не хотѣлъ почитать его мученикомъ. „Нѣтъ необходимости, говорилъ онъ, выходить нынѣ на мученичество, когда нѣтъ никакого преслѣдованія христіанской вѣры.“ Разъ, онъ въ такомъ помыслѣ сомнѣнія заснулъ, и сталъ кричать какъ испуганный, такъ что бывшіе въ домѣ проснулись отъ крика. Утромъ онъ разсказалъ, что во снѣ видѣлъ, будто онъ находится въ церкви предъ иконою Владыки Христа, отъ Котораго услышалъ громко произнесенныя ему три раза слова: „вѣруй несомнѣнно о Никитѣ, что онъ—истинный мученикъ Мой.“ Услышавъ это, онъ палъ ницъ, и возглашалъ съ трепетомъ: „вѣрую этому, вѣрую“ и тотчасъ проснулся. Помѣщаю и объ этомъ, какъ слышалъ.

Въ лѣто отъ спасительнаго воплощенія Христова 1809 февраля 19.

Иеромонахъ Константій, проигуменъ обители Іліокалеосъ удостовѣряю въ истинѣ вышерасказаннаго своимъ подписомъ.

Николай Сеіаносъ врачъ и чадло искреннее восточной церкви свидѣтельствую.“

Изъ службы священномученика Никиты.

Тропарь, гласъ 1. Плотская увядивъ двизанія вся*, молитвою и стояніемъ всенощнымъ*, воздержаніемъ же и слезами*, безстрастія достигль еси, славный Никито*, и Христа со дерзновеніемъ проповѣдавъ*, твердо за Него пострадалъ еси, священномучениче*. Слава Давшему тебѣ крѣпость*, слава Вѣнчавшему Тя*, слава Дѣйствующему тобою всѣмъ исцѣленія.

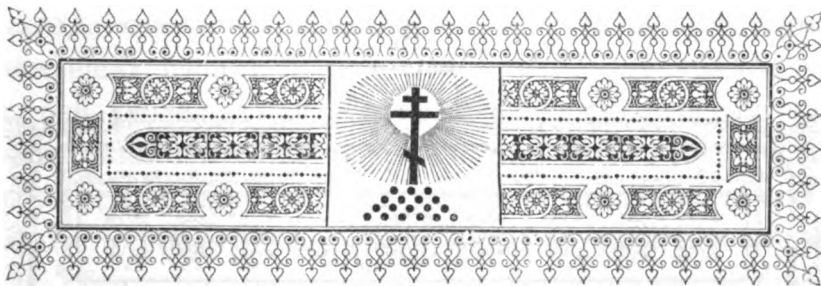
Кондакъ, гласъ 4. Подобенъ: Вознесыйся на крестъ:

Всеоружіемъ креста огражденъ*, къ подвигомъ вольнѣ изшелъ еси*, не убояся, Богогласе, вражіихъ прещеній*, съ ревностію же вѣру исповѣдуя*, не престалъ еси, дондеже мученія искусь* прошелъ еси весь*, и почести побѣды, Пикито, получилъ еси.

Икосъ: Добляго оружника и таинника Спасова, Никиту по достоянію священными пѣсньми воспоимъ, братіе. Сей бо непобѣдимый силою Божіею укрѣплень, мужески безстудныхъ агарянъ посрами нечестіе, и благодержзновенно Христа, превѣчнаго Бога, проповѣдуя не преста, дондеже мукъ вся виды прейде твердо, и почести побѣды получи.

Молитвами святаго священномученика Пикиты, Христе Боже, управи и нашу жизнь во славу имени Твоего святаго, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь *).

*) Въ греческихъ мисеяхъ сей святой священномученикъ Пикита не включень, между тѣмъ какъ включены мученики, пострадавшіе за Христа въ первой половинѣ XIX вѣка, а этотъ святой пострадалъ въ 1808 году. На вопросъ нашъ, предложенный нашимъ сожителемъ Грекамъ: почему нѣтъ у насъ въ монастырѣ поднаго синаксарія сего святаго, подвизавшагося въ нашей обители, и почему не позаботились они включить имя и сего священномученика Пикиты въ греческую Мисею, они намъ простодушно отвѣчали: «кому же было у насъ, братія, въ тѣ тяжкія времена писать что нибудь и приводить въ извѣстность дѣла нашего монастыря? Теперь же глядя на васъ, и у насъ нашлись люди, способные что нибудь написать и другое кое что сдѣлать, а тогда до этого ли было?!.. Если бы не письмомъ почтеннаго настоятеля Серронскія обители, то мы и не знали бы, что нашъ монастырь имѣеть одного великаго мужа, отшедшаго къ Богу мученическою кончиною.» Письмо это писано въ Русскій монастырь въ 1809 году февраля 19 дня, за подписью настоятеля Серронской обители іеромониха Константія, и нѣкоего врача Николая. Оно хранится въ архивѣ обители.

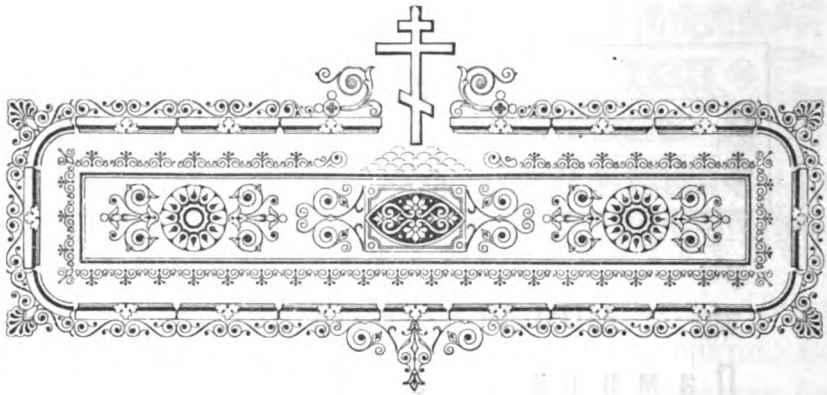
АПРѢЛЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

**Память преподобнаго
ѲЕОНЫ,**

митрополита солунскаго *).

Сугоносный отецъ нашъ Феона сначала подвизался въ обители Пантократора, проходя въ ней должность череднаго священника, что видно и изъ житіи св. преподобномученика Іакова Иверскаго. Потомъ, облобызавъ безмолвіе, онъ соединился на подвижническомъ поприщѣ съ этимъ преподобномученикомъ, подвизавшимся въ то время въ Иверскомъ скиту честнаго Предтечи. Когда же Божественный Іаковъ пошелъ въ міръ проповѣдывать слово Божіе, послѣдовалъ за нимъ и Феона вмѣстѣ съ другими, и былъ съ нимъ неразлученъ почти до самой мученической его кончины. Послѣ стратотерпческой кончины своего старца, онъ былъ предстоятелемъ и пастыремъ въ монастырѣ святой Анастасіи узорѣшительницы, находящемся близъ Солуня, а потомъ, наконецъ, былъ возведенъ и на кафедру митрополитскую въ Солунѣ. Святыя мощи его и донинѣ находятся цѣлыми въ вышесказанномъ монастырѣ святой Анастасіи. Смотри о немъ въ житіи св. преподобномученика Іакова и учениковъ его діакона Іакова и Діонисія, 1-го ноября.

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἀγιορειτῶν πατέρων.

А П Р Ъ Л Я 6.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
ГРИГОРІЯ СИНАИТА *).**

Божественный Григорій родился въ Азіи, въ мѣстечкѣ Кукулы. Оно лежало близъ Клазомень **). Родители его были богаты, а что всего выше и необходимѣе,—добродѣтельны. Въ приличное время возраста онъ былъ хорошо образованъ — какъ во внѣшнемъ любомудріи, такъ особенно въ истинахъ Священнаго Писанія. Это было въ царствованіе старшаго Авдроника Палеолога. Турки тогда уже тѣснили Азію, грабили селенія, и между прочимъ— родину святаго Григорія, котораго, въ числѣ другихъ христіанъ и вмѣстѣ съ родителями и родными его, увлекли въ плѣнъ, въ Лаодикію, гдѣ, по милости Божіей, дано имъ было позволеніе отъ варваровъ посѣщать церкви лаоди-

*) Изъ Νέου Ἐκλόγιου. Синаитомъ онъ называется по принятію имъ на Синаѣ постриженія въ монашество.

**) Клазомень былъ нѣкогда городъ приморскій, лежавшій въ сосѣдствѣ съ Смирною (Мелет. Геогр., стран. 465), на эретрейскомъ полуостровѣ, въ Лидіи, у смирнскаго залива; онъ принадлежитъ іоническому союзу. Пынь — это село Келиемень. См. Спр. Энци. Слов.: «Клазомены.»

кійскихъ христіанъ. Лаодикійцы тронулись несчастнымъ положеніемъ своихъ братій. Чтобъ облегчить тяжкое ихъ иго, они умолили турокъ даровать плѣннымъ свободу, предложивъ, взамѣнъ того, денежный выкупъ. Невѣрные обольстились сребренниками, — и плѣнные христіане получили свободу и право располагать собою по собственному желанію. Тогда Божественный Григорій удалился въ Кипръ, — въ короткое время обратилъ на себя вниманіе кипрянъ, и своими естественными, внѣшними и внутренними, совершенствами заставилъ почти всѣхъ любить себя и уважать; ибо онъ былъ отъ природы благообразенъ, а внутренняя его лѣпота еще превосходила внѣшнюю.

Богъ, знающій сущія Своя (2 Тим. 2, 19) и поспѣшествующій имъ во всемъ благомъ, устроилъ Божественному Григорію сойтись на островъ Кипръ съ однимъ добродѣтельнымъ инокомъ, пребывавшимъ въ безмолвіи. Святой Григорій тотчасъ же, съ великою радостію, явился къ нему въ уединеніе и скоро облеченъ былъ имъ въ иноческій ангельскій образъ. Безмолвствуя съ этимъ инокомъ и питаясь духовными его бесѣдами, онъ скоро сдѣлался искуснымъ въ иноческой жизни. Отсюда, ища большихъ подвиговъ, удалился онъ на Синайскую гору и тамъ принялъ на себя великій ангельскій образъ. Въ непродолжительное время, онъ удивилъ и изумилъ тамошнихъ подвижниковъ своею безплотною ангельскою жизнію: постъ его, бдѣніе, всенощныя стоянія, непрестанныя псалмопѣнія и молитвы превосходили всякое описаніе. Казалось, онъ спорилъ съ природою, желая вещественное тѣло свое сдѣлать невещественнымъ, — такъ что самые тамошніе подвижники, удивляясь его подвигамъ, обыкновенно называли его безплотнымъ. А о корнѣ всѣхъ добродѣтелей, — послушанія его и глубокомъ смиреніи, я затрудняюсь и писать, чтобъ нерадивымъ не показалось, будто говорю ложь, — говоритъ составитель

жизнеописанія божественнаго Григорія *). Но такъ какъ молчать объ истинѣ—значить грѣшить противъ нея, то я долженъ разсказать, что слышалъ отъ преданнаго ученика его Герасима. По словамъ этого блаженнаго, божественный Григорій всякое служеніе, назначаемое ему предстоятелемъ, исполнялъ безъ всякаго отлагательства и со всѣмъ усердіемъ, всегда представляя себѣ, что на дѣло его взираетъ Самъ Богъ. Между тѣмъ, при всѣхъ своихъ послушаніяхъ, онъ никогда не оставлялъ и обычныхъ своихъ молитвословій. Обыкновенно дѣлалъ онъ такъ: ввечеру, получивъ благословеніе отъ настоятеля, входилъ въ свою келлію и запиралъ за собою дверь, — здѣсь колѣнопреклоненія, псалмопѣнія, воздѣянія рукъ къ Богу, съ устремленіемъ всего ума къ Нему, продолжались до удара къ утрени; съ первымъ ударомъ къ утренней службѣ, онъ первый стоялъ уже у двери церковной, пришедши же въ церковь, никогда не выходилъ изъ нея прежде окончанія службы, и притомъ, вошедши въ храмъ первымъ, выходилъ изъ него всегда послѣднимъ. Пища его состояла изъ небольшого количества хлѣба и воды, — и только для того, чтобъ можно было жить. Назначено ему было служеніе въ поварнѣ. Болѣе трехъ лѣтъ трудился онъ въ этомъ тяжеломъ послушаніи: кто можетъ достойно восхвалить чрезвычайное его здѣсь смиреніе? Онъ всегда думалъ, что служить не чело-вѣкамъ, а Ангеламъ, и мѣсто службы своей почиталъ Божиимъ святилищемъ и алтаремъ. Надобно сказать, что преподабный былъ весьма искусенъ и въ каллиграфіи. Но, при всѣхъ своихъ занятіяхъ тѣлесныхъ, онъ не оставлялъ занятій и умственныхъ. Читеніемъ Священнаго Писанія и другихъ благочестивыхъ книгъ занимался онъ едва ли не болѣе всѣхъ тамошнихъ отцевъ, а познаніями превосходилъ почти всѣхъ ихъ. При занятіяхъ своихъ, онъ имѣлъ

*) Святѣйшій патріархъ константинопольскій Каллистъ.

еще благочестивое обыкновеніе восходить на святую вершину Сипая, для совершенія тамъ благоговѣйнаго поклоненія, на мѣстѣ тѣхъ древнихъ славныхъ и великихъ чудесъ.

Могъ ли доброненавистникъ равнодушно смотрѣть на святаго Григорія, видя таковыя его подвиги? Чтобъ воспрепятствовать святому на пути его къ совершенству, онъ успѣлъ посѣять плевелы смущенія между сподвижниками Григорія, и возбудить въ нихъ страсть зависти. Григорій, какъ ученикъ кроткаго и смиреннаго Іисуса, замѣтивъ въ нихъ эту преступную страсть, тайно удалился изъ монастыря, и взялъ съ собою сего, достойнаго всякой чести, Герасима. Герасимъ былъ родомъ съ острова Эврипа и находился въ родствѣ съ владѣтельнымъ его княземъ: но, презрѣвъ міръ, со все́мъ суетнымъ его блескомъ и славою, удалился на гору Синай. Здѣсь онъ узналъ Божественнаго Григорія и, удивляясь чрезвычайнымъ его подвигамъ, прилѣпился къ нему и сдѣлался однимъ изъ учениковъ его. При помощи Божіей, и онъ восшелъ на высочайшую степень дѣланія и созерцанія, такъ что, послѣ великаго Григорія, сдѣлался для многихъ примѣромъ жизни подвижнической.

Итакъ, удалившись съ Синая, они пришли въ Іерусалимъ, на поклоненіе животворящему гробу. Потомъ, обошедши все́ тамошнія святія мѣста и благоговѣнно поклонившись имъ, отправились судномъ въ Критъ, и пристали въ мѣстѣ, такъ называемомъ „хорошія пристани.“ Преподобный, не хотя тратить напрасно время, сталъ отыскивать со все́мъ тщаніемъ какое-нибудь безмолвное мѣсто, вполне способное для уединенной жизни. Послѣ немалыхъ трудовъ, нашли они по желанію своему пещеры, и тамъ съ радостію поселились; — и стали продолжаться подвиги святаго Григорія, въ сугубой противъ прежняго мѣрѣ, такъ что на Григоріи, въ собственномъ смыслѣ, оправдались

слова царепророка: *азъ яко стно изсохъ, колѣна моя немоща отъ поста; и плоть моя измѣнися еля ради* (Псал. 101, 12; 108, 24). Дѣйствительно, лицо его, отъ безмѣрнаго воздержанія, сдѣлалось желто, члены изсохли и едва были способны двигаться. При всемъ томъ, блаженный этотъ о Богѣ труженикъ имѣлъ пламенное желаніе обрѣсти какого-либо духовнаго старца, который бы могъ наставить его въ томъ, чего, на пути къ совершенству духовному, не успѣлъ онъ еще достигнуть. Скоро Господь призрѣлъ на святое желаніе вѣрнаго Своего раба, и устроилъ дѣло Своимъ премудрымъ образомъ. Черезъ особое откровеніе, извѣщается божественный Григорій объ одномъ отшельникѣ, безмолвствовавшемъ въ той странѣ, — старцѣ опытномъ въ дѣланіи и созерпаніи, именемъ Арсеніи. Будучи движимъ Духомъ Божіимъ, Арсеній самъ приходитъ въ келлію святаго Григорія. Съ радостію принимаетъ гостя святой Григорій. Послѣ обычной молитвы и привѣтствія, умозрительный этотъ старецъ повелъ разговоръ, какъ бы изъ нѣкоей Божественной книги, о храненіи ума, о трезвеніи и вниманіи, объ умной молитвѣ, объ очищеніи ума посредствомъ творенія заповѣдей, о возможности сдѣлать его свѣтовиднымъ, и о многомъ другомъ. Послѣ такой бесѣды, онъ спросилъ святаго Григорія: „а ты, чадо, какого рода употребляешь дѣланіе?“ Тогда божественный Григорій рассказалъ ему о себѣ все, со дня почти своего рожденія. Божественный Арсеній, знавшій уже очень хорошо путь, ведущій человека на высоту добродѣтели, сказалъ ему: „все это, чадо, о чемъ ты рассказалъ мнѣ, богоносные отцы называютъ дѣланіемъ, а не видѣніемъ (*θεωρία* — видѣніе, созерпаніе). Услышавъ это, блаженный Григорій тотчасъ падаетъ къ ногамъ его, и усердно проситъ, заклиная даже именемъ Божіимъ, научить его умному дѣланію и объяснить ему созерпаніе. Божественный Арсеній, не желая скрывать та-

лантъ, данный ему отъ Бога, со всею охотою согласился исполнить просьбу преподобнаго и, въ непродолжительное время, научилъ его всему, что самъ богато принялъ отъ Божественной благодати. При этомъ открылъ онъ Григорію, сколь многообразны и неисчислимы козни врага нашего спасенія, — т.-е. рассказалъ ему о томъ, что случается съ упражняющимися въ подвигахъ добродѣтели отъ челоуѣко-ненавистниковъ демоновъ и отъ завистливыхъ челоуѣковъ, которыхъ употребляетъ лукавый, какъ орудія своей злобы.

Получивъ такіе безцѣнные уроки отъ Божественнаго Арсенія, святой Григорій прибылъ на святую Аѳонскую гору. Желая видѣться со всѣми святогорскими отцами, воздать имъ подобающее поклоненіе и сподобиться святыхъ молитвъ ихъ и благословенія, онъ обошелъ всѣ тамошніе монастыри, скиты, кельи, — также пустыни и мѣста непроходимыя. Обращаясь съ святогорскими отцами, онъ видѣлъ между ними подвижниковъ, весьма украшенныхъ дѣятельными только добродѣтелями; когда же вопрошалъ ихъ, упражняются ли они въ умной молитвѣ, трезвеніи и блюденіи ума, — они ему говорили, что и не знаютъ, что называется умною молитвою, или храненіемъ ума и трезвеніемъ. Обозрѣвши всю Святую гору, пришелъ онъ въ скитъ Магула, лежащій близъ обители Филоеевской *), и нашелъ тамъ трехъ монаховъ — Исаію, Корнилія и Макарія, которые упражнялись не только въ дѣланіи, но и въ созерцаніи. Здѣсь построилъ онъ келліи для себя и для учениковъ своихъ, — и келлію для себя поставилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ келлій учениковъ, чтобы ему всецѣло погружаться въ одномъ Богѣ, чрезъ умную молитву, и быть Имъ постоянно заняту, — т.-е., чтобы, по урокамъ Божественнаго своего наставника Арсенія, безпрепятственно предаваться созерцанію. Итакъ, собирая внутрь себя всѣ чувства, соеди-

*) Нынѣ онъ въ развалинахъ.

нивъ умъ съ духомъ и пригвоздивъ его ко кресту Христову, онъ часто повторялъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!“ — молился съ умиленіемъ и сокрушеніемъ сердца, съ воздыханіями изъ глубины души, и орошалъ землю теплыми слезами, текшими, какъ рѣка, изъ очей его. И Господь не презрѣлъ такого его моленія: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19), — но весьма скоро услышалъ его, ибо *воззваша праведнии, и Господь услыша ихъ* (Псал. 33, 18). Посему разгорѣвшись душою и сердцемъ и, по дѣйствию Святаго Духа, измѣнившись благимъ и преславнымъ измѣненіемъ, увидѣлъ онъ, осіяваемый Божественною благодатію, что домъ его былъ полонъ свѣта. Исполнившись радості и неизреченнаго веселія, и изливая опять источники слезъ, онъ снѣдался Божественною любовію. По истинѣ на немъ исполнилось самымъ дѣломъ отеческое то изреченіе: „дѣло видѣнія — восхожденіе (*πράξις θεωρίας ἐπίβασις*).“ И такъ какъ преподобный былъ превыше плоти и міра, то проникся весь Божественною любовію, — и съ того времени этотъ свѣтъ не преставалъ освѣщать его: *свѣтъ праведнымъ всегда* (Притч. 13, 9). Славный этотъ отецъ, на вопросъ мой и соучениковъ моихъ о созерцаніи, отвѣчалъ, — говоритъ составитель жизнеописанія святаго Григорія: „тотъ, кто возвышается къ Богу, благодатію Святаго Духа, видитъ, какъ бы въ зеркалѣ, всю тварь свѣтовидною, — *еще въ тѣлѣ, еще кромѣ тѣла, не въмъ* (2 Коринѣ. 12, 2), по словамъ Божественнаго Павла, — видитъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится съ какимъ-нибудь препятствіемъ во время созерцанія, заставляющимъ его прійти въ самого себя.

Однажды, видя его выходящимъ изъ своей кельи съ радостнымъ лицомъ, я, въ простотѣ сердца, спросилъ его о причинѣ такого явленія. Приснопамятный этотъ мужъ, какъ чадолюбивый отецъ, отвѣчалъ мнѣ такъ: „Душа, прилѣ-

пившаяся къ Богу и снѣдаемая любовію къ Нему, восходитъ выше творенія, живетъ выше видимыхъ вещей и, наполнившись вся желаніемъ Божиимъ, никакъ не можетъ укрыться. Вѣдь и Господь обѣщаль ей, говоря: *Отецъ твой, видяи тайны, воздастъ тебѣ лвъ* (Матѣ. 6, 6), и опять: *да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Матѣ. 5, 16); ибо тогда сердце прыгаетъ и веселится, умъ бываетъ весь въ пріятномъ волненіи, лицо весело и радостно, — по словамъ мудраго: *сердцу веселящусѣ, лице цвѣтетъ*“ (Притч. 15, 13). Потомъ я снова спросилъ его: „Божественнѣйшій отче! объясни мнѣ, по любви къ истинѣ, что такое душа, и какъ она созерцается святыми?“ Выслушавъ мой вопросъ, онъ ласково и, по обыкновенію его, съ нѣкоторымъ пониженіемъ голоса отвѣчалъ мнѣ такъ: „Возлюбленное чадо мое духовное! *высиххъ себе не ищи, и крѣпльшихъ себе не испытай* (Сирах. 3, 21), — потому что ты, будучи еще младенцемъ, т. е. несовершенною, не можешь переварить твердѣйшую пищу, т. е. понять предметы, превышающіе силы твои, — какъ и пища совершенныхъ мужей не полезна нѣжнымъ младенцамъ, нуждающимся въ молокѣ.“ А я, припавши къ ногамъ его и крѣпко ухватившись за нихъ, еще настойчивѣе просилъ объяснить мнѣ столь важный предметъ. Согласившись на усиленную мою просьбу, онъ сказалъ мнѣ кратко: „кто не увидитъ воскресенія души своей, тотъ не можетъ узнать въ точности, что такое умная душа.“ Но я, обращаясь къ нему съ должнымъ благоговѣніемъ, снова предложилъ вопросъ: „открой мнѣ, отче, достигъ ли ты въ мѣру сего восхожденія, — т. е. узналъ ли, что такое умная душа?“ — „Да,“ отвѣчалъ онъ мнѣ съ великимъ смиреніемъ. — „Ради любви Господней, научи же и меня этому,“ сталъ я послѣ сего смиренно просить его: „это можетъ принести душѣ моей великую пользу.“ Тогда

божественный сей и по всему досточтимый мужъ, похваливъ мое усердіе, преподаль мнѣ слѣдующее: „когда душа употребляетъ все свое усердіе и подвизается посредствомъ дѣятельныхъ добродѣтелей, при должномъ разсужденіи, — тогда она низлагаетъ всѣ страсти, и подчиняетъ ихъ себѣ. А если страсти покорены, — ее окружаютъ естественныя добродѣтели и слѣдуютъ за ней, какъ тѣнь за тѣломъ, — и не только слѣдуютъ, но и учатъ ее, и наставляютъ тому, что выше естества, — учатъ какъ бы восхожденію по духовной лѣствицѣ. Когда же умъ, благодатию Христовою, взойдетъ къ тому, что выше естества, тогда, просвѣщаемый сіяніемъ Святаго Духа, онъ простирается къ ясному видѣнію, — тогда, сдѣлавшись выше самого себя, по мѣрѣ данной ему отъ Бога благодати, весьма ясно и чисто видитъ сущности вещей, и уже совсѣмъ не такъ, какъ умствуютъ о томъ внѣшніе мудрецы, кидающіеся только за тѣнью вещей, а не старающіеся, какъ должно, слѣдовать существенному дѣйствию природы. Вѣдь и Божественное Писаніе говоритъ: *осутилось несмысленное ихъ сердце, и глаголющеся быти мудри, обзюродѣша* (Римл. 1, 21. 22). Потомъ душа, принявшая обрученіе и благодать Святаго Духа, по причинѣ множества видѣній, какія она видитъ, мало-по-малу оставляетъ прежнія, и переходитъ къ высшимъ и Божественнѣйшимъ, — какъ говоритъ Апостоль Павелъ: *задняя забывая, въ предняя же простираяся* (Филип. 3, 13), и такимъ образомъ поистинѣ отбрасываетъ всякую боязнь и страхъ и, прилѣпившись любовію къ Жениху Христу, видитъ, что природныя ея помыслы совершенно умолкаютъ и, по описанію святыхъ отцевъ, остаются назади. Достигнувъ безвидной и неизглаголанной красоты, она теперь, осіяваемая свѣтлымъ сіяніемъ и благодатию Святаго Духа, бесѣдуетъ только съ Богомъ, а просвѣтившись этимъ безпредѣльнымъ свѣтомъ, и имѣя стремленіе къ одному Богу,

она, по причинѣ чуднаго и новаго своего измѣненія, со-всѣмъ уже не чувствуетъ смиреннаго, земнаго и вещественнаго своего тѣла; ибо является чистою и свѣтлою, безъ всякой примѣси вещественнаго пристрастія,—является существомъ (φύσις) собственно умнымъ, какъ былъ, до грѣхопаденія, родоначальникъ нашъ Адамъ. Онъ сперва былъ покрытъ благодатию безпредѣльнаго свѣта,—а потомъ, по причинѣ горькаго преступленія, обнажился отъ свѣтоносной этой славы.“ Ко всему такому Божественная сія глава присовокупила, что „человѣкъ, чрезъ трудолюбивое упражненіе въ умной молитвѣ, достигшій столь дивной высоты и увидѣвшій чисто собственное свое устроеніе, въ какое онъ пришелъ благодатию Христовою, уже видѣлъ и воскресеніе души своей, прежде чаемаго общаго воскресенія,—такъ что душа, такимъ образомъ очистившаяся, можетъ говорить съ Божественнымъ Павломъ: *еще въ тѣлѣ, еще кромѣ тѣла, не вѣмъ* (2 Коринѣ. 12, 2). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она и недоумѣваетъ, и изумляется тому, и вызываетъ съ удивленіемъ: *о глубина богатства, и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Римл. 11, 33).“ О такихъ-то предметахъ сподобился я слышать отъ пребожественнаго этого отца!

Что сказать теперь объ ученикахъ сего преподобнаго отца? Достоинно возвѣститъ о всѣхъ ихъ подвигахъ и ангельской ихъ жизни я не нахожу въ себѣ довольно силы; скажу лишь кратко,—что по наставнику можно отчасти судить и объ ученикахъ его.

Первымъ его ученикомъ былъ святой Герасимъ. Онъ, какъ мы выше сказали, происходилъ изъ Эврипа, и послѣ пользовался еще наставленіями святѣйшаго патріарха Исидора. Этотъ новый Герасимъ былъ, можно сказать, отсвѣтомъ древняго, Іорданскаго. Какъ тотъ шелъ путемъ Апостольскимъ, и дикую пустыню іорданскую превратилъ въ

многолюднѣйшую страну, населивъ ее земными ангелами; такъ и этотъ, исполнившись Божественной благодати и бывъ просвѣщенъ отъ Бога. является въ Элладу и обходитъ апостольски всю ту страну, насыщая сладчайшимъ ученіемъ о добродѣтели всѣхъ алкавшихъ и жаждавшихъ тамъ слова Божія. Не упустилъ онъ здѣсь, подобно іорданскому Герасиму, въ многолюдной сей пустынѣ, основать и много убѣжищъ благочестія и чистоты, и преподавать насельникамъ ихъ подобающія правила высокой нравственности, для достиженія перевозданной чистоты человѣка. Подвизаясь такимъ образомъ, и сподобившись здѣсь уже зрѣть славу, преуготованную избраннымъ Божиимъ, онъ отшелъ къ Господу наслаждаться сею славою—уже не на краткія мгновенія, а навсегда.

Второй ученикъ преподобнаго былъ Іосифъ, соотечественникъ Герасима. Іосифъ не имѣлъ высокаго внѣшняго образованія, но, будучи богатъ внутреннею, истинною мудростію, даруемою отъ Святаго Духа, подобно онымъ славнымъ рыбалямъ, побѣдившимъ царей и царства, посрамившимъ мудрецовъ міра, громилъ латинскихъ умниковъ. Праведная его ревность по православію послужила крѣпкимъ оплотомъ для православныхъ христіанъ противъ злословія латинянъ, и утвердила многихъ изъ нихъ на пути святой истины. Но о всѣхъ его трудахъ и подвигахъ въ пользу Церкви, о великодушіи въ несеніи своего креста и о прочихъ сокровенныхъ и явныхъ его добродѣтеляхъ составитель этой біографіи не нашелъ себя въ состояніи разсказать надлежащимъ образомъ. Потому и намъ остается только съ благоговѣніемъ дивиться чудному во святыхъ Своихъ Богу и величать Его угодниковъ.

Далѣе блаженный біографъ святаго Григорія просить насъ выслушать о третьемъ ученикѣ сего святаго,—о вѣкомъ чудномъ аввѣ Николаѣ. Николай былъ родомъ изъ

Аѳинъ, и достигъ уже старости, когда, державшій въ то время скипетръ Греціи, царь Михаилъ Палеологъ, по политическимъ разчетамъ, увлекся къ суемудрію римской церкви. Отступивши самъ отъ чистоты православія, царь старался и всѣхъ своихъ подданныхъ увлечь за собою въ ту же бездну погибели. Но когда божественный Николай сталъ небоязненно проповѣдывать въ отечествѣ своемъ слово Божіе, и училъ народъ хранить православіе, — не принимать гнилыхъ догматовъ латинскихъ, — Палеологъ послалъ къ нему латинскихъ мудрецовъ, для убѣжденія принять западное зловѣріе, — и послалъ съ обыкновенными латинскими доказательствами — лестію, бичемъ и мечомъ. Жестокосердые безчеловѣчные слуги, встрѣтивъ со стороны его сопротивление, связали его, наложили на него цѣпи, обрили честную его браду, били его безъ милосердія палками, попирали ногами и безжалостно влачили по улицамъ. Но страдалецъ Христовъ и эти, и другія скорби, какъ-то — ссылки, расхищенія его имѣнія, заключенія въ темницы, переносилъ, слава и благодаря Бога. Но скоро эта гроза прошла. Когда, по смерти царя Палеолога, невѣста Христова — Церковь, Божіею милостію, стала опять наслаждаться глубокимъ миромъ, бывшій въ то время святѣйшій патріархъ Іосифъ употреблялъ всевозможные способы рукоположить божественнаго Николая въ архіерея; но онъ, по своей скромности и глубокому смиренію, уклонился отъ этой высокой іерархической чести и, любя безмолвіе, удалился на святую Аѳонскую гору. Тогдашній Протъ Святой горы, видя его украшеннымъ всѣми видами добродѣтели, сдѣлалъ его, противъ воли, епископомъ въ честномъ карейскомъ храмѣ. Но, спустя немного времени, онъ встрѣтился съ чуднымъ Григоріемъ — и, лишь только услышалъ сладчайшую его бесѣду, со всѣмъ усердіемъ души, тотчасъ же сдѣлался ученикомъ его: ибо какъ магнитъ, съ неиз-

реченною отъ природы силою, влечетъ къ себѣ желѣзо, такъ и божественный учитель нашъ Григорій, душеполезными своими словами (которыя, всякій мудрый не погрѣшитъ, если назоветъ словами жизни вѣчной), привлекалъ къ себѣ видѣвшихъ его и бесѣдовавшихъ съ нимъ. И какъ было во время земной жизни нашего Искупителя, — лишь только увидѣлъ Его Андрей, тотчасъ оставилъ Предтечу Іоанна и слѣдовалъ за сладчайшимъ Исусомъ, — такъ часто случалось и во время божественнаго Григорія. Стремившіеся къ высотѣ добродѣтелей, усматривая, что онъ достигъ крайняго благоговѣнія, невозмутимаго спокойствія и тишины и полнаго просвѣтлѣнія души, немедленно оставляли прежнихъ своихъ старцевъ и, притекая къ нему, подчинялись ему совершенно. Такъ поступилъ и досточтимый этотъ Николай, не смотря даже на преклонность своихъ лѣтъ. Подъ мудрымъ и божественнымъ водительствомъ святаго Григорія, онъ скоро сдѣлался искуснымъ во всякой добродѣтели, а смиреніемъ даже и превзошелъ всѣхъ своихъ собратій и соучениковъ.

Потомъ жизнеописатель святаго Григорія повѣствуетъ еще о нѣкоемъ досточудномъ ученикѣ его Маркѣ. — Маркъ отечествомъ своимъ имѣлъ Клазомены; пришедши въ возрастъ, принявъ иноческій образъ въ монастырѣ Исаака, который былъ въ Солуни, а чрезъ нѣсколько времени прибылъ на святую Аѳонскую гору, и здѣсь подчинилъ себя святому Григорію. Стяжавъ умную молитву и трезвеніе, онъ былъ, какъ бы сказать, сокровищницею и хранилищемъ всѣхъ добродѣтелей и дѣятельныхъ, въ особенности же отличался смиреніемъ и послушаніемъ, которое оказывалъ не только предстоятелю, но и всему братству, и даже служилъ страннымъ, какъ рабъ. Посему, удивляясь ему, всѣ хвалили его и питали къ нему любовь и расположеніе. Священнолѣпный видъ его дышалъ какимъ-то ду-

ховнымъ благоуханіемъ, и имѣлъ чудное на другихъ вліяніе, такъ что увидѣвшій его одинъ разъ чувствовалъ въ своей душѣ нѣкое освященіе и влеченіе къ смиренномудрію Маркову, и этого чуднаго Марка бралъ себѣ въ образецъ добродѣтели. Пришедши даже въ глубокую старость, божественный Маркъ возлагаемая на него послушанія исполнялъ съ великою радостію и усердіемъ. Проходя, напримѣръ, службу повара онъ никогда не показывалъ отягощенія или нерадѣнія. Посему и Богъ, призирающій на кроткимъ и смиренныхъ сердцемъ, наградилъ его глубокимъ душевнымъ миромъ, невозмутимую тишиною сердца, исполнилъ неизреченною радостію и веселіемъ, — или, иначе сказать, Маркъ сдѣлался свѣтлѣйшимъ органомъ Святаго Духа, обителію Тріедианаго. Примѣръ сего божественнаго Марка служилъ назиданіемъ для многихъ. Многіе, видя его подвиги и слушая благодатную его бесѣду, получали себѣ обильную душевную пользу. Въ числѣ назидающихся ангельскою его жизнію былъ и я, и притомъ преимущественно предъ другими; ибо, будучи сожителемъ ему почти до самой его смерти, я пользовался самою искреннею его дружбою. У насъ была какъ бы одна душа въ двухъ тѣлахъ, и мы не знали, что мое, что его. Отсюда выходило то, что кто называлъ Каллиста, тотъ вдругъ прибавлялъ къ нему и Марка, и опять, кто говорилъ о Маркѣ, тотъ видѣлъ въ немъ и Каллиста. Всѣ отцы, обитавшіе тамъ въ скиту, смотрѣли на наше единомысліе, какое мы имѣли между собою, благодатію Христовою, какъ на похвальный примѣръ, — и если когда, по зависти діавольской, случалось нѣкоторымъ изъ нихъ вступать въ разногласіе между собою, тотчасъ приводили они себѣ на память насъ, — и разногласіе исчезало.

Божественный отецъ нашъ Григорій благословилъ быть такому между нами единомыслію до кончины нашей и, движимый благодатію Святаго Духа, присовокупилъ, что если

мы будемъ находиться въ этомъ единеніи духа, то удостоимся царства небснаго. Такое наше дружество продолжалось цѣлыхъ 28 лѣтъ. Предъ смертію своею, Маркъ вынужденъ былъ тѣлесною болѣзнію перейти изъ скита въ лавру и оставаться тамъ до своей кончины: но тѣлесное разлученіе наше никогда не нарушало духовнаго нашего единенія. Блаженный Маркъ, ежедневно восходя отъ силы въ силу, сталъ на высшей степени совершенства, такъ что должнымъ образомъ и рассказать о всѣхъ его добродѣтеляхъ невозможно. И то, о чемъ я рассказалъ, рассказано мною противъ его воли, — ибо онъ, по смиренію своему, заповѣдалъ мнѣ не говорить о его добродѣтеляхъ. Но такъ какъ похвала святыхъ относится къ Богу, то я, для душевной пользы и назиданія другихъ, и счелъ справедливымъ не молчать о подвигахъ его.

Скажу, — говорить блаженный патриархъ, — еще объ одномъ достойномъ похвалы, ученикѣ святаго Григорія — Іаковѣ. Онъ, наставленіями и водительствомъ божественнаго Григорія, достигъ такой высоты добродѣтелей, что удостоился принять и санъ архіерейства, — сдѣлался епископомъ епархіи Сервіонъ.

Не умолчу и о чудномъ Ааронѣ. Онъ былъ лишенъ тѣлеснаго зрѣнія: — поэтому святой Григорій весьма много сострадалъ ему. Божественный Григорій объяснялъ Аарону, что слѣпота тѣлесныхъ очей не только очищаетъ душевныя, но и даруетъ вѣчный свѣтъ тѣмъ, которые переносятъ ее съ благодарностію, надѣясь во всемъ несомнѣнно на Бога, и что когда мы, помощію и благодатію Божіею, очистимъ сердца наши, посредствомъ горячей и постоянной молитвы, тогда просвѣщается нашъ умъ и разумъ, которые въ душѣ какъ бы два ока. А если просвѣтятся и отверзутся очи души нашей, то человекъ, сдѣлавшись въ Богѣ духовнымъ, видитъ естественно какъ видѣлъ и Адамъ

прежде своего преступленія. Объяснялъ ему святой Григорій и паденіе нашего праотца, и возстановленіе его въ первобытное совершенство. Слушая эти и подобныя этимъ наставленія, и слагая ихъ въ сердцѣ своемъ, Ааронъ, съ глубокимъ сокрушеніемъ сердца, просилъ Бога такъ: „Господи Боже мой! низу склонившагося воздвигнувшій, словомъ единымъ разслабленнаго стягнувшій и очи слѣпаго разверзшій, воздвигни и меня, неизреченнымъ Твоимъ благоутробіемъ, и, погрязшую въ тинѣ грѣха, окаянную мою душу не презри, и не дай ей погрязнуть во рвѣ отчаянія, но, какъ щедрый, отверзи очи сердца моего, всели въ него страхъ Твой, дай мнѣ разумѣть заповѣди Твои и творить волю Твою!“ И не вотще была такая смиренная и изъ глубины души молитва слѣпца: онъ былъ услышанъ Богомъ, и очи души его просвѣтились такъ, что онъ не нуждался болѣе и въ зрѣніи тѣлесномъ. Теперь не нуженъ уже сталъ ему и вожатый въ пути. Мало того,—онъ видѣлъ дѣйствія другихъ даже на далекомъ отъ себя разстояніи. Разъ они ходили съ выпесказаннымъ Іаковомъ къ одному монаху. Бывъ еще далеко отъ келліи этого монаха, Ааронъ, просвѣщенный свыше, сказалъ Іакову: „монахъ, къ которому мы идемъ, держитъ въ рукахъ своихъ священное Четвероевангеліе и читаетъ какое-то зачало Евангелія.“ Пришедши къ келью монаха, и испытавъ съ точностію, нашли, что предсказанное Аарономъ было истинно. Но это только малое изъ многаго.

Нельзя не упомянуть и о другихъ ученикахъ преподобнаго—Моисеѣ, Логгинѣ, Корнилиѣ, Исаѣ и Климентѣ. Всѣ они, подъ мудрымъ отеческимъ водительствою святаго Григорія, украсившись и дѣланіемъ и видѣніемъ, потомъ сами приобрѣли себѣ многихъ учениковъ, и мирно почили, предавъ души свои въ руцѣ Божіи.

Такъ какъ я вспомнулъ уже о чудномъ Климентѣ, то

полезно будетъ разсказать немного изъ того, что дароваль ему Богъ. Климентъ былъ родомъ изъ Болгаріи, и на родинѣ имѣлъ должность пастуха овецъ. Въ одну ночь, находясь на стражбѣ своей, онъ, подобно тѣмъ древнимъ пастырямъ, сподобился особеннаго посѣщенія свыше, — увидѣлъ нѣкій чудный свѣтъ, сіявшій надъ его безсловесными и надъ всемъ пастбищемъ. Климентъ въ это время былъ полонъ и радости, и вмѣстѣ недоумѣваль о видѣніи. Онъ почелъ-было этотъ свѣтъ за естественное разсвѣтаніе, такъ какъ, незадолго предъ симъ освѣщеніемъ, засыпалъ на жезлѣ своемъ. Но во время такого его размышленія, свѣтъ этотъ, въ виду его, мало-по-малу восшелъ на небеса, и оставилъ послѣ себя тьму и ночь. Вскорѣ послѣ сего, Климентъ удалился на святую Аѳонскую гору и, въ скиту Морфину *), подчинилъ себя одному монаху, простому, но благоговѣйному и добродѣтельному. Все обученіе Климента у этого инока состояло только въ молитвѣ: „Господи помилуй!“ По прошествіи немногаго времени, Климентъ былъ снова удо-

*) Въ области лавры святаго Аванасія. Этимъ именемъ престонородѣ назвало, существовавшую здѣсь въ 12 вѣкѣ, итальянскую православную обитель (путь можно видѣть изъ актовъ аѳонскихъ) Амальфи. А знаменитый папоянитъ нашъ Барскій передаетъ объ этомъ слѣдующій, основанный на преданіи, разсказъ: „Отъ монастыря (лавры) два часа прошедше, обрѣтаемъ пиргъ, — си есть столпъ, мурованный еще древними лѣты, огда тамо мѣръ жительствоваше Создася, яже повестьвуютъ, отъ нѣкоего царя и вельможи, ради упокоенія дщери своей именуемой Морфину, яже тамо многими лѣты безмолвствоваше, веселяся отъ красоты мѣста: ибо стоятъ на холмѣ зѣло красномъ, недалече отъ моря, яко на два стрѣланія съ лука; окрестъ же — воды текуція и горы, съ густымъ лѣсомъ, яже суть воскрилія Аѳона, и зеленѣютъ лѣзнозрачно, въ зимѣ и въ лѣтѣ, не точію сего ради, яко есть мѣсто тепло, отъ дыханія морскаго, но и естественно вся Святая гора имать благодать сію, яко много обрѣтается въ ней таковыхъ деревьевъ, яже въ зимѣ и въ лѣтѣ яа себѣ имуть листвіе зеленое, отъ нихже въ странахъ російскихъ не обрѣтаются. Мѣсто же оное речется столпъ красоты, — или отъ имени предреченныя дѣвы, или отъ естественныя красоты мѣста, ибо первѣе нарицашеса Ту Морфину, послѣди же, отъ простобесѣдна языка общенароднаго, слово умалися и наречеса Морфину, еже знаменуетъ: зрачно“ (см. второе посѣщеніе св. Аѳон. горы Барскимъ, стран. 60 — 61. изд. Аѳон. Русск. Пантел. мон.). Во время послѣдняго разоренія Св. горы (1536 г.), магистромъ родосскимъ, мон Амальфійскимъ, котораго развалины, подъ названіемъ Морфину, подають поводъ къ разнымъ сказаніямъ, былъ уничтоженъ, говорить г. Григоровичъ (см. его Очеркъ путешествія по европ. Турціи. Казань 1848 г., стран. 91. См. объ этомъ также и у г. Муравьева, въ его Письмахъ съ Востока. Ч. 1, стр. 124 и 275).

стоенъ Божественнаго свѣта, и, рассказавъ своему старцу объ этомъ видѣніи, просилъ отъ него объясненія. Но старецъ его, не имѣя самъ опытности въ духовныхъ предметахъ, пошелъ съ нимъ, для разсужденія объ этомъ, къ божественному Григорію. Климентъ рассказалъ святому Григорію о себѣ все подробно, и послѣ того горячо просилъ Григорія причислить его къ благой его дружинѣ. Преподобный, какъ подражатель Христу, жаждая спасенія всѣхъ, принялъ его съ радостію, и научилъ его всему, что можетъ служить къ вѣчному нашему спасенію. Для души Климента, съ теченіемъ времени сдѣлавшейся боговидною, духовныя видѣнія уже не были непонятны. Сказывалъ онъ о себѣ, что, сколько разъ ни посылалъ его божественный Григорій въ священную лавру, во время пѣнія тамошними отцами— „Честнѣйшую...“, онъ всегда видѣлъ свѣтлое облако, нисходившее съ неба на лавру и покрывавшее оню. Когда же кончалась пѣснь „Честнѣйшей“, это облако, въ его глазахъ, снова восходило со свѣтомъ на небо.

Душеспасительными наставленіями божественнаго Григорія пользовались не только его ученики, но и всякій, кто приходилъ къ нему. Поэтому почти всякій считалъ великимъ для себя несчастіемъ не быть у святаго Григорія, и не сподобиться слушать его ученіе. И такъ какъ слово его имѣло помазаніе, то всегда производило благотворные плоды въ сердцахъ слушателей. Какъ, въ самое время ученія великаго Петра, въ домѣ Корнилія, сошелъ на слушателей его Духъ Святой: такъ было и съ тѣми, которыхъ училъ божественный Григорій;—это сказывали мнѣ сами, испытавшіе силу его ученія. „Въ то самое время,“ говорили они, „когда святой Григорій разсуждалъ о чистотѣ души и о томъ, какимъ образомъ человѣкъ дѣлается, по благодати, богомъ, въ душахъ нашихъ пробуждалось нѣкое божественное, неудержимое стремленіе къ добродѣтели и

неизъяснимая любовь къ Богу.“ Святой Григорій побуждалъ упражняться въ умной молитвѣ и храненіи ума какъ пустынниковъ, такъ и киновіатовъ, — рѣшительно всѣхъ.

Но доброненавистникъ діаволь не могъ быть равнодушнымъ къ такимъ подвигамъ святаго Григорія. Онъ возбудилъ противъ преподобнаго мнимоученыхъ монаховъ, — такъ что, движимые завистию къ нему, они предприняли рѣшительное намѣреніе прогнать его со Святой горы. Съ ними, по невѣдѣнію, согласились и нѣкоторые простецы и неопытные въ тайнахъ духовныхъ. Завистники и духовные невѣжды кричали божественному Григорію: „не учи насъ пути, котораго мы не знаемъ,“ — разумѣя подъ нимъ умную молитву и блюденіе ума.

Преподобный, видя разгаръ зависти, далъ мѣсто злу, и умолчалъ на время. Потомъ, взявъ съ собою одного своего ученика и нѣкоего подвижника Исаію, много пострадавшаго отъ царя Михаила Палеолога за несогласіе свое съ суетумудріемъ лжепатріарха Іоанна Векка, явился, для разсужденія о своемъ ученіи, въ Протать. Протъ ласково принялъ ихъ и началъ дружески и косвенно замѣчать божественному Григорію, — только не о томъ, зачѣмъ онъ училъ о трезвеніи и умной молитвѣ, ибо Протъ былъ не изъ числа завистниковъ и духовныхъ невѣждъ, — а о томъ, зачѣмъ онъ училъ безъ его позволенія. Но, зная чрезвычайные подвиги святаго Григорія и истинную высоту божественнаго его ученія, онъ оставилъ все и искренно подружился съ нимъ. Бесѣдуя съ Григоріемъ и Исаією, онъ говорилъ: „сегодня я бесѣдую съ главами Апостоловъ, Петромъ и Павломъ.“ Недоброжелательствующіе святому Григорію, отцы, видя ласковый пріемъ, сдѣланный ему Протомъ Святой горы, и слыша похвалы главы иноческой своей семьи божественному учителю, убѣдились въ истинѣ его ученія, — и съ того времени всѣ вообще, — и пустын-

ники и непустыньники, съ великою радостію, признали и имѣли общимъ учителемъ божественнаго Григорія. Но такъ какъ число приходящихъ къ нему для душевной пользы весьма умножилось, что отнимало у него любимое имъ безмолвіе, то онъ, чтобъ избавиться отъ посѣтителей, рѣшился употребить хитрость, — сталъ перемѣнять мѣста своего обитанія и, многократно перемѣняя ихъ, удалялся иногда въ самыя отдаленныя и непроходимыя пустыни. Но горящій свѣтильникъ нигдѣ не могъ укрыться: градъ, стоящій верху горы добродѣтелей, не могъ утаиться отъ взоровъ, ищущихъ его. Желаящіе слышать изъ медоточныхъ его устъ божественное его ученіе являлись къ нему вездѣ. Поэтому, снисходя къ трудамъ и усердію приходящихъ, онъ, въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, въ которыхъ оставался жить, строилъ келліи, въ сторонѣ отъ своей, чтобы помѣстить ихъ.

Агаряне, громившіе уже тогда Грецію, грозили истребленіемъ и порабощеніемъ и Святой горѣ. Святой Григорій, съ одной стороны потому, что испыталъ уже желѣзное ярмо этихъ варваровъ, какъ мы сказали вначалѣ, а съ другой, не желая лишиться безцѣннаго для него безмолвія рѣшился отправиться опять на Синай, — безмолвствовать на святой вершинѣ его. Узнавъ же, что не найти ему искомаго спокойствія и тамъ, — ибо нечестивые сарацины огненною лавою распространились тогда по всему Востоку, — отложилъ путешествіе и переходъ на Синай и, желая найти себѣ гдѣ-нибудь другое мѣсто, удобное для созерцательной своей жизни, посѣтилъ тогда многія мѣста. Пробывъ нѣсколько времени въ Солуни, онъ отправился въ Митилинъ, а оттуда, чрезъ Константинополь, прибылъ въ Созополь. Въ окрестностяхъ Созополя, нашель-было онъ, въ одной пустынѣ, удобное для себя убѣжище, и уже основался тамъ, но подвергся преслѣдованіямъ зависти отъ тамошнихъ пустынь-

никовъ, и даже съ опасностію липенія жизни. Не могли побѣдить этой злой страсти ни своимъ великодушіемъ, ни кротостію, онъ снова возвратился, чрезъ Созополь, въ Царьградъ. А такъ какъ нечестивые сыны рабыни тогда немного успокоились и не тревожили Святой горы, то онъ изъ Константинополя прибылъ опять на Аѳонъ. Въ этомъ странствованіи я, съ другимъ ученикомъ святаго, былъ неотступнымъ его спутникомъ. Во время пребыванія въ пустынѣ созопольской, сочинены имъ 150 трезвенныхъ главъ, исполненныхъ дѣланія и созерцанія *).

Съ неподдѣльнымъ расположеніемъ и великою радостію приняли святаго въ лаврѣ, куда онъ теперь прибылъ, и прибытіе его почитали духовнымъ своимъ торжествомъ. Съ благословенія старшей братіи лавры, святой въблизи выстроилъ нѣсколько келлій, въ разныхъ мѣстахъ, для себя и своихъ учениковъ, и бесѣдовалъ тамъ съ однимъ Богомъ. Когда же, по Божію попущенію, агаряне снова начали утѣснять Святую гору, преподобный, не могли безмолвствовать внѣ лавры, вошелъ внутрь ея. Но многоядная, совокупная жизнь была не по немъ. Для своего созерцанія, онъ жаждалъ уединенія, а потому, взявъ съ собою одного ученика, тайно вышелъ изъ лавры и отправился въ Адрианополь, отсюда же удалился въ одну гору, называемую „Скрытная.“ Здѣсь нашелъ онъ мѣсто, дѣйствительно удобное для своей жизни; но гора вся почти наполнена была разбойниками. Возбуждаемые завистливымъ діаволомъ, боявшимся, чтобъ святой не обратилъ пустыню въ жилище земныхъ ангеловъ, они много беспокоили его. Святой Григорій не отчаявался, ибо зналъ, что для нагаго хищники тлѣнныхъ вещей неопасны. Здѣсь услышалъ онъ о благо-

*) Эти главы помѣщены въ «Добротолубин» въ русск. переводѣ (т. 5-й М. 1890. стр. 195—256).

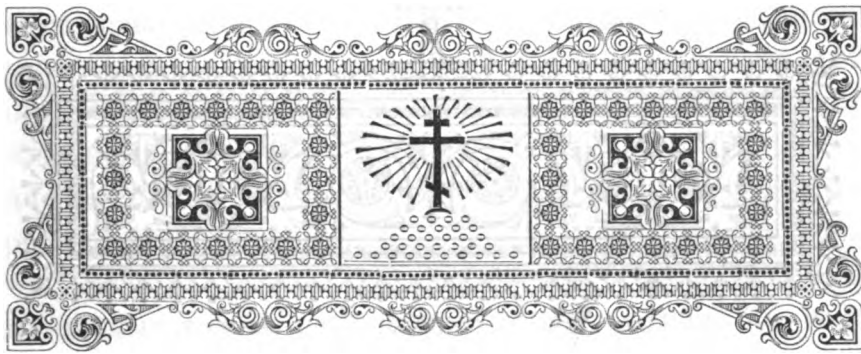
честіи болгарскаго царя Александра, — вслѣдствіе сего, возложивъ упованіе на Бога, всегда споспѣшествующаго благимъ намѣреніямъ Своихъ служителей, посылаетъ къ царю своихъ учениковъ, и чрезъ нихъ, извѣщая его о себѣ и о своихъ бѣдствіяхъ, проситъ себѣ, во имя Божіе, помощи его и защиты отъ разбойниковъ. Слухъ о благочестіи этого царя не обманулъ святаго Григорія: чтя добродѣтель и добродѣтельныхъ, принявъ онъ съ радостію предложеніе святаго, — и сдѣлалъ болѣе, чѣмъ просилъ преподобный. Этотъ державный любитель благочестія на той горѣ воздвигъ цѣлую обитель, со всѣми къ ней хозяйственными принадлежностями, и все устроилъ въ ней по-царски; послалъ также святому и довольное количество денегъ, на содержаніе его дружины, — пожертвовалъ, для будущаго пропитанія братіи обители, нѣсколько деревень и одно озеро, для рыбной ловли, прислалъ множество воловъ и овецъ и большое количество рабочаго скота. (Впослѣдствіи на этой горѣ возсіяли еще три лавры). Здѣсь святой мирно оканчивалъ остатокъ земнаго своего странствованія, продолжая заботиться о благѣ души всѣхъ и cadaго. Онъ горѣлъ желаніемъ всю вселенную обогатить знаніемъ восхожденія на высоту дѣланія и созерцанія, и стремился возжечь во всѣхъ пламенную любовь къ этому восхожденію. Поистинѣ и объ немъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно сказать сіи Божественныя слова: *во всю землю изыде вѣщаніе его и въ концы вселенныя сила глаголовъ его* (Псал. 18, 5);—ибо онъ не только у грековъ и болгаръ, но и у сербовъ и дальше, если не самъ, своимъ лицомъ, то, по крайней мѣрѣ, чрезъ своихъ учениковъ разсѣявалъ Божественное свое ученіе. И силѣ слова его рѣдко не уступала всякая лютость. Даже свирѣпыхъ тѣхъ словесныхъ волковъ, — дикихъ тѣхъ разбойниковъ и убійць, — онъ претворялъ въ кроткихъ и разумныхъ овецъ, и вводилъ ихъ не-

порочными агнцами въ ограду превѣчнаго Пастыря и Провѣтителя душъ нашихъ.

Таковы, изъ многихъ, нѣкоторые подвиги святаго Григорія! Такова жизнь этой чудной и блаженной души!—Но настало наконецъ и для него время отдать общій долгъ смерти. Итакъ, труженикъ сей о Бозѣ, немного и недолго поболѣвъ, предалъ блаженную свою душу въ руки Божіи, и восшелъ на небеса, дабы наслаждаться тамъ всегда желаемымъ имъ въ земной юдоли Христомъ *), Которому слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

*) „Житіе иже во святахъ отца нашего Григорія Синаита (СПБ. 1894)“ издано въ подлинникѣ И. В. Помяловскимъ по рукописи московской синодальной бібліотеки Въ предисловіи къ этому житію г. издатель, вѣроятно на основаніи указанія архим. Сергія (см. полн. мѣсяцесловъ, — 8-го августа), кончину преподобнаго Григорія относитъ къ 1310 году; но это не вѣрно: приводимые въ самомъ житіи историческіе факты и личности свидѣтельствуютъ, что кончина преподобнаго должна быть отнесена къ половинѣ XIV столѣтія, — къ 1346 году, — какъ утверждаетъ и архим. Арсеній (см. его „Лѣтопись“, изд. 2, СПБ. 1880 г. стр., 505, и его же „Очеркъ жизни патріарха К. П. Каллиста“, — Правосл. Обзор. 1873 г., т. I, стр. 917).

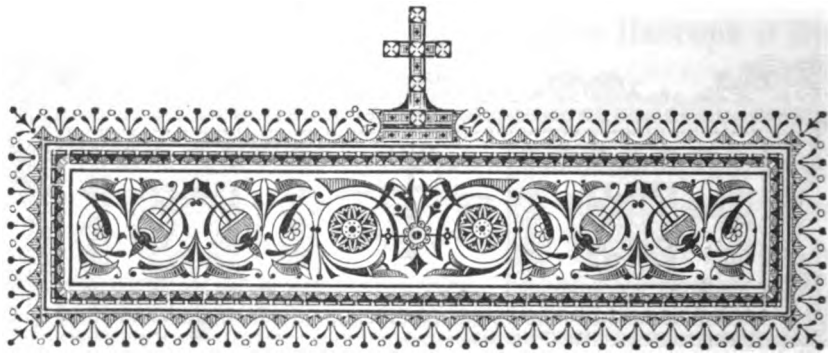

АПРѢЛЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

**Память преподобнаго
ГРИГОРІЯ ВИЗАНТІЙСКАГО *).**

Преподобный отецъ нашъ Григорій родомъ былъ изъ Византіи, а равноангельскимъ своимъ житіемъ просіялъ въ предѣлахъ лавры св Аѳанасія. Объ этомъ отцѣ извѣстно только то, что онъ былъ наставникомъ Божественнаго Григорія Паламы въ трезвенномъ любомудріи, и что, за равноангельскую высоту своей жизни, удостоился принимать пищу изъ рукъ Ангельскихъ.

*) Изъ Ἀκολουθία τῶν ἐγγορευτῶν πατέρων.

А П Р Ъ Л Я 7.

Память преподобнаго и богоноснаго отца нашего
НИЛА СОРСКАГО.

Великій отецъ Русской Церкви, по своему подвижническому и наставленіямъ, учитель скитской простоты и созерцательной жизни, преподобный Нилъ, по прозванію Майковъ, родился въ 1433 году. О происхожденіи и мѣстѣ рожденія преп. Нила ничего неизвѣстно; однако, судя по его обширнымъ связямъ съ важными лицами его времени и по высокому его образованію, надо полагать, что и самъ онъ принадлежалъ къ роду боярскому. Правда, св. Нилъ называетъ себя *невъждою* и *поселяниномъ*, но *невъждою* онъ могъ назвать себя по глубокому смиренію, а *поселяниномъ*—потому, что и родился, и жилъ въ отчинѣ своихъ предковъ между сельскими обитателями.

Постриженіе въ монашество св. Нилъ получилъ и начало иноческой жизни полагалъ въ обители преподобнаго Кирилла Бѣлоозерскаго.—Здѣсь онъ пользовался совѣтами умнаго и строгаго старца Паисія Ярославова, который потомъ былъ игуменомъ Сергіевой Свято-Троицкой Лавры. Изъ краткихъ свѣдѣній о жизни преподобнаго Нила извѣ-

стно только, что онъ, проживъ въ Кирилловомъ-Бѣлоозерскомъ монастырѣ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ и сотрудникомъ монахомъ Иннокентіемъ, изъ рода бояръ Охлѣбининыхъ, путешествовалъ по св. мѣстамъ Востока и долго обиталъ на Аѳонѣ. На Святой горѣ, какъ райская пчела, носился онъ по заоблачнымъ высотамъ, среди аѳонскихъ отцевъ, и подарилъ наше русское иночество дивнымъ своимъ произведеніемъ, содержащимъ не вычитанныя только истины скитскаго безмолвія, но и дознанныя опытомъ, пройденныя искусомъ и запечатлѣнные опытами собственной его жизни, безстрастно-ангельской. Плодомъ его странствованія на Святой горѣ было изученіе правилъ пустыннаго уединенія, безмолвной молитвы и духовнаго трезвенія. Почему, если преподобнаго Антонія Печерскаго мы называемъ первоначальникомъ иночества въ Россіи, то преподобнаго Нила Сорскаго, по всей справедливости, можно назвать первенцемъ скитскаго подвижничества. Любимымъ занятіемъ его было, по собственному сознанію, испытывать Божественныя Писанія, житія и ученіе святыхъ отецъ. Такимъ образомъ препод. Ниль не только изучилъ умомъ и сердцемъ, но и въ жизнь и постоянное упражненіе обратилъ душеспасительные уроки богумудрыхъ отцевъ — Антонія Великаго, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Макарія Великаго, Варсонофія, Іоанна Лѣствичника, Аввы Дорошея, Максима Исповѣдника, Исихія, Симеона новаго Богослова, Петра Дамаскина, Григорія, Нила и Филофея Синайскихъ. На Святой горѣ препод. Ниль полюбилъ особенно скитскій образъ жизни; глубоко запала въ душу его любовь къ уединенію, поэтому, возвратясь въ Бѣлоозерской монастырь, онъ уже не хотѣлъ жить въ немъ, но отошелъ за 15 верстъ отъ сего монастыря на рѣку Сорку, водрузилъ здѣсь крестъ, поставилъ сперва часовню и уединенную келлію, и при

ней выкопалъ колодезь; а когда собралось къ нему для сожитія нѣсколько братій, то построилъ и церковь. Обитель свою учредилъ онъ на особенныхъ отшельническихъ правилахъ, по образцу существующихъ до нынѣ скитовъ на святой горѣ Аѳонской. Такимъ образомъ составилъ первый Русскій скитъ. Въ новомъ своемъ скиту, преподобный продолжалъ изучать Божественное Писаніе и творенія св. отцевъ, устрояя по нимъ жизнь свою и учениковъ своихъ.

Исторію внутренней своей жизни отчасти открылъ самъ преподобный въ посланіи къ одному изъ своихъ близкихъ сподвижниковъ, по настоятельной его просьбѣ. — „Пишу къ тебѣ, говоритъ онъ, показывая себя: любовь твоя по Богъ вынуждаетъ къ тому и дѣлаетъ меня безумнымъ, чтобы писать тебѣ о себѣ. Не просто и не по случаямъ надобно намъ поступать, а по Св. Писанію и по преданію св. отцевъ. Удаленіе мое изъ монастыря (Кириллова) не было ли ради душевной пользы? Ей, ради ея.—Я видѣлъ, что тамъ живутъ не по закону Божію и преданію отеческому, а по своей волѣ и человѣческому разсужденію. Много еще и такихъ, которые, поступая такъ неправильно, мечтаютъ, будто проходятъ житіе добродѣтельное... Когда мы жили вмѣстѣ съ тобою въ монастырѣ, ты знаешь, какъ удалялся я мірскихъ связей и старался жить по Св. Писанію, хотя — по лѣности моей—и не успѣвалъ. По окончаніи странствованія моего, пришелъ я въ монастырь, и внѣ монастыря, вблизи его, устроивъ себѣ келлію, жилъ, сколько могъ. Теперь переселился я вдаль отъ монастыря, нашелъ благодатію Божію мѣсто, по мыслямъ моимъ, мало доступное для мірскихъ людей, какъ самъ ты видѣлъ. Живя наединѣ, занимаюсь испытаніемъ духовныхъ писаній: прежде всего испытываю заповѣди Господни и ихъ толкованіе—преданія Апостоловъ, потомъ, житія и настав-

ленія св. отцевъ. О всемъ томъ размышляю, и что — по разсужденію моему—нахожу Богоугоднаго и полезнаго для души моей, переписываю для себя. Въ этомъ жизнь моя и дыханіе. О немощи моей и лѣни возложилъ я упованіе на Бога и Пречистую Богородицу. — Если что случается мнѣ предпринимать и если не нахожу того въ Писаніи, на время отлагаю въ сторону, пока не найду. По своей волѣ и по своему разсужденію не смѣю предпринимать что-нибудь. — Живешь-ли отшельнически или въ общежитіи: внимай Святому Писанію и слѣдуй по стопамъ отцевъ, или повинуйся тому, кто извѣстенъ какъ мужъ духовный, въ словѣ, жизни и разсужденіи... Святое Писаніе жестоко лишь для того, кто не хочетъ смириться страхомъ Божиимъ и отступитъ отъ земныхъ помышленій, а желаетъ жить по своей страстной волѣ. Иные не хотятъ смиренно испытывать Св. Писаніе, не хотятъ даже слышать о томъ, какъ слѣдуетъ жить, какъ будто Писаніе не для насъ писано, не должно быть исполняемо въ наше время. Но истиннымъ подвижникамъ—и въ древнія времена, и въ нынѣшнія, и во всѣ вѣка—слова Господни всегда будутъ словами чистыми, какъ очищенное серебро: заповѣди Господни для нихъ дороги болѣе, чѣмъ золото и камняа дорогіе, — сладки болѣе, чѣмъ медъ и сотъ.“

Новый путь жизни, избранный преп. Ниломъ, изумлялъ собою современниковъ его. Да и дѣйствительно было чему изумляться, особенно для слабыхъ. Мѣсто, которое избралъ для своего скита преп. Ниль, по свидѣтельству очевидцевъ его, было дико, мрачно, пустынно. Вся мѣстность скита—низменная и болотистая. Самая рѣчка Сорка, давшая свое имя угоднику Божию, едва тянется внизъ по теченію, и похожа больше на болото, чѣмъ на текущую рѣку. И здѣсь-то подвизался русскій отшельникъ!

Новая, дотолѣ невиданная на Руси, жизнь скитская,

часто высказываемая душевная скорбь о порчѣ церковныхъ книгъ и стараніе, по возможности, исправлять ихъ, конечно возбуждали противъ преподобнаго неудовольствія; но онъ терпѣливо шелъ своимъ путемъ, и былъ въ уваженіи добрыхъ святителей и Великихъ Князей.

Преподобный Ниль былъ на соборѣ о жидовствующихъ еретикахъ, въ 1491 году. Самъ ревнитель православія, Архіепископъ Новгородскій Геннадій желалъ лично видѣть и слышать сужденія преп. Нила о предметахъ недоумѣній, по дѣлу о нихъ.

Преподобный Ниль на соборѣ 1508 года, разсуждавшемъ о монастырскихъ имуществвахъ, показалъ, до какой степени отложилъ онъ всѣ мірскія пристрастія, и какъ стремилась душа его къ одному лишь горнему. Соглашаясь съ нестяжательнымъ духомъ Максима Грека и другихъ святогорцевъ, прежде всѣхъ предложилъ на соборѣ Ниль, чтобы не было селъ у монастырей, и чернецы жили въ пустынѣ и кормились рукодѣліемъ. Всѣ пустынники Бѣлозерскіе, слѣдуя въ этомъ заповѣди отца своего св. Кирилла, поддерживали мнѣніе великаго скитоначальника, а Максимъ Грекъ даже пострадалъ за это въ послѣдствіи отъ митрополита Даніила, хотя виною гоненія была вымышленная на него ересь *). Преп. Іосифъ Волоколамскій, будучи самъ строгимъ подвижникомъ, держался однако противнаго мнѣнія и приводилъ свидѣтельства Θεодосія, общаго житія начальника, Аѳанасія Аѳонскаго и настоятелей другихъ обителей, которыя имѣли села, и его мнѣніе превозмогло. Послѣ преп. Нила, ученикъ его князь Вассіанъ Косой также сильно поборалъ по своему блаженномъ учителѣ и съ нимъ всѣ святогорцы, чтобы не имѣть монастырямъ селъ, но ихъ мнѣніе не было принято.

Въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи, преподобный Ниль,

*) См. житіе преп. Максима Грека, 21 января.

заповѣдуя ученикамъ бросить тѣло его въ пустыни — въ пишу звѣрямъ, или закопать его въ яму съ презрѣніемъ, написалъ: „оно тяжело согрѣшило предъ Богомъ и недостойно погребенія;“ а затѣмъ прибавилъ: „сколько въ моей силѣ было, старался я не пользоваться никакою честью на землѣ, въ этой жизни; такъ пусть будетъ и по смерти.“

Преподобный Ниль скончался 7 Апрѣля 1508 г. Св. мощи преподобнаго почиваютъ подъ спудомъ, въ его пустыни.

Отъ преп. Нила Сорскаго дошли до насъ, — его посланія и Уставъ скитскаго житія.

Посланія преп. Нила имѣютъ предметомъ своимъ внутреннюю подвижническую жизнь, о которой съ подробностію онъ изложилъ свои мысли въ Уставѣ скитскаго житія. — *Два посланія* св. Ниль писалъ къ постриженнику своему *Кассіану*, бывшему князю Мавнукскому, который пришелъ въ Россію съ Греческою царевною Софією, служилъ нѣсколько времени бояриномъ у Ростовскаго Архіепископа Іоасафа и въ 1504 году скончался инокомъ въ Углической обители. Въ одномъ изъ своихъ посланій св. Старецъ учитъ Кассіана, какъ бороться съ помыслами, совѣтуя для того — молитву Іисусову, занятіе рукодѣліемъ, изученіе Св. Писанія, охраненіе себя отъ внѣшнихъ соблазновъ, и излагаетъ нѣкоторыя общія наставленія о послушаніи наставнику и прочимъ о Христѣ братіямъ, о смиреніи, терпѣніи въ скорбяхъ, о молитвѣ за самыхъ враговъ и подобное. Во второмъ посланіи, вспоминая кратко о бѣдствіяхъ и скорбяхъ, претерпѣнныхъ Кассіаномъ отъ юности, о его знатныхъ родителяхъ, его плѣненіи, переселеніи въ чужую землю, и желая его утѣшить, преподобный раскрываетъ ему изъ Св. Писанія, что скорби часто наводитъ Господь на любящихъ Его, что всѣ святые — пророки, мученики — достигли спасенія путемъ страданій,

указываетъ — въ частности — на Іова, Іеремію, Мѣсеея, Исаію, Іоанна Крестителя и другихъ, и выводитъ заключеніе, что если святые столько терпѣли, то тѣмъ болѣе должны терпѣть на землѣ мы—грѣшныя,—что мы должны воспользоваться этими бѣдствіями и скорбями для очищенія себя отъ грѣховъ и своего спасенія. Въ *посланіи* (приведенномъ нами выше) къ другому ученику своему и сподвижнику—*Иннокентію*, основавшему уже тогда особую обитель, преп. Нилъ кратко говоритъ о самомъ себѣ, о своей жизни вмѣстѣ съ нимъ, въ Бѣлоозерскомъ монастырѣ, о своемъ поселеніи, по окончаніи путешествія на востокъ, внѣ монастыря, объ основаніи своего скита, о своихъ постоянныхъ занятіяхъ Св. Писаніемъ, житіями св. отецъ и ихъ преданіями; а потомъ наставляетъ Иннокентія—исполнять заповѣди Господни, подражать житію святыхъ, хранить ихъ преданія и учить тому же свою братію. Еще *два посланія* писаны св. Ниломъ къ неизвѣстнымъ инокамъ. Въ одномъ изъ нихъ, весьма краткомъ, онъ заповѣдуетъ иноку — памятованіе смерти, скорбь о грѣхахъ, неисходное пребываніе въ келліи, смиреніе, молитву. Въ другомъ, довольно обширномъ, даетъ отвѣты на слѣдующіе четыре вопроса, предложенные какимъ-то старцемъ: какъ противиться блуднымъ помысламъ, — какъ побѣждать помысль хульный, — какъ отступить отъ міра и какъ не заблудить отъ истиннаго пути. Отвѣты эти, особенно на два первые вопроса, почти буквально помѣщаются въ Уставѣ скитскаго житія. Изъ содержанія посланій св. Нила видно, что его долго занимали и многимъ потребны были тѣ самыя мысли, которыя собраны и систематически изложены въ его Уставѣ скитскаго житія.

Самое драгоцѣнное, что намъ осталось послѣ Нила и что конечно пройдетъ еще сквозь рядъ столѣтій безсмертнымъ зеркаломъ житія иноческаго, — это его созерцатель-

ныя главизны, или скитскій Уставъ, достойный первыхъ временъ пустынножительства Египта и Палестины, ибо онъ проникнуть духомъ Антонія и Макарія.

„Уставъ скитскаго житія“ или — „Преданіе о жительствѣ скитскомъ“ есть главное и самое важное сочиненіе преп. Нила. — Въ предисловіи къ Уставу св. Старецъ касается внѣшняго поведенія иноковъ: говоритъ кратко о ихъ повиновеніи настоятелю, о трудахъ тѣлесныхъ, о пищѣ и питіи, о принятіи странниковъ, — заповѣдуетъ соблюдать бѣдность и нищету не только въ келліяхъ, но и въ украшеніи храма, такъ, чтобы въ немъ ничего не было ни изъ серебра, ни изъ золота, — запрещаетъ выходить изъ скита безъ воли настоятеля, впускать въ скитъ женщинъ, держать въ немъ отроковъ. Но въ самомъ Уставѣ св. отецъ разсуждаетъ уже исключительно объ умномъ или мысленномъ дѣланіи, подъ именемъ котораго разумѣетъ внутреннее, духовное, подвижничество. Сказавъ предварительно словами Св. Писанія и св. отцевъ о превосходствѣ этого внутренняго дѣланія предъ внѣшнимъ, о недостаточности одного внѣшняго дѣланія безъ внутренняго, о необходимости послѣдняго не только для отшельниковъ, но и для живущихъ въ общежительныхъ монастыряхъ, преподобный Ниль раздѣляетъ свой Уставъ на 11 главъ: въ главѣ 1-й говоритъ о различіи мысленной брани; во 2-й о борьбѣ съ помыслами; въ 3-й о томъ, какъ укрѣпляться въ подвигѣ противъ помысловъ; въ 4-й излагаетъ содержаніе всего подвига; въ 5-й говоритъ объ осьми помыслахъ; въ 6-й о борьбѣ съ каждымъ изъ нихъ; въ 7-й о значеніи памятованія смерти и суда; въ 8-й о слезахъ; въ 9-й о храненіи сокрушенія; въ 10-й о смерти для міра; въ 11-й о томъ, чтобы все дѣлаемо было въ свое время *).

*) См. наше изданіе: «Препод. и богоносн. отецъ нашъ Ниль Сорскій и уставъ его о скитской жизни». Изд. 3-е, М. 1892 г.

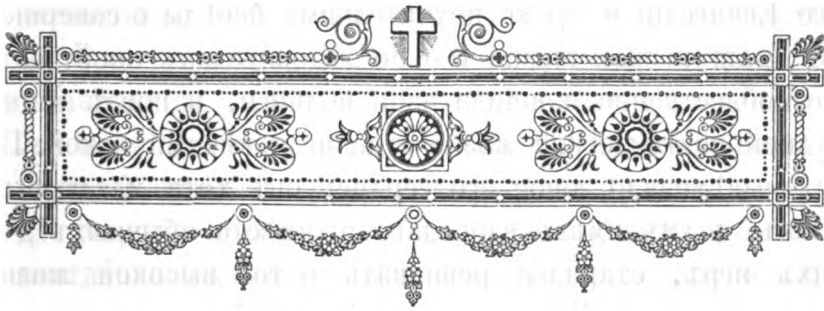
Т р о п а р ь .

Мірскаго житія отвергся, и мятежа житейскаго бѣгая, Преподобне и Богоносне Отче нашъ Ниле, не облѣнился еси собрати цвѣты райскія отъ писаній отеческихъ, и въ пустыню вселився, процвѣлъ еси яко кринъ сельный: отнюду же прешель еси и въ небесныя обители. Научи и насъ, честно почитающихъ тя, твоимъ царскимъ путемъ шествовати, и молися о душахъ нашихъ.

К о н д а к ъ .

Терпя потерпѣлъ еси суетныя обычаи и мірскія нравы братій твоихъ, обрѣлъ еси пустынное безмолвіе, Преподобне Отче, идѣже постомъ, бдѣніемъ и непрестанною молитвою въ трудахъ подвизався, ученьми твоими правыя стези указалъ еси намъ шествовати ко Господу. Тѣмже и почитаемъ тя, всеблаженне Ниле!

А П Р Ъ Л Я 12.

**Житіе преподобнаго отца нашего
АКАКІЯ НОВАГО *).**

Преподобный Акакій, родился въ селеніи Голица, въ Епирѣ. Онъ происходилъ отъ простыхъ, но благочестивыхъ родителей и во святомъ крещеніи названъ былъ Анастасіемъ **). Едва только Анастасій достигъ юношескаго возраста, какъ долженъ былъ заняться домашнимъ хозяйствомъ, по случаю смерти его отца, который оставилъ его съ малолѣтнимъ братомъ и матерью сиротами. Прискорбно было добронравному юношѣ Анастасію, въ тотъ періодъ жизни, когда ему желательно было заняться ученіемъ грамотѣ, лишиться родителя, и, вмѣсто его, заправлять домашнимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего онъ остался неграмотнымъ. Но Творецъ Небесный за лишеніе грамотности умудрилъ его премудростію свыше и оградилъ его страхомъ Своимъ.

Анастасій съ особенною ревностію любилъ ходить въ церковь Божію, гдѣ со вниманіемъ слушая чтеніе священ-

*) Изъ Νεν Μαρτυρολόγιον.

**) Его лично зналъ знаменитый нашъ русскій паломникъ Барскій. См. наше изданіе: «Второе посѣщеніе св. Афонской горы В. Г. Барскимъ». СПб. 1887 г. стр. 55.

наго Евангелія и также поучительныя бесѣды о совершенной Евангельской жизни и о послѣдователяхъ оной, которые доблественно кончили свои подвиги, и послѣ многотрудной постнической жизни отошли въ вѣчный покой. Все это возсѣменяло юное его сердце: онъ хотя младъ былъ тѣломъ, а умъ имѣлъ взрослога и, вмѣсто обычныхъ дѣтскихъ игръ, старался ревновать о той высокой жизни, которую указалъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ священномъ Своемъ Евангеліи.

Когда Анастасій пришелъ въ совершенный возрастъ, тогда его мать предложила ему сочетаться законнымъ бракомъ, но цѣломудренный юноша и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ; ибо сердце его, горѣвшее любовію къ Иисусу Христу, влекло его подобно жаждущему еленю на источнику водныя (Псал. 41, 2), т. е. не къ семейной, а уединенной жизни, вслѣдствіе чего онъ въ свободное отъ хозяйственныхъ трудовъ время уединялся отъ всѣхъ и гдѣ либо въ тишинѣ возсылалъ молитвы къ Богу.

Начало такой жизни юному подвижнику весьма правилось, и онъ со всею ревностью началъ усердно проходить добродѣтельную жизнь, которая со временемъ сдѣлалась для него какъ бы необходимою потребностью, такъ что иногда случалось, что онъ изъ своего уединенія отъ сладости молитвы и Божественнаго утѣшенія забывалъ возвращаться домой. Подобный образъ жизни смущалъ его мать, у которой было одно лишь желаніе — видѣть Анастасія поддержкою ея въ старости, а потому неоднократно увѣщавала его жениться. Но ни просьбы, ни угрозы матери не могли поколебать его, ибо онъ положилъ твердое намѣреніе сохранить себя цѣломудреннымъ. Его душа желала иноческой жизни, и работать Господу въ удаленіи отъ міра. Вслѣдствіе этого, онъ на 23-мъ году своего возраста удалился въ предѣлы Загоры и тамъ поступилъ

въ монастырь, называемый Суровія, основанный святымъ Діонисіемъ Олимпійскимъ во имя Св. Троицы, близъ селенія Макриницы, гдѣ, послѣ обычнаго искуса въ монастырскихъ послушаніяхъ, былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Акакія.

Въ первую ночь послѣ постриженія, Акакій удостоился Вожественнаго видѣнія. Такъ, ему казалось, будто онъ держалъ горящій свѣтильникъ, который разливалъ свѣтъ на далекое пространство; это видѣніе означало его будущую добродѣтельную жизнь, которая будетъ свѣтомъ и примѣромъ для ревнителѣй ищущихъ спасительнаго пути.

Проживши нѣсколько времени въ монастырскихъ послушаніяхъ и въ покореніи себя воли настоятелю и братіи, онъ по стремленію своему къ болѣе уединенной жизни, началъ часто уединяться въ пустынные лѣса и горы, гдѣ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ, питаясь лишь одною только травою, чрезъ два, а иногда и черезъ три дня. Подобный образъ жизни смущалъ братію, а нѣкоторые даже думали, что онъ находится въ прелести, почему и посовѣтовали ему оставить свое удаленіе отъ братства, а идти наравнѣ съ братією, ибо Богъ, по Своей великой милости, и малые подвиги приметъ за великіе; между тѣмъ безвременное уединеніе и отшельническая жизнь многимъ послужила глубокимъ паденіемъ, и погубила ихъ навсегда.

Выслушавъ совѣтъ благоразумныхъ мужей, Акакій хотя и соглашался съ ихъ мнѣніемъ, но любовь къ отшельнической жизни влекла его къ безмолвію. А потому, не желая болѣе смущать братію, онъ навсегда удалился изъ обители и прибылъ на Святую гору. Проведя нѣсколько дней въ малой пещерѣ близъ скита св. Анны, онъ пожелалъ видѣть другіе скиты и старцевъ, проводящихъ высокую подвижническую жизнь, отъ которыхъ желалъ почерпнуть образъ духовнаго любомудрія. И такимъ образомъ проходя

по всему Аѳону, посѣщая скиты и великихъ старцевъ, онъ, подобно пчелѣ, вездѣ собиралъ сладкій медъ отъ ихъ медоточныхъ назиданій и образа добродѣтельной жизни. Вблизи Григоріатской обители, онъ обрѣлъ въ одной келліи двухъ великихъ старцевъ, у которыхъ пожелалъ остаться на время, чтобы научиться дѣланію ложекъ, болѣе же, чтобы научиться отъ нихъ духовному художеству. По истеченіи года, оставивъ старцевъ, долго искалъ преподобный Акакій мѣста по сердцу со всѣми условіями безмолвія и пустынной тишины, но поиски эти были неудачны, и онъ началъ уже падать духомъ и смущаться. Въ это время помыслы подобно густой тучѣ нависли въ его сердцѣ и начали его смущать: одни какъ бы совѣтовали ему возвратиться опять въ Загоры, а другіе совѣтовали удалиться на какой нибудь необитаемый островъ и тамъ предаться совершенному безмолвію. Не имѣя силъ долѣе бороться съ помыслами, онъ въ изнеможеніи сѣлъ на камень и погрузился въ тонкій сонъ. Во время сна, онъ увидѣлъ стоящаго предъ нимъ чернаго и безобразнаго исполина, который злобно смотрѣлъ на него и скрежеталъ зубами; между тѣмъ какой-то тихій и ласковый голосъ говорилъ ему: смотри, остерегайся! этотъ исполинъ есть діаволъ, который хочетъ воспрепятствовать доброму твоему намѣренію и погубить тебя. Отъ страха Акакій пробудился отъ сна и тотчасъ же пошелъ къ духовнику Галактіону, жившему въ уединеніи, на Катунѣкахъ *), которому открылъ смущавшіе его помыслы и просилъ его совѣта, какъ ему поступить въ отношеніи жизни. Духовникъ, выслушавши Акакія, посоветовалъ ему поселиться въ мѣстности Кавсокалива **), что и исполнилъ преподобный, поселившись тамъ на келліи съ церковью въ честь Преображенія Господа нашего Ии-

*) Катунѣки прибрежная пустыня, въ недалекомъ разстояніи отъ скита св. Анны.

***) О мѣстности этой смотри въ житіи преп. Максима Кавсокаливита, января 13 дня.

суса Христа, гдѣ началъ проводить жизнь въ бдѣніи и молитвѣ, изнуряя плоть свою употребленіемъ въ пищу хлѣба и воды, но и то черезъ два, а иногда и три дня, большею же частію для порабоженія плоти духу питался дикими травами и капшанами. И такимъ образомъ въ постоянной борбѣ со страстями, діавольскими прилогами и мечтаніями опъ пробылъ въ этой келліи двадцать лѣтъ, занимаясь для пропитанія своего дѣланіемъ деревянныхъ ложекъ. Но желая совершенно умертвить ветхаго человѣка, онъ поселился въ пещерѣ, въ которой нѣкогда подвизался преподобный Максимъ Кавсокаливъ. Здѣсь Акакій еще болѣе усугубилъ труды подвижнической своей жизни: кромѣ постоянныхъ трудовъ въ бдѣніи и молитвѣ, холодъ и наготъ, онъ лишилъ себя вовсе употребленія въ пищу хлѣба, вмѣсто же онаго сушилъ дикія травы и, превращая толченый мраморъ въ порошокъ, смѣшивалъ его съ травами и употреблялъ въ пищу. Въ послѣдствіи, какъ разсказывалъ объ этомъ самъ преподобный Акакій на пользу другихъ, отъ употребленія такой пищи у него открывалось кровохарканіе. Демоны, видя усиленно вооружившагося на нихъ подвижника Христова, и сами стали вести съ нимъ ожесточенную войну, устрашая его различными страхованіями, а иногда касались его тѣла, приводя оное въ ослабленіе и изнеможеніе; но мужественный воинъ Христовъ всѣ нападенія вражія отражалъ молитвою. Случалось иногда, что демоны, желая устроить преподобнаго Акакія, преображались въ разныхъ звѣрей и гадовъ, и съ ревомъ и свистомъ подступали къ нему. А однажды, когда преподобный вышелъ изъ пещеры по надобности и потомъ обратно возвращался въ нее, тогда онъ увидѣлъ предъ пещерой цѣлый таборъ цыганъ съ ихъ женами и дѣтьми, которые по обычаю своему упражнялись въ семейныхъ занятіяхъ и громко между собою разговаривали. Преподоб-

ный, видя коварство лукавыхъ демоновъ, улыбнулся, и устремивши свой взоръ въ небо, сказалъ: Господи, Иисусе Христе! молю Тебя, отжени отъ меня всѣ вражескія нападенія, дабы впредь я могъ въ тишинѣ и безмятежно по-работать Тебѣ Господу моему. Вслѣдъ за этимъ онъ огра-дилъ себя крестнымъ знаменіемъ и привидѣніе исчезло. Наконецъ, Господь Богъ, видя подвиги и труды угодника Своего, удостоилъ его дара умной молитвы и божествен-ныхъ откровеній, сердце его сдѣлалось жилищемъ Св. Духа и радость онаго отражалась на его лицѣ, такъ что видъ его былъ подобенъ Ангельскому, и всѣ видѣвшіе его уса-ждались отъ его медоточныхъ бесѣдъ и ангельскаго ли-цезрѣнія.

Въ то время пришелъ къ преподобному и Романъ Кар-понисіотъ, который потомъ пострадалъ за Христа, и остался при Акакіи на долгое время, раздѣляя съ нимъ труды под-вижничества. Но такъ какъ Романъ велъ себя какъ бы совершенно непричастнымъ настоящей жизни и непрестанно томился желаніемъ мученическаго вѣнца, то оба они, по общему совѣту, усугубили свой постъ и молитву и стали просить отъ Господа откровенія: угодно ли Его святой волѣ, дабы Романъ вдаль себя на мученической подвигъ. Господь услышалъ молитву рабовъ Своихъ и скоро от-крылъ имъ, что Богу угодно произволеніе Романа, и что онъ окончитъ страдальческой подвигъ доблественно въ пос-рамленіе враговъ христіанской вѣры *).

Послѣ этого откровенія, Романъ, принявши постриже-ніе въ ангельскій образъ и простившись съ преподобнымъ Акакіемъ, отправился въ Константинополь, избравши оный пунктомъ своего страданія, а Акакій, для большаго уеди-ненія и подвиговъ, переселился въ пещеру преподобнаго Аеанасія.

*) См. страд. преподобномуч. Романа, февр. 16.

Однажды стоя на молитвѣ, онъ пришелъ въ восторженное состояніе и увидѣлъ стоящаго возлѣ него преподобномученика Романа въ бѣлой одеждѣ, у котораго лице сіяло, какъ солнце. Старецъ было обрадовался, что видитъ страдальца Христова въ такой славѣ, но Романъ сталъ отворачиваться отъ него и показывать видъ неудовольствія. Старецъ понялъ, за что негодуетъ на него святой мученикъ, т. е. за то, что онъ оставилъ прежнюю пещеру, въ которой они долгое время провели вмѣстѣ въ постническихъ трудахъ, и гдѣ онъ приготовлялся къ мученическому подвигу. А потому преподобный Акакій, сознавая свою вину, палъ къ ногамъ св. преподобномученика Романа и сталъ просить у него прощенія. Когда же старецъ всталъ на ноги, то преподобномученикъ сталъ невидимъ. Въ слѣдствіе этого видѣнія Акакій возвратился обратно въ прежнюю свою пещеру, гдѣ удостоивался нѣсколько разъ видѣть преподобномученика Романа, который, какъ видно и послѣ страдальческой своей кончины, духомъ не разлучался отъ старца.

Впослѣдствіи времени преподобный Акакій возлѣ этой пещеры устроилъ собственными трудами небольшую келью, въ которой неисходно пребывалъ до самой своей кончины, а если когда и выходилъ, то ради такихъ посѣтителей, которые близки были къ нему въ отношеніи духовной жизни.

Между тѣмъ слава о его созерцательной жизни разнеслась на далекое пространство, и не смотря на его совершенное удаленіе, все-таки къ нему приходили многіе за совѣтами, а другіе, получивши отъ него наставленіе, не желали возвращаться обратно, но строили при его пещерѣ для себя кельи и оставались его учениками, вдавши себя въ его руководство.

Однажды, преподобный Акакій совершая свое правило, пришелъ въ изступленіе: онъ увидѣлъ свѣтоноснаго мужа,

который, взявъ его за руку, привелъ на обширное поле, на которомъ было множество прекрасныхъ зданій, но безъ обитателей въ нихъ. Удивляясь этому, преподобный спросилъ онаго мужа: почему всѣ тѣ столь прекрасныя зданія пусты и для кого оныя приготовлены?—Эти чудныя зданія, отвѣчалъ свѣтоносный мужъ, приготовлены для тѣхъ христіанъ, которыя платятъ туркамъ подати и другія повинности, при томъ терпятъ свое рабство съ благодарностію Христу Богу, устрояющему все во благое.—Когда кончилось видѣніе, преподобный призвалъ своихъ учениковъ, и сказалъ имъ: если есть у васъ деньги, то идите и заплатите туркамъ дань, дабы и намъ имѣть участіе съ тѣми рабами Божиими, которые платятъ имъ повинности, при семъ рассказалъ имъ свое видѣніе.

Преподобный Акакій имѣлъ благоговѣніе ко всѣмъ святымъ, а наипаче къ преподобному Максиму Кавсокалиту, который, говорилъ онъ, многократно удостоивалъ его своего явленія. А когда врагъ наводилъ на него уныніе, онъ призывалъ сего святаго въ помощь и чувствовалъ благодатное его предстательство. Преподобный Максимъ являлся ему обыкновенно въ священническомъ облаченіи, осіяваемый небесною славою и сопутствуемый безмѣрнымъ множествомъ монаховъ, озаренныхъ райскимъ свѣтомъ.

Кромѣ тѣхъ божественныхъ утѣшеній, которыя Господь посылалъ чрезъ откровенія Своему угоднику, онъ удостоился получить отъ сладчайшаго Иисуса Христа даръ прозорливости: многимъ предсказывалъ то, что должно было съ ними случиться и открывалъ сердечныя ихъ тайны. Самый видъ преподобнаго производилъ дивное дѣйствіе на страдавшихъ отъ помысловъ. Стоило только посмотреть на его лице, чтобы умиротворить сердце и чувства! Имя Иисусово онъ постоянно носилъ въ своемъ сердцѣ; когда же случалось ему произносить оное устами, то всегда изъ

усть его исходилъ пламень, что неоднократно удостоился видѣть одинъ благочестивый духовникъ іеромонахъ Сильвестръ.

Сія такую святою жизнію, преподобный Акакій сподобился приготовить на мученический подвигъ за исповѣданіе имени Іисуса Христа, кромѣ преподобномученика Романа, и другаго мученика Никодима, котораго благословляя на страдальческой подвигъ, вручилъ ему свой жезлъ говоря: „иди съ Богомъ, чадо, въ избранный тобою путь, вотъ тебѣ мой жезлъ въ помощь“ *).

Съ теченіемъ времени число учениковъ у преподобнаго Акакія увеличивалось все болѣе и болѣе, которые строили себѣ кельи и такимъ образомъ образовался скитъ (Кавсокаливскій), который, молитвами и предстательствомъ преподобнаго, умножился и процвѣтаетъ до нашего времени, А такъ какъ на томъ мѣстѣ не было воды, то преподобный, желая, чтобы братія не скорбѣли и не роптали отъ недостатка оной, однажды вышелъ на средину скита и, послѣ усердной молитвы, велѣлъ одному брату, именемъ Тимоѳею, копать на указанномъ ему мѣстѣ. Когда Тимоѳей началъ копать землю, то вдругъ, къ удивленію всѣхъ, изъ того мѣста показалась вода, весьма пріятная и здоровая, при томъ въ такомъ изобиліи, что ея достаточно было не только на потребности братіи, но даже и для устройства мельницы.

Желая Богомъ собранное братство въ своемъ скитѣ приучить къ Евангельскому нестяжанію, онъ положилъ такой уставъ, чтобы братія, желающіе жить въ ономъ, не имѣли въ кельяхъ своихъ постели и ограничивались бы одною одеждою. Для искорененія же страстей, онъ поучалъ ихъ удаляться отъ излишняго сна, ибо ничто такъ не умножаетъ страсти, говорилъ онъ, какъ излишній сонъ, и что

*) См. страданіе преподобномуч. Никодима мѣсяца іюля 11 дня.

для побѣжденія страстей необходимо монаху имѣть постъ и бдѣніе.

Однажды преподобный Акакій былъ спрошенъ, сколько долженъ спать монахъ?—Онъ отвѣчалъ: для истиннаго монаха, который возлюбилъ Господа всею душею своею и всѣмъ помышленіемъ своимъ, достаточно полчаса; онъ говорилъ это изъ собственного опыта, такъ какъ самъ довольствовался только получасовымъ сномъ, не смотря на то, что онъ былъ больной и уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

Преподобный Акакій былъ неграмотенъ, но имѣя чистый и просвѣщенный Св. Духомъ умъ, онъ зналъ Св. Писаніе основательно и иногда рѣшалъ весьма трудные вопросы и глубокія тайны.

Іерусалимскій патріархъ Хрисанфъ, во время посѣщенія Святой горы, слыша о высокой жизни препод. Акакія, а равно и о томъ, что, будучи неграмотенъ, онъ высказывалъ высокія понятія и таинства Св. Писанія, пожелалъ видѣть сего великаго и Св. Духомъ просвѣщеннаго мужа, и услышавши изъ устъ преподобнаго то, о чемъ онъ былъ наслышанъ, патріархъ прославилъ Бога, умудряющаго буи Своя на посрамленіе премудрыхъ міра сего. А когда онъ отъ него возвратился, то вездѣ и всѣмъ говорилъ, что онъ удостоился видѣть свѣтильника вѣры и слышать глубокія тайны Св. Писанія отъ поваго Іліи и Іоанна Предтечи.

О созерцательной жизни преподобнаго Акакія ученикъ его, іеромонахъ Іона, говоритъ такъ: однажды читая слова св. Симеона поваго богослова, я встрѣтилъ такое выраженіе: „ежели христіанинъ не увидитъ Христа здѣсь, въ настоящей жизни, то не увидитъ Его и въ будущей“ (Слово 3-е). Іона, бывши въ недоумѣніи объ этомъ выраженіи, спросилъ у старца Акакія, о какомъ это видѣніи Христа пишетъ св. Симеонъ? — Да, чадо, отвѣчалъ преподобный,

не сомнѣвайся въ этомъ: св. Симеонъ говоритъ истину, ибо каждый христіанинъ долженъ еще здѣсь сердечными очами зрѣть Христа и вообразить Его въ сердцѣ своемъ, какъ объ этомъ сказалъ учитель языковъ Апостоль Павелъ (Галат. 4, 19).

— А ты отче, видѣлъ ли Христа? простодушно спросилъ его Іона.

— Видѣлъ, съ ангельскою кротостію, отвѣчалъ старецъ.

— Что же Онъ тебѣ говорилъ и говоритъ? опять спросилъ Іона.

— Онъ постоянно мнѣ говоритъ одно и то же: „гряди по Мнѣ“ (Мѣ. 4, 19), т. е. исполняй Мои заповѣди; но, однако я, по своему нерадѣнію, не послѣдую Его Божественному глазу; сказавъ это, Акакій горько заплакалъ.

— Бога ради, святой отче, не лиши меня еще одного вопроса: ты говоришь, что можно видѣть въ сердцѣ Христа, какъ это возможно Его видѣть, объясни мое недоумѣніе?—

— Знай, чадо, что этого дара рѣдкіе сподобляются, для этого необходимо очистить себя отъ страстей, и уже послѣ этого, когда Господь Богъ увидитъ, что плоть покорена духу и сердце очищено отъ всѣхъ страстныхъ вожделѣній, тогда въ оное вселяется Іисусъ Христосъ со Отцемъ и Св. Духомъ и тогда таковой избранникъ Божій видитъ въ сердцѣ своемъ Христа умными очами какъ бы чувственными.

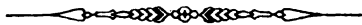
Нѣкоторые ученики препод. Акакія, соблазняясь возрѣніемъ на красивыя лица, спросили его: какъ имъ сохранить себя отъ такого соблазна?

— Я не знаю, что сказать вамъ на это, отвѣчалъ онъ, потому что никогда при возрѣніи на красивыя лица я не ощущаю въ себѣ никакого страстнаго движенія, а напротивъ, когда мнѣ случается видѣть прекрасныя черты лица, тогда я невольно возношусь мыслию къ Творцу не-

бесному и славословлю Создателя моего за Его великія и дивныя дѣла, что Онъ, изъ ничтожной персти сотворилъ такое прекрасное созданіе, и вѣрьте мнѣ, чада мои любезныя, что я послѣ этого въ сердцѣ ощущаю такую радость, что даже забываю и о пищѣ.

Наконецъ, преп. Акакію уже на закатѣ дней своихъ еще пришлось предпослать къ Богу мученика св. Пахомія Россіянина, который за молитвы великаго своего наставника мужественно совершилъ свой страдальческій подвигъ. И потомъ вслѣдъ за нимъ и его чистая и блаженная душа отошла отъ бреннаго тѣла ко Господу Богу, мѣсяца апрѣля 12 дня 1730 года, на 98 году отъ рожденія. О блаженной своей кончинѣ преп. Акакій былъ извѣщенъ отъ Бога за нѣсколько дней, о чемъ онъ открылъ одному иноку Аѳанасію, пришедшему изъ скита св. Анны, посѣтитъ его. Аѳанасій! сказалъ св. Акакій: прощай! я иду въ далекій путь, и болѣе уже здѣсь не увидимъ другъ друга!

Молитвами преподобнаго Акакія, да сподобимся и мы предстоянія во славѣ святыхъ, славяще Отца, и Сына, и Св. Духа во вѣки. Аминь.

А П Р Ъ Л Я 19.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
СИМЕОНА БОСАГО,
новаго чудотворца *).**

Преподобный Симеонъ происходилъ изъ духовнаго званія. Отець его Андрей былъ священникъ. Когда Симеонъ достигъ отроческихъ лѣтъ, тогда онъ былъ отданъ въ наученіе грамотѣ, въ которой оказывалъ быстрые успѣхи, такъ что всѣ знавшіе его дивились быстротѣ ума и прекраснымъ способностямъ юнаго отрока.

На 15-мъ году отъ рожденія, Димитriadскій епископъ Пахомій, взялъ его къ себѣ въ епископію, и впослѣдствіи постригъ въ монашество и рукоположилъ въ санъ іеродіакона. Впрочемъ, Симеонъ долго не оставался при епископѣ Пахоміи, такъ какъ мысль его влекла въ уединеніе. А потому, открывши свои мысли также и желаніе епископу, онъ просилъ его отческаго совѣта. Епископъ, видя сердечное его желаніе, не препятствовалъ доброму его намѣренію, и давши ему напутственное благословеніе, отпустилъ съ миромъ.

*) Извлечено изъ книги, заключающей въ себѣ службу и жизнь сего преподобнаго, напечатанной въ Смирнѣ 1646 года.

Первоначально юный подвижникъ поселился на Олимпійской горѣ, въ монастырѣ Икономіонъ, близъ Киссары.— Здѣсь онъ началъ проводить самую строгую и суровую жизнь, подвизаясь въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ, а для смиренія плоти и лишенія себя сладкаго сна, клалъ на ложе свое камни, такимъ образомъ, вскорѣ возвысился на высоту добродѣтелей.

Проживши нѣсколько времени въ этой обители, онъ пожелалъ видѣть великихъ подвижниковъ, а потому оставивъ Олимпійскую гору, отправился на Аѳонъ, гдѣ поступилъ въ братство лавры преподобнаго Аѳанасія. Высокая жизнь Симеона, скоро обратила на себя вниманіе лаврскаго начальства, которое сочло нужнымъ произвестъ его въ санъ іеромонаха. Здѣсь, въ лаврѣ, будучи еще въ санѣ іеродіакона, преподобный Симеонъ выказалъ особенную черту смиренія, какимъ наполнена была блаженная его душа. Такъ, однажды нѣкто изъ братіи, желая испытать его, точно ли онъ смиряется ради Бога, сказалъ ему: отецъ Симеонъ! ахъ какъ красивы твои волосы, и какъ онѣ прекрасно у тебя лежатъ на головѣ! Преподобный Симеонъ, не сказавши ему ни слова, и пришедши въ свою келлію, остригъ оныя, и при встрѣчѣ съ онымъ братомъ, отдалъ ему ихъ говоря: братъ, возьми мои волосы, если они тебѣ очень понравились.

Изъ лавры, преподобный Симеонъ, перешелъ въ Филоѳеевскую обитель. Здѣсь онъ еще строже началъ проводить подвижническую жизнь; при томъ и братія, видя въ своей обители такого свѣтильника, начали питать къ нему глубокое уваженіе, а впоследствии, стали убѣдительно его просить, быть ихъ руководителемъ въ духовной жизни и настоятелемъ. Преподобный Симеонъ, по глубокому своему смиренію, отказывался отъ этого великаго дѣла, но видя усиленное ихъ прошеніе и любовь, согласился быть ихъ

пастыремъ и наставникомъ. Ненавидяй же добра, злобный дiаволь, не желая, чтобы все братство имѣло единоедушiе и мирное душевное устройство, возмутилъ болѣе слабыхъ противъ преподобнаго, посѣявъ въ нихъ къ нему ненависть, которые съ этого времени начали на преподобнаго клеветать и распространять объ немъ худую молву. Святой, видя, отъ кого все это зло происходитъ, сталъ вразумлять ропотниковъ не подчиняться помысламъ всѣваемымъ имъ отъ лукаваго врага, но подражать болѣе благоразумнымъ; между тѣмъ, они не только не вразумились, но еще сильнѣе стали укорять его. Итакъ, преподобный, видя ожесточенiе ихъ сердце и давая мѣсто гнѣву, оставилъ Св. гору и отправился на гору Фламурию, смежную съ Загорою. Здѣсь онъ началъ проводить жизнь подобно безплотнымъ Ангеламъ, ни о чемъ не заботясь: жилище себѣ избралъ яблонь, подъ которою безъ покровя, одежды и босой жилъ зиму и лѣто. Спустя три года, его нашли здѣсь нѣкоторые боголюбцы, которые, удивляясь его отшельнической жизни и во всемъ лишенiю, возгорѣлись духомъ и сами пожелали ревновать ему въ духовной жизни, а потому стали просить святаго принять ихъ къ себѣ въ сожительство. Долго преподобный Симеонъ не соглашался принять ихъ, устрашая ихъ тѣми трудами и лишенiями, которые сопряжены съ отшельническою жизнiю, но они не страшились этого, и со слезами просили его благословить имъ поселиться возлѣ него.

Мольбы усердныхъ боголюбцевъ смягчили преподобнаго и онъ согласился. Въ тотъ же день сiи боголюбцы начали строить себѣ соломенные каливы, а чрезъ нѣсколько времени еще пришли двое усердствующихъ и ищущихъ уединенной жизни, они тоже поселились возлѣ преподобнаго. И такимъ образомъ въ этомъ маленькомъ скитѣ — собралось братiи 7 человекъ, которые для своего пропитанiя

начали заниматься хлѣбопашествомъ и дѣлать небольшіе посѣвы.

Съ поселеніемъ возлѣ препод. Симеона братіи, молва о его богоугодной жизни начала распространяться во всей окрестности, вслѣдствіе этого къ нему начали приходять благочестивые христіане: нѣкоторые за совѣтами, а нѣкоторые только за тѣмъ, чтобы увидѣть лице его и принять отъ него благословеніе.

Спустя семь лѣтъ препод. Симеонъ построилъ въ своемъ скитѣ небольшую церковь во имя св. Живоначальныхъ Троицы, въ которой каждодневно самъ совершалъ Божественную литургію. Вскорѣ послѣ построенія церкви начали приходять къ нему священники и діаконы, и видя равноангельную его жизнь, оставались на жительствѣ возлѣ него, и такимъ образомъ мало-по-малу составилаь киновія.

Устроивъ въ своей киновіи порядокъ и чиноположеніе, и вмѣсто себя поставивши братіи другаго начальника и руководителя, онъ отправился въ Эпиръ и потомъ въ Фессалію, гдѣ проповѣдывалъ слово Божіе: колеблющихся въ вѣрѣ утверждая, сомнѣвающихся увѣряя, твердыхъ въ вѣрѣ подкрѣпляя, убѣждалъ любить другъ друга, чтить воскресные и праздничные дни и посѣщать для молитвы церковь Божію. Отсюда преподобный отправился въ Аѳины, гдѣ, по данной ему отъ Господа благодати, исцѣлялъ различныя болѣзни и изгонялъ нечистыхъ духовъ. Здѣсь онъ, съ благословенія Аѳинскаго епископа Лаврентія, каждый воскресный и праздничный день поучалъ людей благочестивой и цѣломудренной жизни. Изъ Аѳинъ онъ пошелъ въ Еврипъ, гдѣ такъ же, какъ и въ Аѳинахъ проповѣдь святаго утверждалась чудесами, вслѣдствіе чего всѣ Еврипскіе христіане начали питать къ нему глубокое уваженіе и почитали его какъ великаго угодника Божія.

Турки, проживающіе въ Еврипѣ, видя благоговѣніе, ока-

зываемое христіанами преп. Симеону, будучи подстрекаемы діаволомъ, оклеветали его предъ градоначальникомъ Еврипа въ томъ, будтобы онъ порицаетъ всѣхъ мусульманъ, называя вѣру ихъ ложною, а пророка Магомета проклинаетъ, и что угрожаетъ опасность, какъ бы на самомъ дѣлѣ этотъ человекъ не обратилъ Еврипскихъ турокъ въ христіанскую вѣру. Выслушавъ доносъ, градоначальникъ немедленно послалъ кавасовъ схватить препод. Симеона, заковать его въ цѣпи, и потомъ отвести на площадь для публичнаго сожженія.

Когда привели преподобнаго Симеона на площадь и начали собирать въ костеръ дрова, тогда и онъ въ оковахъ началъ помогать туркамъ и класть дрова. Видя это, державшій его за цѣпь, сказалъ ему: „отецъ! вѣдь этотъ костеръ готовится для тебя, такъ какъ градоначальникъ приказалъ сжечь тебя.“

Ну чтоже, отвѣчалъ Святой, если есть на это воля Божія, то я отъ души желаю пострадать за исповѣданіе имени Его Святаго! Этотъ разговоръ подслушалъ одинъ христіанинъ — арабъ, который пригласилъ съ собою нѣсколько благочестивыхъ женщинъ, съ которыми немедленно пошелъ къ матери градоначальника и убѣдительно просилъ ее, чтобы она умолила сына не предавать преподобнаго смерти. Мать градоначальника, движимая чувствомъ состраданія къ невинности Святаго, тотчасъ пошла къ своему сыну и стала его просить не дѣлать никакого зла оклеветанному невинно иноку и не брать на свою душу грѣха въ его смерти.—Что за грѣхъ, отвѣчалъ градоначальникъ, если я приказалъ сжечь порицателя нашей вѣры и совратителя нашихъ правовѣрныхъ въ христіанскую вѣру!

— Все это ложь, сынъ мой, отвѣчала ему мать. Въ такомъ случаѣ, если ты сдѣлаешь ему какое либо зло, то знай, что я сама предаю себя смерти. А ты лучше при-

зови того несчастнаго человѣка и подробно разспроси его обо всемъ, и тогда, увѣряю тебя, ты самъ увидишь, что напрасно осудилъ на смерть невиннаго человѣка!

По уходѣ матери, градоначальникъ съ другими сановниками разсудили, что дѣйствительно онъ поступилъ несправедливо и рѣшили призвать преподобнаго Симеона и спросить о доносѣ его самого. Тогда посланъ былъ нарочный на мѣсто казни и преподобнаго Симеона въ оковахъ привели къ градоначальнику, который, увидя кроткое лице его босаго и почти нагаго, въ одной только ветхой рясѣ, невольно почувствовалъ къ нему расположеніе, а потому ласково и тихо спросилъ его: мнѣ донесли, что ты возвращаешь турокъ отъ вѣрованія въ Магомета, и предлагаешь имъ принять христіанскую вѣру, правда ли это?

— Я пришелъ сюда не турокъ обращать въ христіанство, а напротивъ, утверждать христіанъ въ вѣрѣ въ Иисуса Христа и учу ихъ тому, что повелѣваетъ Евангеліе, отвѣчалъ препод. Симеонъ.—А чему учить Евангеліе? опять спросилъ его градоначальникъ.—Оно повелѣваетъ не красть, жить въ чистотѣ, не желать ничего чужаго, любить другъ друга, платить царскія подати, твердо хранить свою вѣру, почитать воскресные и праздничные дни.

Градоначальникъ, выслушавши его съ любопытствомъ и не видя въ немъ той виновности, въ которой его оклеветали, повелѣлъ освободить его.

Послѣ этого препод. Симеонъ еще съ большимъ дерзновеніемъ сталъ проповѣдывать слово Божіе. И такимъ образомъ обошедши многіе города и селенія, онъ возвратился въ основанную имъ въ Фламуріи киновію. Но однако, къ прискорбію своихъ учениковъ, онъ недолго пробылъ съ ними: душа его по великой любви къ ближнимъ желала питать словомъ Божіимъ тѣхъ, которые онаго требовали; между тѣмъ какъ ученики его, уже преуспѣвшіе въ

добродѣтельной жизни, сами могли утверждать словомъ Божиимъ не только себя, но и другихъ, а потому онъ, простившись съ ними, отправился въ Константинополь, гдѣ былъ ласково принятъ константинопольскимъ патриархомъ, который съ любовію позволилъ ему бесѣдовать съ народомъ и утверждать оный непоколебимо и твердо хранить вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа. И такимъ образомъ ревнитель заповѣдей Господнихъ неутомимо началъ бесѣдовать съ народомъ, не только въ церкви, но и на площадяхъ. Народъ съ благоговѣніемъ внималъ ученію преподобнаго, такъ что многіе слѣшили исповѣдывать ему свои грѣхи и получить чрезъ него разрѣшеніе; другіе же вездѣ слѣдовали за нимъ, слушая его душеспасительныя бесѣды и, сдѣлавшись его учениками, приняли отъ руки его постриженіе въ ангельскій образъ.

Наконецъ, послѣ многолѣтней и неутомимой проповѣди, онъ мирно отошелъ въ небесныя обители; святое тѣло его патриархъ съ честью похоронилъ въ Халкахъ, въ храмѣ Пресвятыя Богородицы.

Спустя два года послѣ блаженной кончины преподобн. Симеона, иноки Фламурийской киновіи, въ одно время бывше въ Константинополѣ по монастырскимъ дѣламъ, пожелали перенести мощи своего отца и наставника изъ Халокъ въ созданную имъ киновію. Для этого они испросили у патриарха разрѣшеніе. Патриархъ, видя любовь учениковъ къ своему учителю, порадовался и приказалъ имъ невозбранно взять ихъ и перенести въ свою обитель.

Изготовивъ новый ковчегъ, киновійцы предъ отбытіемъ своимъ приплы въ Халки и когда открыли гробъ преподобн. Симеона, то отъ мощей его разлилось ароматное благоуханіе; и всѣ больные, которые прикасались къ нимъ и лобызали, получали исцѣленіе. Изъ числа многихъ приведемъ здѣсь слѣдующій случай:

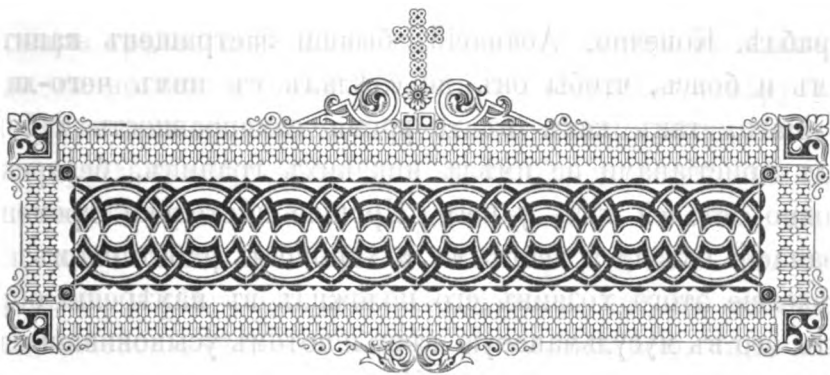
Въ то самое время, когда открыли гробъ святаго, одинъ ремесленникъ, издавна страдая чахоткою, которая уже приходила къ окончанію и готова была похитить свою жертву, лишь только облобызаль главу преподобнаго, какъ тотчасъ кашель прекратился и мокрота остановилась, и онъ сдѣлался совершенно здоровымъ. Впослѣдствіи, онъ за свое исцѣленіе въ благодарность сдѣлалъ раку для св. мощей своего цѣлителя.

По принесеніи мощей препод. Симеона въ его обитель, оныя были съ честью положены и чтимы не только иноками его обители, но и тѣми благочестивыми христіанами, которымъ онъ проповѣдывалъ слово Божіе.

Нельзя умолчать еще объ одномъ чудѣ, бывшемъ отъ мощей преподобнаго. Однажды, иноки его обители, отпра-вляясь для сбора милостыни, по обыкновенію тамошнихъ монастырей, взяли съ собою въ ковчегъ палецъ препод. Симеона. Дошедши до крѣпости Орейской, здѣсь они встрѣтили одного больнаго, страдавшаго опухlostію всего тѣла, который, узнавъ, что при нихъ есть часть мощей преп. Симеона, просилъ ихъ прійти въ его домъ и отслужить молебенъ. Иноки пришли въ его домъ и, освятивши воду, повелѣли больному облобызать св. мощи и напиться освященной воды. Лишь только больнои все это исполнилъ, какъ вдругъ изъ всего его тѣла истекла зловонная матерія, и онъ вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. Видя себя исцѣленнымъ, бывшій больнои въ благодарность своему цѣлителю, отписалъ въ полное владѣніе его обители все свое имѣніе, а самъ, принявши иноческій образъ, остальное время жизни провелъ въ оной въ добродѣтельной жизни.

Молитвами преподобнаго Симеона, Христе Боже, исцѣли и наши душевныя и тѣлесныя болѣзни, и удостой насъ части преподобныхъ Твоихъ. Аминь.

А П Р Ъ Л Я 19.

**Житіе и страданіе святаго преподобномученика
АГАΘАНГЕЛА ЕСФИГМЕНСКАГО *).**

Сей ангелоименитый святой мученикъ Агаѳангелъ былъ родомъ изъ города Эноса, Фракійской области. Родители его были православные христіане—отецъ Константинъ, а мать Кристаллія! Во святомъ крещеніи Агаѳангелъ названъ былъ Аѳанасіемъ. Кромѣ Аѳанасія у Константина было еще трое дѣтей. Оставшись послѣ смерти отца сиротою, Аѳанасій для прокормленія себя съ семействомъ поступилъ въ службу къ одному моряку по имени Анастасію и вскорѣ сошелся съ нимъ настолькоъ, что даже сдѣлались неразрывными друзьями, и неразлучно былъ съ нимъ во всѣхъ плаваніяхъ. Однажды случилось Анастасію съ Аѳанасіемъ служить по найму на турецкомъ кораблѣ. Когда кончился срокъ, Анастасій, получивши расчетъ, оставилъ корабль, но Аѳанасія капитанъ корабля турокъ-Мехметъ удержалъ и разными угрозами заставилъ его остаться на

*) Съ рукописи Есфигменскаго монастыря.

кораблѣ. Конечно, Аѳанасій, бывши застрашенъ капитаномъ и боясь, чтобы онъ не сдѣлалъ съ нимъ чего-либо худшаго, такъ какъ въ то время самоправность турокъ надъ христіанами не имѣла никакихъ границъ, безпрекословно остался жить у него. Прошло нѣсколько времени, Аѳанасій оказался честнымъ и хорошимъ работникомъ; въ слѣдствіе этого хозяинъ его положилъ въ намѣреніи обратиться въ мусульманскую вѣру и потомъ усыновивши сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Но почему-то не вдругъ приводилъ свое желаніе въ исполненіе, а отлагалъ годъ за годъ, и такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ одно время плыли они на кораблѣ изъ Константинополя въ Смирну, въ числѣ пассажировъ былъ смирнскій судья, который, видя расторопность и услужливость Аѳанасія, совѣтовалъ Мехмету склонить его принять мусульманскую вѣру. Этотъ вражескій совѣтъ еще болѣе усилилъ давнишнее его желаніе обратиться въ мусульманство, хотя бы даже насильственнымъ образомъ. Когда они приплыли въ Смирну, то, вѣроятно, сердце Аѳанасіево предчувствовало, что Мехметъ замышляетъ противъ него что-то недоброе, а потому потребовалъ отъ него расчетъ. Злобный турокъ, не желая выпустить изъ своихъ когтей намѣченной имъ жертвы, однажды вечеромъ рѣшилъ привести въ дѣйствительность свое намѣреніе, для чего избралъ самую полночь. Онъ взялъ съ собою Аѳанасія съ зажженнымъ фонаремъ проводить его въ другую часть города и такимъ образомъ они, пройдя городскія улицы, вышли за городъ; здѣсь Мехметъ вдругъ выхватилъ изъ за пояса кинжалъ и имъ легко ранилъ Аѳанасія; потомъ приставивши его къ горлу несчастнаго юноши, угрожалъ его зарѣзать. Изумленный Аѳанасій, не зная, чему приписать подобную выходку своего хозяина, началъ его умолять и просилъ пощады, выставляя на видъ все свои труды и услуги. Но

варваръ грозно отвѣчалъ ему: не оставлю тебя въ живыхъ, если ты не согласишься принять мусульманскую вѣру.

Убоявшись угрожаемой смерти, АѠанасій рѣшилъ принять мусульманскую вѣру; при этомъ онъ въ успокоеніе своей совѣсти думалъ: я на словахъ изъявлю согласіе, чтобъ только не убилъ меня злодѣй, а завтра отрекусь отъ своего слова и убѣгу отъ него. Но діаволь, ищущій погибели человѣческой души, разрушилъ мечты АѠанасія, такъ какъ Мехметъ, видя его согласіе, тотчасъ пошелъ въ судилище и просилъ немедленно разбудить судью, того самаго, который плылъ на кораблѣ и посовѣтовалъ ему обратить АѠанасія въ мусульманскую вѣру. Судья не заставилъ себя долго ждать и, узнавши въ чемъ дѣло, обрадовался и потребовалъ отъ АѠанасія отреченія отъ христіанской вѣры. Но и здѣсь отверженникъ, думая обмануть самого себя, сказалъ своему помыслу: чтоже? теперь я на словахъ отрекусь отъ Іисуса Христа, а потомъ въ сію же ночь убѣгу, и гдѣ нибудь скроюсь. И такимъ образомъ онъ сознательно отрекся отъ истинной вѣры, промѣнявъ оную на ложную.

Но однако АѠанасій ошибся въ своихъ расчетахъ, ибо съ произнесеніемъ исповѣданія мусульманской вѣры, свобода его была стѣспена и его никуда не отпускали до тѣхъ поръ, пока не совершили надъ нимъ обрѣзанія.

Спустя нѣсколько времени несчастный отступникъ заболѣлъ. Въ это время онъ пришелъ въ раскаяніе, началъ скорбѣть о потерѣ христіанской вѣры и страшился, чтобы смерть не захватила его отверженникомъ. Но Всемогушій Богъ не хотѣлъ смерти грѣшника, и какъ чадолюбивый Отецъ, долго терпя и ожидая обращенія грѣшника, подаль ему руку помощи и воздвигъ его отъ одра болѣзни. АѠанасій, съ дозволенія своего господина, отправился на родину. При свиданіи съ родными, онъ накопленные имъ деньги раздѣлилъ между ними; но однако это доброе его

дѣло не обошлось безъ ссоры, такъ какъ діаволь, противникъ мира и согласія, боялся, чтобы попавшаяся въ его когти добыча, почему либо не ускользнула; для этого онъ смутилъ его родныхъ и произвелъ изъ за раздѣленныхъ между ними денегъ ссору. Эта ссора ожесточила отверженника настолько, что онъ, однажды пришедши въ судъ, выправилъ себѣ тамъ свидѣтельство такого рода, что онъ навсегда разрываетъ родственныя связи со своими родными, и чтобы они, въ случаѣ его смерти, не имѣли права владѣть движимымъ и недвижимымъ его имуществомъ.

Черезъ эту ссору діаволь достигъ того, что отверженникъ при ожесточенномъ сердцѣ не имѣлъ возможности подумать о гибели своей души. Гнѣвъ, кипѣвшій въ его сердцѣ, затушилъ все доброе и не давалъ ему опомниться. Послѣ этого онъ возвратился въ Смирну къ своему господину, но за что-то поссорившись съ нимъ и будучи имъ обиженъ, бѣжалъ отъ него и съ этихъ поръ мало-по-малу онъ началъ приходить въ себя и сознавать глубокое свое паденіе.

Скитаясь по разнымъ городамъ и селеніямъ, онъ претерпѣвалъ всякаго рода лишенія, боясь при томъ попасть въ руки правосудія, такъ какъ господинъ его, во время его бѣгства, оклеветалъ его въ кражѣ у него значительной суммы денегъ и, взявши отъ начальства позволеніе, началъ вездѣ искать его. Аѳанасій же, боясь быть узаннымъ и чтобы обезопасить себя отъ преслѣдованія, не сталъ называть себя мусульманскимъ именемъ и, переодѣвшись въ нищенскую одежду, благополучно пришелъ на св. Аѳонскую гору, гдѣ несчастный отверженникъ думалъ найти истерзанной и измученной своей душѣ покой. Обошедши обители на Святой горѣ и исповѣдавшись многимъ духовникамъ въ своемъ паденіи, онъ наконецъ поселился въ Есфигменской обители, гдѣ, по присоединеніи его къ пра-

вославної Церкви, игумень, по имени Евѣимій, вдаль его подь руководство опытному старцу Іеромонаху Герману *) и повелѣлъ ему прислуживать братіи въ трапезѣ, что Аѣанасій исполнялъ съ великимъ усердіемъ. Съ теченіемъ времени, сердце его до этого холодное согрѣлось, въ слѣдствіе чего явилось у него раскаяніе, и онъ отреченіе свое отъ Христа началъ заглаждать покаяніемъ, проводя время во бдѣніи, молитвѣ и колѣнопреклоненіяхъ, и такимъ образомъ, спасительнымъ покаяніемъ залечивалъ свои душевныя раны, нанесенныя ему діаволомъ. При этомъ родилось у него желаніе исповѣдаться предъ мусульманами христіанскую вѣру и очистить свое паденіе мученіемъ. Діаволь, видя душевное его устроеніе и желая поколебать твердость подвижника Христова, началъ смущать его разными помыслами и мечтаніями. Такъ, однажды, Аѣанасій видитъ во снѣ, будто онъ находится въ одной извѣстной ему кофейнѣ. Содержатель кофейной, бывший ему хорошимъ знакомымъ, сталъ съ презрѣніемъ отъ него отворачиваться. Между посѣтителями были тоже знакомые Аѣанасію, которые, видя холодность содержателя къ старому другу, сказали ему: что это такое значить, что ты не хочешь взглянуть и привѣтствовать своего друга? Тогда содержатель обратился къ Аѣанасію и сказалъ: другъ мой! что это съ тобою сдѣлалось! твое поведеніе становится для меня непонятнымъ: что именно заставило тебя бѣжать отъ твоего добраго господина и поселиться съ злыми монахами, гдѣ тебя ожидаютъ разныя лишенія и бѣдствія? При томъ, какую горькую скорбь ты нанесъ, такъ какъ мы всѣми силами старались оградить тебя всевозможными благами,

*) Іеромонахъ Германъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ богослововъ. Онъ скончался въ 1851 году, оставивъ послѣ себя много прекрасныхъ произведеній своего пера. Желающій ближе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ старцемъ, пусть читаетъ о немъ въ письмахъ г. Муравьева, видѣвшаго его при своемъ посѣщеніи Аѣонской святыни (См. его письма съ Востока 7. 6. стр. 219—221).

и вотъ вмѣсто благодарности ты съ презрѣніемъ оставилъ насъ и поселился съ смертельными нашими врагами? Говоря это, бывшій другъ Аѳанасія, а также и всѣ товарищи зарыдали. Видя слезы друга, Аѳанасій и самъ разстроился и заплакалъ. Въ это время ударъ полуночнаго колокола возвѣстилъ объ исполненіи келейнаго правила и бѣсовское мечтаніе исчезло. Какъ только Аѳанасій пробудился, то на самомъ дѣлѣ увидѣлъ свои глаза заплаканными, чему немало удивлялся. Когда же онъ вышелъ изъ келліи, то увидѣлъ человѣка, сидящаго на морскомъ берегу и бросившаго въ воду камни. Аѳанасія удивило столь позднее сидѣніе на берегу человѣка и онъ, какъ бы спрашивая, сказалъ про себѣ: что бы это нужно было этому человѣку ночью сидѣть внѣ монастыря? Но въ это время человѣкъ, сидѣвшій на берегу, приблизился къ Аѳанасію и съ угрозою сказалъ: а! тебя-то мнѣ и нужно, ты думаешь что совсѣмъ уже освободился отъ меня и я тебя оставилъ? Нѣтъ, я не оставлю тебя до тѣхъ поръ, пока совершенно не сражу; говоря это, онъ швырнулъ въ Аѳанасія камень, который пролетѣлъ мимо его головы и ударился въ стѣну. Теперь-то Аѳанасій понялъ, что значилъ видѣнный имъ сонъ, и что за человѣкъ, бросившій въ него камень. Посему онъ немедленно возвратился въ свою келлію и, падши на колѣна предъ иконою Спасителя и Богоматери, сталъ усердно молиться и со слезами просить Бога и Его Пречистую Матерь сохранить его отъ сѣтей дьявольскихъ. После долгой и усердной молитвы, Аѳанасій ощутилъ въ своемъ сердцѣ тишину и спокойствіе.

Однажды, страдая главною болѣзнію, Аѳанасій былъ въ церкви во время вечерняго богослуженія, но отъ сильной боли не могъ достоять до конца онаго, почему и ушелъ въ свою келлію. Здѣсь онъ началъ укорять себя въ нетерпѣніи, говоря: увы мнѣ несчастному! когда я не могу тер-

пѣливо перенести сей ничтожной боли, то какъ же буду терпѣть мученіе, когда будутъ мое тѣло рѣзать или жечь огнемъ? Имѣя такія размышленія, онъ палъ на колѣни предъ иконою Пресвятыя Богородицы и въ продолженіе двухъ часовъ молился Преподобной укрѣпить его слабыя силы, и сподобить принять за свое отреченіе отъ Ея Сына Господа нашего Иисуса Христа мученическую кончину. Вскорѣ послѣ молитвы онъ немного забылся и сквозь тонкій сонъ видитъ подошедшую къ нему Жену, сіяющую необыкновеннымъ свѣтомъ, которая ласково сказала ему: „чадо, о чемъ ты скорбишь и печалишься?“ Аѳанасій отвѣчалъ: какъ же мнѣ не скорбѣть, Госпожа моя, когда печаль сокрушаетъ мое сердце за отреченіе отъ Господа моего, и хотя я желаю загладить оное пролитіемъ моею крови за Его святое имя, но боюсь, какъ бы не впасть въ малодушіе. „Держай чадо,“ сказала ему Небесная Попечительница, — „ты получишь желаемое тобою мученіе. Иди въ Смирну для подтвержденія того, что было въ Адрианополѣ, ибо многіе изъ слышавшихъ не вѣрятъ о тѣхъ страданіяхъ, какія тамъ не такъ давно претерпѣли св. мученики. Иди же безъ отлагательства, такъ какъ теперь самое удобное время!“

Аѳанасій, пробудившись, ощутилъ въ своемъ сердцѣ радость, и съ благоговѣніемъ лобызалъ то мѣсто, гдѣ стояли пречистыя ноги Богоматери. По утру Аѳанасій разсказалъ старцу своему Герману все видѣнное имъ во снѣ, но старецъ, выслушавъ его повелѣлъ ему быть осторожнымъ и не вдругъ вѣрить видѣніямъ, такъ какъ у діавола сѣтей много. Это видѣніе Германъ передалъ и игумену, но и игумень счелъ нужнымъ сообщить оное патриарху Григорію V, жившему въ то время въ изгнаніи въ Иверскомъ монастырѣ. Какъ только Германъ пришелъ къ патриарху, то патриархъ началъ ему разсказывать, какъ въ Адрианополѣ

пострадали нѣкоторые изъ христіанъ съ такимъ мужествомъ и твердостію, что удивили самихъ мучителей—турокъ. Выслушавъ разсказъ патріарха, Германъ сказалъ ему: владыко мой! все то, что ты мнѣ сейчалъ передалъ, гораздо ранѣ сообщено Святой горѣ. Слыша это, патріархъ удивился и между прочимъ замѣтилъ Герману: этому невозможно быть, такъ какъ я сейчасъ только получилъ письмо объ этомъ событіи. Тогда Германъ началъ разсказывать патріарху о томъ видѣніи, которое удостоился видѣть его послушникъ Аѳанасій. Патріархъ, выслушавъ разсказъ прославилъ Бога и Препоблагословенную Владычицу Богородицу и сказалъ Герману: все видѣнное истина и есть отъ Бога, а не отъ вражія наважденія: видѣнная же Жена есть Пречистая Богородица.

Итакъ, иди съ миромъ и благоразумно наставляй юношу, но при томъ скажи ему, чтобы онъ наступающую святую четырехдесятницу провелъ въ обители, и чтобы въ это время приготовился на мученической подвигъ, а потомъ пусть идетъ исповѣдывать предъ врагами Церкви имя Иисуса Христа.

Какъ только наступила св. Четырехдесятница, Германъ, взявъ съ собою Аѳанасія, отправился въ Предтеченскій скитъ къ духовнику Никифору, котораго просилъ помѣстить въ своей келліи и приготовить Аѳанасія къ мученическому подвигу. Никифоръ съ радостію принялъ Аѳанасія и вдалъ его подъ руководство опытному старцу Григорію, который имѣлъ уже счастье приготовить на страданіе четырехъ мучениковъ: Евѳимія, Игнатія, Акакія и Онуфрія *), бывши имъ спутникомъ и утѣшителемъ, и потомъ принесъ святыхъ ихъ мощи въ эту келлію, кромѣ мощей святаго Онуфрія, потопленныхъ турками въ морѣ **).

*) См. ихъ жизнеописанія: Евѳимія марта 21, Акакія мая 1, Игнатія октября 20.

**) См. его жизнеописаніе января 4.

Пришедши въ келлію духовника Никифора, АѠанасій съ благоговѣніемъ лобызаль святыя мощи преподобномучениковъ; при этомъ сердце его разгорѣлось еще большимъ желаніемъ пострадать за исповѣданіе имени Іисуса Христа. Но врагъ, не желая допустить подвижника Христова получить душевную пользу и укрѣпленіе въ подвигахъ отъ старца, который дѣломъ показалъ свою опытность, возбудилъ въ его сосѣдѣ по келліи зависть, и сей сосѣдъ разными коварствами старался вытѣснить АѠанасія изъ Предтеченскаго скита.

Видя коварство сосѣда, Германъ началъ порицать завистника за его вражескія дѣйствія, но АѠанасій умолялъ старца оставить брату его согрѣшеніе и смиренно сказалъ ему: если намъ непріятны порицанія этого человѣка, то судя поэтому, какими должны казаться предъ Богомъ мои великіе грѣхи? Старець, слыша отъ своего ученика смиренный образъ мыслей, смягчился и, уступая мѣсто зависти, они возвратились обратно въ свою обитель, гдѣ, помѣстивши АѠанасія въ особую и безмолвную келлію, Германъ назначилъ ему келейное правило и умѣренный постъ; а дабы оный подвижникъ не впалъ въ уныніе, Германъ часто навѣщалъ и укрѣплялъ его въ подвигахъ; при томъ желая испытать его намѣреніе, онъ высказывалъ ему всѣ тѣ ужасы и муки, которыя онъ долженъ претерпѣть предъ мучителями. Но АѠанасій твердо стоялъ въ своемъ намѣреніи и просилъ благословить его на мученіе за имя Христово. Конечно, старецъ, бывши не увѣреннымъ въ твердости своего ученика, отказалъ ему. Этотъ отказъ опечалилъ АѠанасія, и онъ всю ночь горько проплакалъ, и уже не рѣшался болѣе беспокоить Германа просьбами, а написалъ ему записку такого содержанія: „Отче святыи! тѣло мое вдаю въ полное твое распоряженіе, но только до слѣдующаго воскресенья. Дѣлай съ нимъ что хочешь, и испытай

какъ знаешь. Но въ слѣдующее за симъ воскресенье, если ты меня не отпустишь на мученіе, то я оставлю Св. гору и пойду въ городъ Эносъ, гдѣ испрошу молитвъ и благословенія у своей матери, и потомъ отправлюсь на мученіе. “ Прочитавъ записку, старецъ посовѣтовался объ этомъ съ игуменомъ и съ общаго согласія рѣшился испытать Аѳанасія болѣе строгою жизнію; для этого заключили его въ башню и назначили ему самое строгое правило, въ пищу же кромѣ хлѣба и воды другаго ничего не давали. Къ испытанію Аѳанасія присоединились и козни всезлобнаго врага, ибо въ первую же ночь своего заточенія, до его слуха доносились разные голоса, шумъ и вопли, которые не умолкали во всю ночь. Во вторую же ночь онъ увидѣлъ множество еѳіоповъ, которые бѣгали то вверхъ, то внизъ и сустились всевозможнымъ образомъ, стараясь устрашить подвижника Христова, но онъ молитвою и знаменіемъ Животворящаго Креста разогналъ всѣ бѣсовскія мечтанія. На третью ночь мечтанія вражескія уменьшились, а на четвертую и вовсе прекратились, но за то вмѣсто всѣхъ страхованій напала на него грусть и тоска, которыя подобно тяжелому гнету давили его сердце. Дождавшись утра, Аѳанасій объяснилъ старцу свою скорбь. Старецъ увидѣлъ козни діавола, который воздвигъ на него брань уже не призраками и страхованіями, а поселилъ въ его сердце скуку и тоску, думая этимъ ввергнуть Аѳанасія въ отчаяніе. Поэтому старецъ посовѣтовалъ ему выйти изъ затвора и жить вмѣстѣ съ братією, гдѣ скукъ и тоскъ не будетъ мѣста, или же хотѣлъ и самъ жить вмѣстѣ съ нимъ въ башнѣ. Но Аѳанасій не пожелалъ выйти изъ затвора и сказалъ ему: не выйду изъ башни до тѣхъ поръ, пока помощію Вожію не возьму побѣды надъ врагомъ, а также не желаю и тебѣ жить вмѣстѣ со мною; такъ какъ я рѣшился одинъ бороться со врагомъ, то и надѣюсь, что Всесильный Богъ

поможетъ мнѣ побороть его. Затѣмъ въ слѣдующую ночь, а потомъ въ другую за нею, онъ не сталъ уже болѣе ощущать тоски, и такимъ образомъ прошло три недѣли великаго поста. На четвертую недѣлю-средокрестную, игумень призвавъ его въ монастырь и постригъ въ ангельскій образъ, съ именемъ АгаѦангела, а послѣ Божественной Литургии, онъ снова возвратился въ башню, облеченный во вся оружія и укрѣпленный Божественными Тайнами Тѣла и Крови Христовыхъ. Съ этого времени лице его сіяло какимъ-то Божественнымъ свѣтомъ, а въ сердцѣ царил миръ, радость и любовь къ Иисусу Христу. Сидя въ башнѣ, онъ нашелъ тамъ старыя цѣпи, которыя надѣлъ на тѣло, а оказавшійся тамъ же волосяной мѣшокъ, носилъ вмѣсто рубашки; при этомъ умножилъ и число поклоновъ, назначенныхъ ему старцемъ, которыхъ въ теченіе сутокъ полагалъ по 3000 земныхъ, читалъ священное Евангеліе, акаѦистъ Пресвятой Богородицѣ и проходилъ умную Иисусову молитву. Въ свободное же отъ молитвы время, онъ любилъ читать книги о подвигахъ святыхъ мучениковъ, вслѣдствіе чего онъ еще болѣе укрѣпился мыслію пролить свою кровь за исповѣданіе христіанской вѣры и просилъ старца, какъ можно скорѣе отправить его на мученіе. Но старецъ совмѣстно съ игуменомъ не рѣшались отпустить АгаѦангела на мученическій подвигъ до тѣхъ поръ, пока не откроетъ Самъ Богъ,—есть ли на это Его святая воля. Для этого было заповѣдано игуменомъ всей братіи, чтобы они каждый въ своей келліи въ назначенную ночь совершили продолжительную молитву, и со смиреніемъ просили бы у Бога откровенія, указать: есть ли всесвятая Его воля на то, чтобы отпустить АгаѦангела на мученическій подвигъ? Но Господь въ ту же ночь открылъ игумену Свою благую волю такимъ образомъ: послѣ продолжительной молитвы, игумень прилежъ отдохнуть, и когда забылся

сномъ, то ему представилось, будто онъ съ Германомъ и Агаѳангеломъ отправились куда-то въ путь. На пути встрѣтились они съ боголѣпнымъ старцемъ, который похожъ лицомъ былъ на Святителя Николая, какъ обыкновенно онъ изображается на св. иконахъ. Сей боголѣпный старецъ, подошедши къ игумену, спросилъ его: „кто изъ нихъ хочетъ идти на мученіе?“ Вотъ этотъ юноша, указавъ рукою на Агаѳангела, отвѣчалъ игуменъ. Въ это время Агаѳангелъ приблизился къ святому старцу, поклонился ему до земли и облобызалъ его руку. Святой старецъ сказалъ ему: добраго дѣла ты пожелалъ, чадо! Итакъ, поспѣши же исполнить твое желаніе, въ которомъ поможетъ и укрѣпитъ тебя Богъ, скончать теченіе со славою. По утру игуменъ разсказалъ братіи свое видѣніе, изъ коего позналъ волю Божию и съ этого дня сталъ готовить все нужное для путешествія.

Мысль о мученіи, запавшая въ юное сердце Агаѳангела, все болѣе и болѣе разгоралась, такъ что онъ день и ночь былъ занятъ ею, а потому желалъ, какъ можно скорѣе вдать себя въ подвигъ мученичества. Какъ бы для исполненія его желанія, по Божию усмотрѣнію, Агаѳангелу представилось, будто онъ вылетѣлъ изъ дверей башни, и потомъ направилъ путь въ Смирну. Изъ этого онъ уразумѣлъ, что Промыслу Божию угодно, дабы Смирна была избрана имъ для мученическихъ подвиговъ. Почему тотчасъ же пошелъ къ старцу, разсказалъ ему все съ нимъ случившееся, и сталъ умолять отправить его въ Смирну для подъятія мученическихъ подвиговъ.

Въ это время старецъ по совѣту игумена уже болѣе не сталъ отклонять Агаѳангела отъ мысли пострадать за Христа, а велѣлъ ему готовиться въ путь и только ожидали судно, которое бы плыло въ Смирну. По Божию смотрѣнію, вскорѣ къ пристани, гдѣ находилась Есфигменская оби-

тель, пристало большое судно, шедшее изъ острова Хиоса въ Смирну. Отъ матросовъ узнали, что они на другой же день отправляются въ Смирну; но такъ какъ въ этотъ день была Пасха, то игумень со старцемъ Германомъ сталъ просить начальника судна пробыть этотъ день въ пристани, ради великаго дня. Къ общей радости начальникъ согласился, а на другой день, т. е. въ понедѣльникъ, АгаѠангель былъ постриженъ въ схиму и съ напутственною молитвою и благословеніемъ отправленъ на судно вмѣстѣ со старцемъ Германомъ.

Когда приближалось судно къ Смирнѣ, до которой оставалось уже немного разстоянія, въ это время АгаѠангель, пробудившись отъ легкаго сна сдѣлался печальнымъ и тихо плачущимъ. Замѣтивши столь рѣзкую перемену въ своемъ ученикѣ, Германъ смутился, и не зналъ чему приписать душевное его смущеніе. На всѣ вопросы старца АгаѠангель какъ бы не обращалъ вниманія, отвѣчалъ ему кратко и просилъ оставить его въ покоѣ. Убоявшись такой перемены, старецъ, желая проникнуть въ сердце смущеннаго ученика, съ отеческою заботливостію и съ ласковыми словами настойчиво спрашивалъ его объ его смущенномъ состояніи. Тогда АгаѠангель сказалъ ему: отче! причина, которая смутила меня и поколебала мое сердце та, что явился мнѣ святой преподобномученикъ ЕвѠимій *), обнялъ меня и, лобызая, сказалъ: „пришло время.“ И такъ, явленіе преподобномученика означаетъ то, что наконецъ Господь сподобитъ меня принять мученическую кончину; но при этомъ меня смущаетъ мысль: безбѣдно ли пройдетъ моя душа воздушныя мытарства, имѣя безчисленные грѣхи?

— Братъ! сказалъ ему старецъ, видѣніе твое истинно, но помысль твой произошелъ отъ ненавистника спасенія

*) См. житіе его марта 21.

человѣческаго діавола, который, смутивши тебя, желаетъ посѣять въ твоёмъ сердцѣ боязнь, затѣмъ ввергнуть въ отчаяніе, и тогда уже трудно вырваться изъ его когтей. Но знай, что князи воздушныхъ мытарствъ не только не могутъ задержать ту душу, которая разлучилась изъ тѣла мученическою кончиною, но даже не смѣютъ и приблизиться къ ней. Послѣ сихъ утѣшительныхъ словъ Агаѳангелъ успокоился и вмѣсто темнаго облака, нашедшаго на него по дѣйству діавола, возсіялъ радостный лучъ благодатнаго утѣшенія, который рѣзко отпечатлѣвался на его лицѣ. Между тѣмъ они благополучно пристали къ берегамъ Смирны и высадившись, остановились въ домѣ у одного знакомаго христіанина именемъ Константина.

Когда насталъ день, въ который произвольный мученикъ долженъ былъ вдатъ себя на мученіе, тогда сняли съ него всю иноческую одежду и одѣли въ турецкую, и послѣ напутственной молитвы, Агаѳангелъ съ сіяющимъ радостію лицомъ, пошелъ въ судилище, гдѣ безбоязненно предсталъ предъ судьями и на вопросъ ихъ: что ему нужно? Агаѳангелъ отвѣчалъ: я имѣю тяжёбое дѣло съ капитаномъ Мехметомъ (прежнимъ своимъ хозяиномъ), а потому желаю, чтобы вы его вызвали сюда въ судъ и рѣшили бы оное.

Когда приведенъ былъ Мехметъ и сталъ предъ судьями, тогда Агаѳангелъ, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— Судьи! Въ то время, когда я поступилъ въ услуженіе къ этому господину, я былъ христіаниномъ; но онъ угрозами и съ покушеніемъ на мою жизнь насильственнымъ образомъ заставилъ меня отречься отъ христіанской и принять мусульманскую вѣру. Теперь же, по великой милости Спасителя моего Іисуса Христа, я опять всёмъ сердцемъ моимъ вѣрую въ Него и исповѣдую Его истиннымъ Богомъ; говоря это, онъ вынулъ изъ за пазухи Крестъ и поднявъ его вверхъ сказалъ: а это непреоборимое ору-

жїе всѣхъ христіанъ, ибо на немъ распятъ былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Вѣрующіе въ Него наслѣдуютъ царство небесное, а невѣрующіе будутъ осуждены въ муку вѣчную!

Вырвавши Крестъ изъ рукъ мученика, судьи начали укорять его и совѣтовали ему, познавъ свое заблужденіе, прїобщиться опять въ мусульманскую вѣру. Но святой мученикъ, вынувъ изъ за пазухи малое изображеніе Воскресенія Христова, громко воскликнулъ: па такомъ крестѣ, который вы отняли у меня, былъ распятъ плотію Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а вотъ такимъ образомъ Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, а равно и въ день всеобщаго воскресенія Онъ также воскреситъ вѣрующихъ, для полученія царства небснаго, которое уготовано отъ сотворенія міра вѣрующимъ въ Него! Подобно Животворящему Кресту и это изображеніе Воскресенія Христова было отобрано предстоящими слугами, и судьи, сочтя святаго АгаѦангела за помѣшаннаго въ умѣ, приказали вывести въ другую комнату, гдѣ усердные служители Магомета разными льстивыми словами и обѣщаніями чиновъ и богатства старались отклонить его отъ вѣры въ Іисуса Христа. Христовъ же страдалецъ, какъ твердый адамантъ, непоколеблемо стоялъ въ своемъ исповѣданіи и съ пренебреженіемъ отринулъ всѣ ихъ почести и богатство. Но однако и обольстители Магомета, не желая выпустить жертву изъ своихъ когтей, принесли груды золота и разныхъ дорогихъ одеждъ, и увѣряли мученика, что это отдадутъ ему, если онъ опять увѣруеть въ Магомета. Но святой АгаѦангелъ, вмѣняя все въ уметы, чтобы только прїобрѣсть Христа, кротко отвѣчалъ: ничѣмъ вы меня не прельстите, все ваше богатство, честь и слава, которая вы мнѣ предлагаете, да будетъ вамъ въ погибель: я исповѣдую истиннаго Бога Іисуса Христа, горю къ Нему любовію, и готовъ положить свою душу за

имя Его святое.—Видя, что ласки и обѣщанія всѣхъ благъ не дѣйствуютъ на св. мученика, судьи приказали его опять привести къ себѣ и уже стали угрожать ему разными муками и безчестною смертію и совѣтовали выбирать одно изъ двухъ: или честь и богатство, или различныя горькія муки.

— Этимъ вы меня нисколько не утратите, отвѣчалъ святой исповѣдникъ; напротивъ, съ радостью желаю пострадать за Господа моего Иисуса Христа и, очистившись своею кровію, чистымъ явиться предъ лицомъ Бога моего, отъ Котораго отвергся страха ради; при томъ знайте, судьи, что великую мнѣ окажете любовь, если сейчасъ же прикажите меня мучить.

О, блаженный языкъ! прозвучавшій въ наше скучное время такое исповѣданіе вѣры въ Господа нашего Иисуса Христа! О, умъ пребожественный и твердый! О, руки всечестныя, возвысившія честный крестъ и Воскресеніе Христово съ такимъ мужествомъ предъ лукавымъ собраніемъ! Какія нестерпимыя раны нанесли вы злымъ демонамъ! О душа мужественная, не прельщающаяся земными благами, за что тебѣ Христосъ готовитъ вѣчное блаженство!

Судьи, видя твердость мученика и потерявъ всякую надежду убѣдить его лестными словами, приказали его раздѣть и связать; въ это время одинъ изъ слугъ сильно ударилъ въ ланиту святаго. Но вѣрный рабъ Законоположителя, подражая Его Божественной заповѣди, подставилъ ему и другую. Послѣ этого отвели мученика къ правителю города Муселиму, а такъ какъ въ этотъ день Муселимъ дѣлами не занимался, то мученика принялъ въ свое распоряженіе его намѣстникъ, который сперва началъ исповѣдника Христова увѣщавать лестными словами и разными обѣщаніями, но видя, что онъ твердо и непоколебимо стоитъ въ своемъ исповѣданіи, приказалъ своимъ слугамъ

забить ноги святаго мученика въ колоды и, наложивши на него тяжелую цѣпь, ввергнуть въ темницу, въ которой кромѣ его содержались невинно два христіанина.

На другой день Муселимъ, узнавъ о мученикѣ, былъ недоволенъ тѣмъ, что его раздѣли въ судилищѣ и прислали къ нему въ одной сорочкѣ, а потому приказалъ отвести его въ судилище, одѣть его въ одежду и тогда уже представить къ нему. Дорогой слуги Муселима всячески поносили святаго и нѣсколько разъ ставили его на колѣни и, желая его устрашить, взмахивали надъ его головою мечъ, какъ бы для усѣченія, но исповѣдникъ Христовъ безбоязненно и съ радостнымъ лицомъ ожидалъ смертнаго посѣченія. Послѣ всего этого подвижникъ Христовъ былъ введенъ въ судилище, гдѣ его одѣли въ прежнюю одежду и потомъ отправили обратно къ Муселиму. Но однако и Муселимъ не могъ поколебать святаго, и всѣ его общанія мученикъ отринулъ съ пренебреженіемъ. На другой день до исповѣдника Христова, сидѣвшаго въ темницѣ, дошелъ слухъ, что объ немъ нѣкій хіосскій христіанинъ АѠанасій хлопочетъ предъ Муселимомъ объ его освобожденіи. На это святой оскорбился и тотчасъ написалъ письмо къ оному АѠанасію, прося его оставить свое ходатайство, а вмѣсто онаго просилъ, чтобы сотворили за него общую молитву, дабы Богъ укрѣпилъ его въ мученическомъ подвигѣ. Вслѣдствіе этого письма всѣ смиренскіе христіане въ приближившуюся ночь совершили въ храмахъ Божіихъ усердную о святомъ мученикѣ молитву.

Въ тоже самое время, когда отъ благочестивыхъ христіанъ шла объ мученикѣ АгаѠангелѣ усердная молитва, въ темницѣ, гдѣ онъ содержался, происходило другое дѣйствіе. Такъ, въ глубокой вечеръ взопли въ темницу нѣсколько чародѣевъ, которые, снявъ со святаго сорочку, всю ночь производили надъ нею чары, а поутру приказали

мученику надѣть ее. Страстотерпецъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и безъ всякаго смущенія надѣлъ ее. Прошло нѣсколько томительныхъ часовъ, въ которые чародѣи ожидали дѣйствія своихъ чаръ, но не видя никакой перемѣны со святымъ мученикомъ, со стыдомъ удалились изъ темницы. Когда святой мученикъ Агаѳангелъ остался одинъ со своими товарищами — узниками, склонился на землю и предался легкому сну, то вскорѣ вдругъ всталъ и, обратившись къ своимъ товарищамъ, сказалъ: братія мои, возрадуйтесь со мною, ибо сегодня въ пятомъ часу меня обезглавятъ!

Пророчество святаго исполнилось въ дѣйствительности, ибо около четырехъ часовъ пришли въ темницу воины и, связавъ его, повели въ судилище.

Когда предсталъ святой исповѣдникъ Христовъ предъ судьями, тогда они опять начали обольщать его разными обѣщаніями, чинами и богатствомъ но, видя твердость святаго противъ всѣхъ коварствъ, повелѣли отрубить ему голову. Тогда палачи взяли его и повели на мѣсто казни, которая должна была совершиться противъ мечети Асаръ. Здѣсь святой мученикъ Христовъ Агаѳангелъ, преклонивши колѣна и опустивъ глаза внизъ, душею молился Отцу Небесному, ожидая вечнаго посѣченія. Потомъ, обратившись къ палачу, сказалъ: что же медлишь и не совершаешь повелѣнное. Тогда палачъ взмахнулъ мечъ и честная глава страстотерпца Христова отдѣлилась отъ тѣла, и такимъ образомъ совершилась мученическая кончина святаго преподобномученика Агаѳангела, мѣсяца апрѣля 19-го дня 1819 года въ субботу въ 6-й часъ дня по восточному, т.-е. въ полдень, на 19-мъ году отъ рожденія, и какъ благоприятная жертва, очищенная своею кровію, предсталъ онъ предъ престоломъ Божиимъ чистъ, святъ и непороченъ.

Послѣдователи Магомета, зная, что христіане съ бла-

гоговѣніемъ и вѣрою не только чествуютъ мощи святыхъ мучениковъ, но даже собираютъ въ платки и полотенца кровь, которая послѣ посѣченія обагрѣла землю, а потому, желая лишить собравшихся здѣсь во множествѣ христіанъ сего неоцѣннаго сокровища, приготовили красильщиковъ для той цѣли, чтобы они, когда будетъ у святаго мученика отрублена голова вылили бы изъ-за ранѣ приготовленныхъ сосудовъ воду на то мѣсто, куда брызнетъ кровь. Въ числѣ красильщиковъ былъ одинъ христіанинъ, который въ тотъ моментъ, когда обезглавили святаго мученика, съ умысломъ нагнулся; въ это время у него съ головы упало на голову мученика покрывало, въ которое онъ успѣлъ собрать кровь исповѣдника Христова, а находившіеся на семъ позорищѣ христіане вырвали изъ его рукъ покрывало и немедленно разорвавши, раздѣлили между собою и съ радостными криками возвращались въ дома свои, славяще Христа Бога, укрѣпляющаго святыхъ Своихъ. Послѣ кончины преподобномученика АгаѠангела святые его мощи три дня находились на открытомъ воздухѣ подъ охраною воиновъ, которые между прочимъ не препятствовали христіанамъ приближаться къ нимъ и воздавать ему должную честь. Причина тому была та, что въ первую же ночь послѣ усѣченія честныя главы святаго мученика, воины, — которые въ это время были на стражѣ, видѣли, что мощи преподобномученика находились въ сидячемъ положеніи, потомъ встали на ноги и въ продолженіи трехъ часовъ три раза становились и падали. Вслѣдствіе этого чуда, воины не препятствовали христіанамъ подходить къ тѣлу святаго мученика и лобызать оное, отъ котораго исходило райское благоуханіе и оно лежало какъ живое, что удивило и привело въ смущеніе враговъ Христовой Церкви, а потому они, боясь могущаго произойти еще какого либо большаго чуда, рѣшили бросить тѣло святаго преподобномученика АгаѠангела въ море.

Вѣсть о готовившемся потопленіи святыхъ мощей мученика Христова быстро распространилась по всему городу; при этомъ хозяева кораблей, стоявшихъ въ смирской гавани, услыша о потопленіи тѣла святаго, расположились кораблями цѣпью вдоль берега, чтобы воспрепятствовать потопленію драгоценнаго сокровища. Мусульмане, видя необыкновенное усердіе и вѣру христіанъ къ святому мученику, и при томъ боясь возмущенія, рѣшили продать имъ святыя мощи.

Христіане, купивши сіе неоцѣненное сокровище—тѣло святаго преподобномученика Агаѳангела, съ честію и торжествомъ перенесли его въ церковь святаго великомученика Георгія и положили въ гробъ святаго мученика Дима, пострадавшаго назадъ тому 408 лѣтъ.

Оставшіяся окровавленныя одежды святаго мученика, а также и палець, который отрѣзанъ былъ служителемъ градскаго правителя, были приобрѣтены за плату вышеупомянутымъ Аѳанасіемъ, который одежду святаго отдалъ старцу Герману, а палець оставилъ у себя какъ святыню, и такимъ образомъ съ драгоценнымъ сокровищемъ Аѳанасій отправился домой на островъ Хіосъ, гдѣ къ прискорбію своему нашелъ сына своего больнымъ, который при всѣхъ испытанныхъ врачами средствахъ не подавалъ никакой надежды на выздоровленіе. Но лишь только отецъ больнаго, Аѳанасій, положилъ на него палець святаго мученика Агаѳангела и часть окровавленной его одежды, больной тотчасъ всталъ совершенно здоровымъ. Старецъ же Германъ съ одеждою святаго отплылъ на св. Аѳонскую гору, и когда корабль приближался къ Аѳону, на морѣ поднялась сильная буря. Въ это время къ Герману, лежащему въ каютѣ безъ чувствъ отъ сильной качки, явился святой мученикъ Агаѳангель, у котораго лице сіяло небеснымъ свѣтомъ. Германъ спросилъ его: братъ Агаѳангель, куда ты идешь?

— Въ нашъ монастырь, съ ангельскою улыбкою, отвѣчалъ Агаангелъ.

— Развѣ ты не умеръ? опять спросилъ его Германъ.

— Нѣтъ не умеръ, а живъ, какъ видишь.

Когда Германъ пришелъ въ себя, тотчасъ разсказаль находящимся на кораблѣ о видѣнїи имъ святаго преподобномученика Агаангела. Видѣнїе это воодушевило всѣхъ плившихъ и они благодарили Бога и Его угодника, котораго молитвами море вскорѣ утихло, а чрезъ три часа корабль благополучно присталъ къ св. Аѳонской горѣ.

Высадившись изъ корабля, Германъ тотчасъ далъ знать въ Есфигменскую обитель о своемъ прибытїи съ одеждами святаго мученика. Игуменъ же со всею братїею съ честїю встрѣтилъ окровавленную одежду, какъ бы самого мученика, и положилъ оную въ церкви вмѣстѣ съ частями святыхъ мощей разныхъ святыхъ, славяще и благодаряще Бога, укрѣпившаго младаго юношу въ мученическомъ подвигѣ и удостоившаго принять нетлѣнный вѣнецъ. Молитвами святаго преподобномученика Агаангела, Христе Боже нашъ, подаждь и намъ помощь побѣдить козни вселукаваго врага, воюющаго съ нами, и сподоби насъ получить царство небесное. Аминь.

Мощи святаго преподобномученика Агаангела недолго оставались во гробѣ святаго мученика Дима. Чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ мученической его кончины былъ открытъ гробъ святаго, вынуты изъ него мощи, положены въ особый ковчегъ и потомъ поставлены въ сосудохранильницѣ при церкви святаго великомученика Георгїя.

Въ 1844 году игуменъ обители Есфигменской, Агаангелъ, вмѣстѣ съ братїею, движимый усердїемъ къ святому Агаангелу и желая имѣть въ своей обители, которая удостоилась воспитать мученика Христова, святые его мощи,

послалъ для сего въ Смирну съ просительною грамотою къ тамошнему епископу Аѳанасію вмѣстѣ съ гражданами іеромонаха Макарія. Епископъ и граждане съ любовію согласились подѣлиться святынею и отдали іеромонаху Макарію главу преподобномуч. Агаѳангела съ правою рукою и ногою, которыя съ честью были перенесены на Аѳонскую гору въ Есфигменскій монастырь, остальные же части честныхъ мощей оставили въ церкви святаго великомученика Георгія, въ освященіе града.

М А Я 1.

Житіе и страданія святаго новаго преподобномученика АКАКІЯ *).

Святой преподобномученикъ Акакій, во святомъ крещеніи Аѳанасій, былъ сынъ благочестивыхъ родителей. Мѣсто жительства ихъ было селеніе Неохори, въ Македоніи, близъ Солуня. Вслѣдствіе крайней бѣдности, они не въ состояніи были пріобрѣтать въ томъ селеніи средствъ къ своему существованію, и переселились въ городъ Сересь. Между дѣтьми ихъ, Аѳанасій былъ старшій, тогда ему было 9 лѣтъ. Желая, чтобы онъ съ молодыхъ лѣтъ научился какому-нибудь полезному ремеслу, а не скитался празднымъ, они отдали его одному башмачнику. Но это не только не принесло Аѳанасію пользы, а напротивъ причинило ему ужасный вредъ и привело къ бѣдствію; ибо башмачникъ, взявшій его на свое попеченіе, для наученія своему искусству, вмѣсто благоразумныхъ наставленій и вразумленій, употреблялъ ежедневные, безразсудные и жестокіе побои. Не перенося жестокостей своего хозяина,

*) Съ рукописи святаго Предтечи.

несовершеннолѣтній Аѳанасій желалъ освободиться отъ видимаго, безчеловѣчнаго этого тирана, и непримѣтно, сверхъ чаянія, впалъ въ когти мысленнаго челоуѣкоубійцы—дѣвола. Въ одинъ день, именно святой и великой пятницы, башмачникъ — хозяинъ Аѳанасія, движимый, можетъ быть, отъ демона, съ большимъ противъ прежняго немилосердіемъ избилъ его. Отъ частыхъ побоевъ, совершенно разслабѣвшій духомъ, Аѳанасій вышелъ изъ дому своего хозяина, плакаль, рыдалъ, шелъ самъ не зная куда, а день склонялся уже къ вечеру. Къ своему несчастію встрѣтилъ онъ на улицѣ двухъ оттоманокъ. Эти женщины, выражая коварное милосердіе къ сѣтующему и голодному Аѳанасію, ввели его въ домъ свой, у воротъ котораго онъ тогда находились, обласкали его и накормили, и съ тѣмъ вмѣстѣ предложили, отверженные, отречься истиннаго Хлѣба, спешаго съ небесе, Господа нашего Іисуса Христа. Аѳанасій, отъ жестокостей своего хозяина уже совершенно потерявшій и силу воли, и терпѣніе, ктомуужь думавшій, что онъ нашелъ наконецъ истинное избавленіе и покой, — увы! отрекся Іисуса Христа.

Какъ только турчанки услышали согласіе Аѳанасія на отреченіе отъ христіанской вѣры, тотчасъ отвели его къ хазнадару Юсюфъ-бею, который оставилъ Аѳанасія въ своемъ домѣ, и не отлагая времени, совершилъ надъ нимъ обрѣзаніе съ переименованіемъ христіанскаго имени на мусульманское, и потомъ усыновивши его, питалъ къ нему неограниченную любовь, которую одинаково раздѣляла и его жена.

Проживши 9 лѣтъ въ богатомъ домѣ во всякомъ довольствѣ и роскоши, онъ достигъ восемнадцатилѣтняго возраста. Въ это время жена бѣя, питавшая къ нему доселѣ материнскую любовь, перемѣнила на страстную, и, не могши долѣе скрывать своей страсти, изъявила Аѳана-

сію свое желаніе быть съ нимъ, но цѣломудренный юноша, подобно прекрасному Іосифу, бѣжалъ отъ нея, не соизволяя быть съ нею въ грѣховной связи. Однако злобная турчанка, видя себя пристыженною поступкомъ Аѳанасія, оболгала его предъ своимъ мужемъ, будто бы онъ хотѣлъ сдѣлать ей насиліе. Юсифъ, выслушавъ жалобу своей жены, немедленно выгналъ Аѳанасія изъ своего дома, давши ему полную свободу идти, куда хочетъ.

Получивъ свободу, Аѳанасій пошелъ въ Солунь къ своимъ родителямъ, куда они переселились изъ Сереса, вскорѣ по отреченіи Аѳанасія отъ христіанской вѣры. Родители, увидѣвши своего сына, котораго считали погибшимъ, возрадовались, особенно когда они узнали отъ него, что онъ оставляетъ мусульманскую вѣру, и всѣмъ сердцемъ своимъ соприсчисляется къ словесному стаду Христову.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія своего въ родительскомъ домѣ, они посовѣтовали ему удалиться на святую гору Аѳонъ, чтобы тамъ, исповѣдавшись духовнымъ отцамъ о своемъ паденіи, омылъ бы оное покаяніемъ и слезами; „притомъ помни и то, сказала ему мать: такъ какъ ты произвольно отрекся Іисуса Христа, такъ точно съ дерзновеніемъ долженъ и исповѣдать Его предъ турками, и за любовь сладчайшаго Іисуса принять мученическую кончину, омывши свое глубокое паденіе своею кровію.“ О благочестивая и чадолюбивая мать! она не жалѣетъ тѣла своего сына, чтобы спасти душу его для вѣчной жизни.

Услыша отъ матери своей то, чего желалъ и самъ Аѳанасій, онъ вскорѣ удалился на святую Аѳонскую гору, гдѣ и поступилъ въ Хиландарскій монастырь. Проживши здѣсь нѣсколько времени, онъ, по совѣту старцевъ той обители, отправился въ Ксенофскій скитъ къ духовнику Николаю, который, выслушавъ исповѣдь Аѳанасія, прочиталъ надъ нимъ уставленныя православною Церковію умиловитель-

ныя молитвы, потомъ помазаль его св. муромъ, и отпустиль обратно въ Хиландарь.

Послѣ этого, проживши въ Хиландарской обители около года, онъ оттуда церемѣстился въ Иверскій монастырь. Здѣсь онъ узналь о недавно пострадавшихъ новопреподобномученикахъ Евѣиміи и Игнатіи. Выслушавши весь разсказъ о святыхъ мученикахъ, у него явилось желаніе отмыть свое отреченіе отъ Христа, подобно имъ, своею кровію, а потому отправился къ бывшему наставнику новопреподобномучениковъ, іеромонаху Никифору, которому во всемъ искренно исповѣдался; при этомъ не скрыль и своего желанія идти по стопамъ св. мучениковъ Евѣиміи и Игнатія. Духовникъ объяснилъ ему всѣ трудности, которыя необходимо испытать, чтобы получить мученическую кончину, и видя его готовность послѣдовать его совѣту, согласился принять его подъ свое руководство.

Подвиги, проходимые Аѳанасіемъ, какъ то: постъ, бдѣніе и непрестанная молитва, привели въ зависть злобнаго врага — діавола, который, чтобы разслабить Аѳанасія въ добродѣтельной жизни, началъ всѣвать въ юное его сердце разные помыслы, которыми будучи побѣжденъ, онъ, въ одну глубокую ночь, никому не сказавшись, ушелъ изъ этой обители, и послѣ семичасоваго пути достигъ обители Симонопетрской, гдѣ по просьбѣ его былъ принять тамошнимъ игуменомъ въ число братства. Но врагъ, сбивши однажды въ самовольную и болѣе свободную жизнь, и здѣсь не оставилъ его въ покоѣ, ибо вскорѣ и отсюда перешель опять въ Хиландарскій монастырь; но однако онъ и здѣсь не могъ ужиться: своеволіе влекло его въ самостоятельность, и однажды, будучи подверженъ однимъ старцемъ рѣзкому выговору, касательно его поведенія, онъ не стерпѣль этого выговора и рѣшился опять возвратиться къ духовному своему отцу Никифору.

Пришедши къ сему доброму и чадолюбивому отцу, Аѳанасій горько раскаявался въ своемъ поступкѣ и, со слезами просилъ причислить его опять къ лику святаго его братства, обѣщаясь впредь не удаляться отсюда. Долго Никифоръ не соглашался принять своевольнаго сына, но будучи тронутъ его смиреннымъ прошеніемъ и слезами, сжалился надъ нимъ и принялъ его вторично въ свое малое братство; при томъ поручилъ старцу Акакію наблюдать за нимъ, чтобы онъ не впалъ опять въ своеволие.

Принявши въ свое руководство Аѳанасія, старецъ Акакій помѣстилъ его въ отдѣльной келліи и назначилъ ему подвиги больше первыхъ, каковыя Аѳанасій проходилъ съ любовію, и отъ сердечнаго умиленія Богъ даровалъ ему слезы, такъ что глаза его сдѣлались какъ бы неизсякаемымъ источникомъ, постоянно точащимъ слезы. Достигнувъ такого состоянія, онъ сталъ просить духовника удостоить его ангельскаго образа. Духовникъ, видя его преуспѣяніе въ добродѣтели и твердость въ мысляхъ противъ искушеній, постригъ его въ монашество съ именемъ Акакія, и чрезъ нѣсколько времени видя, что Акакій уже созрѣлъ въ добродѣтеляхъ и достигъ совершенства, благословилъ его отправиться на мученическій подвигъ, при этомъ вручивъ ему въ спутники старца Григорія, который въ свое время былъ спутникомъ преподобномучениковъ Евѳимія и Игнатія. Вскорѣ послѣ этого былъ нанятъ корабль, и они простившись со св. старцами, 1-го апрѣля оставили св. Гору и отплыли въ Константинополь.

Во время плаванія Григорій рассказалъ начальнику корабля и матросамъ, кои все были православные христіане, о намѣреніи Акакія, просилъ ихъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, на что они согласились съ полною охотою.

22-го апрѣля прибыли они въ Галату Константинопольскую, а на другой день, Григорій и Акакій, въ сопрово-

жденіи начальника корабля, отправились къ одному знакомому христіанину Григорію и остановились у сего добраго мужа.

Въ тотъ день, когда Акакій долженъ былъ выдать себя турецкимъ властямъ, они пріобщились св. Христовыхъ Таинъ и прямо изъ церкви отправились на привезшій ихъ корабль. Здѣсь Акакій переодѣлся въ турецкія одежды, которыя, заблаговременно приготовилъ ему начальникъ корабля, и сокрушаясь о разлукѣ съ старцемъ Григоріемъ, со слезами припалъ онъ къ ногамъ его и просилъ благословенія. Старецъ, проливая слезы, облобызалъ Акакія и благословилъ идти на священный и великій подвигъ. Затѣмъ Акакій, простившись со всѣми и давши всѣмъ о Христѣ цѣлованіе, пошелъ въ Оттоманскую Порту, въ сопровожденіи брата начальника корабля, который добровольно вызвался проводить Акакія, ибо Акакій не зналъ туда дороги.

Достигши Порты, Акакій разстался съ своимъ путеводителемъ и вошелъ на крыльцо судилища; здѣсь его остановилъ преддверникъ, который спросилъ его, кто онъ и за чѣмъ пришелъ сюда.

Акакій рассказалъ ему о своемъ отреченіи отъ христіанской вѣры, о мѣстѣ своей родины, исповѣдалъ предъ нимъ Христа истиннаго Бога, а Магомета проклялъ, назвавши его обманщикомъ и лжепророкомъ. Потомъ, въ доказательство своего отреченія отъ мусульманской вѣры, снялъ съ своей головы зеленую повязку, бросилъ ее на землю и, насмѣхаясь надъ турецкою вѣрою, сталъ ее топтать ногами.

Преддверникъ, видя такую дерзость, началъ его бить, а такъ какъ время не позволяло представить его верховному визирю, то онъ, заковавши ноги св. мученика въ кандалы, заперъ въ темницу. По окончаніи присутствія, святой приведенъ былъ въ судилище, гдѣ сперва ласками

начали уговаривать его отречься отъ христіанской вѣры, но св. мученикъ, какъ адамантъ, оставался твердымъ въ своемъ исповѣданіи.

Видя непреклонность мученика, судьи приказали его бить и потомъ бросить въ темницу.

На другой день, въ воскресенье, въ 4 часа дня, мученика привели къ самому визирю, но и визирь не могъ отклонить его отъ исповѣданія имени Христова. Послѣ этого, онъ отослалъ св. страдальца къ градскому судѣ; но и тамъ мужественный воинъ Христовъ остался непоколебимымъ, и въ тотъ же день послѣдовалъ приговоръ обезглавить исповѣдника Христова. Въ вечеръ того же дня Григорій узналъ отъ нѣкоторыхъ христіанъ о мученіяхъ Акакія, порадовался за него, и для духовнаго утѣшенія святаго онъ считалъ необходимымъ сподобить его приобщенія Христовыхъ Таинъ, но не зналъ, какимъ путемъ привести въ исполненіе это св. дѣло. Въ этомъ столь затруднительномъ дѣлѣ, онъ обратился за совѣтомъ къ вожатому Акакія, который согласился исполнить порученіе.

Послѣ сего Григорій тотчасъ пошелъ къ священнику, у котораго сталъ просить часть пречистаго Тѣла Господня, для узника, страдавшаго за Христа. Священникъ безъ всякаго смущенія вложилъ часть св. Таинъ въ малую дароносицу и передалъ тому благочестивому христіанину, для передачи оныхъ Акакію, который немедленно отправился въ темницу, благополучно вошелъ въ нее, такъ какъ караульные солдаты, оставивши свои посты, завтракали. Въ это счастливое время посланный пробрался въ темницу и передалъ Акакію св. Дары. Потомъ сталъ возвращаться обратно къ выходу, но увы! часовые окончили завтракъ и уже стояли на своихъ мѣстахъ. Ихъ удивила дерзость этого добраго христіанина, а потому, жестоко избивши его, выбросили вонъ. Когда же онъ пришелъ въ чувство

отъ бывшаго обморока, то не помнить, какимъ образомъ онъ очутился внѣ темницы? Чувствуя сильную боль отъ побоевъ, онъ сравнивалъ свои страданія съ страданіями Акакія, и, воображалъ, какой радостный будетъ конецъ его страданіямъ! Въ это время, онъ услышалъ шумъ идущихъ турецкихъ солдатъ, которые вели Акакія съ связанными назадъ руками, плевали на него, толкали и били безъ всякаго милосердія. Доведенный до мѣста Пармакъ—капи, святой сталъ на колѣна, преклонилъ св. свою главу и громко сказалъ палачу: „опускай твой мечъ, только смѣло и мѣтко,“ и въ ту самую минуту сильная рука палача опустила мечъ, и священная глава отдѣлилась отъ многострадальнаго тѣла, а праведная душа отлетѣла въ обитель небснаго Отца, въ понедѣльникъ, 1-го мая 1816 г., въ 6 часовъ пополудни.

Какъ только Григорій узналъ о кончинѣ св. мученика, первую его заботою было купить у караульныхъ солдатъ мощи Акакія; для этой цѣли онъ сдѣлалъ предложеніе нѣкоторымъ христіанамъ, которые охотно согласились пожертвовать, кто что могъ, и такимъ образомъ составилось 800 піастровъ, которые были заплачены алчнымъ туркамъ, а тѣло мученика съ подобающею честью взяли и перенесли на тотъ самый корабль, который привезъ святаго въ Константинополь, такъ какъ начальникъ корабля по любви къ мученику согласился ожидать его кончины и отвезти Григорія вмѣстѣ съ тѣломъ преподобномученика обратно на св. Гору.

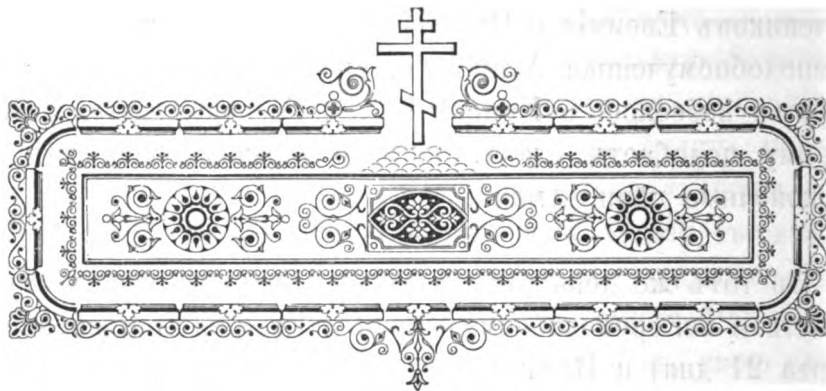
Въ 5 часовъ ночи корабль снялся съ якоря и управляемый рукою Всевышняго благополучно достигъ Аѳона. Мощи св. мученика были перенесены съ корабля въ ту самую келлію, въ которой онъ подвизался еще при жизни, и съ благоговѣніемъ погребены въ новосозданномъ храмѣ, въ честь прежде его пострадавшихъ двухъ св. преподобно-

мучениковъ Евѳимія и Игнатія. Благопріятными молитвами преподобномученика Акакія, да сподобимся и мы получить царство небесное, о Христъ Исусъ Господъ нашъ, Которому подобаетъ слава, честь и держава, всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день вмѣстѣ съ св. Акакіемъ совершается память и св. преподобномучениковъ: Евѳимія (см. житіе его марта 21 дня) и Игнатія (см. житіе октября 20 дня).

Святыя главы всѣхъ трехъ сихъ преподобномучениковъ находятся нынѣ въ русской на Аѳонѣ обители св. великомученика Пантелеимона. Есть имъ и отдѣльная служба, изданная Новонямецкимъ монастыремъ: „Служба святымъ преподобномученикамъ Евѳимію, Игнатію и Акакію.“ СПб. 1871 г. 24^о, 39 стр.

М А Я 4.

Память преподобнаго отца нашего

НИКИФОРА *).

Преподобный отецъ нашъ Никифоръ былъ, по свидѣтельству святогорца Никодима, латинянинъ родомъ, но принялъ въ послѣдствіи исповѣданіе святой православной Восточной Церкви, и проводилъ подвижническую жизнь въ пустыньѣйшихъ мѣстахъ святой Аѳонской горы. Онъ процвѣталъ въ сороковыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія и, вмѣстѣ съ богомудрымъ и преподобнымъ Теолиптомъ (въ послѣдствіи—святителемъ филadelphійскимъ), былъ наставникомъ и руководителемъ Григорія Ѳессалоникскаго (Паламы) въ изученіи высочайшаго ученія подвижническаго любомудрія, какъ тотъ самъ о томъ свидѣтельствуесть въ своихъ писаніяхъ.

Въ свободномъ отъ попеченій безмолвіи, себѣ единому внимая, и въ себѣ неизреченно соединившись съ премір-

*) Изъ Φιλοκαλία и 'Ακολουθία τῶν ἁγιωρετῶν πατέρων.

нымъ, высочайшимъ предметомъ желаній— Богомъ, преподобный Никифоръ воспріялъ блаженный даръ всуществленнаго въ сердцѣ свѣта благодати. Самъ богато вкусивъ сего Божественнаго дара, блаженный отецъ, чтобы и намъ дать руководство къ полученію того же сокровища, составилъ *свитокъ*, въ коемъ, собравъ изъ писаній и житій святыхъ отцевъ мѣста о трезвеніи, вниманіи и молитвѣ, а въ концѣ приложивъ и отъ своего опыта совѣты, — всѣхъ приглашаетъ путемъ умносердечной молитвы восходить къ искреннѣйшему общенію съ Господомъ.

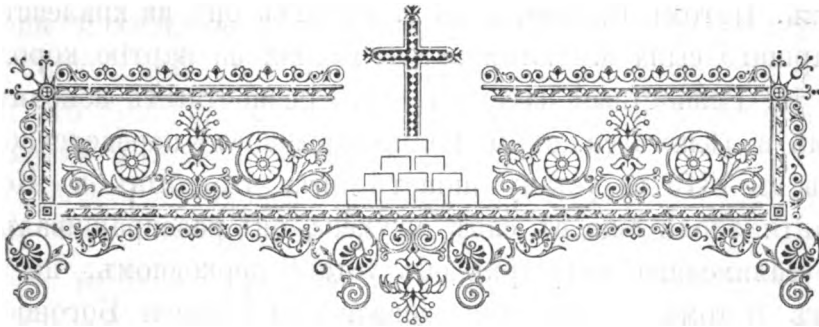
Свитокъ этотъ, названный „*Никифора уединенника слово о трезвеніи и храненіи сердца многополезное*“, — какъ правильное и доброе руководство къ молитвѣ, помѣщено въ книгѣ: „Добротолюбіе“ въ русскомъ переводѣ, томъ 5-й, стр. 259—272. М. 1890 г.

Въ своемъ истинно многополезномъ словѣ пр. Никифоръ трезвеніе и храненіе сердца называетъ способомъ, безъ труда и пота вводящимъ въ пристань безстрастія и избавляющимъ отъ паденій по кознямъ бѣсовскимъ. Самъ пр. Никифоръ этотъ способъ или путь къ духовному совершенству называетъ *вниманіемъ*, и говоритъ: „Вниманіе нѣкоторые изъ святыхъ называли блюденіемъ ума, иные—храненіемъ сердца, иные—трезвеніемъ, иные—смысленнымъ безмолвіемъ, а иные—еще иначе какъ. Но всѣ сіи наименованія одно и тоже значатъ; какъ о хлѣбѣ говорятъ — укругъ, ломоть, кусокъ, такъ и о семъ разумѣй“.

Указывая, какимъ образомъ достигнуть сего внутренняго дѣланія, пр. Никифоръ говоритъ: „Собравъ умъ свой къ себѣ, понудь его войти въ сердце и тамъ остаться.“ „Когда же умъ твой утвердится въ сердцѣ, то ему тамъ не слѣдуетъ оставаться празднымъ, но непрестанно творить молитву: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя! и никогда не умолкать. Ибо это, содержа умъ немечтательнымъ,

дѣлаеть его неуловимымъ и неприкосновеннымъ для прилоговъ вражескихъ и каждодневно все болѣе и болѣе вводитъ въ любовь и вожделѣніе Бога.“ „Придетъ же къ тебѣ, при многовожделѣнномъ и сладостномъ вниманіи, и весь ликъ добродѣтелей: любовь, радость, миръ и прочія, ради коихъ потомъ всякое твое прошеніе исполняемо будетъ, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Коимъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

М А Я 11.

Память преподобнаго отца нашего
НИКОДИМА,

Архієпископа Сербскаго *).

Блаженный Никодимъ, природный сербъ, подвизался постнически на св. Аѳонской горѣ и былъ игуменомъ Хиландаря. По смерти архієпископа Саввы 3-го, Сербія объявила желаніе видѣть Никодима своимъ первосвященителемъ; не хотѣлось ему разстаться съ тихою пустынею, но аѳонскіе отцы убѣдили его не отказываться отъ призванія церкви. Потому посвятили его въ день Вознесенія Господня, „и возведоша на престолъ св. Саввы съ многихъ лѣтъ привѣтствіемъ глаголюще: преосвященному архієпископу Никодиму вся сербскія и поморскія земли многая лѣта,“ такъ говоритъ современникъ **). Это было въ 1317 г. При гробѣ блажен. краля Милютина поднято было кровавое волненіе приверженцами его жены — гречанки Симониды; энергическій архипастыръ остановилъ кровопролитіе и гра-

*) Изъ кн. Святые южныхъ славянъ, Филарета арх. Чернигов. Дничиць Животи краљева и архієпископа српских. Загреб. 1866.

**) Даниль у Рача 2, 506—507.

бежъ. Потомъ въ янв. 1321 г. вѣнчалъ онъ на королевство старшаго сына Милутинова, не взирая на партію королевы *). Ревностный патріотъ былъ ревностнымъ попечителемъ о дѣлахъ св. вѣры. Въ предисловіи къ переведенному имъ въ 1319 г. уставу пишетъ онъ, что, бывъ въ Константинополѣ еще въ санѣ игумена, онъ разспрашивалъ у іерусалимскаго патріарха объ уставѣ церковномъ, по заботѣ о томъ, „еже единствовати, по словеси Богоносца (ц. Давида), братіи вкупѣ и всей Сербской земли;“ потомъ будучи архіепископомъ, „послалъ, говоритъ, въ царскій градъ въ монастырь св. Предтечи и Крестителя Іоанна, и принесенъ ми бысть сей типикъ Іерусалимскій и преложихъ его въ нашъ языкъ отъ писменъ греческаго языка. Елико есть противу мощи, подвигнемся, еже бдѣти и трезвитися въ славословіи Богу. Мы убо потщимся, братіе, съ естествомъ и обычаемъ плотскимъ: Благій же Даръсатель и Подвигодавецъ, Всемогій Богъ, вѣдый немощь нашу, Той подастъ намъ мощь духовную; но аще первѣе трудъ покажемъ **).“ Прекрасный урокъ о дѣлѣ спасенія нашего! Донинѣ уцѣлѣло еще нѣсколько богослужебныхъ книгъ, написанныхъ по распоряженію святителя Никодима. Богомиловъ—бабуковъ первосвятитель преслѣдовалъ обличеніями и предавалъ суду какъ вредныхъ обществу и церкви ***). Блаженный архипастырь, искренно любившій иноческую жизнь и содѣйствовавшій процвѣтанію ея въ Сербіи, писалъ грамоту о томъ, дабы сербскіе архіепис-

*) Гласникъ V, 62, 63. Въ Сербіи общая служба: «радујся Никодиме, подобный пророку Іліи, доблестный ревнителю.»

**) Изд. въ Гласникѣ XI, 1859 г. 189—193.

***) (Въ Сербіи служба ему л 118): «православными учеными твоими иноплеменныя ереси отъ церкви Христовы далече отгналъ еси.. Ревность божественную имѣя, яко Іліи великій, гнѣвомъ дышаещи на враги Креста Христова, и сихъ отгоняещи, якоже воли хищныя, отъ своего стада, пастырю блаженне!»

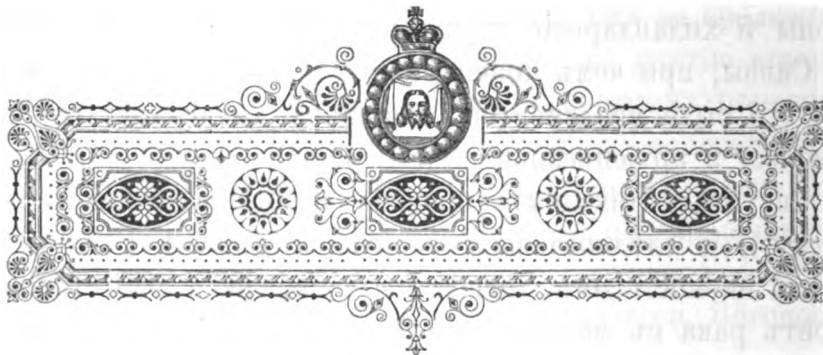
скопы и хиландарскіе игумены не забывали типикарницы св. Саввы, при чемъ краснорѣчиво описалъ жизнь св. Саввы; это было предсмертное завѣщаніе хиландарскаго подвижника и архіепископа всей Сербіи.

Святитель Никодимъ управлялъ сербскою церковью 8-мь лѣтъ *); и слѣдовательно скончался въ маѣ 1325 года. Предъ иконостасомъ Печскаго храма, на лѣвой сторонѣ, стоитъ рака съ мощами св. Никодима архіепископа сербскаго, великаго чудотворца **).

(Память святителя вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ—августа 30).

*) Гласникъ VI, 35.

**) Зап. геогр. Общ. XIII, 173. Въ сербскомъ уставѣ: Мая 12-го «преставился архіепископъ святыи Никодимъ.» Гласникъ XI, 194.

М А Я 13.

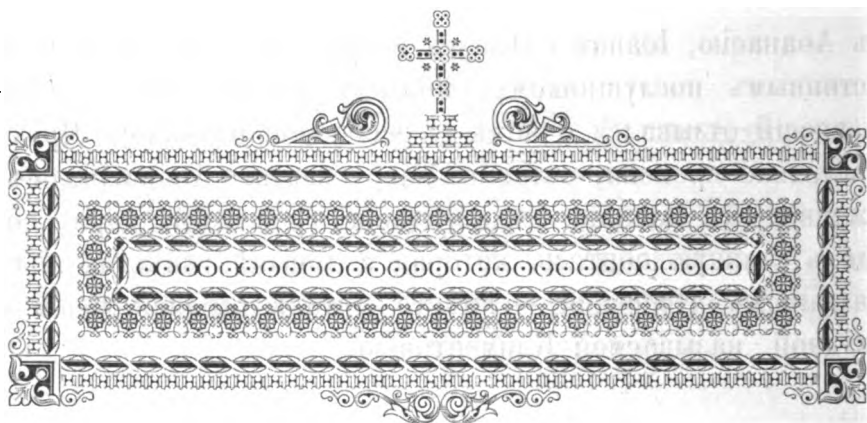
**Память преподобнаго отца нашего
ІОАННА ИВЕРСКАГО *).**

Сгоносный отецъ нашъ Іоаннъ былъ родомъ изъ Иверіи (Грузіи), изъ области Тао, происходилъ отъ царскаго рода иверскаго и славился въ своемъ отечествѣ, но изъ любви къ Богу, оставилъ міръ и вся, яже въ мірѣ, и, принявъ на себя иноческій образъ, подвизался сначала въ находящихся въ Иверіи монастыряхъ. Сперва поступилъ онъ въ братство монастыря, находившагося близъ его родины; потомъ, какъ мудрая и трудолюбивая пчела, желая болѣе собрать меду добродѣтелей съ цвѣтовъ сада духовной мудрости, перешелъ въ монастырь, тоже въ Иверіи, бывшій на горѣ, такъ называемой Колпа, а отсюда—на Олимпъ, гдѣ и безмолвствовалъ довольно времени. Но слава добродѣтели Аѳанасія аѳонскаго достигла и высочайшихъ горъ и неприступныхъ высотъ, и такимъ образомъ оттуда привлекла сего подвижника, какъ магнитъ желѣзо, къ подвижнику аѳонскому. Пришедши на Аѳонъ

*) Изъ Ἀκολουθία τῶν ἁγιορειτῶν πατέρων.

къ Аѳанасію, Іоаннъ сдѣлался искреннимъ его другомъ и истиннымъ послушникомъ: поэтому впослѣдствіи святой Аѳанасій отзывался о немъ съ особенною похвалою. Черезъ нѣсколько времени, оставивъ лавру святаго Аѳанасія, онъ, иждивеніемъ Василя, сына Романа, греческаго царя, создалъ славную обитель, которая и донынѣ извѣстна подъ названіемъ Иверской, — вмѣсто дотолѣ бывшей малой и скудной, называемой Климентовою.

М А Я 13.

Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
Е В Ѡ И М І Я
новаго (Иверскаго) *).

Преподобный отецъ нашъ Евѡимій былъ родомъ грузинъ (иверець), изъ области Тао. Отець его, именитый и богатый, по сердечному влеченію къ ангельской жизни, оставилъ богатство и славу міра и, въ духѣ нищеты Христовой, шествуя крестнымъ путемъ жизни подъ именемъ Іоанна, принятымъ въ постриженіи, удалился изъ Грузіи въ Константинополь. Между тѣмъ Евѡимій, бывшій въ то время еще въ младенческихъ лѣтахъ, оставался на родинѣ съ своимъ дѣдомъ, — подъ старческимъ руководствомъ у котораго и воспитывался въ правилахъ строгой христіанской нравственности. Впрочемъ, и дѣдъ недолго оставался съ нимъ въ Грузіи: взявъ съ собою Евѡимія, онъ отправился тоже въ Константинополь, чтобъ найти тамъ сына своего Іоанна и убѣдить его возвратился въ отчизну. Такъ

*) Изъ Νέον Ἐκλόγων.

и случилось: онъ отыскалъ Іоанна, и со слезами упрашивалъ его идти съ нимъ домой; но Іоаннъ не только не соглашался на это самъ, даже и сына своего Евѣимія не хотѣлъ отпустить отъ себя. Вслѣдствіе сего, огорченный старецъ долженъ былъ, въ разсужденіи Евѣимія, войти съ сыномъ своимъ въ большой споръ: Іоаннъ желалъ оставить его при себѣ, а отецъ Іоанновъ не хотѣлъ разстаться съ любимымъ своимъ внукомъ ни подъ какимъ видомъ, такъ что наконецъ это дѣло дошло до свѣдѣнія царствовавшего тогда Никифора. Пораженный трогательнымъ споромъ о дитяти между его отцомъ и дѣдомъ, Никифоръ приказалъ представить къ нему всѣхъ троихъ. Когда они предстали и предъ лицомъ царя возобновили споръ объ отрокѣ, — Никифоръ рѣшилъ такъ, чтобы ни тотъ, ни другой не оставлялъ его при себѣ противъ собственной его воли, но чтобъ поручили это суду Божию, — то есть, къ кому отрокъ пойдетъ, пусть при томъ онъ и будетъ. А надобно замѣтить, что Евѣимій почти и не видалъ хорошенько, и не зналъ своего отца. Когда, такимъ образомъ, оставили отрока на собственную его волю, онъ бросился къ своему отцу, котораго, какъ сказано, и не видалъ, и не зналъ до настоящаго часа, — такъ что этимъ растрогалъ, удивилъ и привелъ въ слезы всѣхъ бывшихъ тамъ.

Тогда блаженный Іоаннъ принялъ сына своего какъ бы прямо отъ Бога, и потому, какъ даръ Божій, немедленно посвятилъ его на служеніе Господу, облекъ въ иноческую одежду и озаботился образованіемъ его въ наукахъ внѣшнихъ, въ большей или меньшей мѣрѣ нужныхъ для инока. Прекрасныя способности и чрезвычайное прилежаніе Евѣимія скоро усовершили его въ образованіи внѣшнемъ, а между тѣмъ неуклонное шествіе по крестнымъ стезямъ христіанскаго самоотверженія, подъ строгимъ и бдительнымъ руководствомъ отца, привлекло на него благословеніе свыше,

такъ что онъ сдѣлался наконецъ пріятелемъ Святаго Духа. Можетъ быть, сколько, съ одной стороны, занятія классическія, столько, съ другой, строгія лишенія плоти, даже въ существенныхъ ея требованіяхъ, изнурили жизненные его силы, и онъ заболѣлъ тяжко; но и здѣсь Господь не оставилъ его: предстательствомъ и помощію Пресвятыя Госпожи нашей Богородицы, Евѳимій сперва оправился отъ болѣзни, а наконецъ и совершенно освободился отъ нея. Такая очевидная милость Божія и заступленіе Пренепорочной Дѣвы Богородицы были новымъ для него побужденіемъ и возлагали на него священный долгъ — болѣе прежняго посвятить себя подвижническимъ трудамъ и пресціянію во всѣхъ дѣлахъ благочестія. При содѣйствіи благодати Божіей, онъ, дѣйствительно, былъ для своего времени свѣтымъ образцомъ иноческой жизни, достойнымъ не только подражанія, но и удивленія. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, довольно рассказать объ одномъ обстоятельстве. Однажды пришелъ къ нему еврей — поговорить о вѣрѣ. Блаженный Евѳимій никакъ не хотѣлъ входить съ нимъ въ бесѣду подобнаго рода, почитая пустословіемъ — отъявленнымъ врагамъ Христовымъ излагать и объяснять Божественныя таинства вѣры; впрочемъ, изъ уваженія и почтительности къ своему отцу, много убѣждавшему его къ бесѣдѣ съ евреями, наконецъ согласился на это. Когда началъ онъ приводить еврею различныя изреченія и предсказанія Вѣтнаго Завѣта о Божественномъ Мессіи, Господь нашимъ Иисусъ Христъ, Котораго отвергли евреи, — слушавшій его еврей онѣмѣлъ, невольно убѣждаясь въ справедливости его словъ и не находя на нихъ, съ своей стороны, никакихъ возраженій. Однакожь, этотъ отверженникъ, пристыженный святымъ Евѳиміемъ, вмѣсто того, чтобъ принять къ сердцу глаголы святой истины, по упорству, свойственному невѣрнымъ, дерзнулъ произносить нечистыми своими устами хулы на

Господа нашего Иисуса Христа. „Да онѣмѣють уста, хулящія Господа Бога нашего!“ воскликнулъ тогда святой Евөимій, воспламенившійся Божественною ревностію, — и въ то же мгновеніе еврей онѣмѣлъ, ринулся оземь, и изъ богохульныхъ его устъ начала клубиться пѣна. Въ такомъ ужасномъ положеніи, нечестивецъ на другой день испустилъ преступный свой духъ. Это чудо навело на всѣхъ страхъ и ужась, и по всему Константинополю пронеслась слава и молва о святомъ Евөиміи.

Конечно, по духу міра, событіе подобнаго рода и чело-вѣческая слава могли бы другаго осуетить и привязать къ жизни среди столицы; но блаженный Евөимій,—какъ и всѣ истинные подвижники, глубоко чувствуя и зная, что окруженный славою міра чуждается славы Божіей, и воспринимаетъ мзду свою отъ людей, — какъ птица отъ тенеть, какъ узникъ изъ темницы, понесся изъ Константинополя, въ сопутствіи своего отца, на святую гору Аѳонскую, и поселился въ лаврѣ преподобнаго Аѳанасія. Аѳанасій съ любовію принялъ ихъ, и такъ еще протекло нѣсколько времени. Между тѣмъ, Божественный Аѳанасій видѣлъ прозорливыми духовными очами, что святой Евөимій, за сердечную чистоту, былъ избраннымъ сосудомъ Святаго Духа, — и потому началъ убѣждать его къ принятію священства. Долго не соглашался на это смиренный Евөимій, отзываясь собственнымъ своимъ недостойнствомъ и важностію священнаго сана; однакожъ, наконецъ, какъ истинный послушникъ, отдалъ себя въ волю святаго Аѳанасія и принялъ рукоположеніе. Въ этомъ высококомъ санѣ, Евөимій возвысился болѣе прежняго тайными подвигами, прилагая воздержаніе къ воздержанію и добродѣтель къ добродѣтели, такъ что впослѣдствіи, чувствуя силы и благодать Всесвятаго Духа, принялъ на себя трудъ—перевести все Священное Писаніе на грузинскій языкъ. Кромѣ того, составилъ

онъ много полныхъ высокой мудрости книгъ и собственнаго своего произведенія, возобновилъ многіе храмы и больницы, и такимъ образомъ возвеличилъ Святую гору съ ея пустынями и придалъ имъ еще большую красоту. Надобно признаться, что сердечной его доброты и христіанской внимательности ко всѣмъ и каждому, неподражаемаго его смиренія, съ какимъ онъ служилъ 14 лѣтъ больному своему родителю и великому Аванасію, невозможно выразить на языкѣ человѣческомъ. Когда же преподобный Аванасій отошелъ ко Господу, блаженный Евѳимій, по просьбѣ и желанію братства, принялъ управленіе священною лаврою, а впослѣдствіи и вся Святая гора избрала его своимъ правителемъ, потому что онъ былъ въ дѣятельности неусыпнъ и бдителенъ, и слово священныхъ устъ его, исполненное мудрости и утѣшенія, точило для всѣхъ врачевство духовное. Впрочемъ, онъ недолго оставался въ своемъ званіи: любовь къ строгому безмолвію влекла его въ уединеніе. Вслѣдствіе сего, избравши для лавры вмѣсто себя игуменомъ сродника своего Георгія, онъ погрузился въ пустыню, и только Богъ зналъ и видѣлъ тайные его подвиги и молитвенные труды. Но такъ какъ *не можетъ*, по слову Писанія, *укрыться градъ, верху горы стоя* (Матѳ. 5, 14), то и жизнь святаго Евѳимія не утаилась отъ вѣдѣнія человѣческаго: Самъ Богъ прославилъ его и явилъ дѣла его, какъ увидимъ это изъ нижеслѣдующаго.

Однажды преподобный Евѳимій прибылъ въ Солунь, гдѣ и былъ весьма ласково принятъ тамошнимъ епископомъ, — мужемъ жизни весьма благочестивой. Епископъ былъ коротко знакомъ съ однимъ изъ солунскихъ евреевъ, котораго онъ хотя постоянно убѣждалъ къ принятію христіанской вѣры, но тотъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на это. Въ бытность преподобнаго у епископа, упомянутый еврей пришелъ къ нему и, по-прежнему, былъ убѣждаемъ

къ вѣрованію во Христа. Но, вмѣсто того, чтобы принять убѣжденія архипастырскія если не съ уваженіемъ и покорностію, то, по крайней мѣрѣ, съ скромностію и молчаніемъ, еврей считалъ слова епископа за пустословіе и шутку и дерзко отзывался о христіанской вѣрѣ. Слыша это, епископъ просилъ святаго Евөиміа поколебать мудрыми своими убѣжденіями упорство еврея: но преподобный, какъ истинное чадо кротости и смиренія Иисуса Христа, говоритъ, что это относится болѣе къ обязанности и долгу епископа, и что онъ, съ своей стороны считаетъ себя въ этомъ случаѣ человѣкомъ стороннимъ. Впрочемъ, когда епископъ сталъ настоятельно просить его объ этомъ, послушный Евөимій отверзъ уста свои, исполненный благодати и силы Святаго Духа, и всѣ возраженія еврея, въ разсужденіи христіанской вѣры, опровергъ ясными свидѣльствами Ветхаго Завѣта и изложилъ, на основаніи пророческихъ реченій, всѣ истины Евангелія такъ, что обезоруженный израильтянинъ долженъ былъ наконецъ со стыдомъ умолкнуть. Послѣ сего, кипя негодованіемъ на святаго Евөиміа, такъ пристыдившаго его въ виду собранія, онъ не вынесъ движеній огорченнаго сердца и, вмѣсто возраженій на доказательства святаго о Божественности Иисуса Христа, дерзнулъ произнести хулу на Него. Тогда, строго возрѣвъ на него, святой Евөимій сказалъ: „за то, что ты смѣлъ произнести хулу на Творца и Владыку всѣхъ, Господа Иисуса, да умолкнуть уста твои, незаконный!“ И еврей онѣмѣлъ, упалъ на землю, и богохульные уста его и глаза извратились. Такое чудо поразило всѣхъ находившихся тамъ евреевъ и христіанъ чрезвычайнымъ ужасомъ. Припавши къ ногамъ преподобнаго, они просили сжалиться надъ евреемъ и исцѣлить его. Преподобный, сколько строгій къ хульникамъ имени Христова, столько же и сострадательный къ бѣдствующимъ, послушалъ ихъ и, напечатлѣвъ на еврейѣ

знаменіе животворящаго креста, исцѣлилъ его. Тогда еврей громогласно исповѣдалъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, Творецъ всего, обладающій всякимъ дыханіемъ, и крестился съ домашними своими и со всѣми евреями, находившимися тамъ и видѣвшими это чудо. Впослѣдствіи, увѣровало во Христа много и другихъ, слышавшихъ объ этомъ, евреевъ. Исцѣлившійся, въ изъявленіе своей благодарности, пожертвовалъ святому большое количество серебра, но онъ отказался и повелѣлъ этотъ даръ раздать нищимъ.

Въ одно время, на Святой горѣ сдѣлалась засуха: всѣ отцы чрезвычайно скорбѣли отъ бездождія и просили преподобнаго, чтобъ онъ помолился о дождѣ. Послѣ долгихъ убѣжденій, наконецъ, святой, съ великимъ трудомъ, рѣшился на это,—удалился въ церковь пророка Іліи, находящуюся близъ обители Иверской, и, какъ только помолился всемилостивому Богу, со слезами и съ принесеніемъ безкровной жертвы, тотчасъ полился сильный дождь, напоившій изсохшую землю. Всѣ прославили Бога, прославляющаго славящихъ Его.

У иноковъ Святой горы, издревле и донинѣ соблюдается обычай—на праздникъ Преображенія Господня входитъ на самую вершину Аѳона, для всенощнаго бдѣнія и литургіи. Однажды, къ сему празднику, въ числѣ другихъ братій, взошелъ на верхъ и святой Евѣимій. Братія окружили его и усердно просили, чтобы онъ совершилъ Божественную литургію. Послушный пресвитеръ уважилъ просьбу братіи и приступилъ къ священнодѣйствию. Когда, при литургіи, онъ возгласилъ: *побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще*, и братіе воспѣли: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ!*—внезапно облисталъ всѣхъ чрезвычайный свѣтъ, гора потряслась въ своемъ основаніи, и пораженные тѣмъ иноки всѣ пали ницъ на землю, кромѣ преподоб-

наго Евѣимія, который стоялъ неподвижно, осіяваясь дивнымъ свѣтомъ и имѣя видъ огненнаго столпа. Послѣ этого чуда, преподобный болѣе прежняго прославился всюду.

Въ то время отошелъ ко Господу архіепископъ кипрскій. Греческій императоръ Василій отправилъ отъ себя посольство, съ собственноручнымъ письмомъ къ преподобному Евѣимію, убѣдительно прося его принять пастырскій жезлъ управления кипрскою Церковію. Но преподобный и слышать не хотѣлъ о такомъ іерархическомъ достоинствѣ, отзываясь тѣмъ, что, при своемъ недостоинствѣ, онъ не только не можетъ управлять другими, но самъ требуетъ сторонняго водительства на крестныхъ стезяхъ иноческой жизни. Такъ онъ былъ смиренномудръ, зная, что смиренномудріе есть мать всѣхъ добродѣтелей.

Впрочемъ, при всеобщемъ къ нему уваженіи и славѣ, которою славилъ Богъ Своего угодника, завистливый врагъ-дьяволъ, всегдашній противникъ добра, не вынося постоянного уничиженія и побѣдъ, которыми преподобный низлагалъ и сокрушалъ гордую его выю, избралъ своимъ орудіемъ одного изъ иноковъ для того, чтобы убить Евѣимія. Несчастный, забывъ строгіе свои обѣты и ужасныя слѣдствія сатанинскаго замысла, и только увлекаясь завистию къ доброй славѣ Евѣимія, рѣшился на убійство и, скрывъ подъ одеждою ножъ, взошелъ на башню, гдѣ была келья преподобнаго. Но Богъ не далъ жезла грѣшнаго на жребіи праведнаго. Послушникъ святаго, замѣтивъ у убійцы ножъ, прежде нежели тотъ успѣлъ ворваться въ дверь, заперъ келлію и не позволилъ ему войти туда. Неудача взбѣсила несчастнаго: въ неистовствѣ своемъ, онъ поразилъ ножемъ блаженнаго ученика преподобнаго и, ударившись бѣжать, въ бѣшенствѣ, съ безчиннымъ крикомъ и воплемъ, встрѣтилъ другаго ученика преподобнаго, поразилъ и того ножемъ и вслѣдъ за тѣмъ былъ самъ постигнутъ праведнымъ

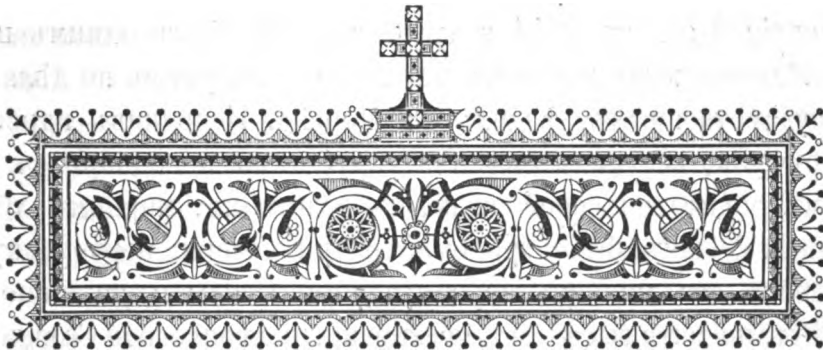
судомъ Божіимъ; произнося хулы нечистыми своими устами, онъ ударился оземь и испустилъ духъ. Между тѣмъ святой, благодатію Святаго Духа, узнавъ о томъ, что случилось, по дѣйствию діавола, съ ранеными учениками, поспѣшно сошелъ къ нимъ и облекъ ихъ въ великую схиму, послѣ чего вскорѣ отошли они ко Господу. Наглый же и зловонный песь-діаволь, никакъ не терпя дѣлъ святаго, снова побудилъ къ убіенію его одного садовника, который, пришедши къ преподобному съ ножомъ, поразилъ его и чаялъ, что съ одного удара убьетъ преподобнаго; но, хранимый Богомъ, Евѡимій не потерпѣлъ никакого вреда, потому что оконечность убійственнаго ножа согнулась, и желѣзо, потерявши свойственную ему твердость, умягчилось, какъ воскъ, а между тѣмъ рука, посягнувшая на жизнь угодника Божія, осталась недвижимою и изсохшею. Пораженный такимъ чудомъ, садовникъ со слезами палъ къ стопамъ преподобнаго, искренно исповѣдалъ свой грѣхъ и трогательно умолялъ его о прощеніи и исцѣленіи изсохшей руки. Незлобивый старецъ смиренно простилъ его и, помолившись Богу, даровалъ ему не только тѣлесное, но и душевное здравіе.

Но, излагая такимъ образомъ нѣкоторыя свѣтлыя черты изъ дивной жизни преподобнаго, что можемъ мы сказать надлежащимъ образомъ о сердечныхъ качествахъ, — именно о милосердіи, кротости и безгнѣви, о сострадательности ко всѣмъ и каждому, равно какъ и о постоянныхъ его подвигахъ молитвенныхъ, и о всѣхъ свойствахъ иноческаго образа, которыя возвышаютъ человѣка надъ всѣмъ чувственнымъ и видимымъ и прежде времени доставляютъ ему ангельское безстрастіе и Божественную славу? Это выше всякаго описанія и человѣческой рѣчи. При всѣхъ этихъ, такъ сказать, сокровенныхъ и внутреннихъ свойствахъ, преподобный Евѡимій, и по обстоятельствамъ внѣшнимъ, оста-

вался для всей Святой горы украшеніемъ и славою, такъ что гдѣ требовала нужда какихъ нибудь царственныхъ пособій, и святогорскіе отцы просили его ходатайства предъ императоромъ,—онъ съ удовольствіемъ принималъ на себя трудъ лично ходатайствовать предъ нимъ и просить о пользахъ Святой горы. А императоръ, зная его съ давняго времени и постоянно слыша прекрасные отзывы о святой его жизни, съ особенною внимательностію и чувствомъ уваженія принималъ его просьбы и тотчасъ исполнялъ ихъ. Такъ случилось, когда на Святой горѣ проявились нѣкотораго рода нестроенія: святой Евөимій, по просьбѣ отцевъ, немедленно отправился въ Константинополь, и слѣдствіемъ сего были для Святой горы желанный миръ и тишина, а для самого преподобнаго—страдальческая кончина. Находясь тамъ, онъ, по надобности, отправился однажды на мулъ, въ сопутствіи инока, въ часть города, называемую Платія. Въ одной улицѣ сидѣлъ нищій и просилъ милостыни. Сострадательный Евөимій, не трогаясь съ мула, хотѣлъ подать просившему что-нибудь, но бессмысленное животное, испугавшись движеній нищаго, одичало, понеслось вдоль улицы, и преподобный, не въ силахъ будучи удержать его, былъ сброшенъ на землю и разбился смертельно. Стеклись христіане, подняли его и едва дышущаго отнесли въ домъ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Преподобный недолго могъ переносить убійственный ударъ, и чрезъ нѣсколько дней мирно предалъ святую свою душу Господу, мая 13-го. Такъ судилъ Господь преподобному Евөимію окончить подвижническую свою жизнь! а въ проявленіе святости и дерзновенія его предъ лицомъ Своимъ, тотчасъ прославилъ его: отъ священныхъ мощей преподобнаго потекло много исцѣленій и чудесъ. Впослѣдствіи мощи его перенесены были на Святую гору и положены въ обители честнаго и славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Ю-

анна, обновленной преподобнымъ Евѡиміемъ и прозванной потомъ Иверскою, во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа, единаго Божества и царства *). Аминь.

*) Въ рукописи, заключающей въ себѣ жизнеописаніе пѣтиоровъ сей обители—Иоанна, Евѡимія и Георгія, усматриваются нѣкоторыя несообразности со взятымъ нами изъ *Néon êxλόγιστον* жизнеописаніемъ преподобнаго Евѡимія; есть также нѣкоторыя особенности, относящіяся къ житію святаго Аванасія. О всемъ этомъ излишнимъ считаемъ сказать здѣсь. Въ рукописи сей значится, что Иоаннъ жилъ уже на Афонѣ, когда прибылъ въ Константинополь дѣдъ Евѡиміевъ, занимавшій при дворѣ высокую должность, какъ мужъ способнѣйшій, избранный тогдашнимъ царемъ Иверія, по нѣкоторымъ государственнымъ дѣламъ, отправиться къ царю Никифору; собираясь въ Константинополь, онъ имѣлъ мысль посѣтить и сына своего, слава добродѣтелей котораго далеко уже распространилась, и хотѣлъ вызвать его въ отечество, чтобы тамъ устроилъ онъ монастырь и подвизался, какъ на Афонѣ. Но случилось такъ, что, къ пріѣзду его въ Константинополь, куда вмѣстѣ съ нимъ, почти противъ воли, прибылъ и Евѡимій, чрезмѣрно желавшій узнать отца своего, явился тамъ и Иоаннъ, посланный къ царю Аванасіемъ и другими отцами, по нѣкоему общему для всей Святой горы дѣлу. Евѡимій, безъ всякаго между его отцемъ и дѣдомъ спора, увидѣвъ, при неожиданной встрѣчѣ въ столицѣ, взаимныя, родственныя, радостныя ихъ другъ другу поздравленія, познавъ, что то былъ отецъ его и убѣдился въ этомъ тѣмъ болѣе, что замѣтилъ нѣкоторое вѣднѣе между ними сходство. Поэтому, движимый внутреннимъ влеченіемъ и природнымъ чувствомъ, онъ притекъ въ объятія своего отца. Иоаннъ отъ всей души возблагодаривъ Бога за явное къ нему, въ этомъ отношеніи, благоволеніе, оставилъ Евѡимія въ Константинополь—обучаться греческому языку и другимъ полезнымъ предметамъ, а потомъ Евѡимій самъ уже прибылъ на Афонъ. Иоаннъ, 14 іюня, Евѡимій 13 мая, и Георгій, 28 іюля, ублажаются многими похвалами и въ Грузіи, на языкѣ иверскомъ. Всѣ они вмѣстѣ вышли изъ лавры Аванасія и, создавъ Иверскую обитель, были въ ней, одинъ послѣ другаго, игуменами: игуменомъ же лавры не былъ никто изъ нихъ, хотя Аванасій и очень желалъ того, скорбѣлъ о разлукѣ съ ними, и только предвидя изъ этого великую для многихъ человѣческихъ душъ пользу, согласился разстаться съ ними. Наконецъ, латиняне, бывшіе здѣсь, на горѣ, какъ говорятъ преданіе, взяли съ собою моща, какъ Евѡимія, перенесенныя изъ Константинополя, такъ и Иоанна и Георгія, вмѣстѣ съ сосудами обители, и оставили ее въ запустѣніи.

М А Я 13.

Житіе преподобнаго отца нашего ГЕОРГІА ИВЕРСКАГО *).

Согоносный отецъ нашъ Георгійъ происходилъ изъ Иверіи. Онъ былъ племянникъ св. Іоанна и двоюродный братъ св. Евѣимія; то же, подобно имъ, старался объ украшеніи и распространеніи созданной Іоанномъ обители, вновь воздвигъ отъ основанія соборный храмъ (каѳоликонъ) ея, и потому почитается также ея ктиторомъ. Что соборный храмъ созданъ Георгіемъ, видно изъ надписи, которая сдѣлана имъ на мѣдномъ кругѣ, лежащемъ на полу, въ срединѣ этого священнаго храма, подъ хоросомъ, гдѣ святой пишетъ такъ: „Я утвердилъ столпы сіи, и въ вѣкъ не подвижутся.— Георгій, монахъ иверъ и ктиторъ.“

1. Отрочество и воспитаніе преподобнаго Георгія.

Блаженный Георгійъ происходилъ изъ области Триалетской, отъ благочестивыхъ родителей Іакова и Маріи, родился во дни благовѣрнаго царя иверскаго и абхазскаго

*) Изъ Ἀκολουθία τῶν ἀγιωρειτῶν πατέρων.

Георгія I-го, въ 1014 году. Отецъ его былъ однимъ изъ приближенныхъ вельможъ царя и неоднократно, по дѣламъ государственнымъ, ѣздилъ въ Персію. Исполнивъ царскія порученія, вступилъ онъ въ супружество и водворился въ домъ родителей своей жены, въ сельскомъ, мирномъ убѣжищѣ. У него было три сына и три дочери: первородную назвалъ онъ именемъ первомученицы Феоклы и, по данному обѣту, посвятилъ ее Богу, постригши въ дѣвической Самцхетской обители; послѣ дочери родился сынъ, котораго родители назвали Іоанномъ и, удержавъ его при себѣ, дали обѣтъ: если родится у нихъ второй сынъ, посвятить его Богу, говоря, что посвятить Ему должно не агницу, а агнца.

Однажды ночью, явился Маріи свѣтлый мужъ и сказалъ: „ты родишь сына агнца, избраннаго Богомъ; посвяти его, Кому обѣщала, и дай ему имя Георгій.“ Проснувшись, Марія въ страхѣ рассказала свое видѣніе мужу, и оба со слезами благодарили Бога. Имя Георгія, или, по переводу на русскій языкъ, „земледѣльца“ знаменовало, что онъ будетъ усердный дѣлатель нивы Господней. Вотъ и родился у нихъ обѣтованный младенецъ и, возрастая тѣлесно, исполнялся Духомъ Господнимъ, какъ дерево, насажденное при водахъ многихъ и обѣщавшее, въ свое время, принести обильный плодъ. По совершеніи семилѣтняго возраста, родители, во исполненіе своего обѣта, послали отрока въ монастырь, къ его сестрѣ, гдѣ могъ бы онъ изучить церковное богослуженіе, болѣе, чѣмъ въ ихъ домѣ: тамъ провель онъ три года, и всѣхъ удивлялъ своимъ разумомъ.

У отца Георгіева было два старшихъ брата, въ обители Богоматери Хахульской, что на берегахъ рѣки Куры, и оба они исполнены были благодати Божіей. Первый изъ нихъ, Георгій, назывался писателемъ, такъ какъ былъ начальникомъ письмоводителей царя Давида Куропалата и занималъ первую степень при дворѣ его; а имя втораго—Савва: оба

были праведны предъ Богомъ, и съ богатствомъ жизни духовной соединяли обиліе благъ земныхъ. Услышавъ, какія блестящія надежды подавалъ о себѣ Георгій, они просили брата своего Іакова отпустить племянника къ нимъ въ обитель, для довершенія духовнаго его воспитанія, и съ любовію привели юнаго Георгія къ бывшему тогда настоятелю Хахульской лавры—преподобному Макарію, который сдѣлалъ его участникомъ церковной молитвы и принялъ въ число духовныхъ чадъ своихъ. Представили его также, въ этой обители, и царственному Василию, сыну Баграта, который для житія иноческаго, оставивъ высокій свой санъ, былъ просвѣтителемъ страны своей. По совѣту благоговѣйныхъ старцевъ своей обители, разсудили они отдать племянника богодухновенному наставнику, и не могли найти никого лучше великаго Иларіона, въ то время сіявшаго на высотѣ духовныхъ добродѣтелей. Святой авва не отказался принять къ себѣ отрока, и онъ, подъ руководствомъ сего старца, такъ усовершенствовался въ благочестіи и изученіи Божественныхъ книгъ, что превзошелъ разумомъ всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Но кто научилъ отрока Георгія эллинской мудрости? Учителемъ его въ этомъ былъ Ферисъ, — мужъ царевны, сестры Василия Багратида: онъ и супруга его искали себѣ опытнаго наставника, и пригласили въ домъ свой писателя Георгія, который взялъ съ собою юнаго племянника, бывшаго тогда уже канонархомъ и отлично знавшаго всѣ церковныя пѣсни. Ферисъ и благочестивая его супруга любили Георгія, какъ роднаго сына и подъ ихъ руководствомъ провелъ онъ многіе годы, доколѣ бѣдственная кончина не постигла этого вельможи. Область Тріалетская находилась тогда подъ вліяніемъ Царяграда: Фериса оклеветали въ измѣнѣ предъ императоромъ Василиемъ Вулгароктономъ, который велѣлъ отсѣчь ему голову, а супругу его, со всѣми

домашними, отвести въ Царьградъ, гдѣ оставались они двѣнадцать лѣтъ. Въ теченіе этого времени, дядя Георгія, писатель, и еще болѣе царевна, вдова Фериса, озаботились отдать юношу въ наученіе философамъ и риторамъ, — но не изъ мірскаго сословія, а изъ духовнаго, чтобы вмѣстѣ съ плодами наукъ пріобрѣталъ онъ и плоды духовные: такъ созрѣлъ дивный этотъ учитель земли иверской. Послѣ двѣнадцатилѣтняго заточенія въ землѣ греческой, царевна возвращена была въ свои владѣнія, и съ ней возвратились оба Георгія, дядя и племянникъ. Къ нимъ присоединился и отецъ Георгія, Іаковъ, который тогда лишился уже супруги.

2. Путешествіе Георгія по святымъ мѣстамъ.

Но юноша искалъ большихъ подвиговъ; онъ уже достигъ двадцатилѣтняго возраста, и хотя съ юныхъ лѣтъ вель образъ жизни монашескій, однако не былъ еще постриженъ. Георгій пошелъ сперва къ дядѣ своему, иноку Саввѣ, въ обитель Хахульскую, а оттуда — къ бывшему наставнику своему, великому Иларіону, которому оставалось прожить немного уже лѣтъ земной жизни, — и отъ его руки принялъ постриженіе. Тогда Георгію пришло внушеніе свыше — предпринять подвигъ странничества, въ страну далекую отъ присныхъ, и поклониться тѣмъ святымъ мѣстамъ, гдѣ воплотившееся Слово Божіе совершило домо-строительство нашего спасенія. Такъ нѣкогда Господь вызвалъ и праотца нашего Авраама изъ земли отеческой, когда заключалъ съ нимъ завѣтъ Свой, и Моисея удалилъ отъ его племени, чтобы сдѣлать его боговидцемъ. Георгій тайно бѣжалъ и направился въ страну Палестинскую. Огорчились авва Макарій и другіе старцы обители Хахульской, когда узнали о бѣгствѣ юнаго инокъ, и послали искать его по

всѣмъ путямъ: но Георгій, предчувствуя погоню, обмѣнялся одеждою съ нищимъ и, взявъ себѣ проводника, продолжалъ свой путь. Небезопасна была для него дорога по неприютнымъ городамъ, и страшна первая ночь, настигшая его въ пустомъ мѣстѣ, — какъ самъ онъ впоследствии рассказывалъ: гремѣлъ громъ, сверкали молніи, и діаволь семь разъ повергалъ предъ нимъ того убогаго, котораго избралъ онъ себѣ проводникомъ; этотъ несчастный страшно скрежеталъ зубами и пѣна текла изъ устъ его, — но Георгій не утратился и пламенно молился Господу о бѣснующемъ, пока злой демонъ не оставилъ его. Испѣленного такимъ образомъ Георгій привелъ въ ту обитель, которой тотъ желалъ достигнуть, когда брошенъ былъ на пути своими спутниками, а самъ одинъ, въ рубищѣ, безъ обуви и безъ покрова, продолжалъ трудное странствованіе, и, не смотря на изнурительный подвигъ, онъ разъ только въ день позволялъ себѣ вкушать пищу.

Сперва, въ предѣлахъ малої Арменіи, посѣтилъ онъ гору Черную, гдѣ нѣкогда спасался великій пустынножитель Никонъ, съ двумя стами своихъ учениковъ; потомъ, по сосѣдству Антиохіи, достигъ горы Дивной, гдѣ поклонился чудотворной ракъ Симеона дивногорца и блаженной матери его Марѣ: такъ обошелъ онъ и всѣ обители, разсѣяныя въ горахъ Ливанскихъ, прося себѣ молитвъ и благословенія у великихъ подвижниковъ. Георгій, прежде всего, искалъ себѣ опытнаго наставника, зная, что безъ руководства нельзя усовершенствоваться въ жизни иноческой, — и въ каменной расщелинѣ обрѣлъ желаннаго старца, заключившагося въ пещерѣ и отстранившагося отъ всего земнаго. Это былъ великій затворникъ Георгій, — свѣтило своего времени, родомъ изъ Иверіи. Человѣкъ Божій обрадовался пришествію благодатнаго ученика, ибо, по любви къ своей родинѣ, давно желалъ найти просвѣщеннаго мужа, который бы могъ

довершить трудъ великаго Евѳимія аѳонскаго и исправить погрѣшности языка, какія еще оставались въ его переводѣ священныхъ книгъ. Духомъ прозрѣлъ блаженный, что онъ обрѣлъ такого мужа въ пришельцѣ иверскомъ, и, съ отеческою любовію, принялъ его подъ свое руководство въ пустыню, гдѣ жилъ недалеко отъ обители святаго Романа.

Три года оставался при немъ Георгій въ постоянномъ подвигѣ и совершенномъ послушаніи, а въ обители Романовой въ то же время усердно служилъ болящимъ. Затворникъ видѣлъ, что въ зрѣломъ возрастѣ имѣлъ онъ опытность старческую, — и облекъ его въ великій ангельскій образъ, или схиму, и отпустилъ во святой градъ. Паломникъ съ пламенною любовію и слезами обошелъ всѣ святыя мѣста, и какъ бы видѣлъ предъ собою Самого Господа тамъ, гдѣ пострадалъ Онъ за человѣчскій родъ; изъ Палестины Георгій возвратился къ своему наставнику, въ пустыню Романову, и хотя совершенно созрѣлъ для перевода Священнаго Писанія, однакожь, по своему смиренію, не рѣшался принять на себя этотъ трудъ и достойнымъ его находилъ только авву Евѳимія. Но затворникъ говорилъ ему: „Господь, неоднократно спасавшій отъ смерти преподобнаго Евѳимія и открывшій ему даръ вѣдѣнія языковъ, можетъ споспѣшествовать и тебѣ: будемъ молить святаго отца нашего Евѳимія, чтобы онъ помогъ тебѣ, своимъ благословеніемъ, довершить начатое имъ святое дѣло.“ Такимъ образомъ, послѣ многихъ усилій, старецъ убѣдилъ Георгія идти на Святую гору къ великому аввѣ, и искать у него духовной мудрости, чтобы напоить ею жаждущія души земли иверской: ибо этотъ Евѳимій былъ для нея вторымъ Златоустомъ, и краснорѣчивыми своими писаніями утвердилъ въ ней православную вѣру на всѣ грядущія времена.

Напутствуемый благословеніемъ своего наставника, Георгій благополучно совершилъ путь, и Промыслъ Божій

видимо благопріятствовала ему въ одиночествѣ. Проходя Анатолю, приблизился онъ къ большой рѣкѣ, которую хотѣлъ перейти въ бродъ, но, по чрезвычайной глубинѣ ся, не могъ, и тутъ же, на противоположномъ берегу, увидѣлъ свѣтлаго юношу, на бѣломъ конѣ, который сказалъ ему: „не бойся, вступи въ рѣку,“ а самъ, устремившись къ нему на встрѣчу, перевелъ его за руку чрезъ глубокія воды. Преподобный, съ душевнымъ восторгомъ, узналъ въ немъ небеснаго покровителя земной своей родины, — тезоименитаго ему великомученика Георгія.

Но, достигнувъ Святой горы, Георгій уже не засталъ тамъ блаженнаго Евѳимія, такъ какъ преждевременная кончина похитила его въ Царьградѣ. Преподобный могъ только поклониться его гробницѣ и просить его молитвъ. Съ радостію приняло его братство обители Иверской, которою управлялъ тогда соименный ему Георгій, родственникъ Евѳимія. Смиреніе пришельца, строго исполнявшаго все послушанія монастырскія, было столь велико, что его приняли сперва за простеца и невѣжду: ибо, въ продолженіе первыхъ семи лѣтъ, никто не могъ предполагать въ немъ глубокихъ его познаній. Когда же наставникъ его, затворникъ Георгій, въ отдаленной Сиріи, узналъ, что ученикъ его въ великой лаврѣ Иверской, на Аѳонѣ, живетъ праздно, хотя и въ строгихъ подвигахъ иночества, не приступая къ переводу Священнаго Писанія, еще не удостоенъ сана священническаго, тогда послалъ къ нему другаго благоговѣйнаго ученика своего — Теодора, съ Черной горы, съ изъявленіемъ своего неудовольствія за неисполненіе даннаго имъ повелѣнія. Георгій, по чувству крайняго своего смиренія, прежде уклонявшійся, а теперь побуждаемый этимъ отеческимъ внушеніемъ, рѣшился наконецъ принять предлагаемый ему санъ священства, и вскорѣ потомъ былъ избранъ настоятелемъ церкви или благочиннымъ въ обители Иверской.

Послѣ сего, не дерзалъ онѣ болѣе медлить, и приступилъ къ занятіямъ духовнымъ. Прежде всего перевелъ онѣ синаксарій, какъ необходимое украшеніе Церкви, по истолкованію ея празднествъ, — ибо книга эта была только вкратцѣ изложена Евѣиміемъ; потомъ перевелъ все Евангеліе, по зачаламъ, и праздничныя пареміи, большой требникъ, толкованіе на книгу Бытія, первый мѣсяцъ минеи и всѣ Апостольскія посланія. Братія, увидѣвъ наконецъ, какой чудный свѣтильникъ возжегся для нихъ на Святой горѣ, общимъ согласіемъ, возвели его на степень настоятеля обители Иверской. Долго противился Георгій и требовалъ, чтобы избраніе совершилось по жребію, — и три раза бросали жребій: но изъ трехъ именъ, возлагаемыхъ во время литургіи на Божественную трапезу, три раза выпадало имя Георгія. Тогда воспріялъ онѣ настоятельство, и усугубилъ иноческій свой подвигъ, — облекся во вретиче, отказался отъ вина и молока, даже и въ разрѣшенные Церковью дни, и, поучая свою паству словомъ, показывалъ ей путь къ вѣчной жизни на самомъ дѣлѣ, собственнымъ примѣромъ.

Тутъ только открылась вся глубокая его мудрость, долго таившаяся на днѣ его души: съ самаго прибытія своего на Святую гору, старался онѣ отъ присныхъ учениковъ великаго Евѣимія вывѣдать всѣ подвиги его, равно какъ и отца его Иоанна, Торникія и другихъ подвижниковъ, радѣвшихъ объ устройствѣ Иверской лавры, о правилахъ ея и уставахъ, и впоследствии, когда принялъ жезлъ пастырскій, все это, на память будущимъ родамъ, собралъ въ одинъ свитокъ. Однимъ изъ первыхъ дѣяній настоятельства его было, для храненія мощей блаженнаго Евѣимія, приготовить драгоценную раку, въ которую, съ великимъ торжествомъ, перенесъ онѣ мощи святаго изъ Церкви Крестителя, гдѣ были онѣ первоначально погребены, въ новоустроенный благолѣпно храмъ Богоматери. Десницу же Евѣимія, богомуд-

рыми писаніями просвѣтившую народъ иверскій, положилъ въ особенный ковчегъ, съ святыми мощами первомученика Стефана, Богоносца Игнатія, Іакова Перскаго, Космы и Даміана, сорока Мучениковъ и цѣлителя Пантелеимона, и этотъ кивотъ всегда носилъ съ собою, такъ что имя Евѡиміево отъ Святой горы до горы Черной славилось нераздѣльно съ другими великими угодниками Божиими. Не хотѣлъ благочестивый Георгій оставить внѣ сыновней ограды и родителя Евѡиміева, который дотолѣ почивалъ въ церкви Архангеловъ: онъ мощи старца Іоанна положилъ подлѣ любимаго имъ сына, и потомъ озаботился обрѣтеніемъ и перенесеніемъ въ тотъ же храмъ мощей прочихъ великихъ подвижниковъ, помогавшихъ Евѡимію въ переводѣ Священнаго Писанія. Это были — блаженный Арсеній, епископъ ниноцминдскій, для безмолвія пустыннаго на Святой горѣ, оставившій кафедру свою въ Кахетіи, и знаменитый своею ученостію, священноинокъ Іоаннъ Гердзелидзе; — оба скончавшіеся въ затворѣ, внѣ обители, и погребенные при малой церкви святаго Симеона Столпника.

Много перевели они и переписали своею рукою священныхъ книгъ, ибо тогда Аѡонъ былъ духовными Аѡинами, разсадникомъ просвѣщенія для земли иверской. Георгій и самъ, какъ великій писатель, умѣлъ достойно оцѣнить труды ихъ и восхотѣлъ сохранить потомству самыя ихъ останки. Онъ скорбѣлъ духомъ, что не зналъ мѣста погребенія ихъ, но Промыслъ Божій, для возбужденія большей вѣры, открылъ ему это. На общей ихъ могилѣ выросло финиковое дерево, котораго корни, глубоко проникнувъ въ землю, обвились около этихъ святыхъ мощей и распространяли благоуханіе ихъ. Георгій, вынувъ мощи изъ среды корней, положилъ ихъ въ притворѣ южной части соборной церкви, близъ мощей святаго Евѡимія, и запечаталъ гробницу, чтобы никогда не открывать ея, украсивъ

ее иконою и крестомъ, и установилъ, чтобы постоянно горѣли предъ ними три неугасимыя лампы.

Послѣ того, преподобный началъ заботиться объ украшеніи самой церкви, въ которую тогда проникла вода, такъ какъ церковь эта вначалѣ не была покрыта свинцомъ,—и для того, въ 1050 году, отплылъ въ Константинополь—просить пособія у императора Константина Мономаха. Мономахъ принялъ его съ великою честью, ибо зналъ его лично и, упова на его молитвы, много уважалъ. Онъ спросилъ человека Вожія о причинѣ его прибытія, и Георгій отвѣчалъ: „Радуйся во Христѣ, свѣтлѣйшій между державными: Пресвятая Богородица, упованіе и прибѣжище богоспасаемаго твоего царства, повелѣваетъ тебѣ, чрезъ меня, убогаго, чтобы мѣсто постоянного Ея хваленія, храмъ Ея въ честной нашей обители Иверской не былъ допущенъ тобою до совершеннаго разрушенія отъ воды, за неимѣніемъ крова, въ него проникающей. Повели отпустить свинецъ, чтобы въ обновленномъ тобою храмѣ, могли постоянно возноситься молитвы о благополучномъ твоёмъ царствованіи!“ Императоръ съ радостію исполнилъ прошеніе преподобнаго,—велѣлъ отпустить ему свинецъ и доставить на царскихъ корабляхъ.

Возвратившись на Святую гору, Георгій благолѣпно покрылъ храмъ и соорудилъ надъ нимъ куполь—въ томъ видѣ, въ какомъ красуется онъ донынѣ. Воспользовавшись своимъ путешествіемъ, онъ испросилъ у императора новыя хрисовулы, которыми подтверждались древніе, и тѣмъ немало расширилъ владѣнія монастырскія, — особенно же обильныя пастбища для большихъ стадъ. Чрезъ нѣсколько времени, плавалъ онъ въ Царьградъ и въ другой разъ, когда услышалъ о пріѣздѣ туда абхазскаго царя Баграта III-го и матери его Маріи, со всѣмъ дворомъ ихъ. Обрадовались державные, увидѣвъ святаго соотечественника, о

которомъ столько наслышались, и много приобрѣли отъ него душевной пользы; съ своей стороны, они осыпали щедрою милостынею обитель его и оградили ее отъ обиды мѣстныхъ властей новыми хрисовулами. Царица Марія избрала Георгія духовнымъ отцомъ своимъ и отъ руки его приняла ангельскій образъ; при этомъ пожертвовала въ Иверскую обитель, для вѣчнаго поминовенія, литру золота, каковому примѣру послѣдовали и многіе грузинскіе вельможи. Въ то время, въ Царьградѣ былъ кудесникъ, славившійся волхвованіями, производившій родъ свой отъ Симона волхва, и умѣвшій заговаривать хищныхъ звѣрей. Императоръ Мономахъ и царь Багратъ дивились обаяніямъ его: но блаженный Георгій, скорбя духомъ о такомъ обольщеніи христіанскихъ царей, крестнымъ знаменіемъ уничтожилъ всю силу обаяній кудесника и тѣмъ возбудилъ къ себѣ столь великую довѣренность царя Баграта, что этотъ всѣми силами старался перезвать его въ свое отечество. Багратъ предложилъ ему первую епархію своего царства — чхондидскую, получившую имя отъ того дуба, близъ котораго проповѣдывалъ просвѣтитель Грузіи, первозванный Апостоль: но аѳонскій труженикъ смиренно отклонилъ отъ себя санъ святительскій и поспѣшилъ возвратиться въ свою лавру, гдѣ съ любовью приняла его братія. Вскорѣ послѣ сего онъ снова явилъ свою силу надъ духами нечистыми.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ помѣстій Иверской обители, находившемся въ пустынныхъ дебряхъ и горахъ Θракіи, куда еще не доходилъ никто изъ святыхъ отшельниковъ, — въ такъ называемой Ливадѣ, обитали пришедшіе изъ далекихъ странъ славяне, — люди тогда еще грубые и христіанствомъ не просвѣщенные. Они поклонялись идолу-бабѣ, изсѣченному изъ мрамора, и приносили ему жертвы. Душа блаженнаго Георгія возмущалась такимъ душевнымъ омраченіемъ словесныхъ твореній. Однажды, странствуя сухимъ

путемъ въ Царьградъ, онъ посѣтилъ это селеніе; жители, признававшіе надъ собою господство лавры, гостепріимно встрѣтили ея настоятеля и совѣтовали ему, если хочеть имѣть успѣхъ въ своемъ предпріятіи, поклониться идолу. Георгій спросилъ, гдѣ кумирня ихъ, — и славяне привели его въ глухую дебрь, къ бездушному истукану. „Завтра посоветуюсь съ нимъ,“ сказалъ Георгій,—и на разсвѣтъ, вооруженный однимъ лишь молотомъ, пошелъ опять въ ту дебрь, съ своимъ экономомъ и двумя поселянами изъ славянъ. Приблизившись къ идолу, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и прочелъ первое зачало Евангелія Іоаннова: *въ началѣ бѣ слово*. Славяне говорили ему: „богъ нашъ убьетъ тебя,“ но мужественный воинъ, осѣнивъ себя еще однажды знаменіемъ креста, взялъ тяжелый молотъ, разбилъ истуканъ на мелкія части, и тѣмъ истребилъ заблужденіе язычниковъ: пораженные этимъ, они обратились къ христіанской вѣрѣ.

Быль ему данъ свыше и даръ пророчества. Правила тогда государствомъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, вдова Мономахова, императрица Теодора, и просила царя Баграта отдать ей на воспитаніе дочь его царевну Марѳу. Багратъ отпустилъ юную дочь въ Царьградъ, подъ надзоромъ матери своей Маріи, обитавшей въ столицѣ греческой. Въ то время былъ тамъ, по своимъ дѣламъ, и блаженный Георгій. Случилось такъ, что въ самую ту минуту, когда вступала въ городъ царевна абхазская, скончалась императрица Теодора, и Георгій, по духу прозорливости, при многихъ вельможахъ, сказалъ Маріи: „сегодня вышла царица, и царица явилась.“ Царевна Марѳа возвратилась къ своему отцу, но, спустя немного времени, новый императоръ Константинъ Дука потребовалъ ее обратно и избралъ своею невѣстой: тогда всѣ увидѣли истину пророческихъ словъ Георгія.

Но, часто странствуя въ Царьградъ, по дѣламъ своей обители, и въ самой лаврѣ — обремененный непрестанною заботою о многочисленной братіи, блаженный Георгій съ прискорбіемъ сознавалъ, что завѣщаніе духовнаго его отца, затворника сирскаго, не исполняется, и данный ему отъ Бога талантъ зарывается въ землю, ибо переводъ Священнаго Писанія, — постоянная благочестивая цѣль всей его жизни, впередъ не подвигался. Посему преподобный началъ просить себѣ увольненія отъ должности настоятельской, — и, сколько ни умоляла его братія, со слезами припадая къ ногамъ его, остался непреклоннымъ. Онъ удалился изъ обители, не взявъ съ собою ничего изъ ея достоянія: даже оставилъ въ лаврѣ и тѣ священныя рукописи и переводы, надъ которыми много потрудился, и вышелъ изъ обогащеннаго имъ Иверскаго монастыря въ такомъ убожествѣ, что, внѣ его ограды, боголюбивые люди сочли нужнымъ дать ему немного хлѣба, для продолженія странствованія. За этимъ вскорѣ слѣдовало и второе его бѣгство, ибо сперва онъ уклонился только отъ должности настоятельской и хотѣлъ водвориться въ уединеніи на Святой горѣ, но потомъ, видя, что и въ пустынѣ не можетъ обрѣсти желаннаго безмолвія, отъ молвы людской и непрестанныхъ посѣщеній, рѣшилъ совершенно оставить Аѳонъ.

Но, пришедши къ духовнику своему, на Черную гору, гдѣ думалъ обрѣсти подъ его сѣнію желанное успокоеніе, Георгій былъ встрѣченъ горькимъ укоромъ за то, что оставилъ ввѣренное ему отъ Господа стадо. Старецъ сирскій напомнилъ ему слова Господни Апостолу Петру: *любиши ли Мя?—паци овцы Моя,* — и велѣлъ немедленно возвратиться на Святую гору. Сынъ послушанія повиновался и, пришедши на Аѳонъ, по просьбѣ братіи, принялъ опять настоятельство. Нѣсколько времени управлялъ онъ обителью и, устроивъ дѣла монастырскія, снова удалился, чтобы

исключительно посвятить себя переводу Божественныхъ книгъ. А такъ какъ братія не хотѣла отпустить его, то онъ отплылъ въ Царьградъ, и тамъ, съ помощію царицы Маріи, испросилъ себѣ увольненіе отъ самого императора. Взялъ съ собою царскую увольнительную грамоту и хлѣба, сколько было нужно на трехъ человѣкъ, пошелъ онъ опять на Черную гору, гдѣ былъ принятъ всѣмъ братствомъ съ чрезвычайною любовію; но въ житіи его ничего уже не упоминается о строгомъ его духовникѣ, котораго, быть можетъ, не засталъ онъ въ живыхъ.

Вскорѣ послѣ сего, мать Багратова, царица Марія, отпущена была съ великою честію изъ Царьграда, на поклоненіе святымъ мѣстамъ, и прибыла въ Антиохію, гдѣ патріарху и намѣстнику велѣно было принять ее съ возможнымъ великолѣпіемъ. Но патріархъ и правитель, вмѣстѣ съ преподобнымъ Георгіемъ, который случился въ то время въ Антиохіи, разсудили, что неприлично матери царей иверскихъ ѣхать въ область сарацинскую, ибо святой градъ, по грѣхамъ христіанъ, находился тогда въ рукахъ невѣрныхъ. Сколь ни тяжело было такое запрещеніе, однако благочестивая царица, какъ покорная по духу дочь преподобнаго, со смиреніемъ приняла его совѣты, и только просила совершить за нее благочестивое странствованіе и раздать лично, въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, ту царственную милостыню, которую приготовила она для убогихъ церквей и обителей святаго града.

Это порученіе нелегко было для труженика, который болѣе всего искалъ уединенія и покоя, чтобы ничто не отвлекало его отъ перевода Божественныхъ книгъ: однако пріятно было ему исполнить и волю царственной своей дочери, для спасенія души ея. Вспомнилъ онъ и слова Апостола Павла, по слѣдамъ коего шель, для исполненія возложеннаго на него дѣла: *се нынѣ восхожу во Іерусалимъ,*

служити святымъ (Рим. 15, 25), и, при помощи Вожіей, съ однимъ лишь ученикомъ, благополучно прошелъ всѣ опасныя мѣста на пути къ святому граду. Вторично посѣтивъ Іерусалимъ, онъ имѣлъ утѣшеніе поклониться всѣмъ святымъ мѣстамъ и принять благословеніе отъ святыхъ отцевъ; милостыню же царскую роздалъ по всѣмъ убогимъ церквямъ и обителямъ. Въ то время блаженный отецъ Прохоръ, по волѣ царя иверскаго Баграта III-го, строилъ близъ Іерусалима монастырь святаго Креста, на томъ мѣстѣ, гдѣ срублено было древо для креста Господня. На устройство сей обители Георгій пожертвовалъ много денегъ, но благочестивый Прохоръ, какъ любитель духовнаго просвѣщенія, просилъ его пожертвовать въ обитель животворящаго Креста первый плодъ его перевода священныхъ книгъ, и Георгій, во исполненіе сей просьбы, посвятилъ обители дѣло рукъ своихъ — цвѣтную тріодь. Возвратившись на гору Черную, гдѣ ожидала его царица, преподобный утѣшилъ ее извѣщеніемъ объ исполненіи ея порученія, и она уже не возвратилась въ Царьградъ, но рѣшилась остатокъ дней своихъ провести въ Иверіи, при своемъ сынѣ, царѣ Багратѣ.

Послѣ сего, среди безмолвія Черной горы, блаженный Георгій весь погрузился въ боголюбивый трудъ свой и, при содѣйствіи благодати Духа Святаго, продолжалъ переводить священные книги. Трудился онъ, по большей части, ночью, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не оставлялъ иноческаго правила и церковныхъ службъ, не давалъ себѣ ни малѣйшаго покоя, и, какъ трудолюбивая пчела, готовилъ сладчайшій медъ въ своемъ ульѣ,—переложеніе всего Священнаго Писанія на языкъ иверскій, которымъ усладилъ этотъ дотолѣ несовершенный языкъ, и неоцѣненнымъ сокровищемъ обогатилъ свою Церковь. Все, что было до него переведено невѣрно или грубо, онъ очистилъ, какъ золото, въ горнилѣ своего ума; все, что было начато или

неполнѣ изложено блаженнымъ Евѳиміемъ, онъ докончилъ, распространилъ и тщательно сличилъ съ подлинниками греческими,—особенно книги Новаго Завѣта.

Мѣстомъ пребыванія Георгія были—то обитель святаго Симеона дивногорца, то пустыня Романова, или монастырь Калипость; неусыпными своими трудами равно изумлялъ онъ и грековъ, и грузинъ, и сирійцевъ. Часто призывалъ его къ себѣ, для духовной бесѣды, блаженный Іоаннъ, патріархъ антїохійскій, и совѣтовался съ нимъ не только о пользѣ душевной, но и о дѣлахъ церковныхъ,—особенно когда въ Антіохіи сгорѣлъ каѳедральный храмъ святаго Петра. Патріархъ сильно потрясенъ былъ симъ пожаромъ, но Георгій, словомъ утѣшенія, разсѣялъ душевную его скорбь. „Отче святыи!“ говорилъ ему Іоаннъ: „если бы не твое сладостное слово,—душа моя доведена была бы до унынія.“ Послѣ кончины этого кроткаго пастыря, мѣсто его на каѳедрѣ антїохійской заступилъ ученый мужъ Θεодоръ Вальсамонъ,—но вначалѣ онъ не имѣлъ духовной опытности, и заимствовалъ ее изъ бесѣды съ Георгіемъ.

Нѣкоторые изъ приближенныхъ къ патріарху стали внушать ему, что земля иверская, обращенная проповѣдію святой Пины, была крещена патріархомъ антїохійскимъ Евстаѳіемъ и его клиромъ, и долгое время находилась въ зависимости отъ этого престола, но впоследствии начала имѣть независимыхъ католикосовъ и не по праву вышла изъ подъ зависимости антїохійской Церкви, ибо никто изъ Апостоловъ лично въ ней не проповѣдывалъ. Патріархъ Θεодоръ спрашивалъ о томъ блаженнаго Георгія и предлагалъ ему употребить свое вліяніе, чтобы внушить царямъ иверскимъ снова подчинить Иверію престолу антїохійскому,—угрожая, въ противномъ случаѣ, жаловаться другимъ вселенскимъ патріархамъ, чтобы невѣжество народа иверскаго просвѣщено было правилами церковными. Но блаженный Георгій

смиренно отвѣчалъ патріарху: „Напрасно, владыко святой, упрекаешь ты кроткій и благочестивый народъ нашъ въ невѣжествѣ:—вотъ я, послѣдній изъ братій, дамъ тебѣ за нихъ отвѣтъ. Если сомнѣваешься касательно проповѣди Апостольской въ землѣ нашей, вели принести книгу, называемую Странствованія Апостола Андрея Первозваннаго, и тамъ найдешь истину.“

Патріархъ велѣлъ немедленно принести изъ книгохранилища эту книгу, и она была принесена находившимся при немъ Теофиломъ, родомъ изъ Грузіи, который впоследствии занялъ кафедру митрополии тарзской. Между тѣмъ Георгій говоритъ патріарху: „Ты хвалишься, владыко святой, что занимаешь кафедру верховнаго Апостола Петра: но мы — достояніе брата его, который самого Петра призывалъ ко Христу. Притомъ проповѣдывалъ намъ не одинъ Первозванный, но и другой изъ Апостоловъ—Симонъ Кананитъ, почивающій въ абхазской нашей землѣ, въ городѣ Никопсіи; съ тѣхъ поръ мы твердо стоимъ въ православіи и въ заповѣдяхъ Апостольскихъ. Мы, если должно, будемъ покоряться тебѣ, но, владыко,“—съ улыбкою продолжалъ онъ, — „не прилично ли и то, чтобы званный покорялся призвавшему его? Напрасно упрекаете вы насъ въ невѣжествѣ и легкомысліи: бывали и такія времена, когда православіе потрясено было въ предѣлахъ Греціи, и готскій епископъ принужденъ былъ искать себѣ рукоположенія у насъ,—въ престольномъ городѣ нашихъ царей и католиковъ, Мцхетѣ,—какъ описано это въ синаксарѣ.“ Патріархъ изумился глубокимъ познаніямъ и краснорѣчію святаго мужа и сказалъ своимъ епископамъ: „посмотрите, — одинъ простой инокъ побѣдилъ все наше собраніе; будемъ остерегаться, чтобы онъ не превзошелъ насъ не только словомъ, но и дѣломъ.“ Съ тѣхъ поръ и Теодоръ Вальсамонъ, подобно предмѣстнику своему, блаженному Іоанну, сталъ во

всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, совѣтоваться съ пришельцемъ иверскимъ, и весь клиръ и народъ антiохійскій начали любить его и уважать, какъ духовнаго своего отца и наставника.

Между тѣмъ, всѣ монастыри Черной горы, населенные преимущественно грузинами, напались очищавшимъ души ихъ потокомъ книгъ святаго Георгія; ибо каждая обитель переписывала для себя это сокровище. Болѣе же всѣхъ ревновалъ о томъ блаженный Антоній Липарить, изъ владѣтельнаго дома князей Орбеліановъ, который велѣлъ переписать новый переводъ Священнаго Писанія для монастыря своего—святаго Варлаама, въ Абхазіи. Когда вѣсть объ этомъ дошла до слуха благочестиваго царя Баграта, онъ написалъ отъ себя похвальную грамоту труженику Георгію, благодаря его за совершенный трудъ, которымъ мало-по-малу стали украшаться всѣ иверскія церкви, Баграть, его мать, царица Марія и сынъ Георгій, католикосъ и всѣ епископы Абхазіи и Иверіи, исполненные уваженія къ великому свѣтилу, востекшему на небосклонѣ отечественной ихъ Церкви, умоляли святаго, письменно и чрезъ посланниковъ, утѣшить родную землю своимъ присутвіемъ, чтобы всѣ они могли насладиться его лицезрѣніемъ.

Убѣдительное всѣхъ писала ему духовная дочь его, царица Марія, отъ лица своего сына: „Отче святой!“ говорила она: „тамъ, на Черной горѣ, мало нашихъ монастырей, ибо эта страна чуждая; но царство мое обширно и славно: много въ немъ каедръ епископскихъ и обителей иноческихъ, весьма именитыхъ. Да возбудить же Господь святость твою придти къ намъ, чтобы и мы получили отъ тебя благословеніе и просвѣщеніе духовное, и церкви наши исполнились животворящимъ потокомъ богодуховенныхъ твоихъ книгъ.“ Но Георгій не соглашался, опасаясь молвы

людской,—особенно же боялся, какъ бы не посвятили его, противъ желанія, въ санъ епископскій. Узнавъ о томъ, благочестивый Багратъ собственноручно удостовѣрилъ его, что не будетъ ничего сдѣлано вопреки его волѣ, и что одно только питаетъ онъ желаніе—заимствовать отъ старца просвѣщеніе духовное и ввѣрить себя, сына, царскій домъ и все свое царство святымъ его молитвамъ и духовному руководству.

Блаженный Георгій не могъ долѣе противиться столь искренней любви царской и усердному моленію: однакожь хотѣлъ, по всегдашнему своему обычаю, и на этотъ разъ испытать волю Божию, и, положивъ на престолъ два вопроса о томъ, идти ли ему въ Иверію, или нѣтъ, молитвенно взялъ съ престола одну изъ написанныхъ имъ хартій: жребій выпалъ — идти, и онъ сталъ собираться въ путь. Услышавъ о такомъ рѣшеніи, обрадовался царь Багратъ и послалъ къ нему собственнаго служителя Іоанна, съ конемъ и нужными деньгами, чтобы святой могъ взять съ собой и присныхъ своихъ учениковъ, о чемъ писалъ также патриарху и намѣстнику антиохійскому.

3. Путешествіе Георгія въ Грузію.

Здѣсь измѣняется самый образъ разсказа, и писатель житія какъ бы уже отъ своего лица пишетъ тѣмъ, кто просилъ его описать житіе преподобнаго. „Здѣсь конецъ нашему слову къ вышеупомянутымъ собратіямъ, которые убѣдили насъ описать жизнь святаго со дня его рожденія. О блаженнѣйшій! доселѣ ты зналъ все и только представлялъ, будто не знаешь жизни того, кто не скрывалъ отъ тебя ни одной іоты изъ сердечныхъ своихъ помысловъ. Теперь сообщу святынѣ твоей объ отъѣздѣ нашемъ на Востокъ (т.-е. въ Иверію), и о всемъ, что произошло до возвращенія въ столицу греческую и до преставленія свя-

таго. Такъ какъ ты настоятельно повелѣвалъ мнѣ, недостойному, написать о немъ что-либо приличное, то я вкратцѣ изложилъ все, что могъ. Слишкомъ далекъ я отъ святости блаженнаго Георгія,—какъ далекъ призракъ отъ человѣка: но повелѣніе твое заставляетъ меня описать, какъ мы совершили свой путь въ Иверію, и какова была блаженная кончина святаго. Я подобенъ лѣнивому путнику, который, не дошедши до предположеннаго мѣста, останавливается на пути, ибо постоянно кружусь около горы и не могу взойти на самую гору; но да будетъ со мною Христосъ, истинный Богъ, и святое твое благословеніе, чтобы мнѣ безпрепятственно шествовать по пути моего слова.“ Умолчалъ о себѣ невѣдомый писатель; неизвѣстно имя его, равно какъ и того лица, къ кому обращена его рѣчь: но можно предполагать, что это говоритъ блаженный затворникъ, духовникъ Георгія, если только былъ онъ еще живъ.

Оставляя дивную эту гору,—пишетъ онъ,—мы помолились надъ гробницею Симеона и Марѳы, и, въ напутствіе, отъ нихъ и отъ тебя получили святое благословеніе. Потомъ выѣхали изъ Антиохіи и приблизились къ рѣкѣ Евфрату; здѣсь узнали мы, что, по грѣхамъ нашимъ, турки овладѣли всею Месопотаміею и Сиріею, и поворотили къ Севастѣ, надѣясь, что тамъ все еще мирно, — однакожь турки и здѣсь опередили насъ и сожгли городъ. Не вѣдая о томъ, мы продолжали путь и едва было не попали въ руки враговъ; одно только милосердіе Божіе спасло насъ: ибо отовсюду слышался намъ голосъ: „куда идете?“ хотя, — Богъ свидѣтель,—не видно было никого, кто говорилъ бы намъ это; предостерегалъ насъ именно голосъ Ангела. Оставивъ большую дорогу, пошли мы малыми стезями, чрезъ дремучіе лѣса и непроходимыя ущелья: и, послѣ утомительнаго странствованія днемъ и ночью, достигли наконецъ Кесаріи, а оттуда направились уже къ морю, ибо идти

далѣе по сушѣ было невозможно. Такъ вступили мы въ Евхаитъ, гдѣ поклонились гробу святаго великомученика Теодора. Мѣстный епископъ, мужъ святой и благочестивый, благосклонно принялъ насъ и много бесѣдовалъ съ нами о спасеніи души. Изъ Евхаита пришли мы къ ближайшему приморскому городу Самисону и, здѣсь продавъ своихъ коней, на корабляхъ отплыли въ Абхазію, благополучно достигли до крѣпости Поты и, поднявшись по рѣкѣ Ріону, прибыли въ столичный городъ Кутаисъ во время винограднаго сбора.

Царь Багратъ въ то время находился въ Карталани и едва только узналъ о пришествіи святаго аввы, немедленно прислалъ одного изъ своихъ сановниковъ, чтобы послѣдній, съ великою честію, привелъ къ нему блаженнаго Георгія. Намъ сопутствовалъ епископъ кутаисскій Иларіонъ, смиренно ставшій въ число учениковъ аввы Георгія. За три часа разстоянія отъ столичнаго города Мцхета, царь Багратъ выслалъ къ намъ, для почетной встрѣчи, архіереевъ и сановниковъ своихъ, а самъ встрѣтилъ насъ въ дверяхъ своей палаты. Съ духовною радостію принялъ онъ благословеніе отъ святаго старца, ввелъ его за руку въ палату и, посадивъ возлѣ себя, сказалъ: „благословенъ Господь! нынѣ спасеніе всему моему царству, — ибо я удостоился видѣть втораго Златоуста,“ — и всѣ сановники говорили: „благословенъ Господь, явившій намъ такого мужа, для спасенія душъ нашихъ!“ Велика была радость во всемъ царствѣ.

Спустя мѣсяць послѣ нашего приѣзда, царь Багратъ, съ помощію Божіею одержалъ славную побѣду надъ мятежными князьями Абашидзе, которые, гордые своимъ богатствомъ, силою мышцы и множествомъ народа, долго воевали противъ него и домогались взять въ плѣнъ самого царя; но Багратъ плѣнилъ всѣхъ ихъ пятерыхъ, какъ безсильныхъ младенцевъ. Послѣ того, немедленно послалъ онъ

за святымъ аввою, чтобы сообщить ему свою радость, и, въ духѣ христіанскаго смиренія, отвѣчалъ на отеческое его привѣтствіе: „эта побѣда, отче святыи, дарована намъ твоими молитвами, ибо много разъ поднималъ я оружіе на непокорныхъ и никогда не имѣлъ успѣха: нынѣ же, ради твоего пришествія, совершилось чудо, и твоими молитвами возвеличилось мое царство.“ При этомъ открылъ ему царь всѣ лукавыя замыслы рода Абашидзевоу. Такъ какъ наступала уже зима, то Багратъ, по своему обычаю, собирался провести ее въ Абхазіи, на тепломъ поморіи, и просилъ святаго Георгія сопутствовать ему, чтобы отдохнуть зиму въ благорастворенномъ климатѣ. Но когда достигли они обители Мартвильской, въ Мингреліи, мѣстный епископъ чхондійскій, бывшій также ученикомъ аввы, не пустилъ его далѣе и умолялъ остаться у себя на зиму.

Весною царь Багратъ, возвращаясь въ Карталинію, опять пригласилъ съ собою святаго старца и, для его успокоенія, далъ ему въ лучшихъ мѣстахъ благоустроенныя лавры: сперва—обитель Недзви, въ Карталиніи, а потомъ—знаменитую лавру Шатберди, въ Кларджетѣ; но и тутъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться и, не смотря на ежедневныя свиданія, не могъ довольно насытиться сладостію рѣчей изъ медоточивыхъ его устъ: „Отче святыи!“ говорилъ ему царь: „для того мы и утруждали твою святость, чтобы ты исправилъ всѣ недостатки и заблужденія душъ нашихъ, чтобы тайное обличилъ тайно, а явное уврачевалъ явно, безъ всякаго лицепріятія,—ибо все, что ты ни повелишь, я приму какъ бы изъ устъ самихъ Апостоловъ.“ Царь подвелъ къ аввѣ старшаго своего сына Георгія и, положивъ его руки въ руки старческія, сказалъ: „вотъ отдаю тебѣ душу этого отрока, и потребую ее отъ тебя въ день судный, предъ Богомъ.“ Георгій благословилъ юнаго царевича и сказалъ: „Господь да благословитъ тебя и въ сей жизни

и въ будущей, и, какъ нѣкогда великому Константину, да покорить всѣхъ враговъ къ подножію ногъ твоихъ.“ Кромѣ того, написалъ онъ душеполезныя поученія и вручилъ ихъ отроку, чтобы этотъ постоянно читалъ ихъ, удаляясь отъ людей стропотныхъ и нечестивыхъ. Царевичъ съ любовію принялъ поученія святаго старца и во всемъ покорялся ему, какъ послушный сынъ доброму отцу.

Съ тѣхъ поръ начали постоянно притекать къ святому аввѣ и приносить предъ нимъ покаяніе въ грѣхахъ своихъ не только царь и католикосъ, но и сановники и пресвитеры, иноки и инокини, люди богатые и бѣдные, и до такой степени со всѣхъ сторонъ обступали его, что мы едва успѣвали принимать пищу. Просвѣщенный свыше, человѣкъ Божій просвѣтилъ всю свою страну, исправляя недостатки ея, тайныя и явныя. Первое свое обличеніе, безстрашно и нелицемѣрно, обратилъ онъ противъ самого Баграта, увѣщавая его, чтобы каедръ епископскихъ не ввѣрялъ онъ невѣждамъ и нечестивцамъ, привыкшимъ къ суетѣ міра и скитальнической жизни, но чтобы избиралъ людей достойныхъ, воспитанныхъ въ иночествѣ, подъ надзоромъ добрыхъ наставниковъ, дабы молитвами ихъ преуспѣвало въ мирѣ царство, и міряне не были осуждены за грѣхи духовныхъ. Святый старецъ поучалъ также царя о судѣ и правдѣ, внушая ему, чтобы, по слову Давида, оправдывалъ смиреннаго и убогаго и изъ лицепріятія не склонялъ вѣсовъ правосудія, особенно же — чтобы возлюбилъ онъ милостыню, ибо милость и правду любить Господь, и чтобы начиналъ исправлять безпорядки съ самого себя, и потомъ уже искоренялъ бы ихъ въ народѣ.

Подобнымъ образомъ наставлялъ святой старецъ и иноковъ, и инокинь, и весь народъ, и свои наставленія предлагалъ въ видѣ поученій, какія соотвѣтствовали ихъ званію: невѣждамъ напоминалъ онъ о нуждѣ познанія, богатымъ

внушалъ милосердіе, бѣднымъ—терпѣніе, и не съ пустыми руками отпускалъ онъ своихъ слушателей; но укрѣплялъ и возставлялъ онъ падшихъ, исцѣлялъ уязвленныхъ стрѣлою невидимаго врага, спасалъ утопающихъ въ волнахъ страстей, не допуская ихъ до конечной гибели, и, какъ искусный кормчій, направлялъ всѣхъ къ безбурной пристани. — Знаю, святой отче, — говоритъ писатель житія его, — что ты желаешь узнать отъ меня и то, какъ совершилось собраніе сиротъ, и какимъ образомъ блаженный Георгій совокупилъ во едино такое множество ихъ.

Сперва нашли мы, что присные великаго аввы на своей родинѣ бѣдствуютъ: это были два его племянника, — сыновья его сестры, и малолѣтнія ихъ дѣти. Георгій принялъ ихъ, по словамъ Писанія: *приснаго рода твоего да не отвергнешь*. Другихъ сиротъ собралъ онъ изъ чуждыхъ мѣстъ: тѣхъ обрѣлъ въ пустынѣ, этихъ выкупилъ изъ рабства, или спасъ отъ гибели нравственной, и отъ такого паденія возвелъ ихъ на степень пресвитеровъ Христовыхъ. Слухъ о томъ, что Георгій призрѣваетъ сиротъ, распространился по всей Иверіи, и дѣти начали собираться къ нему отовсюду: иныхъ приводили родители и иногда тайно оставляли у дверей его дома, другіе сами бѣжали отъ родителей въ тихое пристанище, — и такимъ образомъ собралось ихъ до сорока человѣкъ. Къ собранію этихъ сиротъ было много причинъ: во-первыхъ, богоподражательное его милосердіе, во вторыхъ, сильное его желаніе, чтобы народъ еще въ дѣтствѣ изучалъ, переведенное имъ на родной языкъ, Священное Писаніе, — ибо нѣжная природа дѣтскаго возраста, какъ мягкій воскъ, удобно пріемлетъ всѣ впечатлѣнія, и юные ученики могли со временемъ сами сдѣлаться учителями. Георгій и не обманулся въ своемъ ожиданіи. Была еще и третья причина: самъ онъ, на Святой горѣ, проходя сперва должность діакона, а потомъ настоятеля, много видѣлъ под-

виговъ, совершаемыхъ ея иноками,—но земля наша далеко отъ этой Святой горы: немного ученыхъ мужей прїѣзжало отсюда къ намъ, а кто и прїѣзжалъ, тотъ въ скоромъ времени возвращался. Блаженный Георгій желалъ собранныхъ имъ дѣтей, какъ словесное стадо и чистѣйшую жертву, привести къ святому отцу нашему Евѡимію и сдѣлать ихъ пѣвцами или чтецами въ святой его церкви, чтобы память богоносныхъ мужей совершалась здѣсь торжественно (слова эти показываютъ, что самъ писатель житія обиталъ на Аѡонѣ, въ лаврѣ Иверской).

Георгій пребывалъ въ землѣ иверской пять лѣтъ: многія епископскія каѡедры и иноческія обители переписали его переводъ Священнаго Писанія; многое исправилъ онъ въ церковныхъ обрядахъ и всѣмъ показалъ путь къ вѣчной жизни, объяснивъ заповѣди и церковныя правила письменно и словесно. Такъ умножилъ онъ данный ему отъ Бога талантъ, — ибо просвѣщеніе и принесеніе столькихъ душъ въ жертву Богу едва ли не выше было и чуднаго его перевода Божественныхъ книгъ: блаженный Георгій довершилъ дѣло проповѣди святыхъ Апостоловъ Андрея и Симона, ибо Первозванный прошелъ всю страну нашу, а Кананитъ совершенно вселился въ ней, такъ какъ въ Никопсіи почиваютъ святые его мощи *).

Въ это время, въ наказаніе за грѣхи наши, возсталъ изъ Вавилона второй Навуходоносоръ,—султанъ сельджукидовъ Альпъ-Арсланъ, и явился въ Ахалкалаки, что въ Джавахетіи, гдѣ были собраны всѣ сироты блаженнаго отца. Однажды, около полудня, сидѣли мы въ келліи Георгія: внезапно на лицѣ его выразились сперва изумленіе, потомъ испугъ, и онъ, сказавъ: „на этотъ городъ идетъ

*) Древній храмъ на мѣстѣ погребенія св. Апост. Симона находится нынѣ въ предѣлахъ нашего ново-аѡонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря. См. кн. Архим. Леониды: Абхазія и ея христіанскія древности Изд. 2. М. 1887.

гнѣвъ Божій,“ — немедленно велѣлъ всѣмъ собраться въ путь. Къ вечеру мы уже вышли изъ города, а чрезъ три дня, дѣйствительно, постигъ его гнѣвъ Божій: не только жители его, но и знаменитѣйшіе сановники земли иверской — всѣ погибли подъ мечомъ. Благочестивый Багратъ впалъ въ уныніе; человекъ Божій, словомъ утѣшенія, разсѣялъ душевную его тоску, и самъ царь сознавался впослѣдствіи, что умеръ бы отъ печали, если бы не видѣлъ святаго старца.

4. Кончина Георгія.

Между тѣмъ, по откровенію свыше, Георгій уразумѣлъ, что уже приблизилось время его кончины, и онъ подвигся духомъ идти на Святую гору, чтобы положить кости свои тамъ, гдѣ возсіялъ ему свѣтъ разума Божественныхъ Писаній, и утвердилъ собранныхъ имъ чадъ въ оградѣ святаго Евеимія. Но какъ нѣкогда сему великому аввѣ, такъ и самому Георгію суждено было окончить дни свои не на Святой горѣ, а въ престольномъ градѣ.

Георгій, прежде чѣмъ предпринялъ послѣднее свое путешествіе, посѣтилъ благочестиваго царя Баграта, чтобы выразить ему свою благодарность за радушный пріемъ и объявить о своемъ удаленіи; онъ исполнилъ это словами, проникнутыми Божественною мудростію. „Государь!“ говорилъ Георгій: „я покорился твоему повелѣнію и оставилъ землю, которая не входила въ планъ моихъ подвиговъ, и гдѣ отдыхалъ я отъ многихъ тревоженій міра; послушайся нынѣ и ты моего убожества, и отпусти меня опять, какъ и прежде, въ землю моего странствованія, напутствуй туда твоими молитвами и благословеніями, да достигну я мѣста погребенія духовныхъ моихъ отцевъ, какъ нѣкогда кости родоначальника Іакова, скончавшагося въ Египтѣ, и кости Іосифа, по завѣщанію ихъ, перенесены были въ землю обѣтованную, въ общую гробницу отцевъ

ихъ Авраама и Исаака. Если благочестіе твое что-либо приобрѣло отъ моего присутствія, и устроилось твое царство, то это дѣло принадлежитъ тебѣ, ибо призвалъ меня ты, а не самъ я къ тебѣ явился. Вотъ и грамота твоя, нѣкогда ко мнѣ писанная, которою ты, какъ царь этой земли, обѣщаль мнѣ безопасность и полную свободу: итакъ, отпусти меня нынѣ къ царю вселенной, въ Царьградъ, собирающій и упокоивающій всѣхъ труженниковъ.“

Умилился царь и пролилъ много слезъ, со всѣми своими сановниками и епископами. Напрасно старался онъ умолить старца, чтобы тотъ остался въ родной землѣ: Георгій пребылъ непреклоннымъ. Наконецъ державный Багратъ долженъ былъ отпустить его и отпустилъ съ великими дарами. Все царство скорбѣло о немъ,—всѣ, какъ дѣти, плакали о лишеніи отца своего, ибо всѣ сановники и епископы были духовными его чадами. Царь вручилъ ему письмо къ императору Константину Дукѣ, который, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, просилъ царевну Марю въ невѣсты сыну своему,—и царица Марія, прощаясь съ Георгіемъ, напомнила ему о давнемъ его предсказаніи. Со святымъ старцемъ отпущены были инокъ Петръ, бывшій нѣкогда патрикіемъ, Ааронъ и другія лица, духовныя и свѣтскія. Плаваніе ихъ хотя было бурно, такъ что всѣ отчаявались за жизнь, однакожь, молитвами преподобнаго, благополучно достигли они Константинополя.

Императоръ обрадовался прибытію святаго мужа и на другой же день пригласилъ его въ свои палаты. Георгій привѣтствовалъ какъ его, такъ и сына его, кесаря, похвальною рѣчью исполненною искренности и смиренія,—и державный подивился краснорѣчію его. „Благодарю севастоса Баграта,“ сказалъ онъ патриарху константинопольскому, „что приелалъ онъ намъ человѣка, подобнаго Ангеламъ, который хотя родомъ и грузинъ, но во всемъ слѣдуетъ

обряду нашему. “ Изъ грамоты же Багратовой еще болѣе увѣрился онъ въ достоинствѣ святаго мужа, ибо Багратъ писалъ, что онъ „посылаетъ къ нему учителя всей Иверіи уподобившагося безплотнымъ, который своими молитвами утвердитъ вселенское его царство. “ Посему императоръ объявилъ Георгію, что исполнить всѣ его желанія, и вступилъ съ нимъ въ духовную бесѣду о дѣлахъ церковныхъ и обрядахъ вѣры.

Въ то время, при царскомъ дворѣ находилось много именитыхъ мужей, изъ числа римлянъ и армянъ, и самъ послѣдній царь армянскій — Гагикъ, бѣжавшій въ Царьградъ изъ покоренной сарацинами столицы его Ани. Императоръ, въ присутствіи ихъ, спрашивалъ святаго старца о различіи исповѣданій, извиняясь тѣмъ, что, какъ державшій всегда мечъ и скипетръ, онъ мало знакомъ съ предметами церковными, хотя, по настоящему, православіе должно утверждаться отъ царей. Константинъ желалъ знать, во всемъ ли согласна Церковь иверская съ православною Церковію греческою, — и весьма былъ утѣшенъ, когда святой Георгій, ясными доказательствами, засвидѣтельствовалъ, что Церковь иверская, принявши однажды православіе, никогда отъ него не отступала. Императоръ возблагодарилъ за это Бога, и потомъ спрашивалъ еще о разности, какая существуетъ въ догматахъ и обрядахъ между греками, римлянами и армянами; — на всѣ эти вопросы авва Георгій давалъ ему удовлетворительные отвѣты, такъ что державный, святитель и сановники изумлялись ясности, съ какою излагалъ имъ Георгій самыя глубокія истины и то, чего не могли изъяснить имъ ни римляне, ни армяне.

Архимандритъ Иверской лавры и Аѳонской горы, Георгій, находился тогда въ Царьградѣ; этотъ человекъ, добрый и праведный, весьма обрадовался, узнавъ о возвращеніи святаго Георгія, котораго зналъ на Святой горѣ. „Благословенъ Богъ!“ говорилъ старецъ: „Самъ Господь

привелъ тебя обратно къ намъ; вотъ и монастырь твой предъ тобою.“ На другой день, опять потребовали Георгія и бывшихъ съ нимъ къ императору; съ ними вмѣстѣ предсталъ предъ лицо царское и архимандритъ. При этомъ державный сказалъ Георгію: „Иди, благочестивый старецъ, опять въ свою обитель, и тамъ воспитывай твоихъ сиротъ;—ибо такъ писалъ намъ о тебѣ братъ нашъ севастось Вагратъ; доброе дѣло, что онъ прислалъ къ намъ настоятеля лавры Иверской. Но покажи мнѣ твоихъ сиротъ, чтобы я могъ оказать имъ милость; исполню и всѣ другія твои просьбы, какія только предложишь мнѣ.“

Наступилъ праздникъ святаго Іоанна Предтечи: мы пошли въ обитель Студійскую поклониться честной его главѣ, и пріобщившись тамъ Святыхъ Таинъ, возвратились на свое подворье Ксеалонъ. Доселѣ, блаженнѣйшій, ровень и пріятень былъ путь моего слова, но теперь лучше бы мнѣ умолкнуть, ибо сердце мое стѣсняется и руки дрожатъ, когда помышляю о сиротствѣ своемъ. Какъ опишу тебѣ послѣдніе дни жизни моего аввы и прощальныя рѣчи? Но, послушанія ради, подвигну слабый языкъ мой и доскажу свою повѣсть.

Святой отецъ нашъ предчувствовалъ блаженную свою кончину, когда, на обратномъ пути изъ обители Студійской, началъ изнемогать, и когда мы думали, что это только отъ одной усталости, ибо святой авва имѣлъ обычай—на самыя отдаленныя богомолія ходить не иначе, какъ пѣшкомъ. За два дня до праздника святаго Апостоловъ, онъ сказалъ намъ: „будьте готовы взять съ собою моихъ сиротъ, чтобы представить ихъ царю,“—такъ какъ намъ было уже объявлено опредѣленіе царское, что сироты должны предстать предъ лицо царя внѣ города,—въ долину, называемой Филопатросъ. Потомъ Георгій присовокупилъ: „если не увидимъ его сегодня, то завтра это будетъ уже не въ нашихъ рукахъ;“—мы не поняли тогда значенія его словъ.

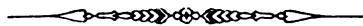
Старецъ, безъ посторонней помощи, легко сѣлъ на коня и также свободно сошелъ съ него, въ предназначенной долинь, гдѣ ожидали мы возвращенія царскаго. Когда императоръ и сынъ его приблизились верхами, всѣ мы пали на землю и пропѣли ему многолѣтіе. Державный изумленъ былъ множествомъ сиротъ и ихъ малолѣтствомъ, ибо нѣкоторымъ было едва ли по семи лѣтъ: и всѣ они были облечены въ короткія монашескія мантии. Державный похвалилъ милосердіе страннoлюбиваго старца.

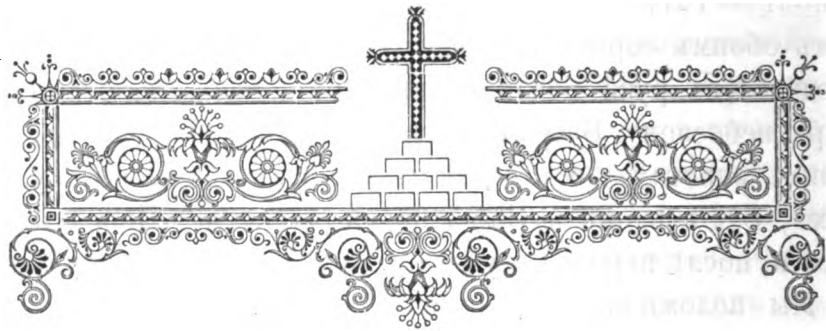
Тутъ блаженный Георгій подалъ челобитную царю и сказалъ ему: „Я собралъ этихъ сиротъ въ Иверіи и научилъ ихъ имени Божію, а нынѣ представилъ ихъ предъ лицо царскаго твоего величества. Воспитывай ихъ по своему благоволенію и охраняй, какъ молитвенниковъ о душѣ твоей, ради благоденствія собственныхъ твоихъ чадъ.“ Съ императоромъ стояли три его сына и царь армянскій, съ сановниками римскими. Вручивъ челобитную, Георгій присовокупилъ: „послѣ Бога, предаю ихъ тебѣ.“ Императоръ велѣлъ сиротамъ прочесть часы, чтобы испытать ихъ въ чтеніи, но блаженный велѣлъ имъ, вмѣсто того, пропѣть отходную пѣснь святаго Сумеона Богопріимца: *нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко*, — знаменуя тѣмъ близкое свое отшествіе къ Богу. Это знаменательное слово мы поняли, однакожь, только на другой день, когда старецъ уже скончался.

Наканунѣ праздника верховныхъ Апостоловъ, когда никто не ожидалъ всѣхъ насъ поразившаго горькаго удара, мы нечаянно узнали, что блаженный отецъ нашъ тихо представился къ Богу, — и никто изъ насъ не былъ свидѣтелемъ мирной его кончины. Прежде всѣхъ узналъ о томъ бывшій патрикій, священноинокъ Петръ, пламенно любившій своего наставника. Исполненный скорби, пришелъ онъ передать плачевную вѣсть императору. „Миръ державѣ твоей,“ сказалъ онъ, „и многая тебѣ лѣта, съ царственнымъ твоимъ

сыномъ!—Тотъ святой инокъ, который еще вчера вручалъ вамъ обоимъ сорокъ безпріютныхъ сиротъ, нынѣ уже самъ предался въ руки Божіи и отъ царя земнаго перешелъ къ Царю небесному. Вчера онъ умолялъ тебя о покровительствѣ своимъ сиротамъ, а сегодня самъ молится за тебя Отцу сирыхъ, Судіи вдовъ и Царю царей земныхъ.“ Прослезился царь и, послѣ перваго изумленія, за все воздалъ хвалу Богу.

Мы положили священные останки блаженнаго Георгія въ ковчегъ изъ негниющаго дерева и отплыли моремъ на Святую гору, куда благополучно и достигли. Святогорцы благосклонно приняли насъ, какъ своихъ присныхъ братій, а святаго отца нашего, хотя уже усопшаго, - какъ бы живаго наставника, ибо изъ прежнихъ его учениковъ въ лаврѣ Иверской оставалось въ живыхъ еще много. Съ тѣми же почестями, съ какими нѣкогда встрѣчали они блаженные останки Евѣиміевы, встрѣтили и раку Георгіеву: на рукахъ іерейскихъ принесли ее въ церковь и поставили предъ гробницею святаго Евѣимія, а оттуда перенесли въ церковь Всѣхъ Святыхъ, гдѣ оставалась эта рака около года, доколѣ не пришло повелѣніе отъ патрікія Петра и достопо-чтеннаго настоятеля нашего Георгія Ольтисели, котораго утвердилъ императоръ въ этомъ званіи послѣ кончины блаженнаго. Оба они приплыли на гору Аѳонскую; въ ихъ присутствіи открыта была гробница великаго ктитора лавры, Георгія Торникія, и петлѣнные останки святаго старца Георгія, вынутые изъ ковчега какъ бы совершенно живыми, положили въ одну мраморную гробницу съ Торникіемъ, какъ останки втораго ктитора лавры. Погребеніе ихъ совершилось 24-го мая 1067 года; но лавра Иверская установила совершать память Георгія 30-го іюня, въ день дванадесяти Апостоловъ, ибо, за равноапостольные его подвиги, причла его къ ихъ лику, какъ тринадцатаго.

М А Я 13.

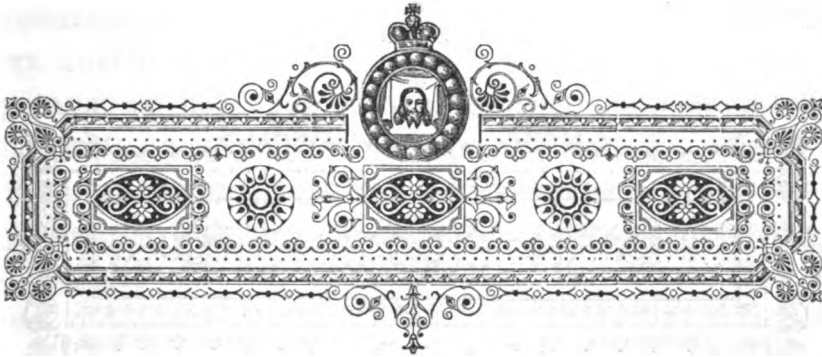
Память преподобнаго
ГАВРИЛА ИВЕРСКАГО *).

Преподобный Гавриилъ былъ родомъ изъ Грузіи (Иверіи), отшельнически подвизался въ предѣлахъ Иверской обители, и за высоту своей жизни удостоился услышать Божественный гласъ, повелѣвавшій ему сойти съ неприступныхъ высотъ, гдѣ онъ подвизался, на море, и принять съ онаго чудотворную икону Госпожи Богородицы Портаитиссы **).

*) Изъ Ἀχολοῦβια τῶν ἁγιορειτῶν πατέρων.

**) Какъ о сей, такъ и другихъ чудотворныхъ аеонскихъ иконахъ не говоримъ здѣсь пространно, потому что связано о нихъ въ особой повѣсти собственно о всѣхъ аеонскихъ чудотворныхъ иконахъ. См. книгу подъ названіемъ: «Вышній покровъ надъ Аеономъ.» М. 1892.

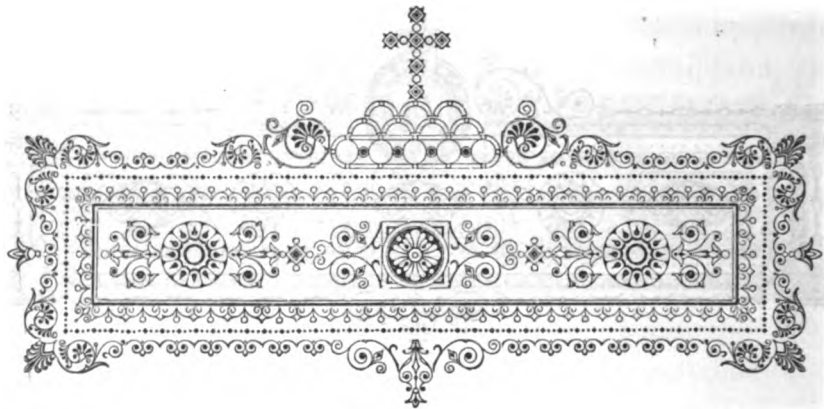
МАЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

Память св. преподобномучениковъ —
И В Е Р С К И Х ъ.

Святые эти преподобномученики пострадали отъ папистовъ, разорявшихъ святуя Аѳонскую гору въ царствованіе византійскаго императора Михаила Палеолога (1260—1281 г.). За дерзновенное обличеніе латиномудренныхъ въ ереси, одни изъ мужественныхъ иноковъ обители Иверской были ввержены еретиками въ море, а другіе отведены въ плѣнь.

Память ихъ въ Иверѣ совершается 13 мая. Общая же память св. новомучениковъ празднуется на св. Аѳонской горѣ въ недѣлю 2-ю по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ.

Подробное сказаніе о сихъ св. преподобномученикахъ Иверскихъ см. въ „Повѣсти о нашествіи папистовъ на Святуя гору,“ помѣщенной нами подъ 10-мъ октября, во 2-й части Аѳ. Патерика.

М А Я 21.

**Страданіе святаго преподобномученика
ПАХОМІЯ *).**

Святыи преподобномученикъ Пахомій былъ родомъ изъ Малой Россіи, сынъ благочестивыхъ родителей. Въ молодости похитили его татары и продали одному турку, по ремеслу кожевнику, который и увезъ его съ собою въ свою отчизну, въ такъ называемое мѣстечко Усаки, находящееся въ области Филадельфійской (въ Малой Азій). Мусульманинъ, научивши юношу мастерству своему, всячески старался увлечь сего невиннаго въ магометанство; но Пахомій, хорошо понимая ремесло и прилежно занимаясь имъ, гнушался и слышать не хотѣлъ о нечестивомъ ученіи Магомета. Напрасно неистовый турокъ употреблялъ палочныя побои, угрозы и голодъ, — юный Пахомій за благочестіе все это выносилъ съ радостію и твердостію духа. Такимъ образомъ, цѣлыхъ 27 лѣтъ оставался онъ въ рабствѣ и плѣну, служа жестокому господину съ полнымъ усердіемъ

*) Изъ Νεον Μαρτυρολόγιον.

и преданностию. Между тѣмъ, агарянинъ, видя, что не можетъ подѣйствовать на сердце мужественнаго юноши ни угрозами, ни побоями, ни пытками, пустился на сатанинскія хитрости: у него была дочь—дѣвица, и ее-то онъ задумалъ употребить орудіемъ къ увлеченію Пахомія въ отступничество отъ вѣры Христовой. Турокъ началъ ласкать его, уговаривать и, предлагая ему въ замужество дочь свою, обѣщался сдѣлать полнымъ наслѣдникомъ всего своего имущества; но дѣвственный юноша съ твердостью и презрѣніемъ отвергъ ласки и предложенія своего господина, предпочитая цѣломудріе всѣмъ сокровищамъ міра и повторяя въ сердцѣ своемъ Апостольское слово: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовы; скорбь или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или мечь* (Римл. 8, 35). Наконецъ, господинъ его, видя непремѣнность его мысли, освободилъ его и далъ ему позволеніе идти, куда хочетъ. Пахомій прославилъ Господа и уже совсѣмъ было готовился въ нуть, какъ вдругъ опасно заболѣлъ. Между тѣмъ, сосѣдніе турки узнавъ о всемъ, что происходило съ Пахоміемъ и, не желая выпустить его изъ своихъ рукъ, захотѣли самую болѣзнь его употребить въ свою пользу. Собравшись въ домъ, гдѣ лежалъ въ болѣзни юноша, они ложно разгласили, что во время болѣзненныхъ припадковъ онъ отрекся отъ Христа и далъ имъ слово потурчиться, какъ скоро поправится въ силахъ. Вслѣдствіе сего, когда онъ началъ поправляться отъ болѣзни, его насильно одѣли въ турецкое платье, не совершивъ впрочемъ обряда обрѣзанія. Какъ ни отвращался какъ ни отрицался и какъ ни проклиналъ Магомета и его ученіе Пахомій, турки слышать не хотѣли, твердя одно, что онъ уже однажды навсегда отрекся отъ своей вѣры и принадлежитъ ихъ проку. Дѣлать было нечего: Пахомій въ негодовапіи удался оттуда въ Смирну подъ видомъ купца, и тамъ сбросилъ

сивъ съ себя турецкое платье, отправился на святую Аѳонскую гору, гдѣ, близъ Свято-Павловской обители, у одного добродѣтельнаго старца Іосифа, имѣвшаго особенный даръ разсужденія, и провелъ 12 лѣтъ въ послушаніи, принявъ отъ него ангельскій образъ, и исповѣдавши все, что съ нимъ происходило и что случилось въ минувшихъ годахъ. Въ это самое время въ Кавсокаливскомъ скитѣ славился чудною жизнію преподобный Акакій. Пахомій неоднократно слыхалъ о великомъ его подвижничествѣ и, желая по силамъ подражать ему и научиться опытомъ иночества, переселился туда, шесть лѣтъ провелъ подъ руководствомъ преподобнаго Акакія, питался трудами рукъ своихъ, такъ что наконецъ и самъ сдѣлался образцемъ истинно подвижнической жизни и украшеніемъ своего времени. Слѣдствіемъ сего и было то, что всѣ его любили и пользовались назидательнымъ примѣромъ жизни его.

Но между тѣмъ какъ такимъ образомъ Пахомій восходилъ отъ силы въ силу духовной жизни, сердце его невольно трепетало, когда смущенный помысль приводилъ ему на мысль—не отрекся ли онъ въ самомъ дѣлѣ Христа въ болѣзненномъ припадкѣ и въ безпамятствѣ. Вѣдь безъ повода турки не могли же привязаться ко мнѣ, думалъ онъ, и облечь меня въ одежды зеленаго цвѣта, который принадлежитъ собственно торжеству нечестивой ихъ вѣры. Долго не могъ онъ преодолѣть душевнаго своего волненія и наконецъ открылся въ томъ своему духовному старцу, прося у него благословенія на мученичeskій подвигъ. Старецъ, полагая, что это слѣдствіе гордости, а не благодатныхъ дѣйствій Духа, укорилъ его, побранилъ и выгналъ отъ себя. Не смотря однакожь на то, Пахомій въ теченіе цѣлаго года докучалъ своему старцу желаніемъ мученичества, и цѣлый годъ старецъ билъ его, уничижалъ и томилъ канонами, думая, что Пахомій страдаетъ отъ

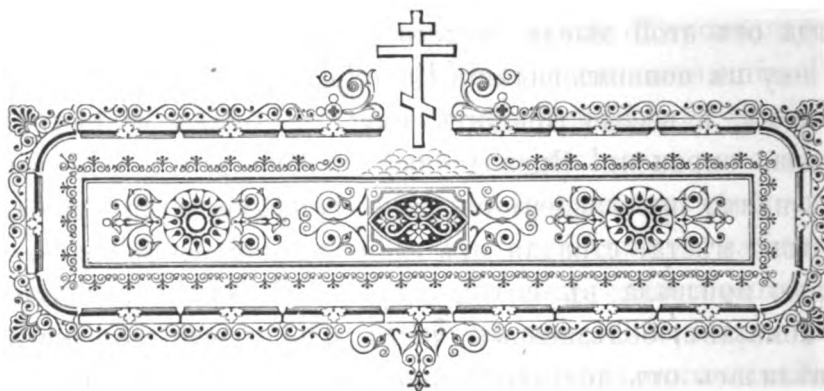
духа гордости. Наконецъ видя, что эта мысль не оставляетъ Пахомія, вмѣстѣ съ нимъ обратился съ молитвою къ Богу, прося открыть святую Его волю, а потомъ оба они обратились къ совѣтамъ извѣстныхъ тогда старцевъ, особенно же дивнаго Акакія, которые и благословили юношу на желаемый подвигъ. Итакъ, Пахомій, въ сопровожденіи своего старца Іосифа, отправился со Святой горы къ прежнему своему господину, въ мѣстечко Усаки. Тамъ турки тотчасъ узнали Пахомія, и лишь только появился онъ, схватили его и представили къ своему эфенди, начальнику мѣстечка, объявляя, что Пахомій былъ въ рабствѣ у ихъ сосѣда и по собственной волѣ отрекся Христа, вслѣдствіе чего и принять ими въ магометанство, и прилично одѣтъ, а теперь измѣнилъ своему слову, и является въ монашескомъ христіанскомъ платьѣ. Правда ли это? спросилъ эфенди Пахомія.—Лжецы ложь и говорятъ, дерзновенно отвѣчалъ святой мученикъ. Даже и на мысль не приходило мнѣ отречься Христа Бога истиннаго, продолжалъ онъ. Если бы и всѣ безчисленные виды мукъ истощили они надо мною, и придумали разные роды смерти, ничто не заставило бы меня никогда отречься христіанской вѣры, которую исповѣдую истинною, а вашу ложною и нечестивою! Терять времени и словъ съ тобою нечего, вскричалъ въ бѣшенствѣ судья: или сбрось съ себя эти одежды и, какъ далъ прежде слово,—будь нашъ, или ждетъ тебя самая мучительная смерть. Выбирай любое! Когда святой Пахомій избралъ послѣднее, его отвели въ темницу, гдѣ онъ и пробылъ двое сутокъ безъ пищи, безъ питія и безъ утѣшеній со стороны христіанскаго слова. Наконецъ на третій день судьи рѣшили умертвить святаго. Эту вѣсть передалъ ему тюремный надзиратель. Съ чувствомъ невыразимой радости, прославляя Бога, выслушалъ эту вѣсть святой мученикъ, и всю слѣдующую ночь провелъ

въ славословіи и молитвенномъ подвигѣ. Утромъ, когда представили его къ суду для конечнаго истязанія, Пахомій съ прежнимъ дерзновеніемъ исповѣдалъ Господа Иисуса, за что и былъ отданъ исполнителямъ смертнаго приговора. Когда повлекли его связаннаго на мѣсто казни, множество турокъ и христіанъ слѣдовали за нимъ: первые изъ нихъ неистовствовали надъ страсотерпцемъ, оплевывая и понося его, а послѣдніе, то есть христіане желали видѣть блаженную его кончину. Тогда какъ въ тайной молитвѣ молился за всѣхъ, святой Пахомій, достигши мѣста своей смерти, преклонилъ колѣна, палачъ не хотѣлъ обезглавить его и шепталъ ему въ полголоса, чтобъ не губилъ напрасно своей жизни, а лучше отрекся бы своего Христа и наслаждался земнымъ блаженствомъ, которое предоставляетъ ему Магометъ и вѣрныя его рабы. — Дѣлай то, что тебѣ приказано, отвѣчалъ святой Пахомій, и не теряй напрасно времени! и святая глава дивнаго страсотерпца была отсѣчена! Такимъ образомъ Пахомій получилъ славный вѣнецъ мученичества: святая мощи его чрезъ три дня взяты были христіанами и честно похоронены. А палачъ, едва только отсѣкъ голову мученика, тотчасъ взбѣсился, кричалъ и выпускалъ пѣну, бѣгалъ по городу и послѣ немногихъ дней умеръ. Въ то время, когда такъ торжественно и дивно страдалъ за Христа святой Пахомій, старецъ его Іосифъ скрывался отъ страха турокъ, потомъ узнавъ, что ученикъ его усѣченъ, прославилъ Господа, пришелъ на мѣсто, гдѣ лежало страдальческое тѣло его, поклонился и, заливаясь слезами, сказалъ: итакъ, мой возлюбленный Пахомій, ты достигъ и получилъ желаемое; молись же теперь Господу о мнѣ и о всѣхъ призывающихъ тебя въ помощь. Когда, наконецъ, похоронили святая мощи мученика и старецъ его Іосифъ чрезвычайно тревожился мыслию, чтобъ не провѣдали о немъ турки, и

когда отъ этой мысли трепеталъ онъ и ужасался, является ему въ сонномъ видѣніи Пахомій, осіяваемый небеснымъ свѣтомъ, и весело говоритъ ему: не бойся, старецъ! ты будешь охраненъ! Преподобный мученикъ Пахомій тогда же видимо прославленъ отъ Бога чудесами: одна христианка того мѣста, страдая отъ юности головою болѣзнію, съ вѣрою призвала въ помощь преподобномученика Пахомія и, помазавъ болѣзненные части кровію его, совершенно исцѣлилась отъ долговременной своей болѣзни. Въ признательность за то, она передала на святую Аѳонскую гору извѣстіе о святомъ мученикѣ и объ исцѣленіи своемъ, прося тамъ написать святую икону его и прислать ей въ благословеніе, что и было исполнено, въ честь и память святаго преподобномученика Пахомія, въ славу же Христа Бога, со Отцемъ и Духомъ Святымъ славимаго. Аминь.

Святой Пахомій пострадалъ 1730 года, мая 8, въ день Вознесенія; однако память его въ греческихъ минеяхъ (изданныхъ въ Константинополѣ въ 1842—43 г.) положено праздновать въ 21 сего мѣсяца. Святыя мощи его находятся на островѣ Патмосѣ, въ монастырѣ святаго Іоанна Богослова.

М А Я 28.

**Память преподобнаго отца нашего
ІОАННИКІЯ,
архієпископа сербскаго *).**

Преподобный Іоанникій, сынъ благочестивыхъ родителей, еще въ юности оставилъ міръ и по любви ко Господу нашему Іисусу Христу, возлюбивъ цѣломудренное житіе, принялъ на себя монашескій образъ.

Онъ былъ ученикомъ св. Саввы втораго **), еще до избранія его на архієпископскій престолъ Сербской Церкви, который очень любилъ преподобнаго за его добродѣтельное житіе. Посему Іоанникій сопутствовалъ своему старцу св. Саввѣ во святыи градъ на поклоненіе живоносному гробу Господню. Въ Іерусалимѣ, по желанію св. Саввы, преподобный Іоанникій былъ рукоположенъ во діакона и затѣмъ удостоенъ и благодати священства. Возвратившись затѣмъ изъ путешествія, св. Савва и ученикъ

*) Животи краљева и архієпископа српскихъ. Даниячичъ. Загребъ. 1866 г.

**) Память его февраля 8.

его препод. Іоанникій поселились въ св. Аѳонской горѣ, гдѣ довольно времени подвизались о Господѣ въ пустынныхъ трудахъ и постничествѣ, претерпѣвая гоненія и скорби, а нерѣдко и мученія отъ разорявшихъ тогда Святую гору безбожныхъ разбойниковъ · корсаровъ. Наконецъ, по смотрѣнію Божию, св. Савва пожелалъ возвратиться въ свое отечество Сербію, взявъ съ собою и преподобнаго Іоанникія, съ которымъ не хотѣлъ разлучиться какъ съ своимъ многолѣтнимъ сподвижникомъ и сподвижникомъ. Но любовь къ любезному уединенію сильно влекла преподобнаго Іоанникія опять на Святую гору. Страданія, принимаемая имъ тамъ отъ варваровъ, преподобный вмѣнялъ себѣ въ подвигъ, которымъ желалъ подражать Пострадавшему ради спасенія міра—Господу. Посему съ благословенія преосвященнаго Саввы возвратился онъ на Аѳонъ къ своимъ любезнымъ трудамъ. По возвращеніи преподобный сталъ подвизаться еще усиленнѣе, такъ что житіе его было хвалимо всѣми живущими на Святой горѣ, ибо видѣли его во всякомъ дѣлѣ искуснымъ и могущимъ послужить пользѣ многихъ, почему игуменъ Хиландарской лавры пожелалъ поставить его экономомъ сей обители; преподобный долго отрицался отъ такой многозаботливой обязанности, но убѣжденный всѣмъ соборомъ отцевъ, и не могши преслушаться данной ему заповѣди, принялъ на себя сіе послушаніе, а вскорѣ затѣмъ, по желанію краля сербскаго, былъ поставленъ соборомъ Святой горы и игуменомъ славной Хиландарской лавры. Немало потрудился преподобный въ управленіи честной Хиландарской лавры въ тѣ смутныя и неспокойныя времена: такъ Господь споспѣшествовалъ ему день ото дня скорбями и тяготами облегчиться отъ тяготы грѣховной, дабы, и владѣя земною властью, могъ онъ явиться искуснымъ во всемъ. Преподобный Іоанникій не оставлялъ своихъ подвиговъ, коимъ

навыкъ съ молодыхъ лѣтъ, т. е. поста, бдѣній и молитвы, особенно же отличался духовною любовію къ братіи и благосерднымъ расположеніемъ къ нищимъ. По прошествіи довольнаго времени преподобный отказался отъ настоятельства обители и возвратился въ Сербію, убѣгая земной власти и желая только безмолвія. Но справедливо изреченіе, что горящій свѣтильникъ не можетъ укрыться подъ спудомъ. Ибо кого Господь любитъ, того и царства земныя славятъ при жизни и по смерти, память такового пребываетъ съ похвалами въ родъ и родъ.

Преподобный Іоанникій, по волѣ краля Уроша, желавшаго воспользоваться его духовною опытностію, былъ поставленъ игуменомъ лавры Студеницы, созданной препод. Симеономъ Неманею, гдѣ и св. мощи его почиваютъ. Вскорѣ за симъ представился наставникъ преподобнаго Іоанникія, преосвященный Савва второй, архіепископъ сербскій, по кончинѣ коего возведенъ былъ на архіепископскую кафедру Даніиль I, недолго управлявшій сербскою Церковію и удалившійся съ кафедры по неудовольствію съ правившими тогда Сербіею. По удаленіи его, выборъ краля Уроша и всего освященнаго собора палъ на преподобнаго игумена Студеницкой лавры. Такимъ образомъ пріявъ богодарованную власть святительства, блаженный Іоанникій началъ прилагать труды къ трудамъ, исправляя недостатки, вкравшіеся въ сербскую Церковь за время управления ею предшественниковъ. Благовѣрный краль Урошъ любилъ очень преосвященнаго Іоанникія, и Сербія въ правленіе его начала отдыхать было отъ смуть и пользоваться миромъ, но искони ненавистникъ рода христіанскаго—дьяволъ подвигъ на зависть на сего благочестиваго владѣтеля сына его Стефана краля, который отнялъ у отца престоль. Послѣдовавшія затѣмъ гражданскія смуты Сербіи имѣли послѣдствіемъ своимъ замѣшательство и въ церков-

номъ управленіи. Когда король Урошъ изгнанъ былъ изъ королевства *) и удалился въ страну Хлумскую, то и блаженный Іоанникій архіепископъ, любившій нелицемерно своего краля и обѣщавшійся не разлучаться съ нимъ до смерти, оставивъ свой святительскій престолъ, послѣдовалъ за кралемъ, и тамъ вскорѣ перешелъ отъ временной жизни въ жизнь нескончаемую. Сербская Церковь, уважавшая блаженного Іоанникія, не хотѣла признать никого первосвятителемъ своимъ, прежде чѣмъ отдана была должная почеть почившему на чужбинѣ первосвятителю. Король Стефанъ Урошъ съ матерію своею Еленою исполнили желаніе Сербіи. Черезъ два года и девять мѣсяцевъ они озаботились перенести св. мощи его въ Сербію. Когда открыли гробъ блаженного Іоанникія, тѣло его оказалось нетлѣннымъ и его съ почестями положили въ Сопочанскомъ монастырѣ, вблизи тѣла краля Уроша. Тогда уже приступили къ избранію новаго первосвятителя, и преемникомъ св. Іоанникію былъ избранъ блаж. Евстаѳій **).

Память преставленія святителя Іоанникія мая 28. Онъ правилъ сербскою Церковью по св. Саввѣ четыре года, нынѣ же ликуеть на небесахъ со Ангелами, непрестанно славя Пресвятую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(Память Святителя вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ—августа 30).

*) Въ 1269 г. Св. южн. славянъ. Филарета архіеп. черниговскаго. Дополн. 249.

**) Память его января 4.

І Ю Н Я 2.

**Житіе и страданіе святаго новомученика
КОНСТАНТИНА *).**

Святой Константинъ родился на островѣ Митилинѣ, въ селеніи Псилометопоць, отъ магометанскихъ родителей. Но Богъ, Который зритъ не на лица, а на сердца человѣческія, провидѣлъ въ семь дѣтищѣ, еще во утробѣ матерней, имѣющее быть доброе его сердце, почему и предъизбралъ его въ число Своихъ избранныхъ. Это можно видѣть изъ того, что дѣтище отъ младенчества уже показывало будущее свое назначеніе, ибо питался грудью матернею только однажды въ день, и во весь періодъ своего младенческаго возраста былъ тихъ, что никогда не слышали его плачущимъ, тогда какъ естественно младенцамъ плакать, особенно когда они ощущаютъ голодь. Но сей Богомъ избранный младенець, своею тихостію, удивлялъ не только свою мать, но и всѣхъ сосѣдей. И такимъ образомъ возрасталъ до отроческихъ лѣтъ.

*) Изъ Νέον Μαρτυρολόγιον. 1858 г.

Между тѣмъ и всезлбный діаволь, испоконъ вѣковъ ведущій непримиримую брань противъ челоуѣчества, по своему предчувствію предвидѣлъ, что хотя отрокъ рожденъ туркомъ, но благость Божія за доброе и нековарное его сердце, приведетъ къ себѣ, а потому и вооружился къ погубленію его. Козни вражескія начались съ того, что онъ внушилъ одной женщинѣ, жившей въ сосѣдствѣ съ матерью отрока, намѣреніе въ коварномъ ея сердцѣ, умертвить несчастнаго отрока.

Итакъ, въ одинъ день, она пришла къ матери отрока, подъ видомъ будто бы въ гости, и, между прочимъ, стала просить, чтобы она отпустила съ нею для прогулки своего сына. Мать, не подозрѣвая коварства злобной женщины, согласилась отпустить сына, и такимъ образомъ отрокъ ушелъ съ нею на прогулку, не думая о томъ, что эта самая какъ будто бы добрая женщина, въ сущности есть орудіе діавола, желающая ни за что умертвить его. Когда они вышли за городъ, она дала отроку заранѣе приготовленныя съ ядомъ сласти, и какъ только онъ съѣлъ ихъ, то тотчасъ же ядъ началъ оказывать свое дѣйствіе: глаза у несчастнаго разболѣлись до того, что онъ ими не могъ ничего видѣть, и во всѣхъ членахъ проявилось расслабленіе.

Когда злобная женщина больнаго и расслабленнаго отрока привела къ матери, то та удивилась, отъ чего бы такъ скоро могъ разболѣться сынъ ея?

Приписывая болѣзнь сына дѣлу случая, она пригласила врачей, которые при употребленіи разныхъ средствъ, видя, что болѣзнь не уступаетъ никакимъ средствамъ, отказались отъ дальнѣйшаго леченія. И такимъ образомъ отрокъ страдалъ три года. Но къ этому горю приложилось еще другое: несчастный заболѣлъ оспою, отъ которой лишился совершенно зрѣнія. Болѣзнь усилилась до того, что больнаго готовили уже къ смерти. Но всемогущій Богъ, не

хотящій смерти грѣшника, видя незлобіе и терпѣніе отрока, восхотѣлъ спасти его по Своей великой милости,—изведши изъ тьмы мусульманской, привести къ истинному свѣту христіанской вѣры. Пути Промысла Божія начались такъ:

Одна благочестивая христіанка, жившая не подалеку отъ дома матери больнаго пришла навѣстить его. Утѣшая больнаго и скорбящую его мать, она, по внушенію свыше, будучи движима чувствомъ состраданія, стала просить позволенія снести больнаго въ христіанскую церковь и тамъ погрузить его въ святую воду, и, я увѣрена, сказала сія благочестивая жена, что Богъ нашъ, сотворивый небо и землю, исцѣлитъ его. Мать, будучи поражена горемъ, согласилась на ея предложеніе; она же, тотчасъ взявши отрока, понесла въ церковь, гдѣ омыла его святою водою, послѣ котораго больноі совершенно выздоровѣлъ и прозрѣлъ однимъ глазомъ, но другоі остался нѣсколько закрытымъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, устрояющимъ вся премудростію Своею. Послѣ этого чуда, бывшій больноі, котораго на рукахъ принесли въ церковь, теперь уже самъ пришелъ домой, гдѣ встрѣтила его удивленная мать и, прославивши Христа Бога, перемѣнила скорбь на радость.

Спустя нѣсколько времени, мать его, бывши уже нѣсколько лѣтъ вдовою, вышла за мужъ за другаго, и потомъ переселилась съ мужемъ и дѣтьми своими въ Анатолю, въ городъ Магнисію. Но однако въ этомъ городѣ они оставались не долго, такъ какъ вотчимъ оказался пьяницеі и буйнаго характера, который часто и жестоко билъ своихъ пасынковъ; вслѣдствіе этого семейнаго разлада, мать сихъ несчастныхъ дѣтей бросила вздорнаго мужа и вмѣстѣ съ своими дѣтьми переселилась въ Смирну.

Въ Смирнѣ старшій братъ Константина сдѣлался ювелиромъ, а онъ разносчикомъ зелени и плодовъ, съ кото-

рыми довольно часто заходилъ въ митрополичій домъ, гдѣ по временамъ входилъ въ бесѣды, а также и самъ вслушивался въ разговоръ другихъ, и такимъ образомъ изучилъ греческій языкъ. Имѣя постоянныя сношенія съ христианами, онъ, при содѣйствіи благодати Божіей, началъ чувствовать въ своемъ сердцѣ склонность къ христіанской вѣрѣ. Окончательное же рѣшеніе увѣровать въ Иисуса Христа произошло по слѣдующему обстоятельству:

Однажды, Константинъ, бывши въ митрополичьемъ домѣ, встрѣтился тамъ съ духовникомъ, котораго попросилъ, чтобы онъ что-нибудь прочиталъ ему изъ христіанскихъ книгъ. Духовникъ исполнилъ желаніе юноши, прочиталъ ему нѣчто изъ Священнаго Писанія, которое, подобно искрѣ, пало въ юное сердце и воспламенило въ немъ огонь Божественной любви, такъ что отъ сладости оной онъ положилъ твердое намѣреніе бросить мусульманскую вѣру и пріобщиться къ Христовой Церкви.

Въ это самое время въ Смирнѣ свирѣпствовала сильная чума. Боясь заразы, онъ съ двумя своими товарищами христианами, къ которымъ питалъ братскую любовь, отправился въ церковь святаго великомученика Георгія; здѣсь думали они быть спасенными какъ отъ заразы, такъ равно и отъ смерти. Вѣра ихъ, дѣйствительно, спасла отъ смерти, но, къ сожалѣнію, лукавый врагъ уловилъ бѣднаго Константина и онъ впалъ въ блудъ. Вслѣдствіе паденія, онъ уже не сталъ ощущать въ своемъ сердцѣ прежней теплоты, а вмѣсто оной явилась холодность и пустота, которыя однако не долго продолжались, такъ какъ человеколюбецъ Богъ не оставилъ Своего избранника,—подалъ ему руку помощи, и несчастный юноша скоро пришелъ въ себя и, почувствовавши сердечную пустоту, началъ раскаяваться и горько оплакивалъ потерю сердечнаго утѣшенія и дѣвственную чистоту. А чтобы въ другой разъ не увлечься и не впасть

въ любострастіе, онъ, не сказавшись никому, уѣхалъ на святую Аѳонскую гору. Здѣсь онъ остановился въ новомъ скитѣ, гдѣ проживши 15-ть дней, открылся одному иноку, что онъ магометанинъ и желаетъ принять христіанскую вѣру. Инокъ немедленно отправился въ обитель святаго Павла, разсказалъ тамошнимъ старцамъ о Константинѣ и о желаніи его приобщиться къ Христовой Церкви. Старцы почему-то отклонили отъ себя это дѣло и посовѣтовали ему обратиться въ лавру святаго Аѳанасія. Горько было слышать бѣдному юношѣ отказъ старцевъ; впрочемъ, покоряясь необходимости, отправился въ лавру. Пройдя нѣсколько часовъ, онъ почувствовалъ усталость, и будучи управляемъ Промысломъ Божиимъ, вмѣсто лавры пришелъ въ Кавсокаливскій скитъ, гдѣ съ отеческою любовію былъ принятъ дикеемъ Гаврииломъ. Константинъ, видя ласковость и доброту благочестиваго старца, открылъ ему свое намѣреніе — креститься. Дерзай, чадо, сказалъ старецъ, Богъ исполнить твое желаніе, только ты имѣй терпѣніе, и тотчасъ же созвавши скитскихъ старцевъ, открылъ имъ намѣреніе юноши, требуя ихъ совѣта. Но старцы рѣшили, что такъ какъ ихъ обитель и они зависятъ отъ лавры, то необходимо въ столь важномъ дѣлѣ отослать туда, и такимъ образомъ отправили его въ лавру. Но и въ лаврѣ, какъ только узнали, что онъ турокъ, также не рѣшались крестить его, боясь подвергнуться опасности со стороны турецкихъ властей, а потому отклонивши отъ себя это дѣло, подобно Кавсокаливскимъ старцамъ, отправили его въ Иверскій монастырь, къ изгнанному святѣйшему патріарху Григорію V, пребывавшему тамъ на безмолвіи.

Видя вездѣ неудачи, юноша горько заплакалъ и всю ночь провелъ въ слезахъ и безъ сна, и только лишь къ утру немного успокоился. Въ это время, онъ видитъ во снѣ подошедшую къ нему Пресвятую Дѣву Богородицу, сіяю-

щую неизреченнымъ свѣтомъ, Которая тихимъ гласомъ сказала ему: не печалься, но ступай опять въ Кавсокаливскій скитъ, и Самъ Богъ, Сынъ Мой, къ Которому ты хочешь прійти, заботится о тебѣ, и устроить все во благо.⁴ Отъ этихъ словъ юноша пробудился, но предъ нимъ уже никого не было. Не медля нимало, онъ пошелъ въ скитъ, и тамъ разсказалъ дикую Гавриилу о бывшемъ видѣніи. Удивленный разсказомъ юноши и тронутый его слезами, старецъ отправилъ его къ патріарху, съ однимъ изъ скитскихъ братій.

Когда юноша пришелъ въ Иверскую обитель и явился къ святителю Григорію, то, падши къ ногамъ его, началъ со слезами просить патріарха, крестить его въ христіанскую вѣру. Патріархъ хотѣлъ испытать его и сказалъ ему: зачѣмъ ты, юноша, пришелъ къ намъ—угнетеннымъ? Чего ты ищешь отъ насъ бѣдныхъ, какъ самъ ты видишь? Не мы ли унижены болѣе всѣхъ народовъ? не въ вашихъ ли рукахъ власть, слава и всѣ блага земныя? Какъ же ты одинъ недоволенъ и презираешь тѣ временныя земныя наслажденія, которыхъ такъ ищутъ прочіе? Итакъ, одумайся лучше, смотри, чтобы послѣ не пожалѣть и не раскаяваться о томъ, что еще не сдѣлано.

Не отвѣчая ничего Святителю, юноша съ опущенною внизъ главою горько заливался слезами...

— Что же ты ничего не отвѣчаешь? спросилъ Патріархъ, желая еще болѣе испытать его.

Вмѣсто отвѣта, юноша уже началъ рыдать; это рыданіе тронуло Святителя, который ласково сказалъ ему: успокойся, чадо, и иди обратно въ Кавсокаливскій скитъ, и тамъ приготовляйся къ крещенію, которое я самъ совершу надъ тобою, только до того времени никому не объявляй, кто ты. Послѣ этого Патріархъ огласилъ его съ нареченіемъ имени Михаила.

По возвращеніи въ Кавсокаливскій скитъ, Михаилъ приготовлялъ себя къ великому таинству крещенія 6-ть мѣсяцевъ. Въ это время діаволь и на малое время не давалъ ему покоя, смущая его помыслы и всѣвая въ нихъ страхъ, и чтобы онъ бѣжалъ изъ Аѳонской горы, а иногда наводилъ и мечтанія. Но Михаилъ, будучи укрѣпляетъ благодатію Вожіею, и за молитвы старцевъ, твердо стоялъ въ своемъ убѣжденіи. Вражескія искушенія не вредили Михаилу еще и оттого, что часто приходили къ нему братія, ради утѣшенія, и такимъ образомъ укрѣпляли его противъ вражескихъ стрѣлъ. Подобнаго рода посѣщенія не нравились діаволу, ибо онъ видѣлъ, что братія укрѣпляютъ Михаила, и этимъ разрушаются всѣ его козни, а потому, чтобы отклонить ихъ отъ посѣщеній, демонъ явился чувственнымъ образомъ. Такъ, въ одинъ вечеръ, пришелъ навѣститъ Михаила одинъ братъ именемъ Герасимъ, и, послѣ долгаго разговора, Михаилъ сталъ просить Герасима, остаться у него ночевать. Братъ согласился и, когда Герасимъ сталъ читать Священное Писаніе, для утѣшенія Михаила, то въ это время демонъ постучалъ въ дверь, прося, чтобы его впустили. Полагая, что это кто-либо изъ братіи, они вышли, но не увидѣвши никого, смутились, впрочемъ, снова вошли въ келлію и Герасимъ продолжалъ прерванное чтеніе; но, спустя немного времени, діаволь опять пришелъ и уже пытался самъ отворить дверь, что невольно привело ихъ въ страхъ; а когда они снова вышли за дверь келліи, то опять никого тамъ не было. Тогда они, познавъ козни лукаваго діавола, хотящаго навести на нихъ страхъ, пали предъ иконою Богоматери и начали предъ нею молиться, а потомъ легли спать и, будучи охраняемы покровомъ Препоблагословенной, мирно препроводили ночь.

Между тѣмъ приблизилось и назначенное время, когда должно было быть совершено надъ Михаиломъ крещеніе,

и когда ему объявили объ этомъ, то великой радости исполнилось его юное сердце. Во время совершенія таинства святаго Крещенія, когда Михаилъ погрузился въ купель и были произнесены слова молитвы: „крещается рабъ Божій Константинъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа,“ въ это время, лице его такъ просвѣтилось, что не возможно было смотрѣть на него, и въ то же время глазъ его, которымъ онъ до этого ничего не видѣлъ, совершенно исцѣлился. Видя это, братія возблагодарили и прославили Бога, творящаго дивныя чудеса!

Спустя нѣсколько времени послѣ крещенія, Константинъ сталъ проситься у старца, сходить въ Иверскій монастырь, поклониться иконѣ Богоматери Вратарницѣ и поставить, по обѣщанію, свѣчу предъ святою Ея иконою. Получивъ благословеніе, онъ отправился туда съ однимъ инокомъ изъ скитской братіи. Поклонившись святой иконѣ, они на обратномъ пути зашли въ Предтеченскій скитъ, такъ какъ еще до этого Константинъ слышалъ, что тамъ безмолвствуетъ великій старецъ—духовникъ, который недавно предпослалъ ко Господу трехъ своихъ учениковъ, пострадавшихъ за исповѣданіе имени Іисуса Христа, и что части святыхъ мощей ихъ находятся въ этомъ скиту. Увидя святыхъ мощи, онъ съ благоговѣніемъ поклонился и облобызалъ ихъ, и въ этотъ моментъ у него радостно забилося сердце и родилось желаніе, идти путемъ сихъ святыхъ преподобномучениковъ, ревновать ихъ житію, и потомъ пострадать за любовь Іисуса Христа, изведшаго его изъ мрака къ свѣту истиннаго познанія.

Духовникъ, бесѣдуя съ Константиномъ о пользѣ душевной, между прочимъ, рассказалъ ему и о страданіяхъ святыхъ преподобномучениковъ своихъ учениковъ, отъ чего у Константина еще болѣе согрѣлось сердце и утвердилась мысль пострадать за Христа.

Возвратившись въ скитъ къ своему старцу, онъ былъ смущенъ отъ повліявшаго разсказа, такъ что его смущеніе не могло утаиться отъ опытнаго старца, который сразу подмѣтилъ, что у Константина сердце не въ порядкѣ и что нибудь сильно его смущаетъ, а потому ласково спросилъ: почему онъ такъ смущенъ и что за причина его смущенія?

— О, отче! со вздохомъ отвѣчалъ Константинъ, какъ же мнѣ не печалиться, и могу ли я быть покойнымъ тогда, какъ истинные рабы Христовы кровію засвидѣтельствовали свою вѣру, я же что принесу въ даръ Господу моему Іисусу Христу? Какіе плоды моей вѣры, моей любви къ Нему? Признаюсь тебѣ, отче, что съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ Предтеченскомъ скиту и лобызалъ святія мощи преподобномучениковъ, положилъ намѣреніе послѣдовать ихъ стопамъ; съ тѣхъ поръ мысль объ этомъ не даетъ мнѣ покоя, и постоянно преслѣдуетъ меня. Итакъ, благослови, отче, меня пострадать за Христа!

— Благословенъ Богъ, чадо, отвѣчалъ старецъ Гавриилъ. Если это угодно Богу, то Онъ Самъ, имиже вѣсть судьбами, исполнить твое желаніе.

Но Константинъ оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи. Тогда старецъ, видя, что трудно разубѣдить юное сердце, въ которое запала и возгорѣлась мысль о мученичествѣ, назначилъ ему пробыть 40 дней въ затворѣ, подвизаясь въ бдѣніи, постѣ и молитвѣ, въ надеждѣ, что въ это время Самъ Богъ откроетъ ему полезное. Истинный послушникъ съ радостію принялъ заповѣдь старческую, поселился въ безмолвную келлію и отъ всего сердца смиренно молилъ промыслителя Бога явить ему, благоугодно ли его намѣреніе святой Его волѣ. Въ первую же ночь своего затвора, когда онъ послѣ продолжительной и усердной молитвы заснулъ, то увидалъ во снѣ, будто бы онъ находится въ церкви святой Софіи, потомъ вдругъ откры-

вается церковный куполь, и онъ увидѣлъ во облакахъ Господа Иисуса, окруженнаго множествомъ Ангеловъ. Изъ числа ихъ, одинъ отдѣлился и, приблизившись къ Константину, взявъ его за руку и хотѣлъ вознести къ Господу. „Оставь его,“ послышался гласъ Господа: „рано еще,“ и Константинъ пробудился. Когда этотъ сонъ онъ разсказалъ старцу, то тотъ замѣтилъ ему кротко: изъ этого видно, что нѣтъ еще тебѣ воли Божіей на подвигъ мученичества и посовѣтовалъ ему подвизаться и быть въ послушаніи, чрезъ что и безъ мученичества возможно спастись. И такимъ образомъ Константинъ покорился старцу и успокоился на долгое время. Но однажды, когда онъ въ церкви слушалъ чтеніе, въ его сердце запали слова: „*еще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будещи*“ (Іерем. 15, 19). Эти священные слова онъ относилъ, какъ бы къ самому себѣ, а тайная мысль подсказывала ему идти въ городъ Магнисію и проживающую тамъ свою родную сестру обратить въ христіанскую вѣру. Запавшая мысль не давала ему покоя, а потому будучи не въ состояніи долѣе бороться съ нею онъ открылъ старцу свой помысль, равно и желаніе послѣдовать оному для спасенія своей сестры. Но старецъ, находя это дѣло выше своихъ силъ, послалъ его въ скитъ святыя Анны къ духовнику іеромонаху Іоасафу, и при этомъ сказалъ ему: что бы ни сказалъ духовникъ, прими, какъ бы изъ устъ Божіихъ, и вполнѣ послѣдуй его совѣту.

Когда Константинъ пришелъ къ духовнику и открылъ ему свое намѣреніе, то духовникъ не только не отклонилъ его отъ добраго намѣренія, но съ любовію благословилъ совершить добрый подвигъ. Къ этому христіанскому дѣлу сочувственно отнеслись, какъ святыя отцы горы Аѳонской, такъ равно и патріархъ Григорій, которые, кромѣ благословенія, дали ему и рекомендательныя письма въ Магни-

сію, къ представителямъ тамошней церкви, и въ особенности Кидонійскому дидаскалу (наставнику) Григорію, чтобы онъ принялъ Константина съ отеческою любовію, и споспѣшествовалъ бы ему благополучно окончить похвальное дѣло.

И такимъ образомъ, простившись со старцами, онъ оставилъ Св. гору и векорѣ прибылъ въ Кидонію, гдѣ вручилъ рекомендательныя письма, и вслѣдствіе оныхъ познакомился съ нѣкоторыми христіанами. А такъ какъ въ то время не случилось быть судну, плывшему въ Анатолійскіе предѣлы, и приходилось дожидаться когда будетъ случай, то, чтобы время ожиданія не проводить праздно, онъ занялся овощною торговлею.

Однажды Константинъ, во время торговли, узнавъ былъ чиновникомъ Кидонійскаго аги, который зналъ Константина еще въ то время, когда онъ былъ магометаниномъ. А чтобы не ошибиться, турокъ сталъ тайно спрашивать о немъ его сосѣда, торговавшаго съ нимъ рядомъ, но тотъ уклонился отъ прямого отвѣта и сказалъ, что вовсе не знаетъ его. Вечеромъ же, когда всѣ стали расходиться по домамъ, сосѣдъ тайно началъ спрашивать Константина: неужели правда, что чиновникъ аги увѣряетъ, будто бы ты родомъ турокъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ смутившись Константинъ, онъ ошибся, вѣроятно принялъ меня за другаго, но я чистый христіанинъ.

Обстоятельство это такъ смутило Константина, что онъ, отъ страха безпокоившихъ его помысловъ, не могъ заснуть всю ночь, а съ наступленіемъ утра рѣшился бѣжать куда нибудь изъ этого города.

Лишь только наступило утро, Константинъ пошелъ къ морской пристани, гдѣ матросы одного судна, предназначеннаго къ отплытію въ Смирну, запасались прѣсною водою. Условившись о платѣ, онъ вспрыгнулъ въ лодку,

чтобы на ней доплыть до судна, но въ это время раздался съ берега голосъ турка, который требовалъ выдачи Константина. Устрашенные матросы безпрекословно повиновались и выдали Константина туркамъ.

Какъ только привели Константина къ агѣ, тотъ спросилъ его:—Кто ты такой, откуда пришелъ въ нашъ городъ, и какъ зовутъ тебя?

— Я изъ-далека, ѣду въ Анатолию, исповѣдую христіанскую вѣру, а имя мое Константинъ.

— А если найдется здѣсь человѣкъ, который обличить тебя и докажетъ, что ты турокъ?

— Едва ли это возможно, потому что я христіанинъ.

Въ это время приступилъ чиновникъ аги, и обращаясь къ Константину сказалъ: напрасно силишься доказать, что ты не турокъ! да не ты ли братъ смирнскаго турка—ювелира? А я это очень хорошо знаю, и никто меня въ этомъ не разувѣритъ.

Тогда Константинъ, видя, что все это случилось по Божіему смотрѣнію, и что наконецъ настало время вдать себя на мученіе, мужественно отвѣчалъ.

— Да, дѣйствительно, я былъ туркомъ, но недолго находился въ незаконной мусульманской вѣрѣ, ибо Господь мой Иисусъ Христосъ, по Своей великой милости, извелъ меня изъ тьмы и привелъ къ истинному свѣту, теперь же попираю вашу вѣру со всѣми обрядами, которая ведетъ всѣхъ ея послѣдователей въ вѣчную погибель.

Слыша хулу своей вѣры, ага приказалъ бить Константина и потомъ заключить въ темницу, пока обдумаетъ о дальнѣйшей его участи. Между тѣмъ, онъ написалъ къ Мосхонисійскому пашѣ, прося его пріѣхать немедленно по весьма важному дѣлу. Паша не замедлилъ пріѣздомъ, и тотчасъ же собрались судьи для производства надъ Константиномъ суда.

— Одумался ли ты несчастный? спросил его паша. Если останешься въ нашей вѣрѣ, то проси чего тебѣ угодно: богатства ли, чести ли и прочаго; все тебѣ будетъ доставлено, только останься вѣренъ великому пророку?

— Смѣшно даже слушать! Вы люди сановитые, а такую несете чушь, что и ребенокъ того не скажетъ, съ улыбкою отвѣчалъ мученикъ. Напримѣръ: вы называете великимъ пророкомъ того лжеца, который погибъ, да и всѣ тѣ погибнуть, которые послѣдуютъ ему и вѣрують, какъ въ пророка, но я его проклинаяю, а ваше богатство и честь, которыя вы мнѣ обѣщаете, вмѣняю ни во что, такъ какъ богатство, честь и слава моя Іисусъ Христосъ, отъ Котораго никто и ничто не можетъ отлучить меня.

— Если такъ, грозно сказалъ паша, то мы съумѣемъ заставить тебя оставить твое заблужденіе, и приказалъ бить мученика по пятамъ палками, а потомъ бросить въ темницу. Во время заключенія въ темницѣ, страдальца Христова посѣтили тайно отъ турокъ нѣкоторые благочестивые христіане, которые утѣшали и укрѣпляли святаго благодушно терпѣть мученіе и твердо стоять въ исповѣданіи имени Іисуса Христа, Который уже готовитъ ему мученическій вѣнецъ и царство небесное.

Въ это время, слыша о страданіи Константина, одинъ цыганъ, кузнецъ, извѣстный своею звѣрскою злостію, пожелалъ потѣшиться надъ человѣкомъ Божиимъ, а потому явившись къ агѣ, сказалъ: если ты дашь въ мою власть того христіанина, котораго вчерашній день мучили, то я увѣряю тебя, что онъ отречется отъ своего Христа и увѣруетъ въ великаго пророка Магомета. Опыты мои вполне заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ, назадъ тому 10 лѣтъ, я испыталъ его надъ однимъ христіаниномъ Георгіемъ, который, хотя и не отрекся отъ Христа, но все таки умеръ самою злою смертію. Ага съ удовольствіемъ согла-

сился на предложеніе цыгана и отдалъ въ его власть Страдальца Христова. Злобное исчадіе ада, цыганъ, началъ производить свои пытки съ того, что вначалѣ надѣлъ на голову святаго Мученика раскаленный желѣзный шлемъ, отъ чего дымъ выходилъ изъ ноздрей Страдальца. Потомъ свинцовыми шарами, онъ такъ стиснулъ виски и черепъ, что у мученика глаза выступили изъ своихъ орбитъ. Всѣ эти адскія мученія Святой терпѣлъ благодушно: сердце его, поглощенное любовію къ укрѣпляющему его Христу, было чуждо страданію тѣла; любовь Божія заглушала лютую болѣзнь мученія, а потому мученикъ оставался твердъ и непоколебимъ. Послѣ этихъ мукъ опять бросили его въ другую темницу, находившуюся въ мрачномъ подземельѣ, забивши ноги въ тяжелыя колоды. Во время страданій въ послѣднемъ заключеніи нѣкоторые христіане видѣли ночью яркій свѣтъ, который исходилъ изъ храма св. новомученика Георгія и проникалъ въ темницу Константина. По прошествіи нѣсколькихъ дней, святой мученикъ опять представленъ былъ въ судилище, гдѣ его спросилъ ага:

— Теперь скажешь ли намъ, кто ты такой, и одумался ли въ отношеніи нашей вѣры?

Вмѣсто отвѣта, Святой какъ бы съ укоризною, сказалъ судьямъ:

— Люди ли вы или звѣри? Привели на судъ человѣка всего окованнаго и связаннаго, или вы боитесь, что я могу убѣжать изъ вашихъ рукъ? Успокойтесь! Я весь передъ вами, дѣлайте со мною, что хотите: рѣжьте, жгите мое тѣло, но я остаюсь въ исповѣданіи истинной вѣры, и все претерплю за любовь Господа моего Іисуса Христа. Итакъ развяжите мнѣ руки и потомъ посмотрите на меня—кто я? Ему развязали руки и Константинъ предъ всѣми сотворилъ крестное знаменіе. Теперь вы видите: кто я! громко воскликнулъ святой Константинъ.

Твердое исповѣданіе святаго привело въ ярость бывшаго тутъ Мосхонисійскаго пашу, и онъ, вскочивъ съ своего мѣста и обнаживши мечъ, вонзилъ его въ грудь мученика крестообразно, говоря: развѣ такъ объясняются съ судьями? Въ тотъ самый моментъ, когда, отъ удара мечемъ, разодралась одежда мученика, то на груди его блеснулъ, какъ молнія, золотой крестъ; видя это, судьи еще болѣе ожесточились и приказали бить его бичами, а потомъ заковавши все тѣло съ ногъ до самой шеи тяжелыми цѣпями, бросили въ темницу. Жестокое мученіе, претерпѣваемое мученикомъ, сильно тревожило Кидонійскихъ христіанъ, которые опасались за юнаго страдальца, боясь, чтобы онъ не изнемогъ духомъ, особенно же опасался этого дидаскаль Григорій, и для утѣшенія и укрѣпленія Святаго, посылалъ тайно въ темницу ученика своего Іоанна, который до этого жилъ нѣсколько лѣтъ на святой Аѳонской горѣ.

Опасенія благочестивыхъ христіанъ были вполне справедливы, такъ какъ кромѣ тѣлесныхъ страданій на мученика Христова, вооружился и всезлбный діаволь, наводя на него, особенно ночью, страхованія, стараясь поколебать его. Такъ, иногда онъ являлся предъ нимъ въ видѣ женщины, иногда въ видѣ эіюпа, собаки и быка, но все это сатанинское мечтаніе непобѣдимый воинъ Христовъ отражалъ мужественно. А когда пришелъ къ нему Іоаннъ, то, послѣ его бесѣды, онъ еще болѣе сталъ ни во что вмѣнять всѣ козни діавольскія. Благочестивые же христіане по церквамъ Божіимъ усердно о немъ творили молитвы, дабы Господь укрѣпилъ Мученика, до конца совершить подвигъ. Въ слѣдующую ночь святой Мученикъ удостоился посѣщенія Богоматери, Которая, явившись къ нему, сіяя неизреченнымъ свѣтомъ и небесною славою, сказала кроткимъ и тихимъ голосомъ: „радуйся Константинъ, вѣрный служитель Сына Моего и Мой избранниче! молитва твоя

услышана: Я пришла утѣшить тебя и возвѣстить, что Сыну Моему угодно, чтобы ты страдальческій твой подвигъ окончилъ не здѣсь, а въ Константинополь. А жителямъ города сего объяви, чтобы они умоляли Бога не о тебѣ, а лучше бы молились за себя, ибо грѣхи ихъ превзошли долготерпѣніе Божіе, и Сынъ Мой въ праведномъ Своемъ судѣ положилъ истребить ихъ съ лица земли, какъ нѣкогда Содомъ и Гоморру, потому что грѣхи ихъ вопіють на небо, и гнѣвъ Божій не замедлитъ, всегубительство огня уже близко. Грѣшники эти молятся и о бездождіи, но ради твоихъ молитвъ пошлется имъ на землю дождь тогда, когда ты вступишь въ корабль къ отплытію въ Константинополь. Предсказаніе Препоблагословенной дѣйствительно исполнилось; ибо Кидонійскій градоначальникъ, не желая самъ собою рѣшать дѣло мученика, отправилъ его въ Константинополь къ высшему правительству, и какъ только Святой вошелъ въ корабль, то тотчасъ пошелъ проливной дождь.

По прибытіи въ столицу, святаго послали на каторгу, гдѣ производились самыя тяжкія работы и пытки. А когда надзиратель узналъ, что онъ былъ прежде магометанинъ и принялъ христіанскую вѣру, то приказалъ его бить по пяткамъ палками и потомъ ввергнуть въ темницу. Сидя въ темницѣ, святой Мученикъ просилъ посѣщавшихъ его тайно христіанъ, прислать къ нему духовника. Духовникъ не замедлилъ и вскорѣ пришелъ навѣстить Мученика, — бесѣдуя же съ нимъ, смутился, видя его юнаго и немощнаго, а потому боясь неизвѣстности конца, сказалъ ему: хорошо, Константинъ, исповѣданіе имени Иисуса Христа, но мученія турокъ ужасны. Итакъ, испытай себя, если тебя устрашаютъ муки, то, при помощи Божіей, мы выручимъ тебя отсюда. — Что ты говоришь, отецъ духовный! съ удивленіемъ отвѣчалъ ему Святой. Посмотри на мое тѣло, и обнаживши ноги, онъ показалъ духовнику пахи. Духовникъ

невольно содрогнулся, увидя ноги разорванными на два пальца, раны эти произошли еще въ то время, когда ноги его забивались въ колоды. Да и самое лице его и подошвы ногъ были изъязвлены отъ побоевъ палками. Духовникъ, видя раны и мужественное терпѣніе, удивился подвигу юнаго страдальца.

— Смотри, отче! сказалъ ему строго Мученикъ, не вздумайте золотомъ и подарками выкупить меня на свободу. Сохрани васъ Богъ отъ этого! Притомъ знай, что чрезъ нѣсколько дней я окончу свой подвигъ, какъ открыла мнѣ о семъ Пресвятая Богородица. А тебя прошу: сходи къ Патріарху Григорію *), который знаетъ меня и молится о мнѣ. Скажи ему, что ты видѣлъ меня и что увидишь еще впоследствии. Послѣ сего, духовникъ преподавъ Мученику благословеніе, и они разстались съ миромъ.

На другой день, снова потребовали святаго Мученика въ судилище, и судья, видя, что Святой, и послѣ жестокихъ пытокъ и обѣщаній всевозможныхъ благъ, остается твердъ въ своемъ исповѣданіи, осудилъ его повѣсить. И такимъ образомъ святой Страстотерпецъ Христовъ, Константинъ теченіе мученическаго подвига скончалъ 2 го іюня 1819 года, и святая его душа, какъ благоуханная роза, процвѣтшая изъ терна, отлетѣла въ небесныя обители, оставивъ многострадальное тѣло, которое терзали мучители цѣлыхъ 40 дней.

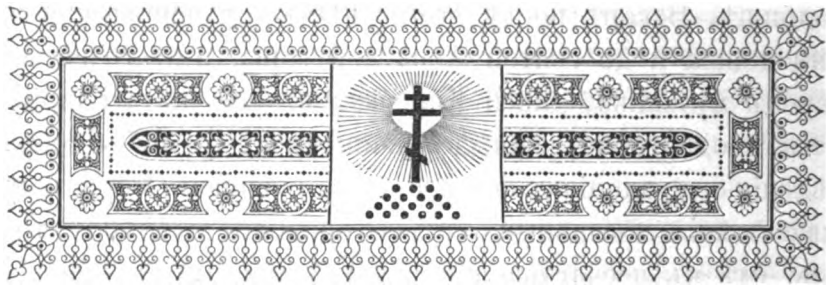
Во избѣжаніе ревнителѣй подвигамъ святаго Мученика, и чтобы примѣръ обращенія Константина въ христіанскую вѣру не подѣйствовалъ на другихъ, а также, чтобы и христіане не стали хвастаться, что имѣютъ святая мощи мученика, обратившагося изъ магометанъ, турки не позволили никому взять его тѣло, считая для себя стыдомъ, что бывшій ихъ единовѣрецъ будетъ почитаться христіанскою Цер-

*) Патріархъ Григорій V въ то время опять возвращенъ былъ на тронъ.

ковію, а потому похоронили его тайно на мусульманскомъ кладбищѣ. Вскорѣ послѣ этого, вѣсть о мученической кончинѣ дошла и до святой Аѳонской горы, и благочестивый старецъ мученика, дикей Кавсокаливскаго скита Гаврииль, послалъ одного изъ своихъ учениковъ въ Кидонію, собрать свѣдѣнія о страданіяхъ святаго стратотерпца. Собравъ нужныя свѣдѣнія, посланный оттуда отправился въ Константинополь, гдѣ къ несчастью при всемъ стараніи не могъ найти святыхъ мощей мученика, а только приобрѣлъ часть его одежды, съ которою, какъ съ драгоценнымъ сокровищемъ, прибылъ на Святую гору въ Кавсокаливскій скитъ, гдѣ святой Мученикъ подвизался.

Господь Богъ, прославляемый въ памяти святыхъ Своихъ, даровалъ и сему угоднику Своему даръ чудотворенія, отъ прикосновенія къ его одеждѣ, обогрѣнной кровію. Такъ, у одного послушника въ Кавсокаливскомъ скиту, въ то самое время, когда принесена была въ скитъ одежда Мученика, сильно разболѣлась голова. Когда узналъ братъ, принесшій одежду Святаго, о головной болѣзни послушника, пришелъ къ нему съ оною, и когда обложена была голова одеждою Мученика, и въ такомъ состояніи больной пробылъ всю ночь, то на утро головная боль совершенно прекратилась. Другой братъ, страдая зубною болѣзнію, съ вѣрою призвалъ въ молитвѣ имя святаго Мученика и, по вѣрѣ болящаго брата, тотчасъ послѣдовало исцѣленіе! А одинъ іеромонахъ, у котораго умственные способности такъ были разстроены, что онъ уже близокъ былъ къ совершенному помѣшательству, — едва только прикоснулся съ вѣрою къ одеждѣ святаго Константина, то совершенно выздоровѣлъ. — Молитвами святаго мученика Константина, да сподобить и насъ Господь Богъ получить царство небесное. Аминь *).

*) Святому новомученику сему есть отдѣльная служба на греческомъ языкѣ.

І Ю Н Я 11.

Память неизвѣстнаго по имени Инока, удостоивша- гося явленія Архангела Гавріила.

Рѣ похвальномъ словѣ просіявшимъ на Святой горѣ Отцамъ *) блаженной памяти Никодимъ святогорець упоминаеть и того, неизвѣстнаго по имени блаженнаго *Инока*, который, живя въ подчиненіи у своего старца, сподобился странпопріять въ своей келліи самого Архангела Гавріила и услышать отъ него умиленный гимнь Богоматери: „Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего...“ и проч... явленіе это совершилось въ царствованіе братьевъ-царей Василія и Константина, называемыхъ порфирородными, сыновей Романа младшаго, въ патриаршествованіе Николая Хрисоверга (984—995 гг.); а повѣсть о явленіи Архангела написана Протомъ Святой горы іеромонахомъ Серафимомъ Өвицоломъ въ 7056 гору (1548) году **):

*) Ἀκολουθία τῶν ἁγιορειτῶν πατέρων.

**.) Изъ Νέων Μαρτυρολόγιων.

Недалеко отъ Карен, на отлогомъ мѣстѣ, между иноческими хижинами стоитъ одна келлія съ небольшою церковію Успенія Божіей Матери. Въ этой келліи жилъ нѣкій священноинокъ съ послушникомъ. Случилось такъ, что старецъ, пожелавъ выслушать всенощное бдѣніе на воскресный день въ Карейскомъ храмѣ, отправился туда; а благочестивый ученикъ, получивъ отъ него заповѣдь совершить службу дома, остался стеречь келлію. При наступленіи ночи онъ вдругъ услышалъ стукъ въ двери келліи и, отворивъ, увидѣлъ незнакомаго инока, котораго и принялъ съ привѣтливостію и почтительностію. Когда настало время совершенія службы, они оба начали со страхомъ и благоговѣніемъ возносить къ Господу Богу молитвенныя пѣснопѣнія: ночная служба текла своимъ порядкомъ. Оканчивая канонъ, ставъ предъ иконою Божіей Матери, они начали воспѣвать Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую Серафимъ. Домашній инокъ, полный сердечнаго благоговѣнія ко Всепѣтой, пѣлъ обычную древнюю пѣснь св. Косьмы, епископа Маіумскаго: „Честнѣйшую Херувимъ“ и проч. до конца; но дивный гость его, дѣлая умильному гимну иное начало, ангельскимъ голосомъ пѣлъ такъ: „Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего,“ — и къ этому прибавлялъ: „Честнѣйшую Херувимъ“ и проч. „Чудно! — воскликнулъ домашній пѣвецъ, растроганный до слезъ новою пѣснію и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленный необычайностію слышаннаго въ первый разъ гимна, — чудно! Но мы поемъ только: Честнѣйшую, а такой пѣсни: Достойно есть, ни мы, ни предки наши не слышали до этого времени. Впрочемъ — говорилъ онъ дивному незнакомцу — прошу тебя, напиши мнѣ эту пѣснь, чтобы и я могъ такимъ же образомъ величать Богородицу.“ — Хорошо, отвѣчалъ незнакомецъ: дай мнѣ бумаги и чернилъ, — я напишу тебѣ для

памяти эту пѣснь.“ - „Прости, братъ!—говорилъ въ духѣ смиренія и простоты домашній инокъ. Мы, занимаясь молитвою и рукодѣліемъ, рѣдко нуждаемся въ бумагѣ и чернилахъ, а потому теперь нѣтъ ни того, ни другаго.“— Такъ принеси мнѣ, по крайней мѣрѣ, какую-нибудь каменную плиту.“ продолжалъ явившійся. Когда инокъ подаль ему плиту, то незнакомецъ перстомъ своимъ началъ писать на ней всю вышеупомянутую Богородичную пѣснь. Начертавъ на камнѣ четко и ясно всѣ слова пѣсни, онъ подаль его иноку и сказалъ: „отнынѣ навсегда такъ пойте и вы, и всѣ православные христіане;“ и мгновенно сталъ невидимъ. Это былъ Архангелъ Гавріиль. Радостный трепетъ объялъ смиреннаго инока при видѣ чудесно исписанной каменной дски. Нѣсколько разъ перечитывая слова священной пѣсни, онъ вытверживалъ ихъ, и на разсвѣтѣ новая пѣснь звучала въ устахъ благочестиваго отшельника. Старецъ, возвратившійся домой, былъ пораженъ новостію пѣсни и спрашивалъ своего послушника: откуда онъ научился такъ пѣть? Тогда онъ разсказалъ старцу все случившееся, показалъ и самую дску съ чудеснымъ начертаніемъ. Старецъ внимательно выслушалъ необычайный разсказъ ученика своего о явленіи въ келлію незнакомаго посѣтителя, долго и съ изумленіемъ разсматривалъ исписанную Архангеломъ плиту и нѣсколько разъ перечитывалъ чудесныя письмена. Потомъ оба они, взявъ камень, показали его собору старцевъ и извѣстили ихъ о подробностяхъ чуднаго событія. Тогда всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ прославили Господа и Пречистую Матерь Его и воспѣли Ей новую пѣснь. Съ этой поры Ангельская пѣснь. „Достойно есть“ вошла въ православной Церкви въ общее употребленіе; а та икона, предъ которою она была воспѣта Архангеломъ, перенесена въ соборный Карейскій храмъ, гдѣ она и доселѣ видима въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ. Каменная плита,

на коей начертана была Ангельская пѣснь, доставлена была въ Константинополь патриарху и царю, при донесеніи о случившемся. Келлія, въ память этого чудеснаго событія, и понынѣ извѣстна на Святой горѣ подъ именемъ: „Достойно,“ а самое событіе воспоминается и празднуется на Аѳонѣ 11 іюня *).

*) См. о семъ подробно въ книгѣ «Вышній покровъ надъ Аѳономъ.» М. 1892 г.

І Ю Н Я 12.

Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего ПЕТРА *).

Святый Петръ былъ родомъ изъ Царьграда. О имени и званіи его родителей нѣтъ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній, а самъ онъ былъ однимъ изъ схоластиковъ **) византійской столицы, и вмѣстѣ имѣлъ чинъ полководца. Такъ какъ онъ былъ искусенъ и опытенъ въ воинскомъ дѣлѣ, то царь многократно посылалъ его на войну.

*) Изъ ἡ ἀπόδος Ἐφραίμ. Подъ этимъ заглавіемъ извѣстна у грековъ книга, въ которой заключаются жизнь и нѣкоторыя творенія преподобнаго Ефрема Сирина и нѣсколько жизнеописаній разныхъ святыхъ. Составителемъ жизнеописанія святаго Петра признается въ немъ нѣкій монахъ Николай, жившій въ самое время обрѣтенія мощей св. Петра; ибо, сказавъ о себѣ, въ началѣ своей повѣсти, что чудо избавленія святаго Петра изъ темницы читано имъ еще прежде, по изложенію Меодія, епископа патарснаго, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдаетъ себя за очевидца чудесъ, бывшихъ отъ святыхъ мощей Петра и за слышателя изъ первыхъ устъ о всемъ, что самъ написалъ о немъ. Такимъ образомъ, полное житіе этого угодника Божія составлено на основаніи описанія Меодіева и на томъ, что самъ онъ видѣлъ и слышалъ о преподобномъ Петрѣ. Время жизни святаго Петра въ источникахъ не сказано. Блаженной памяти агіоритъ Никодимъ, не означая времени, когда онъ жилъ, называетъ его только первымъ безмолвникомъ Авона, а другой агіоритъ, дидаскаль Іаковъ, основываясь на разныхъ обстоятельствахъ, относитъ его къ девятому вѣку. Въ томъ же вѣкѣ видятъ жизнь его Киевскій Мѣсяцесловъ и Библейско-біографическій Словарь Ѳ. И. Яцѣвича. Полный мѣсяцесловъ архим. Сергія указываетъ кончину св. Петра въ 734 году.

**) Схоластикъ—законоискусникъ, мудрый изъяснитель трудныхъ мѣстъ въ писаніяхъ. Такое значеніе имѣли они въ Церкви пятаго вѣка. См. «Начертаніе церковной исторіи» Инногенція: вѣтъ пятый; училища.

Въ одинъ изъ таковыхъ походовъ на предѣлы великой Сиріи, лежащей на границѣ Вавилона и Финикіи, попущеніемъ Божиимъ случилось Петру потерпѣть совершенное пораженіе. Онъ, со многими другими воинами, взятъ былъ въ плѣнъ, и варвары отвели его въ одну изъ сильныхъ въ Аравіи крѣпостей, Самару, находящуюся на берегахъ Евфрата. Въ Самарѣ они обложили плѣнника тяжкими оковами и ввергли въ смрадную темницу, подъ крѣпкую стражу, запретивъ къ нему всякій входъ и такимъ образомъ лишивъ его всякаго утѣшенія *). Неся столь горькую участь, благоразумный схоластикъ, вмѣсто ропота, сталъ безпрестанно испытывать себя: не былъ ли онъ самъ причиною такого своего несчастія? — и вспомнилъ, что когда-то, не одинъ разъ, обѣщалъ онъ Богу оставить міръ и вся яже въ мірѣ, и быть инокомъ, а между тѣмъ и донинѣ не исполнилъ своего обѣщанія. Поэтому, вполне сознавая себя достойнымъ своего злополучія, онъ много и жестоко обвинялъ себя и такимъ образомъ, съ благодареніемъ терпѣлъ ниспосланное ему отъ Бога наказаніе.

Много уже провелъ времени Петръ въ этомъ горькомъ своемъ заключеніи и, не чая никакихъ человѣческихъ средствъ для освобожденія себя, рѣшился просить помощи свыше, у всесильнаго Бога, могущаго освободить его отъ этихъ тяжелыхъ узъ невѣдомыми судьбами, какъ извелъ Онъ Апостола Петра изъ Иродовой темницы. Вспомнилъ тогда Петръ о великомъ чудотворцѣ Николаѣ, къ которому всегда питалъ великую вѣру и любовь и глубоко благоговѣлъ предъ его чудесами, какія творилъ святой для всѣхъ, съ вѣрою призывавшихъ его въ своихъ нуждахъ. Посему, со многими слезами, сталъ онъ вопіять къ скорому помощнику всѣмъ

*) Все это случилось въ царствованіи Теофила, когда агаряне, завоевавъ Аморею фригійскую, многихъ отвели въ плѣнъ въ Сирію и доставили мученической вѣнецъ извѣстнымъ 42 мученикамъ въ Аморею (смотри марта 7-й день). Агіоритъ Іаковъ. Рип. въ нашей библіотекѣ.

сущимъ въ бѣдахъ, святителю Николаю. „Знаю хорошо, святыи чудотворче,“ говорилъ онъ, „что я недостойнъ получить отъ Бога прощеніе и свободу отъ этого горькаго плѣна, ибо многажды оказывался предъ Нимъ лжецомъ, — знаю, что праведно нахожусь въ этой смрадной темницѣ, и потому не дерзаю молить Его Самого о своемъ освобожденіи, чтобы не прогнѣвать Его еще болѣе: но святость твою призываю, отче святыи; ибо ты имѣешь святое обыкновеніе утѣшать тѣхъ, которые претерпѣваютъ великія нужды, и облегчать скорби и страданія ихъ, когда они приываютъ тебя отъ полноты души своей. Къ тебѣ, все-святыи Николае, нынѣ прибѣгаю и я съ горькими слезами и мольбою о себѣ; тебя полагаю ходатаемъ о мнѣ и поручникомъ моимъ отъ нынѣшняго дня предъ благоутробнымъ Господомъ въ томъ, что если Онъ восхощетъ устроить мое освобожденіе посредствомъ твоего прошенія, я оставлю всѣ попеченія и заботы мірскія, даже не зайду и въ отечество свое, а отправлюсь прямо въ великій Римъ, и тамъ, въ церкви верховнаго Апостола Петра, принявъ иноческій образъ, въ иночествѣ проведу всю остальную мою жизнь, чтобы, по мѣрѣ моихъ силъ, служить Создателю моему и всещедрому Благодѣтелю Богу, и благоугождать Ему.“ Это говорилъ человекъ Божій со мною горестію и скорбію, въ молитвахъ своихъ къ святителю и чудотворцу Николаю. Къ симъ теплымъ своимъ мольбамъ святыи Петръ приложилъ также и постъ, и бдѣніе, такъ что одинъ разъ въ продолженіе цѣлой седмицы не вкусилъ никакой пищи. По окончаніи столь напряженной молитвы узника, является ему во снѣ великій Николай, скорый помощникъ всѣмъ призывающимъ его, и говоритъ: „Братъ Петръ! прошенію твоему я внялъ, и скорбь сердца твоего знаю, и человеколюбиваго Бога о тебѣ молилъ: но за твою прошедшую медлительность, въ исполненіи твоихъ обѣтовъ, и Онъ медлитъ исполненіемъ

моего о тебѣ ходатайства, а можетъ быть и инымъ образомъ устрояетъ спасеніе души твоей. Но такъ какъ мы имѣемъ заповѣдь: *просите и дастся вамъ* (Матѣ. 7, 7), то будемъ терпѣливо толкать въ двери Его милосердія и человѣколюбія, въ той надеждѣ, что Онъ нещремѣнно исполнить наше прошеніе, если только служить оно къ нашей пользѣ. “Итакъ, великій Николай заповѣдалъ тогда святому Петру имѣть терпѣніе въ трудахъ и, приказавъ ему подкрѣпиться пищею, сталъ невидимъ. Послѣ сего, Петръ еще болѣе усилилъ подвиги поста и молитвы, и святой Николай вскорѣ вторично является ему, но теперь уже съ нѣкоторымъ видомъ печали. „Повѣрь мнѣ, братъ мой Петръ,“ говоритъ онъ, „что съ того времени не преставалъ я молить Бога и утруждать человѣколюбіе Его о тебѣ, но не знаю, по какимъ судьбамъ Онъ не соизволяетъ на освобожденіе твое отсюда. Иногда многоблагодутробный нашъ Господь, промышляя о нашей же пользѣ, благотворить намъ медленно, чтобъ мы долѣе не забывали благодати, съ трудомъ и чрезъ долгое время отъ Него принятой; а можетъ быть, Онъ хочетъ, чтобы умоляли Его другіе, болѣе достойные други, потому наше прошеніе оставляетъ безъ исполненія. Въ этомъ случаѣ, я укажу тебѣ на одного Его друга, достойнаго и сильнаго къ Нему молитвенника. Примемъ сего угодника въ помощь въ нашихъ молитвахъ къ Богу, и я увѣренъ, что Богъ исполнить совокупное наше съ нимъ прошеніе о тебѣ, если только ты дашь рѣшительное слово устоять въ томъ, что общаешь.“ Тогда Петръ, въ недоумѣніи, говоритъ святому Николаю: „Владыко мой пресвятой! Ужели есть ктонибудь, чье моленіе было бы скорѣе твоего услышано Богомъ, если въ твоихъ молитвахъ находить утѣшеніе и отраду весь міръ!“ — „Знаешь ли ты, Петре,“ сказалъ ему тогда святой Николай, „праведнаго Симеона, названнаго Богопріимцемъ, потому что онъ въ

іерусалимскомъ святилищѣ принялъ въ объятія свои Христа Бога нашего, насъ ради вочеловѣчившагося, когда Онъ былъ сорокодневнымъ младенцемъ? — „Какъ не знать, святче Божій, того, о которомъ написано во святомъ Евангеліи!“ сказалъ ему въ умиленіи души, Петръ. — „Такъ его-то оба мы съ тобою будемъ просить,“ прибавилъ великій Николай, „да походатайствуетъ онъ со мною о тебѣ предъ Христомъ Богомъ, и я уповаю, что всеблагій Человѣколюбецъ услышитъ тогда насъ; ибо святой Симеонъ, предстоя престолу Владычному съ честнымъ Предтечею и Крестителемъ Іоанномъ и Пресвятою Божіею Матерію, имѣетъ великое дерзновение ко Господу Богу и силенъ у Него.“ Съ сими словами видѣніе кончилось и Петръ, пробудившись, отъ души благодарилъ святителя Христова Николая. Послѣ сего онъ сталъ еще болѣе поститься и усерднѣе просить Бога и Святыхъ Его угодниковъ, Николая и Симеона.

Наконецъ, какъ бы съ торжествующимъ видомъ, является блаженному Петру св. чудотворецъ Николай, уже на яву, и говоритъ: „Дерзай, братъ Петръ, и воздай славу Богу: наконецъ услышалъ Онъ наше о тебѣ моленіе, и вотъ великій Симеонъ, котораго я предлагалъ тебѣ въ помощники въ нашихъ къ Богу молитвахъ, пришелъ освободить тебя отъ узъ.“ Когда Петръ взглянулъ и увидѣлъ идущаго къ себѣ великаго подзаконнаго праведника, тогда, отъ чуднаго вида небеснаго посѣтителя, объялъ его невольный страхъ и трепеть. Священнолѣпный старецъ Симеонъ имѣлъ въ рукѣ своей златый жезлъ и былъ облеченъ въ полное ветхозавѣтное архіерейское облаченіе. Дошедши до Петра, онъ сталъ возлѣ него и говоритъ ему: „Ты ли стужаешь брату нашему Николаю объ освобожденіи тебя отъ этого заключенія?“ — Петръ, отъ объявшаго его страха, едва могъ отвѣчать: „Да, святче Божій, я тотъ окаянный, который споручникомъ моимъ къ Богу положилъ сего великаго Ни-

колая, а ходатаемъ предъ Нимъ о мнѣ и молитвенникомъ— твою святыню.“— „Но если ты полагаешь насъ споручниками къ Богу,* спросилъ св. Симеонъ, „то исполнишь ли, что обѣщаешь,—т.-е. будешь ли инокомъ и проведешь ли остальную твою жизнь въ постничествѣ, съ усердіемъ?“— „Я рабъ вашъ,* отвѣчалъ блаженный Петръ съ глубокимъ смиреніемъ, „при помощи Божіей, исполню все это, и въ истинѣ моего обѣщанія васъ же самихъ полагаю достовѣрными свидѣтелями предъ Богомъ.“— „Если такъ,“ продолжалъ праведный Симеонъ, „то выходи изъ этой темницы безпрепятственно и иди, куда хочешь.“ Петръ показалъ ему ноги свои, которыя были забиты въ дерево. Но Богопріимецъ коснулся жезломъ своимъ оковъ, и онѣ во мгновение ока распались, какъ воскъ отъ огня. Освободивъ такимъ образомъ Петра отъ узъ, святой Симеонъ пошелъ вонъ изъ темницы и велѣлъ ему слѣдовать за собою, и тотчасъ же они всѣ трое, — святой Николай, Богопріимецъ Симеонъ и Петръ,—оказались идущими внѣ крѣпости самарской. Петръ, отъ удивленія и изумленія, это, совершившееся съ нимъ, преславное чудо почиталъ въ мысли своей сновидѣніемъ. „Не сновидѣніе видишь ты,“ замѣтилъ тогда праведный Симеонъ, „а истинное свое отъ узъ освобожденіе; что еще колеблешься въ своихъ мысляхъ?“ За тѣмъ, поручивъ святому Николаю имѣть о Петрѣ попеченіе, онъ удалился. Послѣ сего, великій чудотворецъ Николай велѣлъ блаженному Петру укрѣпиться пищею и взять оной съ собою на путь.

Увѣрившись, такимъ образомъ, въ истинѣ чуднаго своего избавленія, и воздавъ благодареніе Богу и небеснымъ своимъ ходатаямъ Симеону и Николаю, Петръ началъ въ точности исполнять свои обѣты, данные имъ Господу Богу во время своего злостраданія,—т.-е. изъ Аравіи, достигнувъ предѣловъ греческихъ, не отправился на свою от-

чизну, но направилъ стопы свои прямо въ древній Римъ. Святитель же Христовъ Николай, однажды взявъ его подъ свой покровъ, уже не оставлялъ своею помощію на всемъ пути, но, какъ сострадательный и чадолюбивый отецъ, или какъ благій дѣтководитель, руководилъ его видимо и невидимо и скоро привелъ въ Римъ, въ совершенной безопасности и благополучіи. Когда Петръ достигъ предѣловъ Рима, святой Николай замѣтилъ ему такъ: „Время, братъ Петръ, исполнить тебѣ безъ отлагательства свое обѣщаніе Богу; если же, по прежнему, замедлишь исполненіемъ, то знай, что поведутъ тебя связаннымъ въ самарскую темницу.“ Желая удостовѣрить святаго Николая въ непремѣнности своего намѣренія, Петръ сказалъ ему: „Святче Божій! я и теперь еще боюсь гнѣва Божія за прежнюю медлительность; нѣтъ, во второй разъ не буду измѣнникомъ Христу, Владыкѣ моему,—не будетъ сего, не будетъ во вѣки! Я и въ домъ мой никогда не пойду, и не явлю себя никому изъ своихъ, чтобы они не воспрепятствовали мнѣ во святомъ стремленіи моей воли.“ Затѣмъ вошелъ онъ въ Римъ, гдѣ рѣшительно никто не зналъ его. Предъ вшествіемъ Петра въ Римъ, святитель Христовъ Николай явился во снѣ папѣ, которому, держа Петра за руку и указывая на него, рассказалъ все подробно, причемъ объявилъ ему и самое его имя, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалъ ему представляемаго имъ немедленно облечь въ иноческій ангельскій образъ, при гробѣ святаго верховнаго Апостола Петра. Папа, вставъ отъ сна, долго размышлялъ о видѣнномъ имъ ночью. Когда же настало время литургіи, онъ отправился въ церковь. День былъ воскресный. Въ числѣ многихъ другихъ богомольцевъ, въ церковь верховнаго Апостола пришелъ и Петръ. Папа прилежно разсматривалъ собравшихся молитвенниковъ, желая узнать челоуѣка, видѣннаго имъ во снѣ, и лишь только, среди множества народа, распозналъ его, тотчасъ подалъ ему знакъ, чтобы

онъ подошелъ къ нему. Папою сдѣлано было это два или три раза, но Петръ не понималъ его. Замѣтивъ наконецъ, что Петръ невнимателенъ къ его помаваніямъ, папа началъ звать его по имени: „Тебѣ говорю, Петръ, пришедшій, теперь изъ Греціи, котораго изъялъ изъ темницы самарской великій чудотворецъ Николай! почему не хочешь ты придти ко мнѣ, когда я зову тебя?“ Петръ изумился, — какъ папа столь скоро могъ узнать его, никогда прежде не видавши, и со многими смиренномудріемъ отвѣчалъ: „Я рабъ твой, преблаженный владыко!“ — „Не дивись, братъ Петръ“, говоритъ ему тогда папа, „что я зову тебя по имени: великій отецъ нашъ Николай въ прошлую ночь явился мнѣ во снѣ, и подробно рассказалъ о твоихъ страданіяхъ въ темницѣ самарской и объ освобожденіи тебя изъ оной, и объявилъ мнѣ твое имя и твое желаніе принять на себя въ церкви верховнаго Апостола Петра иноческій ангельскій чинъ.“ Засимъ папа тотчасъ же, предъ всѣмъ народомъ, облекъ Петра во иноческій чинъ. По принятіи этого святаго образа, Петръ пробылъ у папы нѣсколько времени, слушая душеполезныя и спасительныя его наставленія. А потомъ папа, слѣдуя открытой ему волѣ Божіей, отпустилъ его изъ Рима и напутствовалъ-святительскимъ своимъ благословеніемъ. Итакъ, святой Петръ, испросивъ себѣ у отца своего, преблаженнаго папы, святыхъ молитвъ и, съ своей стороны, пожелавъ ему вѣчнаго спасенія и привѣтствовалъ весь его клиръ, вышелъ изъ ветхаго Рима, съ усердною молитвою къ Богу, да сопровождаетъ Онъ его всюду все-святою Своею волею, и скоро явился на берегу моря. Строеніемъ Божиимъ, случился тогда корабль, идущій на востокъ, — и Петръ, предавая себя Промыслу Божію, вошелъ въ него. Скоро затѣмъ подулъ попутный вѣтеръ, и корабль понесся по своему направленію.

Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, корабельщики при-

стали къ берегу, чтобы запастись свѣжимъ хлѣбомъ. Въ домѣ, въ который случилось имъ войти, они нашли и хозяина, и всѣхъ домашнихъ его страдавшими горячкою. Корабельщики, изготовивъ хлѣбы, остановились здѣсь покушать; заботясь же и объ оставшихся у нихъ на кораблѣ, то есть, о своемъ шкиперѣ и объ аввѣ, они поручили одному изъ своихъ товарищей снести имъ свѣжихъ хлѣбовъ. Услышавъ, что корабельщики, въ своихъ разговорахъ, упоминаютъ объ аввѣ, хозяинъ дома обратился къ нимъ съ вопросомъ: кто такой этотъ авва? Узнавъ же о св. Петрѣ, сталъ усиленно просить ихъ: „братія мои!“ говорилъ онъ, „прошу васъ ради любви Божіей, приведите сюда вашего авву, чтобы онъ благословилъ насъ прежде нашей смерти; ибо и я, и сынъ мой, и всѣ мои домашніе, отъ великой, обдержавшей насъ болѣзни, какъ это видите вы и сами, находимся уже при смерти.“ Корабельщики, умилившись слезною просьбою хозяина, пошли на корабль и рассказали святому Петру о бѣдствіи того дома и о прошеніи хозяина. Святой, по смиренію своему, не хотѣлъ-было идти: но когда сказали ему, что больные находятся при смерти,—онъ, помня будущее, на страшномъ судѣ, наказаніе жестокосердымъ (Матѣ. 25, 43) и движась чувствомъ челоѣколюбія, склонился на просьбу корабельщиковъ, рѣшился посѣтить больныхъ и пошелъ къ нимъ вмѣстѣ съ корабельщиками. Лишь только святой вошелъ въ домъ и произнесъ: „миръ дому сему и живущимъ въ немъ!“ тотчасъ,— о чудо!—больной домохозяинъ какъ бы всталъ отъ сна— совершенно здоровымъ и, притекши къ святому, палъ къ ногамъ его и со слезами лобызалъ ихъ. Святой поднялъ домохозяина съ земли, а этотъ, взявъ его за руку, повелъ ко всѣмъ кроватямъ своихъ больныхъ, чтобы онъ благословилъ ихъ. Обходя больныхъ, святой надъ каждымъ изъ нихъ творилъ знаменіе честнаго креста, и всѣ, помощію

Божією и молитвою его, вставали здоровыми и прославляли Бога, опечалившаго ихъ на нѣкоторое время, но потомъ пославшаго имъ такого скорого цѣлителя. Послѣ сего корабельщики, вмѣстѣ съ Петромъ, возвратились на корабль, рассказали о чудѣ святаго Петра кораблеправителю, и всѣ, воздавъ славу Богу, пали къ ногамъ святаго и просили у него молитвъ и благословенія, въ чемъ онъ и не отказалъ имъ. А исцѣлѣвшій хозяинъ дома, взявъ съ собою хлѣбъ, вино и масло, со всѣми исцѣлившимися, вслѣдъ за Петромъ, пришелъ на корабль и просилъ святаго своего благодѣтеля взять отъ него малые сіи дары. Но человекъ Вожій похвалилъ доброе ихъ произволеніе, а даровъ брать не хотѣлъ, повелѣвая быть благодарными не ему, а Богу, и только уже послѣ усиленной просьбы какъ исцѣлившихся, такъ и корабельщиковъ, принялъ малую часть изъ принесеннаго ему, и это скудное, но усердное приношеніе отдалъ корабельщикамъ, чтобы они раздѣлили его между всѣми находившимися на кораблѣ. Дароносцы, отдавъ дары свои святому, возвратились съ неизреченною радостію домой, прославляли Бога и благодарили преподобнаго. Послѣ того корабль снова двинулся въ путь, и всѣ плившіе въ немъ, полные радости, съ благоговѣніемъ рассказывали другъ другу о чудѣ, какое совершилъ святой Петръ, причемъ много дивились безмѣрному его воздержанію; ибо онъ, въ цѣлые сутки, вкушалъ хлѣба только по одной онгіи *), а воды пилъ по одной малой чашѣ.

Въ продолженіе плаванія, корабельщики, для исправленія своихъ нуждъ, снова гдѣ-то пристали къ берегу. Святой Петръ восхотѣлъ здѣсь немного уснуть, и лишь только легкій сонъ смежилъ его очи, какъ явилась ему, осіяваемая небесною славою, Царица неба и земли, со святымъ Николаемъ, который, предстоя Ей со многими страхомъ и

*) Т.-е. унція—12-я часть фунта.

благоговѣніемъ, умоляль Ее такъ: „Владычице, Богородице и Госпоже міра! если, предстательствомъ Своимъ предъ Сыномъ Твоимъ и Богомъ нашимъ, Ты освободила сего раба Твоего отъ горькаго того плѣна, то покажи ему и мѣсто, гдѣ бы онъ удобно могъ творить волю Божию во всю остальную его жизнь, какъ самъ то обѣщаль.“ — „Для свободнаго служенія Богу,“ сказала Пресвятая Богородица святому Николаю, „нѣтъ другаго, болѣе удобнаго мѣста, какъ гора Аѳонская, которую Я пріяла отъ Сына Моего и Бога въ наслѣдіе Себѣ, дабы тѣ, которые хотятъ удалиться мірскихъ заботъ и смущеній, приходили туда и служили тамъ Богу безпрепятственно и спокойно. Отнынѣ гора эта будетъ называться Моимъ вертоградомъ. Много люблю Я мѣсто сіе, и придетъ время, когда оно отъ края и до края, на сѣверъ и югъ, наполнится множествомъ иноковъ. И если иноки тѣ отъ всей души будутъ работать Богу и вѣрно сохранять заповѣди Его, то Я сподоблю ихъ, въ великій день Сына Моего, великихъ дарованій: еще здѣсь, на землѣ, будутъ они получать отъ Меня великую помощь; Я стану облегчать болѣзни и труды ихъ и дамъ имъ возможность, при малыхъ средствахъ, имѣть довольство въ жизни, даже ослаблю вражескую противъ нихъ брань, и имя ихъ сдѣлаю славнымъ во всей подосолнечной.“

Проснувшись, преподобный мнилъ еще зрѣть бывшее ему во снѣ Божественное видѣніе, а потомъ, успокоившись немного, отъ всей души славилъ и благодарилъ Бога, сподобившаго его видѣть Божественное сіе чудо. Было тогда около третьяго часа дня. Корабельщики, какъ только подулъ благопріятный вѣтеръ, подняли вѣтрила и благополучно поплыли. Когда же плыли они противъ св. Аѳонской горы, корабль ихъ, какимъ-то чудомъ, остановился близъ мѣста, такъ называемаго нынѣ Каравостаси, и сталъ тамъ какъ вкопанный. Корабельщики, видя это неожидан-

ное ими чудо, недоумѣвали о причинѣ остановки корабля, потому что и вѣтеръ былъ довольно силенъ, и глубина моря въ томъ мѣстѣ почти неизмѣрима. „Можетъ быть,“ говорили они со слезами, „мы въ чемъ-нибудь согрѣшили противъ Бога, и Онъ хочетъ погубить насъ здѣсь.“ Когда они, съ плачемъ и стенаніями, такимъ образомъ разсуждали, святой Петръ спросилъ ихъ: „Чада мои о Господѣ! скажите мнѣ, какъ называется эта гора, — и, можетъ быть, я утѣшу васъ и разрѣшу ваше недоумѣніе.“ — „Аѳономъ называется гора эта, честный отче,“ со слезами отвѣчали ему корабельщики. — „Такъ знайте, чада мои, что изъ-за меня сдѣлалось препятствіе въ плаваніи вашему кораблю, и если вы не высадите меня и не оставите въ этомъ мѣстѣ, то далѣе отсюда не двинетесь ни на шагъ.“ Нерадостны были корабельщикамъ сіи слова святаго: но дѣлать было нечего: волѣ Божіей противиться они не дерзали, — и нехотя высадили святаго на берегъ горы. „Горе намъ! великаго сокровища, сильнаго покрова и крѣпкой помощи лишаемся мы!“ съ плачемъ говорили корабельщики, высаживая святаго съ корабля своего. А святой утѣшалъ ихъ въ скорби молитвою о нихъ и, наконецъ, преподавъ имъ потребныя наставленія, благословилъ всѣхъ ихъ и, трижды ознаменовавъ знаменіемъ честнаго креста даже корабль, простился съ ними.

Оставшись одинъ на берегу горы, святой Петръ принесъ тамъ прилежную ко Господу Богу молитву, а потомъ, сотворивъ знаменіе честнаго креста на всемъ своемъ тѣлѣ, началъ восходить на гору по нѣкоей узкой, стремнистой тропинкѣ, слегка проложенной въ страшной густотѣ лѣса, не стопою человѣческою, а дикими звѣрями, — въ намѣреніи найти мѣсто, совершенно соотвѣтствующее влеченіямъ души своей, то-есть, во всѣхъ отношеніяхъ удобное для глубокаго безмолвія. Съ великимъ трудомъ и со многимъ

потомъ восходилъ онъ на верхъ горы. Обозрѣвъ многія горы и юдоли, разсѣлины и пропасти аеонскія, святой нашель, наконецъ, одну глубокую и весьма темную пещеру, такъ какъ входъ въ нее загромождался сгустившимися деревьями, но очень удобную для помѣщенія. Въ этой пещерѣ гнѣздилося безчисленное множество змѣй и ядовитыхъ гадовъ, а еще больше демоновъ. Лишь только демоны увидѣли святаго, приближавшагося къ ихъ гнѣздилищу, какъ возстали противъ него со всею своею злобою; но онъ, презирая злобу ихъ, рѣшился водвориться въ этомъ богосозданномъ убѣжищѣ, потому что находилъ его во всемъ соотвѣтствующимъ святой своей мысли. Итакъ, призвавъ многомогущее имя Іисуса и Пречистой Его Матери и вооружившись всесильнымъ оружіемъ креста, онъ дерзновенно вошелъ въ эту пещеру, — и все множество бѣсовъ и гадовъ, какъ дымъ, исчезло. Однакожь, много еще предстояло борьбы святому противъ изгнанныхъ имъ злыхъ духовъ изъ ихъ гнѣздилища: того, что потерпѣлъ онъ отъ нихъ, не можетъ ни языкъ человѣческій высказать, ни ухо наше выслушать. Впрочемъ, коснемся нѣсколько этой жестокой брани своимъ рассказомъ.

Поселившись въ пещерѣ, бывшей обиталищемъ бѣсовъ, святой началъ съ горячею любовію и съ великимъ усердіемъ, день и ночь, возсылать свои молитвы и благодаренія Господу Богу; тѣлесная же пища ему и на мысль не приходила. Но къ такимъ ангельскимъ подвигамъ святаго могли долго быть равнодушнымъ унижаемый имъ и низлагаемый врагъ всякаго добра, отецъ преисподней? Не прошло еще и двухъ недѣль отъ поселенія святаго въ пещерѣ, какъ древній завистникъ не могъ болѣе сносить пребыванія его тамъ. Для лучшаго же успѣха, въ своей злобѣ противъ святаго, поднялъ онъ на брань всю адскую свою силу. Толпы демоновъ въ видѣ многочисленнаго воинства

со всевозможнымъ оружіемъ явились къ пещерѣ добровольнаго мученика.

Окруживъ пещеру святаго, одни изъ демоновъ производили разнаго рода стрѣльбу, другіе устремлялись съ копьями или мечами, тѣ металы огромные камни, эти мечтательно потрясали самую горою, — и всѣ, производя неистовый шумъ, кричали страшными голосами: „уходи немедленно изъ нашего жилища, — иначе мы сейчасъ убьемъ тебя.“ Видя и слыша это демонское смятеніе и противъ себя возстаніе, святой уже отчаявался въ самой своей жизни, ибо видѣлъ ясно, какъ бросали въ него стрѣлы и камни. Но милосердый Богъ сохранилъ вѣрнаго Своего раба невредимымъ отъ злодѣйства діавольскаго. „Впрочемъ, выйду,“ сказалъ самъ себѣ святой Петръ, „и посмотрю, кто встанетъ на меня, смиреннаго и безсильнаго, съ такимъ бѣшенствомъ.“ Вышелъ святой и увидѣлъ, что безчисленное множество бѣсовъ окружило его пещеру. Бѣсы же устремились на него съ дикими воплями, свирѣпо взирали на него и готовы были поглотить его живаго, а пещеру разрушить до основанія. Тогда святой, возведши на небо душевныя и тѣлесныя свои очи, громогласно возопилъ: „Пресвятая Богородице! помоги рабу Твоему!“ Демоны, услышавъ страшное для нихъ, вождельнѣйшее же намъ, имя Пресвятой Богородицы, тотчасъ сдѣлались невидимы, а святой, возблагодаривъ Пренепорочную, снова началъ подвизаться подвигомъ добрымъ, отъ глубины души прося Христа Господа не оставить его, грѣшнаго и недостойнаго раба, на поруганіе демону.

Прошло не болѣе пятидесяти дней, и демоны снова возстали противу святаго, вооружившись теперь уже другимъ образомъ. Они собрали всѣхъ звѣрей, обитавшихъ въ горѣ, змѣй и гадовъ, и сами, принявъ видъ гадовъ и змѣй, явились къ его пещерѣ и устремились на него съ

остервененіемъ. Одни изъ нихъ наводили страхъ ужаснымъ своимъ свистомъ и шипѣніемъ, другіе ползали при ногахъ его, тѣ старались уязвить его, устремляясь на самое лицо, а эти, зіяя своею пастью, покушались поглотить его живаго. Зрѣлище было ужасное! Но святыи Петръ, знаменіемъ честнаго креста и именемъ Господа Іисуса и Пресвятой Владычицы Богородицы, уничтожилъ всю силу бѣсовскую, какъ паутину.

Впрочемъ, демонъ всегда злобенъ, лукавъ, хитръ и безстыденъ. Испытавъ пораженіе отъ святыхъ, онъ не оставляетъ своей злобы противъ нихъ и не прекращаетъ брани. Послѣ нѣсколькихъ пораженій, кромѣ сказанныхъ, онъ, чрезъ годъ послѣ поселенія святаго на Аѳонѣ, изобрѣлъ новое средство къ низложенію великаго сего подвижника, и средство самое хитрое, — а потому тѣмъ горше посрамился въ своихъ злоухищреніяхъ. Окаянный демонъ, принявъ на себя видъ одного изъ слугъ святаго Петра, явился въ пещеру его и, съ крайнимъ безстыдствомъ, сталъ обнимать и лобзать своего господина, потомъ сѣлъ и началъ, прикрытую самую ловкою и безстыдною лестію, бесѣду, сопровождая ее даже слезами. „Отъ многихъ слышали мы, господинъ мой, честь моя и свѣтъ мой,“ говорилъ бѣсъ плачевнымъ тономъ, „что варвары и безбожники, схвативъ тебя на войнѣ, увели плѣннымъ въ крѣпость самарскую и, оковавъ тяжкими желѣзами, окаянные, заключили тамъ въ самой гнусной и смрадной темницѣ. Повѣрь, скорби нашей объ этомъ твоёмъ заключеніи я не могу и выразить. Но вотъ скоро Богъ благоволилъ и утѣшить насъ въ нашей скорби, и возвеселить сердца наши неизглаголанною радостію. Вдругъ мы слышимъ, что Онъ, Всеблагій, по молитвамъ и предстательству преблаженнаго Николая, извелъ тебя изъ той гнусной темницы и, подъ Своимъ руководствомъ, привелъ въ древній Римъ. Слыша такія благія

вѣсти, мы отъ радости, кажется, не слышали въ себѣ и души, и всѣ, кто ни есть въ славномъ твоёмъ домѣ, а особенно я, вѣрный твой рабъ, возжигались пламеннымъ желаніемъ видѣть нашими глазами любезное, ангельское твое лицо и насладиться мудрѣйшею и сладчайшею твоею бесѣдою. Но Богу снова было угодно повергнуть насъ въ глубокую печаль и неутѣшный плачь о лишеніи тебя: намъ неизвѣстно было, куда ты скрылся изъ Рима. Посему, желая найти тебя, мы ходили по многимъ крѣпостямъ, селеніямъ и пустыннымъ мѣстамъ. Когда же не могли не только найти тебя, но даже и слышать, что съ тобою дѣлается, — начали усердно просить великаго чудотворца Николая, молясь ему такъ: „Пресвятыи Николае! ты много уже благодѣяній оказалъ міру, да и теперь не перестаешь оказывать ихъ; ты и возлюбленнаго нашего господина освободилъ отъ горькаго того плѣна: вонми же нашему моленію, — яви намъ его, — смиренно просимъ тебя.“ Святыи Николай, теплый помощникъ всѣмъ, съ вѣрою призывающимъ имя его, не презрѣлъ насъ, недостойныхъ, и скоро открылъ намъ тебя, сокровенное и многоцѣнное наше сокровище, — и вотъ я, любящій тебя сильнѣе всѣхъ твоихъ рабовъ, предварилъ ихъ и пришелъ къ тебѣ, господину моему. Само собою ясно, что теперь тебѣ, господинъ мой, ничего другаго не остается дѣлать, какъ принять на себя трудъ отправиться со мною въ нашъ славный домъ и, явленіемъ своимъ въ кругу домашнихъ своихъ и друзей, неизреченно обрадовать ихъ. Послушавъ въ этомъ дѣлѣ меня, вѣрнаго твоего раба, ты не меня слушаешь, а великаго Николая, который открылъ намъ тебя. Симъ и приснославимый Богъ сугубо прославится. А о безмолвіи не заботься: ты знаешь, и въ нашемъ мѣстѣ есть много монастырей, и внутри и внѣ города, и даже немало мѣстъ отшельническихъ; можешь помѣститься, гдѣ тебѣ угодно, — и тамъ, уповаю на Бога,

проведешь всю свою жизнь совершенно безмолвно. Впрочемъ, и самъ ты посуди, и скажи мнѣ истину по чистой совѣсти: чѣмъ изъ двухъ болѣе благоугождается Богъ—принесеніемъ ли пользы многимъ душамъ человѣческимъ, или заботою всякаго изъ насъ о спасеніи одного себя? Если ты, чрезъ сладчайшее твое ученіе, спасешь и одну какую нибудь душу, оболыщенную діаволомъ, то дѣло твое далеко превзойдетъ труды не одного, а многихъ пустынныхъ подвижниковъ. Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель. Онъ Самъ говоритъ чрезъ Пророка: *аще изведешь честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будешь* (Іерем. 15, 19). А ты самъ знаешь, какъ много въ нашемъ мѣстѣ людей, преданныхъ страстямъ, которыя, для обращенія своего къ истинному богопознанію отъ лести діавольской, послѣ Бога, имѣютъ нужду еще и въ другомъ какомъ-либо наставникѣ. Значить, великая тебѣ отъ Бога будетъ награда, если ты этихъ оболыщенныхъ діаволомъ возвратишь отъ него къ законному Владыкѣ Богу. И насъ, твоихъ рабовъ, для чего столько презираешь, удаляясь отъ насъ и скрываясь въ этихъ каменныхъ разсѣлинахъ? Итакъ, о чемъ еще думаешь? въ чемъ недоумѣваешь? почему нейдешь съ искреннимъ и преданнѣйшимъ тебѣ рабомъ, который любитъ тебя отъ полноты души, и есть благой твой совѣтникъ?— Это и подобное сему говорилъ демонъ. Святый, не постигая самъ причины внутреннихъ своихъ волненій, во время безстыдной демонской бесѣды, началъ смущаться и невольно чувствовалъ непріятный трепетъ сердца. Но иначе и быть не могло: при демонскихъ явленіяхъ человѣку, душа его всегда смущается; въ присутствіи же Ангела Божія, она радуется и чувствуетъ неизъяснимое удовольствіе *). Находясь въ этомъ принужденномъ состояніи, святый плакалъ и, омочая

*) Мысль эта хорошо раскрыта у преподоби. Макарія Егип., смотри его творенія, бесѣд. 7. Изд. 3. Москва, 1880.

лицо свое слезами, говорилъ демонѣ: „знай, человѣче, что въ это мѣсто привелъ меня не Ангелъ, не человѣкъ, а Самъ Богъ и Пресвятая Богородица, и потому, безъ воли Ихъ, я не могу выйти отсюда.“ Демонъ, лишь только услышалъ пресвятое имя Божіе и Пренепорочной вдругъ исчезъ, какъ призракъ. Святой Петръ не могъ надивиться злоумышленію, коварству и дерзости демона, и, отъ всей души возблагодаривъ Бога и Царицу небесную, началъ снова подвизаться со смиреніемъ и сокрушеніемъ сердца въ молитвѣ, воздержаніи и постѣ, такъ что достигъ въ мѣру истинной любви и чистоты ума. Разсѣдался демонъ отъ злобы, зависти и неудачъ, и не прекращалъ ухищреній своихъ противъ святаго, стараясь всевозможнымъ съ его стороны образомъ сокрушить крѣпость его добродѣтели и силу его преданности Богу.

Спустя, послѣ помянутаго искушенія, семь почти лѣтъ, сынъ тьмы, коварный и многокозненный демонъ, снова покусился низложить святаго, преобразившись уже въ Ангела свѣтла. Дерзко и нагло похитивъ не принадлежащій ему образъ, демонъ явился во образѣ Ангела съ обнаженнымъ въ рукѣ мечемъ и, ставъ близъ отверстія пещеры святаго, говоритъ ему: „Петръ, искренній служитель Христовъ! изыди вѣнъ, выслушай отъ меня нѣкія таинства Божія и душеполезныя наставленія.“ Святой сказалъ на это демонѣ: „а ты кто, и откуда пришелъ, и съ какими полезными для меня назиданіями явился сюда!“—„Я архистратигъ силы Божіей,“ отвѣчалъ демонъ: „Всемогущій послалъ меня возвѣстить тебѣ нѣкія пренебесныя тайны. Мужайся же, крѣпись и радуйся; ибо уготованъ тебѣ неувядаемый вѣнецъ и Божественная слава. Нынѣ ты долженъ оставить это мѣсто и идти въ міръ, чтобы отъ добродѣтельнаго твоего житія и высокаго ученія воспріяли пользу и другія души человѣческія. Въ намѣреніи переселить тебя отсюда, Господь из-

сушилъ и источникъ воды, изъ котораго ты пилъ.“ Для лучшаго обольщенія святаго, прехитрый изобрѣтатель зла, злокозненный врагъ спасенія человѣческаго, попущеніемъ Божіимъ, дѣйствительно тогда воспрепятствовалъ теченію воды. Но святой Петръ падшей гордынѣ на злую его лесть отвѣчалъ самымъ смиреннымъ образомъ: „ужели я, смердящій и нечистый, стою того, чтобъ пришелъ ко мнѣ Ангель Господень?“ А лжеангелъ на это сказалъ ему: „Не удивляйся, святе! ты, въ нынѣшнія времена, своими подвигами превзошелъ древнихъ святыхъ и Пророковъ: Моисея, Ілію, Даниїла и Іова; великимъ ты признанъ на небесахъ за превеликое твое терпѣніе. Ілію и Моисея ты превзошелъ постомъ, Даниїла—вселеніемъ со смертоносными змїями, а Іова—совершенствомъ терпѣнія. Но выйди сюда, и собственными твоими очами увѣрся въ оскудѣніи воды, и потомъ, безъ всякаго сомнѣнія, иди въ монастыри мірскіе. Тамъ,—такъ глаголетъ тебѣ Господь Вседержитель,—тамъ я всегда буду съ тобою, и многихъ тобою спасу. Вотъ прямая о тебѣ воля Божія!“ Но святой явившемуся самозванцу отвѣчалъ: „знай, что если не придетъ сюда Госпожа моя Богородица, которая послала меня въ это мѣсто, и помощникъ въ нуждахъ моихъ, святой Николай, я не выйду отсюда.“ Діаволь, какъ только услышалъ имя Пренепорочной, тотчасъ исчезъ. Тогда блаженный Петръ увидѣлъ и крайнее злоумышленіе врага, и безпредѣльную вражду его противъ рабовъ Божіихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при державномъ защищеніи ихъ всемогущею десницею Божіею,—и все его противъ нихъ безсиліе. „Христе Іисусе, Боже и Господи мой!“ произнесъ святой Петръ изъ глубины души, по удаленіи отъ него діавола: „вотъ, врагъ мой діаволь, яко левъ рыкая, ходитъ, ища поглотить меня, грѣшнаго; но Ты, Господи, не оставь меня, во всѣ дни живота моего, всемогущею Твоею помощію.“

Въ ту ночь святой Петръ сподобился небснаго утѣшенія: во снѣ явились ему скорая Помощница всѣхъ христіанъ, Богородица и святой великій Николай. „Петръ!“ изрекла ему тогда Владычица: „отселѣ уже не бойся злоумышленій врага, ибо Богъ съ тобою: завтра посланъ будетъ къ тебѣ истинный Ангель Господень, съ небсною пищею, и, по повелѣнію Божію, всегда будетъ являться съ нею черезъ сорокъ дней; онъ покажетъ тебѣ и манну, которая будетъ твоею пищею во всю жизнь“ *). Такимъ образомъ, утѣшивъ Своего раба, Владычица міра отошла въ пренебсныя селенія. Святой же Петръ, возбудившись благоговѣйно палъ на то мѣсто, гдѣ стояли пречистыя ноги Пресвятыя Богородицы и великаго святаго отца Николая, и, лобызая ту землю, громогласно благодарилъ Бога, что Онъ удостоилъ его видѣть такія страшныя таинства. На утро, дѣйствительно, явился къ святому Петру Ангель Бога Всевышняго, съ небсною пищею, указалъ ему и манну, какъ сказала Пренепорочная, и отлетѣлъ на небеса. Послѣ сего, святой, прославляя Христа Бога и Пренепорочную Его Матерь, спокойно подвизался въ ангельскихъ своихъ подвигахъ цѣлыхъ 53 года, и, по благодати Божій, уже не былъ стужаемъ никакими демонскими привидѣніями. Въ продолженіе столькихъ лѣтъ, онъ не видалъ даже и подобія человѣческаго. Во все это время, пищей служила ему манна, показанная Ангеломъ; она падала съ неба въ видѣ росы, потомъ сгущалась и дѣлалась подобною меду.

*) Небсная та пища, приносимая Ангеломъ святому Петру черезъ 40 дней, было приобщеніе пречистыхъ, животворящихъ Христовыхъ Таинъ,—то-есть, опредѣленный на послуженіе ему, святой Ангель являлся къ нему въ назначенное Богомъ время и приобщалъ Святыхъ Таинъ, какъ это было и съ тѣми преподобными отцами, которыхъ преподобный Нафутій обрѣлъ въ пустынѣ (см. Юня 12 дня). А манна была пища тѣлесная. Посему-то святой Петръ и не просилъ (какъ увидимъ ниже) обрѣтшаго его, по устроенію Божію, ловца принести ему святаго хлѣба, подобно преподобной Маріи Египетской (см. апрѣля 1 и Феоктистъ изъ Лезвы см. ноября 9), и многимъ другимъ святымъ, жившимъ отшельнически. Агіорять Іаковъ.

А объ одеждѣ, о постелѣ, о зданіяхъ и прочихъ требсваніяхъ природы человѣческой онъ не имѣлъ и мысли: одеждою для него служила первобытная невинность; о дѣйствіяхъ зноя, бурь и холода, одушевляясь пламенною любовію къ своему Творцу и Богу и мыслию о будущемъ воздаяніи за всѣ свои страданія, онъ не беспокоился; ложемъ была для него земля, а покровомъ служило ему украшенное звѣздами небо. Однимъ словомъ, — онъ, какъ безплотный, жилъ на землѣ неземнымъ образомъ; до того же времени, какъ показана была ему манна, питался кореньями и пустынными зеліями.

Наконецъ Богъ восхотѣлъ явить ангельскую жизнь Своего угодника людямъ и устроилъ это такимъ образомъ. Одинъ охотникъ, для ловли звѣрей, пришедши на гору Аѳонскую, обошелъ уже много на ней мѣстъ, и наконецъ достигъ до того мѣста, гдѣ святой проводилъ равноангельскую свою жизнь. Недалеко отъ пещеры Петровой увидѣлъ онъ одну огромную и красивую лань и, при видѣ такой хорошей добычи, оставивъ преслѣдованіе за всѣми другими животными, цѣлый день ухищрялся поймать только это прекрасное животное. Лань, какъ будто къмъ руководимая, долго избѣгала преслѣдованій ловца, и наконецъ остановилась у самой пещеры святаго. Ловець долго гнался по слѣдамъ ея и теперь, почти уже догнавъ ее, только было хотѣлъ бросить стрѣлу, какъ вдругъ, въ правой сторонѣ пещеры, увидѣлъ нѣкоего человѣка, съ предлинною сѣдою бородою, съ бѣлыми на главѣ волосами (покрывавшими до половины тѣло его) и не имѣвшаго на себѣ никакой другой одежды, кромѣ травныхъ листьевъ. Страхъ и ужасъ объялъ ловца. Принявъ это явленіе за демонское мечтаніе, онъ оставилъ добычу и пустился со всевозможною скоростію бѣжать оттуда. Святой, желая остановить бѣгущаго отъ себя ловца, сталъ громко кричать вслѣдъ ему: „Человѣче!

что боишься? братъ! что бѣжишь отъ меня!—я такой же человѣкъ, какъ и ты, а не мечтаніе бѣсовское, какъ думаешь. Приди сюда ко мнѣ, и я расскажу тебѣ все, ибо для того Богъ и послалъ тебя сюда.“ Испуганный ловець воротился. Тогда святой Петръ, сдѣлавъ ему о Христѣ привѣтствіе, началъ говорить: „дерзай, братъ! не бойся человека, окаяннаго и грѣшнаго, во всемъ тебѣ подобнаго.“ Успокоивъ его такимъ образомъ, святой рассказалъ ему, откуда онъ сюда пришелъ, сколько уже времени здѣсь живетъ, и чѣмъ питается, какія претерпѣлъ страданія ради небесныхъ утѣшеній, какія имѣетъ утѣшенія въ своихъ скорбяхъ и какіе получилъ залогомъ вѣчнаго блаженства: словомъ, описалъ ему подробно всю свою жизнь. Выслушавъ святаго, ловець, отъ удивленія, долго не могъ сказать ему ни слова. Наконецъ, нѣсколько успокоившись, отвѣчалъ ему: „Честный отче! теперь я узналъ, что и меня, грѣшнаго, любитъ Богъ, ибо удостоилъ увидѣть тебя, сокровеннаго Его служителя. Отъ нынѣшняго дня, рабъ Божій, я не удалюсь отъ тебя, — буду, по моимъ силамъ, работать Господу Богу, вмѣстѣ съ тобою, чтобы спасти мнѣ многогрѣшную свою душу. Вижу, для того Богъ и открылъ мнѣ тебя.“ Святой на это сказалъ: „Чадо мое! въ настоящее время этого быть не можетъ. Ты долженъ прежде испытать себя, — можешь ли переносить труды подвижническіе, чтобы не быть впослѣдствіи посмѣяніемъ врагу нашему. Посему теперь иди въ домъ свой, и какое имѣешь состояніе отъ отца твоего, раздѣли бѣднымъ; затѣмъ, воздержись отъ вина, мяса, сыра и масла, а болѣе всего — отъ смѣшенія съ твоею женою; притомъ молись съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ, — и такимъ образомъ проведи весь слѣдующій годъ, а потомъ уже приходи сюда, и что откроетъ тебѣ Богъ, то и дѣлай.“ Добрый ловець принялъ къ сердцу благій совѣтъ святаго. Отпуская ловца

съ миромъ и молитвою въ его мѣсто, Петръ заповѣдалъ ему хранить узнанную имъ тайну: „ибо, когда является сокровище,“ говорилъ онъ ловцу, „тогда удобно крадутъ его тати.“ Итакъ, слава и благодаря Бога, что сподобился видѣть такого Его угодника, ловець удалился домой и, живя тамъ, провелъ весь слѣдующій годъ по наставленію святаго.

По окончаніи этого года, ловець, взявъ съ собою двухъ иноковъ и своего брата, прибылъ на Святую гору. Вышедши на берегъ Аѳона, всѣ они отправились къ пещерѣ святаго Петра. Ловець, имѣя большую противъ своихъ спутниковъ любовь къ нему, предупредилъ своихъ спутниковъ, и достигъ пещеры его прежде другихъ: но, — какое горе! — онъ нашель святаго уже скончавшимся о Господѣ; руки его были крестообразно сложены на персяхъ, очи, какъ слѣдовало, закрыты, и все тѣло честно лежало на землѣ. Смертельно пораженный такимъ неожиданнымъ событіемъ, ловець сперва палъ, почти замертво, на землю, а потомъ, послѣ столь сильнаго удара, въ горести, билъ себя руками по лицу и со слезами вопіялъ: „горе мнѣ, несчастному! — не удостоился я получить того, чего желалъ! увы мнѣ, окаянному! — лишился я такого праведника, не успѣлъ сподобиться святой его молитвы!“

Между тѣмъ, какъ ловець съ горькимъ плачемъ рыдалъ при мощахъ святаго, пришли къ нему и его спутники, и, дивясь его сокрушенію, желали узнать причину его и спрашивали, кто такой этотъ неизвѣстный имъ мертвецъ, и отчего такое рыданіе о немъ. На этотъ вопросъ, ловець, заливаясь слезами, подробно разсказалъ имъ всю жизнь святаго, какъ онъ самъ передалъ ее, когда былъ еще въ живыхъ. Выслушавъ ловца, товарищи его умилились и пролили много слезъ о томъ, что не удостоились видѣть въ живыхъ столь великаго подвижника и святаго мужа, и не сподобились святыхъ его бесѣдъ и молитвъ.

Братъ ловца одержимъ былъ нечистымъ духомъ, который мучилъ его уже съ давняго времени. Но, лишь только приблизился страдалецъ этотъ къ мощамъ святаго, демонъ вдругъ бросилъ его на землю и, съ теченіемъ пѣны и скрежетомъ зубовъ, говорилъ громогласно: „Нагіи и босіи Петръ! развѣ не довольно тебѣ пятидесяти трехъ лѣтъ, въ которые, живя здѣсь, ты властвовалъ надъ нами? Тогда ты изгналъ меня изъ моего жилища и отлучилъ отъ товарищей: что же, не хочешь ли и теперь, будучи уже мертвецомъ, преслѣдовать меня?—Нѣтъ, мертваго то я не послушаю тебя.“ Ловецъ и его спутники, слыша это отъ діавола, дивились и трепетали. Черезъ нѣсколько времени, они замѣтили, что мощи святаго облистались какимъ-то небеснымъ свѣтомъ, и демонъ вдругъ вышелъ изъ устъ бѣсноватаго, въ видѣ чернаго дыма; при этомъ страдалецъ, сильно потрясенный демономъ, лежалъ на землѣ, какъ мертвый. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, онъ опомнился, и просилъ своихъ товарищей, чтобъ они, вмѣстѣ съ нимъ, помолились челобѣту Божію о совершенномъ его исцѣленіи.

Слава Господу Богу, дарующему исцѣленіе всѣмъ намъ, грѣшнымъ, черезъ святыхъ Его! Больной, при помощи Божіей, по молитвѣ святаго, скоро всталъ и, чувствуя себя совершенно здоровымъ, душевно и тѣлесно, громко славилъ Бога и Его угодника и, благодарно припадая къ цѣльбоподательнымъ святымъ мощамъ, умильно лобызалъ ихъ, а потомъ отъ всего сердца благодарилъ и брата своего, что онъ привелъ его къ сему небесному цѣлителю. Впрочемъ, благочестивымъ тѣмъ путникамъ медлить тамъ долѣе было нельзя. Посему, поднявъ на рамена свои мощи святаго, они съ радостію сошли съ горы, вошли съ ними на корабль и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, пустились было въ свое мѣсто. Но—о чудо!—корабль ихъ, плывя

противъ обители *) Климентовой, вдругъ сталъ тамъ, какъ вкопанный. Сколько ни силились они, не могли сдвинуть его съ мѣста,—и такимъ образомъ стояли отъ третьяго часа до девятаго. Монахи Климентовой **) обители дивились, видя такое чудо, и, чтобы лучше постигнуть эту тайну, послали нѣкоторыхъ изъ своей среды на корабль, чтобы они разспросили путниковъ о причинѣ стоянія ихъ на одномъ мѣстѣ. Связанные невидимою силою хотя и постигали дѣйствительную причину, которая столь дивно удерживала ихъ корабль, но желая утаить безцѣнное свое сокровище, не сказывали о немъ климентовцамъ. Климентовскіе иноки, однакожь, догадались, что имъ не говорятъ истины, и потому сами стали управлять кораблемъ, и только что направили его къ своей обители, тотчасъ же явились у своей пристани. Климентовскій игумень, подробно узнавъ отъ ловца о всемъ, что случилось съ нимъ и его товарищами, благоговѣнно дивился сему событію, и тотчасъ повелѣлъ іереямъ своего монастыря, въ полномъ священномъ облаченіи, со свѣчами и кадильнымъ оуміагомъ, перенести святыя мощи въ обитель. Здѣсь, по совершеніи съ ними крестнаго хода, онѣ, со многою честію и благоговѣніемъ, положены были въ церкви, гдѣ потомъ каждодневно со-

*) Не удивляйтесь, говоритъ Агіорять Іаковъ, слыша названіе *обители*, ибо, въ продолженіе пятидесяти трехъ лѣтъ соврѣннаго пребыванія святаго Петра на горѣ, начали создаваться на ней и обители. Притомъ нужно замѣтить, что гора никогда не была совершенно необитаема; только тогдашніе монархіоны, во времена нашествія варваровъ и разбойниковъ, часто были разрушаемы, опустошаемы и уничтожаемы. Мы знаемъ, что обитель Зигъ существовала уже тогда, когда прибылъ на Аеонъ преподобный Аванасій.

**) Климентовою пристанью назывался заливъ близъ существовавшего въ древности города—*Κλοουβν*. Здѣсь присталъ корабль Богоматери; здѣсь же остановился и чудотворный образъ Богородицы Портаитиссы. По этому-то названію пристани, устроившійся тамъ въ первый разъ монархіонъ и получилъ названіе обители Климентовой. Во времена святаго Петра онъ носилъ то же названіе. Въ 960 году, явились изъ Грузіи Іоаннъ съ сыномъ своимъ Евенніемъ, и создали тамъ пиргъ и храмъ, во имя Претечи, подъ названіемъ *Πειθοσ* и *Χαρταυά*. Потомъ, въ 1030 году, прибылъ туда же изъ Грузіи Георгій Торникій Спаарій, и тамъ, на мѣстѣ монархіона, воздвигъ обширную обитель, которая дониндѣ носитъ имя Иверской. Агіорять Іаковъ.

вершались отъ нихъ многія и дивныя чудеса. Слава о сихъ мощахъ скоро и быстро разнеслась по всѣмъ окрестностямъ. Множество народа стало стекаться къ нимъ отовсюду, и всѣ приходившіе съ вѣрою получали исцѣленіе болѣзней тѣлесныхъ и утѣшеніе душевное. Черезъ нѣсколько времени, мощи святаго переложили въ другую раку, поставили ихъ въ притворѣ параклиса Богоматери, и тамъ семь дней совершали надъ ними бдѣніе. А потомъ, облагоухавъ ихъ ароматами, съ великою честію и благоговѣніемъ, погребли ихъ въ правой сторонѣ главнаго храма. Ловець и исцѣлѣвшій братъ его, по погребеніи мощей святаго, испросивъ молитвы и благословеніе отъ игумена и его братіи, отправились въ свое мѣсто, за все славя Бога и благодаря святаго Его угодника, а сопутствовавшіе имъ монахи рѣшились какимъ-нибудь образомъ похитить мощи святаго, и потому стали притворно просить игумена и его братію о принятіи ихъ въ обитель, выражая непремѣнное желаніе умереть тамъ, гдѣ обрѣли они, будто по откровенію Господню, многоцѣнное сіе сокровище. Игумень съ братією, не понявъ ихъ ухищренія, съ радостію приняли ихъ, а они, вскорѣ послѣ лицемѣрнаго своего вступленія въ монастырь, избрали одну удобную для своего намѣренія ночь и, взявъ тайно мощи святаго, бѣжали съ ними со Святой горы. Бѣглецы эти, съ похищенною ими святынею, достигли уже Фокиды (во Фракіи), и здѣсь, при нѣкоемъ колодезѣ, остановившись отдохнуть и укрѣпиться пищею, мѣшокъ (саххі), въ которомъ несли святаго мощи, повѣсили на вѣтвяхъ одной маслины. Едва только расположились они на отдыхъ, вдругъ явилось къ нимъ изъ окрестныхъ мѣстъ множество мужей, женъ и дѣтей, которые громогласно вопрошали: „Гдѣ великій Петръ, пришедшій сюда съ горы Аѳона? — мы хотимъ встрѣтить его.“ Причина, по которой къ святымъ мощамъ собралось такое множество народа,

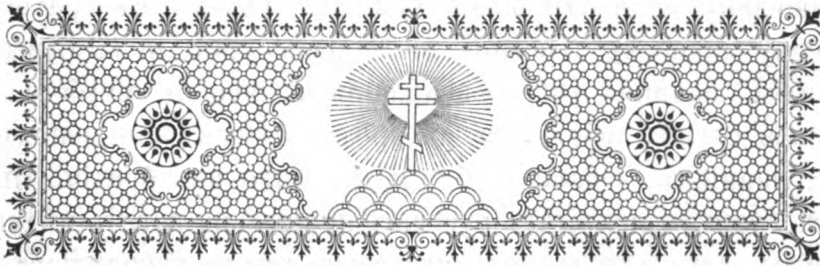
была слѣдующая. Близъ того колодезя, гдѣ со святынею остановились для отдыха бѣглецы-иноки, находилось одно водохранилище, обширное и глубокое, которое отъ времени, однакожь, засыпалось землею и сдѣлалось жилищемъ лукавыхъ духовъ. Эти духи, по злобѣ своей, производили въ томъ мѣстѣ много зла — и людямъ и животнымъ, и когда иноки со святынею приблизились ко гнѣздилищу ихъ, тотчасъ же вышли изъ своего обиталища и вошли въ тѣхъ, къ кому, по попущенію Божію, могли имѣть доступъ, стали мучить ихъ и, принуждаемые Богомъ, противъ воли своей, объявляли всѣмъ о прибытіи въ то мѣсто великаго угодника Божія. Эти-то несчастные, въ сопровожденіи народа, явились къ маслинѣ, на которой висѣли святыя мощи, и, съ громкими и дикими воплями, бросившись къ святымъ мощамъ, покушались низринуть вмѣщавшій ихъ мѣшокъ. Но злобные демоны, вмѣсто уничтоженія святыхъ мощей, сами, силою молитвъ святаго Петра, были изгнаны не только изъ мучимыхъ ими людей, но и изъ самаго того мѣста. Кромѣ сего, тогда совершились и другія многія и дивныя чудеса отъ святыхъ его мощей, ибо слава о чудесномъ исцѣленіи бѣснуемыхъ распространилась по всѣмъ окрестностямъ того мѣста и привлекла туда множество хромыхъ, прокаженныхъ, бѣснуемыхъ, ослабленныхъ и удручаемыхъ другими недугами, кои всѣ получали тѣлесное исцѣленіе и душевное утѣшеніе. Услышавъ о сихъ чудесахъ, епископъ города Авдора, взявъ свой клиръ, подвигся къ цѣльбоноснымъ мощамъ святаго Петра съ крестнымъ ходомъ. Приближаясь къ нимъ, онъ и клиръ его довольное пространство шли непокровенные и необутые; явившись же на самое мѣсто, они сотворили приличную ко Господу Богу молитву, послѣ которой епископъ и всѣ бывшіе съ нимъ стали благоговѣнно лобызать св. мощи. Николай, составитель жизнеописанія святаго Петра, говоритъ, что и онъ

лично былъ при этомъ. Между тѣмъ, какъ святые мощи были лобызаемы, отъ нихъ совершались безчисленные чудеса, и потому все со слезами восклицали: „Господи помилуй!“ и громогласно славили Бога, прославляющаго святыхъ Своихъ еще и здѣсь, на землѣ. Тогда епископъ сталъ убѣдительно просить тѣхъ иноковъ, чтобъ они сіе многоцѣнное сокровище даровали благочестивому и христіюбивому того мѣста народу, обѣщавшему создать великолѣпный храмъ, во отпущеніе своихъ грѣховъ и во спасеніе тѣхъ, которые принесли къ нимъ св. мощи, и за сей даръ предлагалъ имъ въ благословеніе сто златницъ и нѣкоторое другое вознагражденіе. „Мнѣ кажется неприличнымъ,“ говорилъ имъ епископъ, „что многоцѣнный сей маргаритъ не имѣетъ постояннаго мѣста, что сей свѣтильникъ скрывается подъ спудомъ, что лучи благодати не для всѣхъ явны.“ Иноки, владѣтели святыхъ мощей, весьма неохотно, и только послѣ многихъ убѣжденій, даже прещеній со стороны епископа и его клира, согласились разстаться съ ними, хотя, впрочемъ, взяли предложенные имъ дары. Скорбя о лишеніи святыхъ мощей, тѣ иноки удалились отсюда въ Анатолю. Въ то же время приблизился къ святымъ мощамъ одинъ бѣсноватый, и спрашивалъ: „Гдѣ здѣсь Петръ Схоларій? Ему мало было прогнать меня съ Аэона, — онъ и сюда пришелъ изгонять меня изъ моего жилища: но нѣтъ, теперь я сожгу его, чтобъ онъ уже впередъ не беспокоилъ меня.“ Бѣсноватый держалъ въ рукахъ своихъ два горящихъ факела, и только что устремился съ ними къ святымъ мощамъ, чтобъ сжечь ихъ, вдругъ раздался сильный ударъ грома и демонъ, въ видѣ молніи, вышедши изъ того человѣка, съ громкимъ воплемъ, плачемъ и стenanіемъ исчезъ въ воздухѣ. Множество людей, видѣвшихъ это чудо, громогласно прославили Бога.

Послѣ того, епископъ съ клиромъ своимъ, взявъ свя-

тыя мощи, со псалмами и духовными пѣснями перенесъ ихъ въ епископію своего города, и тамъ почтилъ угодника Божія славословіемъ въ три нощенствія. И здѣсь также, отъ святыхъ сихъ мощей, совершились безчисленныя чудеса, въ радость и утѣшеніе пришельцевъ и туземцевъ, во славу Единосущныя Троицы, въ честь и похвалу преподобнаго и богоноснаго отца нашего Петра, подвизавшагося на святоименной горѣ Аѳонской вышечеловѣчески. Молитвами сего угодника Божія да украсимся и мы добрыми дѣянїями, и тако да обрѣтемся благоугодны предъ Христомъ, Господомъ нашимъ Богомъ, Емуже слава и держава во вѣки. Аминь!

І Ю Н Я 12.

**Память преподобнаго отца нашего
АРСЕНІЯ КОНЕВСКАГО.**

Слаженный Арсеній происходилъ изъ великаго Новгорода. Сердце его, разгараясь Христовой любовью, побудило его оставить міръ, чтобы искать безмолвной жизни; сперва удалился онъ въ сосѣдную великому Новгороду обитель, на Лисьей горѣ, и тамъ, совершивъ иноческій искусь, постригъ власы свои и сдѣлался совершеннымъ инокомъ: вся братія смотрѣла на него, какъ на данный ей свыше образецъ житія монашескаго.

Давно уже возникло въ душѣ преподобнаго Арсенія желаніе посѣтить святую гору Аѳонскую, и онъ воспользовался пришествіемъ въ Новгородъ нѣсколькихъ аѳонскихъ иноковъ. Когда эти иноки прибыли, онъ со слезами припалъ къ ногамъ игумена и умолялъ отпустить его. Долго игумень не соглашался на его прошеніе, чувствуя, какое будетъ отъ того лишеніе для обители, но наконецъ не могъ не уступить слезному моленію ревностнаго инока. Радостно пошелъ Арсеній въ путь свой съ благословеніемъ отеческимъ, и благополучно достигъ Святой горы, гдѣ былъ съ

любовію принять игуменомъ Іоанномъ. Настоятель велѣлъ пришельцу подвизаться въ общихъ трудахъ съ братією. Посему прошелъ Арсеній по порядку всѣ монастырскія службы, начиная съ дроводѣланія и печенія хлѣбовъ, и всякую службу исполнялъ съ чрезвычайнымъ смиреніемъ и послушаніемъ, считая себя за худшаго изъ братіи. Игумень, узнавъ искусство русскаго пришельца ковать мѣдные сосуды, занялъ его предпочтительно этимъ рукодѣліемъ, и въ глубокомъ безмолвіи ковалъ онъ сосуды для потребы монастырской, посвящая на то цѣлый день, а ночь проводилъ въ молитвѣ, едва дозволяя себѣ мало отдыха, ибо былъ крѣпокъ и мужественъ. Безмездно трудился онъ не только для своей обители, но и для другихъ святогорскихъ монастырей; ибо отсюду приносили ему мѣдь для кованія сосудовъ, какъ только услышали о его искусствѣ. Неизвѣстно, въ какой собственно обители подвизался Арсеній, должно однако навѣрное полагать, что въ Русикѣ, ибо это было общее пристанище всѣхъ русскихъ пришельцевъ.

Опасаясь, чтобы множество приходившихъ къ нему не обременило братіи его обители, принялъ онъ благословеніе отъ своего игумена обойти всѣ монастыри Святой горы, чтобы потрудиться на пользу каждаго изъ нихъ, не ради золота и серебра, но для душевнаго спасенія, и въ такомъ подвигѣ пробылъ еще три года. Тогда пришло ему желаніе возвратиться въ родную землю, чтобы тамъ поставить обитель во славу Матери Вожіей, къ Которой имѣлъ теплую вѣру. Арсеній сталъ просить игумена объ отпускѣ на родину, и тотъ, исполненный духа прозорливости, пророчески сказалъ ему, что Господь воздвигнетъ чрезъ него обитель въ странѣ сѣверной, которая спасется его молитвами отъ многихъ бѣсовскихъ прелестей и суевѣрій. Отчески благословилъ его настоятель двойною иконою Владычицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на одной сторонѣ,

и нерукотвореннаго образа Спасова на другой, — далъ ему притомъ и уставъ общежительный Святой горы и, отпускающая, такъ молился надъ нимъ: Боже отецъ нашихъ, призри отъ престола славы Твоей на раба Твоего Арсенія, да почиетъ на немъ всегда благодать Духа Твоего Святаго и пребудетъ съ нимъ благословеніе Твое.

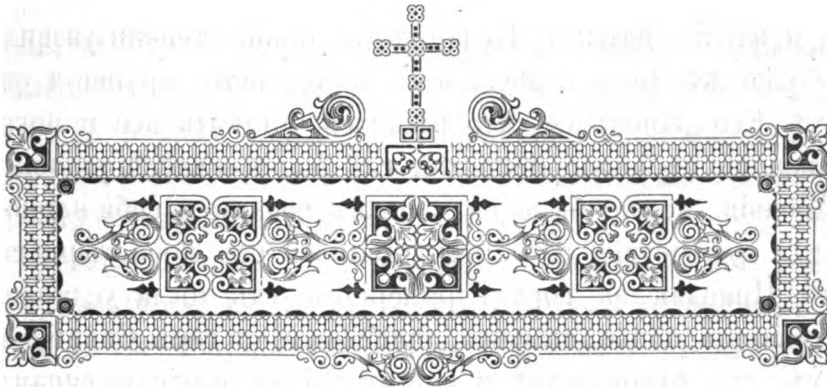
Въ 1393 году блаженный Арсеній возвратился въ Великій Новгородъ, неся съ собою чудную икону со Святой горы. Здѣсь предсталъ онъ архіепископу Іоанну, которому повѣдалъ все бывшее съ нимъ на Святой горѣ, и просилъ у него благословенія создать на сѣверѣ обитель во имя Рождества Богородицы. Съ миромъ отпустилъ его владыка, — и Арсеній, съ иконою Богоматери, отплылъ въ озеро Ладожское. Побывъ въ обители Валаамской, рѣшилъ онъ идти на безмолвіе въ болѣе уединенныя мѣста, — и Промысломъ Божиимъ достигши пустыннаго острова Коневского, основалъ обитель Коневскую, гдѣ прогналъ первоначально отъ древняго идольскаго требища лукавыхъ духовъ съ ихъ мечтами и страхованіями.

По устроеніи обители и умноженіи братіи, преподобный Арсеній опять пошелъ на святую гору Аѳонскую, — это было уже при новгородскомъ архіепископѣ Симеонѣ, — и замедлилъ въ своемъ странствованіи. Случилась тогда великая скудость въ его обители, такъ что братія, одолеваемые голодомъ, хотѣли разойтись. Но одинъ изъ старцевъ, по имени Іоакимъ, украшенный благочестіемъ и сѣдинами, взшелъ на сосѣдную къ обители гору, гдѣ сперва подвизался преподобный, и молилъ небесную питательницу Матерь Божию ниспослать имъ насущный хлѣбъ. Послѣ долгой молитвы, воздремалъ старецъ, и сквозь тонкій сонъ явилась ему Матерь Божія въ небесной славѣ. Не скорби, старче, сказала Она тихимъ голосомъ, скажи братіи, чтобы не расходились отъ этого мѣста, ибо вскорѣ прибудетъ къ

вамъ самъ Арсеній съ обиліемъ всего нужнаго для обители. На другой день Арсеній дѣйствительно приплылъ на двухъ большихъ судахъ и привезъ съ собою множество припасовъ. Послѣ многолѣтнихъ подвиговъ, въ глубокой старости предалъ онъ Господу чистую свою душу 1447 года іюня 12, на память преподобныхъ Онуфрія и Петра аѳонскаго, по примѣру коихъ уединялся на святой горѣ Аѳонской.

(Житія святыхъ Россійской Церкви).

І Ю Н Я 14.

**Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего
НИФОНТА *).**

Преподобный отецъ нашъ Нифонтъ родился въ области, называемой Аргирокастронъ, отъ священника селенія Лукови. Когда ему исполнилось десять лѣтъ, братъ отца его, бывшій въ монастырѣ святаго Николая еkkлiсiархомъ, взялъ его къ себѣ, для утвержденія въ правилахъ строгой христіанской нравственности. Монастырь святаго Николая былъ основанъ Константиномъ Мономахомъ, на мѣстѣ, называемомъ нынѣ Месопотамъ. По принятіи отрока въ монастырь, дядя прежде всего озаботился обученіемъ его грамотѣ, а потомъ облекъ его въ иноческій образъ. Начатки образованія въ Священномъ Писаніи были такъ успѣшны въ отрокѣ, а безусловное послушаніе и скромность его — такъ назидательны, что вскорѣ онъ былъ сдѣланъ чтецомъ; по достиженіи же совершеннаго возраста, удостоенъ и священства. При такомъ Божественномъ достоинствѣ, постоянно упражняясь въ чтеніи Священнаго Писа-

*) Изъ Νέου 'Εκλόγιου.

нія и житій святыхъ, Нифонтъ до такой степени уязвился любовью къ Богу и желаніемъ непорочнаго храненія святыхъ Его заповѣдей, что рѣшился оставить все и погрузиться въ глубокую пустыню, гдѣ бы, при всѣхъ условіяхъ безмолвія, можно было ему вполне посвятить себя единому Богу. Вслѣдствіе сего, онъ удалился изъ монастыря святаго Николая на гору Геромеріонъ, гдѣ тогда уединенно подвизался одинъ старецъ, прибывшій съ горы Синайской. Тамъ, при руководствѣ и наставленіяхъ опытнаго синаита, юный Нифонтъ, восходя отъ силы въ силу, вполне почувствовалъ, что и горная пустыня Геромеріона неудовлетворительна для порывовъ пламенной его души, жаждавшей безмолвія совершеннѣйшаго и пустынныхъ подвиговъ. Поэтому, подавляя въ себѣ чувство привязанности къ родинѣ, къ сродникамъ, друзьямъ и ко всему, что удерживаетъ мысль въ связи съ міромъ, онъ отправился на святую Аеонскую гору и, при тайномъ водительство Промысла, достигъ до пещеры *) святаго Петра аеонскаго, гдѣ тогда безмолвствовалъ чудный отшельникъ Теогность, которому и поручилъ себя Нифонтъ, какъ чадо отцу и рабъ владыкъ скрывая предъ нимъ свое священство. Такимъ образомъ, Нифонтъ какъ бы новоначальный три года безусловно повиновался своему старцу. Наконецъ, по истеченіи этого времени, Теогность, узнавъ какъ-то случайно, что его послушникъ облеченъ саномъ пресвитерскимъ, ни подъ какимъ видомъ не захотѣлъ имѣть его послушникомъ, тѣмъ болѣе, что подвиги и труды его казались ему чудными и назидательными. Сколько, съ своей стороны, ни убѣждалъ Нифонтъ и ни умолялъ старца, чтобъ онъ былъ по прежнему руководителемъ его, объясняя, что это для него необходимо, какъ еще для несовершеннаго въ опытахъ отшельнической жизни, Теогность, ради крайняго своего сми-

*) Въ области лавры святаго Аонасія.

ренія, не согласился на то. Посему Божественный Нифонтъ удалился отъ него въ сосѣдственный скитъ великаго Василія *), и тамъ четырнадцать лѣтъ провелъ въ крайнемъ безмолвіи, разъ только въ недѣлю подкрѣпляя свои силы малымъ количествомъ сухаго хлѣба.

Между тѣмъ въ лаврѣ открылась моровая язва: множество братій сдѣлалось ея жертвою, — такъ что игумень вынужденъ былъ пригласить святаго Нифонта въ лавру, для Божественнаго священнодѣйствія. Такимъ образомъ, три лѣта провелъ онъ въ дѣлѣ сего великаго служенія. Впрочемъ, это послушаніе какъ ни было само по себѣ важно, но влеченіе сердца къ совершенному безмолвію не давало ему покоя. Не въ силахъ будучи подавить въ себѣ это чувство и влеченіе, онъ ушелъ оттуда въ Вулевтиріе, — гдѣ нынѣ скитъ святыя Анны **), — и тамъ, въ пустынной тишинѣ, провелъ много лѣтъ скитальчески безъ кущи и крова, питаясь только травою и кореньями.

Сколь ни высока, сколь ни безстрастна была жизнь Нифонта, сколь ни назидательна для всѣхъ, однакожъ, нашлись завистники, которые выставили его на видъ игумену священной лавры, какъ прельщеннаго. Доказательство своей клеветы усиливали они тѣмъ, что преподобный будто бы гнушается хлѣбомъ, какъ грѣховной и непозволительной снѣдію, и потому питается пустыннымъ зеліемъ. Чтобъ узнать справедливость обвиненія, игумень призвалъ къ себѣ преподобнаго Нифонта и спросилъ, — къ чему онъ такъ строго ведетъ себя, гнушаясь даже свойственною человѣку пищею. „Древніе отцы,“ говорилъ онъ, „питались зеліемъ въ пустыняхъ, потому что не было тамъ хлѣба, а здѣсь есть и хлѣбъ и другія яства, которыя слѣдуетъ употреблять во славу Божию, съ умѣренностью, избѣгая, такимъ

*) Въ области лавры святаго Аванасія.

**) Тамъ же.

образомъ, сатанинскаго киченія отъ неумѣреннаго и строгаго поста.“ Какъ истинный послушникъ, преподобный принялъ смиренно совѣтъ старческой. Между тѣмъ, избѣгая новыхъ неприяностей, онъ уклонился изъ скита святыя Анны, и впоследствии сблизился съ преподобнымъ Максимомъ Кавсокаливитомъ, такъ что сей послѣдній, послѣ многолѣтняго сопостничества съ дивнымъ Нифонтомъ, въ доказательство своей искренней къ нему привязанности и дружбы, уступилъ ему собственную свою кушу, или шалашъ, а себѣ устроилъ близъ него другую.

Но такъ какъ къ святому Максиму многіе стекались ради чудесъ, которыя совершалъ онъ, и ради пророчествъ о будущемъ, то святой Нифонтъ, не терпя молвы, съ позволенія и по совѣту святаго Максима, удалился въ пещеру противу мѣстности „святаго Христофора,“ и тамъ безмолвствовалъ. Немного протекло времени, какъ пришелъ къ нему, съ его родины, инокъ Маркъ, у котораго былъ братъ,—чтобъ подчинить себя старческому его водительство. Святой принялъ его съ любовію и повелѣлъ ему построить каливу, какъ себѣ, такъ и брату. „Что ты, отче?“ возразилъ удивленный Маркъ: „братъ мой — мірянинъ, и живетъ въ кругу своихъ родныхъ.“ — „Прости,“ отвѣчалъ ему смиренный Нифонтъ: „я помѣшанный и не знаю самъ, что говорю. Не слушай меня, и дѣлай, что тебѣ угодно.“ Между тѣмъ насталъ праздникъ святаго Аванасія. Преподобный, посылая Марка въ лавру на этотъ праздникъ, сказалъ ему: „возвращаясь съ праздника, приведи съ собою и брата твоего.“ Маркъ на это возразилъ святому Нифонту то же, что и прежде. Но, приближаясь къ лаврѣ, онъ вдругъ видитъ брата своего у монастырскихъ воротъ. Пораженный пророчествомъ святаго, радостно обнялъ онъ пришедшаго и, по окончаніи лаврскаго праздника, возвратившись вмѣстѣ съ нимъ къ своему старцу, палъ къ но-

гамъ святаго, и просилъ у него прощенія въ своемъ маловѣрїи. Вскорѣ затѣмъ, Маркъ до крайности разболѣлся, и святой, упрекнувъ его за маловѣрїе и сомнѣнїе въ чудодѣйственной силѣ Божїей, помазалъ его елеемъ отъ неугасимой лампы, и Маркъ восталъ отъ болѣзненнаго одра. „Се здравъ еси; кому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ,“ сказалъ ему при этомъ святой Нифонтъ. Спустя нѣсколько времени послѣ сего, Маркъ сталъ просить у Нифонта позволенія половить рыбы въ морѣ и услышалъ отъ него слѣдующее: „научись прежде уловлять и замѣчать нечистые помыслы, а отъ моря и ловли рыбъ откажись, да не погрузишься въ море искушенїй.“ Маркъ не обратилъ вниманїя на старческїй совѣтъ и, подъ предлогомъ измененїя загрязнившагося платья, спустился къ морю, закинулъ удочку и наслаждался совершеннымъ удовольствїемъ. Преслушанїе не прошло даромъ. Въ то самое время, какъ Маркъ весь былъ погруженъ въ свое занятїе, вдругъ изъ моря выпрыгнулъ и кинулся прямо на него огромной величины звѣрь. Маркъ ужаснулся и, молитвенно призвавъ на помощь своего старца, едва-едва кое-какъ избавился отъ звѣря. Находясь внѣ себя отъ страха и въ то же время держа въ рукахъ пойманную рыбу, онъ прибѣжалъ къ святому; но этотъ, съ отеческимъ участїемъ сказалъ: „Преслушниче! тотъ, кто преобразился въ змія, на прельщенїе праотцевъ, и нынѣ принялъ видъ морскаго пса, на твою погибель, и только Христось, пришедшїй въ мїръ для упраздненїя вражеской силы, по неисчетной Своей благодати, помогъ тебѣ, въ ожиданїи твоего покаянїя. Что же касается до пойманной тобою рыбы, какъ плода преслушанїя, я ни подъ какимъ видомъ не рѣшусь коснуться ея.“ Тронутый старческимъ выговоромъ, Маркъ палъ къ стопамъ его и плакалъ слезами раскаянїя. Съ того времени онъ исправился и оказывалъ полное послушанїе святому до

самой своей смерти, которая не замедлила посѣтить его. По смерти Марка, въ услуженіи святому остался племянникъ его Гавріиль.

Еще до шести мѣсяцевъ, преподобный Нифонтъ предвидѣлъ, что святой Максимъ Кавсокаливить уже близокъ къ исходу въ вѣчность, и сказалъ ученикамъ своимъ: „пойдемъ къ святому Максиму, для принятія отъ него послѣдняго благословенія, — потому что болѣе не увидимся съ нимъ въ настоящей жизни.“ И вотъ они пришли. По взаимномъ привѣтствіи другъ друга святой Максимъ сказалъ: „радуйтесь, возлюбленная братія! — это привѣтствіе уже прощальное; съ этой поры мы болѣе не увидимся.“ Какъ предвидѣлъ преподобный Нифонтъ кончину преподобнаго Максима, такъ она и послѣдовала.

По прошествіи многихъ лѣтъ послѣ того, на Святой горѣ опять открылось моровое повѣтріе, и послушникъ Нифонта, Гавріиль, былъ пораженъ смертельно. Тогда у Гавріила живъ былъ еще отецъ его, Досиѳей, который плакалъ по немъ неутѣшно. Святой Нифонтъ утѣшалъ его и говорилъ: „не плачь, братъ, — сынъ твой, ради послушанія моему недостоинству, нынѣ не умретъ.“ Потомъ, обратившись къ востоку, помолился ко всещедрому Богу втайнѣ, — и больной всталъ съ смертнаго одра, славя Бога. Потомъ святой, бесѣдуя съ бывшими при немъ, сказалъ: вотъ братъ нашъ, помощію Божіею, выздоровѣлъ, а я во время Петрова поста долженъ умереть.“

Наконецъ настала постъ святыхъ Апостоловъ. Въ субботу первой недѣли вставши утромъ преподобный помолился, потомъ причастился Божественныхъ Таинъ и наконецъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Чада возлюбленные о Господѣ! настало время моего отшествія ко Господу, котораго, съ юности моей, любилъ я отъ всей души моей.“ Ученики смутились отъ старческихъ словъ. „Не смущаться

и плакать надобно вамъ," сказалъ онъ, замѣтивъ ихъ смущеніе, „а радоваться,—потому что во мнѣ вы будете имѣть молитвенника предъ Богомъ о спасеніи вашемъ, только бы и съ вашей стороны исполняемы были заповѣди Его.“ На другой день, т.-е. въ воскресенье, преподобный приказалъ имъ прежде укрѣпиться пищею, а потомъ выкопать ему могилу и приготовить все нужное для погребенія: „время идти мнѣ," сказалъ, „въ землю отъ неяже и взять быхъ.“ Когда все это было исполнено, онъ всталъ съ одра и долго молился, съ поднятыми къ небу очами и руками; наконецъ, по совершеніи молитвы, благословилъ всѣхъ, у всѣхъ просилъ прощенія, возлегъ на смертный свой одръ и, скрестивши на груди преподобныя свои руки, мирно испустилъ и предалъ духъ свой Богу. Тогда лицо праведника, въ знаменіе небесной его славы и дерзновенія предъ Богомъ, просвѣтилось, какъ солнце. Преподобный Нифонтъ почилъ 14-го дня іюня 1330 года. Всѣхъ лѣтъ его земнаго житія было 96. Много сотворилъ онъ и чудесъ въ теченіе своей жизни, изъ нихъ, кромѣ сказанныхъ, предлагаемъ здѣсь еще слѣдующія.

Духовный и добродѣтельный старецъ Феодулъ пожелалъ однажды видѣться съ преподобнымъ Нифонтомъ, ради душевной пользы: всталъ и пошелъ къ нему. Но дорогою, при одной стремнинѣ, онъ поскользнулся и такъ уязвилъ ногу о камень, что, отъ множества истекшей крови и отъ боли, пришелъ въ крайнее изнеможеніе и ожидалъ смерти. Наконецъ, въ духѣ вѣры, горько возстеналъ онъ предъ Господомъ и сказалъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Если Нифонтъ дѣйствительно имѣетъ дерзновеніе предъ Тобою и благодать, избавь меня, ради его молитвъ, отъ неминуемой смерти и страданій.“ Едва старецъ произнесъ это,—теченіе крови остановилось, болѣзнь совершенно утихла и старецъ, славя Бога и Его угодника, выздоровѣлъ.

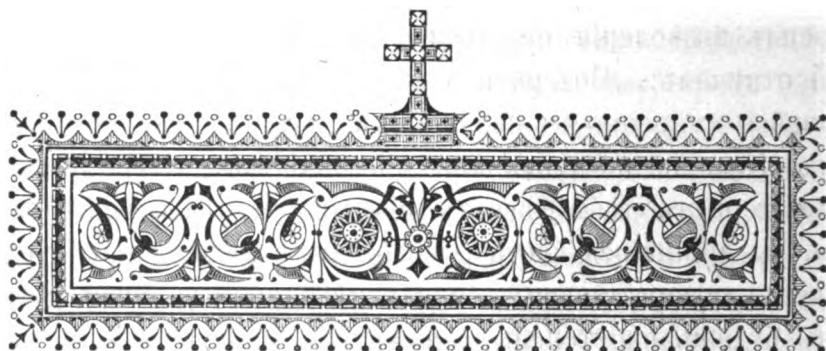
Одинъ изъ иноковъ лавры преподобнаго Аѳанасія, питая чувство любви къ святому, послалъ ему, чрезъ друга своего, сосудъ съ елеемъ. Случилось, что несшій Нифонту этотъ даръ споткнулся на пути, упалъ, — и бывшія при немъ другія вещи разбились, а сосудъ съ елеемъ остался цѣль. Когда братъ принесъ и отдалъ преподобному этотъ сосудъ, Нифонтъ съ улыбкою сказалъ: „Видишь, какъ сильна вѣра брата, пославшаго елей. Вѣра его и тебя избавила отъ бѣды, и сосудъ съ елеемъ сохранила въ цѣлости, хотя прочее все и разбилось.“ Прозорливость Нифонта поразила брата, которому онъ разсказалъ все, что случилось съ нимъ на пути, — и братъ прославилъ Бога.

Другой монахъ, страдавшій много лѣтъ головою болью, вмѣсто того, чтобъ искать помощи свыше, обратился къ врачамъ, — истратилъ на нихъ все, что имѣлъ, и не получилъ никакой пользы. Видя такую тщету человѣческихъ пособій, онъ наконецъ пришелъ къ преподобному и, припадая къ ногамъ его, умолялъ его о дарованіи исцѣленія. „Вѣрую, святче,“ говорилъ онъ, „чего ни попросишь ты у Бога, дастся тебѣ.“ — „Напротивъ, братъ,“ отвѣчалъ преподобный: „я—человѣкъ грѣшный, а грѣшнаго Богъ не послушаетъ.“ Между тѣмъ больнон, заливаясь слезами, не преставалъ припадать къ стопамъ его и умолять объ исцѣленіи его отъ болѣзни. Тогда блаженный Нифонтъ тронутый страдальческимъ положеніемъ брата, прочелъ молитву надъ головою больнаго, и больнон почувствовалъ, что будто шумъ или сильный вихрь вылеталъ изъ головы его. Вслѣдъ затѣмъ онъ исцѣлился и, славя Бога, возвратился въ свое жилище, полный удивленія и признательности къ своему врачу.

Часовой мастеръ священной лавры выгнанъ былъ изъ нея за какую-то погрѣшность. Когда онъ пришелъ къ святому и, жалуясь на несправедное изгнаніе свое изъ лавры,

просилъ позволенія остаться у него въ послушаніи,—свя-
тый отвѣчалъ: „Возвратись въ лавру, припади къ игумену,
сознайся смиренно въ своей винѣ, и ты будешь опять при-
нять. Если не слушаешься моего совѣта, повѣрь,—здѣсь
не вытерпѣть тебѣ тѣсноты пустынной, а что всего важ-
нѣе, ты лишишься части и жребія святыхъ отцевъ обители.
А когда возвратишься, — чрезъ нѣсколько времени возве-
денъ будешь на степень экклисіарха, и потомъ — игумена
лавры. Всего же болѣе, смирайся.“ Затѣмъ Нифонтъ съ
улыбкою продолжалъ: „когда, по волѣ Божіей, сдѣлаешься
игуменомъ, помяни и насъ.“ Братъ поступилъ по совѣту
Божественнаго Нифонта, и дѣйствительно принять былъ
въ лавру; потомъ, чрезъ нѣсколько времени, по пророче-
ству преподобнаго, избранъ экклисіархомъ и наконецъ игу-
меномъ. Признательный за совѣтъ преподобнаго Нифонта,
онъ посылалъ ему все необходимое для келейной жизни.
Богу же нашему, славно прославляющему святыхъ Своихъ,
слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

І Ю Н Я 15.

Память св. Ефрема патріарха сербскаго *).

Слаженный Ефремъ, бывшій третьимъ патріархомъ сербской Церкви, былъ сынъ священника, современнаго кралю Милютину; еще въ молодыхъ лѣтахъ почувствовалъ онъ влеченіе къ иноческой жизни. Родители желали видѣть его женатымъ: но онъ скрылся изъ ихъ дома и, найдя отшельника Василя, сталъ жить у него въ постѣ и молитвѣ, и у него же скоро далъ обѣтъ иночества. Родители, узнавъ о мѣстѣ пребыванія его, хотѣли отнять его у пустытника: но онъ убѣжалъ на Аѳонъ и тамъ скрылся въ одномъ изъ скитовъ. Во время военныхъ тревогъ Ефремъ съ учениками своими перешелъ въ Ибровскій монастырь въ Сербіи; здѣсь былъ онъ и игуменомъ, но недолго. Поклонившись святынямъ патріархіи, онъ поселился въ уединенномъ мѣстѣ вблизи Дечанскаго монастыря и здѣсь жилъ строгимъ отшельникомъ. По смерти царя Душана начались смуты безначалія и потомъ появились разбои. Отшельникъ Ефремъ

*) Филарета архіеп. чернигов.: свв. южныхъ славянъ. Даничиць: Животи краљева и архі-епископа српскихъ. Загребъ. 1866.

избить былъ до полусмерти дурными людьми, вынуждавшими подѣлиться съ ними деньгами. Патріархъ Савва, преемникъ св. Іоаннікія перваго патріарха сербскаго, взялъ старца въ патріархію и назначилъ для него пещерную келлію; великій постникъ ожилъ и выздоровѣлъ здѣсь. Благочестивый князь Лазарь отправилъ посольство къ патріарху константинопольскому съ просьбою объ окончаніи споровъ, происходившихъ относительно сербской патріархіи. Миръ съ греческою церковію возстановленъ. Надлежало спокойно избирать новаго патріарха на мѣсто почившаго Саввы. Тогда, къ сожалѣнію, въ Сербіи явилось довольно искателей патріаршей каѳедры. Послѣ общей молитвы соборъ сербскихъ архіереевъ въ г. Печи избралъ въ патріарха „преподобнаго отшельника Ефрема“ — старца, украшеннаго не только сѣдинами, но и высокими добродѣтелями. Блаженный Ефремъ, вовсе не ожидавшій такого избранія и приведенный на соборъ для объясненія ему избранія, горько заплакалъ и молилъ уволить его отъ тяжелой для него доли. Соборъ отвѣчалъ: указанный Богомъ имѣеть быть посвященъ. Это было октября 3-го 1375 года, на память св. Діонисія Ареопажита. Вслѣдъ затѣмъ Ефремъ посвященъ былъ въ патріарха и потомъ вѣнчалъ князя Лазаря вѣнцемъ сербскихъ властителей. Не напрасно блаж. Ефремъ такъ плакалъ о томъ, что возлагаютъ на него высокій санъ. Время было тяжелое: столько безпорядковъ завелось въ Церкви при разстройствѣ гражданскаго правленія. Какъ не всѣ областные правители охотно покорялись князю Лазарю: такъ не всѣ архіереи и прочія духовныя лица оказывали повиновеніе патріарху Ефрему, не взирая на его высокую духовную жизнь. Привыкшій къ тихой уединенной жизни, отягощенный нестроеніемъ дѣлъ, св. Ефремъ отказался отъ многозаботливой должности правителя сербской Церкви. Въ 1382 году онъ

посвятилъ на свое мѣсто блаж. Спиридона, а самъ сталъ жить уединенно въ архангельской обители царя Душана. Люди духовной жизни высоко уважали блаженнаго Ефрема и въ его уединеніи, признавали его наставникомъ и учителемъ опытнымъ и охотно слѣдовали совѣтамъ его.

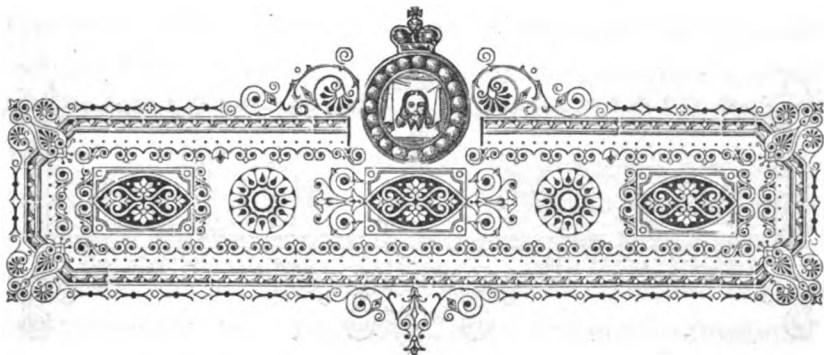
Блаженный Спиридонъ, заботливый о иноческихъ обителяхъ, скончался въ 1388 году почти въ одно время съ блаженнымъ княземъ Лазаремъ, павшимъ на Коссовомъ полѣ.

Такъ какъ по кончинѣ Спиридона и князя Лазаря время было крайне смутное, то упросили блаженнаго Ефрема снова управлять Церковію до избранія новаго патріарха. Такъ онъ довольное время снова управлялъ сербскою паствою къ утѣшенію лучшихъ людей.

Дивный подвижникъ, краткій какъ Ангелъ, почилъ 15-го іюня 1400 г., 88 лѣтъ, при преемникѣ патріарха Данила, Саввѣ. Мощи его почиваютъ въ великой патріаршей церкви *). (Память святителя вторично въ общей службѣ свв. сербскимъ святителямъ и учителямъ—августа 30).

*) Сербякъ л. 153. Въ древнемъ сербскомъ уставѣ: «іюня 5 прѣстависе нже во светыхъ патріархъ 3-й Ефремъ». Гласникъ XI, 194.

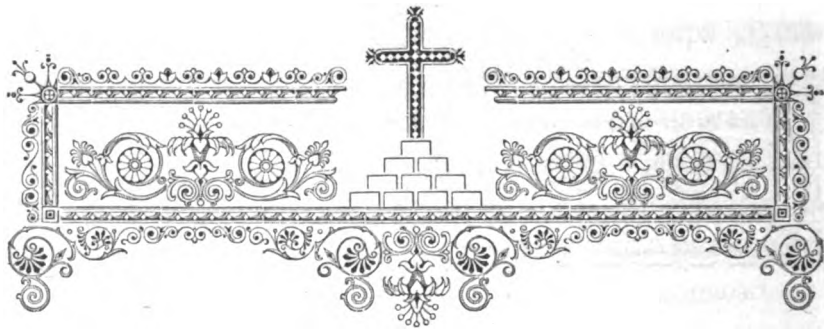

І Ю Н Я 18.

Память преподобнаго
ЛЕОНТІЯ ПРОЗОРЛИВАГО *).

Преподобный отецъ нашъ Леонтій былъ родомъ изъ Аргоса Пелопонесскаго, подвизался на св. Аѳонской горѣ, въ обители святаго Діонисія. Онъ въ теченіе 60-ти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ монастырѣ, однажды только вошелъ въ него, и однажды вышелъ изъ него, т.-е. изнесень по преставленіи своемъ. За высоту своей жизни сподобился онъ дара прозорливости и пророчества, а по смерти источилъ миро отъ Божественныхъ своихъ мощей, какъ повѣствуетъ Малакса, протоіерей навплийскій. Преподобный Леонтій отшелъ ко Господу въ 1605 году, марта 16 дня, будучи 85 лѣтъ.

*) Изъ 'Αχολουθία τῶν ἁγιωρικῶν πατέρων.

І Ю Н Я 20.

Память св. Каллиста 1-го, патриарха Константинопольскаго.

Святѣйшій патриархъ Каллисть полагалъ начало своимъ подвигамъ на Аѳонѣ въ находящемся близъ обители Филоѳейской скиту Магула (теперь онъ въ развалинахъ), подъ руководствомъ преподобнаго Григорія Синаита, котораго и жизнь пространно описалъ въ послѣдствіи. Въ этомъ жизнеописаніи (см. 6-го апрѣля) святѣйшій Каллисть приводитъ многіе случаи, гдѣ упоминаетъ о себѣ, какъ ближайшемъ ученикѣ преподобнаго: онъ не только жилъ при немъ на Аѳонѣ, но и сопутствовалъ ему во многихъ его странствіяхъ. Когда же препод. Григорій Синаитъ, около 1340 года, удалился въ царство болгарское, гдѣ и подвижался близъ Тырнова, то Каллисть остался въ скиту и пользовался великимъ уваженіемъ за свои добродѣтели. Въ скиту онъ прожилъ, какъ самъ говоритъ, цѣлыхъ 28 лѣтъ. Потомъ съ аскетическаго поприща, въ 1350 году, возшелъ, послѣ патриарха Исидора, на вселенскую константинопольскую патриаршескую кафедру, и занималъ оную при Іоаннѣ Кантакузинѣ и Іоаннѣ Палеологѣ. Славенъ

былъ святитель своими добродѣтелями и на святительскомъ престолѣ—какъ поборникъ православія и справедливости. Послѣ четырехъ лѣтъ святительства, онъ оставилъ кафедру *) и удалился для безмолвія въ обитель св. Маманта. Мѣсто его занялъ Филоеѣй. Когда же Кантакузинъ перемѣнилъ царскую жизнь на иноческую, и царемъ единовластнымъ сдѣлался Іоаннъ Палеологъ, тогда Каллисть, возвратившись изъ Тенедоса, куда удалялся, возшелъ на патриаршескую кафедру во второй разъ въ 1355 году **) и управлялъ Церковію еще восемь лѣтъ. Императоръ, находя необходимымъ сблизиться съ сербами для отпора врагамъ, отправилъ посломъ къ сербской царицѣ Еленѣ (инокиѣ Елисаветѣ) патриарха Каллиста съ клиромъ ***), черезъ Солунъ и Аѳонъ; здѣсь св. Максимъ Кавсокаливить предсказалъ патриарху скорую кончину, говоря: старецъ сей не увидитъ болѣе своей паствы, ибо позади его слышится уже надгробная пѣснь: *блаженни непорочни въ пути*. И дѣйствительно, патриархъ тяжело заболѣлъ въ городѣ Ферахъ ****), гдѣ и скончался. Кантакузинъ въ своей исторіи такъ говоритъ о его погребеніи: „Елисавета великолѣпно похоронила патриарха въ митрополи Ферской. Когда же изъ аѳонскихъ монастырей, особенно изъ свящ. лавры прибыли къ ней достойнѣйшіе и добродѣтельнѣйшіе мужи и просили тѣло патриарха перенести на Аѳонъ и похоронить у нихъ, то она отказала, говоря, что сама нуждается въ его ходатайствѣ предъ Богомъ“ *****).

Патриархъ Каллисть извѣстенъ и какъ писатель и какъ проповѣдникъ. Изъ написанныхъ имъ житій, извѣстны —

*) Въ 1354 году. Γεθεών. Πατριρχικῆ Πίνακας. 426.

**) Тамъ же, 426.

***) Въ половинѣ 1363 года. Тамъ же, 429.

****) Феры—древній городъ въ Фессаліи магнисійской, нынѣ называется Велестинъ (Βελεστίνος).

*****) Migne. Patrolog., t. CLIV, 368.

житіе преподобнаго Григорія Синаита *), и „жизнь преподобнаго Θεодосіа терновскаго († 1362 году **) . Помѣщаемыя же въ греческомъ Добротолубіи 100 главъ въ наставленіе безмолвствующимъ и главы о молитвѣ ***) приписываются или сему блаженному патріарху и подвижнику, или же патріарху Каллисту 2-му († 1397 г.) ****). Немногія изъ его бесѣдъ и словъ извѣстны въ печати; онѣ встрѣчаются только въ рукописяхъ греческихъ и славянскихъ *****).

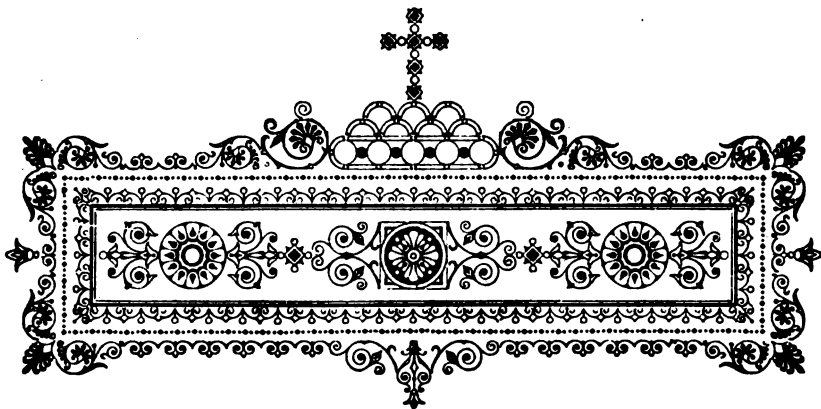
*) Помѣщаемое издавна, въ пересказѣ, въ книгѣ Νέον 'Εκλόγου, и только въ 1894 г. изданное въ подлинникѣ Г-номъ Помяловскимъ по рукописи московской синодальной библиотеки.

**) Въ старомъ славянскомъ переводѣ помѣщено въ I-й книгѣ «Чтеній Общ. Исторіи и древностей» за 1860 годъ.

***) Migne. Patrolog t. CXLVII. Добротолубіе въ русскомъ переводѣ т. 5., стр. 331—369, 474. М. 1890.

****) См. ноября 22-го.

*****) Въ библиотекѣ нашей обители хранится греческая рукопись, содержащая 52 слова патріарха Каллиста на разные праздники и противъ Варлаамитовъ. Есть и славянская рукопись, содержащая слова сего свѣтильника, только слова эти по содержанію не сходны ни съ тѣми, которые находятся въ греческ. рукописи, ни съ тѣми, какіе прибавлены въ новомъ изданіи греческаго Добротолубія (Φλοκαία, έκδ. 2, 'Ερμούπολις. 1894).

І Ю Н Я 25.

**Ж и т і е п р е п о д о б н а г о
Д І О Н И С І Я,**

к т и т о р а о б и т е л и в ъ ч е с т ь к р е с т и т е л я І о а н н а , ч т о н а с в я т о й г о р ѣ А е о н с к о й *).

Преподобный Діонисій родился близъ горъ Касторійскихъ, въ селеніи Корисонъ. Родители его были незнатнаго рода и, при довольствѣ сельской жизни, вели себя благочестиво. Не смотря на столь обыкновенное свое происхожденіе, благородный Діонисій, при родительской попечительности, получилъ начатки классическаго образованія, и наконецъ, при содѣйствіи благодати Божіей, достигъ до такой степени разсудительности, что, подобно жаждущей животворныхъ водъ лани, восхотѣлъ оставить все чувственное и временное, чтобы пріобрѣсти духовное и вѣчное, и всего себя посвятилъ на служеніе Богу. И Богъ, видя пламенную его къ Нему любовь и желаніе спастись, устроилъ спасеніе его слѣдующимъ образомъ:

У Діонисія былъ старшій братъ, именемъ Θεодосій.

*) Изъ Νέον Παράδεισος.

Какъ братья по плоти, при одинаковыхъ сердечныхъ качествахъ и характерахъ, они въ образѣ жизни держались одинаковыхъ правилъ. Будучи 18-ти лѣтъ отъ роду, Θεодосій захотѣлъ видѣть Константинополь, чтобъ тамъ, между благочестивыми иноками, найти себѣ опытныхъ руководителей на жизненномъ пути и принять отъ нихъ необходимыя въ такомъ случаѣ наставленія. Оставивъ отчизну, родителей и брата своего Діонисія, бывшаго тогда еще дитятею, онъ отправился въ царственный градъ, и прежде всего явился въ патриархію, какъ въ исключительное мѣсто и пристанище иноковъ испытанной жизни, составляющихъ цвѣтъ и красоту Церкви. Испросивъ позволеніе поселиться тамъ, онъ сколько, съ одной стороны, усвоилъ себѣ начатки подвижнической жизни, столько, съ другой, и обучался всему, что необходимо знать, въ отношеніи ви́шняго образованія. При отличныхъ способностяхъ, Θεодосій въ удовлетворительной степени изучилъ Священное Писаніе и догматы вѣры, — вслѣдствіе чего и сдѣлался предметомъ всеобщаго уваженія и любви, тѣмъ болѣе, что былъ нрава кроткаго, въ обхожденіи и бесѣдахъ со всѣми ласковъ, въ жизни подвижнической удивителенъ, и сверхъ того самый видъ его былъ увлекателенъ и благороденъ. Такія свойства души Θεодосія не могли утаиться и отъ самого патриарха. Услышавъ о добродѣтельной жизни его, онъ обратилъ на него особенное вниманіе и рукоположилъ его сначала въ діакона, а потомъ, какъ сильнаго въ словѣ и дивнаго въ знаніи Священнаго Писанія, и во священника.

По принятіи священства, Θεодосій велъ жизнь гораздо строже и возвышеннѣе прежняго, а это самое и было впоследствии виною сердечнаго влеченія его къ пустынной тишинѣ и безмолвію, такъ какъ обращеніе съ міромъ, невольныя отношенія къ нему и дружескія связи не только не представляютъ средствъ къ развитію душевныхъ силъ,

но часто подавляютъ чувство долга и священныхъ обязанностей къ Богу. Въ такомъ стремленіи духа къ уединенію, мысль Θεодосія останавливалась на святой Аѳонской горѣ, куда и удалился онъ изъ Константинополя. По прибытіи сюда, посѣтивъ монастыри и нѣкоторыя изъ келлій, онъ вступилъ въ число братства обители Филоѳеевской. Здѣшніе братія, соотвѣтствуя во всѣхъ отношеніяхъ названію обители, — боголюбивые (φιλόθεοι), — сначала служили для Θεодосія образцомъ подражанія и соревнованія въ подвижнической жизни; а потомъ онъ превзошелъ всѣхъ, и самъ сдѣлался для другихъ примѣромъ и украшеніемъ своего боголюбиваго братства. Между тѣмъ какъ Θεодосій такимъ образомъ преуспѣвалъ въ подвигахъ иноческой жизни, скончался игумень Филоѳеевской обители: вся братія на его мѣсто просила Θεодосія, какъ опытнаго и достойнаго быть вождемъ духовнаго стада. Истинный послушникъ, помня священные свои обѣты, сложенные предъ алтаремъ въ присутствіи братій, которымъ предалъ себя въ безусловное повиновеніе, Θεодосій принялъ жезлъ настоятельскаго правленія и, при содѣйствіи благодати, такъ мудро руководилъ всѣхъ и cadaго порознь по стезямъ иноческаго житія, что славою имени его наполнилась Святая гора, и многіе стали приходять къ нему для душевной пользы.

Теперь скажемъ и о приходѣ брата его, Діонисія, на Аѳонскую гору, и то, какимъ образомъ онъ сдѣлался ктитормъ чуднаго монастыря Предтечи, а потомъ уже договоримъ остальное и о мудромъ Θεодосіи.

По отбытіи Θεодосія въ Константинополь, малолѣтній Діонисій мало-по-малу мужалъ и, слѣдуя тайному влеченію мысли, особенно при извѣстіяхъ о братѣ Θεодосіи, проходившемъ со славою иноческую жизнь, пламенно желалъ посвятить себя также на служеніе Господу Богу. Слыша, что братъ его—на святой горѣ Аѳонской, и что тамъ на-

ходится много старцевъ высокой жизни, рѣшился онъ отправиться туда же. Но когда узналъ тамошнее положеніе, — не принимать въ монастыри слишкомъ юныхъ, и что за нарушеніе этого наказываются строго, по завѣту древнихъ отцевъ, рѣшился отложить свое намѣреніе до совершенныхъ лѣтъ, хотя это было слишкомъ тяжело его сердцу. Наконецъ кончивъ такой искусь терпѣнія, онъ, какъ орелъ, понесся на Святую гору, и, какъ жаждущая лань, устремился къ прохладѣ живительныхъ водъ: притомъ ему сильно хотѣлось не только пустынныхъ подвиговъ, но и свиданія съ братомъ, о которомъ уже зналъ, что онъ игуменствуетъ въ Филоеевской обители. Трудно выразить радость братскаго свиданія! Вся обитель была тронута, и все братство радовалось прибытію Діонисія, который, съ своей стороны, всматриваясь въ образъ жизни иноческой и видя взаимность общенія мира и любви въ братіи, восклицалъ съ Давидомъ: *се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупу!* (Псал. 132, 1). Черезъ нѣсколько дней, игумень постригъ Діонисія, и онъ благодарилъ и прославлялъ Господа, совершившаго съ нимъ то, чего желалъ онъ отъ всего сердца. Подъ мудрымъ руководствомъ брата своего Θεодосія, началъ онъ преуспѣвать въ подвигахъ, подражая, по своимъ силамъ, благочестивымъ старцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Θεодосій сталъ занимать Діонисія особенно чтеніемъ Священнаго Писанія и изученіемъ Божественныхъ догматовъ Церкви, и наконецъ, какъ свидѣтельствовавшаго въ чистотѣ жизни, сдѣлалъ его сначала экклизіархомъ, — каковое послушаніе исполнялъ онъ весьма прилежно, — а потомъ, чрезъ эрискаго епископа, рукоположилъ его въ діакона, по достиженіи же 30-ти лѣтъ, и въ пресвитера. Тогда-то особенно Діонисій по мѣрѣ духовнаго своего возвышенія, началъ возвышаться чистотою мысли и сердца, смирялъ себя предъ Богомъ, въ чувствѣ недостойности тѣхъ щедротъ благодати,

которыя удивилъ Онъ на немъ. — такъ что, по словамъ святаго Апостола Павла, *забывая задняя, въ предняя же простираясь* (Филип. 3, 13), при помощи Божіей, восходилъ отъ силы въ силу и царственно низлагалъ и сокрушалъ главу невидимаго врага—князя тьмы вѣка сего. Такимъ образомъ, эти два брата, среди отцевъ обители, просіяли, какъ двѣ яркія звѣзды, и славился ихъ ради Богъ, прославляющій славящихъ Его. Но Божественный Діонисій, въ преизбыткѣ сердечной любви къ Богу, стремясь къ болѣе высшимъ подвигамъ поста, молитвы и совершенной нестяжательности, какъ одинъ изъ древнихъ богоносныхъ отцевъ, чувствовалъ, что среди множества братій, съ коими нужно, по необходимости, имѣть общеніе, а иногда и непріязненные столкновенія, трудно себя вести такъ, какъ бы желалъ. Вслѣдствіе сего и вознамѣрился онъ погрузиться въ глубокую пустыню, гдѣ бы, при совершенномъ безмолвіи и невозмутимой тишинѣ, можно было, безъ развлеченія, заниматься умною молитвою и бесѣдовать только съ однимъ возлюбленнымъ Спасителемъ и Богомъ. Впрочемъ, чтобъ и въ этомъ отношеніи не увлечься своеволіемъ, онъ обратился къ опытнымъ старцамъ, открылъ имъ свою мысль и требовалъ на нее совѣта. Получивъ же отъ нихъ благословеніе на такой подвигъ, онъ вышелъ изъ обители тайно, чтобы не останавливали его, и, поднявшись почти на самый верхъ малаго Аѳона, нашель, въ южной части его, пещеру и близъ ней источникъ прекрасной воды, такъ что все способствовало ему тамъ къ безмолвной жизни. Обрадованный этимъ, Діонисій благодарилъ Господа, и остался тамъ, не имѣя даже существенныхъ потребностей жизни,—хлѣба, и иной одежды, кромѣ той, которую носилъ,—и то изорванной. Какъ истинный подражатель безстрастной ангельской жизни, блаженный не обращалъ вниманія ни на немощъ природы, ни на ея требо-

ванія, но, ставши выше всего чувственнаго, питался чтеніемъ Священнаго Писанія и молитвою, и оправдывалъ на себѣ сказанное Господомъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ чловѣкъ* (Матѣ. 4, 4). Пищею же для плоти служили ему каштаны и дикія травы, а когда приходило желаніе вкусить хлѣба, онъ спускался для того или къ какой-нибудь келліи, или являлся въ монастырь, и потомъ опять погружался въ пустынную свою пещеру. Такъ протекло три года. Постоянно очищая молитвою и постомъ чувства душевныя и тѣлесныя, Діонисій наконецъ достигъ совершенства. Тогда, наставляемый Богомъ, явился къ нему одинъ изъ опытныхъ и благочестивыхъ подвижниковъ Святой горы и просилъ благословенія поселиться возлѣ его пещеры. Съ большимъ трудомъ упросилъ онъ строгаго въ этомъ отношеніи Діонисія. За симъ вскорѣ пришелъ другой братъ,—и оба они, построивъ себѣ каливы, подчинили себя Діонисію, съ безусловнымъ, съ своей стороны, послушаніемъ старческой его волѣ. Но какъ градъ не можетъ укрыться, стоя верху горы,—такъ и подвиги Діонисія огласились всюду, и славою его имени наполнилась Святая гора. Слѣдствіемъ сего было то, что многіе, приходя къ нему для наставленія и совѣтовъ, изъявляли желаніе остаться подъ старческимъ его водительствою и управленіемъ. Діонисій сначала не соглашался на это, но когда тѣ настоятельно просили и умоляли его, онъ отвѣчалъ имъ: „Братія возлюбленные! я уклоняю васъ отъ себя, и уклоняюсь отъ васъ не по чему-нибудь другому, а единственно потому, что мѣсто здѣшнее дико и строго. Если же непремѣнно хотите быть при мнѣ, то поднимитесь на гору выше, и тамъ найдете мѣсто удобное: понравится,—живите, а я даю слово навѣщать васъ и, по силамъ моимъ, помогать вамъ, въ сердечныхъ вашихъ нуждахъ.“ Согласившись на это, они построили, въ сѣверной части горы, келліи, съ церковію во

имя крестителя Іоанна, которая называется и нынѣ древнимъ Предтечею. Такимъ образомъ вокругъ преподобнаго Діонисія составилось избранное общество пустынной братіи, и онъ являлся къ нимъ по субботамъ, для литургіи, при совершеніи которой, приобщая ихъ святыхъ Таинъ, оставался съ ними въ теченіе двухъ дней, для назиданія и утѣшенія ихъ, а вечеромъ въ воскресенье, взявъ у нихъ себѣ хлѣба и пустынныхъ растений, уходилъ въ свою пещеру. Но такъ какъ на горѣ, въ теченіе зимы, особенно въ сѣверной части, слишкомъ холодно, и братія много страдали отъ холода, то, съ благословенія старца, они спустились внизъ, на западную сторону, и, построивъ себѣ каливы, развели тамъ виноградники, а между прочимъ построили себѣ небольшое судно, потому что, при умноженіи братства, стали имѣть нужду въ жизненномъ продовольствіи и въ общеніи съ другими мѣстами Святой горы. Если случалось имъ выгружать пшеницу, или другія какія-либо вещи, святой, какъ образецъ трудолюбія, самъ участвовалъ съ братіями въ послушаніяхъ,—тѣмъ болѣе, что отъ природы былъ силенъ и могучъ. Онъ говорилъ при этомъ, что начальствующій долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ примѣромъ для братіи. Часто преподобный проводилъ ночи въ набережной каливѣ, и тогда какъ братія, по обыкновенію, вставали въ полночь, для отправленія утрени на открытомъ воздухѣ, не имѣя на то храма, и онъ также, въ теченіе всей службы, стоялъ безъ развлеченія, какъ неподвижный столпъ, возносясь мыслию и сердцемъ къ Богу.

Однажды, во время утрени, Діонисій, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи, по Божіей волѣ, устроенъ монастырь, вдругъ увидѣлъ дивный свѣтильникъ, ярко горѣвшій до самаго разсвѣта. Сначала, полагая, что это дѣйствіе неприязненной силы, святой никому не рассказывалъ о своемъ видѣніи, но такъ какъ оно продолжало повторяться многія

ночи сряду, то онъ передалъ о немъ одному прозорливому и богодухновенному старцу, — іеромонаху Дометію, жившему при храмѣ Пресвятыя Богородицы. Чтобъ повѣрить видѣніе, мудрый Дометій пошелъ самъ къ святому Діонисію: видѣніе трижды повторилось въ присутствіи Дометія. Убѣжденные, такимъ образомъ, въ дѣйствительности Божественнаго чуда, они открыли объ ономъ всеѣмъ братіямъ. Все собрались къ камню, гдѣ являлся необычайный свѣтъ, освидѣтельствовали, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь свѣтящаго тѣла, подъ вліяніемъ физическаго дѣйствія, и, когда ничего не открыли, Дометій пророчески изрекъ Божественному Діонисію: „Богу угодно, чтобы здѣсь построена была святая обитель, куда соберутся иноки и прославится въ нихъ Богъ; поэтому не медли начать оную, не заботясь о потребностяхъ вещественныхъ; всемогущій Богъ пошлетъ тебѣ все нужное, и я, съ своей стороны, буду содѣйствовать, чѣмъ могу.“ То же сказали и братія общаясь помогать своему старцу въ устроеніи обители. Такимъ образомъ, помолившись, очистили они мѣсто и прежде всего постарались воздвигнуть башню, чтобъ оградить себя и— въ послѣдствіи обитель—отъ морскихъ разбойниковъ. Что же касается до продовольствія и денегъ, необходимыхъ въ подобномъ случаѣ на многосложныя нужды и расходы, — то слава имени Діонисія и высокая жизнь его влекли къ нему, не только отъ мѣстъ Святой горы, но и изъ отдаленнаго міра, людей, жаждающихъ его слова, утѣшеній и старческихъ совѣтовъ, — и эти-то духовныя чада его щедрою рукою сыпали ему деньги и все необходимое для возникающей его обители. Между тѣмъ какъ Діонисій трудился надъ основаніемъ своей обители, братъ его Θεодосій, игумень філоѳеевскій, однажды, предъ праздникомъ Благовѣщенія, вышелъ съ другими братіями ловить рыбу. Во время ловли, ночью напали на нихъ разбойники и, схвативши въ плѣнъ,

отвезли въ Бруссу, гдѣ продали (въ неволю) тамошнимъ христіанамъ, которые, купивъ ихъ, даровали имъ полную свободу, представляя имъ идти, кто куда хочетъ. Тогда какъ иные возвращались на Святую гору, Божественный Θεодосій, по Божію устроенію, прибылъ въ Константинополь. Патріархъ и прочіе, знавшіе его прежде, весьма обрадовались его прибытію,—тѣмъ болѣе, что одна изъ византійскихъ обителей не имѣла игумена. Впрочемъ, Θεодосій оставался тамъ недолго. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ прибылъ онъ въ Константинополь, въ Трапезунтѣ скончался митрополитъ. На ту пору, въ этомъ городѣ находился императоръ Алексѣй Комнинъ, повелѣніемъ коего было предписано патріарху избрать на осиротѣвшую кафедру трапезунтской Церкви достойнаго понести жезлъ и бремя іерархическаго служенія. Жребій сего высокаго служенія, волею Божіею и избраніемъ какъ патріарха, такъ и клира его, палъ на смиреннаго Θεодосія, который, кромѣ чистоты сердечной и святости жизни, и въ другихъ отношеніяхъ.—какъ-то, въ отношеніи внѣшняго вида,—былъ привлекателенъ, украшался патріархальною брадою до самыхъ чреслъ, и притомъ славился силою и сладостію слова и привѣтливостію въ обхожденіи. Но что всего важнѣе,—онъ имѣлъ обширныя и глубокія свѣдѣнія о Церкви, въ догматическомъ и каноническомъ отношеніяхъ. Итакъ, не внимая извиненіямъ Θεодосія, отрицавшагося отъ столь высокаго званія, подъ предлогомъ собственнаго недостойнства и трудности церковнаго правленія, патріархъ рукоположилъ его и возвелъ на степень митрополита. Такимъ образомъ, Θεодосій долженъ былъ отправиться по назначенію, — къ своей паствѣ, въ Трапезунтѣ, гдѣ и былъ принятъ торжественно и съ радостію императоромъ и всею Церковію. Услышавъ объ этомъ, радовался и Божественный Діонисій, что братъ его возведенъ на степень митрополита, славя Бога, такъ

дивно и вопреки нашимъ предначертаніямъ и волѣ располагающаго судьбами нашей жизни. Зная также, по слухамъ, что Θεодосій пользуется особенною внимательностію и расположеніемъ императора, Діонисій впослѣдствіи предпринималъ путешествіе въ Трапезунтъ, къ брату, чрезъ ходатайство котораго ожидалъ для своей, только что возникавшей, обители царственныхъ пособій и обезпеченія. Впрочемъ, не полагаясь въ этомъ случаѣ на свое собственное сужденіе, онъ обратился къ преподобному Дометію и требовалъ отъ него совѣта на свое предложеніе. Дометій, съ своей стороны, благословилъ его намѣреніе, — и Діонисій, въ сопутствіи учениковъ своихъ, отправился въ Трапезунтъ. Свиданіе братьевъ было трогательно. Діонисій разсказалъ Θεодосію о начавшемся строеніи обители, объяснилъ ему побужденія къ столь важному дѣлу, и наконецъ просилъ братскихъ его пособій, а особенно — ходатайства его предъ императоромъ. Θεодосій съ участіемъ выслушалъ его и представилъ объ этомъ лично государю. Послѣ милостивыхъ разспросовъ со стороны императора о положеніи Святой горы, Діонисій, ободренный внимательностію его и снисхожденіемъ, рѣшилъ изложить предъ нимъ собственныя свои нужды, и наконецъ предложилъ ему быть ктиторомъ возникающей его обители, въ подражаніе державнымъ его предкамъ, основавшимъ на Святой горѣ обители, — чрезъ что и хранится память ихъ и переходитъ изъ рода въ родъ, и изъ вѣка въ вѣкъ, съ молитвою о спасеніи душъ ихъ. Императоръ, тронутый слезами старца, съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и, обезпечивши обитель изъ царскихъ своихъ сокровищъ, данною ей грамотою, обязалъ и преемниковъ своего престола имѣть о ней попеченіе. И притомъ, кромѣ отпущенныхъ суммъ Діонисію, императоръ, тою же грамотою *), предписалъ вы-

*) Хрисовулы, данныя императоромъ Алексѣемъ Комниномъ обители Діонисіевской, хранятся въ архивѣ обители.

давать монастырю каждагодно по тысячѣ серебряныхъ монетъ изъ царскихъ сокровищъ, — что и было исполняемо долгое время. Такимъ образомъ, Діонисій, пробывъ нѣсколько времени у брата своего и обласканный императоромъ, весело отправился отъ нихъ, прославляя Промыслъ Божій, такъ дивно устроившій дѣла его. Но, находясь въ Черномъ морѣ, вдругъ и онъ и прочіе замѣтили нѣсколько турецкихъ суденъ, несшихся къ нимъ на встрѣчу. При видѣ варваровъ, на всѣхъ напалъ страхъ; но Діонисій, твердо уповая на Бога, сказалъ спутникамъ: „не бойтесь ничего: — подождите немного, и вы увидите силу Божию; — возложимъ всю надежду на Господа, и Онъ отклонитъ отъ насъ опасность.“ Между тѣмъ варвары, приближаясь къ нимъ, стали стрѣлять. Тогда преподобный, воздѣвъ длани свои къ небу, со слезами помолился такъ: „Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, прославляемый присно со Отцемъ и Духомъ! услыши меня, недостойнаго раба Твоего, и, ради предстательства Пречистыя Твоея Матери и Предтечи и Крестителя Твоего, избавь насъ отъ враговъ нашихъ.“ Во время молитвы (сколь велико дерзновение преподобнаго предъ Богомъ!), вдругъ предсталъ великій Предтеча, съ жезломъ въ правой рукѣ, и успокоилъ всѣхъ бывшихъ съ Діонисіемъ; варварамъ же грозилъ смертію, если они осмѣлятся приблизиться и не уйдутъ назадъ. И угрозы Предтечи сопровождались дѣйствительною казнію варварамъ: руки у нихъ внезапно потеряли силу и оцѣпенѣли. Видя столь славное чудо и скорую помощь свыше, всѣ, находившіеся съ преподобнымъ, благодарили Господа, — вопія: „слава Тебѣ, всемогущій Царю, чрезъ Крестителя и Предтечу Своего избавившему насъ отъ смертной опасности!“ Спасенные такимъ образомъ, Діонисій и ученики его благополучно прибыли къ Святой горѣ, въ свою обитель. Когда братія узнали, какъ Господь помогъ имъ, всѣ ра-

достно прославили Божественный Его Промыслъ. А Дометій замѣтилъ при этомъ преподобному, что всякому благому дѣлу нужно только начало, равно какъ и основанію обители; въ остальномъ же — Господь помощникъ. „Итакъ, начинай теперь строеніе съ усердіемъ,“ продолжалъ онъ. Тогда преподобный приступилъ къ зданію обители и воздвигъ, въ честь святаго Предтечи, великолѣпный храмъ, устроилъ водопроводы и все, что входитъ въ составъ монастырскихъ зданій. Такимъ образомъ возникла обитель Предтечи Господня, въ 6888 году отъ сотворенія міра или въ 1380 году отъ Рождества Христова.

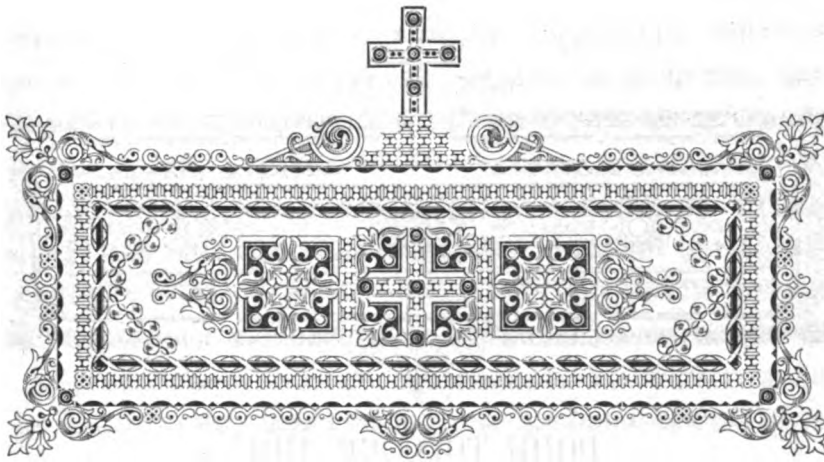
Впрочемъ, отпущенными изъ царскихъ сокровищъ суммами зданія обители исправлены не во всѣхъ отношеніяхъ: святой Діонисій, съ своей стороны, считалъ необходимою потребностію стѣнную живопись въ соборномъ храмѣ, что и вызвало его снова въ Трапезунтъ, для личныхъ объясненій съ императоромъ объ остальныхъ нуждахъ священной его обители. Императоръ, какъ и прежде, благосклонно выслушалъ уважительныя просьбы старца и исполнилъ ихъ съ сердечною радостію и удовольствіемъ. Но, тогда какъ, радуясь о новыхъ пособіяхъ своей обители, преподобный славилъ Бога и весело спѣшилъ къ своему братству, всегдашній врагъ человѣческаго спасенія, завистливый сатана, попущеніемъ Божиимъ, готовилъ жестокой и чувствительный ударъ для его сердца. По прибытіи къ Святой горѣ, святой никого не нашель въ монастырѣ, потому что набѣжали туда турки и взяли всѣхъ братій въ плѣнъ, забравъ съ ними и церковныя драгоценности. Увидѣвъ это, онъ предался великой скорби и плачу; но ни одного оскорбительнаго и ропотнаго слова не произнесъ на Господа, зная, что это наведено на него отъ ненавистника добра — діавола. Черезъ нѣсколько времени, какъ истинный пастырь расхищеннаго стада, сердечно сокрушаясь о страдальческомъ

его положеніи въ плѣну невѣрныхъ, онъ всѣхъ своихъ пасомыхъ выкупилъ, и они снова собрались воедино. Но такой чадолюбивый подвигъ дорого стоилъ Діонисію: истративъ данныя отъ царскихъ щедротъ суммы на искупленіе чадъ своихъ и на окончательное устройство обители, онъ остался попрежнему безъ средствъ, какъ въ отношеніи жизненныхъ продовольствій, такъ касательно и прочихъ церковныхъ нуждъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, снова обратился онъ къ божественному Дометію и требовалъ его совѣта, — что дѣлать въ такой крайности: идти ли опять къ императору, или оставить дѣло на произволь неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ. Когда же Дометій положительно изрекъ, чтобъ отправиться еще разъ къ императору, Діонисій, не смотря на множество путевыхъ неприятностей и трудовъ, принялъ совѣтъ его съ безусловною покорностію и, оставляя монастырь, поручилъ его старческому надзору и попечительности Дометія. „Тебѣ, отецъ мой,“ сказалъ онъ прощальнымъ голосомъ, „по Господѣ Богѣ и послѣ великаго Предтечи, — тебѣ поручаю обитель сію: предчувствую, что мнѣ не видѣть ни ея, ни тебя, отецъ мой!“ „Да,“ отвѣчалъ вдохновенный старецъ: „мы уже не узримъ другъ друга на землѣ; за то тамъ, — въ небесахъ, — предъ лицомъ Божіимъ, блаженствуя безконечно, не разстанемся во вѣки.“ — Такъ и сбылось.

По прибытіи въ Трапезунтъ, преподобный разсказалъ брату своему, а потомъ, представленный къ императору, передалъ и ему о случившемся несчастіи, и смиренно испрашивалъ царственныхъ пособій для своей обители. Императоръ съ участіемъ выслушалъ старца и утѣшилъ его надеждою на возможную помощь съ царской его стороны. Но святой Діонисій не дожилъ до того дня, когда императоръ предположилъ исполнить свое слово; потому что, чрезъ нѣсколько послѣ сего дней, наступилъ преподобному

послѣдній день жизни на землѣ. Призвавъ брата своего и попросивъ императора, онъ поручилъ заботливости ихъ обитель свою, и при нихъ же, обратившись съ молитвою о нихъ къ Богу, тихо испустилъ послѣдній вздохъ жизни, — отошелъ ко Господу, на 72-мъ году отъ роду. Это было 25-го іюня. Братъ его, митрополитъ трапезунтскій, торжественно отдалъ послѣдній долгъ преподобному, съ должною честію и благоговѣніемъ совершилъ погребеніе тѣла его, отъ коего впослѣдствіи истекло множество чудесъ — для призывавшихъ молитвенно преподобнаго въ помощь себѣ. Между тѣмъ братія, сопутствовавшіе преподобному, были облагодѣтельствованы богатою милостынею, какъ отъ императора, такъ и отъ митрополита, и потомъ отправились на Аѳонскую гору. Когда вѣсть о кончинѣ преподобнаго была передана ими монастырю, — всѣ рыдали о лишеніи такого отца *). А святой Дометій, утѣшавшій ихъ поначалу, хотѣлъ было уйти отъ нихъ на безмолвіе; но все братство, со слезами, пало къ ногамъ его и просило не оставлять ихъ совершенными сиротами, но заступить мѣсто преподобнаго Діонисія. Послушливый Дометій тронулся слезами ихъ, и не хотя принялъ на себя правленіе обители — до тѣхъ поръ, пока не отошелъ ко Господу, въ глубокой старости. Богу нашему слава во вѣки. Аминь.

*) Препод. Діонисію въ монастырѣ его есть особая служба.

ІЮНЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

**Память преподобнаго
ДОМЕТІЯ,**

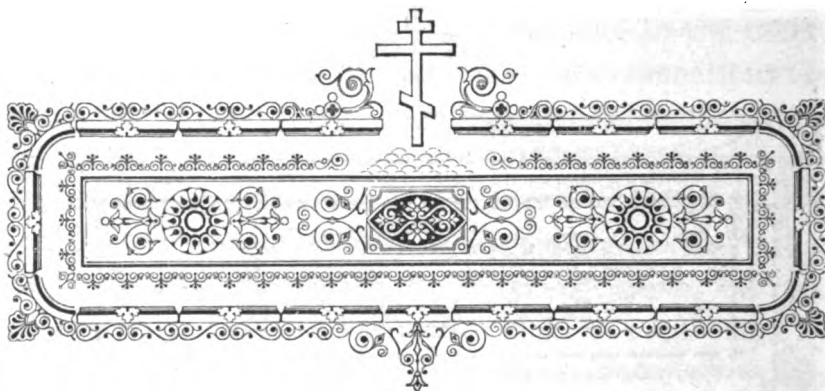
игумена діонисіатскаго *).

Духоносный и богоносный отецъ нашъ Дометій былъ сподвижникомъ и другомъ святаго Діонисія, ктитора обители честнаго Предтечи, а послѣ кончины его, пастыремъ и игуменомъ сей обители.

(Смотри житіе препод. Діонисія, іюня 25).

*) Изъ 'Ακολουθία τῶν ἁγιωρευτῶν πατέρων.

ЮНЯ ТОГО-ЖЕ ДНЯ.

**Страданіе святаго преподобномученика
ПРОКОПІЯ *).**

Година святаго преподобномученика Прокопія была мѣстность близъ Варны. Родители его были благочестивые христіане. По достиженіи двадцатилѣтняго возраста, у него явилось желаніе посвятить себя иноческому житію, а потому, оставивъ родителей и сродниковъ, онъ удалился на святую Аѳонскую гору.

Прибывъ на Святую гору, онъ сначала не опредѣлялся ни въ одинъ монастырь, а жилъ какъ странникъ, переходя изъ одного мѣста въ другое по всей Аѳонской горѣ, присматривался къ различнымъ родамъ иноческой жизни и, наконецъ избравши самую суровую отшельническую жизнь, подчинилъ себя подъ руководство старцу Предтеченскаго скита Діонисію.

Проводя строгую отшельническую жизнь, онъ, для утвержденія себя еще въ болѣе высокихъ подвигахъ, пожелалъ принять ангельскій образъ, въ чемъ старецъ не только не возбранилъ ему, но даже самъ постригъ его въ монашество.

*) Изъ Νέον Λετρονάριον.

По принятіи ангельскаго образа, Прокопій еще болѣе началъ подвизаться въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ; кромѣ того имѣлъ совершенное послушаніе и великое терпѣніе въ подъятіи трудовъ отшельнической жизни и, какъ бы вѣнцемъ всѣхъ его подвиговъ, украшался кроткимъ и незлобивымъ нравомъ, приводивши всѣхъ отцевъ въ удивленіе своею добротою и простосердечіемъ. Но однако и врагъ нашего спасенія діаволь, видя Прокопія, преуспѣвающаго въ добродѣтеляхъ, и самъ не дремалъ, но зорко слѣдилъ за подвижникомъ, изыскивая лишь удобное время неожиданно напасть на него, раграбить душевное сокровище и, нанеши сердцу смертельный ударъ, ждаты окончательнаго паденія.

Всезлобный врагъ началъ свой лукавый приступъ съ того, что каждодневно сталъ навѣвать въ его душу помыслы уйти въ міръ. Брань, воздвигнутая душегубцемъ, день ото дня становилась сильнѣе и, наконецъ, возобладавша чувствами Прокопія, съ ожесточеніемъ обратилась въ бурю, вырвавши несчастнаго съ корнемъ добрыхъ начинаній изъ вертограда Христова и сообщества труждающихся въ немъ дѣлателей. Противъ вражеской бури, Прокопій не устоялъ, а потому рѣшился оставить Святую гору и уйти въ міръ, что онъ и сдѣлалъ, и никому не сказавшись, отправился въ Смирну.

Какъ только Прокопій высадился на берегъ, не дремлющій діаволь, уже овладѣвшій его сердцемъ и умомъ, началъ смущать и приводить Прокопія въ отчаяніе, подсаживая: такъ какъ онъ безъ всякой причины оставилъ Святую гору и подвиги, въ которыхъ не захотѣлъ пребывать долѣе, не терпя иноческихъ трудовъ, и возвратился опять въ міръ, то непременно долженъ подвергнуться мученіямъ.

Смущеніе, овладѣвшее его душою, сдѣлалось еще сильнѣе, когда онъ вспомнилъ, что своимъ удаленіемъ изъ

Аѳонской горы, причинилъ плачь добродѣтельнымъ мужамъ, и что всѣ отцы Предтеченскаго скита считаютъ его какъ бы уже умершимъ для добродѣтельной жизни, такъ какъ онъ ушелъ изъ Святой горы подобно татю, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись и ни у кого не взявши благословенія, не находя оное нужнымъ. Такъ точно и здѣсь, онъ не хотѣлъ, или, быть можетъ, врагъ не допускалъ его открыть свои помыслы духовнику, и въ этомъ случаѣ поступить по его совѣту *).

Несчастный, погубивши свѣтильникъ, просвѣщающій его сердце, промѣнялъ оный на мрачную и безлунную ночь, въ которую грабители и вовлекли его въ бездну погибели. Считая уже себя потеряннымъ, жалкій Прокопій рѣшился на весьма отчаянный и ужасный шагъ: оставить христіанскую и принять мусульманскую вѣру.

Воображая положеніе несчастнаго Прокопія, душа всякаго христіанина должна содрогнуться, видя, какъ бывшій подвижникъ Христовъ вдругъ сдѣлался отступникомъ; причина этому безсовѣтіе и скрытность, которыя и довели его до глубокаго паденія. Конечно, при этомъ душа его страдала и боролась до тѣхъ поръ, пока адская сила не взяла верхъ и, взнуздавъ несчастнаго, не повлекла къ погибели.

Такъ, въ одинъ день, онъ въ намѣреніи положить конецъ всѣмъ своимъ страданіямъ, пошелъ къ городскому судѣ заявить свое отверженіе отъ Христа, гдѣ предварительно былъ остановленъ сторожами, которые спросили его:

— Зачѣмъ тебѣ понадобился судья, жалобу ли какую хочешь подать ему, или принять мусульманскую вѣру.

— Принять мусульманскую вѣру, робко отвѣтилъ Прокопій. Сторожа тотчасъ ввели его къ судѣ, заявивъ, что Прокопій желаетъ увѣровать въ Магомета. Тогда судья ласково обратился къ отверженному:

*) Нѣчто подобное смотри въ Четьи-миней святого Димитрія Ростовскаго, марта 26 дня, о презрѣніи старческаго благословенія преподобнымъ Малхомъ.

— Дѣйствительно ли ты хочешь принять нашу вѣру?

— Да, дѣйствительно, отвѣчалъ несчастный, забывъ данные имъ при постриженіи обѣты, обѣщаніе вѣчныхъ благъ и угрозы вѣчныхъ мукъ.

Видя согласіе, судья приказалъ Прокопію произнести нѣкоторыя хульные слова, а чрезъ 15 дней было совершено надъ нимъ и обрѣзаніе. Но дивны судьбы Твои, Боже! Лишь только отступника обрѣзали, мысль его вдругъ перемѣнилась, совѣсть заговорила, обличая его въ вѣроломномъ отреченіи отъ Іисуса Христа, и онъ, какъ бы отъ бывшаго опьяненія, пришелъ въ полное сознаніе и сейчасъ же рѣшился искать помощи въ своемъ заблужденіи.

Выбравъ удобное время, онъ тайными путями пришелъ къ другу своему духовнику, съ которымъ былъ знакомъ, когда онъ жилъ на Аѳонѣ, но духовникъ, видя его въ турецкой одеждѣ, удивился столь странному превращенію.

— Ты, конечно, отче, удивляешься, видя меня въ турецкой, а не въ монашеской одеждѣ? но за тѣмъ-то я къ тебѣ и пришелъ, чтобы ты смылъ съ меня то пятно, которое я несчастный, будучи прельщенъ діаволомъ, самъ себѣ сдѣлалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ облекъ бы меня въ первую мою одежду. Далѣе, Прокопій сталъ рассказывать, какъ онъ оставилъ Святую гору и какъ отрекся отъ Христа, присовокупивъ, что, для очищенія себя отъ своего паденія, желаетъ принять мученическую кончину, за исповѣданіе имени Іисуса Христа.

Духовникъ, видя благую мысль Прокопія, порадовался объ его обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ ему: обдумалъ ли ты, какъ должно, то, на что рѣшаешься? Ты знаешь, что враги вѣры Христовой будутъ тебя жестоко мучить, а потому, какъ бы, вмѣсто побѣдителя, не сдѣлаться вторично побѣжденнымъ и, вмѣсто полученія вѣнца, не явиться достойнымъ слезъ! Если ты дѣйствительно при-

шелъ посовѣтоваться со мною, какъ съ духовникомъ, то говорю тебѣ, какъ другъ и отецъ, что милость Божія къ намъ грѣшнымъ безпредѣльна, и что нѣтъ грѣха, побѣждающаго челоуѣколюбіе Божіе, а потому совѣтую тебѣ возвратиться опять на святую Аѳонскую гору, и тамъ въ покаяніи и слезахъ оплакивать свой грѣхъ, и я увѣренъ, что Господь, видя твое покаяніе, проститъ тебѣ твое глубокое паденіе, подобно тому, какъ Онъ простилъ Апостола Петра, отрешагося Его предъ слугами первосвященника іудейскаго.

Но кающійся отверженникъ отвѣчалъ ему: знаю и я, отче, что придется мнѣ много претерпѣть мукъ отъ враговъ Креста, но я вѣрю, что Богъ, укрѣплявшій всѣхъ святыхъ мучениковъ въ страданіяхъ, всеиленъ и меня укрѣпитъ на исповѣданіе Его имени.

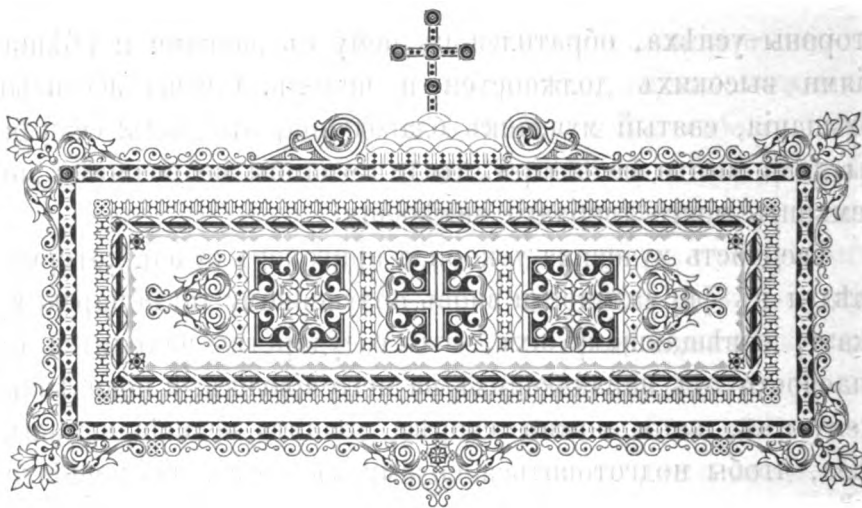
Духовникъ, видя твердость его мысли, не сталъ болѣе отклонять его отъ желанія мученичества и, съ этого времени, Прокопій сталъ готовиться къ подвигу, при томъ и чаще началъ приходитъ къ духовнику для подкрѣпленія своихъ мыслей, а чрезъ 15-ть дней, Прокопій объявилъ ему, что этотъ день есть послѣдній нашего съ тобою свиданія, такъ какъ я рѣшился сегодня же предстать на судъ предъ турками. Тогда оба они пропѣли молебень Богоматери и, поцѣловавъ другъ друга послѣднимъ цѣлованіемъ, вышли вмѣстѣ изъ дома духовника, который, издали слѣдуя за мученикомъ, напутствовалъ его своими тайными молитвами до самаго судилища. Когда мученикъ предсталъ предъ судьейю, сбросилъ съ своей головы зеленую повязку и дерзновенно началъ исповѣдывать христіанскую вѣру, а мусульманскую проклинать съ ихъ ложнымъ пророкомъ. Судья, слыша посрамленіе своей вѣры сначала приказалъ его бить, и потомъ заключить въ темницу, думая этимъ заставить его перемѣнить свои мысли, но не видя съ этой

стороны успѣха, обратился къ нему съ ласками и обѣщаніями высокихъ должностей и чиновъ. Слыша льстивыя обѣщанія, святой мученикъ благодушно отвѣчалъ: если бы вы дали мнѣ и весь міръ, то и тогда бы не возмogli перемѣнить моего твердаго намѣренія.

Твердость мученика ускорила приговоръ судей, которые, слѣдуя въ формальности вновь полученному тогда царскому указу, извѣщавшему ихъ, что государство находится въ опасности отъ нападающихъ на него враговъ, и повелѣвавшему имъ, какъ можно скорѣе, рѣшить великія и малыя дѣла, чтобы подготовиться силами къ отраженію непріятелей, сочли излишнимъ терять время и заниматься муками, и приказали немедленно отрубить Прокопію голову.

Когда святой мученикъ былъ приведенъ на мѣсто казни и безъ смущенія преклонилъ главу свою къ усѣченію, то мусульмане, видя его мужество, удивлялись, и никто изъ нихъ не рѣшился совершить казнь. Въ то время былъ въ Смирнѣ одинъ отверженникъ отъ Христа, отличавшійся свирѣпостью нрава, котораго привели на мѣсто казни, и онъ, безъ колебанія, исполнилъ то, что не могли сдѣлать самые варвары отъ природы, и такимъ образомъ разлучилась отъ тѣла, очищенная своею кровію, душа святаго преподобномученика Прокопія 25-го іюня 1810-го года, въ субботу. Слава и благодареніе Христу Богу, укрѣпляющему святыхъ Своихъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Память преподобнаго отца нашего Θεолипта, епископа филadelphійскаго.

память его совершается въ первую недѣлю по недѣлѣ всѣхъ святыхъ.

Согумудрый отецъ нашъ Θεолиптъ родился въ г. Nikeѣ въ малой Азїи, около 1252 г. Императоръ Византїйскїй Михаилъ Палеологъ, овладѣвшїй Царскимъ престоломъ въ 1260 г., видя, что расшатавшаяся его имперїя готова пасть подъ напоромъ враговъ, боровшихъ Византїю со всѣхъ сторонъ, искалъ поддержки себѣ въ благоволенїи римскаго папы, заслужить которое думалъ единственно введенїемъ унїи, т.-е. соединенїя восточной православной Церкви съ западною. Признавая папу главою всѣхъ прочихъ церквей, Палеологъ, при пособїи тогдашняго патріарха константинопольскаго Іоанна Векка, отличавшагося также особеннымъ рвенїемъ къ единенїю съ Римомъ, старался всѣми силами принудить къ унїи своихъ подданныхъ и особенно клиръ

и иноковъ. Жестоко ратовалъ императоръ противъ не соглашавшихся на унію, заключалъ въ тюрьмы, рѣзалъ имъ носы и предавалъ публичному посмѣянію. Наконецъ 6-го іюля 1277 г. былъ обнародованъ указъ императора, которымъ торжественно объявлялось о признаніи главенства римскаго папы, у противниковъ же уніи повелѣно было конфисковать имѣнія и продавать ихъ съ публичнаго торгу.

Въ то время блаженный отецъ нашъ Теолиптъ достигъ 25-ти лѣтняго возраста и, имѣя санъ діакона, сіялъ уже ревностію своею о чистотѣ православія, а потому лишился своего дома и, спасаясь отъ гоненій, укрылся на святую Аѳонскую гору. Здѣсь онъ, принявъ иноческій образъ, подвижался въ предѣлахъ Карен. Вскорѣ онъ такъ возвысился въ добродѣтельной жизни и преуспѣлъ въ иноческомъ любомудріи, что былъ наставникомъ въ этомъ божественному Григорію Паламѣ, какъ свидѣтельствуемъ о томъ самъ святой Григорій (см. *Филохалія*, стр. 361).

Богомудрый Теолиптъ свою ревность по Бозѣ засвидѣтельствовалъ и исповѣдническимъ подвигомъ, ибо розысканный латино-мудрствующими еретиками, особенно вооружавшимися тогда на Святую гору, какъ на оплотъ православія, святой Теолиптъ былъ представленъ императору; безбоязненно обличилъ онъ свирѣпость Палеолога противъ святой Церкви, за что былъ страшно избитъ и заключенъ въ тюрьму, гдѣ провелъ немалое время. Выпущенный впоследствии изъ темницы съ позволеніемъ идти, куда хочетъ, блаженный возвратился въ Никею, убѣдилъ оставшуюся тамъ свою супругу послѣдовать его примѣру и посвятить жизнь Христу. Потомъ онъ проводилъ уединенную жизнь въ поставленной имъ же кущѣ въ сокровенномъ мѣстѣ близъ Никеи. Но не долженъ, по слову Священнаго Писанія, свѣтильникъ скрываться подъ спудомъ: и вотъ, въ 1283 г. поручаетъ ему Господь пасти своихъ овецъ. Святой Тео-

липть былъ возведенъ на святительскую кафедру филаделфійской митрополіи.

Блаженный Теолиптъ скончался около 1325 года *). Назидательныя и превосходныя бесѣды благословеннаго Теолипта находятся въ „Добротолубіи“ въ русскомъ переводѣ, томъ 5-й, стр. 175—189. М. 1890 г.

*) «Лѣтопись» архим. Арсенія, изд. 2, стр. 497.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ АФОНСКАГО ПАТЕРИКА.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	III.

МЪСЯЦЪ ЯНВАРЬ.

Числа.

4. Житіе и страданіе святаго новаго преподобномученика Онуфрія	13
— Память св. преподобномучениковъ Ватопедскихъ—игу- мена Евѣимія и двѣнадцати иноковъ, пострадавшихъ отъ латинянъ	25
— Житіе св. Евстаѣя I, архіепископа сербскаго (вто- рично—августа 30)	26
5. Страданіе св. преподобномученика Романа (вторично па- мять его февраля 16)	30
11. Память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Теодо- сія, митрополита трапезунтскаго	31
13. Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Максима Кавсокаливита	32
14. Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Саввы I, архіепископа сербскаго (вторично—августа 30)	53
16. Память преподобнаго Ромила, ученика св. Григорія Синаита.	163
— Страданіе св. священномученика Дамаскина	165
21. Память преподобнаго Неофита, просмонарія ватопедскаго.	168
— Житіе преподобнаго отца нашего Максима Грека	169

<i>Числа.</i>	<i>Стран.</i>
24. Житіє преподобнаго Діонисія олимпійскаго	201
30. Страданіє св. мученика Феодора	220
31. Страданіє св. преподобномученика Іліи Ардуниса	223

МѢСЯЦЪ ФЕВРАЛЬ.

1. Память преподобнаго отца нашего Василя, архієпископа солунскаго	227
8. Память преподобнаго отца нашего Саввы II-го, архієпископа сербскаго (вторично—августа 30)	228
13. Память преподобнаго Симеона муроточиваго, ктитора Хиландаря (бывш. вряля сербскаго Стефана Немани).	230
— Слово св. Саввы архієпископа сербскаго о жизни преп. Симеона	—
16. Страданіє св. преподобномученика Романа	250
23. Память преподобнаго Даміана есфигменскаго	254
— Страданіє св. преподобномученика Даміана	256

МѢСЯЦЪ МАРТЪ.

1. Память преподобнаго отца нашего Агапія	259
5. Страданіє св. мученика Іоанна болгарина	261
19. Память преподобнаго Інноцентія вологодскаго	263
22. Житіє и страданіє св. новаго преподобномученика Евонмія (вспоминается вторично мая 1)	265
23. Страданіє св. преподобномученика Луки	293

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.

4. Страданіє св. священномученика Никиты	306
— Память преподобнаго отца нашего Феодора митрополита солунскаго	317

<i>Числа.</i>	<i>Стран.</i>
6. Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Григорія Синаита	318
— Память преподобнаго Григорія византійскаго	341
7. Память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Нила Сорскаго	342
12. Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Акакія новаго	351
19. Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Симеона Босаго, новаго чудотворца	363
— Житіє и страданія св. преподобномученика Агаангела есфигменскаго	371

МЪСЯЦЪ МАЙ.

1. Житіє и страданія св. новаго преподобномученика Акакія	393
— Память св. преподобномученика Евѣимія (житіє и страданіє его марта 21)	396
— Память св. преподобномученика Игнатія (житіє и страданіє его октябрия 20)	—
4. Память преподобнаго отца нашего Никифора (историческое свѣдѣніє о немъ)	402
11. Память преподобнаго отца нашего Никодима, архієпископа сербскаго (вторично—августа 30)	405
13. Память преподобнаго отца нашего Іоанна иверскаго	408
— Житіє преподобнаго и богоноснаго отца нашего Евѣимія новаго иверскаго	410
— Житіє преподобнаго отца нашего Георгія иверскаго	421
— Память преподобнаго Гавріила иверскаго	452
— Память свв. преподобномучениковъ Иверскихъ, пострадавшихъ отъ латинянъ	453
21. Страданіє св. преподобномученика Пахомія	454
28. Память преподобнаго отца нашего Іоанникія, архієпископа сербскаго (вторично—августа 30)	460

МЪСЯЦЪ ЮНЬ.

<i>Числа.</i>	<i>Стран.</i>
2. Житіе и страданіе св. новомученика Константина . . .	464
11. Память неизвѣстнаго по имени <i>Инока</i> , удостоившагося явленія архангела Гавріила	482
12. Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Петра	486
— Память преподобнаго отца нашего Арсенія Коневскаго	515
14. Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Нифонта	519
15. Память св. Ефрема, патріарха сербскаго (вторично — августа 30)	528
18. Память преподобнаго Леонтія прозорливаго	531
20. Память св. Каллиста I, патріарха константинопольскаго.	532
25. Житіе преподобнаго Діонисія, ктитора обители въ честь Крестителя Іоанна (Діонисіата)	535
— Память преподобнаго Дометія, игумена діонисіатскаго .	549
— Страданіе св. преподобномученика Прокопія	550
— Препод. отца нашего Теолипта, епископа филиделфій- скаго (память его въ 1-ю недѣлю по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ)	556

его о скитской жизни, изложенный ректоромъ Костромской духовной семинарии архимандритомъ (нынѣ епископомъ) Лустинюмъ. Изданіе 3-е. Москва. 1892 г. Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.

Востани спящ. Собраніе святоотеческихъ писаній, направленныхъ къ пробужденію человѣка отъ сна грѣховнаго для бодрствованія о Христѣ. Изданіе 4-е. Одесса. 1890 г. Цѣна 30 к., съ пересылкой 40 к.

Святоотеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи, или вниманіи въ сердцѣ къ Богу и истолкованіе молитвы Господней словами св. отцевъ. Соч. епископа Теофана; изданіе 2-е. Москва. 1889 г.; цѣна 1 р. 60 к., съ пересылкой 2 р.

Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима святогорца. Переводъ съ греческаго Епископа Теофана. Изд. 2-е. Москва. 1892 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Путь ко спасенію (краткій очеркъ аскетики). Соч. Еп. Теофана. Книга эта составляетъ конецъ или третью часть „Начертанія христіанскаго правоученія“. Изданіе 7-е. Москва. 1894 г. Цѣна 75 к., съ пересылкой 1 р.

Слова на Господскіе, Богородичные и торжественные дни. Еп. Теофана. Москва. 1883 г. Цѣна 75 к., съ пересылкой 1 р.

О покаяніи, причащеніи св. Христовыхъ Таинъ и исправленіи жизни. Слова Еп. Теофана въ св. Четырдесятницу и приготовительныя къ ней недѣли. Изданіе 5-е. Москва. 1895 г. Цѣна 60 к., съ пересылкой 80 коп.

Мысли на каждый день года, по церковнымъ чтеніямъ изъ Слова Божія. Сочиненіе егоже. Изданіе 2-е. Москва. 1890 г.; цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р.

Что есть духовная жизнь, и какъ на нее настроиться. Письма егоже. Изданіе 3-е. Одесса. 1891 г.; ц. 75 к., съ пересылкой 1 р.

Письма о духовной жизни, егоже. Изданіе 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 80 коп.

Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни. Егоже. Изд. 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 80 коп.

Письма о христіанской жизни. (Выпуски первый и второй, — безъ приложения втораго выпуска, которое издается особою книжкою). Егоже. Москва. 1891 г. Цѣна 60 к., съ пересылкой 80 к.

Прологъ въ поученіяхъ. Поученія составлены примѣнительно къ житіямъ святыхъ, и къ словамъ св. Отецъ и расположены по порядку мѣсяцевъ церковнаго года, отъ сентября на весь годъ, свящ. В. Гурьева (553 страницы). Изданіе 2-е. Москва. 1894 г. Цѣна 1 р. 70 к., съ пересылкой 2 р.

Еп. Теофана *толкованія посланій св. Апостола Павла:*

къ Коринѣянамъ 1 посл. Изд. 2. М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. 10 к.

къ Коринѣянамъ 2 посл. Изд. 2. М. 1893 г. Ц. 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 65 к.

къ Титу и Тимоею (пастыр. посл.). Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 1 р. 90 к., съ п. 2 р. 40 к.

къ Ефесеямъ. Изд. 2-е. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

къ Галатамъ. Изд. 2-е. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

къ Солунян. 1 и 2 посл. и Филиппійц. Изд. 2. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

къ Римлянамъ и Филимону. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

къ Евреямъ. Москва. 1896 г. Ц. 15 к., съ пер. 20 к.

Псаломъ сто оснадцатый, истолкованный Епископомъ Теофаномъ. Съ портретомъ автора. Изданіе 2-е. Москва. 1891 г. Цѣна 1 р. 60 к., съ пересылкой 2 р.

Псалмы первый, второй и пятьдесятъ первый, истолкованные Еписк. Теофаномъ. Москва. 1897 г. Цѣна 20 коп., съ перес. 30 коп.

Маргаритъ, или избранныя святоотеческія изреченія, руководящія къ вѣчному блаженству. (Преимущественно для монашествующихъ женскаго пола). Изданіе 3-е. Москва. 1883 г.; ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

Страсти Христовы. На веленовой бумагѣ, съ рисунками. Москва. 1879 г. Цѣна 40 к., съ пересылкой 60 коп.

Исусъ Христосъ на Голгоѣ, или семь Его словъ на Крестѣ. Изданіе 11-е. Москва. 1895 г. Цѣна 20 коп., съ пересылкой 30 коп.

О страданіи и смерти Господа нашего Исуса Христа, воскресеніи Его и вознесеніи на небо, съ 10-ю изображеніями. Изданіе 3-е. Москва. 1895 г. Цѣна 30 к., съ пересылкой 40 к. Безъ картинъ цѣна 25 к., съ пер. 40 к.

Путеводитель по святому граду Іерусалиму и окрестностямъ его. Сочиненіе покойнаго Аеонскаго іеромонаха Арсенія. При описаніи мѣстъ, запечатлѣнныхъ страданіями Спасителя міра, изложено въ возможной полнотѣ описаніе и самыхъ священныхъ событій, совершившихся на мѣстахъ этихъ, съ 55 рисунками и картою Палестины. Изданіе 6-е. Москва. 1894 г. Цѣна 60 к., съ перес. 80 к.

Вышній покровъ надъ Аеономъ, или сказанія о чудотворныхъ, на Аеоноѣ прославившихся, иконахъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ. Съ 41 литографированнымъ изображеніемъ чудотворныхъ иконъ. Описаніе иконъ этихъ и бывшихъ отъ нихъ благодатныхъ знаменій являетъ великое милосердіе Пресвятой Богородицы къ земному Ея удѣлу, св. Аеонской Горѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ читателя съ замѣчательными событіями, совершившимися на св. Аеоноѣ отъ прославленныхъ чудотвореніями иконъ. Изданіе 8-е, дополненное. Москва. 1892 г.; цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

Аеонскій патерінь, или жизнеописанія святыхъ, на св. Аеонской горѣ про-

сіявшихъ, съ литографированнымъ изображеніемъ ихъ. Въ 2-хъ частяхъ. Изданіе 7-е. Москва. 1896 г. Цѣна 3 р. 20 к., съ пересылкой 3 р. 80 к. Книга эта вполне знакомитъ съ Аеонскими подвижниками древнихъ и среднихъ вѣковъ; въ ней описаны житія около ста св. угодниковъ Божіихъ.

Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ, о святой горѣ Аеонской, съ портретомъ автора и видомъ келліи его, съ приложеніемъ его біографіи и келейныхъ записокъ. Изданіе 8-е. Москва. 1895 г. Одинъ большой томъ въ трехъ частяхъ: Цѣна 1 р. 80 к., съ пересылкой 2 р. 10 к.

Путеводитель по св. Аеонской горѣ и указатель ея святыхъ и прочихъ достопамятностей. съ 29 видами монастырей и скитовъ и картою Аеона. Изданіе 6-е. Москва. 1895 г. Цѣна 75 к., съ пересылкой 1 р.

Первое посѣщеніе св. Аеонской горы Васильемъ Григоровичемъ — Варскимъ, имъ самимъ описанное. СПб. 1884 г. Цѣна 30 к., съ пересылкой 40 к.

Второе посѣщеніе св. Аеонской горы Васильемъ Григоровичемъ — Варскимъ, имъ самимъ описанное, болѣе подробное, съ 32-мя собственноручными его рисунками и картою Аеонской горы. СПб. 1887 г. Цѣна 4 р. съ пересылкою.

Акаѳистъ Божіей Матери, именуемой „Троеручица“, съ изображеніемъ чудотворной Ея иконы, находящейся на св. Аеонской горѣ. Церк. печ. съ кино. Изданіе 4-е. Москва. 1895 г. Цѣна 25 коп., съ пересылкой 30 к.

Акаѳистъ Божіей Матери, именуемой „Достоинъ есть“, съ изображеніемъ чудотворной Ея иконы, находящейся на св. Аеонской горѣ. Церк. печати съ кино. Изданіе 3-е. Москва. 1896 г. Цѣна 20 к., съ перес. 25 к.

Акаѳистъ Божіей Матери, именуемой „Скоропослушница“, съ изображеніемъ чудотворной Ея иконы, находящейся на св. Аеонской горѣ. Церк. печати съ кино. Изданіе 4-е. Москва. 1894 г. Цѣна 20 к., съ пересылкой 25 к.

Служба Пресвятой Богородицѣ ради Аеонскія чудотворныя Ея иконы, нарицаемыя „Скоропослушница“. Церк. печ. съ кино. Изданіе 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 20 к., съ пересылкой 25 коп.

Акаѳистъ св. Іоанну Предтечѣ и Крестителю Господню, съ изображеніемъ его. Церк. печ. съ кино. Изданіе 7-е. Москва. 1896 г. Цѣна 30 к., съ пер. 35 к.

Акаѳистъ святому и праведному Іосифу, обручнику Пресвятыя Дѣвы Маріи. Церк. печ. съ кино. Изданіе 4-е. Москва. 1894 г. Цѣна 15 к., съ перес. 20 к.

Акаѳистъ св. Апостолу Симону Кананиту, съ изобр. его. Церковн. печ. съ кино. Москва. 1895 г. Цѣна 20 коп., съ перес. 25 коп.

Акаѳистъ Ему же. Гражданск. печати. Москва. 1895 г. Цѣна 10 к., съ перес. 14 к.

Служба и акаѳистъ св. великомученику и цѣлителю Пантелеймону, съ изображеніемъ его. Церков. печ. съ кино. Изданіе 4-е. Москва. 1895 г. Цѣна 40 к., съ пересылкой 50 к.

Акаѳистъ св. великомученику и цѣлителю Пантелеймону, съ изображеніемъ его. Церковной печати съ киноарью. Изд. 11-е. Москва. 1895 г. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Акаѳистъ св. великомученику и цѣлителю Пантелеймону, съ изображеніемъ его. Гражд. печ. Изданіе 15-е. Москва. 1894 г.; ц. 10 к., съ пересылкой 15 к.

Акаѳистъ святителю Саввѣ, архіепископу Сербскому, подвизавшемуся на св. Аеонской горѣ, съ изображеніемъ его. Церк. печати съ кино. Изданіе 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 30 к., съ пересылкой 35 к.

Кромѣ означенныхъ здѣсь книгъ издано Аеонскимъ Пантелеймоновымъ монастыремъ еще много разныхъ мелкихъ книжекъ, брошюръ и листовъ, помѣщенныхъ въ полномъ каталогѣ, особо отпечатанномъ.

Примѣчаніе: Пересылка книгъ по означеннымъ въ каталогѣ цѣнамъ возможна только на разстояніи не далѣе 2000 верстъ (слѣдовательно во всѣ губерніи кромѣ Кавказа и Сибири), а далѣе просимъ прибавлять на каждый рубль и за каждую 1000 верстъ еще по 10 копѣекъ.

Книги эти продаются:

Въ С.-Петербургѣ: на Ново-Аеонскомъ подворьѣ, на углу Забалканскаго проспекта и 2-й роты Измайловскаго полка.

С.-Петербургскаго православнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы, въ Александро-Невской Лаврѣ.

Въ Синодальной книжной лавкѣ, въ зданіи Св. Синода, на Петровской площади.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова, Садовая улица, Гостинный дворъ, № 45.

Въ Москвѣ: Въ складѣ отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, на Петровкѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ.

А также въ магазинѣ Алексѣя Дмитриевича Ступина, на Никольской улицѣ.

СКЛАДЪ изданія при Аеонской часовнѣ св. великомученика Пантелеймона, въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, у Владимірскихъ воротъ.

Желающіе выписывать книги, или св. иконы и изображенія на бумагѣ съ св. Аеонской горы, Пантелеймонова монастыря, благоволятъ адресовать такъ:

Въ г. Одессу, на Аеонское подворье, довѣренному Русскаго Пантелеймонова монастыря, для пересылки на Аеонъ, Настоятелю онаго монастыря, Архимандриту Андрею съ братією.

Цѣна 3 руб. 20 коп., съ перес. 3 руб. 80 коп.